

СТІВЕН

МЕШОК
З КОСТЯМИ

ВІД
ВІД
ВІД
ВІД

СТИВЕН
КИНГ

СТИВЕН
КИНГ

МЕШОК С КОСТЯМИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King
BAG OF BONES

Перевод с английского В.А. Вебера

Художник В.И. Лебедева

Компьютерный дизайн В.А. Воронина

Фото автора на обложке: Shane Leonard

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Мешок с костями : [роман] / Стивен Кинг; [пер. с англ. В.А. Вебера]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 640 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-106936-0

Добро пожаловать в маленький тихий городок, куда приезжает писатель Майк Нунэн в надежде залечить душевные раны после смерти жены.

Добро пожаловать в его уютный дом, где обитают призраки.

Добро пожаловать на озеро Темный След, где из года в год при загадочных обстоятельствах гибнут люди.

Похоже, этот городок находится во власти Темных Сил, решает Майк. Но сможет ли он разобраться, что здесь происходит на самом деле — и чем ему придется ради этого пожертвовать?

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-106936-0

© Stephen King, 1998
© Перевод. В.А. Вебер, 2004
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

*Посвящается Наоми.
По-прежнему*

От автора

В определенной степени в романе затронуты юридические аспекты законодательства штата Мэн, касающиеся детской опеки. В этих вопросах я обращался за помощью к моему другу Уоррену Салверу, превосходному адвокату. Уоррен терпеливо разъяснял мне все юридические тонкости, а по ходу дела рассказал о старинном устройстве, называемом стеномаской, которое я незамедлительно использовал уже для своих целей. Если в тексте романа внимательный читатель найдет какие-то ошибки по юридической процедуре, вините меня, а не моего советника. Уоррен также просил меня, правда, не слишком настойчиво, ввести в состав персонажей «хорошего» адвоката. Отмечу, я сделал все, что мог.

Благодарю также моего сына Оуэна, который оказал мне неоценимую помощь в Вудстоке, штат Нью-Йорк, и моего друга Ридли Пирсона, который помогал мне в Кетчуме, штат Айдахо. Выражаю благодарность Пэм Дорман за добрые слова, высказанные после прочтения первого варианта романа. Спасибо Чаку Верриллу за великолепную редактуру. Тебе я особо признателен, Чак. Благодарю Сюзан Молдоу, Нэта Грехэма, Джека Романоса и Кэролайн Райди из издательства «Скрибнер» за заботу и поддержку. И разумеется, огромное спасибо Тэбби, которая находилась рядом со мной, как бы ни было трудно. Я люблю тебя, цыпленок.

Стивен Кинг

Да, Бартлби, оставайся за своей ширмой,
думал я, более я не буду наказывать тебя; ты
безвреден и бесшумен, как и любой из этих
старых стульев; короче, своим присутствием
ты не нарушаешь моего уединения.

Герман Мелвилл. Бартлби

Прошлой ночью мне снилось, что я вер-
нулась в Мэндерли... А стоя там, притихшая,
испуганная, могла поклясться, что дом этот —
не пустая оболочка, что он живет и дышит,
как встарь.

Дафна Дюморье. Ребекка

Марс — это рай.

Рэй Брэдбери

Глава 1

Одним очень жарким августовским днем 1994 года моя жена сказала, что ей надо съездить в Дерри: врач выписал ей рецепт, по которому она могла купить в «Райт эйд»* ингалятор, а то совсем насморк замучил. Насколько я понимаю, теперь эти баллончики продаются совершенно свободно. Я уже выполнил дневную норму, отбарабанил положенное количество страниц, а потому предложил подвезти ее. Она с благодарностью отказалась, мотивировав свое решение тем, что потом хотела заскочить за рыбным филе в супермаркет. Одним выстрелом убить двух зайцев, и все такое. Она послала мне воздушный поцелуй и отбыла. В следующий раз я увидел ее на экране монитора. Так нынче в Дерри опознают мертвых. Не ведут тебя подземным, выложенным зеленой плиткой коридором, под потолком которого горят флуоресцентные лампы-трубки, не выкатывают обнаженное тело. Ты просто заходишь в комнатку с табличкой ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН, смотришь на экран монитора и говоришь, да или нет.

«Райт эйд» и «Шопуэлл» отделяет от нашего дома чуть меньше мили. Там расположен торговый центр местного значения, где еще есть видеосалон, букинистический магазин НЕСИ СЛОВО БЛИЖНЕМУ (у них, кстати, не-

* Сеть недорогих аптечных магазинов, принадлежащих одноименной корпорации. — *Здесь и далее примеч. пер.*

плохо распродаются мои старые книги, выпущенные в карманном формате), «Рэдио-шэк»* и фотомастерская. Находится торговый центр на Ап-Майл-Хилл, на пересечении Уичхэм- и Джексон-стрит.

Она припарковала автомобиль перед «Блокбастер видео»**, прошла в аптечный магазин, у аптекаря***, мистера Джоя Уайзера (тогда он работал в Дерри, а теперь перебрался в «Райт эйд» в Бангоре), получила по рецепту ингалятор. Уже на кассе прикупила маленького шоколадного мышонка с начинкой из маршмэллоу. Я нашел мышонка позже, в ее сумочке. Развернул и съел, сидя у кухонного стола, куда вывалил содержимое ее красной сумки, которую она обычно носила на плече. Все равно что принял причастие. А когда во рту и горле остался только привкус шоколада, у меня из глаз хлынули слезы. Я сидел, склонившись над ее салфетками, косметикой, ключами, и плакал, закрыв лицо руками. Как ребенок.

Ингалятор лежал в белом фирменном пакете «Райт эйд». Он стоил двенадцать долларов восемнадцать центов. В пакете лежала еще одна покупка, стоимостью двадцать два доллара пятьдесят центов. Я долго смотрел на эту покупку, видел ее, но не понимал, каким образом она могла попасть в пакет «Райт эйд». Меня удивила эта покупка, более того, потрясла, но мысль о том, что Джоанна Арлен Нунэн могла вести другую жизнь, о которой я ничего не знал, не пришла мне в голову. Во всяком случае, в тот момент.

Расплатившись, Джо направилась к двери, вышла в яркий солнечный день, сменила обычные очки на солн-

* Сеть магазинов, специализирующихся на продаже бытовой электроники и товаров для радиолюбителей.

** Крупнейшая в стране сеть видеосалонов, принадлежащая компании «Блокбастер энтертеймент».

*** В аптечном магазине непосредственно аптека занимает один-два прилавка.

цезащитные, как рекомендовал ей врач, и едва выступила из-под навеса (здесь я, возможно, что-то и выдумываю, это профессиональное, знаете ли, но совсем чуть-чуть, невелика разница, сколько шагов отделяло ее от аптеки — два, три или четыре), как раздался препротивнейший скрип намертво схваченных тормозами колес по асфальту. Звук этот означал, что столкновение или уже произошло, или до контакта металл — металл оставались доли секунды.

На этот раз столкновение таки произошло, авария типичная для этого Х-образного перекрестка. Не проходило и недели, чтобы на нем не «поцеловались» машины. «Тойота» модели 1989 года выезжала со стоянки торгового центра, поворачивая налево, на Джексон-стрит. За рулем сидела миссис Эстер Эстерлинг, проживающая в Барреттс-Орчардсе. Ехала она с подругой, миссис Ирен Дорси, также из Барреттс-Орчардса. Последняя заглядывала в видеосалон, но не смогла подобрать ничего интересного. Сплошное насилие, пожаловалась она Эстер. Обе женщины давно уже овдовели.

Эстер не могла не заметить оранжевый грузовичок департамента общественных работ, хотя заявила, что в глаза его не видела, и полиции, и репортерам, и мне, когда я беседовал с ней два месяца спустя. Я более чем уверен, что она просто не посмотрела по сторонам, выезжая со стоянки. Как, бывало, говаривала моя мать, тоже вдова: «У стариков две наиболее распространенные болезни: артрит и забывчивость. Их вины в этом нет никакой».

За рулем грузовичка, принадлежащего департаменту общественных работ, сидел Уильям Фрейкер из Олд-Кейпа. Незадолго до дня смерти моей жены ему исполнилось тридцать восемь лет, ехал он без рубашки, мечтая о холодном душе и холодном пиве. А может, наоборот, о холодном пиве и холодном душе. Он и еще трое мужчин восемь часов лопатили асфальт на Харрис-авеню, непо-

далеку от аэропорта. Жаркая работа в жаркий день, и Билл Фрейкер признал, что ехал он чуть быстрее положенного, может, со скоростью сорок миль в час, хотя на знаке ограничения скорости стояла цифра тридцать. Ему не терпелось добраться до гаража, сдать грузовичок и сесть за руль собственного «F-150», оборудованного кондиционером. Опять же тормозная система грузовичка, пусть прошедшего техосмотр, оставляла желать лучшего. Фрейкер ударил по тормозам, как только увидел «тойоту», выруливающую прямо перед ним на основную дорогу (ударил и по клаксону), но быстрота его реакции уже ничего не могла изменить. Он услышал скрип шин грузовичка и «тойоты»: Эстер наконец-то заметила нависшую над ней опасность, и в самое последнее мгновение Фрейкер увидел ее лицо.

— Пожалуй, для меня это самое ужасное воспоминание, — признался он мне, когда мы сидели на его крыльце и пили пиво. Уже в октябре, солнце еще согревало лица, но мы оба надели свитера. — Вы же знаете, как высоко расположено сиденье на этой модели грузовиков? — Я кивнул. — Так вот, она подняла голову, вытаращившись на меня, и солнце било ей прямо в лицо. Я еще отметил, какая же она старая. Помнится, подумал: «Господи, если я не смогу остановиться, она сейчас разобьется, как фарфоровая статуэтка». Но на самом деле старики куда крепче молодых. Тут они многим могут дать фору. Посмотрите, как все обернулось. Обе старушки до сих пор живы, а ваша жена...

Тут он замолчал, густо покраснев, словно мальчуган на школьном дворе, которого осмеяли девчонки, увидев, что у него не застегнута ширинка. Комичное, конечно, зрелище, но я не позволил себе даже улыбнуться, чтобы окончательно не смущать его.

— Мистер Нунэн, извините, пожалуйста. Язык у меня ну просто без костей.

— Все нормально, — заверил я его. — Во всяком случае, худшее я уже пережил. — В этом я, конечно, солгал, но зато мы вернулись к интересующей меня теме.

— Короче, мы столкнулись. Заскрежетало железо — прогнулась дверца со стороны водителя «тойоты», зазвенело разбитое стекло. Меня швырнуло на рулевое колесо с такой силой, что я потом с неделю не мог глубоко вдохнуть. И здесь образовался здоровенный синяк. — Он указал на грудь пониже ключицы. — Крепко приложился головой к ветровому стеклу, но оно не разбилось, а я отделался лишь шишкой. Кровь не потекла, даже голова не болела. Моя жена говорит, все потому, что у меня очень крепкий череп. Я увидел, что женщину, сидевшую за рулем «тойоты», бросило в зазор между передними сиденьями. Когда наши автомобили наконец остановились, сцепившись посреди мостовой, я вылез из кабины посмотреть, сильно ли досталось старушкам. Честно говоря, я думал, что они обе уже мертвы. Но они не только не умерли, но даже не потеряли сознание, хотя миссис Эстерлинг сломала три ребра и вывихнула бедро. Миссис Дорси — она сидела на пассажирском сиденье, а удар пришелся на водительскую половину — отделалась легким сотрясением мозга: ее ударило головой о боковое стекло.

Моя жена, Джоанна Арлен, родом из города Морлена, штат Массачусетс, лицезрела все это, стоя у аптеки. Сумка висела у нее на плече, пакет с покупками она держала в руке. Как и Билл Фрейкер, она, должно быть, подумала, что сидящие в «тойоте» погибли или получили серьезные увечья. В застывшем жарком воздухе скрежет столкновения прогремел, как выстрел из гаубицы. Да еще зазвенело бьющееся стекло. Автомобили застыли посреди Джексон-стрит. Грязный оранжевый грузовичок навис над светло-синей «тойотой», как воинственный родитель над проштрафившимся ребенком.

Джоанна побежала через автостоянку к шоссе. Как и многие другие. Одна из них, мисс Джилл Данбэрри,

в момент столкновения разглядывала витрины «Рэдио-шэка». Вроде бы она помнила, как пробегала мимо Джоанны. Во всяком случае, в голове у нее отложилось, что она пробегала мимо женщины в желтых слаксах. К тому времени миссис Эстерлинг уже кричала, что ей очень больно, им обоим очень больно, и когда же наконец помогут ей и ее подруге Ирен.

Пробежав полстоянки, моя жена упала неподалеку от газетных автоматов. Сумка осталась у нее на плече, а пакет выскользнул из руки и из него наполовину вывалился ингалятор. Вторая покупка так и осталась в пакете.

Никто не заметил женщину, лежащую на асфальте рядом с газетными автоматами. В центре внимания, естественно, оказались столкнувшиеся автомобили, кричащие женщины, лужа вытекшей из радиатора грузовичка смеси воды и антифриза («Это бензин! — крикнул приемщик фотолаборатории всем, кто хотел его слушать. — Это бензин! Будьте осторожны, друзья, как бы он не взорвался!»). Я полагаю, один или двое спешащих на помощь старушкам даже перепрыгнули через мою жену, полагая, что та просто лишилась чувств. Учитывая, что в тот день температура на солнцепеке зашкалила за сорок, нельзя считать подобное предположение алогичным.

Десятка два прохожих уже столпились на месте аварии, еще с десятков спешили от Стофорд-Парк, где проходил бейсбольный матч. Как я представляю себе, в эти минуты говорились все те слова, которые обычно произносятся в подобных ситуациях. Все суетились. Кто-то просунул руку сквозь разбитое стекло водительской дверцы, чтобы ободряюще пожать дрожащую старческую руку Эстер. Люди тут же расступились перед Джоем Уайзером: белый халат стал для него волшебным пропуском. Издалека донесся, нарастая с каждой секундой, вой сирены «скорой помощи».

Все это время моя жена лежала незамеченной на автостоянке, с сумкой через плечо (в которой так и остал-

ся нераспечатанным шоколадный мышонок с начинкой из маршмэллоу) и белым пакетом, отлетевшим на несколько дюймов от ее вытянутой руки. Обратил на нее внимание Джой Уайзер, спешивший в аптечный магазин, чтобы сделать компресс на голову Ирен Дорси. Он узнал мою жену, хотя та и лежала лицом вниз. Узнал по рыжеватым волосам, белой блузе и желтым слаксам. Узнал, потому что не прошло и четверти часа, как он обслужил ее.

— Миссис Нунэн? — позвал он, напрочь забыв о компрессе для пребывавшей в шоке, но явно избежавшей серьезной травмы Ирен Дорси. — Миссис Нунэн, с вами все в порядке? — Он уже знал (я более чем уверен, что знал, но, возможно, я и ошибаюсь), что положительного ответа ему не услышать.

Он перевернул ее на спину. Двумя руками, и то ему пришлось присесть и поднапрячься. Сверху яростно светило солнце. Снизу жарил асфальт. После смерти человек, как известно, становится тяжелее.

На ее лице краснели пятна. На опознании я ясно видел их на экране монитора. Уже хотел спросить у судебного медика, что это за пятна, но внезапно понял, что и так все знаю. Август, раскаленный асфальт — элементарно, Ватсон. Моя жена, упав, получила ожог.

Уайзер поднялся, увидел подъехавшую машину «скорой помощи» и побежал к ней. Протолкался сквозь толпу и схватил одного из санитаров, вылезших из кабины.

— Там женщина! — Уайзер указал на автостоянку.

— Парень, тут у нас две женщины, да еще и мужчины. — Санитар попытался вырваться, но Уайзер держал его крепко.

— О них пока можно забыть. В общем, они легко отделались. А вот женщине совсем плохо.

Женщина умерла, и я готов спорить, что у Уайзера не оставалось в этом ни малейших сомнений... но он умел отличить главное от второстепенного. Отдадим ему долж-

ное. Короче, он убедил прибывшую медицинскую бригаду последовать за ним, несмотря на крики Эстер Эстерлинг и недовольный ропот толпы.

Когда они подошли к моей жене, врач «скорой» полностью подтвердил предположение Уайзера.

— Господи! — вырвалось у санитаря. — Что с ней случилось?

— Скорее всего сердце, — предположил врач. — Она переволновалась, вот сердце и не выдержало.

Но Джоанну подвело не сердце. Вскрытие показало аневризму, с которой она жила неизвестно сколько лет, может, и пять. А вот когда она побежала через автостоянку, истонченный сосуд не выдержал и лопнул, как воздушный шарик, заливая кровью жизненно важные мозговые центры. Смерть, возможно, не была мгновенной, сказал мне помощник патологоанатома, но наступила очень быстро... и Джоанна не страдала. Перед ее глазами все почернело, а ощущения и мысли исчезли еще прежде, чем тело коснулось асфальта.

— Могу я вам чем-нибудь помочь, мистер Нунэн? — Помощник патологоанатома тактично отвлек меня от застывшего лица и закрытых глаз на экране монитора. — Есть у вас вопросы? Я отвечу на них, если сумею.

— Только один. — Я коротко рассказал ему о том предмете, что она купила в аптеке перед самой смертью. И задал вопрос.

Дни до похорон и сами похороны я помню смутно. Яркое воспоминание осталось только одно — я сижу на кухне, ем шоколадного мышонка Джо и плачу... плачу главным образом от того, что знаю — скоро от вкуса шоколада не останется и следа. Плакал я и еще один раз, через несколько дней после того, как Джоанну зарыли в землю. Об этом я вам коротко расскажу.

Меня порадовал приезд родственников Джо, а особенно прибытие ее старшего брата, Френка. Именно

Френк Арлен — пятидесятилетний, краснощекий, с брюшком, шапкой черных волос, неподвластных седине, — все и организовывал... даже поцапался с владельцем похоронного бюро.

— Я не могу в это поверить, — честно признался я ему после похорон, когда мы сидели за столиком в баре и пили пиво.

— Он пытался содрать с тебя лишнее, Майки. Я ненавижу людей, готовых нажиться на чужом горе. — Он сунул руку в карман, достал носовой платок, вытер щеки. Трагедия не сломила его, она не сломила никого из Арленов, во всяком случае, в моем присутствии они держались молодцом, но из глаз Френка постоянно текли слезы, словно его замучил конъюнктивит.

Из шести детей Арленов Джо была младшей и единственной девочкой. Старшие братья пушинки с нее сдували. Подозреваю, если б они усмотрели в ее смерти хоть толику моей вины, меня бы разорвали в клочья. Но в сложившейся ситуации любовь и заботу они перенесли на меня, оградили от мира надежным щитом. Наверное, я смог бы пережить случившееся и без них, хотя и не знаю, как бы мне это удалось. Не забывайте, мне тогда было тридцать шесть. Обычно в таком возрасте жену не хоронят, особенно если она двумя годами моложе. О смерти в тридцать шесть как-то не думается.

— Если какого-то парня хватают за руку, когда он пытается украсть магнитолу из твоего автомобиля, этот поступок называют кражей и его сажают в тюрьму. — Арлены приехали из Массачусетса, и в голосе Френка я слышал молденский выговор, они немного акают, эти массачусетцы. — Если тот же парень пытается урвать с потрясенного утратой мужа четыре с половиной тысячи долларов за гроб, красная цена которому три тысячи, это называется бизнесом и его просят выступить на лен-

че в Ротари-клуб*. Жадюга, черт бы его побрал. Но я с ним разобрался, верно?

— Да. Более чем.

— Ты в порядке, Майки?

— Да.

— Честно?

— Слушай, откуда мне знать? — Тут я сорвался на крик, и несколько человек, сидящих за соседними столиками, повернулись к нам. — Она была беременна.

Его лицо окаменело.

— Что?

Я уже говорил чуть ли не шепотом:

— Беременна. Шесть или семь недель, согласно... Ну, ты понимаешь, вскрытие показало. Ты не знал? Она тебе ничего не говорила?

— Нет! Господи, да нет же! — Но по его лицу ясно читалось: что-то она ему да говорила. — Я знал, что вы пытались... Это же естественно... она сказала, что у тебя уменьшенное количество сперматозоидов, поэтому на это требуется чуть больше времени, но доктор думает, что у вас... рано или поздно... — Он замолчал, уставившись на свои руки. — Они могут это определить? Они проверили?

— Могут определить. И проверили. Я не знаю, положено это проверять в подобных случаях или нет. Я попросил.

— Почему?

— Потому что перед смертью она купила не только ингалятор от насморка. Она также приобрела набор тестов для определения беременности.

— А ты об этом даже не догадывался?

Я покачал головой.

Он потянулся через стол, сжал мне плечо:

* Местное отделение общественной организации «Ротари интернэшнл», объединяющей представителей деловых кругов.

— Она хотела убедиться, что ошибки нет. Ты это понимаешь, не так ли?

Но она-то сказала, что поехала за ингалятором и рыбным филе. Чтобы все выглядело, как обычно. Женщина, отправляющаяся за покупками. Мы восемь лет пытались зачать ребенка, но она и виду не подавала, будто произошло что-то из ряда вон.

— Конечно. — Я похлопал Френка по руке. — Конечно, дружище. Я понимаю.

Именно Арлены во главе с Френком взяли на себя практически все хлопоты, связанные с похоронами Джоанны. Мне как писателю поручили некролог. Мой брат приехал из Виргинии вместе с моими матерью и теткой. Ему позволили заносить в специальную книгу фамилии тех, кто приходил попрощаться с Джоанной. Моя мать — к шестидесяти шести годам она полностью выжила из ума, хотя врачи и отказывались признать у нее болезнь Альцгеймера, — жила в Мемфисе со своей сестрой, двумя годами моложе и сохранившейся немногим лучше, чем она сама. Им доверили резать торт на поминках.

Всем остальным занимались Арлены. Они определяли часы прощания с покойной, они расписали до мелочей церемонию похорон. Френк и Виктор, второй по старшинству, произнесли короткие речи. Папенька Джо предложил помолиться о душе дочери. И наконец, Пит Бридлав, подросток, который летом выкашивал нашу лужайку, а зимой сгребал с дорожек снег, вышиб у всех слезу, спев «Буду восхвалять Господа...» — псалом, который, по уверениям Френка, Джоанна девочкой любила больше других. Как Френку удалось найти Пита и убедить его спеть псалом, осталось для меня загадкой.

Мы выдержали все. И прощание с усопшей днем и вечером во вторник, и поминальную службу в среду утром, и короткую молитву у могилы на кладбище «Феалоун». Я помню, какая стояла жара, как одиноко мне

было без Джо, как я жалел о том, что не купил новые туфли. Джо наверняка выговорила бы мне за те, что я надел, если б не умерла.

Потом я переговорил с моим братом Сидом, считая, что мы должны что-то предпринять в отношении матери и тети Френсин, пока они обе окончательно не перешли из реального мира в Сумеречную Зону*. Они слишком молоды, чтобы отправлять их в дом престарелых. И что думает по этому поводу Сид?

Он высказал какое-то предложение, но будь я проклят, если вспомню, какое именно. В этот же день, только позже, Сидди, наша мама и тетя загрузились во взятый напрокат автомобиль, чтобы вернуться в Бостон. Там они собирались переночевать, а утром уехать экспрессом «Южный полумесяц». Мой брат ничего не имеет против того, чтобы сопровождать старушек, но категорически отказывается летать самолетом, даже если билеты оплачиваю я. Он говорит, что в небе нет обочины, куда можно свернуть, если сломается двигатель.

На следующий день в большинстве своем отбыли и Арлены. Солнце жарило немилосердно, плывя по затянутому белой дымкой небу. Они стояли перед нашим домом — теперь уже моим домом, — когда к тротуару подкатили три такси. Все долго прощались со мной и друг с другом.

Френк задержался еще на день. Мы набрали за домом большой букет — настоящие цветы, какие любила Джо, а не те, что выращивают в теплицах (их запах ассоциируется со смертью и органной музыкой), — и сунули их в две большие банки из-под кофе, которые я отыскал в кладовой. Потом мы пошли на кладбище и положили цветы на могилу. Постояли под палящим солнцем.

* Автор использует название телевизионного фантастического сериала о людях, которые, оставаясь на Земле, оказываются в мире, отличном от нашего.

— Я всегда в ней души не чаял. — Голос Френка дрогнул. — Мы и в молодости заботились о Джо. И Джо никто не докучал, уверяю тебя. Если кто-то из парней пытался, мы быстро вправляли ему мозги.

— Джо рассказывала мне всякие истории.

— Хорошие?

— Да, очень хорошие.

— Мне будет так не доставать ее.

— Мне тоже. Френк... — Я запнулся. — Послушай... Я знаю, что из всех братьев ты был ее любимчиком. Она не звонила тебе, чтобы сказать, что не пришли месячные или что по утрам ее мутит? Можешь мне сказать. Я злиться не стану.

— Но она не звонила. Клянусь Господом! Ее мутило по утрам?

— Я не замечал.

Так оно и было. Я ничего не замечал. Разумеется, я писал книгу, а в такие периоды я впадаю в транс. Но она прекрасно знала, когда я в транс, а когда — нет. И легко могла вернуть меня в реальный мир, если б захотела. Так почему не возвращала? Почему держала в секрете хорошие новости? Хотела убедиться, что ошибки нет, а потом сказать? Вроде бы логично... но очень уж не похоже на Джо.

— Мальчик или девочка? — спросил Френк,

— Девочка. Мы даже выбрали имена для наших первенцев. Мальчика бы назвали Эндрю. Девочку — Киа. Киа Джейн.

Френк, который развелся шесть лет назад и теперь жил один, остановился у меня.

— Я тревожусь из-за тебя, Майки, — признался он мне, когда мы ехали домой. — У тебя слишком мало родственников, которые могли бы поддержать тебя в такие минуты, а те, что есть, живут далеко.

— Я выкарабкаюсь.

Он кивнул:

— Мы все так говорим, не так ли?

— Мы?

— Мужчины. «Я выкарабкаюсь». А если нет, то постараюсь, чтобы никто об этом не узнал. — Он смотрел на меня, по щекам все катились слезы, в большой загорелой руке он держал носовой платок. — Если ты почувствуешь, что выкарабкаться не удастся, Майки, и тебе не захочется звонить брату, а я видел, как ты на него смотрел, позволь мне стать твоим братом. Если не ради себя, то ради Джо.

— Хорошо. — Я с благодарностью принял его предложение, хотя и знал, что никогда им не воспользуюсь. Я не обращаюсь к людям за помощью. Не потому, что меня так воспитали, во всяком случае, мне кажется, что причина не в воспитании. Просто такой уж у меня характер. Джоанна как-то заметила, что случись мне тонуть в озере Темный След, где у нас летний коттедж, я бы молча пошел ко дну в пятидесяти футах от пляжа, но не стал бы звать на помощь. И дело не в том, что мне чужды любовь и добрые чувства. Я могу отдавать и то и другое, могу и получать. И боль я ощущаю, как все. Мне, как и любому другому, нужна ласка. Но я не могу ответить «нет», если кто-то спрашивает меня: «Ты в порядке?» Я не могу попросить о помощи.

Пару часов спустя Френк отбыл в южную часть штата. Когда он открыл дверцу автомобиля, у меня на мгновение улучшилось настроение: я увидел, что он слушает кассету с моей книгой. Он обнял меня, а потом удивил, поцеловав в губы.

— Если появится желание поговорить, звони. Если захочешь побыть с близким человеком, сразу же приезжай.

Я кивнул.

— И будь осторожен.

Вот этого я не понял. От жары и горя у меня возникло ощущение, что в последние дни я даже и не живу и все происходящее со мной — сон, но эта фраза меня проняла.

— А чего мне, собственно, опасаться?

— Не знаю, — ответил он. — Не знаю, Майки.

Он сел за руль, такой огромный мужик втиснулся в такой крохотный автомобильчик, и отбыл. Солнце как раз покатилося к горизонту. Вы знаете, как выглядит солнце в конце жаркого августовского дня, оранжевое и какое-то сплющенное, словно невидимая рука придавливает его сверху и оно вот-вот лопнет, как опившийся кровью комар, расплескав содержимое своего желудка по всему горизонту. На востоке, где небо уже потемнело, погромыхивал гром. Но дождь в ту ночь так и не пошел, лишь темнота окутала город, как толстое, жаркое одеяло. Тем не менее я включил компьютер и поработал с час. Насколько мне помнится, писалось хорошо. А если даже и нет, вы не хуже меня знаете, что работа позволяет коротать время.

Второй приступ слез случился у меня через три или четыре дня после похорон. Ощущение, что я по-прежнему сплю, не проходило. Я ходил, разговаривал, отвечал на телефонные звонки, работал над книгой, которую к моменту смерти Джо закончил процентов на восемьдесят, но мне постоянно казалось, что происходит все это не со мной, что я — это не я, а настоящий «я» наблюдает за всем со стороны, послав вместо себя двойника.

Дениз Бридлав, мать Пита, предложила в один из дней на следующей неделе привести двух своих подруг и прибраться в большом доме, в котором я теперь жил один — одинокая горошина, позабытая в банке. Она сказала, что генеральная уборка обойдется мне в сотню долларов на троих, и добавила, что без этого никак нельзя. После смерти обязательно надо прибраться, даже если человек умер и не в доме.

Я ответил, что мысль неплохая, но сказал, что заплачу каждой женщине по сто долларов за шесть часов работы. То есть закончить уборку они должны за шесть часов. А то, что они не успеют сделать в отпущенное им время, останется на следующий раз.

— Мистер Нунэн, это слишком много, — запротестовала Дениз.

— Может — много, а может, и нет, но я плачу именно столько. Беретесь за уборку?

Она ответила, что они берутся, конечно, берутся.

В итоге в вечер, предшествующий их приходу, я провел предуборочную инспекцию дома. Наверное, я хотел, чтобы женщины (двух я совершенно не знал) не нашли ничего лишнего. К примеру, шелковых трусиков Джоанны, засунутых за подушки дивана («Что-то мы очень часто занимаемся этим на диване, Майк, — как-то сказала она мне. — Ты заметил?»), или пустых банок из-под пива под креслом на крыльце, а может, туалетную бумагу в унитазе, которую забыли спустить в канализацию. По правде говоря, я не могу сказать, что именно я искал. Помните, я же жил как во сне и ясность мыслей обретал, лишь когда дело касалось концовки романа (психопат-убийца завлек мою героиню на крышу многоэтажки с твердым намерением столкнуть ее вниз) или изготовленного фирмой «Норко» теста на беременность, который Джо купила в день смерти. Ингалятор от насморка, сказала она. Рыбное филе на ужин, сказала она. И в ее глазах я не заметил ничего такого, что заставило бы меня заглянуть в них второй раз.

Завершая инспекцию, я заглянул под нашу кровать и нашел книгу на стороне Джо. Она только-только умерла, но если в доме где-то и собирается пыль, так это в Подкроватном королевстве. Светло-серый налет, который я увидел на глянцевой обложке, достав книгу, напомнил мне о лице и руках лежащей в гробу Джоанны...

Джо в Подземном царстве. В гробу тоже пыльно? Скорее всего нет, но...

Я отогнал эту мысль. Она прикинулась, будто уходит, но весь день пыталась вновь пробраться мне в голову, словно белый медведь Толстого.

Джоанна и я — выпускники университета штата Мэн. Оба защищали диплом по англоязычной литературе. Как и многие другие, мы влюбились в сладкозвучный голос Шекспира и обожали цинизм горожан Тилбюри, который сумел донести до нас Эдвин Арлингтон Робинсон*. Однако вместе нас свел не поэт и эссеист, а Сомерсет Моэм, пожилой писатель-драматург с сердцем романтика и лицом, на котором отчетливо читалось презрение к роду человеческому (хотя практически на всех фотографиях между лицом и объективом вставала пелена сигаретного дыма). Поэтому я не удивился, обнаружив под кроватью «Луну и грош». Роман этот я прочел в юношестве, причем не один раз, а дважды, естественно, отождествляя себя с Чарлзом Стриклендом (но в Южные моря я хотел отправиться, чтобы писать книги, а не рисовать).

Вместо закладки она воспользовалась игровой картой бог знает из какой колоды. Открывая книгу, я вспомнил слова, сказанные ею на заре нашего знакомства. Случилось это на семинаре «Английская литература XX столетия», наверное, в 1980 году. Джоанна Арлен училась тогда на втором курсе, я — на последнем, а на «Английскую литературу XX столетия» ходил потому, что в тот последний для меня семестр у меня появилось свободное время. «Через сто лет, — заявила она на семинаре, — литературных критиков середины двадцатого века заклеят позором за то, что они обласкали Лоренса**

* Робинсон, Эдвин Арлингтон (1869—1935) — американский поэт, лирика которого отличается психологической напряженностью и поэтикой намека.

** Лоренс, Дэйвид Герберт (1885—1930) — английский писатель. В России более известен другой его роман — «Любовник леди Чаттерлей».

и пренебрегли Моэмом». Слова эти вызвали доброжелательный смех (все студенты знали, что «Женщины в любви» — одна из лучших книг, когда-либо написанных). Я не засмеялся — влюбился.

Игральная карта лежала между страницами 102 и 103: Дирк Струве только что узнал, что его жена уходит к Стрикленду, так назвал Моэм Поля Гогена. Рассказчик (повествование ведется от первого лица) пытается поддержать Струве. «Мой дорогой друг, ну что ты так печалишься? Она вернется...»

— Тебе-то легко так говорить, — бросил я комнате, теперь принадлежащей мне одному.

Я перевернул страницу и прочитал: «Оскорбительное спокойствие Стрикленда лишило Струве остатков самообладания. В слепой ярости, не осознавая, что делает, он бросился на Стрикленда. Тот не ожидал нападения и пошатнулся, но силы ему хватало, даже после тяжелой болезни, поэтому мгновением спустя Струве, неожиданно для себя, оказался на полу. “Смешной вы человечишка”, — молвил Стрикленд».

И тут до меня дошло, что Джо никогда не перевернет страницу и не узнает, что Стрикленд назвал исполненного праведным гневом Струве смешным человечишкой. В этот момент истины, который мне не забыть никогда (как можно? То были едва ли не худшие мгновения моей жизни), я понял, что это не ошибка, которую можно исправить. И не кошмарный сон, от которого можно пробудиться. Джоанна мертва.

Горе отняло у меня последние силы. Мы плачем глазами, другого не дано, но в тот вечер я почувствовал, что плачет все мое тело, каждая его пора. Я сидел на краю кровати, держа в руке карманное издание романа Сомерсета Моэма «Луна и грош», и рыдал навзрыд. Потом я, конечно, понял, что ревел не без причины. Несмотря на труп, который я опознал на цветном экране монитора с высокой разрешающей способностью, несмотря на

похороны и тенорок Пита Бридлава, спевшего любимый псалом Джоанны, несмотря на короткую службу у могилы и брошенную на гроб землю, я не верил в случившееся. А вот книжке карманного формата, выпущенной издательством «Пенгуин», удалось преуспеть там, где потерпел неудачу серый гроб, — она доказала, что Джоанна мертва.

«— Смешной вы человекишка, — молвил Стрикленд».

Я откинулся на кровать, закрыл лицо руками и плачем загнал себя в сон, как делают дети, когда им очень плохо. И мне тут же приснился кошмар. В нем я проснулся, увидел, что книга «Луна и грош» по-прежнему лежит рядом со мной на покрывале, и решил положить ее туда, где нашел, то есть под кровать. Вы знаете, как перемещаются во сне реальность и фантазии: логика в них, что часы Дали, которые становятся такими податливыми, — их можно развесить по веткам, как половики.

Я вернул игральную карту на прежнее место, между страницами 102 и 103, окончательно и бесповоротно убрал указательный палец со строчки: «— Смешной вы человекишка, — молвил Стрикленд», перекатился на другую половину кровати, опустил голову, перевесившись через край, чтобы положить книгу именно на то место, с которого я ее и поднял.

Джо лежала среди катышков пыли. Паутинка свесилась с кроватной пружины и ласкала ей щеку, словно перышко. Рыжеватые волосы потеряли привычный блеск, но глаза — черные, живые — злобно горели на бледном как полотно лице. А когда она заговорила, я понял, что смерть лишила ее рассудка.

— Дай ее сюда, — прошипела она. — Это мой пылесос. — И выхватила у меня книгу, прежде чем я успел протянуть к ней руку. На мгновение наши пальцы соприкоснулись. Ее были холоднее льда. Она раскрыла книгу (игральная карта вывалилась) и положила ее себе на лицо. А когда Джо скрестила руки на груди и застыла,

я понял, что надето на ней то самое синее платье, в котором мы ее похоронили. Она вышла из могилы, чтобы спрятаться под нашей кроватью.

Я проснулся со сдавленным криком, дернулся так, что едва не свалился на пол. Спал я недолго, слезы еще не успели высохнуть, а веки шипало — такое бывает после того, как поплачешь. Сон был очень уж яркий, поэтому я таки заглянул под кровать, в полной уверенности, что она там и лежит, накрыв лицо книгой, что она протянет руку, чтобы коснуться меня ледяными пальцами.

Но разумеется, никого под кроватью не обнаружил — сон есть сон. Тем не менее спать я улегся на диване в своем кабинете. И правильно сделал, потому что в ту ночь кошмары меня не мучили. И мне удалось хорошо выспаться.

Глава 2

За десять лет моей супружеской жизни, да и сразу после смерти Джоанны, мне так и не довелось почувствовать на себе действие психологического барьера, который вставал на пути многих писателей. По правде говоря, я так долго не замечал его существования, что барьер этот, а речь идет о полной утрате способности писать, укоренился и окреп, прежде чем я наконец понял, что со мной происходит что-то необычное. Причина, думаю, в том, что я искренне считал, будто такие катаклизмы возможны только с «литераторами», которых обсуждали, разбирали по косточкам, а иногда и растирали в порошок в «Нью-Йоркском книжном обозрении».

Моя писательская карьера и семейная жизнь практически наложились друг на друга. Я закончил черновой вариант моего первого романа «Быть вдвоем» вскоре после того, как мы с Джоанной официально обручились

(я надел на средний палец ее левой руки кольцо с опалом, купленное в «Дайс джевеллерс» за сто десять баксов... для этого мне пришлось свести чуть ли не к нулю остальные расходы... но Джоанна пришла в восторг), а последний роман, «Вниз с самого верха», закончил через месяц после ее смерти. Об убийце-психопате, который обожал крыши высоких домов. Его опубликовали осенью 1995 года. После этого публиковались и другие мои романы, парадокс, который я могу объяснить, но не думаю, что в обозримом будущем в планах какого-либо издательства появится новый роман Майка Нунэна. Теперь я знаю, что есть писательский психологический барьер. Знаю лучше, чем мне хотелось бы.

Когда я показал черновой вариант «Быть вдвоем» Джо, она прочитала роман за один вечер, уютно устроившись в любимом кресле, одетая лишь в трусики да футболку с мэновским черным медведем на груди. Она читала и пила холодный чай, стакан за стаканом. Я ушел в гараж (тогда мы с еще одной семейной парой арендовали дом в Бангоре, поскольку денег было в обрез... с Джо мы еще не поженились, но кольцо с опалом она с руки не снимала) и маялся в ожидании ее вердикта. Начал даже собирать скворечник из купленного в магазине набора (в инструкции говорилось, что собрать скворечник под силу ребенку) и чуть не отрезал себе указательный палец левой руки. Каждые двадцать минут я возвращался в дом и заглядывал в гостиную. Если Джо и замечала мое нетерпение, то не подавала виду. Читала себе и читала. Я счел, что это добрый знак.

Я сидел на крыльце черного хода, смотрел на звезды и курил, когда она подошла, села рядом, положила руку мне на плечо.

— Ну? — спросил я.

— Хороший роман. А теперь почему бы тебе не вернуться в дом и не трахнуть меня?

Прежде чем я успел ответить, трусики, в которых она сидела в кресле, упали мне на колени с легким нейлоновым шуршанием.

Потом, когда мы лежали в постели и ели апельсины (от этой вредной привычки мы в конце концов избавились), я спросил:

— Достаточно хороший, чтобы опубликовать?

— Видишь ли, — ответила она, — я ничего не знаю о сияющем издательском мире, но я всегда читала ради удовольствия... Признаюсь тебе, что моей первой любовью стал «Любопытный Джордж»...

— Любопытно.

Она придвинулась ко мне, навалилась на предплечье теплой грудью, кинула в рот дольку апельсина.

— Так вот, этот роман я прочитала с огромным удовольствием. И берусь предсказать, что твоя репортерская карьера в «Дерри ньюс» не переживет испытательного срока. Я думаю, что мне уготована участь писательской жены.

От ее слов меня бросило в дрожь... кожа на руках покрылась мурашками. Да, конечно, она ничего не знала о сияющем издательском мире, но если она верила, то верил и я... Как выяснилось, мы не заблуждались. Агента я нашел через одну из моих университетских преподавательниц (она прочитала роман и отметила в нем некоторые художественные достоинства; думаю, что коммерческую ценность романа она отнесла к недостаткам). Агент продал «Быть вдвоем» первому же издательству, в которое направил рукопись. Это оказалось престижное «Рэндом хауз».

Как и предсказывала Джо, моя репортерская карьера закончилась очень быстро. Четыре месяца я писал статьи о цветочных выставках, собачьих бегах, благотворительных обедах, получая сто долларов в неделю, пока не пришел первый чек от «Рэндом хауза» — на двадцать семь

тысяч долларов, без учета комиссионных агента. Я проработал в газете совсем ничего, даже не успел получить мизерной прибавки к жалованью, но тем не менее мне устроили прощальную вечеринку в пабе «У Джека». На стене повесили плакат:

УДАЧИ ТЕБЕ, МАЙК, — ПИШИ!

Потом, когда мы вернулись домой, Джо сказала, что будь зависть кислотой, от меня остались бы лишь пряжка от ремня да три зуба.

— Никто не спутает ее с «Взгляни на дом свой, ангел»*, не так ли? — спросил я, когда мы погасили свет, доели последний апельсин и выкурили последнюю сигарету.

Джо знала, что я говорил про свою книгу. Знала она и про то, что меня смутила реакция на роман моего университетского преподавателя.

— Надеюсь, ты не собираешься заниматься самокопанием и сетовать на тяжелую судьбу художника, которого никто не хочет понять? — спросила Джо. — Если да, то завтра утром я первым делом покупаю комплект документов, необходимых для развода, и руководство по их заполнению.

Я, конечно, улыбнулся, но ее слова меня все-таки задел.

— Ты видела первый пресс-релиз «Рэндом хауза»? — Я знал, что видела. — Они же называли меня «Ви-Си Эндрюс с членом».

— И что? — Она ухватила за означенный предмет. — Член у тебя имеется. А насчет того, как тебя обозвали... Майк, в третьем классе Патти Бэннинг дразнила меня шлюшкой-потаскушкой. Но я же ею не была.

— Ярлыки приклеиваются намертво.

* Роман известного американского писателя Томаса Вулфа (1900–1938), написанный в 1929 г.

— Е-рун-да. — Она все не отпускала мой игрунчик, то крепко, до сладостной боли, сжимая, то чуть ослабляя хватку. И брючную мышку такое внимание очень даже устраивало. — Главное — это счастье. Ты счастлив, когда пишешь, Майк?

— Безусловно. — Она это и так знала.

— Когда ты пишешь, тебя мучает совесть?

— Когда я пишу, то не могу думать ни о чем другом, кроме одного. — И я перекатился на Джо.

— Дорогой... — Это слово она произнесла тем капризным голоском, который особенно возбуждал меня. — Между нами чей-то пенис.

И когда мы ласкали друг друга, я окончательно понял следующее: во-первых, она не кривила душой, говоря, что ей понравилась моя книга (черт, у меня не было в этом сомнений с того самого момента, как я увидел, с каким увлечением она читает рукопись), а во-вторых, мне нет нужды стыдиться написанного... по крайней мере, по ее убеждению, я ничего постыдного не сотворил. И еще, в оценке моей работы я должен исходить исключительно из нашего семейного мнения, которое формируется на основе ее точки зрения и, естественно, моей.

Слава Богу, она тоже любила Мозма.

Ви-Си Эндрюс с членом я пробыл десять лет... четырнадцать, если добавить четыре года после смерти Джоанны, когда продолжали выходить мои книги. Первые пять лет я издавался в «Рэндоме», потом мой агент получил чрезвычайно выгодное предложение от «Патнама»*, и я сменил издателя.

Вы видели мою фамилию в списках бестселлеров... если ваша воскресная газета печатает не десять, а пятнадцать первых позиций. Я не сравнился с Клэнси, Ладлэмом или Гришэмом, но многие мои книги издали

* «Дж.П. Патнамс-санс» — еще одно известное нью-йоркское издательство, основанное в 1938 г.

в переплете* (у Ви-Си Эндрюс, как-то сказал мне Гарольд Обловски, все книги выходили исключительно в обложке, несмотря на популярность ее романов), а однажды я занял пятую строчку в списке бестселлеров в «Таймс»... с моим вторым романом, который назывался «Мужчина в красной рубашке». Ирония судьбы, но одной из книг, которая не позволила мне подняться выше, была «Стальная машина» Тэда Бомонта** (он опубликовал роман под псевдонимом Джордж Старк). В те дни у Бомонтов был летний коттедж в Касл-Роке, в пятидесяти милях южнее нашего загородного дома на озере Темный След. Тэда уже нет среди нас. Самоубийство. Не знаю, был ли тому причиной писательский психологический барьер.

Я стоял на границе магического круга мегабестселлеров, но несколько не переживал из-за того, что не могу прорваться внутрь. Мне еще не исполнилось тридцати одного, а нам уже принадлежали два дома: старинный, построенный в стиле Эдуарда***, особняк в Дерри и приличных размеров коттедж на озере в западной части Мэна. «Сара-Хохотушка», так называли этот бревенчатый дом местные жители. Причем дома именно принадлежали нам, поскольку мы полностью за них расплатились, тогда как многие пары нашего возраста почитали за счастье, если банки соглашались дать им на покупку дома кредит. Мы были богаты и счастливы и спокойно смотрели в будущее. Я не считал себя Томасом Вулфом (не считал даже Томом Вулфом и Тобиасом Вулфом****), но мне хорошо

* Для американского писателя выпуск романа не в обложке (большая часть книг в США выходит именно в карманном формате), а в переплете — огромное событие, признание мастерства.

** Тэд Бомонт — один из главных героев романа Стивена Кинга «Темная половина».

*** Речь идет об архитектурном стиле, сформировавшемся во время правления английского короля Эдуарда VI.

**** Том Вулф, Тобиас Вулф — современные американские писатели.

платили за работу, которая мне нравилась, и я полагал, что лучше ничего на свете и быть не может.

Я попал в разряд середнячков. Критика меня игнорировала, работал я в строго определенном жанре (очаровательная молодая женщина встречается на своем пути интересного незнакомца), труд мой хорошо оплачивался, поскольку общество понимало, что обойтись без меня нельзя. Точно так же относятся к разрешенным в штате Невада публичным домам: основному инстинкту надобно давать выход, а потому кто-то должен заниматься Этим Самым Делом. Я занимался Этим Самым Делом с большим желанием (а иногда мне с энтузиазмом помогала Джо, в случаях, когда я оказывался на сюжетной развилке), и в какой-то момент — кажется, после избрания Джорджа Буша — наш бухгалтер сообщил, что мы — миллионеры.

Конечно, нашего богатства не хватило бы, чтобы купить личный реактивный самолет (как Гришэм) или профессиональную футбольную команду (как Клэнси), но по меркам Дерри, штат Массачусетс, мы просто купались в деньгах. Мы несчетное количество раз занимались любовью, посмотрели тысячи фильмов, прочитали тысячи книг (Джо складывала свои на пол у кровати). А главное — и наверное, это следует почитать за счастье, — мы не знали, сколь краткий нам отпущен срок.

Не единожды я задумывался, а не нарушение ли ритуалов приводит к возникновению писательского психологического барьера? Днем я, конечно, отметал эти мысли, не люблю рассуждений о сверхъестественном, но ночью у меня возникали проблемы. Ночью у мыслей есть особенность срываться с поводка и гулять на свободе. А если ты всю взрослую жизнь выдумываешь сюжеты и переносишь их из головы на бумагу, мыслям сорваться с поводка куда как проще. То ли Бернард Шоу, то ли Оскар Уайльд сказал, что писатель — это человек,

который научил свой разум вести себя неподобающим образом.

Но так ли уж крамольна мысль о том, что нарушение ритуалов сыграло свою роль и внезапно и неожиданно (по крайней мере неожиданно для себя) я кончился как писатель? Когда ты зарабатываешь хлеб в выдуманных мирах, граница между тем, что есть на самом деле, и тем, что кажется, слишком размыта. Художники иногда отказываются рисовать, не надев определенной шляпы. Бейсболисты, у которых пошел удар, не меняют носки.

Ритуал начался со второй книги, единственной, из-за которой, насколько мне помнится, я очень нервничал. Наверное, я вновь переболел болезнью второкурсника: им всегда кажется, что после первого успеха обязателен провал. Кстати, на одной из лекций по курсу американской литературы профессор сказал, что из всех американских писателей только Харпер Ли удалось избежать панического страха за вторую книгу.

Заканчивая «Мужчину в красной рубашке», я остановился в шаге от финишной черты. До приобретения старинного особняка на Бентон-стрит в Дерри оставалось еще два года, но «Сару-Хохотушку», коттедж, и участок земли на озере Темный След мы уже купили, хотя еще не обставили и не пристроили студию Джо. Там я и дописывал «Мужчину».

Я отодвинул стул, поднялся из-за стола, на котором стояла моя старенькая «Ай-би-эм селектрик» (тогда я еще не освоил компьютер), и прошел на кухню. Сентябрь уже перевалил на вторую половину, дачники в большинстве своем разъехались, и никакие посторонние шумы не заглушали крики гагар. Солнце садилось, гладкая поверхность озера горела холодным оранжево-красным огнем. Это воспоминание осталось со мной навсегда, яркое и живое. Иной раз мне даже кажется, что достаточно небольшого усилия воли, чтобы оно вновь стало реаль-

ностью. Вот я и задумываюсь: а что бы изменилось, если бы тогда все было иначе?

Еще раньше я поставил в холодильник бутылку «Тэттинжера» и два бокала. Теперь я достал их и на жестяном подносе, который обычно использовался для транспортировки кувшинов с холодным чаем или «кул-эйдом» из кухни на террасу, где коротала время Джо, или в гостиную, где я работал, понес к Джоанне.

Она сидела в кресле-качалке и читала (не Моэма, а Уильяма Денброу; одного из ее любимых современных писателей).

— О-о-о, — протянула она, заложив закладкой страницу и закрыв книгу. — Шампанское! По какому случаю? Вы понимаете, как будто она не знала.

— Дело сделано. *Mon livre est tout fini**.

Джоанна и была той самой основой, без которой ритуал терял свою силу. Мы практически всегда пили шампанское, и она практически всегда шла в мой кабинет, чтобы завершить ритуал, но все-таки не после каждой книги.

— Что ж, — улыбаясь, она взяла с подноса, с которым я перед ней склонился, один бокал, — значит, есть повод выпить, верно?

Теперь я понимаю, что основа любого ритуала — всего лишь малая его толика, можно сказать, единственное магическое слово в тарабарщине заклинания. Последняя фраза.

Однажды, за пять лет до ее смерти, в тот день, когда я закончил книгу, Джоанна находилась в Ирландии. Уехала с подружкой. Я выпил шампанское в одиночестве, сам отпечатал последнюю фразу (тогда я уже работал на «Макинтоше», который умел делать бог весть что, хотя я использовал его исключительно как пишущую машинку), и меня это нисколько не смутило. Во всяком случае, в ту ночь я спал как младенец. Но я позвонил в гостиницу,

* Моя книга написана (фр.)

в которой остановились она и Брин, ее подруга. Сообщил ей, что закончил книгу, и услышал слова, ради которых, собственно, и звонил. Слова, которые скользнули в ирландский телефонный провод, добрались до микроволнового передатчика, вознеслись, как молитва, к спутнику связи, а потом спустились вниз, в мое ухо: «Что ж, значит, есть повод выпить, верно?»

Обычай этот пошел, как я и говорил, со второй моей книги. Когда мы выпили шампанского, сначала по одному бокалу, затем — по второму, я повел ее в кабинет, где стояла пишущая машинка с вставленным в нее листом бумаги. На озере последняя гагара криком призвала темноту.

— Я думала, ты закончил книгу.

— Осталось последнее предложение, — ответил я. — Книга, как ты понимаешь, посвящена тебе, и я хочу, чтобы последнюю точку в ней поставила ты.

Она не запротестовала, не засмеялась, просто посмотрела на меня, чтобы понять, не шутка ли это. Я кивнул, показывая, что настроен серьезно, и она села на мой стул. Она недавно выкупалась, и ее волосы, схваченные сзади белой эластичной лентой, были темнее обычного. Я коснулся их рукой. Они напоминали влажный шелк.

— С красной строки? — спросила она, глядя на меня словно молоденькая секретарша на босса.

— Нет, — покачал я головой. — Продолжай. — И я продиктовал предложение, которое сложилось у меня в голове еще до того, как я поднялся из-за стола и пошел за шампанским. — «Через голову он снял с ее шеи цепь, и бок о бок они спустились по лестнице к ожидающемуся внизу автомобилю».

Джоанна все напечатала, вновь посмотрела на меня.

— Все. Теперь, полагаю, надо напечатать «Конец».

Джо дважды нажала на кнопку «Возврат каретки», затем выставила ее по центру, и ай-би-эмовским шрифтом «курьер» (моим любимым) отпечатала последнее слово.

- А что за цепь он снял с ее шеи? — спросила она.
- Чтобы это узнать, надо прочесть книгу.

Она сидела у стола, я стоял позади нее, так что она без труда добралась до нужного ей места. И когда заговорила, губы ее елозили по самой чувствительной части моего тела. А разделяли губы и эту самую часть лишь трусы из хлопчатобумажной ткани.

- У наш ешть шпошобы жаштафить тефя гофорить.
- Похоже на то.

Я по крайней мере попытался возродить ритуал в тот день, когда закончил «Вниз с самого верха». От него осталась только форма, магическое содержание исчезло, но я в общем-то этого и ожидал. И пошел на это не из суеверия, а от уважения и любви. Если хотите, совершил ритуал в память о Джоанне. Или, если угодно, ритуал этот стал настоящей поминальной службой, которую я смог провести через месяц после того, как тело Джоанны легло в землю.

В третьей декаде сентября по-прежнему стояла жара, в последние годы не случалось такого жаркого лета. Заканчивая книгу, я постоянно думал о том, как мне недостает Джоанны... но мысли эти не мешали мне работать. Упомяну вот еще о чем: я оставался в Дерри, из-за жары ходил по дому в одних трусах, но ни разу не подумал о том, чтобы перебраться в наш коттедж у озера. Словно из моей памяти исчезла вся информация, связанная с нашей загородной усадьбой «Сара-Хохотушка». Может, потому, что, дойдя до последней фразы романа, я окончательно осознал: на этот раз Джоанна уехала не в Ирландию.

На озере у меня маленький кабинет, но с окном. В Дерри — длинный, с протянувшимися вдоль стен книжными стеллажами и без единого окна. В тот вечер три вентилятора под потолком лениво перегоняли сгустившийся воз-

дух. Я вошел в кабинет в шортах, футболке и резиновых шлепанцах, с маленьким жестяным подносом, на котором стояли бутылка шампанского и два запотевших бокала. В дальнем конце этого железнодорожного вагона, под таким крутым карнизом, что мне приходилось чуть ли не садиться на корточки, чтобы добраться до стула (год за годом Джо убеждала меня, что я выбрал для компьютера самое неудачное место в комнате, но не могла переубедить), светился экран «макинтоша».

Я уж подумал, что сам нарываюсь на новый приступ слез, но ведь наша эмоциональная реакция всегда удивляет нас, я прав? В тот вечер я не выл и не рыдал. Наверное, горе ушло. А его место заняло щемящее чувство утраты: я видел пустое кресло, в котором она любила сидеть и читать, пустой стол, на который она ставила свой бокал, всегда у самого края.

Я наполнил бокал шампанским, подождал, пока осядет пена, поднял его.

— Дело сделано, — сообщил я вращающимся под потолком лопастям вентилятора. — Что ж, значит, есть повод выпить, верно?

Ответной реакции не последовало. В свете того, что произошло позже, думаю, эту фразу есть смысл повторить: ответной реакции не последовало. Я не почувствовал, как случилось потом, что я не один во вроде бы пустой комнате.

Я выпил шампанское, поставил бокал на жестяной поднос, наполнил второй. С ним пошел к «маку» и сел перед ним, как села бы Джоанна, если бы не вмешательство горячо любимого всеми Бога. Тело мое не сотрясали рыдания, но в уголках глаз стояли слезы. На экране я прочитал:

не таким уж и плохим выдался денек, подумала она. Пересекла лужайку, направляясь к своему

автомобилю, рассмеялась, увидев белый квадратик бумаги, прижатый дворником к ветровому стеклу. Кэм Диленси, который никогда не сдавался, для которого не существовало слова «нет», приглашал ее во вторник на еженедельную дегустацию вин. Она вытащила квадратик, уже собралась разорвать его, но в последний момент передумала и сунула в карман джинсов.

— Не с красной строки. Продолжаем абзац, — указал я сам себе и отпечатал предложение, которое сложилось в голове еще до того, как я пошел за шампанским:

Перед ней лежал целый мир; так почему не начать его освоение с дегустации вин, на которую пригласил ее Кэм Диленси?

Я замер, глядя на крошечный мерцающий курсор. Уголки глаз все щипали слезы, но, повторяю, никакой холодный ветерок не обдувал мои колени, ничьи ледяные пальцы не хватали за шею. Я дважды нажал на клавишу «Enter». Потом на клавишу «Center». Напечатал завершающее слово «Конец» и отсалютовал экрану бокалом, который предназначался Джо.

— За тебя, крошка! Как бы я хотел, чтобы ты была рядом. Мне чертовски тебя недостает. — Мой голос дрогнул на последнем слове, но дыхания у меня не перехватило.

Я выпил «Тэттинджер», сохранил в памяти компьютера последнее предложение, перегнал файл на дискету, вытащил ее из дисковода, положил к остальным дискетам, на которых хранился текст моей очередной нетленки. И за последующие четыре года не написал ни строчки, если не считать писем, перечней необходимых покупок и заполнения соответствующих граф на чеках и различных документах.

Глава 3

Мое издательство ничего не знало. Как и мой редактор Дебра Уайнсток, и мой агент Гарольд Обловски. В полном неведении пребывал и Френк Арлен, хотя меня не раз так и подмывало обо всем ему рассказать. *Позволь мне быть твоим братом, если не ради тебя, то ради Джо.* Эти слова я услышал от него, когда он возвращался к своей типографии и уединенной жизни в маленький городок Санфорд в южной части штата Мэн. Я не собирался плакаться ему в жилетку и не плакался — но каждые две недели звонил. Поболтать ни о чем, вы понимаете. «Как дела? — Нормально, только на улице жуткая холодина. — Да, здесь тоже. — Ты поедешь в Бостон, если я возьму билеты на «Медведей»? — Может, в следующем сезоне, сейчас я очень занят. — Да, я понимаю. — До встречи, Майки. — Счастливо, Френк. — Держи хвост пистолетом». Мужской разговор.

Я уверен, что раз или два он спрашивал, работаю ли я над новой книгой, и вроде бы я отвечал...

Да ладно... врал я ему. И так привык к своему вранью, что сам стал в него верить. Он спрашивал, это точно, а я говорил, что работаю, конечно, работаю, и пишется отлично, лучше, чем когда бы то ни было. Но с языка едва не срывалось совсем другое. «Стоит мне написать пару абзацев, как со мной начинает твориться что-то ужасное: пульс убыстряется в два, потом в три раза, дыхание перехватывает, глаза вылезают из орбит. Я становлюсь похож на страдающего клаустрофобией человека, который неведомо как оказался в быстро тонущей подводной лодке. Такие вот у меня дела, спасибо, что спросил». Но конечно, ничего такого я ему так и не сказал. Я звоню не для того, чтобы просить о помощи. Я не могу просить о помощи. Кажется, я вам об этом уже говорил.

* * *

С моей точки зрения — признаю, очень субъективной, — среди творческих личностей удачливые романисты (пусть даже относительно удачливые) занимают самую выгодную позицию. Действительно, люди покупают больше компакт-дисков, чем книг, часто ходят в кино, много времени проводят у телевизора. Но у романистов более длительный период продуктивной работы, возможно, потому, что читатели чуть умнее поклонников других видов искусства, где обходятся без печатного слова. Дэвид Соул из знаменитого в семидесятых сериала «Старски и Хатч» или в свое время очень даже известный белый рэпер Ванилла Айс нынче бог знает где. А Герман Вук, Джеймс Миченер или Норман Мейлер все еще в обороте. Вот и рассуждай после этого о динозаврах, когда-то ходивших по земле.

Артур Хейли работал над новой книгой (тогда это был слух, который полностью подтвердился), Томас Харрис мог замолчать на семь лет, а потом снова начать выдавать бестселлеры, а произведения Джерома Дэвида Сэлинджера, пусть за последние сорок лет он и не написал ни слова, продолжают горячо обсуждать как студенты гуманитарных вузов, так и члены неформальных литературных объединений. Верность читателей не идет ни в какое сравнение с верностью почитателей поп-звезды. Вот почему так много книг, авторы которых уже не способны выдать на-гора что-нибудь новенькое, вновь и вновь попадают в списки бестселлеров исключительно благодаря магической надписи на обложке: «АВТОР...»

К автору, каждое произведение которого в переплете может продаваться тиражом в пятьсот тысяч, а в карманном формате — в миллион, издатель предъявляет только одно, очень простое требование: роман в год. Нью-Йоркские мудрецы считают, что это оптимум. Триста восемьдесят страниц, переплетенных или склеенных, каждые

двенадцать месяцев, с началом, серединой и концовкой, с запоминающимися персонажами. Лучше бы не новыми, а перешедшими из прежних книг. Читатели это обожают. Знакомый персонаж для них что родственник.

Если книга в год не получается, недовольны и издатель, и агент. У издателя могут не окупиться вложенные в тебя инвестиции, у агента не хватит денег для оплаты счетов его психоаналитика. Опять же если книга сильно задерживается, часть читателей может тебя и подзабыть. Тут уж ничего не поделаешь. Опять же нельзя и частить, иначе читатель может сказать: «Что-то начитался я этого парня, он уже на зубах навяз».

Я рассказываю вам все это, чтобы вы поняли, каким образом мне удалось четыре года водить всех за нос: компьютер я использовал главным образом для игры в «Скрэббл», но об этом никто не догадывался. Писательский психологический барьер? Что такое писательский психологический барьер? Нет у нас никакого писательского психологического барьера! О каком таком писательском психологическом барьере может идти речь, если каждый год поздней осенью появляется новый детективный роман Майкла Нунэна? Почитать его на досуге — одно удовольствие, не только вам, но и вашим родственникам. И между прочим, обратите внимание, что в нашем книжном магазине на второй экземпляр предоставляется тридцатипроцентная скидка. Выгодное получается дельце.

Секрет прост, и я не единственный популярный американский автор, который им владеет. Если слухи верны, Даниэла Стил (приведу только один пример) десятилетиями пользовалась формулой Нунэна. Видите ли, хотя я публиковал по книге в год, начиная с романа «Быть вдвоем», который увидел свет в 1984 году, за последующие десять лет я написал четырнадцать романов. То есть четыре года мне удавалось писать по две книги. Одну я отдавал агенту, вторую припрятывал:

Не помню, говорил ли я об этом с Джо, но вопросов она точно не задавала, то есть понимала, что я делаю: как белочка, запасая орешки. Конечно, думал я тогда не о психологическом барьере. Черт, да я просто развлекался.

В феврале 1995 года, запоров по меньшей мере два многообещающих сюжета (вот эта функция моего мозга — подбрасывать сюжеты — никуда не подевалась и теперь вместо радости приносила только горе), я более не мог отрицать очевидное: у меня самые серьезные неприятности, с какими может столкнуться писатель, за исключением разве что болезни Альцгеймера и инсульта. Однако в большой сейфовой ячейке, которую я абонировал в «Файделити юнион», лежали четыре картонные коробки с рукописями. Промаркированные как «Обещание», «Угроза», «Дэрсси» и «Верх». Где-то на День святого Валентина позвонил мой агент, и в его голосе слышалось волнение. Обычно я передавал ему мой последний шедевр в конце января, а тут минула половина февраля. И им пришлось бы задействовать все резервы, чтобы успеть с очередным романом Майка Нунэна к рождественской лихорадке. Конечно же, он желал знать, все ли в порядке?

То был мой последний шанс признаться, что все как раз не в порядке, но мистер Гарольд Обловски из дома 225 по Парк-авеню не относился к тем, кто смиряется с неизбежным. Он был хорошим агентом, в издательских кругах его любили и ненавидели (иногда одни и те же люди и одновременно), но весть о том, что золотая жила вдруг иссякла, вызвала бы у него бурную и негативную реакцию. Он бы прилетел в Дерри первым же рейсом, чтобы не уезжать до тех пор, пока ему не удастся вернуть меня на круги своя. Нет, я любил Гарольда, но только на расстоянии, когда он сидел в своем кабинете на тридцать восьмом этаже и любовался Ист-Сайдом.

И я сказал ему: «Гарольд, какое совпадение, ты звонишь мне в тот самый день, когда я закончил новый

роман, фантастика, не правда ли, я высылаю его немедленно, через "Федэкс"* , так что завтра ты его получишь». Гарольд заверил меня, что никакого совпадения нет, просто он находится в телепатической связи со своими авторами. Потом поздравил меня и положил трубку. А два часа спустя я получил от него большой букет.

Поставив цветы в столовой — туда я после смерти Джо заходил редко, — я отправился в «Файделити юнион». Вставил в замочную скважину банковской ячейки свой ключ и вскоре уже нес в приемный пункт «Федэкс» рукопись романа «Вниз с самого верха». Я взял только что написанную книгу потому лишь, что она лежала ближе всех к дверце. В ноябре ее напечатали, аккуратно поспели к Рождеству. Я посвятил ее памяти моей любимой жены, Джоанны. Книга поднялась на одиннадцатую строчку в списке бестселлеров «Таймс». На радость всем, в том числе и мне. Потому что жизнь поворачивалась в лучшую сторону, ведь так? Ведь в конце концов писательский психологический барьер рушится у всех, разве нет? (За исключением, возможно, Харпер Ли.) Все, что от меня требуется, так это расслабиться, как сказала архиепископу девушка из кордебалета. И, слава Богу, я был запасливой белочкой и заготовил достаточно орешков.

Не потерял я оптимизма и на следующий год, когда отправил через «Федерал экспресс» рукопись романа «Угрожающее поведение». Этот роман я написал осенью 1991 года, и он очень понравился Джо. Оптимизма прибавилось к марту 1997 года: в этом месяце Гарольд получил от меня «Поклонника Дэрсси». Однако, когда меня спрашивали, как идут дела, подразумеваемая под этим, как пишутся книги, я отвечал: «Хорошо, отлично, все путем, пишутся и пишутся, сюжеты прут из меня, как дерьмо из коровьей задницы».

* «Федерал экспресс корпорейшн» — крупнейшая в США частная почтовая служба срочной доставки небольших посылок и бандеролей.

Когда же, прочитав «Дэрсси», Гарольд заявил, что это мой лучший роман, я осторожно намекнул на то, что хочу сделать перерыв на год. Он отреагировал мгновенно, самым неприятным для меня вопросом: все ли у меня в порядке? Конечно, ответил я, все тип-топ, просто думаю о том, чтобы немного сбавить темп.

Последовала одна из фирменных пауз Гарольда, смысл которой — показать, что ты — стопроцентное дерьмо, но, поскольку Гарольд к тебе очень хорошо относится, он ищет слова, чтобы выразить сие в максимально мягкой форме. Прием этот очень эффектный, да только я раскусил его шесть лет назад. Вернее, раскусила Джо. «Сочувствие у него притворное, — вынесла она вердикт. — Он, как коп в старых французских фильмах. Держит рот на замке с тем, чтобы ты говорил и говорил, пока не признаешься».

На этот раз рот на замке держал я. Только перекинул трубку от левого уха к правому да устроился поудобнее в кресле. И при этом взгляд упал на фотографию в рамочке, что стояла на компьютере: «Сара-Хохотушка», наша усадьба на озере Темный След. Я не был там уже целую вечность и внезапно задался вопросом: а почему?

Наконец в трубке послышался голос Гарольда, осторожный, успокаивающий, голос человека в здравом уме, пытающегося убедить психа, что его умопомешательство — явление сугубо временное.

— Мне кажется, эта идея не из лучших, Майк, во всяком случае, на текущий момент.

— Отчего же? — упорствовал я. — Максиму я достиг в 1991 году. С тех пор продажи моих книг держатся на постоянном уровне. Я — на плато, Гарольд, один год ничего не изменит.

— Видишь ли, писатели, книги которых стабильно продаются, как бы находятся на развилке. Или книги и дальше будут продаваться, или тиражи пойдут вниз.

«Значит, мои тиражи пойдут вниз», — едва не вырвалось у меня... но не вырвалось. Я не хотел, чтобы Гарольд знал, в каком я состоянии, насколько далеко все зашло. Я не хотел, чтобы он знал, что теперь у меня прихватывало сердце — действительно прихватывало — почти всякий раз, когда я открывал шестой «Ворд» и смотрел на пустой экран и мерцающий курсор.

— Да, — пробормотал я. — Хорошо. Сообщение принято.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке?

— Разве книга утверждает обратное, Гарольд?

— Черт, да нет же... Книга потрясающая. Твой лучший роман, я тебе уже говорил. Если бы Сол Беллоу* писал романтические детективы, из-под его пера выходили бы именно такие книги. Но... у тебя нет проблем со следующей книгой? Я понимаю, тебе по-прежнему недостает Джо, это естественно, мы все...

— Нет, — оборвал его я. — Никаких проблем.

Вновь последовала долгая пауза. Я ее выдержал. Перемолчал Гарольда. Так что первым опять заговорил он.

— Гришэм может позволить себе год отдыха. Клэнси может. У Томаса Харриса длительные промежутки между книгами скорее правило, чем исключение. Но ты находишься на том уровне, Майк, где жизнь куда как сложнее, чем на самом верху. На каждую строчку в этой части списка — пять претендентов, и ты их хорошо знаешь. Черт, каждый год они три месяца соседствуют с тобой. Некоторые поднимаются, как со своими двумя последними книгами поднялась Патрисия Корнуэлл**, некоторые опускаются. Кто-то держится на одном уровне. Если бы Том Клэнси не писал пять лет, а потом вновь вышел

* Беллоу, Сол (1915–2005) — известный американский писатель, лауреат Нобелевской (1976) и Пулитцеровской (1975) премий по литературе.

** Корнуэлл, Патрисия (р.1956) — современная американская писательница, работающая в жанре романтического детектива.

на рынок с романом о Джеке Райане, он бы вновь попал в десятку, в этом нет ни малейших сомнений. Если ты выпадешь из поля зрения читателей на пять лет, то просто не вернешься. Мой совет...

— Заготавливай сено, пока светит солнце.

— Ты просто снял слова с языка.

Мы еще немного поболтали, потом попрощались. Я откинулся на спинку стула, вновь посмотрел на фотографию нашего прибежища в западной части штата Мэн. «Сара-Хохотушка». Прямо-таки героиня какой-нибудь старинной баллады. Джо наш коттедж у озера нравился больше, чем мне, но ведь и у меня он вызывал только положительные эмоции. Тогда почему я столько лет и носа туда не кажу? Билл Дин, наш сторож, каждую весну снимал с окон ставни и каждую осень навешивал их вновь. Каждую осень сливал воду из труб и каждую весну проверял работу насоса, генератора, в соответствии с указанными в инструкции сроками вызывал мастеров, чтобы те провели положенное техническое обслуживание, и каждый год, после Дня поминовения, в пятидесяти ярдах от принадлежащего нам клочка берега ставил на якорь плот.

Летом 1996 года Билл прочистил дымоход, хотя за последние два года в камине ни разу не разжигали огонь. Я платил ему ежеквартально, как принято оплачивать труд сторожей в этой части света. Билл Дин, старый янки, предки которого давным-давно обосновались в Америке, обналачивал мои чеки и не спрашивал, почему я больше не живу в своем коттедже. После смерти Джо я приезжал туда два или три раза, но на ночь не оставался. Хорошо, что Билл не спрашивал почему, ибо я не знал, как ему ответить. Собственно, до разговора с Гарольдом я и думать не думал о «Саре-Хохотушке».

Я перевел взгляд на телефон, мысленно продолжив разговор с Гарольдом. *Да, я хочу сделать паузу, и что в этом такого? Мир рухнет? Вот этого не надо. Он бы*

рухнул, если бы на моей шее висели жена и дети. Но жена умерла на автостоянке у аптеки, вместе с еще не родившимся ребенком, о котором мы мечтали столько лет. Я не жажду славы. Если писатели, которые сейчас занимают более низкие строки в списке бестселлеров «Таймс», станут знаменитыми, хуже спать я не стану. Тогда почему? Почему я должен оставаться в этой гонке?

Но на последний вопрос я мог ответить и сам. Сойти с дистанции — значит сдаться. Без жены и работы я никому не нужен. И мне оставалось только одно — жить в одиночестве в большом, полностью выкупленном доме и каждый день после обеда заполнять клетки газетного кроссворда.

Я продолжал... не жить — существовать. Снова забыл про «Сару-Хохотушку» (или какая-то часть моего сознания, которая не хотела, чтобы я ехал туда, похоронила эту мысль) и провел еще одно ужасное лето в Дерри. Ввел в компьютер специальную программу и теперь сам составлял кроссворды. Согласился войти в состав директоров местного отделения Ассоциации молодых христиан, не отказался от предложения поучаствовать в работе жюри на Летнем фестивале искусств в Уотервилле. Снялся в нескольких роликах на местном телеканале, призванных собрать дополнительные пожертвования на содержание ночлежек для бездомных, потом вошел в состав попечительского совета при департаменте муниципалитета, ведающего этими самыми ночлежками (на одном из публичных заседаний совета какая-то женщина назвала меня другом дегенератов, на что я ответил: «Благодарю, именно об этом я и мечтал». Результатом стал шквал аплодисментов, которые я до сих пор не могу объяснить). Я попытался обратиться к психоаналитику, но сдался после пяти посещений, решив, что у психоаналитика проблемы покруче моих. Я назначил стипендию одному азиатскому ребенку и небезуспешно играл в боулинг.

Иногда я пытался писать, но всякий раз заканчивалось сие печально. Стоило мне выдавить из себя одно или два предложения (любые одно или два предложения), как мне приходилось срочно хватать корзинку для мусора, потому что меня выворачивало. Я блевал до тех пор, пока желудок, казалось, не вылезал через горло... а потом по толстому ковру буквально на четвереньках отползал от стола и компьютера. К тому времени, когда я добирался до противоположной стены кабинета, мне становилось лучше. Издали, через плечо, я даже решался взглянуть на экран монитора. Не мог только подойти. Потом, в конце дня, конечно, подходил — с закрытыми глазами — и выключал компьютер.

В те уже последние дни лета я все больше и больше думал о Деннисон Кэрвилл, моей университетской преподавательнице, которая помогла мне выйти на Гарольда и сдержанно похвалила мой первый роман «Быть вдвоем». Как-то раз Кэрвилл произнесла одну фразу, которую мне, наверное, никогда не забыть. Авторство она приписала Томасу Харди, викторианскому поэту и писателю*. Возможно, Харди и произнес эту фразу, но она никогда не повторялась, во всяком случае, не процитирована в «Бартлетсе»** и отсутствует в биографии Харди, которую я прочитал между публикациями романов «Вниз с самого верха» и «Угрожающее поведение». Я думаю, что фразу эту придумала сама Деннисон, а чтобы она звучала весомее, осенила ее именем Харди. Пусть мне будет стыдно, но время от времени я и сам пользуюсь таким приемом.

В любом случае думал я об этой цитате все чаще и чаще, сражаясь с паникой в теле и омертвлением в голове, этим ужасным чувством, когда накопившиеся мыс-

* Харди, Томас (1840—1928) — английский писатель-реалист и один из крупнейших лирических поэтов XX века.

** Бартлет, Джон (1820—1905) — редактор и издатель. В 1855 г. выпустил первое издание словаря «Знакомые цитаты», который потом неоднократно дополнялся и переиздавался.

ли не могут вырваться наружу. Отчаяние охватывало меня, во мне крепла уверенность, что больше мне не писать никогда (подумаешь, трагедия — Ви-Си Эндрюс с членом не может преодолеть писательский психологический барьер). А цитата подчеркивала, что все мои усилия, даже если мне удастся вырваться из этой кошмарной ситуации, бессмысленны.

Ибо, согласно Деннисон Кэрвилл, честолюбивый романист должен с самого начала понимать, что конечной цели писательства (изобразить жизнь, как она есть) ему не достичь никогда, так что все его усилия по большому счету напрасны. «В сравнении с самым тупоумным человеком, который действительно шагал по земле и отбрасывал на нее свою тень, — вроде бы сказал Харди, — любой персонаж романа, пусть и идеально выписанный, — мешок с костями». Я очень хорошо понимал, о чем говорила эта фраза, потому что именно мешком с костями и ощущал себя в те печальные дни.

Прошлой ночью мне снилось, что я вернулась в Мэндерли.

Если и есть более красивая и загадочная фраза, открывающая английский роман, то я ее не читал. И в период между осенью 1997-го и зимой 1998 года у меня не раз возникал повод подумать о ней. Снились мне, разумеется, не Мэндерли, а «Сара-Хохотушка», наша усадьба, которую Джо, бывало, называла убежищем. Наверное, правильно, поскольку речь идет о клочке земли с домом, расположенным вне пределов городка, который с трудом можно найти на самой подробной карте.

Да, в последний раз мне приснился кошмар, но прежде сны отличала какая-то сюрреалистичная простота. От этих снов я просыпался с желанием включить свет в спальне, чтобы определиться со своим местонахождением в реальном мире, прежде чем заснуть вновь. Вам же знакомо состояние перед грозой, когда воздух застывает, а все цвета становятся более резкими? Вот и мои зимние сны о «Саре-Хохотушке» как-то перекликались

с предгрозовой атмосферой, вызывая аналогичные ощущения. «Мне вновь снилась Мэндерли». Иногда я размышлял над этой фразой, а иной раз лежал в постели с включенным светом, прислушивался к завыванию ветра, поглядывал в темные углы и думал о том, что Ребекка де Уинтер утонула не в бухте, а в озере Темный След. Пошла ко дну, пуская пузыри; ее необычные черные глаза залила вода, а гагары все кричали и кричали в сумерках, случившееся их не касалось. Бывало, я вставал и выпивал стакан воды. А то просто выключал свет, убедившись, что я в собственной спальне, и засыпал.

Днем я практически не думал и не вспоминал о «Саре-Хохотушке», и только много позже до меня дошло, что подобная дисгармония жизни во сне и наяву наглядно свидетельствовала о неладном.

Я думаю, что толчком для этих снов послужил звонок Гарольда Обловски в октябре 1997 года. Вроде бы позвонил Гарольд для того, чтобы поздравить меня с несомненным успехом «Поклонника Дэрси» — этот роман и читатели, и критика действительно встретили с энтузиазмом. Но я подозревал, что это не единственная причина, Гарольд обычно не звонит только по одному делу, и я не ошибся. Он и Дебра Уайнсток, мой редактор, встречались за ленчем днем раньше, и разговор у них зашел об осени 1998 года.

— Похоже, собирается целая толпа. — Гарольд имел в виду список готовящихся к выходу книг, вернее, половину списка, отведенную беллетристике. — И есть несколько сюрпризов. Дин Кунц...

— Я думал, он обычно публикуется в январе, — встал я.

— Обычно, но Дебра слышала, что на этот раз выход книги откладывается. Он хочет добавить пару глав. Опять же Гарольд Роббинс* с «Хищниками»...

*Роббинс, Гарольд — скончался в начале 1998 г. «Хищники» — его последний роман.

— Подумаешь!

— У Роббинса по-прежнему хватает поклонников, Майк. Ты сам не раз указывал, что романистам хранят верность всю жизнь.

— Это точно. — Я перекинул телефонную трубку к другому уху, уселся поудобнее. Поймал взглядом фотографию «Сары-Хохотушки», что стояла в рамочке на столе. Уже ночью мне предстояло посетить этот дом, но во время разговора я этого еще не знал. Меня занимало только одно: когда же Гарольд Обловски перестанет бродить вокруг да около и доберется до сути.

— Я чувствую нетерпение, Майк, — прервал паузу Гарольд. — Я отрываю тебя от стола? Пишешь?

— Только что выполнил дневную норму. И подумываю о ленче.

— Буду краток, — пообещал он. — Но пожалуйста, послушай меня внимательно, потому что дело важное. Осенью могут появиться пять книг, которые мы не брали в расчет. Кен Фоллетт... вроде бы это будет лучший его роман со времен «Игольного ушка»... Белва Плейн... Джон Джейкс...

— Они не играют в теннис на моем корте, — ответил я, хотя и понимал, к чему клонит Гарольд: в списке «Таймс» всего пятнадцать позиций.

— А как насчет Джин Оуэл, которая наконец-то публикует очередной роман из своей эпопеи о сексе среди пещерных людей?

Я выпрямился.

— Джин Оуэл? Неужели?

— Ну, стопроцентной уверенности нет, однако шансы высоки. И уж точно порадует нас новым романом Мэри Хиггинс Кларк. Я знаю, на чьем корте она играет, да и ты тоже.

Если бы я услышал эти слова шесть или семь лет назад, когда мне было за что бороться, то, пожалуй, взбеленился бы. Мэри Хиггинс Кларк действительно играла

на моем корте, и публикации наших книг разносились по времени... причем, поверьте мне, выигрывал от этого только я. Потому что, если бы мы столкнулись нос к носу, она бы меня сделала. Как мудро заметил покинувший нас Джим Кроус*, негоже натягивать шляпу на нос супермена, плевать против ветра, срывать маску с одинокого рейнджера и переходить дорогу Мэри Хиггинс Кларк. Во всяком случае, негоже таким, как Майк Нунэн.

— Как такое могло случиться? — спросил я.

Не думаю, что в моем голосе прозвучали зловещие нотки. Но Гарольд отреагировал очень нервно, словно боялся, что его за этот проступок уволят или в лучшем случае вынесут последнее предупреждение.

— Не знаю. Вроде бы в этом году она решила написать два романа. Мне говорили, такое с ней случается.

Я по себе знал, что случается, поэтому напрямую спросил Гарольда, а чего, собственно, ему надо. Ответ меня не удивил: он и Дебра, не говоря уже о прочих моих друзьях в «Патнаме», хотели одного и того же — опубликовать мою книгу на исходе лета 1998 года, то есть на пару месяцев опередить Мэри Хиггинс Кларк и остальных конкурентов. Тогда в ноябре торговый отдел «Патнама» мог второй раз потратиться на рекламу, обеспечив на Рождество второй пик продаж.

— Они всегда так говорят, — вырвалось у меня. Я принадлежал к большинству романистов (как удачливых, так и нет), которые ни в грош не ставят обещания издателей.

— Я думаю, ты можешь им поверить, Майк... Как ты помнишь, «Поклонник Дэрси» — последняя книга, которую ты написал по старому контракту. — Голос Гарольда звенел от предвкушения грядущих переговоров с Деброй Уайнсток и Филлис Грэнн из «Патнама», предваряющих подписание нового контракта. — Главное, тебя в издательстве любят. И полюбят еще больше, если уви-

* Кроус, Джим — известный американский литературный критик.

дят рукопись с твоей фамилией на первой странице еще до Дня благодарения*.

— Они хотят, чтобы я представил им книгу в ноябре? В следующем месяце? — Я надеялся, что Гарольд уловит в моем голосе нотки праведного негодования. Все-таки коробка с рукописью романа «Обещание Элен» по-прежнему лежала в банковской ячейке. На том самом месте, куда я положил ее одиннадцать лет назад. Первый запасенный мной орешек. И последний оставшийся про запас.

— Нет-нет, крайний срок — пятнадцатое января, — попытался успокоить меня Гарольд. Я же задался вопросом, а куда они ходили на ленч? Наверняка в один из самых дорогих ресторанов. Скорее всего в «Четыре сезона». — Им, конечно, придется поднапрячься, сократив издательский цикл, но они на это готовы. Вопрос в том, сможешь ли ты закончить роман раньше обычного срока?

— Думаю, что смогу, — ответил я, — но им придется за это заплатить. Как в химчистке за срочность.

— Об этом можешь не беспокоиться! — воскликнул Гарольд так радостно, будто долго гонял шкурку, но наконец-то добился желаемого результата.

— И сколько ты думаешь...

— Прежде всего увеличим аванс. Они, конечно, надутся, заявят, что более ранний выход книги и в твоих интересах. Мол, *прежде всего* в твоих интересах. Но учитывая, что тебе придется удлинить рабочий день... дополнительные расходы на масло, которое сгорит в лампе в ночные часы...

— Не забудь про душевное смятение, неизбежное при ускорении процесса творчества, и боль от преждевременных родов...

— Правильно... правильно... Полагаю, аванс повысим на десять процентов. — Говорил он рассудительно, слов-

* Национальный праздник США, отмечается в последний четверг ноября.

но стараясь учесть все факторы. Я же думал о том, сколько женщин согласились бы родить месяцем раньше, если бы им заплатили за это триста тысяч. Но наверное, есть вопросы, которые лучше оставлять без ответа.

А в моем случае дискуссия вообще носила чисто теоретический характер. Книгу-то я давно написал.

— Что ж, посмотри, что тебе удастся сделать.

— Да, но я не уверен, что речь надо вести только об одной книге, понимаешь? Думаю...

— Гарольд, сейчас я могу думать только о еде.

— Что-то не нравится мне твой голос, Майкл. У тебя...

— У меня все в порядке. Поговори с ними только об одной книге, позаботься о том, чтобы я получил за свои труды сладенькую карамельку. Хорошо?

— Хорошо, — согласился он после очередной знаменитой паузы. — Но я думаю, сказанное не означает, что ты не откажешься от переговоров по контракту на три или четыре книги. Суши сено, пока светит солнце, так? Вот девиз чемпионов.

— У них есть и другой девиз: пересекай каждый мост, который встретится на пути, — ответил я, а ночью во сне опять отправился в «Сару-Хохотушку».

В этом сне, как во всех снах, которые я видел той осенью и той зимой, я шел по дороге, ведущей к коттеджу. Дорога эта дугой прорезала лес, упираясь концами в Шестьдесят восьмое шоссе. У каждого съезда стоял указатель

ДОРОГА 42

на случай если кто-то сообщит о пожаре, а его попросят точно указать место возгорания, но без всякого названия. Мы с Джо тоже никак не прозвали эту дорогу, даже между собой. Дорога эта узкая, двум машинам не разъехаться — по существу, две колеи от колес, между которыми

сквозь асфальт уже пробилась трава. И когда едешь по ней, она шуршит, задевая о днище автомобиля.

Но в своих снах я никогда не ехал по Сорок второй дороге на автомобиле. Исключительно шел на своих двоих.

С обеих сторон к дороге подступали деревья. Темнеющее небо превратилось в узкую полоску между кронами. До появления первой звезды оставалось совсем недолго. Солнце уже село. Стрекотали цикады. На озере кричали гагары. Маленькие зверьки — бурундуки, а может, белки — копошились в лесу.

Направо по склону холма уходил проселок. Он служил нам подъездной дорожкой. У съезда стоял маленький указатель с надписью

САРА-ХОХОТУШКА

Я остановился у поворота, вниз не пошел. Смотрел на коттедж. Сложенный из бревен, с многочисленными пристройками. Террасы, выходящей к озеру, я сверху не видел. В коттедже четырнадцать комнат, нелепое число. Несмотря на преклонный возраст, выглядел коттедж достойно. Как столетняя дама, идущая легкой походкой, несмотря на артрит и негнувшиеся колени.

Центральную часть построили то ли в конце прошлого, то ли в начале нынешнего века. Остальное добавляли в тридцатых, сороковых, шестидесятых. Задумывалась «Сара-Хохотушка» как охотничий домик. В начале семидесятых здесь жила коммуна хиппи. Коттедж не раз сдавали в аренду, но с сороковых по 1984 год он принадлежал Хингерманам, Деррену и Мэри... потом одной Мэри: Деррен умер в 1971 году. Купив коттедж, мы добавили к нему самую малость: установили на коньке крыши спутниковую антенну. Идея принадлежала Джозанне, но посмотреть телевизор ей практически не удалось.

За домом в отсветах заката блесло озеро. Проселок устилал толстый слой опавших сосновых иголок. Тут

и там валялись ветви. Кусты, растущие по обе стороны проселка, тянулись друг к другу, стремясь преодолеть узкий разрыв. Если бы я ехал на автомобиле, ветки бы неприятно скреблись о борта. Я видел мох, растущий на бревнах коттеджа, и три больших подсолнечника с головками, похожими на прожекторы, которые выросли сквозь щели между досками маленького крылечка, со стороны подъездной дорожки. Создавалось ощущение, что хозяева не забросили коттедж, но на какое-то время определенно забыли о нем.

Подул прохладный ветерок, и тут я понял, что весь в поту. До меня долетал запах хвои и слабый запах воды. Темный След — одно из самых чистых и глубоких озер штата Мэн. До конца тридцатых, рассказывала нам Мэри, оно было куда как больше, но компания «Уэстерн Мэн электрик» вместе с заводами в Рамфорде, производящими металл и бумагу, добились у правительства штата разрешения на строительство плотины на реке Джесса. Мэри показывала нам очаровательные фотографии дам в белых платьях и джентльменов в костюмах-тройках, катающихся по озеру на каноэ. Фотографии эти сделали еще до Первой мировой войны. Мэри указала на одну из женщин, замершую с поднятым веслом. «Это моя мама, — пояснила она, — а мужчина, на которого она замахивается веслом, — мой отец».

Гагары кричали. Я уже различал в небе Венеру. Звездный свет, звездный свет, исполни мое желание... В тех снах все мои желания были связаны с Джоанной.

Загадав желание, я попытался спуститься вниз по проселку. Разумеется, попытался. Дом-то ведь мой, верно? Куда еще я мог пойти, как не в свой дом, когда с каждой минутой все темнело, а в не прекращающихся ни на секунду лесных шорохах чувствовалась порой угроза? Куда еще я мог пойти? Вокруг темно, и одному страшно входить в темный дом (вдруг «Сара» обиделась, что ею так долго пренебрегали? Вдруг она из-за этого злит-

ся?), но ничего другого мне не оставалось. Если электричества нет, подумал я, зажгу керосиновую лампу, которую мы держали в кухонном буфете.

Только я не сумел спуститься вниз. Ноги отказывались идти по проселку. Словно мое тело знало о доме что-то такое, о чем понятия не имел мой мозг. Ветер усилился, от холода по коже побежали мурашки, я не мог понять, с чего это я так вспотел. Я бежал? Если бежал, то куда? От кого?

От пота промокли волосы. Тяжелой массой легли на лоб, прилипли к нему. Я поднял руку, чтобы отбросить их, и обнаружил неглубокую царапину на тыльной стороне ладони, за костяшками пальцев. На этот раз на правой руке. Случалось, что царапина переключивалась на левую руку. Я подумал: если это сон, то откуда такие подробности? С такой четкостью их обычно подмечает писатель... но, возможно, во сне все — писатели. Как узнать?

Теперь «Сара-Хохотушка» — темное пятно на чуть более светлом фоне озера, и я понимаю, что вниз мне идти совсем не хочется. Предчувствие беды наполняет меня, я без труда представляю себе все те опасности, которые могут подстергать меня в доме. Бешеный енот, затаившийся в углу кухни. Летучие мыши в ванной — если их побеспокоить, они начнут с криками кружить над головой, задевая лицо крыльями. Даже одно из знаменитых Потусторонних Существ, плод фантазии Уильяма Денброу, может прятаться под крыльцом, наблюдая сквозь щели за моим приближением.

— Что ж, но я не могу оставаться и здесь, — говорю я сам себе, но ноги по-прежнему не слушаются, и, похоже, нет у меня иного выхода, как оставаться здесь, на пересечении дороги и проселка. Хочу я этого или нет, нравится мне это или нет, но придется стоять столбом.

А из леса доносятся уже не шорохи мелких животных (они все залезли в норы и спят), но приближающиеся

тяжелые шаги. Я хочу повернуться и посмотреть, кто идет ко мне, но не могу...

...и вот тут я обычно просыпался. Первым делом включал свет, чтобы убедить себя, что по возвращении в реальный мир мое тело стало более послушным. Иногда — нет, практически всегда, — проснувшись, я думал о Мэндерли.

Прошлой ночью мне снилось, что я вернулась в Мэндерли. В этом есть что-то нездоровое (думаю, что-то нездоровое есть и в повторяющемся сне, мое подсознание бьет и бьет в одну точку), но я не стану отрицать, что какая-то часть моего «я» наслаждалась летним покоем, который окружал меня во сне, и этой самой части нравилась грусть, которую я испытывал, просыпаясь. Экзотичности этого сна так не доставало мне в реальной жизни, особенно теперь, когда дорогу, на которой ранее резвилось мое воображение, наглухо заблокировали.

Насколько мне помнится, по-настоящему я испугался только один раз (но должен прямо сказать, воспоминаниям этим я не очень-то доверяю, потому что их вовсе не существовало). И случилось это, когда, проснувшись, произнес в темноте спальни: «Что-то у меня за спиной. Не подпускайте его ко мне. Что-то затаилось в лесу, не подпускайте его ко мне». Напугали меня не сами слова, а голос, которым я их произнес. То был голос человека, который вот-вот уступит охватывающей его панике, и звучал он совсем не как мой голос.

За два дня до Рождества 1997 года я вновь поехал в «Файделити Юнион», где менеджер банка проводил меня к ячейке, упрятанной в залитые люминесцентным светом катакомбы. Когда мы спускались по ступеням, он заверил меня (наверное, в десятый раз), что его жена — давнишняя поклонница моего таланта и читает все мои книги. В десятый раз я ответил, что пора бы и ему попасться в мои сети. На что он добродушно хохотнул. Видать, мы придумали с ним новый банковский ритуал.

Мистер Куинлэн вставил ключ в замочную скважину «А» и повернул его. Затем скромненько, как сутенер, приведший клиента к кровати шлюхи, удалился. Я вставил свой ключ в замочную скважину «В», повернул, открыл ячейку. Она словно увеличилась в размерах. Оставшаяся коробка с рукописью забилась в дальний угол, напоминая единственного уцелевшего щенка, который знает, что его братьев и сестер уже отловили и удушили газом. На светлом картоне чернели буквы единственного слова:

ОБЕЩАНИЕ

Откровенно говоря, я уже не помнил, о чем шла речь в этом чертовом романе.

Я вытащил из банковской ячейки путешественника во времени, добравшегося до 1997 года из далеких восьмидесятых, и захлопнул дверцу. В ячейке осталась разве что пыль.

Дай ее сюда, прошипела в моем сне Джо — за долгие годы впервые мне вспомнился этот сон. *Дай ее сюда, это мой пылесос.*

— Мистер Куинлэн, я закончил, — позвал я.

Мне показалось, что голос мой дрожит, но Куинлэн, похоже, ничего не заметил... а может, сделал вид, что не заметил. Наверное, я был не единственным его клиентом, на которого визиты в «Файделити юнион» нагоняли тоску.

— Я обязательно почитаю ваши книги. — Он коротко глянул на коробку, которую я держал в руке (наверное, я мог бы приходить в банк с брифкейсом и класть в него рукопись, но никогда этого не делал). — Вот на Новый год и почитаю.

— Почитайте, мистер Куинлэн, — энергично кивнул я. — Не пожалеете.

— Марк, — поправил он меня. И тоже не в первый раз.

Я написал два письма, одно из которых вложил в коробку с рукописью, прежде чем сдать ее в приемный

пункт «Федерал экспресс». Оба я писал на компьютере, поскольку мое тело позволяло мне пользоваться программой «Ноут-пэд». Конфликт возникал лишь в том случае, когда я хотел запустить шестой «Ворд». Я никогда не пытался писать роман, используя программу «Ноут-пэд», предназначенную для составления коротких файлов, понимая, к чему это приведет... естественно, я мог составлять кроссворды и играть в компьютерные игры, если у меня возникало такое желание. Я пытался писать роман ручкой, но без особого успеха. Без светящегося экрана вдохновение не приходило.

Одно из писем предназначалось Гарольду, второе — Дебре Уайнсток. Содержание разнилось в мелочах: «Вот вам моя новая книга, «Обещание Элен». Надеюсь, она понравится вам так же, как и мне. А если встретятся шероховатости, то причина в том, что мне пришлось ужаться на целый месяц. Так что счастливого вам Рождества и веселой Хануки, надейтесь, что кто-нибудь подарит вам гребаного пони».

Я простоял час в очереди (перед Рождеством никто никуда не спешит, особенно те, кто на службе). Коробку с рукописью я держал в левой руке, книгу Нелсона Демилия «Школа колдовства» — в правой. Прочитал почти пятьдесят страниц, прежде чем мой последний неопубликованный роман перекочевал в руки усталой приемщицы. Когда я пожелал ей счастливого Рождества, она лишь пожала плечами и ничего не ответила.

Глава 4

Телефон зазвонил, как только я переступил порог.

Френк Арлен спросил, не составлю ли я ему компанию на Рождество. Не только ему, но всем братьям, которые собирались приехать с семьями.

Я уже открыл было рот, чтобы отказаться (не хватало мне ирландского Рождества, когда все пьют виски и со слезами на глазах вспоминают Джо, а по полу при этом ползает с десяток представителей подрастающего поколения в компании с не меньшим числом собак), но неожиданно услышал, что обязательно приеду.

Френка мой ответ удивил не меньше, чем меня, но он искренне обрадовался.

— Фантастика! — воскликнул он. — Когда ты сможешь сюда добраться?

Я стоял в холле, с галош на линолеум капала вода, через арку я мог видеть гостиную. Рождественская елка там не стояла: после смерти Джо Рождество я не праздновал. Комната казалась таинственной и слишком большой для меня... Каток для роллеров с обстановкой начала века.

— Я только что приехал, — ответил я. — Со всеми делами покончил. Как насчет того, если я прямо сейчас соберу сумку, сяду в машину и покачу на юг, пока мотор еще не остыл?

— Великолепно, — без малейшей заминки послышалось с другого конца провода. — Мы сможем устроить себе холостяцкий вечерок до прибытия сыновей и дочерей Восточного Молдена. Как только положу трубку, сразу наполню твой стакан.

— Тогда и я не буду терять времени.

Рождество обернулось для меня лучшим со дня смерти Джоанны праздником. Пожалуй, единственным праздником за все время моего одиночества. Четыре дня я был почетным Арленом. Слишком много выпил, несчетное количество раз поднимал стакан в память Джоанны... и знал — как, понятия не имею, — что она полностью одобряет такое мое поведение. Дважды младенцев вырвало на меня, один раз, глубокой ночью, ко мне в постель забралась собака, а сестра жены Никки Арлена

подкатилась ко мне на следующий после Рождества день, когда застала на кухне одного: я сооружал себе сандвич с индейкой. Я поцеловал ее, потому что она очень хотела, чтобы ее поцеловали, и тут ее шаловливая рука ухватила меня за то самое место, которого последние три с половиной года касались только мои руки. Не могу сказать, что это вызвало у меня исключительно отрицательные эмоции.

Дальнейшего развития наш роман не получил, да и не мог получить: вокруг полно Арленов, да и Сюзи Донахью официально еще не развелась (как и я, на то Рождество она была почетным Арленом)... но я решил, что пора уезжать... а может, мне хотелось разогнать автомобиль на узкой улице, которая заканчивалась кирпичной стеной. Так или иначе, двадцать седьмого я отбыл, довольный, что приезжал. Перед тем как сесть в машину, я крепко обнял Френка. Четыре дня я совсем не думал о том, что в моей банковской ячейке «Файделити юнион» нет ничего, кроме пыли, и четыре ночи спал до восьми утра, просыпаясь разве что от спазмов в желудке да похмельной головной боли. И ни разу мысль о Мэндерли, фраза о возвращении в Мэндерли не приходили мне в голову. В Дерри я приехал умиротворенный, посвежевший, словно родившийся заново.

Утро первого дня нового 1998 года выдалось ясным, морозным, солнечным. Я встал, принял душ, подошел к окну спальни с чашечкой кофе в руке. И внезапно меня как громом поразило. Я почувствовал, что вновь могу писать. Начался новый год, что-то переменилось, и я могу писать, если будет на то мое желание. Валун, перегоревший дорогу, откатали в сторону.

Я прошел в кабинет, сел перед компьютером, включил его. Сердце билось нормально, ни на лбу, ни на шее не выступал пот, руки не холодели. На экране возникло главное меню, я подвел стрелку к яблоку, дважды щелкнул мышью, вызывая моего старого знакомого шестого

«Ворда». На экране высветился логотип программы, и тут же я лишился способности дышать. Будто железные пальцы сдавили горло.

Я отпрянул от стола, хрипя, хватаясь за ворот водолазки, которую надел в то утро. Колесики кресла за что-то зацепились, оно перевернулось, я через спинку полетел на пол. Крепко приложился затылком, перед глазами вспыхнули разноцветные искры. Наверное, мне еще повезло: сознания я не потерял. Но главная моя удача в первый день 1998 года состояла именно в том, что кресло перевернулось и я вылетел из него, как из катапульты. Если бы кресло просто отъехало назад и в поле зрения остался бы монитор, на котором логотип шестого «Ворда» сменился бы чистым серым полем, думаю, я бы умер от удушья.

С огромным трудом мне удалось подняться. Гортань сузилась до размеров соломинки, воздух едва проникал в легкие, но я дышал. Добрался до ванной. Меня вырвало в раковину с такой силой, что брызги долетели до зеркала. Лицо у меня посерело, колени подогнулись. На этот раз я ударился лбом о край раковины. Затылок я не разбил (правда, к полудню там выросла приличных размеров шишка), а вот лоб рассадил. И конечно же, не обошлось без синяка. Потом я всем говорил, что наткнулся на дверь ванной, когда ночью пошел в туалет. Вот, мол, что происходит, если ленишься зажечь лампу.

Окончательно придя в себя, я обнаружил, что лежу на полу, свернувшись клубочком. Встал, продезинфицировал ссадину на лбу, уселся на край ванны, низко опустив голову, и встал лишь после того, как убедил себя, что ноги не откажутся мне служить. Должно быть, просидел я минут пятнадцать, и за это время окончательно решил, что моя писательская карьера закончена, если, конечно, не произойдет чуда. Гарольд будет негодовать, Добра откажется мне верить, но что они смогут предпринять? Пришлют издательскую полицию? Пригрозят ге-

стапо клуба «Книга месяца»? Даже если и пришлют, если и пригрозят, что это изменит? Из кирпича не выжать воды, из камня — крови. Если исключить вмешательство свыше, писательский этап моей жизни завершен.

А если это и так, что ты будешь делать в последующие сорок лет, Майк? — спросил я себя. За сорок лет можно вдоволь наиграться в «Скрэббл», поучаствовать во множестве турниров и конкурсов составителей кроссвордов, выпить много виски. Но достаточно ли этого? Чем еще ты мог бы заполнить сорок последующих лет своей жизни?

Мне не хотелось об этом думать, во всяком случае, тогда. Последующие сорок лет сами смогут постоять за себя. А я мечтал только об одном: пережить первый день нового 1998 года.

Окончательно убедившись, что вернул себе контроль над телом, я вернулся в кабинет, добрался до компьютера, не отрывая глаз от пола, нащупал нужную кнопку и выключил машину. Когда выключаешь компьютер, не закрыв программу, последнюю можно повредить, но, учитывая обстоятельства, едва ли меня это тревожило.

В ту ночь мне опять снилось, как в сумерках я шагаю по Сорок второй дороге. Вновь я загадал желание, увидев вечернюю звезду; под крики гагар на озере. Вновь почувствовал, как Кто-то или Что-то крадется ко мне по лесу, подбираясь все ближе. Рождественские праздники остались в прошлом.

Зима выдалась холодной, суровой, снежной, а февральская эпидемия гриппа жестоко обошлась со стариками Дерри. Многих отправила на тот свет. Точно так же, бывало, смерч расправлялся со старыми деревьями. Меня болезнь миновала. В ту зиму я ни разу не кашлянул.

В марте я слетал в Провиденс и принял участие в конкурсе кроссвордов Уилли Венга. Занял четвертое место и выиграл пятьдесят долларов. Обналичивать чек не стал, но заказал под него рамочку и повесил на стене в гости-

ной. Раньше все мои Свидетельства триумфа, как называла их Джо, украшали стены моего кабинета, но в первые месяцы 1998 года я туда практически не заходил. Если мне хотелось сыграть с компьютером в «Скрэббл» или составить кроссворд, я пользовался «Пауэрбуком»*, который ставил на кухонный стол.

Помнится, как-то я раз, включив компьютер и открыв главное меню, я проскочил программу кроссвордов и подвел курсор к моему старому знакомцу шестому «Ворду».

И в тот момент меня охватили не раздражение и не бессилие, не слепая ярость (весь этот джентльменский набор я испытал не раз, после того как поставил последнюю точку в романе «Вниз с самого верха»), а грусть и тоска. Пиктограмма шестого «Ворда» внезапно напомнила мне о фотографиях Джо, которые я держал в бумажнике. Глядя на них, я иногда думал, что готов продать мою бессмертную душу ради того, чтобы вернуть ее... и в тот мартовский день я подумал, что смог бы продать душу, если б вновь обрел возможность писать.

Так ты попробуй, внезапно зазвучал у меня в голове чей-то голос. *Может, что и получится.*

Но я знал, что ничего не получится. Поэтому, вместо того чтобы открыть «Ворд», я перекинул пиктограмму к корзине, которая находилась в правом нижнем углу экрана, и бросил туда. Прощай, дружище.

В ту зиму часто звонила Дебра Уайнсток, и всегда с хорошими новостями. В начале марта она сообщила, что на август «Обещание Элен» отобрана «Литературной гильдией»** как одна из двух книг месяца. Компанию «Элен» составил триллер Стива Мартини, еще одного ветерана нижней половины пятнадцатистрочного списка бестселлеров «Таймс». И моему английскому издате-

* Одна из моделей портативного компьютера (ноутбука).

** Один из наиболее известных и крупных клубов «Книги — почтой».

лю, по словам Дебры, «Элен» понравилась. Он посчитал, что этим романом я наконец-то подберу ключ к сердцу британцев (в Англии мои книги всегда продавались хуже, чем в Америке).

— «Обещанием Элен» ты как бы открыл новое направление в своем творчестве. Ты с этим согласен? — спросила меня Дебра.

— Такая мысль посещала меня, — признался я, гадая, а что бы сказала Дебби, узнав, что роман, открывающий новое направление в моем творчестве, больше десяти лет пылился в банковской ячейке.

— В нем... даже не знаю, как и сказать... чувствуется зрелость.

— Благодарю.

— Майк? Что-то с телефоном. Ты куда-то пропал.

Конечно, пропал. Потому что вцепился зубами в руку, чтобы удержаться от смеха. Потом убрал руку, осмотрел следы от зубов.

— Сейчас слышно лучше?

— Да, намного. А о чем будет новый роман? Хотя бы наметки.

— Ты же знаешь ответ.

Дебра рассмеялась.

— «Тебе придется прочитать книгу, чтобы узнать, что да как». Правильно?

— Абсолютно.

— Что ж, пиши дальше. Твои друзья в «Патнаме» вне себя от радости. Они говорят, что ты вышел на новый уровень.

Я попрощался с Деброй, положил трубку на рычаг и смеялся никак не меньше десяти минут. Смеялся, пока не начал плакать. Оплакивал я себя. И мой новый уровень.

В этот период я также согласился на телефонное интервью журналисту «Ньюсуик», который готовил обзорную статью по новой американской готике (что бы ни

подразумевалось под этим литературным стилем, такое название определенно помогло продать несколько экземпляров), и на интервью для «Паблишер уикли», которое еженедельник намеревался опубликовать перед появлением на прилавках «Обещания Элен». Я согласился на эти интервью, потому что они от меня ничего не требовали. На такие вопросы можно отвечать по телефону, при этом разбирая почту. Дебру мое согласие очень обрадовало — обычно я сторонился прессы. Я ненавидел всю это рекламную суету, особенно телевизионные ток-шоу, участники которых в глаза не видели мою книгу, а первый вопрос всегда звучал одинаково: «Где вы берете идеи для своих книг?» Период раскрутки романа я всегда считал для себя самым трудным, но на этот раз я имел полное право с гордостью сказать, что благодаря мне Дебра могла порадовать своих боссов хорошими новостями. «Да, — могла она заявить с чистой совестью, — он, конечно, чурается рекламы, но мне удалось убедить его хоть в чем-то поступиться принципами».

И хотя мне по-прежнему снилась «Сара-Хохотушка», пусть не каждую ночь, а через две на третью, днем я об этих снах не вспоминал. Я составлял кроссворды, купил стальную акустическую гитару и начал учиться на ней играть (хотя и не рассчитывал, что меня пригласят погастролировать с Патти Лавлесс* или Аланом Джексоном**), ежедневно просматривал некрологи в «Дерри ньюс», выискивая знакомые фамилии. Короче, вел растительный образ жизни.

Но вся эта лафа закончилась звонком Гарольда Обловски, имевшим место быть через три дня после того, как Дебра сообщила мне о решении «Литературной гильдии». За окном как раз разбушевался буран, как выяс-

* Рэми, Патти Ли (р.1957) — певица, с десяти лет пишет и исполняет свои песни.

** Джексон, Алан (р.1958) — певец, сам пишет песни и исполняет их, аккомпанируя себе на гитаре.

нилось впоследствии, один из последних и самых сильных в ту зиму. К вечеру во всем Дерри вырубились электричество: мокрый снег оборвал провода, но Гарольд позвонил в пять часов, когда свет еще не погас, а телефоны работали.

— У меня только что состоялся довольно интересный разговор с твоим издателем. Очень ободряющий разговор, доложу я тебе. И я сразу набрал твой номер.

— Однако.

— Так вот, в «Патнаме» все более утверждаются в мысли, Майк, что у твоей последней книги очень большой потенциал. Они считают, что продаваться она будет значительно лучше предыдущих.

— Да, — согласился я. — Я поднимаюсь на новый уровень.

— Что?

— Мысли вслух. Не обращай внимания, Гарольд. Продолжай.

— Элен Ниаринг — очень колоритный персонаж, а Скэйт — твой лучший злодей.

Я молчал.

— Дебра предложила заключить контракт на три книги, первой из которых будет «Обещание Элен». Очень выгодный контракт на три книги. Без всякого нажима с моей стороны. На одну больше, чем принято заключать практически во всех издательствах. Я упомянул девять миллионов долларов, по три миллиона за книгу, полагая, что она рассмеется мне в глаза... но агент должен с чего-то начинать, а я считаю, что прежде всего надо занять господствующую высоту. Должно быть, среди моих предков были румынские кадровые офицеры.

Скорее эфиопские торговцы старьем, подумал я, но ничего не сказал. Потому что не мог произнести ни слова. Я словно сидел в кресле дантиста, который перестарался с новокаином и заморозил не только больной зуб, но и язык, и губы. А Гарольд разливался соловьем. Кон-

тракт на три книги для нового, зрелого Майкла Нунэна. По самой высокой ставке.

На этот раз у меня не возникло желания смеяться. Наоборот, хотелось выть. Гарольд же говорил, говорил и говорил. Гарольд не знал, что книжное дерево засохло. Гарольд не знал, что новый Майк Нунэн не может написать ни строчки. А если предпринимает такую попытку, то заканчивается все удушьем и приступом рвоты.

— Хочешь знать, что она мне на это ответила, Майк?

— Выкладывай.

— Она сказала: «Девять миллионов, конечно; перебор, но почему бы не начать танцевать от этой суммы. Как исходная, она ничуть не хуже любой другой. Мы чувствуем, что новая книга принесет ему славу». Это потрясающе. Потрясающе! Я, разумеется, не давал никаких обещаний, сначала хотел поговорить с тобой. Но я уверен, что семь с половиной нам гарантировано. А скорее всего окончательная цифра окажется выше. Я даже...

— Нет.

Он запнулся. Всего лишь на мгновение. Но мне хватило и этого, чтобы понять, что я изо всей силы сжимаю телефонную трубку. У меня даже заболела рука.

— Майк, сначала послушай меня...

— Незачем мне тебя слушать. Я не хочу обсуждать новый контракт.

— Позволь мне с тобой не согласиться. Лучшего момента не будет. Подумай об этом! Сейчас мы можем запросить самую высокую цену. Если же ждать выхода в свет «Обещания Элен»... я не могу гарантировать, что мы получим такое же...

— Я знаю, что не можешь. Мне не нужны гарантии, мне не нужны предложения. Я не хочу обсуждать новый контракт.

— Кричать не обязательно, Майк. Я и так хорошо тебя слышу.

Я кричал? Возможно.

— Тебя не устраивает «Патнам»? Я думаю, Дебру это очень огорчит. Я также думаю, что Филлис Грэнн пойдет тебе навстречу практически во всем...

«Ты спишь с Деброй, Гарольд?» — так и подмывало меня спросить. А что, вполне логичное допущение — толстенький, пятидесятилетний лысеющий коротышка Гарольд Обловски, трахающий мою светловолосую, утонченную, аристократичную, обученную в «Смит»* редакторшу. Ты спишь с ней, и вы обсуждаете мое будущее, лежа в постели в номере «Плазы»? Вы вдвоем пытаетесь определить, сколько еще золотых яиц сможет снести эта старая курица, прежде чем вы свернете ей шею и отправите в кастрюлю? Такие у вас планы?

— Гарольд, сейчас я не могу об этом говорить. Сейчас я не хочу об этом говорить.

— А что случилось? Чего ты так расстроился? Я-то хотел тебя порадовать. Черт, я думал, ты будешь прыгать до потолка.

— Ничего не случилось. Просто сейчас не время обсуждать долговременные контракты. Извини, Гарольд. У меня что-то горит в духовке.

— Сможем мы вернуться к этому разговору на следующей не...

— Нет, — отрезал я и бросил трубку. Наверное, впервые за всю мою сознательную жизнь я бросил трубку, оборвав разговор с человеком, которого я знал. Раньше такой чести удостоивались только сотрудники телефонных магазинов, которые желали всучить мне что-то абсолютно необходимое.

В духовке, разумеется, у меня ничего не горело. Потому что я в нее ничего и не ставил. Так что зашагал я не на кухню, а в гостиную. Плеснул себе виски, сел перед телевизором. Просидел перед ним четыре часа. Смотрел

* Колледж Софи Смит, основан в 1871 г. Престижный частный колледж высшей ступени, преимущественно для женщин. Находится в Нортхэмптоне, штат Массачусетс.

все подряд и ничего не видел. За окнами продолжал бушевать буран. Завтра, решил я, все деревья в Дерри превратятся в ледяные скульптуры.

В четверть десятого электричество отключилось, потом свет зажегся на тридцать секунд, чтобы окончательно погаснуть. Я решил, что это весомый повод для того, чтобы перестать думать о контракте, упомянутом Гарольдом, и о том, в какой восторг пришла бы Джо, услышав про девять миллионов. Я встал, выдернул из розетки шнур телевизора, чтобы тот не ожил в два часа ночи (вот этого я мог бы и не опасаться: Дерри оставался без электричества почти двое суток), и пошел наверх. Бросил одежду на пол у изножья кровати, забрался в постель, даже не почистив зубы, и через пару минут заснул. Не знаю, сколько я спал, прежде чем мне приснился этот кошмар.

То был последний сон из моего, как я его называю, «Мэндерлийского сериала», кульминационный сон. И воздействие его многократно усилилось кромешной тьмой, в которой я проснулся.

Начался сон, как и все прочие. Я шагаю по дороге, прислушиваясь к цикадам и гагарам, смотрю на полоску темнеющего неба над головой. Дохожу до проселка, и вот тут что-то меняется. Кто-то украсил указатель

САРА-ХОХОТУШКА

маленькой яркой наклейкой. Я наклоняюсь к указателю и вижу, что это наклейка радиостанции

WBLM. 102,9, РОК-Н-РОЛЛ ИЗ ПОРТЛЕНДА

С наклейки я перевожу взгляд на небо. Венера уже тут как тут. Как обычно, я загадываю желание, как обычно, мне хочется, чтобы Джоанна вновь была со мной.

Что-то большое ломится через лес, шуршит опавшая листва, трещат ломающиеся ветки.

Тебе бы лучше спуститься вниз, звучит голос в моей голове. На тебя выставили контракт, Майк.

Трехкнижный контракт, хуже не бывает. Я не могу пошевелиться. Я не могу сдвинуться с места. Я могу только стоять. У меня в голове возник психологический барьер, не позволяющий сделать и шага.

Но я уже понимаю, что это не так. Я могу идти. На этот раз я могу идти. Радость охватывает меня. Я прорвал барьер. Во сне я думаю: «Это все меняет! Это все меняет!»

Я ступаю на проселок, вдыхая запах опавшей хвои, то переступая через валяющиеся на земле ветви, то отбрасывая их в сторону. Поднимаю руку, чтобы смахнуть со лба влажные от пота волосы, вижу царапину на тыльной стороне ладони. Останавливаюсь, с интересом начинаю ее разглядывать.

Не теряй времени, вновь оживает голос в моей голове. Иди вниз. Тебе надо писать книгу.

Я не могу писать, отвечаю я. *Эта часть моей жизни закончена. Начались следующие сорок лет.*

Нет, возражает голос. *И безжалостная интонация, которую я в нем уловил, пугает меня до смерти. Ты не мог ходить, а не писать, а теперь сам видишь, психологический барьер исчез. Так что быстренько спускайся вниз.*

Я боюсь, признаюсь я голосу.

Боишься чего?

Ну... а если там миссис Дэнверс?

Голос не отвечает. Он знает, что я не боюсь домоправительницы Ребекки де Уинтер. Она всего лишь книжный персонаж, мешок с костями, ничего больше. Поэтому я продолжаю спуск. Ничего другого не остается, но с каждым шагом нарастает охватывающий меня ужас, и где-то на полпути к темной громаде бревенчатого дома меня уже бьет дрожь. Что-то там не так, там меня поджидает беда.

Я убегу отсюда, думаю я. Убегу обратно, буду бежать до самого Дерри, если потребуется, и никогда не вернусь назад.

Да только за спиной я слышу натужное дыхание и тяжелые шаги. Лесная тварь уже вышла на проселок. И если я повернусь, одного ее вида будет достаточно, чтобы лишить меня разума. Потому что надвигается на меня что-то огромное, с красными глазами, злое и голодное.

И спасение я могу обрести только в доме.

Я шагаю дальше. Ветви кустарника, словно руки, хватают меня. В свете поднимающейся луны (никогда раньше в моих снах луна не восходила, но и сон не затягивался так надолго) шелестящие под ветерком листья складываются в ухмыляющиеся физиономии. Я вижу подмигивающие мне глаза, растянутые в ухмылке рты. А ниже — дом с темными окнами, и я знаю, что электричества нет, ураган оборвал провода, и я буду нажимать на выключатель, нажимать и нажимать без всякого результата, пока чьи-то пальцы не сожмут мне запястье и не увлекут меня, словно заждавшегося любовника, в темноту.

Позади уже три четверти проселка. Я вижу ступени лестницы, сбегавшей от коттеджа к озеру, я вижу плот на воде — черный квадрат на лунной дорожке. Билл Дин уже поставил его на привычное место. И я вижу продолговатый предмет, лежащий на полянке, которой у крыльца заканчивается проселок. Раньше этого предмета там не было. Что же это?

Еще два или три шага — и я знаю ответ. Это гроб, тот самый, из-за которого торговался Френк Арлен... потому что, сказал он, владелец похоронного бюро решил нажиться на мне. Это гроб Джо, лежит он на боку, крышка сдвинута, и я вижу, что он пуст.

Мне хочется кричать. Мне хочется развернуться и бежать вверх по проселку... я готов даже к встрече с той тварью, что спускается следом. Но прежде чем мои мыс-

ли успевают превратиться в действия, распахивается дверь черного хода «Сары-Хохотушки», и какая-то жуткая фигура выбегает из дома. Фигура вроде бы человеческая, а вроде бы и нет. Она во всем белом, руки вскинута над головой. Там, где должно быть лицо, ничего нет, но фигура издает пронзительные крики. Это же Джоанна, доходит до меня. Из гроба она выбралась, а вот от савана избавиться не смогла. Саван по-прежнему на ней.

И какое же невероятно стремительное это создание! Оно не плывет, как должно плыть призракам, оно несется по проселку со скоростью курьерского поезда. Оно дожидалось здесь, пока во всех моих снах я стоял как вкопанный, а теперь, когда я наконец смог спуститься вниз, вознамерилось добраться до меня. Я, конечно, закричу, когда оно заключит меня в свои объятия, я закричу, когда мне в нос ударит запах разлагающейся плоти, я закричу, когда увижу буравящие меня черные, сверкающие глаза. Я закричу... но здесь нет никого, кто может меня услышать. Только гагары услышат меня. Я вновь пришел в Мэндерли, только на этот раз, чтобы остаться здесь навсегда.

Орущее белое создание подбежало ко мне, и я проснулся на полу спальни, заходясь в жутком крике, колотясь обо что-то головой. И сколько времени прошло, прежде чем я осознал, что я уже не сплю, что я уже не в «Саре-Хохотушке»? Сколько времени прошло, прежде чем я осознал, что в какой-то момент свалился с кровати и во сне на карачках пополз через спальню, пока не добрался до угла и принялся колотить головой в то место, где сходятся стены? Колотить вновь и вновь, словно буйный помешанный в психиатрической клинике.

Я не знал, не мог знать, потому что электричество отключили и часы на прикроватном столике более не показывали время. Зато я осознавал, что сейчас не смогу выползти из угла, потому что чувствую себя там в боль-

шей безопасности, чем посреди комнаты. И это ощущение еще долго оставалось со мной, хотя я уже и проснулся. Кошмар по-прежнему цепко держал меня в своих когтях (наверное, потому, что я не мог зажечь свет и разрушить его злые чары). Я боялся, что это белое существо, стоит мне покинуть угол, с воплями выскочит из моей ванной с твердым намерением завершить начатое. Я знал, что весь изошел криком, что дрожу от холода, что у меня мокрые пижамные штаны и ноги тоже мокрые: мочевой пузырь не выдержал стресса.

Я оставался в углу, мокрый, жадно хватая ртом воздух. Вглядывался в темноту и задавался вопросом: может ли кошмар свести человека с ума? В ту мартовскую ночь я пришел к выводу (и с тех пор не изменил своего мнения), что такое очень даже возможно.

Наконец я почувствовал в себе силы вылезти из убежища. Отполз на несколько шагов, стянул с себя пижамные штаны и в этот момент потерял ориентацию. А потом последовали пять ужасных сюрреалистичных минут (может, всего две), в течение которых я ползал взад-вперед по собственной спальне, то и дело обо что-то ударялся и всякий раз жалобно вскрикивал. И каждый предмет, на который внезапно натыкалась моя рука, казался мне трупом в белом саване. Пальцы мои не могли нащупать ни одной знакомой вещи. Зеленые, успокаивающие цифры на электрических часах погасли, и теперь я не мог определить, где прикроватный столик, кровать, окно, дверь в ванную. Я словно ползал в мечети далекой Аддис-Абебы.

В конце концов я врезался плечом в кровать. Встал, дернул с одной из подушек наволочку, обтер промежность и верхнюю часть ног. Забрался в постель, натянул на себя одеяло и лежал, дрожа всем телом, слушая, как ветер бросает в стекло то ли мокрый снег, то ли крупку.

Заснуть я в ту ночь больше не смог, а приснившийся мне кошмар продолжал стоять перед глазами, не уходил,

как обычно уходят сны после того, как человек просыпается. Я лежал на боку, дрожь постепенно стихала, и думал о ее гробе на проселке, который служил нам подъездной дорожкой. Думал о том, что Джо любила «Сару», и если уж ее призрак получил возможность вселиться в один из наших домов, то предпочтение Джо отдала бы коттеджу на озере. Но почему она набросилась на меня, хотела причинить мне боль? Как могло получиться, что моя Джо вдруг набросилась на меня? Причины я назвать не мог.

Время текло, и в какой-то момент я понял, что воздух стал серым, что из тумана тьмы начинают возникать контуры шкафов, стульев, другой мебели. Мне сразу полегчало. Свет придал сил. Я решил, что сейчас разожгу на кухне дровяную плиту и сварю себе крепкий кофе. С тем чтобы начать-таки изгонять ночной кошмар.

Перекинув ноги через край кровати, я поднял руку, чтобы отбросить волосы со лба. Да так и застыл со вскинутой на уровень глаз рукой. Должно быть, я поцарапался, когда, потеряв ориентацию, ползал в темноте, пытаюсь отыскать дорогу к кровати. На царапине, на тыльной стороне ладони, пониже костяшек, уже запеклась кровь.

Глава 5

Однажды — мне тогда было шестнадцать — самолет перешел сверхзвуковой барьер прямо у меня над головой. Я как раз бродил по лесу, обдумывал какой-то рассказ из тех, что собирался написать, а может, мечтал о том, чтобы в одну из пятниц Дорин Форнье дала слабину и позволила мне стянуть с нее трусики, когда мы будем обниматься в автомобиле, припаркованном в конце Кашмен-роуд.

В любом случае я ушел в собственный мир, и грохот звукового перехода застал меня врасплох. Я повалился на заваленную листьями землю, закрыв голову руками,

с бешено бьющимся сердцем, в полной уверенности, что жизнь моя закончилась (а ведь я еще не познал женщины). И если брать прожитые сорок лет, то ужас, в который поверг меня последний из кошмаров «мэндерлийского сериала», можно сравнить лишь с ощущениями, испытанными мной в тот момент.

Я лежал на земле, ожидая, что громадный молот сейчас расплющит меня в лепешку, но прошло тридцать секунд, молот все не падал, и я сообразил, что какой-то пилот, поднявшийся с военного аэродрома в Брансуике, не смог дожидаться, пока под крылом заплещется Атлантический океан, и пробил звуковой барьер над сушей. Но, святой Боже, кто же мог ожидать, что преодоление скорости звука сопровождается таким грохотом?

Я медленно поднялся, постоял, ожидая, пока успокоится сердце, и только тут заметил, что гром с ясного неба испугал не только меня. Впервые на моей памяти в леске, что начинался за нашим домом в Праутс-Нек, царила полная тишина. Я стоял, опавшие листья облепили мои джинсы и футболку, и слушал. Полная, абсолютная тишина. А ведь даже в холодный январский день лес не умолкает ни на секунду.

Наконец запел вьюрок. На две или три секунды вернулась тишина, потом почин вьюрка поддержала сойка. Еще две или три секунды, и свое отношение к случившемуся высказала ворона. Забарабанил дятел. Слева от меня зашелестел в опавшей листве бурундук. И через минуту после того, как я поднялся с земли, лес уже жил прежней жизнью, занимаясь привычными делами. Я занялся своими, но навсегда запомнил и внезапный грохот, и последовавшую за ним мертвую тишину.

Тот июньский день я часто сравнивал с пробуждением от кошмара. Что-то случилось, по крайней мере могло случиться... но сначала приходит тишина. Она нужна нам для того, чтобы убедиться, что мы в полном порядке, а опасность, если она и существовала, более не грозит.

В последующую неделю жизнь в Дерри замерла. Мокрый снег и ветер много чего натворили, а резкое понижение температуры осложнило расчистку дорог и ликвидацию последствий бурана. И люди, конечно, сделались мрачными и утрюмыми. Такие природные катаклизмы случаются у нас каждый год, иногда даже в апреле, но их никогда не ждут. И когда городу достается, мы воспринимаем это как личное оскорбление.

Но к концу недели погода начала налаживаться. Я воспользовался этим подарком судьбы и отправился выпить чашечку кофе и съесть пирожное в маленький ресторанчик, расположенный по соседству с аптечным магазином «Райт эйд», в котором Джоанна сделала свою последнюю покупку. Ел пирожное, запивал его кофе, разгадывал газетный кроссворд, когда рядом со мной раздался мужской голос:

— Позвольте сесть за ваш столик, мистер Нунэн? Сегодня здесь очень уж много народу.

Я поднял голову и увидел старика. Я его определенно знал, только не мог припомнить, где и когда пересекались наши пути.

— Ралф Робертс, — представился он. — Добровольец Красного Креста. Мы там работаем с моей женой, Лойс.

— Да, конечно, — кивнул я. Каждые шесть недель я сдавал кровь в местном отделении Красного Креста. Ралф Робертс, среди прочих старичков-добровольцев, разносил донорам сок и булочки и предупреждал, чтобы мы не вставали и не делали резких движений, если кружится голова. — Пожалуйста, присядьте.

Он взглянул на мою газету с кроссвордом, лежащую в полоске солнечного света, и уселся за столик.

— Вы не находите, что разгадывание кроссворда в «Дерри ньюс» — одно из тех занятий, без которых можно обойтись?

Я рассмеялся и кивнул.

— В принципе да. Но я разгадываю кроссворд, а другие люди забираются на Эверест по одной и той же причине, мистер Робертс, — потому что он есть. Только, разгадывая кроссворд, никто не рискует сломать шею.

— Зовите меня Ралф. Пожалуйста.

— Хорошо. А я — Майк.

— Отлично. — Он улыбнулся, обнажив зубы, желтоватые, но, несомненно, дарованные ему природой. — Мне нравится переходить на имена. Словно галстук снимаешь. Хорошенький мы пережили буран, не так ли?

— Да, но теперь, слава Богу, потеплело. — Температура действительно резко поднялась (для марта это характерно) с ночных минус трех до дневных плюс десяти. Солнечные лучи приятно грели кожу. Именно погода и выгнала меня из дома.

— Весна все-таки придет, — покивал Ралф. — В иной год она забывает дорогу домой, но в конце концов находит нужную тропу. — Он глотнул кофе и поставил чашку на стол. — Что-то давно не видел вас в Красном Кресте.

— Восстанавливаю запасы крови. — Тут я, конечно, грешил против истины. Кровь мне полагалось сдать две недели назад. Об этом напоминала открытка, которая лежала на холодильнике. — На следующей неделе приду обязательно.

— Я упомянул об этом лишь потому, что у вас группа А, а у нас она в дефиците.

— Придержите для меня койку.

— Можете на это рассчитывать. У вас все нормально? Извините, что спрашиваю, но вы неважно выглядите. Если причина в бессоннице, я могу посочувствовать.

По нему видно, что он страдает бессонницей, отметил я. Большие мешки под глазами. Но с другой стороны, ему глубоко за семьдесят, а в этом возрасте мешки под глазами могут появиться из-за сотни болезней. Поживи с его, и будешь выглядеть как незнамо кто.

Я уже открыл рот, чтобы дать мой стандартный ответ на вопрос, касающийся моего самочувствия («У меня все в порядке»), а потом подумал: а к чему мне постоянно играть роль мужчины с рекламного щита «Мальборо», у которого действительно нет проблем? Да и кого я пытаюсь обмануть? Что произойдет, если я скажу этому старику, который приносит мне булочку после того, как медицинская сестра вытащит иглу для забора крови из моей вены, что похвастаться мне нечем? Землетрясение? Пожар и потоп? Едва ли.

— Знаете, Ралф, состояние у меня не очень.

— Грипп? В этом году чуть ли не все им переболели.

— Нет. Грипп меня миновал. И сплю я хорошо. — Я говорил правду, спал я хорошо, если забыть повторяющиеся ночные визиты в «Сару-Хохотушку». — Думаю, просто плохое настроение.

— Тогда вам надо поехать в отпуск. — Он вновь поднес чашку ко рту. А когда посмотрел на меня, тут же поставил ее на стол. — Что такое? Вам нехорошо?

«Нет, — очень хотелось сказать мне. — Просто вы — первая птичка, запевшая в тишине, Ралф, ничего больше».

— Нет-нет, все в порядке, — ответил я, а потом повторил ключевое слово — наверное, хотел услышать его из собственных уст: — Отпуск.

— Да. — Он улыбался. — Люди всегда ездят в отпуск.

Люди всегда ездят в отпуск. Он говорил правду: даже те люди, которые не могут позволить себе ехать в отпуск. Когда они устают. Когда им надоедает захлебываться в собственном дерьме. Когда окружающий мир требует от них слишком многого.

Я, разумеется, мог позволить себе отпуск. И мог оторваться от работы (какой работы?), однако только старичок-доброволец сумел открыть мне глаза на то, что я мог бы увидеть и сам: в отпуск я последний раз ездил с Джо. Мы летали на Бермуды зимой того года, когда она

умерла. Работать я давно не работал, наверное, поэтому начисто забыл о том, что, кроме работы, в жизни есть место и отпуску.

И только летом, прочитав в «Дерри ньюс» некролог Ралфа Робертса (его сбила машина), я осознал, в каком я долгу перед стариком. Его совет принес мне гораздо больше пользы, чем стакан апельсинового сока, который я получал, сдавая кровь. Можете мне поверить.

Покинув ресторан, я не пошел домой, а долго кружил по этому чертову городу, зажав под мышкой газету с наполовину разгаданным кроссвордом. Я шагал, пока не продрог, несмотря на плюсовую температуру. Вроде бы не думал ни о чем и одновременно обо всем. То был особый способ размышления, которым я всегда пользуюсь, когда готовлюсь к написанию новой книги. И хотя прошло уже несколько лет с тех пор, как я в последний раз брался за новую книгу, никаких проблем у меня не возникло: память услужливо подсказала все, что требовалось.

Представьте себе, что на вашу подъездную дорожку въехал трейлер и несколько здоровенных парней начали его разгружать, перетаскивая вещи в подвал. Другой подходящей аналогии я просто не нахожу. Вы не можете видеть вещи, потому что они или в чехлах, или в коробах. Это предметы обстановки, они нужны вам, чтобы превратить дом в жилище, создать уютную вам среду обитания.

Когда грузчики запрыгивают в свой трейлер, вы спускаетесь в подвал и прохаживаетесь по нему (точно так я прохаживался в тот день по Дерри, поднимался на холмы и спускался в низины в своих старых галошах), прикасаетесь к коробу, чехлу. Это диван? А это комод? Не важно. Все на месте, грузчики ничего не забыли, ничего не потеряли, и хотя вам придется перетаскивать все наверх (не надорвать бы спину), вы довольны. Потому что главное сделано: все, что вам нужно, уже находится в доме.

В тот момент я думал, надеялся, что трейлер привез все необходимое для тех сорока лет, которые мне предстояло прожить в стране, где не пишут книг. Они подошли к двери в подвал, вежливо постучались, несколько месяцев ждали, но, так и не получив ответа, высадили дверь. Однако оставили записку:

ДРУЖИЩЕ, НАДЕЕМСЯ, ШУМ ТЕБЯ
НЕ НАПУГАЛ. НАСЧЕТ ДВЕРИ ИЗВИНИ.

На дверь я плевать хотел, на обстановку — нет. Может, они что-то разбили или потеряли? Едва ли. Я думал, что дел у меня — перенести вещи наверх, снять чехлы и коробка и расставить по местам.

По пути домой я проходил мимо «Тени», очаровательного маленького кинотеатра Дерри, где крутили старые фильмы. Кинотеатр процветал, несмотря на видеореволюцию, а может, именно благодаря ей. В этот месяц шел ретроспективный показ классических художественных фильмов пятидесятих годов. Апрель посвящался Хамфри Богарту*, любимому киноактеру Джо. Я посто-ял у афиши, перечитал список предполагавшихся к показу фильмов. А дома раскрыл справочник, выбрал наугад туристическое агентство и сказал мужчине, снявшему трубку на другом конце провода, что хочу поехать в Ки-Ларго. Вы имеете в виду Ки-Уэст**, переспросил мужчина. Нет, возразил ему я, я имею в виду Ки-Ларго, как в фильме***, где снялись Боуги и Бэколл. Сначала

* Богарт («Боуги»), Хамфри (1899—1957) — один из самых знаменитых актеров Голливуда, в кино с 1930 г.

** Речь идет о цепочке островов у оконечности полуострова Флорида. Ки-Уэст — последний в цепочке и самый известный из них. На нем расположен музей Эрнеста Хемингуэя, который часто бывал и подолгу жил на этом острове.

*** «Ки-Ларго» — фильм 1948 г. о людях, оказавшихся в одном отеле и отрезанных от остального мира ураганом. Женская роль второго плана в «Ки-Ларго» удостоена «Оскара».

я хотел поехать на три недели, а потом передумал. Я богат, я независим, я на пенсии. О каких трех неделях может идти речь? Шесть недель, и точка. И попросил найти мне отдельный коттедж. Он предупредил, что это дорого. Я ответил, что о деньгах он может не беспокоиться. Особенно меня радовало, что в Дерри я вернусь уже теплой весной.

А тем временем я мог распаковать кое-какую мебель.

Первый месяц я восторгался Ки-Ларго, последние две недели едва не умер со скуки. Однако остался там, потому что и в скуке была своя прелесть. Люди, обладающие высоким порогом терпимости к скуке, могут о многом передумать. Я съел миллион креветок, выпил тысячу «маргарит»*, прочитал двадцать три детектива Джона Макдональда**. Сначала я обгорел, потом с меня слезла кожа, наконец загорел. Купил себе кепку с длинным козырьком и надписью

ПОПУГАЯЧЬЯ ГОЛОВА

вышитой ярко-зеленой ниткой. Каждый день прогуливался по одной и той же полосе берега и вскоре уже знал всех отдыхающих по имени. И я распаковывал «вещи». Многие мне не нравились, но у всех, это точно, было свое место в доме.

Я думал о нашей совместной жизни с Джо. Думал о том, как сказал ей, что никто не спутает «Быть вдвоем» с «Взгляни на дом свой, ангел». Тогда она мне еще ответила: «Надеюсь, ты не собираешься заниматься самокопанием, а, Нунэн?» Пока я находился на Ки-Ларго, эти слова то и дело возвращались ко мне, произнесенные с интонациями Джо: не собираешься заниматься само-

* Популярный в юго-западных штатах коктейль, в состав которого входят текила, лимонный сок и ликер.

** Отметим, что Джон Макдональд — один из любимых писателей Стивена Кинга.

копанием, гребаным самокопанием, не хочешь сетовать на тяжелую судьбу художника, которого никто не хочет понять?

Я вспоминал, как Джо подходила ко мне с полной корзиной белых грибов и, торжествуя, восклицала: «В этот вечер у Нунэнов будет самый роскошный ужин!» Я вспоминал, как она, по-особенному изогнувшись, красила ногти на ногах. Я вспоминал, как она швырнула в меня книгу, когда я высмеял ее новую прическу. Я вспоминал, как она училась играть на банджо и как она выглядела без бюстгальтера в тонком свитере. Я вспоминал, как она говорила мне, что все это самокопание, гребаное самокопание.

И я вспоминал сны, особенно последний, самый кошмарный из всех. Вспоминал без труда, потому что в отличие от обычных снов он накрепко впечатался в мою память. Последний сон о «Саре-Хохотушке» и самый первый, вызвавший поллюцию (в нем я подходил к обнаженной девушке, которая лежала в гамаке и ела сливу). Эти два сна никуда не девались, год за годом оставались со мной, остальные же или полностью, или по большей части забылись.

Конечно, в снах, связанных с «Сарой», я помнил мелкие подробности: гагар, цикад, вечернюю звезду, желание, которое я загадывал, глядя на нее, что-то еще, но все это могло мне и почудиться. Фон, знаете ли. Их не следовало брать в расчет. Но оставались три серьезных, основополагающих момента, три больших предмета обстановки, которые следовало аккуратно распаковать.

В «Сариных» снах такими моментами были лес позади меня, дом — подо мной и я сам, Майкл Нунэн, застывший посередине. Я боялся идти к дому вниз, возможно, потому, что он слишком долго пустовал, но я ни на мгновение не сомневался в том, что идти туда надо. Пугало меня что-то или нет, я знал, что коттедж у озера — мое единственное убежище. Но только я не

мог идти туда. Потому что не мог сдвинуться с места. Мои ноги вросли в землю.

В последнем кошмаре я все-таки смог добраться до убежища, да только убежище оказалось обманом. Более опасным, чем я мог себе представить. Моя мертвая жена выскочила из него с криком, завернутая в саван, и набросилась на меня. Даже пять недель спустя, в трех тысячах миль от Дерри, меня начинала бить дрожь, когда я вспоминал, с какой стремительностью несется на меня это белое нечто.

Но была ли это Джоанна? Я ведь этого не знал, правда? Я видел только белое одеяние. Гроб был похож на тот, в котором похоронили Джоанну, но вдруг это совпадение?

Психологический барьер, лишаящий способности ходить, лишаящий способности писать.

«Я не могу писать», — сказал я голосу во сне. Голос ответил, что могу. Голос заявил, что психологического барьера больше нет и доказательство тому — вернувшаяся ко мне способность ходить. И я пошел по проселку, пошел к коттеджу. Конечно, мне было страшно. Меня охватил ужас еще до того, как из двери выскочило бесформенное белое нечто. Я сказал, что боюсь миссис Дэнверс, но лишь потому, что у меня в голове, разумеется, во сне, «Сара-Хохотушка» и Мэндерли перемешались. Я боялся...

— Я боялся писать, — услышал я свой голос. — Я боялся даже попытки писать.

Откровение это вырвалось у меня вечером, накануне того дня, когда я наконец-то улетел в Мэн, когда я уже крепко набрался. К концу отпуска я пил практически каждый вечер.

— Меня пугает не сам психологический барьер. Меня пугает его слом. Я в полной заднице, мальчики и девочки, в полной заднице.

В заднице или нет, но я понял, что сумел ухватить суть проблемы. Я боялся разрушить этот самый барьер,

может, боялся начать заново свою жизнь, уже без Джо. Однако какая-то глубинная часть моего сознания верила, что без этого мне не обойтись. Вот и объяснение угрожающих шумов в лесу у меня за спиной. А вера — не пустой звук. Особенно для человека с богатым воображением. Когда у человека с богатым воображением возникают психологические проблемы, грань между реальным и кажущимся имеет тенденцию исчезать.

Лесные существа... Да, сэр. Одно из них я держал в руке, когда обо всем этом размышлял. Я поднял стакан, поставил его между собой и западным горизонтом, чтобы заходящее солнце окрасило содержимое в красные тона. Пил я много, возможно, для Ки-Ларго это норма, в отпуске людям положено пить, это как бы закон... но перед отъездом я стал пить совсем много. Если столько пьешь, потерять контроль над собой — пара пустяков. А тогда жди беды.

Зловещие существа в лесу, потенциальное убежище, охраняемое злобным призраком, — возможно, то была не моя жена, а память моей жены. Логичное предположение, поскольку для Джо на земле не существовало лучшего места, чем «Сара-Хохотушка». Эта мысль потянула за собой следующую, которая заставила меня перекинуть ноги через край шезлонга и сесть. Ритуал вел начало от «Сары»... Шампанское, последняя фраза, наконец, ключевое благословение: «Что ж, значит, есть повод выпить, верно?»

Хотел ли я, чтобы все вернулось на круги своя? Хотел ли? Месяц или год назад я не мог абсолютно искренне ответить на этот вопрос. Теперь ситуация изменилась. Да, хотел! Хотел двигаться дальше, хотел закрыть одну страницу моей жизни, пусть и очень дорогую, полную воспоминаний о моей умершей жене, и открыть новую, пока совсем еще чистую. Но для этого мне предстояло вернуться назад.

В бревенчатый коттедж у озера. В «Сару-Хохотушку».

— Да, — вырвалось у меня, и по коже тут же побежали мурашки. — Да, все так.

А почему нет?

Вновь я почувствовал себя круглым идиотом. Как в том случае, когда Робертс заметил, что мне следует поехать в отпуск. Если я должен вернуться в «Сару» теперь, после завершения отпуска, почему нет? Возможно, мне будет страшно ночь или две — скажем так, я буду мучиться похмельем от последнего кошмара, но пребывание в «Саре» позволит быстрее переступить через него.

И (этой последней мысли я позволил едва слышно пискнуть в дальнем уголке моего сознания) возможно, что-то изменится и в моих отношениях с компьютером. Маловероятно, конечно... но шанс оставался. Мне поможет только чудо, не так ли я думал, сидя на краю ванны, приложив мокрое полотенце к царапине на лбу? Да, только чудо. Но иногда слепые падают, ударяются головой и прозревают. Иногда калеки отбрасывают костыли, поднявшись по лестнице к двери храма.

О Дебре и Гарольде я мог не беспокоиться. Да, они начнут интересоваться новым романом, но месяцев через восемь или девять. Я решил провести эти месяцы в «Саре-Хохотушке». Конечно, требовалось какое-то время, чтобы я закончил мелкие дела в Дерри, чтобы Билл Дин подготовил коттедж к моему приезду, но я решил, что смогу перебраться туда к Четвертому июля. Удачная, между прочим, дата. Не просто день рождения нашей страны. К этому дню в западном Мэне практически сходил на нет весенний пик активности насекомых, тех же клещей.

И к тому моменту, когда я собрал все вещи (детективы Джона Макдональда остались тому, кто сменит меня в этом коттедже), сбрил недельную щетину с загорелого дочерна лица (глядя в зеркало, я себя уже не узнавал) и загрузился в самолет, относительно ближайшего будущего сомнений у меня не было: я возвращаюсь в то место, которое мое подсознание ассоциирует с убежищем

против сгущающейся тьмы; я возвращаюсь туда, хотя мое сознание предупреждает: это чревато. Я возвращаюсь туда, хотя и не жду, что «Сара» станет Лурдом*... но с надеждой, что смогу загадать желание, когда увижу над озером первую вечернюю звезду.

Была только одна деталь, которая не укладывалась в мои планы по нейтрализации снов о «Саре-Хохотушке». Объяснения я не находил, поэтому пытался эту деталь игнорировать. Получалось не очень. Все-таки я оставался писателем, а писатели, как известно, учат свой разум вести себя неподобающим образом.

Я говорю о царапине на тыльной стороне ладони. Царапине, которая присутствовала во всех снах, клянусь, присутствовала... а в конце концов появилась и наяву. Смею вас уверить, у доктора Фрейда об этом ничего не написано.

Простое совпадение, ничего больше, думал я, когда самолет пошел на посадку. Я сидел во втором ряду (хорошо сидеть в носовой части самолета: в случае аварийной посадки надувной трап рядом) у иллюминатора и смотрел на сосновые леса, над которыми мы скользили, приближаясь к международному аэропорту Бангора. Снег давно сошел; я пропустил его кончину, отправившись в отпуск. Всего лишь совпадение. Поцарапать руку — пустяк. Они же все время перед тобой, ты ими постоянно машешь. Как же обойтись без царапин?

Вроде бы логичное предположение, но что-то не складывалось. Не складывалось, и все.

Мешали мальчишки в подвале. Те самые, которые тебе не верили. Мальчишки в подвале не верили твоей истории.

* Городок на юге Франции, где в 1858 г. дочери мельника, Бернадетте Субиру, явилась в гроте Пресвятая Дева. На месте явления открылся источник, признанный чудотворным, и начались исцеления.

В этот момент колеса «Боинга-737» коснулись посадочной полосы, и я выбросил эти мысли из головы.

Как-то днем, вскоре после возвращения домой, я общаривал стенные шкафы, пока не нашел коробку из-под обуви со старыми фотографиями Джо. Я рассортировал их и внимательно просмотрел те, что были сделаны на озере Темный След. Их оказалось более чем достаточно, но фотографировала главным образом Джоанна. Однако несколько фотографий запечатлели и ее, причем я нашел один фотоснимок, который сделал сам, то ли в 1990-м, то ли в 1991 году.

Иногда даже любителю-фотографу улыбается удача (если семьсот мартышек будут семьсот лет барабанить по клавишам семисот печатных машинок, то, как вам известно, они создадут все шедевры, написанные лучшими представителями человечества), вот и этот снимок получился что надо. Джо стояла на плоту, за ее спиной садилось золотисто-красное солнце. Она только что вылезла из озера, в раздельном, сером в красную горошину, купальнике, и с нее еще капала вода. Я запечатлел ее в тот самый момент, когда она, смеясь, отбрасывала волосы со лба и висков. Соски выпирали сквозь тонкую ткань бюстгалтера. Выглядела Джо совсем как киноактриса с афиши очередного фильма о чудовищах, облюбовавших океанский пляж, или маньяке-убийце, шагающем по кампусу.

Внезапно меня охватила страсть. Мне хотелось увести ее наверх, такой, какой она осталась на фотографии, с прядками волос, прилипших к щекам, в купальнике, не скрывающем ее прелестей. Мне хотелось приникнуть к ее соскам, вот так, не снимая бюстгалтера, почувствовать вкус ткани, ощутить, как твердеет под моими губами сосок. Мне хотелось высасывать, словно молоко, воду из купальника, а потом сдернуть с Джо трусики и трахать ее, пока мы оба не сольемся в оргазме.

С легкой дрожью в руках я положил эту фотографию рядом с теми, что тоже мне понравились (хотя таких эмоций и не вызвали). У меня все встало, да так, что член превратился в камень, обтянутый кожей. В таких случаях ты ни на что не годишься, пока твой игрунчик не опадет.

Самый быстрый способ решить проблему, если рядом нет женщины, — привлечь на помощь собственную руку, но в тот момент у меня даже не возникло такой мысли. И я бесцельно бродил по комнатам второго этажа, покорно ожидая, пока исчезнет бугор на моих джинсах.

Злость — один из элементов скорби, я где-то об этом читал, но я первый раз разозлился на Джоанну, лишь найдя эту фотографию. Не просто разозлился, пришел в ярость. Глупая сучка, ну зачем ты решила пробежаться ~~сда~~ ли не в самый жаркий день в году! Глупая, безмозглая сучка, как ты могла оставить меня одного, лишив ~~даже~~ возможности работать!

Я сел на ступени, гадая, что же мне теперь делать. Хорошо бы пропустить стаканчик, а вдогонку и второй. И уже поднялся, но тут же понял, что эта идея не из лучших.

Я прошел в кабинет, включил компьютер и составил кроссворд. В тот вечер, улегшись в постель, я снова вспоминал фотографию Джоанны в купальнике. И решил, что напрасно, потому что мысли эти опять закончатся ночным кошмаром. С тем я и выключил свет.

Но кошмар мне не приснился. Мои ночные визиты в «Сару-Хохотушку» закончились.

Неделю спустя я еще сильнее проникся мыслью о том, чтобы провести лето у озера. Поэтому в начале мая, во второй половине дня, когда, по моим расчетам, любой уважающий себя сторож будет сидеть перед телевизором и смотреть матч «Ред сокс», я позвонил Бил-

лу Дину и сказал, что с Четвертого июля хочу пожить в моем коттедже... Возможно, останусь там на осень и зиму.

— Отлично, — живо откликнулся он. — Это очень хорошие новости. Многим недостает тебя, Майк. Мы все хотим выразить тебе свои соболезнования.

В его голосе слышались нотки упрека, или мне это только показалось? Разумеется, мы с Джо оставили след в тех краях. Пожертвовали приличные деньги маленькой библиотеке, обслуживавшей треугольник Моттон — Кашвакамак — Касл-Вью. Джо провела успешную кампанию по сбору средств для создания книжного автомагазина. Участвовала она и в работе Общества по развитию народного творчества округа Касл. Навещала больных... сдавала кровь... что-то продавала на благотворительном базаре в Касл-Роке. Короче, достаточно активно участвовала в местной светской в жизни, пусть иногда и язвительно улыбаясь (разумеется, мысленно). Господи, подумал я, наверное, у старины Билла действительно есть повод упрекнуть меня.

— Ее помнят. — В моем голосе не слышалось вопросительных интонаций.

— Да, конечно.

— И мне очень ее недостает. Наверное, поэтому я и не приезжал на озеро. Там нам было очень хорошо вдвоем.

— Оно и понятно. Но чертовски приятно узнать, что мы наконец-то увидим тебя. Значит, мне пора приниматься за дело. Коттедж в полном порядке, можешь переезжать хоть сегодня, если хочешь, но он долго пустовал и в него надо вдохнуть жизнь.

— Я знаю.

— Я попрошу Бренду Мизерв вычистить «Сару» от подвала до чердака. Если помнишь, она всегда у вас прибиралась.

— Не старовата ли Бренда для генеральной уборки? — спросил я.

Речь шла о шестидесятипятилетней даме, дородной, доброй, обожающей всякие скабрёзности. Более всего она любила рассказывать анекдоты о коммивояжере, который проводил ночи, как кролик, прыгая из норки в норку. Это вам не миссис Дэнверс.

— Такие, как Бренда Мизерв, не стареют, — заверил меня Билл. — На тяжелую работу она наймет двух или трех девчонок. И выставит счет на три сотни долларов. Тебя это устроит?

— Вполне.

— Мне надо проверить насос и систему канализации, но, думаю, они в порядке. В студии Джо я видел осиное гнездо. Его я выкурю. Да, и крыша на старом доме, ты знаешь, в центральной части. Надо бы ее перекрыть. Мне следовало сказать об этом в прошлом году, но ты на озеро не приехал, вот я и оставил все как есть. Ты готов раскошелиться?

— Да, если запросят меньше десяти «штук», решение принимаю сам. Если больше, позвони мне.

— Если запросят больше, я погоню их пинками.

— Постарайся все закончить до моего приезда, хорошо?

— Конечно. Тебе захочется побыть одному, я понимаю... Но поначалу гости у тебя будут. Она ушла такой молодой. Ее смерть потрясла нас. Мы ее очень любили.

— Спасибо, Билл. — Я почувствовал, как от слез защипало глаза. Горе, как пьяный гость, всегда возвращается для прощальных объятий. — Спасибо за сочувствие.

— Ты получишь свою долю морковных пирогов, дружище, — рассмеялся он, но как-то осторожно, словно опасаясь выйти за рамки приличий.

— Морковных пирогов я съем сколько угодно, — ответил я, — а если уж соседи начнут перегибать палку... надеюсь, у Кенни Остера все еще живет тот большой ирландский волкодав?

— Да, уж он-то будет есть пироги, пока не лопнет! — воскликнул Билл. И смеялся, пока не закашлялся. Я ждал,

улыбаясь. — Черника, так он зовет свою животину, уж не знаю почему. Вот уж кто у нас обжора!

Я предположил, что Билли ведет речь о собаке, а не о ее хозяине, Кенни Остере, росточком не выше пяти футов, худеньком, складненьком и не дающем повода для обвинений в чревоугодии.

Внезапно я понял, как мне недостает всех этих людей — Билли, Бренды, Бадди Джеллисона, Кенни Остера и других, круглый год живущих у озера. Мне недоставало даже Черники, ирландского волкодава, который всегда ходил с гордо поднятой головой и висящими на нижней челюсти слюнями.

— Мне еще надо расчистить участок после зимы. — В голосе Билла прозвучало смущение. — В этом году обошлось без сильного ветра. Снега, правда, навалило много. Но все равно обломало немало ветвей. Мне следовало давно их убрать. И негоже мне оправдываться тем, что ты уже несколько лет не приезжаешь. Чеки-то я регулярно обналичиваю.

Я улыбался, слушая, как старый пердун кается и посыпает голову пеплом. Джо, слушая его, хохотала бы до слез, в этом я абсолютно уверен.

— Билл, если к Четвертому июля ты все приведешь в порядок, я буду счастлив.

— Будешь прыгать от восторга, я обещаю, — радостно возвестил Билл. — Хочешь приехать и написать книгу, вдохновляясь озером? Как в прежние времена? Два последних романа тебе удались. Жена не могла оторваться...

— Еще не знаю, — оборвал я его хвалебную песнь. И тут меня осенило: — Билл, окажи мне одну услугу. И сделать это надо сразу, до того, как ты расчистишь подъездную дорожку и пустишь в дом Бренду Мизерв.

— Если это в моих силах, сделаю, — ответил Билл.

И я объяснил, что мне от него нужно.

* * *

Четырьмя днями позже я получил маленькую бандероль. Вскрыл ее и достал двадцать фотографий, отснятых одноразовым фотоаппаратом.

Билл сфотографировал дом с разных сторон. По снимкам чувствовалось, что в доме не живут, хотя за ним и приглядывают, пусть и без должного рвения, в чем, собственно, Билл мне и признался.

Большинство фотографий я сразу отодвинул в сторону, оставив четыре первые. Их я разложил на кухонном столе, залитом солнечными лучами. Билл сделал их с верхней точки проселка, примерно с того места, где он пересекался с дорогой, направив фотоаппарат на «Сару-Хохотушку». Я видел, что мох рос теперь не только на бревнах центральной части, но перебрался и на бревна северного и южного крыла. Я видел валяющиеся на проселке ветви, кучки сосновых иголок. Биллу, должно быть, хотелось все это убрать до того, как сфотографировать проселок, но он устоял перед искушением. Я просил его заснять все как есть, и он выполнил мою просьбу.

Кусты по обе стороны проселка стали куда гуще с тех пор, как мы с Джо последний раз приезжали в «Сару». Длинные ветви действительно тянулись через него друг к другу, как разлученные влюбленные.

Но мой взгляд вновь и вновь возвращался к крыльцу черного хода, обращенного к подъездной дорожке. Все прочие совпадения между фотографиями и моими снами о «Саре» могли быть случайностью (или могло сработать писательское воображение, а уж оно-то умеет нарисовать более чем реальный фон для вымышленных событий), но как объяснить подсолнухи, выросшие сквозь щели в досках крыльца? Никак, точно так же, как и царапину на тыльной стороне ладони.

Я перевернул одну из фотографий. На обороте Билл написал мелким почерком: «Эти господа заявили очень уж рано... и нарушили границы частного владения».

Я вновь посмотрел на фотографию. Три подсолнуха, выросшие сквозь щели между досками крыльца. Не два, не четыре, а три больших подсолнуха с головками-пржекторами.

Точно такие я видел во сне.

Глава 6

Третьего июля 1998 года я положил два чемодана и портативный компьютер «Пауэрбук» в багажник моего «шевроле», подал его задним ходом к дороге, потом нажал на педаль тормоза и вернулся в дом. Он стоял одинокий и покинутый, как верная любовница, не понимающая, за что ее бросили. Я не стал накрывать мебель чехлами, не отключил электричество (понимал, что Великий Озерный Эксперимент может быстро закончиться), но все равно дом номер четырнадцать по Бентон-стрит полагал, что наши пути разошлись. И мои шаги отдавались гулким эхом, которого просто не могло быть в комнатах, заставленных мебелью.

В кабинете я выдвинул ящик комода, в котором лежали четыре пачки бумаги. Достал одну, задвинул ящик, направился к двери, но на втором шаге остановился. Обернулся. Фотография Джо в купальном костюме стояла на комод. Я взял фотографию, разорвал обертку пачки с торца и засунул фотографию между листами бумаги, как закладку. Если б ко мне вернулась способность писать и если б я этим воспользовался, то вновь встретился бы с Джоанной где-нибудь на двести пятидесятой странице.

Я вышел из дома, запер дверь черного хода, сел в автомобиль и уехал. Больше я на Бентон-стрит не вернулся.

Несколько раз у меня возникало желание съездить на озеро и посмотреть, как идет ремонт: расходы оказа-

лись куда выше, чем поначалу предположил Билл Дин. Но что-то меня удерживало. Мое сознание словно убеждало меня, что в «Сару-Хохотушку» я должен приехать для того, чтобы там и остаться.

Перекрывать крышу Билл нанял Кенни Остера, а кузену Кенни, Тимми Ларриби, поручил ошкурить бревна снаружи. Он также пригласил сантехника и получил мое согласие на замену некоторых труб и водяного насоса. Потом выяснилось, что надо менять и автономный генератор.

В телефонных разговорах Билл очень сокрушался из-за всех этих расходов. Я ему не мешал. Когда янки в пятом или шестом поколении заводит разговор о деньгах, которые предстоит потратить, надо дать ему выговориться. Выкладывать зелененькие для янки так же противоестественно, как обниматься на улице. Что же касается меня, то я мог позволить себе потратиться. Жил я скромно. Не потому, что меня так воспитали. Просто мое воображение не подсказывало мне интересных способов тратить деньги. Трехдневный загул в Бостон состоял для меня из посещения матча «Ред сокс», «Тауэр рекордс и видео» и книжного магазина «Вордсворт» в Кембридже. При такой жизни я не мог потратить даже проценты, не говоря уж об основном капитале. К тому же в Уотервилле у меня был хороший финансовый менеджер, и в день, когда я запер дом в Дерри и отправился к озеру, мое личное состояние превышало пять миллионов долларов. Пустяк в сравнении с богатством Билла Гейтса, но куда как много по здешним меркам. Так что я мог позволить себе заплатить за ремонт дома.

В тот год странными выдались для меня конец весны и начало лета. Я главным образом ждал, закруглял мои городские дела, разговаривал по телефону с Биллом Дином; когда тот звонил, чтобы высыпать на меня ворох очередных проблем, и старался не думать. Я сделал

интервью для «Паблишер уикли», и когда репортёр спросил меня, испытывал ли я определенные трудности, возвратившись к работе после «утраты самого близкого человека», я не моргнув глазом ответил, что нет. И ведь сказал чистую правду. Мои проблемы начались, лишь когда я поставил последнюю точку в романе «Вниз с самого верха». А до того все у меня получалось, как и прежде.

В середине июня мы с Френком встретились за ленчем в льюистонском кафе «Старлайт», расположенном практически на полпути между нашими домами. За десертом (ели мы, естественно, фирменный клубничный торт «Старлайт») Френк спросил, встречаюсь ли я с кем-нибудь. Я в изумлении вытаращился на него.

— А чего ты на меня пялишься? — В голосе его слышалось недоумение. — Если и встречаешься, я не собираюсь обвинять тебя в том, что ты изменяешь Джо. В августе пойдет пятый год, как она мертва.

— Нет, — ответил я. — Я ни с кем не встречаюсь.

Он молча смотрел на меня. Несколько секунд я не отводил глаз, затем принялся месить ложечкой взбитые сливки на моем куске клубничного торта. Торт подавали теплым, прямо из духовки, и сливки таяли. Почему-то мне вспомнилась старая песня о том, как кто-то оставил торт под дождем.

— А хоть с кем-нибудь встречался, Майк?

— Я не уверен, что должен тебе в этом отчитываться.

— Да перестань, Майк. А на Ки-Ларго? Там хоть...

Я заставил себя оторвать взгляд от тающих взбитых сливок.

— Нет. Не встречался.

Какое-то время он молчал. Я думал, ищет другую тему для разговора. Меня это вполне устраивало. Но он прямо спросил, спал ли я с кем-нибудь после смерти Джоанны. Он принял бы на веру любой мой ответ, даже если бы и сомневался в его правдивости: мужчины часто лгут.

насчет секса. Но я сказал правду... испытывая при этом какое-то извращенное наслаждение:

— Нет.

— Ни единого раза?

— Ни единого раза.

— А как насчет массажных салонов? Ты понимаешь, хотя бы для того, чтобы...

— Нет.

Теперь уже он завозил ложечкой по сливкам. К торту он еще не притронулся. Потом посмотрел на меня. Да так, словно видел перед собой некоего нового, неизвестного науке жука. Мне этот взгляд не понравился, но я понимал, чем он вызван.

Дважды я подходил к тому, что в наши дни называется «близкими отношениями», но не на Ки-Ларго, где лицезрел примерно две тысячи миловидных женщин, которые только и ждали приглашения в постель. Первый раз с рыжеволосой официанткой Келли. Она работала в ресторане, куда я часто заходил на ленч. Вскоре мы уже раскланивались, как добрые знакомые, шутили, а потом начали оценивающе поглядывать друг на друга — вы понимаете, о чем я. Я обратил внимание на ее ноги, на то, как униформа обтягивала бедра, когда она наклонялась или поворачивалась, а она заметила мое внимание.

А еще была женщина в спортивном зале «Ну, ты», где я занимался на тренажерах. Высокая женщина, которая отдавала предпочтение розовым эластичным топикам и черным велосипедным шортам. Смотрелась она в таком наряде великолепно. И еще мне нравились книги, которые она читала, крутя педали стационарного велосипеда. Не «Мадемуазель» или «Космополитен», а романы Джона Ирвинга или Эллен Джилкрист. Мне симпатичны люди, которые читают книги, и не потому, что я их пишу. Читатели книг тоже могут начать разговор

с обсуждения погоды, но, как правило, им доступны и более интересные темы.

Блондинку в розовых топиках и черных шортах звали Адрия Банди. Мы начали обсуждать книги, оседлав два стоявших рядом велотренажера, а потом раз или два в неделю, по утрам, я засекал ее в зале поднятия тяжестей. Подходил, смотрел, как она выжимает штангу, лежа на спине. И в какой-то момент, а было это зимой 1996 года, взгляды мои стали достаточно красноречивыми.

Келли было под тридцать, Адрии — на пару лет меньше. Келли развелась, Адрия не выходила замуж. Так что в обоих случаях я не посягал на семейное счастье, и, думаю, обе согласились бы улечься со мной в постель, не строя долговременных планов. Просто для того, чтобы посмотреть, а что из этого выйдет. Однако в случае с Келли я просто сменил ресторан, а когда Ассоциация молодых христиан предложила мне заниматься бесплатно в их тренажерном зале, забыл дорогу в «Ну, ты». Помнится, полгода спустя я столкнулся с Адрией Банди на улице. И поздоровался с ней, постаравшись не заметить обиды, мелькнувшей в ее глазах.

Чисто физически я, конечно, хотел их обеих (вроде бы мне даже приснился сон, в котором я и поимел их обеих, одновременно, в одной кровати) и при этом не хотел. Частично я видел причину в моей неспособности писать — жизнь и так поломана, так чего создавать себе лишние трудности? С другой стороны, не хотелось выяснять, что нравится женщине, которая отвечает на твои взгляды, — ты или твой банковский счет.

Но главное препятствие, думал я, заключалось в том, что Джэ по-прежнему занимала большую часть моего разума и души. И места для другой там просто не было, даже через четыре года после ее смерти. Печально, конечно, но так уж вышло.

— А как насчет друзей? — Френк начал есть клубничный торт. — С друзьями-то ты встречаешься, так?

— Да, — кивнул я, — друзей у меня много.

Тут я солгал, но я заполнил и составил сотни и сотни кроссвордов, прочитал множество книг, по вечерам по видеомангнитофону просмотрел массу фильмов; я мог практически в любое время дня и ночи процитировать предупреждение ФБР о незаконном копировании фильмов. Что же касалось настоящих людей, то перед отъездом из Дерри я позвонил своим врачу и дантисту, а большинство писем, отправленных мной в том июне, состояло из просьб о переадресовке таких журналов, как «Харперс» или «Нэшнл джеографик».

— Френк, ты говоришь, как еврейская мамаша, — заметил я.

— С тобой я иной раз и ощущаю себя еврейской мамашей, — ответил он. — Которая, правда, верит в целебные свойства тушеного картофеля, а не клецок из мацы. Ты сейчас выглядишь лучше, чем раньше, наконец-то чуть поправился...

— Разжирел.

— Ерунда, на Рождество ты вообще напоминал ходячий скелет. Опять же лицо и руки у тебя загорели.

— Я много гуляю.

— Да, выглядишь ты лучше... а вот твои глаза меня тревожат. Иногда у тебя такой взгляд, что я просто за тебя боюсь. И я думаю, Джо только порадовалась, если б узнала, что кто-то волнуется из-за тебя.

— Что это за взгляд?

— Я тебе скажу. Такое ощущение, будто тебя загнали в западню и ты не знаешь, как из нее вырваться.

Из Дерри я уехал в половине четвертого, остановился на ужин в Рамфорде, затем медленно покатыл по пологим холмам западного Мэна, поглядывая на заходящее солнце. Я постарался максимально точно рассчитать время отъезда и прибытия и, уже миновав Моттон, заметил, как гулко бьется мое сердце. Руки и лицо покры-

вал пот, и это при работающем кондиционере. Я переключал радиоприемник с одной радиостанции на другую, но мне ничего не нравилось: не музыка, а какие-то визги и вопли. В итоге радио я выключил.

Меня терзал страх, и не без причины. Даже если не учитывать зыбкую грань между сном и реальностью (я это мог сделать без труда, посчитав царапину на тыльной стороне ладони и растущие на заднем крыльце подсолнечники чистым совпадением или неким психическим феноменом), мне было чего бояться. Потому что мне снились необычные сны, и мое решение вернуться в дом у озера не проходило по разряду ординарных. Я казался себе не современным человеком конца двадцатого века, который копается в собственном подсознании в поисках источника страхов (у меня все хорошо, у меня все хорошо, давайте займемся душевным стриптизом под тихую музыку Уильяма Акермана), а безумным ветхозаветным пророком, отправляющимся в пустыню, чтобы жить там, питаясь акридами, выполняя веление Господа, явившегося ему во сне.

Я угодил в серьезный переплет, жизнь моя рушилась, и неспособность писать составляла лишь часть моих бед. Я не насиловал несовершеннолетних и не бегал на Таймс-сквер с мегафоном в руках, призывая к мировой революции, но со мной случилось нечто ужасное. Я потерял свое место в мировом порядке вещей и никак не мог найти его вновь. Неудивительно: в конце концов, жизнь — не книга. И в тот жаркий июльский день я осознанно устраивал себе сеанс шоковой терапии. Подчеркиваю, осознанно, можете мне поверить.

К озеру Темный След я добирался следующим образом: по автостраде I-95 доехал от Дерри до Ньюпорта, по Второму шоссе — от Ньюпорта до Бетела (с остановкой в Рамфорде, в котором воняло, как в преисподней, пока там, случилось это во время второго президентского срока Рейгана, не закрыли целлюлозно-бумажный комби-

нат), по Пятому шоссе — от Бетела до Уотерфорда. Далее по Шестьдесят восьмому шоссе, прежде Каунти-роуд, через Касл-Вью, Моттон (центр которого состоит из перестроенных амбаров, в которых нынче продают видео, пиво, подержанные ружья), мимо большого щита с надписью:

ЕГЕРЬ — ЛУЧШИЙ ПОМОЩНИК!

**ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
ЗВОНИТЕ 1-800-555-GAME
ИЛИ 72 ПО СОТОВОМУ ТЕЛЕФОНУ**

Ниже кто-то добавил краской из баллончика:

ОРЛОВ — НА ХРЕН

Проехав еще пять миль, я повернул направо, на узкую дорогу, маркированную жестяной стрелкой-указателем с выцветшим числом 42. Повыше числа в стрелке темнели две дырки от пуль двадцать второго калибра.

На Сорок вторую дорогу я свернул в расчетное время, шестнадцать минут восьмого, если верить часам на приборном щитке моего «шевроле».

Я проехал две десятые мили, слушая, как шелестит, касаясь днища, трава, растущая между колеями, как иногда ветка скребет по крыше или по стеклу со стороны пассажирского сиденья.

Потом нажал на тормоз и заглушил мотор. Вылез из кабины, обошел «шевроле» сзади, лег на живот и начал вытаскивать траву, застрявшую между днищем и раскаленной выхлопной трубой. Лето выдалось жарким, а потому не следовало пренебрегать мерами предосторожности. Я приехал в этот час, чтобы избавиться от кошмаров, в надежде понять, что их вызывало и как мне жить даль-

ше. Так что лесной пожар никак не вписывался в мои планы.

Покончив с этим, я встал и огляделся. Цикады стрекотали, деревья прижимались к обочинам, над головой синела полоска неба. Как и во сне.

Я зашагал по дороге, по правой колее. У нас с Джо был только один сосед, старик Ларс Уошбурн, но теперь подъездная дорожка Ларса заросла кустами, и ее перегородивала ржавая цепь. К дереву слева от цепи прибили доску со словами:

ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЕН

На другой доске, справа от цепи, я прочитал:

РИЕЛТОРСКОЕ АГЕНТСТВО «СЛЕДУЮЩЕЕ СТОЛЕТИЕ»

Ниже значился местный телефон. Слова выцвели и в сгущающихся сумерках читались с трудом.

Я пошел дальше, слыша гулкие удары сердца и жужжание комаров, облюбовавших мои лицо и руки. Комариный сезон практически закончился, но я сильно потел, и немногие оставшиеся слетались на запах. Должно быть, он напоминал им о крови.

Насколько я был напуган, приближаясь к «Саре-Хохотушке»? Не помню. Подозреваю, что страх, как и боль, со временем забываются. А осталось в памяти ощущение, которое я испытывал и прежде, проходя этой дорогой. Ощущение того, что ткань реальности очень тонка. Я думаю, она действительно тонка, совсем как лед на озере после оттепели, и мы сознательно наполняем нашу жизнь шумом, светом, движением, чтобы скрыть от себя эту особенность окружающего нас мира. Но в таких местах, как Сорок вторая дорога, мы обнаруживаем, что дымовых завес и зеркал нет. И остались только стрекот цикад да

зелень листвы, темнеющая с угасанием дня, ветви, принимающие облик лиц, гулкие удары сердца в груди, кровь, бьющая в виски, и синяя слеза дня, бегущая по щеке неба.

И по мере того как уходит день, тебе открывается истина: то, что видишь перед собой, скрывает некую тайну. Ты чувствуешь эту тайну каждым вздохом, видишь ее в каждой тени, ждешь, что столкнешься с ней на каждом повороте. Она здесь, она поджидает тебя, но ты не знаешь, где и когда тайное станет явным.

Я остановился в полумиле южнее того места, где остался мой автомобиль, не дойдя полмили до проселка, ведущего к «Саре-Хохотушке». Здесь дорога резко поворачивает, и справа открывается широкое поле, сбегающее к озеру. Местные называют его луг Тидуэлл, а иногда Старый лагерь. Именно здесь Сара Тидуэлл и ее клан построили свои хижины, так по крайней мере говорила Мэри Хингерман (однажды, когда я спросил об этом Билла Дина, он согласился с тем, что хижины стояли именно здесь... но я заметил, что желания продолжать разговор у него нет, и меня это несколько удивило).

Какое-то время я стоял, глядя на северную оконечность озера Темный След. Вода, красноватая в отсвете заката, напоминала зеркало. Ни ряби, ни лодок. Лодки уже стояли у пристани, а рыбаки сидели в баре, ели лобстеров, обильно запивая их спиртным. Я знал, что через какое-то время некоторые из них, разгоряченные виски и мартини, примутся гонять по озеру в лунном свете. Я мог лишь гадать, услышу ли я их. Потому что к тому времени я мог уже ехать в Дерри, то ли напуганный увиденным, то ли разочарованный тем, что ничего не увидел.

«— Смешной вы человечиска, — молвил Стрикленд».

Я не знал, что собираюсь произнести эти слова до того самого момента, когда они сорвались с языка. И до сих пор понятия не имею, почему произнес именно эти слова. Я вспомнил, как мне приснилась лежащая под

кроватю Джо, и по моему телу пробежала дрожь. Комар зажуужал прямо в ухо. Я его убил и двинулся дальше.

К проселку я прибыл, когда и хотел, то есть практически в то же время, что и в снах. Можно сказать, идеально вписался в сон. Даже воздушные шарик, привязанные к указателю с надписью

САРА-ХОХОТУШКА

(один — белый, второй — синий), оба с аккуратно написанными черным фломастером словами

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ, МАЙК

только усилили ощущение дежа-вю, чего я, собственно, и добивался, ибо никакие два сна не повторяют друг друга в мельчайших подробностях. Точно так же не совпадают образ вещи, созданный воображением, и она сама, сработанная руками, несмотря на все наши попытки сделать их идентичными. Потому что мы сами меняемся день ото дня, даже от минуты к минуте.

Я подошел к указателю, всем своим существом ощущая загадочность этого места. Прижал ладонь к шершавой доске, потом подушечкой большого пальца прошелся по буквам, не думая о занозах, читая их кожей, словно слепой:

**С, А, Р, А;
Х, О, Х, О, Т, У, Ш, К, А.**

Проселок очистили от кучек опавших иголок и обломившихся ветвей, но озеро Темный След, как и в моих снах, красновато поблескивало внизу. А на его фоне точно так же темнела громада дома. Билл заботливо оставил зажженным фонарь на крыльце черного хода, подсолнечники, пробившиеся сквозь щели между досками

крыльца, давно уже срезали, но в остальном картина не изменилась.

Я поднял голову к полоске неба над дорогой. Ничего... Я подождал... Снова ничего... Еще подождал... И тут, точно в той точке, куда я и смотрел, благо в снах натренировался, вспыхнула звезда. Мгновением раньше я видел только темнеющее небо (на синеву по центру с боков надвигалось индиго), и внезапно засветилась Венера. Многие рассказывают о том, что наблюдали за появлением звезд на вечернем небе. Кто-то действительно наблюдал, но я, думаю, впервые в жизни увидел, как в небе появилась первая звезда. И загадал желание, только на этот раз — в реальной жизни и не имеющее отношения к Джо.

— Помоги мне, — попросил я, не отрывая взгляда от Венеры. Наверное, мне следовало что-то добавить, да только я не знал что. Не знал, в какой я нуждался помощи.

Этого достаточно, зазвучал голос в моей голове. На сегодня достаточно. А теперь возвращайся за своим автомобилем.

Да только не собирался я возвращаться. Я наметил для себя другое: спуститься к дому, как в последнем кошмарном сне. Доказать себе, что в старом бревенчатом коттедже не прячется укутанный в саван призрак. План мой базировался на мудрости Нового века. А мудрость эта гласила: чтобы преодолеть собственные страхи, нужно взглянуть им в лицо и выздороветь. Но, пока я стоял у съезда и смотрел вниз на искорку фонаря на заднем крыльце (крошечную искорку в море сгущающейся тьмы), мне пришла в голову другая мудрая мысль, которая в светлое, солнечное утро, возможно, и не покажется мудрой. Мысль эта, в сущности, очень проста и предполагает, что страх есть проявление инстинкта самосохранения, а потому, почувствовав его, надобно послать все к черту и бежать. И в лесу, на исходе дня, второе толкование

казалось куда как более логичным, тут сомнений быть не могло.

Случайно мой взгляд упал на руку, и я с удивлением отметил, что держу один из воздушных шариков: отвязал его, даже не заметив, занятый своими мыслями. Он плавал в воздухе, на другом конце нитки, и в темноте я уже не мог разобрать написанные на нем слова.

Может, никакой дилеммы и нет; может, психологический барьер никуда не делся, и я не смогу спуститься вниз: буду стоять, как статуя, пока кто-то не придет и не уволочет меня в лес.

Но происходило все это в реальном времени и в реальном мире, а в реальном мире не существовало, во всяком случае, для меня, обездвиживающего психологического барьера. Я разжал пальцы. Шарик, почувствовав свободу, устремился вверх, а я двинулся вниз по проселку. Шаг, еще шаг — и процесс пошел. Я все глубже погружался в терпкий запах сосновых иголок, а однажды поймал себя на том, что переступил через сломанную ветвь, которая лежала на проселке в моем сне, но не наяву.

Сердце по-прежнему колотилось о ребра, пот выступал из всех пор, смачивая кожу и привлекая комаров. Я поднял руку, чтобы отбросить волосы со лба, замер, остановив ее на уровне глаз, с растопыренными пальцами. Поднял вторую руку. Ни на одной не нашел царапины. Не осталось даже шрама от той, что я получил, ползая в темноте по спальне во время бурана.

— Я в полном порядке, — вырвалось у меня. — Я в полном порядке.

«— Смешной вы человечиска, — молвил Стрикленд», — откликнулся голос. Не мой, не Джо. Голос НЛО, который я слышал в кошмаре, голос, который гнал меня вперед, даже когда я хотел остановиться. Голос со стороны.

Я двинулся дальше. Половину проселка я уже миновал. Добрался до того места, где во сне признался голосу в том, что боюсь миссис Дэнверс.

— Я боюсь миссис Дэнверс, — сообщил я сумраку позднего вечера. — Что, если нехорошая старая домоправительница поджидает меня внизу?

На озере закричала гагара, но голос не ответил. Действительно, подумал я, чего ему отвечать. Не было никакой миссис Дэнверс, она — мешок с костями из старой книги, и голос это знал.

Я вновь зашагал вниз. Прошел большую сосну, с которой как-то раз Джо не смогла разминуться, разворачиваясь на нашем джипе. Как же она тогда ругалась! Словно бывалый моряк! Мне удавалось сохранять скорбную мину, пока она не добралась до «гребаный насрать». Тут я не выдержал, загоготал так, что по щекам покатились слезы. А Джо буквально пепелила меня взглядом.

Я увидел отметину на стволе, в трех футах от земли, светлое пятно на фоне темной коры. И именно здесь тревога, которая пронизывала все мои сны, исключая последний кошмар, сменилась животным страхом. Еще до того, как белый призрак выскочил из дома, я почувствовал: что-то не так, почувствовал, что дом сошел с ума. Именно в тот момент, когда я поравнялся с сосной, на которой осталась отметина от джипа, меня охватило безумное желание бежать со всех ног.

Я говорю о кошмаре. А в реальной жизни я ничего такого не испытывал. Боялся — да, но ужас меня не охватывал. И за спиной, разумеется, не слышалось тяжелого дыхания. С кем человек мог столкнуться в этих лесах, так это с рассерженной мышью. Или, если уж совсем не повезет, со злобным медведем.

Во сне по небу плыла луна, не полная, в три четверти, — в эту ночь я видел лишь звезды. Другого и быть не могло. Утром я заглянул на страницу синоптика в утреннем выпуске «Дерри ньюс»: луна только родилась.

Даже самое могущественное дежа-вю на самом деле очень хрупкое, и при мысли о безлунном небе мое раздетелось на мелкие осколки. Ощущение того, что я вжил-

ся в собственный сон, исчезло так быстро, что я даже задался вопросом: а зачем я все это проделывал, что старался доказать, чего добивался? И теперь мне предстояла дальняя дорога. Назад, в темноте, к автомобилю.

Хорошо, решил я, но сначала я возьму в доме фонарь. Один из них наверняка лежит на...

На дальнем берегу озера прогремела череда взрывов, последний громким эхом отозвался от холмов. Я остановился, на мгновение у меня перехватило дыхание. Чуть раньше эти внезапные взрывы обратили бы меня в паническое бегство, теперь заставили лишь вздрогнуть. Разумеется, это петарды. Завтра же Четвертое июля, а на другом берегу подростки начали отмечать праздник на день раньше, для подростков это обычное дело.

Я направился к дому. Кусты тянулись ко мне ветками, но я знал, что мне они ничем не грозят. Я мог не беспокоиться и об отключении электричества. Я находился так близко от дома, что видел мотыльков, слетевшихся на свет фонаря, который Билл Дин оставил включенным на крыльце черного хода. Даже если бы электричество отключилось (в западном Мэне большинство проводов по-прежнему протянуты над землей, так что обрывы случаются часто), автоматически включился бы автономный генератор.

И все-таки внушительная часть моего сна полностью материализовалась в реальном мире, что не могло не произвести на меня должного впечатления. Пусть даже ощущение того, что я заново повторяю (переживаю) сон, и пропало. Кадки для цветов стояли там же, где и всегда, по обе стороны лестницы-тропинки, ведущей к маленькому песчаному пляжу «Сары». Наверное, Бренда Мизерв нашла их в подвале и по ее указаниям их поставили на прежнее место. В ящиках еще ничего не росло, но я подзревал, что ждать осталось недолго: наверняка посаженные семена скоро взойдут. И даже без луны, присутствующей в моем сне, я различал черный квадрат ярдах

в пятнадцати от берега. Там Билл Дин поставил на якорь плот.

А вот никакого продолговатого предмета у крыльца не было. Действительно, откуда здесь взяться гробу? И все же сердце мое стучало, как паровой молот. И если бы в этот момент на другом берегу озера, около Кашва-камака, вновь загрохотали петарды, я бы закричал от ужаса.

«— Смешной вы человечиска, — молвил Стрикленд».

«Дай ее сюда. Это мой пылесос».

Что, если смерть ведет нас к безумию? Пусть нам удастся **выжить**, но она ведет нас к безумию? Что тогда?

От дома меня отделяло совсем ничего. Вот оно, то самое место, с которого я увидел, как открывается дверь черного хода и из нее выскакивает белая тварь. Я сделал еще шаг и остановился. Дыхание шумно вырывалось из груди, зато в легкие воздух проникал с большим трудом, обдирая гортань. Ощущение дежа-вю отсутствовало, но на мгновение мне показалось, что призрак все равно **выбежит** из двери... здесь, в реальном мире, в реальном **времени**. Я стоял и ждал, сцепив потные ладони. Вдохнул еще раз, шумно выдохнул. Теперь протоку воздуха ничего не мешало.

Вода мягко плескалась у берега.

Легкий ветерок гладил лицо, шелестел листвой.

Где-то крикнула гагара; мотыльки кружили в свете фонаря.

Закутанный в саван призрак не распахнул дверь, через большие окна, справа и слева от двери, я не видел ничего движущегося, белого или какого другого. Над ручкой на двери белела записка, должно быть, от Билла. Я вновь шумно выдохнул и решительно преодолел оставшиеся ярды, отделявшие меня от «Сары-Хохотушки».

Записку действительно оставил Билл Дин. Он сообщал, что Бренда купила для меня кое-что из еды. Счет

из супермаркета — на столе в кухне, в кладовой я найду консервы, в холодильнике — молоко, масло и гамбургер — основной рацион одинокого мужчины.

Я заеду к тебе в понедельник. Будь моя воля, заглянул бы завтра, но моя жена заявила, что пришла наша очередь ехать в гости, поэтому мы отправляемся в Виргинию (в эту жару!), чтобы провести Четвертое с ее сестрой. Если тебе что-нибудь потребуется или возникнут какие-то...

Билл оставил телефон сестры своей жены в Виргинии, а также номер Батча Уиггинса в городе, который местные называли Тэ-Эр, к примеру говорили: «Нам с мамой надоел Бетел, вот мы и перебрались с нашим трейлером в Тэ-Эр». Не забыл Билл указать и другие номера: сантехника, электрика, Бренды Мизерв, даже телевизионщика из Харрисона, который отрегулировал спутниковую антенну, с тем чтобы она принимала максимальное число каналов. Билл позаботился обо всем. Я перевернул записку, предполагая, что на обратной стороне найду постскрипtum:

P.S. Кстати, Майк, если атомная война начнется до того, как мы с Яветт вернемся из Виргинии...

Что-то шевельнулось у меня за спиной.

Я резко обернулся, записка выскользнула у меня из руки. Спланировала на доски крыльца черного хода — увеличенная белоснежная разновидность мотыльков, слетевшихся к горящему фонарю. В то мгновение я не сомневался, что увижу перед собой облаченную в саван тварь, безумный призрак моей давно усопшей жены. *Отдай мне мой пылесос, отдай немедленно, как ты посмел явиться сюда и нарушить мой покой, как ты посмел вернуться в Мэндерли, а раз уж ты здесь, как ты сумеешь*

уйти отсюда? Ты останешься со мной, смешной ты человечиска. Ты останешься со мной.

Но я никого не увидел. Только ветерок шелестел листвой... Однако моя разгоряченная, покрытая потом кожа ветерка не почувствовала. На этот раз не почувствовала.

— Что ж, как и следовало ожидать, никого тут нет, — изрек я.

Если человек один, звук собственного голоса может или испугать, или успокоить. На этот раз произошло последнее. Я наклонился, поднял записку Билла, сунул в задний карман. Затем достал кольцо с ключами. Стоя под фонарем, я перебирал ключи, пока не нашел нужный. Провел пальцем по бородке, в который уже раз задавшись вопросом, а почему я не приезжал сюда (два-три коротких набега за какими-то вещами не в счет) все эти месяцы и годы, прошедшие после смерти Джо. Конечно, будь она жива, она бы настояла...

И тут до меня дошло: смерть Джо — неверная точка отсчета. Конечно, легко отталкиваться именно от этого, за ~~шесть~~ ^{шесть} недель, проведенных в Ки-Ларго, у меня не возникало и мысли, что может существовать какая-то другая, но теперь, стоя под пляшущими тенями мотыльков (словно на дискотеке) и слушая крики гагар, я вспомнил, что умерла Джоанна не здесь, а в Дерри, хотя случилась трагедия в августе 1994 года. В городе нас донимала дикая жара... тогда почему мы не жили здесь? Почему не сидели в купальных костюмах на крытой террасе, выходящей к озеру, не пили ледяной чай, не смотрели на снующие взад-вперед катера, за которыми рассекают озерную гладь воднолыжники? Каким ветром ее вообще занесло на эту чертову автостоянку у «Райт эйд»? Ведь в любой другой август мы всегда находились в десятках миль от нее.

И это еще не все. Обычно мы оставались в «Саре» до конца сентября, наслаждаясь теплой, мягкой пого-

дой. Но в 1993 году уехали, едва пошла вторая неделя августа. Я это хорошо помню, потому что в конце месяца Джо полетела со мной в Нью-Йорк на какую-то рекламную акцию, связанную с выходом нового романа. Манхэттен задыхался от жары, плавящийся асфальт поливали из гидрантов. В один из вечеров мы пошли посмотреть «Призрак оперы». Ближе к концу Джо наклонилась ко мне и прошептала: «О черт! Призрак опять пускает слюни!» Оставшееся время я изо всех сил пытался сдерживать смех. Джо умела подложить такую вот свинью.

Почему Джо полетела со мной в тот август? Джо не любила Нью-Йорк даже в апреле и октябре, когда этот город особенно хорош. Теперь я точно знал, что, уехав из «Сары-Хохотушки» в начале августа 1993 года, более она туда не возвращалась... А совсем недавно я как-то об этом и не задумывался.

Я сунул ключ в замочную скважину, повернул. Я собирался зажечь на кухне свет, взять фонарь и вернуться к автомобилю. Не сделай я этого, какой-нибудь пьяный парень, дом которого стоял у южного края Сорок второй дороги, мог врезаться в мой «шеви», а потом отсудить у меня миллион долларов.

Дом как следует проветрили, так что пахло в нем не затхлостью, а сосной. Я протянул руку к выключателю, и тут в темноте заплакал ребенок. Рука моя застыла, внутри похолодело. Я не запаниковал, честное слово, но соображать точно перестал. Я слышал плач, детский плач, но никак не мог понять, откуда он доносится.

Затем звук начал таять. Не затихать, а таять, словно кто-то взял ребенка на руки и понес длинным коридором... но в «Саре» такого коридора не было. Тот, что соединял центральную часть и две пристройки, длинным не назовешь...

Таял... таял... почти пропал.

Я стоял в темноте, с бегающими по коже мурашками, с застывшей на выключателе рукой. Часть моего сознания требовала, чтобы я повернулся и бежал со всех ног. Но верх взяла другая, рациональная.

Я щелкнул выключателем. Та часть, что хотела бежать, говорила: напрасный труд, ничего из этого не выйдет, это же сон, глупец, твой сон, обернувшийся явью. Но вышло. Лампа загорелась, осветив коллекцию керамики по левую руку и книжный стеллаж по правую. Керамику и книги я не видел четыре года, но они остались на прежних местах. На центральной полке стеллажа стояли три ранних детектива Элмора Леонарда: «Взятка», «Крепкий удар», «Мистер Маджестик». Я прикупил их на случай плохой погоды: если уж ты за городом, подобные меры предосторожности необходимы. Без хорошей книги даже два дождливых дня, проведенные в лесу, могут свести с ума.

Послышался последний всхлип, сменившийся тишиной. Нарушало ее только тиканье часов, доносящееся из кухни. Часы эти стояли у плиты — пожалуй, одна из самых неудачных покупок Джо, тот редкий случай, когда ~~ее~~ подвел вкус. Кот Феликс*, с большими глазами, двигающимися из стороны в сторону в соответствии с движениями хвоста-маятника. Я думаю, такие часы присутствовали во всех дешевых фильмах ужасов.

— Кто здесь? — спросил я. Шагнул к кухне, примыкающей к маленькой прихожей, остановился. Дом напоминал черную пещеру. Плач мог доноситься откуда угодно. Его источником могло служить и мое воображение. — Есть тут кто-нибудь?

Нет ответа... Но я не думал, что звук этот родился в моей голове. Если б так, то писательский психологический барьер показался бы цветочками.

* Один из первых мультипликационных персонажей, получивших широкую популярность. Создан в 1919 г. Отто Мессмером. Является героем бесчисленных комиксов и широко используется в рекламе.

На книжной полке, слева от детективов Леонарда, стоял фонарь с длинной ручкой на восемь батареек, который мог временно ослепить, если кто-то направлял его тебе в лицо. Я схватил фонарь, и лишь когда он едва не выскользнул из моей руки, понял, как сильно я вспотел, точнее, как сильно я перепугался. Фонарь я удержал, а сердце билось часто-часто. То ли я ожидал, что ребенок заплачет вновь, то ли думал, что из гостиной выплывет призрак в саване, протягивая ко мне белые руки.

Я включил фонарь. Направил яркий луч в гостиную. Он высветил лосиную голову на каминной доске: засверкали стеклянные глаза. Я увидел старые бамбуковые кресла, старый диван, обшарпанный обеденный стол, который шатался, если под одну или две ножки не подложить несколько игральных карт или подставку для пивного стакана. А вот призраков не обнаружил. Но решил, что тут определенно что-то нечисто. Мне очень хотелось повторить слова бессмертного Кола Портера: давайте поставим на этом точку. Если я, добравшись до автомобиля, сразу поеду на восток, то буду в Дерри еще до полуночи. И улягусь спать в собственную постель.

Я выключил свет в прихожей, и теперь лишь луч фонаря разгонял темноту. Прислушался к тиканью глупого кота, со встроенными в него часами, которые, должно быть, завел Билл, к знакомому гудению холодильника. Вслушиваясь, понял, что не ожидал услышать ни тиканья, ни гудения. А вот насчет плача...

А был ли плач? Был ли на самом деле?

Да. Плач или что-то еще. Не об этом следовало сейчас думать. Куда более уместным казался другой вопрос: а не сглупил ли, решив приехать сюда, человек, научивший свой разум вести себя неподобающим образом? Стоя в прихожей, темноту которой взрезал луч ручного фонарика, я окончательно осознал, что грань между реальным миром, к которому я жил, и тем, что рисовало мое воображение, в значительной мере исчезла.

Я вышел из дома, повернул ключ в замке, убедился, что дверь заперта, и зашагал по проселку, покачивая фонарем из стороны в сторону. Точно так же качался хвост-маятник кота Феликса на кухне. Выйдя на дорогу, я подумал, что хорошо бы сочинить для Билла Дина какую-то историю, объясняющую, почему я не добрался до «Сары-Хохотушки». Не мог же я сказать ему: «Видишь ли, Билл, я приехал и услышал, как в моем запертом доме плачет ребенок. Меня это так испугало, что я бежал до самого Дерри. Фонарь, который я взял, я пришлю по почте. Поставь его на книжную полку, где он и стоял, рядом с романами Элмора Леонарда». Такого я сказать не мог, потому что Билл передал бы этот разговор соседям, а те, покачив головой, отреагировали бы однозначно: «Неудивительно. Наверное, он написал слишком много книг. От такой работы крыша и едет. И теперь он боится собственной тени. Профессиональная болезнь».

Даже если бы я до конца своих дней не собирался возвращаться в «Сару», я не хотел, чтобы у жителей Тэ-Эр сложилось обо мне такое мнение, чтобы они наполовину презирали, наполовину жалели меня.

Лучше сказать Биллу, что я заболел. В определенном смысле я не грешил против истины. Или нет... Заболел не я... а мой друг... Кто-то в Дерри... подруга. «Билл, видишь ли, приболела моя подруга, вот я и...»

Я остановился как вкопанный: луч фонаря выхватил из темноты мой автомобиль. Я прошагал милю в темноте, не замечая никаких звуков в лесу, хотя жизнь там не замирала ни на минуту. Я ни разу не оглянулся, чтобы посмотреть, а не преследует ли меня призрак в саване (или плачущий ребенок). Я увлекся историей, с помощью которой хотел оправдаться перед Биллом, начал прорабатывать подробности сюжета, занялся привычной мне работой, используя стандартные приемы, с одним только отличием: я проделывал все это в голове, а не на бу-

маге. И творческий процесс так захватил меня, что я напрочь забыл про страх. Сердце уже билось в нормальном ритме, пот высох, комары не жужжали в ушах. А когда я остановился, любопытная мысль пришла мне в голову. Мысль о том, что мое сознание терпеливо ждало, пока я успокоюсь, прежде чем напомнить мне об очевидном.

Трубы. Билл получил мое разрешение на замену части старых труб, и сантехник их заменил. Незадолго до моего приезда.

— Воздух в трубах, — озвучил я свою догадку, проведя лучом по радиаторной решетке «шевроле». — Вот что я слышал.

Я ждал, что некая глубинная часть моего сознания назовет это предположение глупой ложью, стремлением подвести под случившееся материалистическую базу. Не назвало... потому что согласилось с тем, что такое возможно. Воздух в трубах может шуметь по-разному. Эти звуки принимают и за разговор людей, и за собачий лай, и за детский плач. Возможно, конечно, что сантехник сдренировал воздух, и я слышал что-то еще... но мог и не сдренировать. Вновь вопрос встал ребром: что делать, сев за руль? Проехать задним ходом две десятые мили, развернуться и покатить в Дерри, испугавшись того звука, что я слышал в течение десяти секунд (может, только пяти), пребывая в крайне взвинченном состоянии? Или ехать вперед?

Я выбрал второй вариант. Не мог меня развернуть один лишь звук, услышанный в прихожей. Не мог, потому что слишком многое означал для меня приезд в «Сару-Хохотушку».

Голоса в голове я слышал с тех пор, как помню себя. Не знаю, неперменный ли это атрибут писателя или нет. Моим коллегам я такого вопроса не задавал. Не видел в этом необходимости, потому что знал, каждый голос — тот же я, но в другой ипостаси. Часто, конечно, я слышал голоса других людей, а самым знакомым (и близким) был

мне голос Джо. Вот тут этот голос и зазвучал, и слышались в нем любопытство, легкая ирония и... одобрение.

Решил побороться, Майк?

— Да, — ответил я, стоя в темноте перед сверкающей в свете фонаря хромированной радиаторной решеткой. — Спасибо тебе, крошка.

Что ж, значит, есть повод выпить, верно?

Да. Повод был. Я сел в машину, завел двигатель и поехал по дороге. А добравшись до проселка, свернул на него.

Я не услышал детского плача, когда второй раз вошел в дом. Медленно прошелся по всему первому этажу с фонарем в руке, пока не зажег свет во всех комнатах. Если в это время кто-то еще плавал на лодке у северного берега Темного Следа, он мог бы принять старую «Сару» за спилберговскую летающую тарелку.

Я думаю, дома живут своей жизнью в потоке времени, отличном от того, в котором пребывают их обитатели. Во всяком случае, скорость у этого потока поменьше. В доме, особенно в старом доме, прошлое ближе. В моей жизни Джо уже четыре года как умерла, но в «Саре» эти годы ~~сжались~~ до месяцев. Я вошел в дом, зажег все лампы, поставил фонарь на книжную полку и лишь тогда окончательно уразумел, как же я боялся возвращения в «Сару-Хохотушку». Боялся разбудить свое горе свидетельствами того, сколь безвременно ушла от меня Джо. Книгой, лежащей на столике у дальнего угла дивана, на котором Джо любила сидеть в ночной рубашке, читать и есть сливы; картонной коробкой с овсяными хлопьями, которые она всегда ела на завтрак, на полке в кладовой; ее старым зеленым халатом, который висел на крючке с обратной стороны двери в ванную в южном крыле. По терминологии Билла Дина — «новом крыле», хотя построили его задолго до того, как мы впервые увидели «Сару».

Бренда Мизерв хорошо потрудилась, по-человечески хорошо, постаравшись убрать с глаз то, что могло напо-

мнить мне о Джо, но все она убрать не могла. Романы Дороти Сэйерс о Питере Уимсли, купленные Джо, по-прежнему стояли в книжном шкафу в гостиной. Джо прозвала лосиную голову на каминной доске Бантером и однажды, уж не помню по какой причине (едва ли кому из предков Бантера это понравилось бы), повесила на волосатую шею колокольчик. Он висел до сих пор, на красной ленте. Миссис Мизерв, должно быть, этот колокольчик поставил в тупик, она наверняка долго размышляла над тем, убрать его или нет, не зная, что на нашем семейном языке «позвонить в колокольчик Бантера» означало заняться любовью на диване в гостиной (у нас с Джо такое случалось довольно часто). Бренда Мизерв сделала все, что могла, но любая крепкая семья — территория, недоступная посторонним, белое пятно, без которых карте общества не обойтись. А то, о чем не знают другие, остается твоим.

Я ходил по дому, к чему-то прикасался, на что-то смотрел, как бы заново открывая для себя те или иные вещи. И во всем я видел Джо. А когда я уселся в старое плетеное кресло перед телевизором и оно заскрипело подо мной, я буквально услышал голос Джо: «Какой же противный звук».

Я закрыл лицо руками и заплакал. Наверное, в тот вечер я в последний раз оплакивал Джо, но от этого мне легче не было. Я плакал, пока не понял, что внутри что-то сломается, если я не остановлюсь. Когда слезы иссякли, на меня внезапно напала икота. А потом навалилась дикая усталость. Ломило все тело. Частично потому, что я отшагал больше двух миль, но в основном от жуткого нервного напряжения, вызванного приездом в «Сару»... и решением остаться здесь. Чтобы бороться. И еще этот странный детский плач, который я услышал, когда в первый раз переступил порог...

Я умылся над раковиной в кухне, смыл со щек слезы, высморкался. Затем отнес чемоданы в северное крыло, где находилась спальня для гостей. У меня не было ни

малейшего желания спать в южном крыле, в главной спальне, где мы всегда спали с Джо.

Бренда Мизерв это предугадала. На комодѣ стоял букет полевых цветов. Под ним лежала записка:

**С ВОЗВРАЩЕНИЕМ,
МИСТЕР НУНЭН.**

Если б не крайняя эмоциональная опустошенность, я бы, увидев записку, вновь расплакался. Наклонившись к цветам, я глубоко вдохнул. Хорошо они пахли, солнечным светом. Потом я разделся, побросав все на пол, и откинул покрывало. Чистые простыни, чистые наволочки. И все тот же Нунэн, залегающий между первыми, чтобы положить голову на последние.

Я лежал при включенной лампе на прикроватном столике, смотрел на тени на потолке, все еще отказываясь поверить, что я в этом доме и в этой кровати. Да, конечно, закутанный в саван призрак не встретил меня... но во мне крепла уверенность, что он придет ко мне в моих снах.

Иногда, во всяком случае, для меня, переход от бодрствования ко сну и обратно растянут во времени. В ту ночь все произошло мгновенно. Я не заметил, как заснул, а проснулся уже утром, когда спальню заливал солнечный свет. Лампа на столике все горела. Я не помнил, чтобы мне что-нибудь снилось, но вроде бы ночью я один раз просыпался и слышал доносящийся издалека тоненький звон колокольчика.

Глава 7

Маленькая девочка, совсем кроха, вышагивала по разделительной полосе Шестьдесят восьмого шоссе, в красном купальнике, желтых пластиковых шлепанцах

и бейсболке с эмблемой бостонских «Ред сокс», повернутой козырьком на затылок. Я как раз проехал мимо супермаркета Лейквью и авторемонтной мастерской Дикки Брукса, на подъезде к которым стоял знак, предписывающий сбросить скорость с пятидесяти пяти до тридцати пяти миль. Слава Богу, я выполнил указание. Иначе мог бы и задавить девочку.

То был мой первый день на озере. Поднялся я поздно, большую часть утра провел в лесу, что подступал к берегу, отмечая, что осталось прежним, а что изменилось. Уровень воды вроде бы понизился, и лодок на озере оказалось меньше, чем я ожидал, особенно для самого большого летнего праздника, а в остальном я словно и не уезжал. Вроде бы я отгонял и убивал тех же самых мух.

Часов в одиннадцать желудок напомнил мне о том, что я забыл позавтракать. И я решил, что самое время нанести визит в «Деревенское кафе». В ресторане «Уэррингтона» кормили, конечно же, лучше, но там бы на меня все глазели. Так что для моих целей — просто поесть — «Деревенское кафе» смотрелось предпочтительнее. Если, конечно, оно еще работало. Да, характер у Бадди Джеллисона был не сахар, но зато в западном Мэне никто не мог сравниться с ним в умении жарить бургеры. А мой желудок просто требовал большого, сочащегося жиром «вилладжбургера».

Вот по пути мне и встретилась маленькая девочка, шагающая по белой разделительной полосе, словно марионетка, ведомая невидимой ниткой.

На скорости тридцать пять миль в час я увидел девочку заходя, но летом по шоссе машины сновали одна за другой, и редко кто подчинялся ограничительным дорожным знакам. Все знали, что в округе Касл всего двенадцать патрульных машин, и в Тэ-Эр они приезжали только по вызову.

Я съехал на обочину, поставил «шевроле» на ручник и вылез из машины, прежде чем начала оседать пыль.

День выдался сумрачным, воздух застыл, облака прижались к земле. Ребенок, крохотная блондинка с курносиком и поцарапанными коленками, стояла на белой полосе и без всякого страха наблюдала за моим приближением.

— Пивет, — поздоровалась она со мной. — Я иду на пляж. Момми не захотела отвезти меня, и я безумно йязозлилась. — Она топнула ножкой, показывая, что отлично знает, о чем говорит. Я решил, что ей три или четыре года. Очень разговорчивая, очаровательная, но все равно не старше четырех лет.

— Конечно, куда еще можно идти Четвертого июля, как не на пляж, — кивнул я, — но...

— Четвейтое июля плюс фейейвейк, — напомнила она.

— Но если ты и дальше будешь шагать по дороге, то скорее всего попадешь в больницу Касл-Рока.

Я не собирался стоять с ней на проезжей части и вести светскую беседу в пятидесяти ярдах от крутого поворота, который многие лихачи любили проскакивать на скорости шестьдесят миль в час. Я, кстати, уже слышал приближающийся рев мотора. И по звуку чувствовалось, что водитель тормозить не намерен.

Я подхватил девочку на руки и отнес на обочину, где на нейтральной скорости тихонько мурлыкал мой «шевроле». Девочке явно нравилось сидеть у меня на руках, она нисколько не испугалась, и все равно я ощутил себя Честером-Растлителем, как только ее попка устроилась на моей руке. Я отдавал себе отчет, что всем клиентам автомастерской Брукса, оформляющим заказы или ожидающимся, пока им выкатят автомобиль, достаточно выглянуть в окно конторы, чтобы увидеть меня. Такова уж особенность наших дней: мужчине средних лет нельзя прикоснуться к чужому ребенку без опасения, что другие увидят в этом прикосновении что-то похотливое. Да и ты сам подсознательно задаешься этим вопросом.

Но с проезжей части я девочку унес. Не мог поступить иначе. Пусть этим и навлек на себя праведный гнев всех матерей западного Мэна.

— Ты отвезешь меня на пляж? — спросила маленькая девочка. Сверкая глазками, улыбаясь. Я предположил, что она успеет забеременеть к двенадцати годам, особенно если и дальше будет подобным образом носить бейсболку. — У тебя есть плавки?

— Честно говоря, плавки остались дома. Извини, что так вышло. Милая, а где твоя мама?

Словно отвечая на мой вопрос, из-за поворота выскочил автомобиль, который возвещал о своем приближении ревом мотора. Джип «скаут» с заляпанными грязью боками. Мотор ревел, как разъяренный зверь. Из бокового окна высовывалась женская головка. Мама малышки так перепугалась, что не могла сидеть. И если бы в этот самый момент по встречной полосе ехала другая машина, моя приятельница в красном купальнике скорее всего осталась бы сиротой.

«Скаут» резко затормозил, голова исчезла, раздался скрежет, водитель переключал скорости, пытаясь как можно быстрее разогнать свою колымагу. Я не сомневался, что полетела трансмиссия, но нет, джип понесся дальше.

— Это Мэтти, — пояснила девочка. — Я йязозлилась на нее. И убежала, чтобы пьовести Четвейтое на пляже. Если она злится на меня, я уйду к моей седой нанни.

Я понятия не имел, о чем она говорит, но подумал, что эта кроха наверняка своего добьется и проведет Четвертое июля на пляже. Пока же я отчаянно махал свободной рукой, пытаясь привлечь внимание водителя джипа.

— Эй! — кричал я. — Эй! Она у меня!

«Скаут» промчался мимо, женщина за рулем все сильнее вжимала в пол педаль газа. Из выхлопной трубы валили клубы сизого дыма. Вновь заскрежетала старая

трансмиссия джипа. Я словно попал на очередной выпуск телевикторины «Давай поспорим»: «Мэтти, тебе удалось включить вторую передачу... Ты хочешь на этом остановиться и получить вот эту красивую посудомоечную машину или попытаешься включить третью?»

Я не смог придумать ничего другого, как вновь выйти на проезжую часть, повернуться лицом к уезжающему от меня джипу (выхлоп у него вонял ужасно) и поднять девочку высоко над головой, в надежде что Мэтти увидит ее в зеркале заднего обзора. Теперь я уже полагал себя не Честером-Растлителем, а жестоким аукционистом из мультфильма Диснея, предлагающим самого красивого из всего помета маленького поросенка тому, кто назовет самую высокую цену. Моя попытка удалась. Зажглись тормозные огни «скаута», яростно завизжали по асфальту шины схваченных тормозными накладками колес. Если б эту сцену лицезрели местные сплетники, им бы было о чем посплетничать. Особенно им понравился бы тот эпизод, когда мамаша, крича во все горло, потребовала от меня опустить ее ребенка на землю. Когда возвращаешься в летний коттедж после долгого отсутствия, всегда приятно отметить свой приезд хорошеньким скандалом.

Тормозные огни сменились огнями заднего хода. Джип надвигался на нас со скоростью двадцать миль в час. Теперь в скрежете трансмиссии слышался открытый страх: она явно просила пощады. Задний борт «скаута» мотался из стороны в сторону, словно хвост веселящегося щенка. Я словно загипнотизированный наблюдал за его приближением. Вот он на моей полосе движения, вот на противоположной, снова на моей, теперь зацепил обочину.

— Мэтти едет быстро, — буднично так изрекла моя новая подружка. Одной рукой она обнимала меня за шею. Клянусь Богом, мы уже стали закадычными друзьями.

Слова ребенка помогли мне очнуться. Мэтти едет быстро; слишком быстро. И скорее всего снесет задний бам-

пер моего «шевроле». А поскольку я стоял на пути джипа, меня и девочку размазало бы между автомобилями.

И я начал пятиться, не отрывая взгляда от джипа и крича: «Сбавь скорость, Мэтти! Сбавь скорость!»

Девчушка тут же присоединилась ко мне.

— Сбавь скойость! — прокричала она и тут же начала смеяться. — Сбавь скойость, стайюшка Мэтти, сбавь скойость!

Вновь жалобно завизжали тормоза. Джип дернулся назад, но колодки крепко держали колеса. Задний бампер «скаута» замер, не дотянувшись до заднего бампера моего «шевроле» самую малость. Зазор можно было перекрыть сигаретой. Жутко воняло гарью. Девочка театрально замахала ручонками, начала кашлять.

Дверца со стороны сиденья водителя распахнулась, Мэтти Дивоур выскочила из кабины, как цирковой акробат выскакивает из пушечного ствола, если вы, конечно, можете представить себе циркового акробата в старых шортах из пестрой ткани и топике. Поначалу я подумал, что это старшая сестра девочки, которую оставили присматривать за малышкой, и Мэтти и Момми — два разных человека. Я, конечно, знал, что маленькие дети часто зовут родителей по именам, но это блондинистое создание с побледневшим лицом выглядело на двенадцать, максимум на четырнадцать лет. Я даже решил, что ее экзотическая манера управления «скаутом» обусловлена не боязнью за ребенка, а элементарным недостатком водительской практики.

Признаю, я сделал еще одно допущение. Грязный вседорожник с приводом на четыре колеса, старые шорты, топик, от которого за милую несло «Кей-мартом»*, длинные светлые волосы, перехваченные красными эластичными закрутками, отсутствие должного присмотра за ребенком, что в первую очередь и привело к тому, что трехлетняя девчушка оказалась на дороге... все это под-

* Сеть универмагов, продающих товары по сниженным ценам.

водило меня к однозначному выводу: трейлерные бродяги*. И у меня были основания для такого заключения. Все-таки я ирландец, черт побери! И мои предки были теми самыми трейлерными бродягами, когда место трейлеров занимали запряженные лошадьми фургоны.

— Фу, как плохо пахнет! — Девочка все махала пухлой ручонкой. — «Скаути» ужасно йазвонялся!

И тут ее вырвали из моих рук. Теперь, когда Мэтти оказалась совсем рядом, у меня возникли серьезные сомнения в том, что она — старшая сестра крохи. Конечно, зрелого возраста она могла достичь только в следующем столетии, но я видел, что ей не двенадцать и даже не четырнадцать. Скорее двадцать, может, на год меньше. А когда она выхватывала у меня ребенка, я заметил обручальное кольцо на ее левой руке. Не укрылись от моего внимания и темные мешки под глазами. Да, выглядела она очень молодо, но, думаю, я узнал усталость и материнские ужас и тревогу.

Я думал, она отшлепает свое сокровище, потому что именно так реагируют трейлерные бедняки, если их дети выкидывают какой-нибудь фортель. Думаю, я попытался бы ее остановить, отвлечь, дать ей излить свою злость на меня. И не потому, что хотел как-то помочь ребенку. Нет, просто мне не хотелось, чтобы на него кричали, его шлепали и трясли в моем присутствии. Все-таки я в городе первый день. Так охота ли мне тратить время, наблюдая, как какая-то шлюха наказывает своего ребенка за собственную ошибку?

Но вместо того чтобы как следует тряхнуть девчушку и заорать: «Куда это ты направилась, маленькая дрянь?», Мэтти крепко прижала ребенка к груди (а девочка, не выказывая ни малейшего страха, тут же обхватила ее ручонками за шею), а потом начала покрывать ее лицо поцелуями.

* Малоимущие, проживающие в домиках на колесах.

— Почему ты это сделала? — воскликнула Мэтти. — Что на тебя нашло? Я чуть не умерла, когда увидела, что тебя нигде нет.

И Мэтти разрыдалась. Девочка в купальном костюме вытаращилась на нее с выражением крайнего изумления на лице. А потом заплакала. Я стоял и смотрел, как они плачут и обнимаются, и мне стало стыдно за мои поспешные выводы.

Проезжающий мимо автомобиль сбавил ход. Пожилая пара, которая, наверное, отправилась в магазин за праздничной коробкой сладостей, уставилась на нас. Я нетерпеливо замахал руками, показывая, что мы прекрасно обойдемся без их любопытных взглядов. Водитель нажал на педаль газа, но я не увидел, как надеялся, номерных знаков другого штата. Парочка жила здесь, а потому всей этой истории суждено было стать достоянием общественности. Мэтти, молодая жена, и ее маленькая дочка (несомненно, зачатая на заднем сиденье легковушки или в кузове пикапа за несколько месяцев до церемонии бракосочетания), плачущие навзрыд на обочине дороги. В компании незнакомца. Ну, не совсем незнакомца. Майка Нунэна, заезжего писателя.

— Я хотела пойти на пляж и по-по-плавать! — всхлипывала маленькая девочка.

— Я же сказала, что отвезу тебя во второй половине дня. — Мэтти еще плакала, но уже пыталась взять себя в руки. — Больше этого не делай, малышка, пожалуйста, не делай. Момми очень напугалась.

— Не буду. Правда не буду. — Девочка обнимала Мэтти за шею, прижимаясь к ней всем тельцем. Бейсболка свалилась на землю. Я поднял ее, чувствуя себя посторонним. Начал совать сине-красную бейсболку в руку Мэтти, пока ее пальцы не сомкнулись на козырьке.

Я даже подумал, что все обернулось как нельзя лучше, и, возможно, имел право так рассуждать. История получилась забавной, правда, из тех, что кажутся забавными,

когда все позади. А в процессе такие истории скорее тянут на ужастик. Допустим, из-за поворота выскочил бы грузовик? Да еще на предельной скорости?

И тут из-за поворота действительно выехал автомобиль. Старый пикап, но с мощным мотором. Еще двое местных вылупились на нас.

— Мэм? — обратился я к молодой маме. — Мэтти? Я, пожалуй, поеду. Очень рад, что все так хорошо закончилось.

Едва эти слова сорвались с моих губ, как меня чуть не разобрал смех. Я без труда представил, что держу эту речь перед Мэтти (отличное имя для вестернов вроде «Непрощенный» или «Настоящий смельчак»), засунув большие пальцы за ремень кожаных штанов, и в сбитом на затылок стетсоне, дабы все видели мой благородный лоб. Меня так и подмывало добавить: «Вы очень милы, мэм. Вы, часом, не наша новая учительница?»

Она повернулась ко мне, и я увидел, что она действительно очень мила. Не портили впечатления даже мешки под глазами и висящие патлами светлые волосы. Я решил, что держится она очень хорошо, учитывая, что по возрасту ей еще не нальют спиртного в баре. Во всяком случае, девочку она не отлупила.

— Большое вам спасибо. Она шла прямо по шоссе? — «Скажите, что нет, — умоляли глаза Мэтти. — Скажите, что она шла по обочине».

— Ну...

— Я шла по той линии. — Девочка указала на разделительную полосу. — Она же белая. — В голосе ее звучала уверенность. — А раз белая, значит — безопасная.

Щеки Мэтти, и без того бледные, сделались совсем бескровными. Просто удивительно, что она не лишилась чувств. И мне очень не хотелось, чтобы в таком состоянии она ехала домой, да еще и с ребенком.

— Где вы живете, миссис...

— Дивоур, — представилась она. — Я — Мэтти Дивоур. — Она перекинула девочку на одну руку, а вторую протянула мне. Я ее пожал. Утро выдалось теплое, день обещал быть жарким, отличная пляжная погода, но я прикоснулся к ледяным пальцам. — Мы живем вон там.

Она махнула рукой в сторону поворота. Сразу за ним к шоссе подходил проселок, Уэсп-Хилл-роуд. Длинной в полмили, он соединял Шестьдесят восьмое шоссе и Среднюю Бухту. В двухстах ярдах от шоссе проселок огибал сосновую рощицу, а в ней стоял большой трейлер. Ситуация прояснялась. Я вновь оказался рядом с озером Темный След. А уж около озера спасать маленьких детей — мое призвание.

И все-таки я облегченно вздохнул, узнав, что она живет совсем близко от того места, где, едва не соприкасаясь задними бамперами, стояли наши автомобили. И тут же понял, что по-другому и быть не могло. Эта маленькая красотуля в купальнике и не могла уйти далеко от дома... хотя, при продемонстрированной ею решительности... Я подумал, что усталость, читаемая на лице молодой мамы, в определенной степени обусловлена этой самой решительностью. И порадовался, что слишком стар, чтобы стать ее будущим кавалером. Уж из них она будет веревки вить как в школе, так и в колледже.

Уж в школе-то наверняка. Потому что девочки из трейлеров, как правило, в колледж не попадают, за исключением, конечно, вундеркиндов. И веревки она будет вить из них до тех пор, пока из-за Великого Поворота Жизни не выедет прекрасный принц и не припечатает ее к дороге, прежде чем она поймет, что белая разделительная полоса — не самое безопасное место. А потом все повторится вновь.

Святой Боже, Нунэн, немедленно прекрати, приказал я себе. Ей всего три года, а ты уже видишь ее с тремя детьми, двое из которых со стригущим лишаем, а третий — умственно отсталый.

— Большое вам спасибо, — повторила Мэтти.

— Все нормально. — И я ушипнул маленькую девочку за вздернутый носик. И хотя на ее щеках еще не высохли слезы, в ответ она ослепительно улыбнулась. — Это очень разговорчивая маленькая девочка.

— Очень разговорчивая и очень своевольная. — На этом Мэтти тряхнула-таки дочь, но та не выказала никакого страха, как бы говоря, что обычно ее не трясут и не бьют. Наоборот, ее улыбка стала шире. Улыбнулась ей и мать. Тут уж я окончательно убедился, что она очень мила. А если одеть ее в платье для тенниса и пригласить в загородный клуб Касл-Рока (куда она могла попасть только горничной или официанткой), то там она смотрелась бы просто красавицей. Юной Грейс Келли*, никак не меньше.

Потом она посмотрела на меня, ее глаза стали серьезными.

— Мистер Нунэн, я не такая уж плохая мать.

Я, конечно, удивился, что ей известна моя фамилия, но лишь на секунду. Она достаточно взрослая, чтобы читать мои книги, и, возможно, предпочитала проводить вторую половину дня с ними, а не смотреть телесериалы вроде «Центральной больницы» и «Одна и единственная жизнь». Они, пусть и не намного, но лучше.

— Мы с ней поспорили, когда идти на пляж. Я хотела повесить выстиранное белье, перекусить, а уж потом ехать на озеро. Кира же считала... — Она замолчала. — Что такое? Что я сказала?

— Ее зовут Киа? Правильно... — Тут и я не смог продолжать. Произошло нечто экстраординарное: мой рот наполнился водой. Меня охватила паника. Наверное, я оказался в положении человека, переплывающего океан, которого внезапно захлестнула волна. Только

* Келли, Грейс (1929—1982) — звезда Голливуда 50-х годов, с 1956 г. жена князя Монако Ренье III. В 1982 г. погибла в автокатастрофе.

мой рот наполнила не соленая, а холодная. В ней разве что чувствовался слабый металлический привкус, как у крови.

Я отвернулся от них и сплюнул. Ожидал, что из меня хлынет целый поток, какой выливается изо рта едва не утонувшего человека. Но нет. Слюны хватило лишь на скромный плевок. И ощущение, что рот полон воды, пропало еще до того, как моя слюна долетела до обочины. Пропало напрочь, словно его и не было.

— Этот дядя плюнул, — деловито отметила девочка.

— Извините. — Я и сам не понимал, что со мной произошло. — Наверное, замедленная нервная реакция.

В глазах Мэтти отражалась тревога, словно она решила, что мне не сорок, а восемьдесят. Впрочем, подумала, для ее возраста все одно, что сорок, что восемьдесят.

— Может, подведем к нам? Выпьем стакан воды.

— Нет, я уже в норме.

— Отлично. Мистер Нунэн... я хотела только сказать, что такого никогда не случалось. Я развешивала простыни... она сидела в трейлере, смотрела мультфильмы про Микки-Мауса по видеомагнитофону... а потом, когда я зашла за прищепками... — Она смотрела на девочку, которая больше не улыбалась. Вроде бы до нее начало доходить, чем все могло закончиться. Глаза округлились, готовые наполниться слезами. — Ее не было. Я думала, что умру от страха.

Тут рот ребенка задрожал, из глаз брызнули слезы. Мэтти погладила ее по волосам, прижала ее головку к кей-мартовскому топику.

— Все хорошо, Ки, — проворковала Мэтти. — На этот раз все обошлось, но ты не должна выходить на дорогу. Это опасно. Маленьких на дороге могут раздавить, а ты маленькая. Маленькая и самая моя любимая.

Девочка рыдала все сильнее. После таких рыданий ребенку следовало прежде всего поспать, даже перед походом на пляж.

— Ки плохая, Ки плохая, — твердила она, уткнувшись лицом в мамину шею.

— Нет, сладенькая, тебе же только три года, — успокаивала ее Мэтти, и от ее слов последние опасения в том, что она — плохая мама, развеялись как дым. А может, от них давно уже ничего не осталось: ребенок упитанный, ухоженный, развитой, без синяков.

Все это откладывалось на одном уровне сознания. А на другом я пытался понять, как такое вообще могло случиться: маленькую девочку, которую я унес с белой разделительной полосы, звали Киа, тем именем, которое мы собирались дать нашему ребенку, родился у нас девочка.

— Киа. — Я словно пробовал ее имя на вкус. Осторожно погладил по головке. По теплым, шелковистым волосам.

— Нет, — возразила Мэтти. — Это она так себя называет, потому что не выговаривает букву «эр». Она — Кира, не Киа. Греческое имя. Как у благородной дамы. — Она потупилась. — Я выбрала ее из книги детских имен. Простудировала ее, когда была беременной.

— Прекрасное имя, — кивнул я. — И я не думаю, что вы — плохая мать.

Тут мне вспомнилась история, которую Френк Арлен рассказывал на Рождество. О Пити, младшем из Арленов. Стараниями Френка все, кто сидел за столом, покатывались со смеху. Даже Пити, заявлявший, что он ничего такого не помнит, смеялся до слез.

Как-то на Пасху, рассказывал Френк, когда Пити было лет пять, их родители устроили им охоту за яйцами. Днем раньше, отправив детей к бабушке и дедушке, родители спрятали в доме больше сотни крашенных яиц. А в пасхальное утро начались их поиски. И продолжались до тех пор, пока Джоанна, которая вышла во внутренний дворик, чтобы пересчитать свою добычу, не подняла голову и не закричала во весь голос. Потому что увидела

Пити, ползущего по карнизу, аккуратно в шести футах над бетонным полом.

Мистер Арлен спас Пити, в то время как остальные члены семьи, взявшись за руки, стояли внизу, замерев от ужаса. А миссис Арлен непрерывно молилась, причем произносила слова так быстро, что они налезали друг на друга и было совершенно непонятно, что она говорит. А когда сильные руки мужа схватили Пити и унесли в раскрытое окно спальни, она повалилась без чувств, разбив о бетон нос. Когда Пити спросили, что он делал на карнизе, тот ответил, что хотел проверить, нет ли яиц в сливной канавке, что шла по краю.

Я думаю, в каждой семье есть хоть одна похожая история. Выживание в таких ситуациях маленьких мальчиков и девочек — более чем убедительное свидетельство (во всяком случае, для родителей) существования Бога.

— Я так напугалась! — Мэтти вновь выглядела на четырнадцать лет. Максимум на пятнадцать.

— Все уже в прошлом, — успокоил ее я. — И Кира больше не будет выходить на шоссе. Не будешь, Кира?

Она замотала головой, не поднимая глаз. Я предположил, что девочка заснет, прежде чем Мэтти доберется до трейлера.

— Я и представить себе не могла, что такое может произойти. Один из моих любимых писателей появляется, как джинн из бутылки, и спасает мою девочку. Я знала, что у вас в Тэ-Эр усадьба, старый бревенчатый дом, который все называют «Сарой-Хохотушкой», но люди говорили, что вы не приезжали сюда после смерти вашей жены.

— Я действительно давно не приезжал. Будь «Сара» моей супругой, а не домом, вы бы могли назвать мое появление здесь примирением по решению суда.

По ее лицу пробежала улыбка, но мгновение спустя исчезла.

— Я хочу попросить вас об одном одолжении.

— Просите.

— Пожалуйста, никому об этом не говорите. Это может повредить и мне, и Ки.

— Почему?

Она прикусила губу, уже собираясь ответить на мой вопрос, но в последний момент передумала.

— Не важно. Но я буду вам очень признательна, если в городе не узнают об этом инциденте. Более чем признательна.

— Нет проблем.

— Вы серьезно?

— Конечно. Я обычно приезжал сюда летом, в последние годы вообще не приезжал... так что знакомых у меня здесь не много. — Разумеется, я хорошо знал Билла Дина, но судачить с ним не собирался. Это, однако, не означало, что он остался бы в неведении. Если юная дама думала, что для местных жителей останется тайной поход ее дочери на пляж, она сильно заблуждалась. — Мне представляется, что мы уже находимся в центре внимания. Взгляните на автомастерскую Брукса. Не поворачивайтесь, посмотрите как бы невзначай.

Она посмотрела и вздохнула. Два старичка стояли на асфальте в том месте, где когда-то торчали бензоколонки. Один, похоже, сам Брукс: мне показалось, что я разглядел венчик рыжих волос. Второй, гораздо старше, опирался на трость с золотой ручкой, хищно, как мне показалось, наклонившись вперед.

— Тут уж ничего не поделаешь. — В ее голосе слышалась тоска. — Никуда от них не денешься. Наверное, я должна полагать за счастье, что сегодня — праздник и их лишь двое.

— Кроме того, — добавил я, — они скорее всего ничего не видели.

Я сознательно опустил два момента: во-первых, пока мы стояли на обочине, мимо проехало с полдюжины автомобилей, во-вторых, если Брукс и его пожилой спут-

ник чего-то и не видели, они могли с радостью навывдумывать с три короба.

Кира уже сладко посапывала на плече Мэтти. Она поглядела на дочь и одарила ее улыбкой, полной любви.

— Жаль, что мы встретились при таких обстоятельствах и в ваших глазах я выгляжу дура душой. Я, между прочим, ваша давнишняя поклонница. В книжном магазине в Касл-Роке говорят, что этим летом у вас выходит новый роман.

Я кивнул:

— Он называется «Обещание Элен».

Мэтти улыбнулась:

— Хорошее название.

— Спасибо. Вам бы отвезти ребенка домой, пока у вас не затекла рука.

Есть люди, которые умеют задавать лишние вопросы, причем в самый неподходящий момент и, как говорится, не корысти ради. Для этого нужен особый талант, и он у меня есть. Тут уж ничего не попишешь. Этот вопрос я задал, когда мы шагали к «скауту». Я хотел открыть дверцу со стороны пассажирского сиденья, чтобы она могла положить на него малышку. Однако я не мог винить себя в том, что хотел еще больше огорчить Мэтти. В конце концов, я же видел на ее руке обручальное кольцо.

— Мужу вы скажете?

Ее улыбка поблекла. Губы затвердели. Если я бы мог снять вопрос, как снимают букву, слово, строку с дисплея компьютера, нажав на кнопку «Delete», я бы его снял.

— Он умер в прошлом августе.

— Мэтти, извините меня. У меня язык что помело.

— Вы могли и не знать. Девушкам моего возраста еще рано замуж, не так ли? И если она и замужем, то муж должен быть в армии или где-то еще.

Открыв дверцу, я увидел розовое детское кресло-сиденье, скорее всего тоже из «Кей-марта». Мэтти попыталась усадить в него Киру, той не хотелось отлипнуть от

матери. Я подошел вплотную, чтобы помочь, протянул руку, чтобы ухватить девочку за пухлую ножку, и в этот момент тыльная сторона ладони коснулась груди Мэтти. Она не могла отпрянуть, не рискуя уронить Киру на пол, но я чувствовал, что она отметила мое прикосновение. Муж мертв, угрозы нет, вот известный писатель и думает, что имеет полное право полапать молоденькую женщину. А что я могу сказать? «Мистер Известный Писатель появился как нельзя вовремя и увел мою дочь с дороги, может, даже спас ей жизнь».

Нет, Мэтти, мне, конечно, еще сорок, а не сто, но лапать тебя я не хотел.

Разумеется, ничего такого я не сказал. Зачем усугублять и без того щекотливую ситуацию? Но почувствовал, как зарделись щеки.

— Сколько вам лет? — спросил я, когда ребенка усадили в кресло и нас разделило безопасное расстояние.

Она быстро глянула на меня.

— Достаточно, чтобы знать, что к чему. — Она протянула руку. — Премного вам благодарна, мистер Нунэн. Господь послал вас нам в самый нужный момент.

— Нет, Господь только сказал, что я должен съесть гамбургер в «Деревенском кафе», — улыбнулся я. — А может, его вечный оппонент. Скажите, пожалуйста, Бадди по-прежнему стоит за прилавком?

Улыбнулась и она. Улыбка сразу согрела ее лицо, чему я искренне порадовался.

— Он будет там стоять, даже когда дети Ки смогут покупать пиво, не показывая фальшивого удостоверения личности. Если только не приедет кто-нибудь из большого города и не закажет креветочный тетраззини. Если такое случится, он скорее всего умрет от сердечного приступа.

— Это точно. Ладно, когда я получу новый роман, одну книжку завезу вам.

В глазах Мэтти тут же появилась настороженность.

— Это не обязательно, мистер Нунэн.

— Не обязательно, но я завезу. Мой агент присылает мне пятьдесят экземпляров. И с годами мне все труднее раздаривать их.

Возможно, она уловила в моем голосе то, чего там не было и в помине. Такое, знаете ли, случается.

— Хорошо. С нетерпением буду ждать.

Я еще раз взглянул на ребенка, сладко спавшего в кресле, свесив голову на плечо, пуская слюни. Меня всегда поражала детская кожа. Такая гладенькая, без единой поры. Бейсболка Киры съехала набок. Мэтти наблюдала, как я протянул руку и поправил ее, чтобы тень от козырька падала на глаза.

— Кира, — проговорил я.

Мэтти кивнула:

— Звучит благородно.

— Киа — африканское имя, — пояснил я. — Оно означает «начало сезона».

С тем я и отбыл, помахав Мэтти рукой и направившись к «шеви». Я ощущал на себе ее любопытный взгляд, и почему-то мне казалось, что я сейчас заплачу.

Чувство это оставалось со мной и после того, как «скаут» и обе его пассажирки скрылись из виду; я держал путь к «Деревенскому кафе». Я въехал на земляную автостоянку слева от ряда новеньких бензоколонок, посидел, думая о Джо и тесте для домашней проверки на беременность, который стоил двадцать два доллара пятьдесят центов. Маленький секрет, которым она не хотела делиться со мной, не убедившись наверняка, что у нас будет ребенок. Должно быть, так оно и было. Разве могло быть по-другому?

— Киа, — вырвалось у меня. — «Начало сезона».

И вновь мне захотелось плакать, поэтому я вылез из кабины и со всей силы захлопнул дверцу, словно желал запереть тоску в салоне.

Глава 8

Бадди Джеллисон действительно ничуть не изменился: те же измазанные, но когда-то явно белые куртка и фартук, те же черные волосы, торчащие из-под бумажного колпака в пятнах то ли крови, то ли брусничного сока. Даже, по внешнему виду, те же крошки овсяного печенья в топорщащихся усах. Выглядел он и на пятьдесят пять, и на семьдесят, а этими пределами, как известно, большинство мужчин ограничивают средний возраст. И габариты его не изменились, и рост, шесть футов четыре дюйма, остался при нем, и вес — добрых триста фунтов. Как быстро выяснилось, четыре года нисколько не отразились ни на его манерах, ни на остроумии.

— Дать меню или и так все помнишь? — пробурчал он, словно последний раз я заходил в его кафе только вчера.

— Ты все еще готовишь «вилладжбургер делюкс»?

— А ворона все еще дрищет с сосновых верхушек? — Светлые глаза буравили меня взглядом. Никаких поблажек мне он делать не собирался. Что меня вполне устраивало.

— Скорее всего. Тогда мне один «вилладжбургер», Бог с ней, с вороной, и шоколадное фрапе. Рад вновь тебя видеть.

Я протянул руку. На его лице отразилось изумление, но руку он мне пожал. Его рука была чистой в отличие от куртки, фартука и бумажного колпака, даже без грязи под ногтями.

— Я тоже. — И он кивнул болезненного вида женщине, шинкующей лук за грилем. — «Вилладжбургер», Одри. По высшему разряду.

Обычно я остаюсь у прилавка, но в тот день уселся в кабинке около автомата с газировкой и стал ждать, пока Бадди крикнет, что гамбургер готов: Одри ставила тарелки на прилавок, а не разносила по столикам. Мне было

о чем подумать, и едва ли я мог бы найти лучшее место для размышлений, чем «Деревенское кафе» Бадди. Двое местных жителей ели сэндвичи и пили газировку, но на них список посетителей исчерпывался. Хозяева летних коттеджей могли прийти в «Деревенское кафе» лишь под угрозой голодной смерти, да и то их пришлось бы загонять в дверь пинками. Зеленый линолеум на полу являл собой сложнопересеченную местность, где холмы то и дело переходили в долины, тут же сменявшиеся новыми холмами. Как и униформа Бадди, пол не отличался чистотой (а дачники, если уж заглядывали в кафе, скорее всего не заметили бы чистых рук Бадди). В темное дерево столов и обшивки кабинок въелся жир, а штукатурку над кабинками украшали наклейки — Бадди полагал, что они придают кафе особый колорит:

**НОГОТЬ СЛОМАЛСЯ —
БЕРЕГИ ПАЛЕЦ**

**ПРОПАЛИ ЖЕНА И СОБАКА.
ЗА СОБАКУ — ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ**

**ГОРОДСКОГО ПЬЯНИЦЫ* ЗДЕСЬ НЕТ,
МЫ ПО ОЧЕРЕДИ
ВЫПОЛНЯЕМ ЕГО ОБЯЗАННОСТИ**

Юмор — почти всегда замаскированная злость, подумал я, но в маленьких городах к маскировке относятся спустя рукава. Три вентилятора под потолком лениво разгоняли горячий воздух, а слева от автомата висели две полоски клейкой ленты, облепленные мухами. Некоторые

* В маленьких американских городах городской пьяница — фигура значимая, имеющая важное общественное значение: на его примере детям показывают, к чему может привести чрезмерное потакание своим вредным привычкам.

еще дергались, пытаюсь вырваться. Если человек мог смотреть на них и при этом еще есть, ему было грех жаловаться на пищеварение.

Я думал о сходстве имен, которое, безусловно, не могло не быть случайным. Я думал о молодой симпатичной девушке, которая стала мамой в шестнадцать или семнадцать лет и вдовой в девятнадцать или двадцать. Я думал о том, как случайно коснулся ее груди, и о том, как общество воспринимает сорокалетних мужчин, которые внезапно открывают для себя удивительный мир молодых женщин со всеми их прелестями. Но в основном мои мысли занимала более чем странная реакция моего организма на произнесенное Мэтти имя девочки: ощущение, что мой рот и горло внезапно залило холодной водой. Наводнение местного значения.

Бадди пришлось дважды звать меня за бургером. Когда я подошел к прилавку, он спросил:

- Ты вернулся, чтобы остаться или продать дом?
- А что? Неужели ты скучал без меня, Бадди?
- Нет, но по крайней мере ты из этого штата. Ты знаешь, что, «массачусетс» на языке индейского племени-пискатауай означает говнюк?
- Ты все такой же юморист.
- Да. И собираюсь в писатели. Хочешь знать, для чего Бог дал чайкам крылья?
- Для чего, Бадди?
- Чтобы они могли измочалить ими французов*.

Я взял с полки газету и соломинку для фrape. С газетой под мышкой прошествовал к телефону, раскрыл справочник. При желании я мог бы унести его с собой: справочник не привязали к телефону. Действительно, ну

* О том, как птицы «мочалили» людей, небезынтересно почитать в рассказе «Птицы», написанном упомянутой в эпиграфе Дафной Дюморье (Бадди знать этого не может, но Стивен Кинг, конечно же, рассказ читал), по которому Альфред Хичкок снял отличный триллер.

кому могут понадобиться телефонные номера округа Касл?

В справочнике значились двадцать Дивоуров, что меня особо не удивило: в здешних местах эта фамилия достаточно распространенная, вроде Пелки, Боуи или Тутейкер. Я думаю, причина проста: некоторые семьи размножались быстрее и не жаловали путешествия.

Один из Дивоуров проживал на Уэсп-Хилл-роуд, но ни Мэтти, ни Матильда, ни Марта, ни просто М. Рядом с телефонным номером стояло имя Лэнс. Я взглянул на первую страницу справочника. Издан в 1997 году, когда муж Мэтти еще пребывал в мире живых. С этим все ясно... Но фамилия вызывала у меня определенные ассоциации. Дивоур, Дивоур, восславим знаменитых Дивоуров, кто же ты, нужный мне Дивоур? Но память не желала мне помочь.

Я ел гамбургер, пил фрапе и старался не смотреть на добычу клейкой ленты.

Ожидая, пока болезненного вида, молчаливая Одри отсчитает мне сдачу (на пятьдесят долларов я по-прежнему мог столоваться в «Деревенском кафе» целую неделю... если сосуды выдержат такое количество холестерина), я прочитал еще одну наклейку, украшавшую кассовый аппарат. Очередной шедевр Бадди Джеллисона:

КИБЕРПРОСТРАНСТВО
ТАК НАПУГАЛО МЕНЯ, ЧТО Я
НАЛОЖИЛ В ШТАНЫ

Смеха этот изыск у меня не вызвал, зато помог найти ответ на одну из загадок, которые подбросил мне этот не так уж давно и начавшийся день: я вспомнил, откуда мне знакома фамилия Дивоур.

Я человек обеспеченный, по местным меркам даже богатый. Но на озере жил один человек, который по тем

же меркам считался фантастическим богачом. Разумеется, если он до сих пор ел, дышал и попираал землю ногами.

— Одри, а Макс Дивоур еще жив?

Она чуть улыбнулась:

— Да. Но здесь мы видим его нечасто.

Я расхохотался. Вот смешно, так смешно; это тебе не глупые наклейки Бадди. Одри позволила себе хихикнуть. Кожа у нее всегда отливала желтизной, а теперь она просто явно нуждалась в пересадке печени. Бадди удостоил нас сурового взгляда библиотекаря. Он сидел у другого конца прилавка и изучал рекламный буклет гонок серии NASCAR, которые в эти выходные проводились в Оксфорд-Плейнс.

Обратно я поехал той же дорогой. Большой гамбургер — не лучшая еда для жаркого дня. Он нагоняет сон и затягивает мозги туманом. Мне более всего хотелось приехать домой (я уже считал «Сару-Хохотушку» домом, хотя не пробыл в коттедже и двадцати четырех часов), плюхнуться на кровать в северном крыле под вращающимся вентилятором и придавить пару часов.

Проезжая Уэсп-Хилл-роуд, я притормозил. Белье висело на веревках, перед трейлером валялись игрушки, а вот «скаут» отсутствовал. Видать, Мэтти и Кира надели купальники и отправились на общественный пляж. Они обе мне понравились, очень понравились. Короткая замужняя жизнь Мэтти каким-то боком связала ее с Максом Дивоуром... но, глядя на ржавый, пусть и большой трейлер, стоявший у проселка, вспоминая застиранные шорты и топик из «Кей-марта», я сомневался, что она стала близкой родственницей Макса.

Прежде чем в конце восьмидесятых удалиться на покой в Палм-Спрингс, Максвелл Уильям Дивоур был ключевой фигурой в компьютерной революции. Делали эту революцию преимущественно молодые, но и Дивоур показал себя молодцом — легко просчитывал маневры своих и чужих на игровом поле и понимал правила. На-

чинал он в тот период, когда для хранения памяти использовалась магнитная лента, а не компьютерные чипы, и монстр, размером со склад, под названием УНИВАК* считался примером для подражания. Макс свободно знал КОБОЛ**, ФОРТРАН*** просто стал ему родным. А по мере развития компьютеров и информационных систем, когда его собственные способности уже не позволяли ему оставаться в лидерах, Макс нашел прекрасный способ удержаться на плаву: покупал тех, у кого был талант, но отсутствовали деньги.

Его компания «Вижнс» разрабатывала программы, которые позволяли практически мгновенно перекачивать данные с жесткого диска на дискеты. Она создала графические программы, которые стали стандартом для всей отрасли. «Вижнс» предложила пользователям «Пиксель изл» — программу, которая позволяла владельцам портативных компьютеров рисовать на экране мышкой... вернее, рисовать пальцем, если в комплектацию компьютера входил, как называла его Джо, «клитерный курсор». Сам Дивоур ничего этого не изобретал, но он понимал, что все это можно изобрести, и ставил перед своими сотрудниками очень конкретные задачи. Ему принадлежали десятки патентов, в сотнях его фамилия значилась среди соавторов изобретения. И на текущий момент «стоил» он порядка шестисот миллионов долларов, в зависимости от курса акций компьютерных фирм на Нью-Йоркской бирже.

В Тэ-Эр его не жаловали, полагая сварливым и неприятным в общении. Неудивительно — какой назаретянин думает, что из Назарета может быть что-то хоро-

* За давностью лет уже не упомнишь, то ли это одна из первых больших ЭВМ, использовавшихся в 50-е годы, то ли плод воображения американских фантастов.

** КОБОЛ — язык программирования, разработанный для экономических задач.

*** ФОРТРАН — язык программирования, разработанный в 1956 г. и используемый главным образом для научных расчетов.

шее? Разумеется, говорили и о его эксцентричности. Вообще если слушать старожилов, которые помнят годы молодости богатых и удачливых (а все старожилы настаивают на том, что помнят), то получится, что они ели обои, трахали собак и появлялись в церкви исключительно в описанных кальсонах. Даже если в случае с Дивоуром сие соответствовало действительности, даже если он мог дать фору Скруджу Макдаку из диснеевских «Утиных историй», я сомневался, что он мог позволить двум своим близким родственникам жить в ржавом трейлере.

Я свернул на дорогу над озером, затормозил у съезда на проселок, ведущий к моему дому, посмотрел на указатель: кусок доски, прибитый к дереву с надписью

САРА-ХОХОТУШКА

Здесь обходились без столбов, если под рукой оказывалось подходящее дерево. Взгляд, брошенный на указатель, вызвал воспоминание о последнем сне из «мэндерлийского сериала». В этом сне кто-то прищепнул на указатель наклейку радиостанции, из тех, что украшают на платных автодорогах будки кассиров.

Я вылез из машины, подошел к указателю, пригляделся к нему. Никаких наклеек. Подсолнухи были, выросли сквозь щели в досках крыльца, доказательство тому — фотографии, что лежали в моем чемодане, а вот наклейка радиостанции на указателе отсутствовала. И что это доказывало? *Перестань, Нунэн, вернись в реальный мир.*

Я зашагал к «шеви»: дверца открыта, в радиоприемнике надрываются «Пляжные мальчики»*, но передумал и вернулся к указателю. В моем сне наклейку прилепили над разрывом между словами, так что она захватывала

* «Пляжные мальчики» (Beach Boys) — рок-группа, созданная в 1961 г. Брайаном Уилсоном и состоявшая из двух его родных братьев, одного двоюродного и одноклассника. Одна из самых знаменитых в американском шоу-бизнесе.

две последние буквы от Сары и две первые от Хохотушки. Я коснулся в этом месте доски, и мне показалось, что поверхность липкая. Конечно, в такой жаркий день к пальцам могла липнуть и краска. А может, я только вообразил, что поверхность липкая.

Я съехал к дому, запарковал автомобиль, поставил его на ручник (на склонах у Темного Следя и у десятка других озер в западном Мэне автомобиль всегда ставят на ручник), дослушал «Не волнуйся, крошка», я всегда считал, что эта песня у «Пляжных мальчиков» — лучшая, и дело тут не в стихах, а в исполнительском мастерстве. «Если ты знаешь, как сильно я тебя люблю, — пел Брайан Уилсон, — с тобой не может случиться ничего плохого». Да, старички, если бы мир жил по этому закону.

Я сидел, слушал и смотрел на металлический шкаф справа от крыльца. Мы держали там мусор, чтобы местные еноты не рылись в нем и не растаскивали по двору. Потому что контейнеры с крышками не спасали. Если енотам очень уж хотелось есть, им удавалось открывать их своими умелыми лапками.

Ты же не собираешься сделать то, о чем думаешь, сказал я себе. *Я про... или собираешься?*

Похоже, собирался. И когда «Пляжных мальчиков» сменила «Сырая земля»*, я вылез из машины, открыл шкаф и вытащил два пластиковых мусорных контейнера. Билл Дин подрядил одного из местных, Стэна Проулкса, тот приезжал (четырьмя годами раньше) дважды в неделю и увозил мусор, но я сомневался, что Стэн побывал здесь в выходные (все-таки праздник) и забрал последние накопления. Так и вышло. В каждом контейнере лежали по два мешка с мусором. Я достал их (по-прежнему называя себя дураком) и развязал желтые тесемки.

* «Сырая земля» (Rare Earth) — музыкальная группа, образованная в 1961 г. саксофонистом Джиллом Биджесом и барабанщиком Питом Риверой. Название получила в 1969 г. Меня состав, продолжала выступать и в начале 90-х годов.

Честно говоря, я не ожидал, что желание найти наклейку заставит меня вывернуть содержимое мешков на крыльцо, но заставило. В доме уже четыре года никто не жил — помните? — а ведь именно жильцы являются основным источником мусора. Тут тебе и кофейная гуща, и использованные салфетки. В этих же мешках находилась лишь мусор, собранный при уборке Брендой Мизерв и ее командой.

Девять одноразовых пакетиков из пылесоса, вобравших в себя сорок восемь месяцев пыли и дохлых мух. Ворохи бумажных полотенец, пахнувших полиролем и чистящей жидкостью. Рванный поролоновый коврик и шелковый пиджак, которым отменно закусил моль. Потеря пиджака не вызвала у меня печали. Его покупка в молодости была явной ошибкой. Он казался пришедьцем из эры «Битлз». Прощай, крошка, прощай.

Еще я обнаружил коробку с осколками стекла... еще одну с какими-то втулками и тройниками (наверное, для новых труб они не подходили)... грязный и рваный кусок ковра... вытертые до дыр посудные полотенца... и рукавицы, которыми я пользовался, когда сам жарил бургеры или курицу...

Перекрученную наклейку я нашел на дне второго мешка. Я знал, что найду ее, знал с того самого момента, как прикоснулся к чуть липкой поверхности указателя, но мне хотелось убедиться в ее существовании. Наверное, точно так же Фома Неверующий все хотел проверить собственноручно.

Я отделил находку от остального мусора, рукой расправил ее на нагретой солнцем доске. Края пообтрепались. Я догадался, что Билл воспользовался перочинным ножом, чтобы отскрести ее от указателя. Он не хотел, чтобы мистер Нунэн, вернувшись после четырехлетнего отсутствия, первым делом обнаружил, что какой-то безответственный тип прилепил наклейку радиостанции к указателю на съезде к его дому. Нехорошо это, думал

он, не-хо-ро-шо. Вот наклейка и отправилась в мешок для мусора, откуда я ее и извлек — еще одно наглядное свидетельство моего кошмара. Я прошелся по наклейке пальцами.

WBLM. 102,9, РОК-Н-РОЛЛ ИЗ ПОРТЛЕНДА

Я убеждал себя, что бояться нечего. Наклейка ничего не значит, как ничего не значило и все остальное. Потом я достал из шкафа метлу и отправил весь мусор обратно в мешки. Не избежала общей участи и наклейка.

Я вошел в дом с намерением смыть под душем грязь и пыль, но увидел плавки, лежащие в одном из раскрытых чемоданов, на самом виду, и решил выкупаться. Плавки у меня были веселенькие, с разноцветными китами, резвящимися на синем фоне. Я их купил в Ки-Ларго. И подумал, что они понравились бы моей новой подруге в бейсболке «Ред сокс». Взглянув на часы, я понял, что «вилладжбургер» я доел сорок пять минут назад. Столько времени ушло у меня на дорогу домой и поиск «сокровищ» в мусорных мешках.

Я надел плавки, сунул ноги в шлепанцы и по ступеням, сложенным из железнодорожных шпал, направился к воде. Жужжали редкие комары. Озеро блестело передо мной, манило к себе, застыв под низкими облаками. Вдоль воды на север и на юг уходила тропа. Тянулась она вдоль всего восточного берега, считалась «общественной собственностью», а местные жители называли ее Улицей. Если б я, сойдя с лестницы, повернул налево, то мог бы дошагать по Улице до пристани Темный След, мимо ресторана «Уэррингтона» и забегаловки Бадди Джеллисона... не говоря уже о десятке летних коттеджей, приткнувшихся на склонах среди сосен и елей. Направо Улица уходила к Сияющей бухте, но дорога туда занимала целый день, потому что та часть Улицы сильно заросла.

Я постоял на тропе, а потом с разбегу бросился в воду. И когда уже оторвался от земли и летел по воздуху, вспомнил, что в последний раз совершал подобный прыжок вместе с женой, держа ее за руку.

Приводнение едва не обернулось катастрофой. Холодная вода разом напомнила, что мне сорок, а не четырнадцать, и на мгновение мое сердце перестало биться. И когда воды озера Темный След сомкнулись над моей головой, я уже не сомневался, что живым на поверхность мне не выбраться. И найдут меня дрейфующим лицом вниз на маленьком пятачке между плотом и отрезком Улицы, проходящим по моей земле, жертву холодной воды и жирного «вилладжбургера». А на могильном камне высекут надпись:

ТВОЯ МАТЬ ВСЕГДА ГОВОРИЛА,
ЧТО КУПАТЬСЯ МОЖНО
ЛИШЬ ЧЕРЕЗ ЧАС ПОСЛЕ ЕДЫ

А потом мои ноги коснулись каменистого, в склизлых водорослях дна, сердце забилося вновь, и я рванул к поверхности, словно баскетболист, атакующий кольцо. Вынырнув, я жадно схватил ртом воздух. И тут же нахлебался воды, которую немедленно проглотил. Куда больше меня заботило сердце. Я похлопывал рукой по груди, как бы говоря ему: давай, милое, не шали, работай как должно.

Я стоял по пояс в воде, и тут до меня дошло, что вкусовые ощущения у меня те же, что и на Шестьдесят восьмом шоссе. Получалось, что, когда Мэтти назвала мне имя дочери, мой рот наполнился озерной водой.

Я провел психологическую параллель, и все. От схожести имен к моей умершей жене, от нее — к озерной воде. Которую...

— Которую мне уже приходилось пару раз попробовать, — произнес я вслух. И чтобы подчеркнуть значение

собственных слов, сложил ладони лодочкой, зачерпнул воды, едва ли не самой чистой во всем штате, в чем нас неоднократно убеждали анализы, сделанные Ассоциацией западных озер, и выпил. Мне не открылась истина, перед глазами не засверкали искры. То была обычная вода озера Темный След. Сначала она обреталась у меня во рту, потом спустилась в желудок.

Я доплыл до плота, по лесенке взобрался на него, попрыгал на прогретых досках, внезапно очень обрадовавшись тому, что вернулся домой. И решил, что завтра начну новую жизнь... во всяком случае, постараюсь начать. А пока удовлетворялся тем, что прилег, положив голову на сгиб руки, и чуть не задремал, уверенный в том, что сегодня новых приключений не ожидается.

Как выяснилось, мои надежды не оправдались.

В наше первое лето, проведенное на озере, мы обнаружили, что можем любоваться фейерверком в Касл-Рок прямо с террасы. Я вспомнил об этом, когда уже начало темнеть, и подумал, что проведу праздник в гостиной, перед экраном телевизора. Не хотелось мне выходить на террасу, где Четвертого июля, из года в год, мы сидели вдвоем, пили пиво, смеялись и смотрели, как небо переливается всеми цветами радуги. Мне и так одиноко, пусть и одиночество это не такое, как в Дерри. А потом я напомнил себе о причине приезда в «Сару-Хохотушку» — вызвать из глубины подсознания все до последнего воспоминания о Джоанне и с любовью их упокоить. И уж конечно, перспектива вновь обрести способность писать в тот вечер представлялась, мягко говоря, туманной.

Пива не было, я забыл купить упаковку из шести банок в супермаркете или в «Деревенском кафе», но в холодильнике стояла газировка, спасибо Бренде Мизерв. Я достал банку пепси и уселся на террасе, надеясь, что фейерверк не причинит мне сильной душевной боли. Надеюсь, что удастся обойтись без слез. Я не обманывал

себя, зная, что выплакал еще не все слезы. И понимал, что через это придется пройти.

Телефон зазвонил, едва погасли ракеты первого залпа, окрасившего небо в ярко-синие тона. Я аж подпрыгнул от неожиданности. Решил, что звонит Билл Дин, чтобы удостовериться, что я на месте и у меня все в порядке.

За год до смерти Джо мы приобрели беспроводной телефон, чтобы, разговаривая, бродить по первому этажу. Нам это нравилось. Я прошел в гостиную, взял трубку, сказал: «Привет, это Майк» и вернулся к креслу-шезлонгу на террасе. В этот момент на другой стороне озера, под самыми облаками, запылали зеленые и желтые звезды. А вскоре долетел и грохот разрывов.

И только потом в трубке послышался скрипучий мужской голос, старческий, но не Билла Дина:

— Нунэн? Мистер Нунэн?

— Да? — Облака обдало золотом. Мне сразу вспомнились церемонии награждения, которые я видел по телевизору, все эти прекрасные женщины в роскошных вечерних платьях.

— Дивоур.

— Да? — осторожно повторил я.

— Макс Дивоур.

Здесь мы видим его нечасто, сказала Одри. Я принял ее слова за юмор, а выходит, она говорила серьезно. Чудеса продолжались.

Ладно, что теперь? Я не знал, о чем говорить дальше. Подумал, а не спросить ли, где он раздобыл мой номер, который не значился в справочнике, решил, что это бессмысленно. Когда твоё состояние превышает полмиллиарда долларов, если я действительно разговаривал с Максом, раздобыть любой телефонный номер — пустяк.

Поэтому ограничился третьим «да», на этот раз без вопросительной интонации.

Последовала пауза. Если бы молчание нарушил я и начал задавать вопросы, он направил бы разговор в нужное ему русло... если наше телефонное общение на

тот момент можно было считать разговором. И я воспользовался опытом Гарольда Обловски. Вот уж кто умел держать паузу. Я сидел тихо, прижимая к уху трубку, и наблюдал за фейерверком. Красное сменялось золотым, золотое — зеленым... невидимые женщины ходили в облаках в переливающихся вечерних платьях.

— Как я понимаю, сегодня вы познакомились с моей невесткой, — не выдержал он. В голосе слышалось раздражение.

— Возможно. — Я старался не выказать изумления. — Позвольте узнать причину вашего звонка, мистер Дивоур?

— Как я понимаю, едва не произошел несчастный случай.

По небу плясали белые огни, словно взорвался космический корабль. Вновь над озером загрохотало.

Я раскрыл секрет путешествий по времени, подумал я. Это звуковой феномен.

Моя рука слишком сильно сжимала трубку, поэтому я заставил пальцы чуть разжаться. Макссуэлл Дивоур. Полмиллиарда долларов. И живет он вовсе не в Палм-Спрингсе, как я предполагал, а здесь, в Тэ-Эр, если можно полагаться на характерный треск помех в трубке.

— Я тревожусь из-за моей внучки. — Голос стал еще более скрипучим. В нем чувствовалась злость: этот человек не привык скрывать свои эмоции. — Как я понимаю, моя невестка в очередной раз пренебрегла своими материнскими обязанностями. У нас это обычное дело.

В небе расцвело полдюжины цветов, совсем как в диснеевских мультфильмах. Я без труда представил себе толпу, собравшуюся на Касл-Вью. Все сидят скрестив ноги на одеялах, едят мороженое, пьют пиво и одновременно охают и ахают от восторга. Это общее оханье и аханье, по моему разумению, и есть гласное свидетельство успеха того или иного зрелища.

Ты боишься этого типа, да? — спросила Джо. И правильно, у тебя есть основания бояться его. Человек, кото-

рый считает себя вправе выказать злость, если он ее испытывает... такой человек опасен. И тут же я услышал голос Мэтти: Мистер Нунэн, я не такая уж плохая мать. Такого никогда не случалось.

Разумеется, в подобной ситуации и самая плохая мать произнесла бы именно эти слова... но я ей поверил.

И черт побери, номера моего телефона в справочнике нет! Я сижу на террасе, пью пепси, люблюсь фейерверком, никого не трогаю, так какого черта этот...

— Мистер Дивоур, я понятия не имею, о чем вы говорите...

— Только вот этого не надо, при всем моем уважении к вам, мистер Нунэн, не надо дурить мне голову. Вас видели, когда вы с ними разговаривали. — Так, наверное, Джо Маккарти наваливался на бедолаг, которых вызывали в его комитет по подозрению в связях с коммунистами.

Будь осторожен, Майк, предупредила Джо. Остерегайся серебряного молотка Максвелла.

— Утром я виделся и разговаривал с женщиной и маленькой девочкой, — признал я. — Наверное, вы говорите именно о них.

— Нет, вы видели, как маленькая девочка шла по дороге одна, — возразил он. — А потом увидели женщину, которая мчалась за ней. Мою невестку, в той старой колымаге, на которой она ездит. Ребенок мог угодить под машину. Почему вы защищаете эту молодую женщину, мистер Нунэн? Она вам что-нибудь пообещала? Позвольте вас заверить, ребенку от этого пользы не будет.

Она пообещала пригласить меня в трейлер, а потом показать мне мир, едва не ответил я. А еще обещала все время держать рот открытым, если я никому не скажу ни слова... вы это хотите услышать?

Да, ввернула Джо. Скорее всего именно это он и хочет услышать. В это он готов поверить. Не провоцируй его своим сарказмом, Майк... потом ты можешь об этом пожалеть.

Действительно, а почему я защищал Мэтти Дивоур? Я не знал. Откровенно говоря, тогда я и представить себе не мог, к чему все это приведет. Я только знал, что выглядит она очень усталой, а ребенок — ухоженный, развитой (даже слишком), без единого синячка, не боится матери, наоборот, тянется к ней.

— Автомобиль помню. Старый джип.

— Так-то лучше. — В голосе слышалась удовлетворенность. И жадное любопытство. — Что...

— Наверное, они вместе приехали на джипе. — Я с удовольствием отметил, что способность сочинять осталась при мне. Я чувствовал себя ветераном-питчером*, который уже не выступает перед переполненными трибунами, но у себя во дворе может сделать отменный бросок. — Вроде бы девочка держала в руках маргаритки. — Все, с одной стороны, ясно и понятно, а с другой — присутствует определенная доля сомнения, словно я даю показания в суде, а не сижу на собственной террасе. Гарольд мог бы мной гордиться. Ну уж нет. Гарольд пришел бы в ужас, если бы услышал наш разговор. — У меня сложилось впечатление, что они собирали цветы на лугу. Но к сожалению, воспоминания об этой встрече у меня смутные. Я писатель, мистер Дивоур, и часто погружаюсь во внутренний мир...

— Вы лжете! — Злость прорвалась наружу. Как я и подзревал, социальным приличиям этот господин значения не придавал.

— Мистер Дивоур? Полагаю, тот самый компьютерный Дивоур?

— Правильно полагаете.

Чем сильнее сердилась Джо, тем холоднее становился ее голос. Я решил воспользоваться ее фирменным оружием. И получилось.

* Питчер — в бейсболе игрок обороняющейся команды, который вбрасывает мяч.

— Мистер Дивоур, я не привык к тому, чтобы по вечерам мне звонили незнакомые люди, и я не собираюсь продолжать разговор с человеком, который назвал меня лжецом. Спокойной ночи, сэр.

— Если все было нормально, почему вы остановились?

— Я достаточно долго отсутствовал в Тэ-Эр и остановился, чтобы спросить, открыто ли «Деревенское кафе». Между прочим, я не знаю, где вы раздобыли мой телефонный номер, но могу сказать, куда вы можете его засунуть. Спокойной ночи.

Большим пальцем я нажал на кнопку отбоя, а потом уставился на телефонную трубку, словно видел ее впервые. Рука, державшая ее, дрожала. Сердце учащенно билось. Я чувствовал его удары не только в груди, но и на шее и в запястьях. Я гадал, посмел бы я порекомендовать Дивоуру засунуть мой телефон себе в задницу, если бы на моем счету не лежало несколько миллионов.

Битва титанов, дорогой, послышался бесстрастный голос Джо. И все из-за молоденькой девушки из трейлера. У которой и груди-то приличной нет.

Я громко рассмеялся. Битва титанов? Едва ли. Еще кто-то из баронов-разбойников*, промышлявших в начале столетия, сказал: «В эти дни человек с миллионом долларов думает, что он богат». Дивоур наверняка именно так и относился ко мне. И по большому счету правда была на его стороне. Теперь небо на западе окрасилось невероятным многоцветьем: то был финальный аккорд фейерверка.

— И что все это значило? — спросил я.

Ответа не получил. Только где-то закричала гагара, протестуя против непривычного грохота.

Я поднялся, прошел в дом, положил трубку на подставку и подумал, что жду повторного звонка Дивоура

* Так называют основателей промышленно-финансовых империй, сколотивших свои состояния в период первичного накопления капитала во второй половине XIX и начале XX вв.

со стандартным набором угроз, несчетное число раз звучащих с экрана телевизора: «Если ты попадешься у меня на пути, а я настоятельно рекомендую тебе, дружище, не попадайся, пенять ты сможешь только на себя».

Телефон не зазвонил. Я вылил остатки пепси в горло, как вы понимаете, достаточно пересохшее, и решил, что пора спать. По крайней мере мое пребывание на террасе обошлось без слез и рыданий: Дивоур не позволил мне нырнуть в прошлое. Мне даже захотелось поблагодарить его.

Я прошел в северную спальню, разделся и лег. Думал я о маленькой девочке Кире и ее матери, которая скорее тянула на старшую сестру. Дивоур Мэтти терпеть не мог, двух мнений тут быть не могло, хотя я не понимал, чем она могла насолить ему. А если уж она перецпла ему дорогу, то что могла противопоставить, если в финансовом плане он и меня не держал за человека? С этой не слишком приятной мыслью я и заснул.

Через три часа я поднялся, чтобы освободиться от содержимого банки пепси, которую столь легкомысленно опорожнил, перед тем как лечь спать. И когда я стоял над унитазом, приоткрыв один глаз, чтобы не промахнуть, услышал плач. Ребенок плакал где-то в темноте, потерявшийся, испуганный... а может, притворялся потерявшимся и испуганным.

— Не надо. — Я голым стоял перед унитазом, и кожа на спине покрылась мурашками. — Пожалуйста, обойдемся без этого, я боюсь.

Плач затих, медленно удалился, как и в прошлый раз, словно ребенка унесли в тоннель. Я добрался до кровати, лег на бок, закрыл глаза.

— Это был сон, — прошептал я. — Еще один мэндерлийский сон.

Я знал, что это не так, но знал и другое: сейчас я снова засну, а это куда как важнее. И засыпая, успел подумать: *Она живая. «Сара» живая.*

При этом осознав кое-что еще: «Сара-Хохотушка» принадлежала мне. Я вернул себе право владения. Пойдет мне это на благо или погубит, но мой дом здесь.

Глава 9

Наутро, в девять часов, я наполнил пластиковую бутылку грейпфрутовым соком и отправился в долгую прогулку по Улице, взяв курс на юг. В небе ярко сияло солнце, чувствовалось, что день будет жарким. На озере царила тишина, какая, пожалуй, бывает только после праздничной субботы. Причин тому две: умиротворенность и похмелье. Я видел двух-трех рыбаков, устроившихся довольно далеко от берега, но не услышал ни урчания лодочных моторов, ни воплей барахтающихся в воде детей. Я прошел мимо пяти или шести летних коттеджей. В это время года в них, безусловно, жили, но о присутствии людей говорили разве что купальные принадлежности, сохнувшие на перилах, обегаяющих террасу Пассендейлов, да наполовину сдувшаяся резиновая лодка, привязанная к мини-пристани Раймеров.

Но принадлежал ли Пассендейлам маленький, покрашенный серой краской пассендейловский коттедж? И оставались ли Бэтчелдеры владельцами этого необычного круглого дома с панорамными окнами? Этого я знать не мог. За четыре года многое могло измениться.

Я шагал и старался не думать — давний мой прием, которым я часто пользовался, когда еще мог писать книги. Пусть работает тело, а мозг отдыхает: мальчики в подвале свою работу сделают. Я проходил мимо тех мест, куда нас с Джо приглашали выпить и поесть жаркое, иногда сыграть в карты, я впитывал тишину, словно губка, время от времени прикладывался к бутылке с грейпфрутовым соком, стирал пот со лба и ждал, какие же мысли придут ко мне в голову.

Первая оказалась очень даже любопытной: плач ребенка в ночи представлялся мне куда более реальным, чем вечерний звонок Макса Дивоура. Неужели в первый вечер моего пребывания в Тэ-Эр мне действительно позвонил богатый и, похоже, с несносным характером технократ? И в какой-то момент нашего разговора обозвал меня лжецом (обозвал справедливо, учитывая рассказанную мной байку, но не об этом речь)? Я знал, что все это имело место, но с большей легкостью поверил бы в существование духа озера Темный След, который, по свидетельству старожилов, давал о себе знать детским плачем. Вот и прозвали его Загадочный плачущий ребенок.

Вторая мысль, пришла она аккурат перед тем, как я допил грейпфрутовый сок, состояла в том, что я должен позвонить Мэтти Дивоур и рассказать о вечернем звонке. Я решил, что желание это естественное, но идея определенно не из лучших. Я прожил на свете достаточно долго, чтобы знать, что не бывает таких простых ситуаций, когда несчастная девушка одна-одинешенька противостоит злобному отчиму... или, как в нашем случае, свекру. Я приехал на озеро, чтобы решать свои проблемы, и мне не хотелось усложнять себе жизнь, вмешавшись в чреватый самыми непредсказуемыми последствиями конфликт между мистером Компьютером и миссис Трейлер. Дивоур погладил меня против шерсти, прямо скажем, погладил энергично, но, возможно, с другими он вел себя точно так же. Такие уж у него манеры. Черт, некоторые вон рвут бретельки бюстгалтеров. И теперь я жажду его крови? Нет. Не жажду. Я спас маленькую мисс Красный Носок, я, пусть и случайно, пощупал маленькую, но приятно-упругую грудь мамми, я узнал, что девочке дали греческое имя Кира, потому что оно звучит благородно. Хорошего понемножку, иначе можно и зажратья.

В этот момент я остановился — перестал двигать ногами и думать, — осознав, что добрался до «Уэррингтона»;

большого, смахивающего на сарай сооружения, которое местные жители иногда называли загородным клубом. Наверное, правильно называли, учитывая наличие поля для гольфа на шесть лунок, конюшни, дорожек для верховой езды, ресторана, бара и комнат для проживания: трех десятков номеров в главном здании и восьми или девяти отдельных бунгало. Была в «Уэррингтоне» даже двухполосная дорожка для боулинга, правда, ставить кегли каждой команде приходилось по очереди. Построили клуб в тот год, когда в Европе началась Первая мировая война. «Сара-Хохотушка» появилась на берегу озера чуть раньше.

Длинная пристань вела к зданию поменьше, которое называлось «Бар заходящего солнца». Именно там постояльцы «Уэррингтона» собирались, чтобы пропустить по стаканчику в конце дня (кое-кто заглядывал туда и утром за «Кровавой Мэри»). И посмотрев в сторону бара, я увидел, что мое одиночество нарушено. На крыльце, слева от раскрытой двери, стояла женщина и пристально разглядывала меня.

От неожиданности я аж подпрыгнул. Нервы у меня тогда были ни к черту, и, возможно, причину следовало искать в этом... но, думаю, я подпрыгнул бы в любом случае. Из-за того что стояла она как статуя. Из-за ее невероятной худобы. А главное, из-за ее лица. Вы когда-нибудь видели картину Эдварда Мунка «Крик»? Так вот, представьте себе это разодранное криком лицо с закрытым ртом и ничего не упускающими глазами, и перед вами возникнет та самая женщина, что стояла в конце пристани, положив руку с длинными пальцами на перила. Хотя, признаюсь, прежде всего я подумал не о картине Эдварда Мунка, а о миссис Дэнверс.

Выглядела она лет на семьдесят и поверх черного закрытого купальника надела черные же шорты. Сочетание выглядело очень строго, официально, можно сказать, вариант не теряющего популярности короткого

черного платья, в каком приходят на коктейль. Кремово-белую кожу над плоской грудью и на плечах покрывали большие коричневые старческие бляшки. Скулы и лоб выступали вперед, а глаза словно прятались в тени. Седые волосы свисали патлами.

Господи, какая же она худая, подумал я. Прямо-таки мешок с...

Вот тут меня тряхнуло. Сильно тряхнуло, будто от удара электрическим током. Я не хотел, чтобы она это заметила (хорошенькое начало летнего дня: твой вид вызывает у мужчины такое отвращение, что его трясет), поэтому я поднял руку, помахал. Попытался и улыбнуться. *Привет, старушка, стоящая у бара над водой. Привет, мешок с костями, ты испугала меня до смерти, но нынче это просто, вот я тебя и прощаю. И что вообще ты там делаешь?* Я, правда, подумал, что моя улыбка показалась ей гримасой.

В ответ она мне рукой не помахала.

Чувствуя себя круглым идиотом (ДЕРЕВЕНСКОГО ИДИОТА ЗДЕСЬ НЕТ, МЫ ПО ОЧЕРЕДИ ИСПОЛНЯЕМ ЕГО ОБЯЗАННОСТИ), я опустил руку и двинулся в обратный путь. Через пять шагов оглянулся: меня не оставляло ощущение, что ее взгляд упирается мне между лопатками.

Пристань опустела. Я прищурился, полагая, что она просто отступила в тень, отбрасываемую boozehaus*, но нет, она исчезла. Словно призрак.

Она просто зашла в бар, дорогой, вставила Джо. Ты это знаешь, не так ли? Я... ты знаешь, да?

— Да, да, — бормотал я, шагая по Улице к своему дому. — Естественно, знаю. Куда же еще она могла пойти?

Да только мне казалось, что не успела бы она войти в бар. А если бы и вошла, я бы услышал ее шаги, пусть она была и босиком. Утро выдалось очень уж тихое.

Может, походка у нее бесшумная. Опять Джо.

* Винный дом (иск. нем.).

— Да, — согласился я. «Если так будет продолжаться, — подумал я, — то к концу лета я уже привыкну говорить вслух сам с собой». — Да, наверное. Может, у нее бесшумная походка.

Конечно. Как у миссис Дэнверс.

Я вновь остановился и оглянулся, но тропа следовала за небольшим изгибом берега, и я больше не увидел ни «Уэррингтон», ни «Бар заходящего солнца». И, честно признаюсь, нисколько об этом не пожалел.

На обратном пути я попытался составить список странностей, которые предвляли или сопровождали мое возвращение в «Сару-Хохотушку»: повторяющиеся сны; подсолнечники; наклейка радиостанции; плач в ночи. Я предположил, что встречу с Мэтти и Кирой плюс последовавший за ней телефонный разговор с мистером Пикселем Излом также можно считать странными... но они не становились в один ряд с детским плачем, который я слышал по ночам.

А куда отнести тот факт, что то лето, когда умерла Джоанна, мы проводили в Дерри, а не на озере Темный След? Можно включить его в перечень странностей? Я не знал. Даже не смог вспомнить, почему мы остались в Дерри. Осенью 1993 года я писал рассказы и пытался сделать сценарий из «Мужчины в красной рубашке». В феврале 1994-го засел за «Путь вниз с самого верха». А кроме того, решение ехать на запад, к «Саре»...

— Этим заведовала Джо, — сообщил я озеру и, как только услышал собственные слова, понял, что сказал чистую правду. Мы оба любили бревенчатый коттедж, но именно на Джо лежала обязанность сказать: «Эй, Ирландец, давай оторвем наши задницы от дивана и сможемся на несколько дней в Тэ-Эр». Она могла произнести эти слова в любое время... только в год, предшествующий ее смерти, не произнесла ни разу. А у меня и в мыслях не было произнести их за нее. Я как-то забыл

про «Сару-Хохотушку», несмотря на наступившее лето. Возможно ли так глубоко погрузиться в новый роман? Вроде бы нет... но где взять другое объяснение?

Но общей картины не получалось, а почему — я не знал. Что-то не складывалось.

Почему-то на ум пришла Сара Тидуэлл и одна ее песня. Она так ее и не записала, но у меня была пластинка с записью этой песни в исполнении Слепого Лемона Джефферсона*, который, конечно, несколько поменял слова, подстраивая песню под себя. Один куплет звучал так:

Деревенские танцульки любим мы с подругой,
Раз с прихлопом, два с притопом и еще по кругу!
Вот сейчас я поцелую милку свою в губы,
Парень я такой приятный и совсем не грубый!**

Конечно, Сара Тидуэлл спела бы ее не так, как этот трубадур с осипшим от виски голосом. Хотелось бы мне услышать Сару, но — увы!

Я добрался до своего дома. Огляделся, в непосредственной близости никого не увидел (хотя где-то заурчал лодочный мотор), разделся до трусов, вошел воду и поплыл к плоту. Забираться на него не стал, полежал на воде, держась за перекладину лесенки, лениво перебирая ногами. Приятно, конечно, но чем занять остаток дня?

Я решил навести порядок в моем кабинете на втором этаже. А покончив с этим, заглянуть в студию Джо. Если, конечно, достанет мужества.

Я поплыл назад, поднимая и опуская голову. Вода, словно холодный шелк, струилась вдоль моего тела. Я чувствовал себя выдрой. А когда до берега оставалось всего

* Джефферсон, Лемон (1893—1929) — очень популярный исполнитель блюзов, в том числе и сельских. С раннего детства страдал слепотой или очень сильной потерей зрения. В 1926—1929 гг. уже записал более 90 пластинок. Его записи продаются и сейчас, но уже на компакт-дисках.

** Здесь и далее перевод стихов Натальи Рейн.

ничего и я вновь поднял голову, то увидел женщину, которая стояла на Улице и наблюдала за мной. Такая же тощая, что и встреченная мной в «Уэррингтоне»... только в зеленом наряде. В зеленом наряде и указывающая рукой на север, словно дриада в старинной легенде.

Челюсть у меня отвисла, в рот полилась вода, которую я тут же выплюнул. Встал, протер глаза. И расхохотался, нервным таким смехом. За женщину в зеленом я принял березку, растущую чуть к северу от того места, где лестница от «Сары-Хохотушки» спускалась к Улице. Но даже когда вода уже не заливала мне глаза, мне показалось, что сквозь зеленую листву на меня смотрит не белый, с черными отметинами, ствол, а чье-то лицо. Ветра не было вовсе, воздух застыл, вот застыла и физиономия (совсем как лицо женщины в черных шортах и купальнике). За березой стояла засохшая сосна. Одна голая ветвь тянулась к северу. Ее-то я и принял за костлявую руку.

Так я пугал себя не впервые. Мне много чего чудится, тут уж ничего не поделаешь. Напишите с моё, и вам тоже каждая тень на полу покажется следом, а каждая линия, замеченная в пыли, — тайным посланием. Все эти рассуждения, однако, не приближали меня к решению главного вопроса: что же такого особенного в «Саре-Хохотушке»? И не определяется ли это особенное особенностями моего подсознания?

Я огляделся, еще раз убедился, что в этой части озера я пребываю в одиночестве (хотя период одиночества приближался к завершению, потому что к первому мощному мотору уже присоединились второй и третий), и снял с себя мокрые трусы. Вылез из воды, подхватил шорты и футболку и голым поднялся по ступеням, прижимая одежду к груди. Я воображал себя Бантером, несущим завтрак и утреннюю газету лорду Уимзи*. И, входя в дом, улыбался во весь рот.

* Лорд Уимзи — главное действующее лицо многих детективных романов и рассказов американской писательницы Дороти Сэйерс.

* * *

На втором этаже меня встретила духота, от которой не спасали даже открытые окна. Второй этаж мы с Джо поделили на две неравные части. Ей досталась левая комната, по существу, клетушка, поскольку у нее была еще и студия, мне — правая. В дальнем конце коридора торчало забранное решеткой рыло кондиционера, который мы приобрели через год после покупки коттеджа. Глядя на него, я понял, что недостает характерного жужжания. К решетке скотчем крепилась записка:

Мистер Нунэн, кондиционер сломан. При включении гонит горячий воздух, а внутри что-то дребезжит, как разбитое стекло. Дин говорит, что нужная деталь заказана «Уэстерн ауто» в Касл-Роке. Я в это поверю, когда ее увижу.

Б. Мизерв.

Прочитав последнее предложение, я улыбнулся — да уж, миссис М. во всей красе — и включил кондиционер. Механизмы обычно положительно реагируют на присутствие человеческого существа с пенисом, утверждала Джо, но на этот раз фокус не удался. Послушав пять секунд хрипы и треск кондиционера, я его выключил. И тяжело вздохнул: без кондиционера на втором этаже я не мог даже решать кроссворды.

Однако заглянул в свой кабинет, из чистого любопытства, чтобы узнать, какие меня при этом охватят эмоции. Выяснилось, что эмоций практически нет. В кабинете стоял тот самый стол, за которым я дописывал «Мужчину в красной рубашке», второй мой роман, которым я доказал прежде всего себе, что успех первого не был случайностью, стену украшал плакат с изображением Ричарда Никсона, победно вскинувшего руки, и надпись по низу:

**ВЫ КУПИЛИ БЫ У ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА
ПОДЕРЖАННЫЙ АВТОМОБИЛЬ?**

А на полу лежал коврик, который связала для меня Джо за год или за два до того, как она открыла удивительный мир турецких ковров и перестала вязать.

Я не мог сказать, что это кабинет незнакомца, но все в нем (а особенно пустой стол) указывали на то, что принадлежал он другому, более молодому Майку Нунэну. Жизнь мужчины, как я однажды прочитал, движут две основные силы: работа и семья. В моей жизни семью я потерял, а работа застопорилась, и пока у меня не было оснований надеяться на изменения к лучшему. Так что не приходилось удивляться, что помещение, в котором я провел столько часов и дней, радостных часов и дней, не вызвало у меня никаких эмоций. Я видел перед собой кабинет сотрудника, которого уволили... или который внезапно умер.

Я уже повернулся, чтобы уйти, но тут меня осенило. Ящики комода в углу заполняли бумаги: банковские балансы (восьми- или десятилетней давности), письма (в основном оставшиеся без ответа), черновики рассказов, отрывки романов, но я не смог найти то, что искал. Я перешел к стенному шкафу, хотя температура в кабинете зашкаливала за сорок градусов, и в картонной коробке, на которой миссис М. написала

УСТРОЙСТВА

обнаружил искомое: «Мемоскрайбер» фирмы «Санио», который Дебра Уайнсток подарила мне по завершении работы над моим первым романом, подготовленным к публикации в издательстве «Патнам». Скрайбер в отличие от обычных диктофонов включался по голосу и автоматически переходил в режим ожидания, если человек замолкал, чтобы обдумать следующую фразу.

Я никогда не спрашивал Дебру, с чего она вздумала преподнести мне такой подарок. Может, подумала: «Готова спорить, любой уважающий себя романист должен

иметь такую игрушку». А может, своим подарком она на что-то намекала? *Не пора ли озвучить те маленькие факсы, что посылает тебе подсознание, Нунэн?* Тогда я не узнал причины, осталась она для меня тайной и теперь. Но так или иначе, в руках я держал профессиональный диктофон, а в машине лежало никак не меньше десятка кассет, которые я записал дома, чтобы слушать в дороге. И вечером я мог вставить одну из них в скрайбер и включить его в режиме записи голоса. И тогда, если ночью повторится плач, который я уже слышал дважды, магнитофонная пленка его зафиксирует. А я смогу прокрутить ее Биллу Дину и спросить, что он думает по этому поводу.

А что, если этой ночью я услышу плач ребенка, а машина не включится?

— Что ж, тогда и будем искать другое решение, — сообщил я пустому, залитому солнечным светом кабинету. Я стоял в дверях со скрайбером под мышкой, обливаясь потом. Вариантов нет.

В сравнении с клетушкой Джо мой кабинет казался обжитым и заставленным мебелью. Меня встретили голые пол и стены. Ни ковра, ни фотографий, стол и тот вынесли. Присутствие Джо в этой комнате более не ощущалось, и внезапно я рассердился на Бренду Мизерв. Я вспомнил, как мать выговаривала мне, если я по собственной инициативе делал то, что ей не нравилось: «Ты слишком много на себя берешь, а?» Такие же чувства испытывал и я, войдя в комнатку Джо: миссис Мизерв слишком много на себя взяла.

Может, прибиралась здесь не миссис М., слышался голос НЛО. *Может, это работа Джо. Ты об этом не думал, приятель?*

— Это глупо, — ответил я. — С какой стати? Едва ли она предчувствовала свою смерть. Особенно если учесть, что она купила...

А вот этого я не произнес. Во всяком случае, вслух. Решил, что идея не из лучших.

И уже выходил в коридор, когда поток холодного воздуха, — и откуда он только взялся в такую жару? — овеял мне лицо. Не тело, только лицо. Ощущение удивительное: словно руки мягко похлопали по щекам и лбу. И одновременно вздох донесся до моих ушей... нет, пожалуй, не вздох. Торопливый шепот.

Я обернулся, ожидая увидеть покачивающиеся занавески на окне... но они не шевелились.

— Джо? — спросил я, и при упоминании ее имени мое тело сотрясла такая сильная дрожь, что я едва не выронил скрайбер. — Джо, это была ты?

Никакой реакции. Ничьи призрачные руки коснулись моего лица, но занавески остались неподвижными... а ведь обязательно колыхнулись бы, будь хоть малейшее движение воздуха. Все застыло. В том числе и высокий мужчина с покрытым потом лицом и скрайбером под мышкой... Пожалуй, именно в тот момент окончательно стало ясно, что в «Саре-Хохотушке» я не один.

И что из этого? спросил я себя. Даже если это и так, что из этого? Призраки не могут причинить вреда.

Тогда я действительно так думал.

Когда после ленча я зашел в студию Джо (там кондиционер работал), я изменил свое мнение о Бренде Мизерв: все-таки слишком много она на себя не брала. Практически все, что раньше находилось в комнатке, примыкающей к моему кабинету, во всяком случае то, что я помнил: квадратный турецкий ковер, зеленый, связанный Джо коврик, большая фотография, на которой она засняла луговые цветы, — все перекочевало в студию. Словно миссис М. говорила мне: *я не могу облегчить твою боль и развеять печаль, и я знаю, что возвращение сюда разбередит старые раны, но я могу собрать все то, что вызовет боль, в одно место, чтобы ты не наткнулся на память о Джо неожиданно для себя. Вот это мне по силам.*

В студии голых стен не было. Стены покрывали творения моей жены. Связанные ею вещи, некоторые строгие, другие причудливые, квадраты из батика, тряпичные куклы, абстрактные композиции из ленточек желтого, черного и оранжевого шелка, фотографии цветов, а на книжной полке — незаконченная модель «Сары-Хохо-тушки» из зубочисток и палочек от леденцов.

В одном углу стоял ее ткацкий станок и деревянный сундучок с привязанной к ручке табличкой:

НИТКИ И ИГОЛКИ ДЖО!
ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!

В другом — банджо, на котором она пыталась научиться играть, но отказалась от этой затеи, заявив, что от струн очень болят пальцы. Третий угол занимали байдарочное весло и роликовые коньки со сбитыми носами и лиловыми помпонами на шнурках.

Но более всего меня заинтересовал некий предмет, стоявший на шведском бюро с убирающейся крышкой, которое занимало середину студии. При жизни Джо, летом, осенью, в зимние уик-энды, которые мы здесь проводили, на бюро горой лежали катушки с нитками, обрезки ткани, подушечки для иглол, рисунки, иной раз книга о гражданской войне в Испании или о знаменитых американских собаках. Джоанна не любила заниматься чем-то одним. Более того, она обожала заниматься всем сразу. И ее стол наилучшим образом иллюстрировал ее характер.

Теперь же я видел перед собой иное. Разумеется, напрашивалось предположение о том, что миссис М. собрала со стола весь хлам и рассовала по ящикам, но верилось в это с трудом. С какой стати ей этим заниматься? Лишний труд.

А предмет, оставшийся на столе, прятался под серым пластиковым футляром. Я протянул руки, чтобы снять

его, но пальцы застыли в дюйме или двух, потому что мне вспомнился (*Дай ее сюда. Это мой пылесос*) старый сон. Воспоминание промелькнуло в моей голове и исчезло, совсем как дуновение холодного воздуха несколькими минутами раньше. А как только оно исчезло, я снял футляр с моей старой пишущей машинки «Ай-би-эм селектрик», которую я уже много лет не видел. Даже не подозревал, что она до сих пор в доме. Я наклонился к ней, заранее зная, что настроена она на шрифт «курьер», мой любимый. И разумеется, моя догадка подтвердилась.

Но каким образом моя пишущая машинка могла попасть в студию Джоанны?

Она рисовала (пусть и не очень хорошо), фотографировала (иной раз более чем удачно) и, случалось, продавала свои снимки, вязала, вышивала, ткала и красила ткань, могла взять восемь из десяти основных гитарных аккордов. Разумеется, она могла писать, как и практически все, кто защищал диплом по английской литературе. Собственно, потому они и выбирали эту дисциплину. Но демонстрировала ли она литературное дарование? Нет. Несколько ее поэтических экспериментов закончились неудачно, и она поставила на этом крест. «Ты пиши за нас обоих, Майк, — как-то сказала она мне. — Это твоя епархия. А я буду понемногу заниматься всем остальным». Сравнивая уровень ее стихов с достижениями в вышивке, вязании, фотографии, я склонялся к мнению, что она приняла мудрое решение.

Но на ее столе стояла моя старая «Ай-би-эм». Почему?

— Письма, — высказал я догадку. — Она нашла мою «Ай-би-эм» в подвале и принесла в студию, чтобы печатать письма.

Только Джо этого бы не сделала. Она показывала мне большинство своих писем, часто просила дописать короткий постскриптум, напоминая старую присказку о детях сапожника, остающихся без сапог («Подруги жены писателя никогда не получают от тебя ни строчки, — упре-

кала она меня, — а если бы не Александр Грэхем Белл, то твое общение с ними вообще бы свелось к нулю»). И со времени нашей свадьбы я не видел ни одного ее письма, отпечатанного на машинке. Она считала делом чести писать личные письма от руки. Печатать она, конечно, умела и, если возникала необходимость, могла, пусть и медленно, без единой ошибки напечатать на «Ай-би-эм» деловое письмо. Но для этого она всегда использовала мой компьютер или собственный «Пауэрбук».

— И что все это значит, милая? — спросил я и принялся обследовать ящики.

Бренда Мизерв пыталась навести в них порядок, но с характером Джо ей сладить не удалось. Она подобрала катушки ниток по цвету, но дальше все смешалось в кучу, как, собственно, было и при Джо. Содержимое ящиков возродило сотни воспоминаний, от которых щемило сердце, но я не нашел в них бумаги для моей «Ай-би-эм». Ни одного листочка.

Покончив с поисками, я откинулся на спинку стула (ее стула) и посмотрел на маленькое фото в рамочке на ее столе, которого раньше вроде бы не видел, по крайней мере вспомнить не мог. Джо скорее всего напечатала этот снимок сама (оригинал, должно быть, пылился в подвале), а затем раскрасила его. В итоге получилось что-то вроде постера «Разыскивается».

Я взял фотографию, провел большим пальцем по блестящей поверхности. Сара Тидуэлл, исполнявшая блюзы на рубеже столетия. Известно, что какое-то время она жила в Тэ-Эр, не одна, с друзьями и родственниками, потом все вместе они отбыли в Касл-Рок, побыли там... а потом исчезли, словно облако, уплывшее за горизонт, или туман в летнее утро.

На фотографии она улыбалась, но я не понимал, что означала ее улыбка. Полузакрытые глаза. Гитарная струна, именно струна, а не ремень, через плечо. На заднем плане негр в дерби, сдвинутом под немыслимым углом

(кто умел носить шляпы, так это музыканты), стоящий рядом с контрабасом.

Джо выкрасила кожу Сары в светло-коричневый цвет, возможно, основываясь на других ее фотографиях (в доме их хватало, почти на всех Сара была запечатлена с откинутой назад головой, длинными, до пояса, развевающимися волосами, заливающаяся своим знаменитым смехом), хотя ни одной цветной я не видел. В начале века цветную фотографию еще не изобрели. Так что они не позволяли установить цвет кожи Сары. Я вспомнил, что Дикки Брукс, владелец автомастерской, рассказывал мне, как его отец выиграл турнир по стрельбе на ярмарке в Касл-Вью, а полученный приз, плюшевого медведя, подарил Саре Тидуэлл. За что она отблагодарила его поцелуем. По словам Дикки, его отец до конца своих дней не мог забыть этого поцелуя, утверждал, что это был лучший поцелуй в его жизни... хотя я сомневаюсь, что он мог произнести такие слова в присутствии жены.

На этом фото Сара лишь улыбалась. Сара Тидуэлл, больше известная, как Сара-Хохотушка. Ее песни не попали на пластинки, но тем не менее не канули в Лету. Одна из них, «Пройдись со мной, крошка», очень уж схожа с «Пройди этим путем» в исполнении «Аэросмит»*. Сегодня эту даму называли бы афроамериканкой. В 1984 году, когда мы с Джо купили коттедж и обустраивались в нем, она была черной. А уж в начале века она оставалась бы негритоской, будь в ее жилах даже одна осьмушка негритянской крови. Тогда это воспринималось как само собой разумеющееся. И как могу я поверить, что отец Дикки Брукса, белый человек, поцеловал ее в присутствии половины населения округа Касл? Нет, не получается. Но кто может утверждать, что этого не было? Свидетелей уже нет. С прошлым это обычное дело.

* «Aerosmith» — одна из наиболее популярных американских хард-роковых групп. Создана в 1970 г.

— «Деревенские танцульки любим мы с подругой, — процитировал я, возвращая фотографию на стол. — Раз с прихлопом, два с притопом и еще по кругу».

Я уже взял пластиковый футляр, чтобы накрыть им пишущую машинку, но передумал. Взгляд мой упал на Сару, которая стояла прикрыв глаза, с гитарной струной, на которой за спиной висела гитара, через плечо. Чем-то она напомнила мне Роберта Джонсона*, музыкальные находки которого потом прочитывались чуть ли не во всех композициях, записанных «Лед Зеппелин»** и «Ярдбердс»***. Кто, согласно легенде, вышел на перекресток дорог и продал душу дьяволу за семь лет бесшабашной жизни, когда виски лилось рекой, а женщины сменяли друг друга. И бессмертную музыку. Он получил все сполна. А умер, по слухам, от яда, подсыпанного мужем-рогносцем.

Ближе к вечеру я поехал в супермаркет и увидел в прилавке-холодильнике симпатичную камбалу. Она так и просилась мне на ужин. Еще я взял бутылку белого вина, а когда стоял в очереди к кассе, за моей спиной раздался дребезжащий старческий голос:

— Вроде бы у вас появилась новая подружка.

Я обернулся и увидел старика, который днем раньше стоял перед автомастерской и на пару с Дикки Бруксом наблюдал, как я общаюсь с Мэтти, Кирой и «скауты». Он по-прежнему опирался на трость с золотой рукояткой, и тут я ее узнал. В пятидесятых годах «Бостон пост» подарила по одной такой трости всем округам Новой Ан-

* Джонсон, Роберт Лерой (1911–1938) — необычайно одаренный музыкант, его самобытная музыка не забыта и по сей день. Жил страстями не только на сцене, но и в жизни.

** «Led Zeppelin» — современная рок-группа, созданная английским гитаристом Джимми Пейджем в 1968 г. после распада «Ярдбердс».

*** «Yardbirds» («Дворовые пташки») — английская группа, созданная в 1963 г. и просуществовавшая до 1968 г. Помимо Пейджа, в ней играл Эрик Клэптон.

глии. Предназначалась она самому старому гражданину округа и должна была переходить от одного старого пердуна к другому. Получается, что и переходила, хотя «Бостон пост» давно уже приказала долго жить.

— Не одна, а две подружки, — поправил я старика, стараясь выудить из памяти его имя. Не смог, хотя встречал его и до смерти Джо. Он любил иной раз посидеть в приемной автомастерской Дикки, поговорить о политике и погоде или погоде и политике, под грохот молотков и тархтение компрессора. Пикейный жилет. И если уж что-то происходило на Шестьдесят восьмом шоссе, он все видел.

— Я слышал, Мэтти Дивоур — такая душка. — И одно из его век опустилось. Люди и раньше похотливо мне подмигивали, но этот старик с золотой тростью мог дать им сто очков форы. И я едва подавил желание отшибить ему нос. Наверное, он отлетел бы от его лица с таким же хрустом, как ветвь — от засохшего дерева.

— Вы, видать, многое слышали.

— Да, да. — Его губы, темные как печень, разошлись в улыбке, обнажая бледные десны и четыре желтых зуба, два на верхней челюсти, два — на нижней. — И дочурка у нее — прелесть! Да, да!

— Прелесть, — согласился я.

Он кивнул, улыбка стала шире.

— Только не приглядывает она за ней как должно. Ребенок убежал из дома, знаете ли.

Тут я понял, что с полдюжины человек внимательно вслушиваются в наш разговор.

— А мне так не показалось. — Я возвысил голос. — Нет, совсем не показалось.

Он продолжал улыбаться... и улыбка этого старикашки словно говорила: «Да, конечно, уж я-то знаю, чего ты защищаешь ее».

Из супермаркета я ушел, тревожась за Мэтти Дивоур. По моим представлениям, слишком много людей совали свои длинные носы в ее дела.

Вернувшись домой, я понес вино на кухню, чтобы поставить в холодильник: пусть остынет, пока я разожгу мангал и зажарю рыбу. Протянул руку к дверце и замер. К передней панели крепилось никак не меньше четырех десятков магнитиков в форме овощей, фруктов, латинских букв, цифр. Но только теперь они крепились не хаотически, где придется, а образовали окружность. Кто-то здесь побывал. Кто-то проник на кухню и...

Переставил магниты на передней панели холодильника?

Если так, то взломщику следовало как можно быстрее обращаться к психиатру. Я коснулся одного из магнитов, тихонько, кончиком пальца. И тут же, рассердившись на себя, смешал магниты, сдвинул их с такой силой, что два или три свалились на пол. Поднимать их я не стал.

Вечером, перед тем как лечь спать, я поставил скрайбер на стол под Бантером — Большим Лосиным Чучелом, включил и настроил на режим записи по голосу. Потом вставил в скрайбер кассету. Выставил счетчик ленты на ноль, улегся в постель и без сновидений проспал следующие восемь часов.

Следующий день, понедельник, выдался идеальным. Ради таких дней туристы и приезжают в Мэн: кристально чистый, пронизанный солнечными лучами воздух и холмы по другую сторону озера, на которых видно каждое дерево. А над ними — гора Вашингтон, самая высокая в Новой Англии.

Я поставил на плиту воду для кофе, насвистывая, прошел в гостиную. И все подозрения, копившиеся у меня в последнее время, в такое утро казались особенно глупыми. А потом свистеть я перестал. Потому что на счетчике ленты скрайбера вместо трех нолей виднелись другие цифры: 012.

Я прокрутил пленку назад. Занес палец над клавишей Play, поколебался, сказал себе (голосом Джо): *не будь дураком*, и нажал на клавишу.

— О, Майк, — скорбно прошептал голос с ленты, и мне пришлось зажать рот, чтобы не закричать. Именно это я услышал в кабинете Джо, когда мое лицо овеяло холодным воздухом... только теперь слова произнесли не так быстро, и я смог их разобрать. — О, Майк, — повторил скрайбер. Раздался слабый щелчок. Машина какое-то время молчала. А потом в третий раз, в гостиной, я в это время спал в северном крыле, произнесли те же слова: — О, Майк.

И воцарилась тишина.

Глава 10

Около девяти часов утра пикап съехал по проселку и припарковался в затылок моему «шевроле». Новая модель, «додж-рэм», чистенький, поблескивающий хромом, но того же белого цвета и с той же надписью на дверце водителя:

УИЛЬЯМ «БИЛЛ» ДИН.
ОХРАНА, ПРИСМОТР,
МЕЛКИЕ СТОЛЯРНЫЕ РАБОТЫ

И разумеется, телефонный номер. Я вышел на крыльцо черного хода с чашкой кофе в руке.

— Майк! — воскликнул Билл, вылезая из-за руля. Мужчины-янки не обнимаются, точно так же, как крутые парни не танцуют, но Билл столь энергично потрянул мою правую руку, что из чашки, на три четверти пустой, которую я держал в левой, выплеснулся кофе, а потом от всего сердца хлопнул по спине. Улыбаясь, он продемонстрировал великолепные вставные челюсти, из тех, что можно приобрести по каталогу. Я подумал, что такие не помешали бы моему недавнему собеседнику из супермаркета «Лейквью». Уж конечно, с их помощью есть старику было бы легче.

— Майк, как же приятно тебя видеть!

— И я рад нашей встрече. — Я тоже улыбался. Не кривя душой, искренне. То, что до смерти пугает глубокой ночью, да еще в грозу, солнечным летним утром вызывает немалый интерес. — Ты прекрасно выглядишь, дружище.

Я сказал правду. Билл стал старше на четыре года, в волосах прибавилось седины, но в остальном он ничуть не изменился. Шестьдесят пять лет или семьдесят — разница невелика. Здоровый цвет кожи, морщинки разве что у глаз, мужчина хоть куда.

— Ты тоже. — Он отпустил мою руку. — Мы очень жалели Джо, Майк. Здесь ее уважали. Все были просто в шоке — умереть такой молодой! Моя жена просила, чтобы я выразил соболезнования от ее имени. В тот год, когда она болела пневмонией, Джо связала ей очень теплый свитер, и Яветт этого никогда не забудет.

— Спасибо тебе. — Голос у меня дрогнул. Похоже, в Тэ-Эр моя жена и не умирала. — И поблаговари от меня Яветт.

— Обязательно. Все у тебя в порядке? Разумеется, за исключением кондиционера. Такое безобразие! В «Уэстерн авто» мне обещали привезти сломавшуюся деталь на прошлой неделе, а теперь говорят, что привезут не раньше августа.

— Ничего страшного. У меня есть «Пауэрбук». Если захочется им воспользоваться, сойдет и кухонный стол. — В том, что захочется, я не сомневался: кроссвордов много, времени мало.

— Горячая вода течет?

— Конечно, но есть одна проблема.

Я замолк. Как сказать сторожу, что в доме, который он охраняет, поселились призраки? Может, оптимального варианта и не найти. И самое лучшее — резать правду-матку. У меня были вопросы, и мне не хотелось ходить вокруг да около. Кроме того, Билл бы это почувствовал.

Пусть зубы он покупал по каталогу, но умом Бог его не обидел.

— О чем ты, Майк? Выкладывай.

— Ума не приложу, что ты на это скажешь, но...

Он улыбнулся, как человек, который внезапно понял, о чем идет речь. Поднял руку.

— Догадываюсь, что уже знаю, в чем проблема.

— Знаешь? — Безмерное чувство облегчения охватило меня. Мне не терпелось услышать, что он испытал в «Саре», возможно, когда менял перегоревшие лампочки или проверял, не просела ли под снегом крыша. — Что же ты слышал?

— Главным образом то, что говорили Ройс Меррилл и Дикки Брукс, — ответил он. — А больше я ничего и не знаю. Мы с женой ездили в Виргинию, помнишь? Вернулись вчера в восемь вечера. Однако в магазине только об этом и судачат.

Мысли мои вертелись вокруг «Сары-Хохотушки», поэтому я не сразу понял, о чем он толкует. И подумал, что местные судачат о странных голосах в моем доме. Но упоминание Ройса Меррилла направило меня по верному пути. Так звали старика с золотой тростью и похотливым прищуром. Старикан Четыре Зуба. И мой сторож говорил не о призраках — речь шла о Мэтти Дивоур.

— Давай-ка я налью тебе чашку кофе. — Я увлек Билла на кухню. — А ты расскажешь мне, в какую я вляпался историю.

Когда мы уселись на террасе, я — с чашкой кофе, Билл — с кружкой чаю (кофе он в последнее время не пил), я первым делом попросил его рассказать, как описывал мою встречу с Мэтти и Кирой тандем Ройс Меррилл — Дикки Брукс.

Выяснилось, что все не так уж скверно. Оба старика видели, как я стоял на обочине с Кирой на руках. Заметили они и мой «шеви», чуть ли не съехавший в кювет;

с распахнутой водительской дверцей. Но, судя по всему, ни один из них не углядел Киры, шагающей по белой разделительной полосе Шестьдесят восьмого шоссе, как канатоходец — по проволоке. Зато, чтобы компенсировать собственный недогляд, Ройс утверждал, что Мэтти крепко обняла меня и поцеловала в губы.

— А почему он забыл упомянуть о том, как я прихватил ее за зад?

Билл улыбнулся:

— Ройс с современными манерами не знаком.

— Я к ней не прикасался. — Ладно, тыльной стороной ладони я скользнул по ее груди, но произошло это случайно, что бы там ни думала Мэтти.

— Слушай, мне об этом говорить не надо. — Билл улыбнулся. — Но...

Это «но» он произнес зловеще, совсем как моя мать, словно предупреждая о таящейся за ним опасности.

— Что «но»?

— Лучше бы тебе держаться от нее подальше. Она — девушка хорошая, почти что городская, но... — Он помолчал. — Дело в том, что ей грозят серьезные неприятности.

— Старик хочет установить опеку над ребенком, так?

Билл поставил кружку на пол, удивленно таращась на меня.

— Откуда ты знаешь?

— Сложил два и два. Ее свекор позвонил мне в субботу вечером, во время фейерверка. И хотя причины он не назвал, я сомневаюсь, чтобы Макс Дивоур вернулся в западный Мэн лишь для того, чтобы удостовериться, что его невестка и внучка живут в трейлере и ездят на старом джипе. Так что тут у вас происходит, Билл?

Несколько мгновений он молча смотрел на меня. Словно человек, который знает, что ты тяжело болен, но не уверен, стоит ли говорить тебе об этом. От этого взгляда мне стало как-то не по себе. Я даже подумал о том,

что требую от Билла слишком многого. В конце концов, Макс Дивоур здесь родился. Я, как бы хорошо Билл ни относился ко мне, — нет. Мы с Джо — чужаки. Конечно, могло быть и хуже, живи мы в Массачусетсе или Нью-Йорке, но Дерри тоже не ближний свет, пусть — и в границах штата Мэн.

— Билл! Если ты не хочешь говорить сам, посоветуй...

— Не вставай у него на пути. — Улыбка, блуждавшая на его лице, исчезла. — Он же безумец.

Сие означает, что Дивоур сильно на меня разозлился, поначалу решил я, но, вновь взглянув Биллу в глаза, понял, что речь идет не о единичном эпизоде, а о чем-то более фундаментальном.

— Что значит — безумец? Как Чарлз Мэнсон? Или Ганнибал Лектер?

— Скорее как Говард Хьюз*. Ты о нем читал? Знаешь, что он делал ради того, чтобы добиться желаемого? И он не видел никакой разницы между особым сортом хот-догов, какие продавали только в Лос-Анджелесе, или авиаконструктором, которого он хотел переманить от «Локхид» или «Макдоннелл-Дуглас»**. Он не останавливался ни перед чем, пока не получал то, что хотел. Дивоур такой же. С самого детства. Очень настырный. По городу о нем ходит много историй.

Одну рассказывал мой отец. Как-то раз, зимой, маленький Макс Дивоур влез через окно в сарай Скента Ларриби, чтобы утащить снежокат, который Скент подарил на Рождество своему сыну, Скутеру. Где-то в 1923 году. Отец говорил, что, разбивая стекло, Макс порезал обе руки, но снежокат уволок. Его нашли около полуночи. Он катался на склоне Шугар-Мапл-Хилл. Кровью он запачкал и варежки, и лыжный костюм. Есть

* Хьюз, Говард (1905–1976) — промышленник, авиатор, кинопродюсер, состояние которого исчислялось миллиардами долларов. Отличался эксцентричным характером.

** Крупнейшие аэрокосмические компании США.

и другие истории, если будешь интересоваться, тебе расскажут не меньше пятидесяти. Возможно, некоторые и соответствуют действительности. Но история о снеготе — чистая правда. Я готов поспорить на собственную ферму. Потому что мой отец не лгал. Его религия этого не допускала.

— Баптист?

— Нет, сэр. Янки.

— 1923 год — далекое прошлое, Билл. Со временем люди меняются.

— Кое-кто — возможно, но большинство — нет. Я не видел Дивоура с тех пор, как он вернулся в наши края и поселился в «Уэррингтоне»; поэтому сам ничего сказать не могу, но из того, что я слышал, ясно одно: если он изменился, то к худшему. Он приехал не для того, чтобы вспомнить детство, отдохнуть. Ему нужен этот ребенок. Для него девочка — тот же снеготат Скутера Ларриби. И я настоятельно советую тебе — помни, что стало с оконным стеклом, оказавшимся между ним и его целью.

Я пил кофе и смотрел на озеро. Билл дал мне время подумать, отковыривая сапогом «кляксу» птичьего помета с одной из досок. Нагадила, по моему разумению, ворона. Из птиц такие смачные «кляксы» оставляют только они.

В одном сомнений у меня не было: Мэтти Дивоур вынесло на стремнину, да еще из ее рук выбило весло. Я уже не тот циник, каким был в двадцать лет (а разве могло быть иначе?), но не столь наивен, чтобы верить, будто закон сможет защитить миссис Трейлер от мистера Компьютера... Конечно, не защитит, если мистер Компьютер сыграет грязно. Мальчиком он добыл снеготат и сразу помчался на склон, не обращая внимания на порезанные в кровь руки. Чего же ждать от него теперь, если за последние сорок лет он завладевал всеми снеготатами, на которые положил глаз?

— Расскажи мне о Мэтти, Билл, — попросил я.

* * *

Много времени его рассказ не занял. Деревенские истории обычно простые. Но это не значит, что они неинтересные.

Мэтти Дивоур, урожденная Мэтти Стенчфилд, появилась на свет не в Тэ-Эр, но по соседству, в Моттоне. Отец — лесоруб, мать — домашний парикмахер (обычная для маленьких городков семья). Когда Дейв Стенчфилд не вписался в поворот и лесовоз рухнул в Кевадин-понд, его вдова, как говорили, «больше не хотела жить». И вскоре умерла. Страховки после них не осталось.

Сюжет для братьев Гримм, вы не находите? Если исключить сваленные во дворе игрушки, два стационарных фена в подвале и старенькую «тойоту» на подъездной дорожке, все будет как у них: «Когда-то давно жила бедная вдова и было у нее четверо детей».

Мэтти в этом раскладе досталась роль принцессы — бедной, но прекрасной (насчет красоты я мог подтвердить). Появился и принц. В нашем случае — рыжеволосый, неуверенный в себе, сильно заикающийся Лэнс Дивоур. Сын Макса Дивоура, родившийся у него уже на склоне лет. Когда Лэнс встретил семнадцатилетнюю Мэтти, ему шел двадцать второй год. Познакомились они в «Уэррингтоне», куда Мэтти на лето взяли официанткой.

Лэнс Дивоур жил на другом берегу, в Верхней бухте, но по вторникам в «Уэррингтоне» играли в софтбол*, местные против тех, кто приезжал на озеро на лето, и он обычно приплывал в каноэ, чтобы принять участие в игре. Для таких, как Лэнс Дивоур, софтбол — просто спасение: когда ты стоишь на поле с битой в руках, от неуверенности не остается и следа: И никто не посмеивается над твоим заиканием.

* Широко распространенная в США спортивная игра, похожая на бейсбол, но площадка для нее меньших размеров, а мяч, наоборот, больше, чем в бейсболе.

— В «Уэррингтоне» он задал им задачку, — продолжал Билл. — Они никак не могли решить, в какой команде ему играть — местных или приезжих. Лэнсу было все равно, его устраивал любой вариант. Поэтому иногда он играл за одних, а проходила пара недель — переходил к другим. Везде его принимали с распростертыми объятиями: по мячу он бил от души, по полю бежал со всех ног. Его часто ставили на первую базу, из-за высокого роста, и напрасно. На второй или на перехвате... Господи! Он же прыгал совсем как этот парень, Нуриева.

— Ты хочешь сказать, Нуриев? — поправил я его.

Билл пожал плечами.

— Суть в том, что играл он хорошо. Зрителям нравилось. И в команду он вписывался. Играла-то в основном молодежь, сам знаешь, а им без разницы, кто ты. Главное, чтобы умел играть. Опять же многие не могли отличить Макса Дивоура от кроличьей норы.

— Только те, кто не читал «Уолл-стрит джорнэл» и компьютерные журналы, — уточнил я. — Там фамилия Дивоур встречалась так же часто, как имя Господне в Библии.

— Ты серьезно?

— В компьютерных журналах слово «Бог» чаще пишется как «Гейтс», но ты понимаешь, о чем я.

— Пожалуй. Но даже если и так, Макс Дивоур уехал из Тэ-Эр шестьдесят пять лет назад, а если потом и бывал здесь, то набегами. Ты знаешь, что произошло после его отъезда, да?

— Нет. Откуда?

Он вновь бросил на меня удивленный взгляд. Глаза его словно подернулись дымкой. Билл мигнул, чтобы разогнать ее.

— Расскажу тебе в другой раз. Это не секрет, но к одиннадцати я должен заехать к Гарриманам, проверить водяной насос. Не хочу нарушать слово. Так я вот о чем. Лэнса Дивоура считали своим парнем, потому что при удачном ударе он мог отбросить мяч футов на триста пятьдесят.

И остальные игроки в силу своего возраста ничего не знали о его отце. Не злились на Лэнса и из-за его богатства, потому что на лето к озеру съезжается много богатых людей. Ты это знаешь. Не таких богатых, как Макс Дивоур, но богатство — это не количество денег, а статус.

Утверждение Билла, конечно же, не соответствовало действительности, и у меня было достаточно денег, чтобы оценить это на себе. Богатство, что шкала Рихтера*. Как только ты минуешь некую точку, происходит переход на новый качественный уровень, отличающийся от предыдущего как минимум на порядок. Фицджеральд прекрасно об этом написал, хотя мне кажется, что он сам в это не верил: очень богатые совсем не такие, как вы или я. Я уже хотел сказать об этом Биллу, но передумал: он мог не успеть на свидание с насосом Гарриманов.

Родители Киры встретились у бочонка пива. Мэтти везла его на тележке к площадке для софтбола. Большую часть пути она преодолела без проблем, но накануне прошел сильный дождь, и неподалеку от поля тележка завязла. Так уж получилось, что Лэнс в это время сидел на скамейке, ожидая своей очереди выйти на поле. Он увидел, как девушка в белых шортах и синей тенниске, униформе сотрудников «Уэррингтона», пытается вытащить из грязи тележку, и поднялся, чтобы помочь ей. Три недели спустя они уже были неразлучны, а Мэтти забеременела. Еще через три поженились. А тридцать семь месяцев спустя Лэнс Дивоур лежал в гробу. Все у него осталось позади: и софтбол, и холодное пиво в жаркие летние вечера, и отцовство, и ласки прекрасной принцессы... Еще одна безвременная смерть.

Билл Дин не стал расписывать подробности их встречи: «Они встретились на площадке для софтбола. Она везла пиво, а он помог ей вытащить тележку из грязи».

* Сейсмическая шкала магнитуд, основанная на оценке энергии сейсмических волн, возникающих при землетрясениях.

Мэтти вообще ничего об этом не говорила, поэтому я многого не знаю. Но с другой стороны, знаю... хотя не могу ручаться за стопроцентную достоверность. Но готов поставить сто долларов против одного, что в целом картину я себе представляю. Таким уж выдалось для меня лето 1998 года: мне открывалось то, чего знать вроде бы не следовало.

Но вернемся в год 1994-й. Итак, лето стоит жаркое, самое жаркое лето десятилетия, а июль — самый жаркий месяц лета. На президента Клинтона насаждают республиканцы. Многие говорят, что Хитрый Уилли не будет баллотироваться на второй срок. Борис Ельцин, по слухам, то ли умирает от сердечного приступа, то ли лечится в закрытой клинике от алкоголизма. «Ред сокс» играют как никогда хорошо. В Дерри Джоанну Арлен Нунэн, возможно, немного мутит по утрам. Если и так, она ничего не говорит мужу.

Я вижу Мэтти в синей тенниске, над левой грудью белыми нитками вышито ее имя. Белые шорты оттеняют загорелую кожу ног. Я также вижу, что она в синей бейсболке, над длинным козырьком которой краснеет буква «У», от «Уэррингтон». Ее светлые волосы падают на воротник тенниски. Я вижу, как она пытается вытащить из грязи тележку, не расплескав при этом пиво. Голова опущена. Козырек бросает тень на все лицо, за исключением разве что рта и маленького подбородка.

— П-п-поз-з-звольте в-вам п-помочь, — говорит Лэнс, и она поднимает голову. Тень от козырька уходит, и он видит ее большие синие глаза, те самые, что унаследует от нее дочь. Один взгляд в эти глаза, и война закончена без единого выстрела. Он покорен ею полностью и навсегда, как только молодая женщина может покорить молодого мужчину.

Что за этим следует, понятно без слов...

У старика было трое детей, но отцовские чувства он питал именно к Лэнсу. («Дочь у него совершенно завернутая, — буднично так сообщил мне Билл Дин. — Сидит

в каком-то дурдоме в Калифорнии. Вроде бы у нее еще и рак».) Пусть это покажется странным, но Макса только радовало, что Лэнс не выражает ни малейшего интереса к компьютерам и программному обеспечению. У него был второй сын, который мог возглавить фирму после того, как отец отошел бы от дел. Зато старший сын Макса уступал младшему брату (по отцу) в другом: ждать от него продолжения рода не приходилось.

— Он предпочитает мужчин, — поделился со мной Билл. — Как я понимаю, в Калифорнии таких полным-полно.

Я полагал, что таких хватает и в Тэ-Эр, но посчитал, что не мое дело раскрывать глаза моему сторожу на сексуальные пристрастия местных жителей и приезжих, предпочитающих проводить лето в окрестностях Темного Следа.

Лэнс Дивоур учился в колледже Рида в Орегоне, готовился стать специалистом по лесному хозяйству. Нравились ему кондоры, парящие на заре над лесом. Короче, дровосек из сказок братьев Гримм. На каникулах между первым и вторым курсом отец вызвал его в семейное поместье в Палм-Спрингсе и положил перед ним целый чемодан, заполненный картами, аэрофотоснимками и документами. Все лежало навалом, но я сомневаюсь, чтобы Лэнс выразил по этому поводу свое неудовольствие. Представьте себе коллекционера комиксов, которому дали коробку с редкими старыми изданиями «Дональда Дака»*. Или коллекционера кинофильмов, который получил предмонтажную пленку не вышедшего на экраны фильма с участием Хамфри Богарта и Мэрилин Монро. И тогда вам будет нетрудно понять состояние будущего лесника, осознавшего, что его отцу принадлежат не просто акры или квадратные мили в лесах западного Мэна, но леса целиком.

* Дональд Дак («Утенок Дак») перекочевал в комиксы, едва появившись в мультфильмах Уолтера Диснея.

Макс Дивоур хоть и уехал из Тэ-Эр в 1933 году, продолжал интересоваться местами, в которых вырос, выписывая местные газеты и журналы, вроде «Даун-ист» или «Мэн таймс». И в начале восьмидесятых он начал скупать участки леса к востоку от границы штатов Мэн и Нью-Хемпшир. Видит Бог, недостатка в продавцах не было. Для компаний, производящих бумагу, настали тяжелые времена, вызванные перепроизводством их основного товара и стремительным падением цен, и многие решили, что свертывание операций лучше всего начать с Новой Англии, где к ним предъявлялись жесткие природоохранительные требования. Вот так в руки Макса Дивоура попала земля, когда-то украденная у индейцев, на которой в двадцатых и пятидесятых лес вырубался подчистую. Возможно, он купил ее, потому что она продавалась. Цену просили невысокую, и он мог позволить себе такие расходы. А может, он хотел показать самому себе, что действительно стал взрослым, оставив детство в прошлом. Более того, одержав над ним триумфальную победу.

А может, он купил игрушку своему любимому младшему сыну. Конечно, когда Дивоур покупал землю в западном Мэне, Лэнс был еще ребенком... но наблюдательный отец мог заметить, в каком направлении простираются интересы сына.

Дивоур попросил Лэнса провести лето 1994 года в Мэне, сделать инспекцию территорий, приобретенных им десять лет назад. Он хотел, чтобы молодой человек привел в порядок бумаги, но еще больше ему хотелось другого: чтобы Лэнс почувствовал себя хозяином. Ему не требовались рекомендации по использованию земель, хотя он бы и выслушал сына, если бы тот обратился к нему со своими предложениями. Но задача все-таки ставилась иначе. Не проведет ли Лэнс лето в западном Мэне, стараясь понять, что он чувствует, объезжая уголья, которые со временем станут его? Получая при этом месячное жалованье в две или три тысячи долларов?

Как я понимаю, старик услышал более интеллигентную версию ответа Бадди Джеллисона: «Ворона дрищет с сосновых верхушек?»

Парень приехал в июне 1994 года и разбил лагерь на дальнем берегу Темного Следа. В колледже Рида его ждали в конце августа. Но он предпочел взять академический отпуск на год. Отцу это не понравилось. Отец понял, что тут замешана женщина.

— Но Калифорния слишком далеко от Мэна, — говорил Билл Дин, привалившись к водительской дверце пикапа. — Сам он остался в Палм-Спрингсе, но нашел человека, который стал его глазами и ушами.

— О чем ты? — не понял я.

— О сплетнях. Люди собирают и распространяют их за бесплатно, а уж за деньги большинство готово рыть носом землю.

— Люди вроде Ройса Меррилла?

— Ройс — достойный кандидат, но Макс Дивоур выбрал другого. Жизнь здесь не бывает хорошей или плохой. Если ты местный, то выбирать приходится между плохой и очень плохой. И когда такой богач, как Макс Дивоур посылает сюда своего человека, который шуршит в кармане пятидесятками и сотенными...

— Он нашел кого-то из местных? Адвоката?

— Не адвоката. Риелтора. Ричарда Осгуда («склизлого типа», по определению Билла Дина), который жил и вел дела в Моттоне. А вот уже Осгуд нанял адвоката в Касл-Роке. Осгуд не подкачал, и к концу лета 1994 года — а Лэнс Дивоур все оставался в Тэ-Эр — Макс поставил перед ним задачу положить конец этому безобразию.

— И что потом? — спросил я.

Билл взглянул на часы, на небо, наконец на меня. Пожал плечами, как бы говоря: «Мы же оба не вчера родились; многое повидали, так чего задавать такие глупые вопросы?»

— Потом Лэнс Дивоур и Мэтти Стенчфилд обвенчались в Первой баптистской церкви, что на Шестьдесят восьмом шоссе. Ходили слухи, что Осгуд пытался этому помешать. Даже хотел дать взятку преподобному Гучу, чтобы тот не венчал их, но, я думаю, это глупо. Они бы просто поехали в другую церковь. А главное, я не люблю рассказывать о том, чего не знаю наверняка.

Билл оттопырил большой палец правой руки.

— Они поженились в середине сентября 1994 года, вот это я знаю. — Он загнул большой палец. — Все гадали, придет ли на свадьбу отец жениха. Не приехал. — Он выставил вперед указательный палец: получился пистоль со взведенным курком. — Мэтти родила девочку в апреле 1995-го, чуть раньше, чем положено... но не настолько, чтобы об этом судачили. Я сам видел девочку, когда ей исполнилась неделя. Недоношенной она мне не показалась. — Средний палец присоединился к указательному. — Я не могу утверждать, что отец Лэнса Дивоура полностью отказал им в финансовой поддержке, но я знаю, что поселились они в трейлере неподалеку от автомастерской Дикки, то есть денег у них было в обрез.

— Дивоур закрыл денежный кран, — кивнул я. — Человек, который всегда добивался своего, не мог поступить иначе... но если он действительно любил сына, то сумел бы найти способ ему помочь.

— Может — да, а может, и нет. — Билл вновь взглянул на часы. — Позволь мне побыстрее закончить, а то очень уж печет солнце... Эта история наглядно показывает, как в жизни все меняется. В прошлом июле, за месяц до смерти, Лэнс Дивоур показывается в почтовом отделении супермаркета «Лейквью». У него в руке большой конверт, который он хочет отослать, но сначала он хочет показать Карле Десинчес, что в конверте. Карла вспоминала, что его прямо-таки распирало от гордости.

Я попытался представить себе худосочного, заикающегося Лэнса Дивоура, которого распирало от гордости. Получилось. И смеха этот образ не вызывал.

— Фотографию они сделали в студии в Касл-Роке. Сфотографировали ребенка... как ее зовут? Кайла?

— Кира.

— Точно. И откуда они только берут такие имена? Так вот, Кира сидела в большом кожаном кресле, нацепив на нос-пуговку огромные очки, и рассматривала один из аэрофотоснимков лесов на другой стороне озера, то ли квадрат Тэ-Эр Сто, то ли Тэ-Эр Сто десять. Короче, один из тех, что старик отдавал Лэнсу. Карла говорила, что на лице девочки отражалось недоумение, словно она не подозревала, что в мире может быть так много леса. И такой она получилась милашкой.

— Как в жизни, — пробормотал я.

— Эту фотографию Лэнс отправил Максвеллу Дивоуру в Палм-Спрингс, штат Калифорния.

— Выходит, то ли старик в конце концов смягчился и попросил прислать фотографию своей единственной внучки, то ли Лэнс Дивоур думал, что фотография заставит его смягчиться.

Билл кивнул, на лице его отражалась удовлетворенность родителя, чей ребенок справился с трудной задачей.

— Не знаю, смягчился или нет. Не хватило времени, чтобы понять. Лэнс купил маленькую спутниковую антенну, вроде той, что стоит у тебя. В тот день, когда он ее устанавливал, налетел шквал. Дул сильный ветер, лило как из ведра, сверкали молнии. Но произошло все это ближе к вечеру, уже после того, как Лэнс поставил антенну. А вот когда полило, он вспомнил, что забыл на крыше трейлера разводной ключ. И полез за ним, потому что не хотел, чтобы ключ заржавел.

— Его ударило молнией? Господи, Билл!

— Молния ударила, но не в него, а рядом. Когда поедешь в следующий раз мимо того места, где Уэсп-Хилл-роуд вливается в Шестьдесят восьмое шоссе, то увидишь обожженный пенёк. Все, что осталось от дерева, в которое

ударила молния. Лэнс в этот момент спускался по лестнице с ключом в руке. Если гром никогда не гремел прямо над твоей головой, ты не знаешь, как это страшно... все равно что пьяный водитель выруливает на встречную полосу и прет прямо на тебя, а за мгновение до столкновения уходит обратно на свою половину дороги. От близкого удара молнии волосы встают дыбом. Да что там волосы, встает даже чертов крантик. В ушах стоит гул; во рту вкус паленого. И если у тебя есть время подумать до того, как ты падаешь на землю, то мысль одна: тебя ударило током. Бедный малый. Он любил Тэ-Эр, но любовь эта осталась безответной.

— Он сломал шею?

— Да. Из-за грома Мэтти не слышала, как он упал. Не слышала и криков, если они и были. Через несколько минут она выглянула из трейлера, не понимая, что его задержало. И увидела, что он лежит на земле и широко раскрытыми глазами смотрит на дождь.

Билл в последний раз взглянул на часы и распахнул дверцу пикапа.

— На свадьбе старика не было, но он приехал на похороны сына и с тех пор живет здесь. Но не хочет знакомиться с молодой женщиной...

— Зато хочет отнять у нее ребенка. — Я и так об этом знал, но у меня все равно засосало под ложечкой. «Никому об этом не рассказывайте, — попросила меня Мэтти утром четвертого июля. — Для меня и Ки сейчас тяжелое время». — На какой стадии судебный процесс?

— Я бы сказал, близится к завершению, — ответил Билл. — Слушание дела в окружном суде пройдет или в конце этого месяца, или в начале следующего. Судья может вынести решение передать девочку деду немедленно или с наступлением осени. Дата значения не имеет, но я абсолютно уверен, что матери на этом суде рассчитывать не на что. Так или иначе, девочка будет расти в Калифорнии.

По моей спине пробежал холодок.

Билл скользнул за руль.

— Держись от этого подальше, Майк. Обходи стороной Мэтти Дивоур и ее дочь. А если тебя вызовут в суд, чтобы дать показания о вашей встрече, побольше улыбайся и поменьше говори.

— Макс Дивоур обвиняет ее в том, что она пренебрегает воспитанием дочери?

— Да.

— Билл, я видел ребенка. Она вполне ухоженная.

Он улыбнулся, но больно уж невеселой улыбкой.

— Вполне возможно. Но суть не в этом. Держись подальше от этой истории, дружище. Предупредить тебя — мой долг. Теперь, когда Джо нет, я — единственный оставшийся у тебя сторож. — Он захлопнул дверцу «рэма», завел двигатель, потянулся к ручке переключения скоростей, убрал руку, словно о чем-то вспомнил.

— Если у тебя будет возможность, поищи сов.

— Каких сов?

— Тут есть пара пластмассовых сов. То ли в подвале, то ли в студии Джо. Их привезли осенью, за год до ее смерти.

— Осенью 1993 года?

— Да.

— Этого не может быть, осенью 1993 года мы ни разу не приезжали в «Сару».

— Может. Я как раз навешивал ставни, когда приехала Джо. Только мы перекинулись парой слов, как подкатил грузовичок Ю-пи-эс*. Я занес коробку в дом и выпил кофе, тогда я еще пил кофе, а она тем временем вытащила сов и показала их мне. И доложу тебе, выглядели они как настоящие! А десять минут спустя она отбыла. Словно приезжала только для того, чтобы распаковать сов, хотя ехать из Дерри ради этого просто глупо.

* «Юнайтед парсел сервис» — частная служба доставки посылок.

— А когда она приезжала, Билл? Ты помнишь?

— Во вторую неделю ноября, — без запинки ответил он. — В тот день, во второй половине, мы с женой поехали в Льюистон, к сестре Ветти. Она пригласила нас на день рождения. По пути назад завернули в Касл-Рок, и Ветти купила индейку ко Дню благодарения. — Он с любопытством взглянул на меня. — Ты действительно ничего не знал о совах?

— Нет.

— Это странно, да?

— Может, она говорила мне, а я забыл, — ответил я. — Наверное, теперь это не имеет значения. — Однако имело. Пустячок, конечно, но пустячок значимый. — Зачем Джо понадобились пластмассовые совы?

— Чтобы не давать воронам срать на дом. Одна вот отметилась у тебя на террасе. Если вороны видят пластиковых сов, то предпочитают облетать их стороной.

Я рассмеялся, хотя мысли мои занимало другое.

— Правда? Неужели помогает?

— Да, если переставлять сов с места на место, чтобы вороны не заподозрили, что они — пластмассовые. Вороны — самые умные птицы. Поищи сов, они избавят тебя от многих хлопот.

— Я поищу.

Пластиковые совы отпугивают ворон. Случайно узнав об этом (а Джо много чего выхватывала из захлестывающего нас информационного потока), она тут же начала действовать. В этом была вся Джо. В который уж раз я остро ощутил, как мне ее недостает.

— Хорошо. Я на днях подъеду, и мы обойдем всю усадьбу. Если захочешь, заглянем и в лес. Думаю, ты останешься доволен.

— Я в этом уверен. А где остановился Дивоур?

Кустистые брови взлетели вверх.

— В «Уэррингтоне». Вы с ним соседи. Я думал, ты знаешь.

Я вспомнил женщину, которую видел на прогулке. Черный купальник и черные шорты, комбинация которых чем-то напоминала выходное платье, и кивнул.

— Я видел его жену.

Билл так смеялся, что ему пришлось лезть за носовым платком. Он вытащил его из бардачка — не платок, а целая скатерть — и вытер глаза.

— Что тут смешного? — любопытствовал я.

— Тощая женщина? С седыми волосами? И лицом-маской?

Тут уж я рассмеялся.

— Все так.

— Она ему не жена, а личный секретарь. Зовут ее Роджетт Уитмор. Все жены Дивоура умерли. Последняя — двадцать лет назад.

— Странное имя — Роджетт. Французское?

— Калифорнийское. — Он пожал плечами, словно одно это слово все объяснило. — Местные ее боятся.

— Неужели?

— Да. — Билл замялся, потом улыбнулся одной из тех улыбок, которыми мы даем знать собеседнику, что говорим глупость. — Берта Мизерв утверждает, будто она — ведьма.

— И они живут в «Уэррингтоне» круглый год?

— Да. Эта Уитмор приезжает и уезжает, но в основном живет там. В городе считают, что они останутся здесь, пока не получат опеку над ребенком, а потом вернутся в Калифорнию на принадлежащем Дивоуру реактивном самолете. Оставят Осгуда продать «Уэррингтон» и...

— Продать? Ты сказал — продать?

— Я думал, ты знаешь. — Билл включил первую передачу. — Когда Хью Эмерсон сказал Дивоуру, что они закрывают клуб после Дня благодарения, Дивоур ответил, что у него нет ни малейшего желания куда-либо переезжать. Ему, мол, и здесь удобно.

— Так он купил клуб! — За последние двадцать минут я удивлялся, веселился, злился, но впервые едва не ли-

шился дара речи. — Он купил «Уэррингтон лодж», чтобы не переселяться в отель или не арендовать дом?

— Да, купил. Девять зданий, включая основной корпус и «Бар заходящего солнца», двенадцать акров леса, поле для гольфа на шесть лунок и пятьсот футов Улицы. Плюс двухполосную дорожку для боулинга и площадку для софтбола. За четыре с половиной миллиона. Его приятель Осгуд оформил сделку, и Дивоур расплатился чеком. Просто удивительно, как ему хватило места для такого количества нулей. До встречи, Майк.

С этими словами он подал джип задним ходом, а я раскрыв рот смотрел ему вслед.

Пластмассовые совы.

В промежутках между взглядами, брошенными на часы, Билл рассказал мне много интересного, но главной новостью для меня стал приезд Джо в «Сару-Хохотушку» (а в том, что она приезжала, сомнений у меня не было: Билл не стал бы врать) ради того, чтобы получить от почтовиков пару чертовых пластмассовых сов.

Она мне об этом говорила?

Могла и сказать. Я этого не помнил, но Джо не-раз указывала мне, что разговаривать со мной бесполезно, если я что-то пишу: в одно ухо входит, в другое, не задерживаясь, выходит. Иногда она прищипливала маленькие записочки (что-то купить, кому-то позвонить) к моей рубашке, словно я еще ходил в первый класс. Но я не смог бы пропустить мимо ушей такой фразы: «Я собираюсь в “Сару”, дорогой, Ю-пи-эс должна доставить посылку, которую я хочу получить лично, не составишь даме компанию?» Черт, неужели я бы не поехал? Я бы с удовольствием воспользовался поводом лишний раз побывать в Тэ-Эр. Правда, тогда я работал над сценарием и не все складывалось, как хотелось бы... Записки, прищипленные к рукаву... «Если, закончив работу, ты поедешь в город, нам нужны молоко и апельсиновый сок...»

Я обошел то место, где был огород Джо. Солнце жгло шею, а я думал о совах, чертовых пластиковых совах. Допустим, Джо сказала мне, что едет в «Сару-Хохотушку». Допустим, я отказался составить ей компанию, потому что писал и даже не понял, о чем речь. Даже если исходить из того, что все так и было, остается еще один вопрос: почему ей вздумалось приехать самой, если она могла позвонить и посылку принял бы кто-то еще? Кенни Остер с радостью услужил бы Джо. Точно так же, как и миссис М. И Билл Дин, наш сторож, в этот день был в нашем коттедже. За первым вопросом последовал второй: почему она не распорядилась доставить покупку в Дерри? Наконец я решил, что не смогу жить дальше, если воочию не увижу этих чертовых сов. Может, думал я, возвращаясь к дому, ставить одну на крышу «шевроле», припаркованному у крыльца черного хода? Чтобы предотвратить вороньи бомбардировки.

Едва я переступил порог, меня осенило. Я позвонил Уэрдлу Хэнкинсу, финансовому менеджеру из Уотервилла, который занимался моими налогами и вел некоторые дела, не связанные с издательским бизнесом.

— Майк, — радостно откликнулся он. — Как озеро?

— Озеро прохладное, погода жаркая, как и должно быть, — ответил я. — Уэрд, ты хранишь наши документы за пять лет, верно? На случай если налоговое управление задумает пощекотать нам нервы?

— Пять лет — общепринятая практика, но твои бумаги я храню семь. В глазах налоговиков ты очень жирный голубь.

Лучше быть жирным голубем, чем пластмассовой совой, подумал я, но не озвучил свою мысль. Сказал я другое:

— В том числе и ежедневники, так? Мой и Джо, пока она не умерла?

— Конечно. Поскольку вы оба не вели дневников, лучшего подтверждения расходам не...

— Сможешь ты найти ежедневник Джо за 1993 год и посмотреть, что она делала во вторую неделю ноября?

— Судовольствием. А что конкретно тебя интересует?

И тут я увидел себя сидящим за кухонным столом в Дерри, в первый вечер моего вдовства, сжимающим в руках коробочку с тестом на беременность. Действительно, что конкретно меня интересовало? С учетом того, что я любил эту женщину и она уже четыре года как умерла?

— Меня интересуют две пластмассовые совы. — Уэрд, возможно, думал, что я обращаюсь к нему, но лично я в этом очень сомневался. — Я понимаю, звучит это странно, но так уж вышло. Ты сможешь мне перезвонить?

— В течение часа.

— Отлично. — И я положил трубку.

Теперь пришла пора заняться совами. Где же мне их искать?

Взгляд упал на дверь подвала. Элементарно, мой дорогой Ватсон.

Темные ступени лестницы уходили вниз. Я уже стоял на верхней площадке и нащупывал рукой выключатель на стене, когда дверь за моей спиной захлопнулась с таким грохотом, что я от неожиданности вскрикнул. Ни ветерка, ни сквозняка, воздух как застыл, а дверь все равно захлопнулась. Или ее захлопнули?

Я стоял в темноте, искал выключатель и вдыхал затхлый воздух. Если нет хорошей вентиляции, в подвалах он всегда такой. Не только затхлый, но и холодный, куда холоднее, чем по другую сторону двери. И я отдавал себе отчет, что в подвале я не один. Я боялся. Если б я этого не признал, вы имели бы все основания назвать меня лжецом... Но при этом меня разбирало любопытство. Рядом со мной находилось нечто. *Здесь, рядом со мной, находилось нечто.*

Я убрал руку со стены, прекратив поиски выключателя. Прошло какое-то время. Минуты или секунды — не

знаю. Сердце отчаянно колотилось в груди. Я чувствовал, как кровь бьет в висках. Стало очень холодно.

— Привет, — сказал я.

Ответа не последовало. Я слышал, как далеко внизу с какой-то трубы падают капли конденсата. Я слышал собственное дыхание. Я слышал доносящееся издали, из другого мира, где светило солнце, торжествующее карканье вороны. Может, она только что разгрузилась на капот моего автомобиля. *Мне действительно нужна сова*, подумал я. *Просто не знаю, как я сумею без нее обойтись.*

— Привет, — вновь подал я голос. — Ты можешь говорить?

Тишина.

Я облизнул губы. Я стоял в темноте, обращался к призракам и тем не менее не казался себе полным идиотом. Отнюдь. Я чувствовал холод, которого сначала не было, и знал, что я в подвале не один.

— Тогда ты можешь стучать. Наверняка можешь, если тебе по силам захлопнуть дверь.

Я стоял и вслушивался в падение капель. Других звуков не было. Я уже поднял руку к выключателю, когда где-то под ногами раздался негромкий стук. В «Саре-Хохотушке» подвал глубокий, и три верхних фута бетона изолированы большими панелями «инсу-гард»*. И звук, который я слышал, возникал, я мог в этом поклясться, при ударе кулака о такую панель.

От этого удара волосы у меня встали дыбом, глаза едва не вылезли из орбит, а вся кожа покрылась мурашками. В подвале что-то есть! Что-то мертвое. Я более не мог нажать на рычажок выключателя, даже если бы и захотел. У меня не было сил поднять руку.

Я попытался заговорить, но сподобился лишь на сиплый шепот:

— Ты здесь?

Удар.

* Гидроизоляционный материал.

— Кто ты? — Я по-прежнему говорил шепотом, словно умирающий, который отдает последние указания жене и детям. На этот раз мне не ответили.

Я лихорадочно размышлял, что делать дальше; и тут мне вспомнился какой-то старый фильм, в котором Тони Кертис играл Гарри Гудини. Согласно сценарию, Гудини искал честного медиума. Он попал на один спиритический сеанс, по ходу которого с мертвыми общались...

— Если ответ «да», стукни один раз, если «нет» — два. Сумеешь?

Удар.

Пониже меня... но не у самого пола. Пятью ступенями ниже, максимум — семью. Достаточно далеко, чтобы я не мог дотянуться рукой до этого нечто, зависшего в темноте подвала.

— Ты... — Я не договорил. Холодный воздух перехватил горло. Я собрал волю в кулак и предпринял вторую попытку. — Ты — Джо?

Удар. Несильный удар кулаком по гидроизоляции. Пауза, потом *два удара.*

Да и нет.

Тут я задал вроде бы совсем неуместный вопрос:

— Совы внизу?

Два удара.

— Ты знаешь, где они?

Удар.

— Следует мне их искать?

Удар! Очень сильный.

«Зачем она их купила?» — хотел спросить я, но обитатель подвала не смог бы...

Горячие пальцы коснулись моих глаз, и я чуть не вскрикнул, но вовремя сообразил, что это пот. Я поднял руки и вытер лицо. Я просто купался в собственном поту.

— Ты — Лэнс Дивоур?

Двойной удар. Без промедления.

— В «Саре» я в безопасности? Мне тут ничего не грозит?

Удар. Пауза. Я знал, что это пауза, что я еще не услышал полного ответа. Потом: *два удара.* Да, мне ничего не грозит. Нет, все-таки угроза есть.

Я вновь обрел контроль над рукой. Поднял ее, коснулся стены, нащупал выключатель, положил палец на рычажок. Горячий пот на лице превратился в лед.

— Ты плачешь в ночи?

Два удара, а в паузе между ними я щелкнул выключателем. Вспыхнули лампы в подвале и под потолком над лестничной площадкой. Яркие, никак не меньше ста двадцати пяти ватт. Времени спрятаться, не то чтобы убежать, не было, да никто и не пытался. Опять же миссис Мизерв, при всех ее достоинствах, забыла подмести лестницу, ведущую в подвал. Спускаясь к тому уровню, на котором раздавались удары, я оставлял следы на серой пыли. Других следов не было.

Я шумно выдохнул и увидел легкий парок. Значит, в подвале было холодно, но температура быстро повышалась. Второй выдох — пар еще оставался, третий — исчез.

Я провел рукой по гидроизоляционной панели. Гладкая, ровная. Ткнул пальцем, не прикладывая особой силы, но на серебристой поверхности образовалась ямочка. Панель мягкая, как пирог. Если б кто-то лупил по ней кулаком, серебристая оболочка разорвалась бы, открыв розовый гидроизоляционный материал. Но все панели серебрились передо мной.

— Ты все еще здесь? — спросил я.

Ответа я не получил, но чувствовал, что мой гость никуда не делся. По-прежнему пребывал в подвале.

— Надеюсь, я не обидел тебя, включив свет. — Вот тут мне стало как-то не по себе. Наверное, я являл собой странное зрелище: стою на лестнице, громко разговариваю — видимо, с пауками. — Я просто хотел тебя увидеть. — Не знаю, правду я говорил или нет.

Резко, так резко, что едва не потерял равновесие и не скатился вниз, я повернулся в полной уверенности, что за моей спиной стоит существо в саване, что именно оно стучало по панелям, не добрый призрак старинных баллад, а жуткая тварь из потустороннего мира.

Но никого не увидел.

Я вновь развернулся на сто восемьдесят градусов, два или три раза глубоко вдохнул, успокаивая нервы, спустился вниз. В подвале обнаружил готовое к плаванию каноэ, даже с веслом, старую газовую плиту, которую мы заменили, купив коттедж, кадку, в которую Джо (несмотря на мои возражения) хотела что-то посадить. Я нашел чемодан со скатертями, картонную коробку с кассетами (на них остались «шедевры» таких групп, как «Дифлоникс», «Функаделик», «38-й калибр»), несколько картонных же ящиков со старой посудой. Если здесь и теплилась жизнь, то не слишком интересная. Не идущая ни в какое сравнение с той, что я почувствовал в студии Джо. Оно и понятно: я видел прошлое того настоящего, что уже стало прошлым. Так уж заведено в этом мире.

На полке лежал альбом с фотографиями. Я его взял главным образом из любопытства. Ничего из ряда вон выходящего не обнаружил. В основном окрестные пейзажи, заснятые в год покупки «Сары-Хохотушки». Нашел, правда, фотографию Джо в джинсах-бананах, с волосами, зачесанными назад и белой помадой на губах, и Майка Нунэна в цветастой рубашке и с бакенбардами, от одного вида которых меня скривило (вдовцу Майку такой женатый Майк не понравился).

Я нашел сломанные пальцы Джо, грабли, которые мне могли понадобиться осенью: сгребать опавшую листву, широкую лопату для расчистки дорожек от снега, несколько банок краски. Чего я не отыскал, так это пластмассовых сов. Моя подруга (или друг), стучавшая по гидроизоляции, не ошиблась.

Наверху зазвонил телефон.

Я поспешил наверх, уже выскочил за дверь, потом вернулся и щелкнул выключателем. С одной стороны, мой поступок меня позабавил, с другой — я поступил как и должно... к примеру, в детстве, шагая по тротуару, я старался не наступать на трещины и не видел в этом ничего предосудительного. А если мое поведение и показалось кому-нибудь странным, так ли уж это важно? Я пробыл в «Саре» только три дня, но уже вывел Первый нунэновский закон эксцентричности: когда ты один, твое странное поведение вовсе не кажется странным.

Я схватил трубку:

— Слушаю.

— Привет, Майк. Это Уэрд.

— Что-то ты быстро.

— Архив от меня в двух шагах. Я все нашел. В еженедельнике Джо на второй неделе ноября 1993 года есть только одна запись. Зачитываю. «Эс-ка Мэна, Фрип, одиннадцать утра». Вторник, шестнадцатое. Это тебе что-нибудь говорит?

— Да. Премного тебе благодарен, Уэрд. Ты мне здорово помог.

Я отключил связь, положил телефон на подставку. Действительно помог. «Эс-ка Мэна» расшифровывалось как «Суповые кухни Мэна». С 1992 года по день своей смерти Джо входила в состав совета директоров этой благотворительной организации. Фрип — сокращение от Фрипорта. Наверное, речь шла о заседании совета. Вероятно, они говорили о том, как накормить бездомных в День благодарения... а потом Джо проехала семьдесят миль до Тэ-Эр, чтобы получить у почтовиков двух пластмассовых сов. Нет, ответа на свои вопросы я так и не получил.

И тут же в голове раздался голос НЛО: *Раз уж ты стоишь у телефонного аппарата, почему бы не позвонить Бонни Амудсон? Поздороваешься, спросишь, как она поживает.*

В начале девяностых Джо входила в состав совета директоров четырех благотворительных организаций. Ее подруга Бонни убедила ее поучаствовать в работе «Суповых кухонь», когда в совете освободилось одно место. И на заседания они часто ездили вместе. Так что едва ли Бонни вспомнит то заседание, что проходило в ноябре 1993 года... все-таки прошло пять лет... однако если у нее сохранились протоколы...

Да, странные мысли лезли мне в голову. Позвонить Бонни, поболтать ни о чем, потом попросить поднять протокол заседания, которое имело место в ноябре 1993 года. А дальше? Спросить, отмечено ли в протоколе отсутствие Джо? Полюбопытствовать, не заметила ли она изменений в поведении Джо в последний год ее жизни? А если Бонни спросит, зачем мне все это нужно, что мне ей ответить?

Дай ее сюда, рывкнула Джо в моем сне. В нем она и не выглядела, как Джо, скорее напоминала женщину из Книги притч, странную женщину, у которой с губ тек мед, но в сердце затаились змеи и черви. Странную женщину с пальцами, холодными как лед. *Дай ее сюда. Это мой пылесос.*

Я подошел к двери подвала, взялся за ручку. Повернул... затем отпустил. Я не хотел заглядывать в темноту, не хотел слушать чьи-то удары. Лучше уж оставить дверь закрытой. А чего мне хотелось, так это выпить какой-нибудь холодной жидкости. И я пошел на кухню, повернулся к холодильнику и обмер. Магниты вновь образовали окружность, но на этот раз в ее центре вытянулись в ряд четыре буквы и одна цифра. Из них сложилось слово

hello*

В доме жил призрак. Теперь я в этом не сомневался и ясным днем. Я спрашивал, безопасно ли для меня пре-

* Если единицу заменить на букву l, получится «привет» (англ.).

бывание в «Саре-Хохотушке», и получил двойственный ответ... но это ничего не значило. Если б я сейчас ретировался из «Сары», ехать мне было бы некуда. У меня был ключ от дома в Дерри, но ответы на интересующие меня вопросы я мог найти только здесь. И я это знал.

— Привет, — ответил я и открыл холодильник, чтобы взять банку пепси. — Кто бы ты ни был, привет.

Глава 11

Я проснулся в темноте, в полной уверенности, что в северной спальне я не один. Сел, протер глаза и увидел темный, плечистый силуэт, стоящий между моей кроватью и окном.

— Кто ты? — спросил я, подумав, что ответ я получу не в словах, а ударами по стене. Один удар — да, два удара — нет... *Какие предложения, Гудини?* Но фигура у окна не прореагировала на мои слова. Я нащупал шнурок бра, висящий над кроватью, дернул. Рот у меня перекосило, тело напряглось. — Дерьмо, — выдохнул я. — Чтoб я сдох!

На перекладине для занавесок на плечиках висел мой пиджак. Я повесил его туда, когда распаковывал вещи, и забыл убрать в стенной шкаф. Я попытался рассмеяться и не смог. В три часа ночи висящий на окне пиджак не показался мне смешным.

Я выключил свет, полежал с открытыми глазами, ожидая услышать звон колокольчика Бантера или детский плач. И слушал, пока не уснул.

Семью часами позже, когда я уже позавтракал и собирался пойти в студию Джо, чтобы проверить, не стоят ли пластмассовые совы в чулане, куда я не заглядывал днем раньше, новенький, последней модели «форд» скатился по проселку и замер нос к носу с моим «шевроле».

Я уже ступил на короткую дорожку, соединяющую коттедж и студию, но повернул назад. День вновь выдался жарким, поэтому мой наряд состоял из джинсов с обрешанными штанинами и шлепанцев.

Джо всегда говорила, что среди тех, кто одевается в кливлендском стиле, есть представители двух направлений: классического и небрежного. Мой утренний гость, безусловно, придерживался второго: гавайка с ананасами и мартышками, светло-коричневые брюки из банановой республики, белые туфли. Кливлендский стиль цвета носков не оговаривал, но в обуви признавался только один цвет — белый. Непременным атрибутом являлось и что-нибудь кричащее и золотое. И тут мой гость оправдал мои ожидания: на левой руке блеснул «Ролекс», на шее сверкала цепь. Рубашку он носил навывпуск, на спине под ней что-то подозрительно бугрилось. Похоже, этот господин предпочитал ездить в гости вооруженным.

— Майкл Нунэн?

Некоторые женщины от него млели. Те, кто сжимается в комок, если мужчина повышает голос. Те, кто не бежит в полицию после домашних разборок, потому что верят, что сами накликали на себя неприятности. Как то: фонарь под глазом, вывихнутую руку, а то и сигаретный ожог на груди. Те, кто предпочитает обращаться к своему мужу или любовнику как к отцу: «Принести тебе пива, папуля?» или «На работе выдался тяжелый день, папуля?»

— Да, я — Майкл Нунэн. Чем могу служить?

«Папуля» отвернулся, наклонился, взял что-то с пассажирского сиденья. Закрепленная под приборным щитком рация пискнула и замолчала. Он вновь повернулся ко мне, со светло-желтой папкой в руке. Протянул ее мне:

— Это вам.

Поскольку я не сделал попытки взять папку, он шагнул ко мне и попытался всунуть ее мне в ладонь, чтобы мои пальцы, повинясь безусловному рефлексу, схвати-

ли папку. Я, однако, успел поднять руки, словно он поставил на меня свой револьвер.

Он по-отечески взглянул на меня — лицо у него было ирландское, как и у братьев Арлен, только без арленовских доброты, открытости, любопытства. Их место заняло пренебрежение, словно все человеческие хитрости давно ему не в диковинку, а с самыми изощренными он сталкивался как минимум дважды. Одну бровь рассекал давнишний шрам, а румянец на щеках указывал то ли на отменное здоровье, то ли на повышенный интерес к спиртным напиткам. Похоже, он мог бы скинуть тебя в канаву, да еще усесться сверху, чтобы услышать: «Я ничего не сделал, папуля, отпусти меня, не сердись».

— Не создавайте себе лишних проблем. Вы возьмете эту повестку, мы оба это знаем, так что не будем тянуть время.

— Сначала покажите мне ваши документы.

Он вздохнул, сунул руку в карман рубашки, достал кожаный бумажник, раскрыл. Я увидел полицейский жетон и удостоверение с фотографией. Ко мне пожаловал Джордж Футмен, помощник шерифа округа Касл. На фотографии он смотрел прямо в объектив. Точно так же в полицейских участках фотографируют задержанных, прежде чем определить их в камеру.

— Довольны? — спросил он.

Я взял папку, когда он вновь протянул ее мне. Он продолжал смотреть на меня все с тем же пренебрежением, прописанным на лице. Десятого июля 1998 года, то есть в пятницу, в десять утра, мне надлежало явиться в Касл-Рок, к адвокату Элмеру Дарджину. Вышеупомянутого Элмера Дарджина назначили опекуном *ad litem** Киры Элизабет Дивоур, несовершеннолетней. Он намеревался взять у меня свидетельские показания касательно всего того, что мне известно о здоровье и благополучии Киры Элизабет Дивоур. Указание взять с меня по-

* Для целей судопроизводства (лат.).

казания многоуважаемый адвокат получил от Высшего суда* округа Касл и судьи Нобла Рэнкорта. Мои показания предполагалось стенографировать. Меня заверяли, что желание получить их выразил непосредственно суд, и решение это никак не связано с действиями истца или ответчика.

— Моя обязанность — напомнить вам, что уклонение от дачи показаний является уголовно...

— Премного вам благодарен, но давайте считать, что свои обязанности вы выполнили, хорошо? Я приеду. — Я бросил на его машину негодующий взгляд. Будь у меня автомат, изрешетил бы ее. Меня охватила ярость. Какое они имели право грубо вламываться в мою жизнь? Мне никогда не вручали повестку, и я не испытывал ни малейшего желания появляться в суде.

Он вернулся к «форду», уже хотел сесть за руль, но остановился, положив волосатую руку на открытую дверцу. «Ролекс» яростно блестел на солнце.

— Позвольте дать вам совет.

Этой фразы мне вполне хватило, чтобы понять, с кем я имею дело.

— Не переходите дорогу мистеру Дивоуру.

— А не то он раздавит меня как жука.

— Что?

— Вы просто не договорили. Ваша ремарка: «Позвольте дать вам совет... Не переходите дорогу мистеру Дивоуру, а не то он раздавит вас как жука».

— Ну да, вы же писатель, — протянул он.

— Вроде бы мне об этом говорили.

— Вы можете придумать такое, потому что вы — писатель.

— У нас же свободная страна, не так ли?

— Острие, значит?

* В штате Мэн — промежуточная судебная инстанция между судебными учреждениями первой инстанции и Верховным судом штата.

— Давно вы работаете на Макса Дивоура, помощник шерифа? И знают ли в управлении шерифа, что вы подрабатываете на стороне?

— Знают. И ничего не имеют против. Так что с этим у меня проблем нет. А вот у вас они могут возникнуть, мистер Остряк-Писатель.

Я решил, что лучше остановиться до того, как мы ублажим слух друг друга более непристойными прозвищами.

— Пожалуйста, помощник шерифа, покиньте мою подъездную дорожку.

Он еще несколько секунд смотрел на меня, судя по всему, хотел, чтобы последнее слово осталось за ним, но не смог ничего придумать. Вот где ему мог бы прийти на помощь мистер Остряк-Писатель.

— В пятницу я буду вас искать.

— С тем чтобы пригласить на ленч? Не волнуйтесь, я не привередлив, так что особо тратиться вам не придется.

Румянец на щеках стал гуще, и я понял, что именно такой цвет и приобретут его щеки к шестидесяти годам, если он не откажется от употребления огненной воды. Он завел мотор, включил задний ход и с такой силой надавил на педаль газа, что колеса едва не провернулись. Я постоял, пока он не выехал на Сорок вторую дорогу, а потом вернулся в дом. Подумал о том, что дополнительная работа помощника шерифа Футмена неплохо оплачивается, раз он может позволить себе «Ролекс». С другой стороны, он мог носить и подделку.

Успокойся, Майкл, слышался голос Джо. Красной тряпки больше нет, никто не машет ею перед тобой, так что успокойся...

Я осек ее голос. Не собирался я успокаиваться. Наоборот, я только начал распаляться. Они вломились в мою жизнь.

Я напрямик направился к столу в прихожей, где Джо держала документы, которые могли понадобиться в лю-

бой момент (в том числе и ежедневники, подумал я), и за уголок вытащил повестку из светло-желтой папки. После чего поднял сжатый кулак на уровень глаз, взглянул на обручальное кольцо и врезал кулаком в стену, рядом с книжным стеллажом. Врезал с такой силой, что стоявшие на полке книжки в обложках подпрыгнули. Я подумал о выношенных шортах и кей-мартовском топике Мэтти, о четырех с половиной миллионах долларов, уплаченных ее свекром за «Уэррингтон». О чеке, выписанном на эту сумму. Мне вспомнились слова Билла Дина о том, что не мытьем так катаньем, но маленькой девочке придется расти в Калифорнии.

Все еще кипя от негодования, я кружил по дому, пока ноги сами не привели меня к холодильнику. Окружность из магнитов осталась, буквы внутри изменились. Вместо

hel1o

я увидел:

help r*

— Помощник? — переспросил я, и едва произнес это слово, как все понял: на холодильнике был только один комплект алфавита, да и то неполный: куда-то затерялись буквы «g» и «x». Поэтому букв следовало добавить. Раз уж передняя панель моего «Кемора» превращалась в гадальную доску, букв требовалось много. Особенно гласных. Тем временем я передвинул «h» и «e», поставив их перед «r». Получилось:

lp her**

Потом смешал магниты, выстроенные в окружность, и вновь закружил по дому. Я принял решение не вставать

* Майк решил, что видит перед собой слово *helper* — помощник (*англ.*), с одной пропущенной буквой.

** То есть *help her* — помоги ей.

между Дивоуром и его невесткой, но тем не менее оказался аккурат между ними. Помощник шерифа в кливлендском наряде объявился на моей подъездной дорожке, усложнив мне и без того сложную жизнь... да еще припугнув меня. А что такое страх, я уже понимал. И вот тут я решил, что не хочется мне все лето тревожиться из-за призраков и детского плача, гадать о том, что задумывала моя жена четыре или пять лет назад... если и задумывала. Я не мог писать книги, но это не означало, что мне осталось только ковырять в носу.

Помоги ей.

Что ж, по крайней мере попытаюсь.

— Литературное агентство Гарольда Обловски.

— Поедем со мной в Белиз, Нола, — ответил я. — Ты мне нужна. Мы сольемся в полночь, когда полная луна превращает песок в серебро.

— Привет, мистер Нунэн. — Чувство юмора у Нолы отсутствовало. Как и романтичность. Поэтому в агентстве ее очень ценили. — Хотите поговорить с Гарольдом?

— Если он на месте.

— На месте. Минуточку.

Вот с этим у авторов бестселлеров (даже если в списке пятнадцати появлялась только одна книга) проблем не возникает: для них литературный агент всегда на месте. Даже если он в отпуске в Нантакете, секретарь найдет способ соединить вас с ним. Правда, разговор обычно не затягивается.

— Майк! — радостно прокричал в трубку Гарольд. — Как озеро? Я думал о тебе весь уик-энд.

Как же, хмыкнул про себя я, уже и подумать ему, кроме меня, не о ком.

— В целом все отлично, Гарольд, но в этой бочке меда есть ложка дегтя. Мне надо поговорить с адвокатом. Сначала я хотел позвонить Уэрду Хэнкинсу, чтобы он мне кого-нибудь порекомендовал, но потом решил, что

мне нужен более известный специалист, чем те, с кем знаком Уэрд. С острыми зубами и попробовавший челюсти.

На этот раз Гарольд обошелся без фирменной паузы.

— Что случилось, Майк? Ты попал в передрыгу?

Один удар — да, два удара — нет, подумал я и едва не отстучал по столу условный сигнал. Помнится, дочитав мемуары Кристи Броун «Все дни в печали», я еще подумал: а каково написать целую книгу, держа ручку пальцами левой ноги? Теперь я задался другим вопросом: каково прожить целую вечность, имея в своем распоряжении лишь одно средство общения — удары по подвальной стене? И только в том случае, когда люди хотели услышать и понять эти удары? Не все люди, а только некоторые, и лишь в редких случаях?

Джо, это ты? А если ты, то почему дала двойной ответ?

— Майк? Ты где?

— Здесь. В передрыгу попал не я, Гарольд, поэтому можешь не волноваться. Но проблема есть, и ее надо решать. Ты обычно работаешь с Голдэкром, так?

— Да. Я немедленно поз...

— Но он специализируется на авторском праве. — Я рассуждал вслух, а когда замолчал, Гарольд не заполнил паузу. Иногда он все делал как надо. Вернее, в большинстве случаев. — Ты ему все-таки позвони. Скажи, что мне необходимо поговорить с адвокатом, который напрямую связан с делами о детской опеке. Пусть он свяжет меня с лучшим из тех, кто на данный момент свободен и может сразу включиться в процесс. Вполне возможно, что уже в пятницу он должен быть со мной в суде.

— Речь идет об отцовстве? — В голосе Гарольда слышались как уважение, так и испуг.

— Нет, об опеке. — Я хотел уже предложить ему узнать все подробности от адвоката, которого предстояло найти, но, с другой стороны, отношения у нас сложились

доверительные, так что Гарольд имел право узнать все от меня... Рано или поздно он просто потребовал бы от меня изложить мою версию происшедшего, независимо от того, что наговорит ему адвокат. И я отчитался за утро четвертого июля и последующие события. Ограничился, конечно, только Дивоурами, опустив голоса, детский плач и постукивание в темноте. Гарольд прервал меня лишь однажды, когда понял, кто в этой истории определен на роль злодея.

— Ты нарываешься на неприятности. И знаешь об этом, так ведь?

— В принципе да. Видишь ли, я решил, что мне надо немного встряхнуться, ничего больше.

— Ты лишишься тишины и покоя, которые необходимы писателю для плодотворной работы. — Строгость и чопорность в его голосе едва не подвигли меня на то, чтобы успокоить его: со мной все будет в порядке, поскольку после смерти Джо я не писал ничего, кроме перечня необходимых покупок. И драчка скорее всего только пойдет мне на пользу. Но я ничего ему не сказал. Потому что принцип клана Нунэнов — никому не открывать душу. И на двери фамильного склепа следует высечь:

НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ, ●
У КАЖДОГО ИЗ НАС
ВСЕ В ПОРЯДКЕ

Потом перед моим мысленным взором возникли буквы:

help r.

— Этой молодой женщине нужен друг, на которого она могла бы опереться. И Джо хотела бы, что я стал ей таким другом. Джо не любила, когда о маленьких людей вытирают ноги.

— Ты так думаешь?

— Да.

— Хорошо, я посмотрю, что можно сделать. Майк... хочешь, чтобы я приехал в пятницу и пошел с тобой в суд?

— Нет. — Слово это прозвучало очень уж резко, а за ним последовала пауза, не планировавшаяся заранее, но все равно обидная для Гарольда. Поэтому я поспешил умаслить моего агента: — Понимаешь, Гарольд, это дело об опеке будет слушаться в суде в самое ближайшее время. Так, во всяком случае, утверждает мой сторож. Если так и случится, а ты захочешь приехать, я тебе позвоню. Ты знаешь, я всегда готов воспользоваться твоей моральной поддержкой.

— В моем случае это скорее аморальная поддержка. — По голосу чувствовалось, что к нему вернулось хорошее настроение.

Мы попрощались. Я вернулся к холодильнику и посмотрел на магниты. Они пребывали на тех же местах, где я их и оставил. Вот и хорошо, с облегчением подумал я. Даже призраки должны иногда отдыхать.

Я взял трубку беспроводного телефона, прошел на террасу и плюхнулся в плетеное кресло, в котором сидел вечером четвертого июля, когда позвонил Дивоур. Даже после визита «папули» мне не верилось, что тот телефонный разговор действительно состоялся. Дивоур обозвал меня лжецом; я предложил ему засунуть бумажку с моим номером себе в задницу. Соседи познакомились.

Я пододвинул кресло поближе к краю террасы. Склон круто уходил вниз, спускаясь на девяносто футов к озеру. Я поискал глазами зеленую женщину, которую увидел, когда плавал, убеждая себя, что все это — напрасный труд; что дерево может показаться женщиной в зеленом платье только в одном ракурсе, да и то при стечении многих обстоятельств. Но здесь я столкнулся с исключением из правил. И мне стало как-то не по себе, когда я понял, что береза, растущая внизу, рядом с Улицей,

и с террасы похожа на женщину. Частично это сходство вызывалось засохшей сосной, одна из ветвей которой напоминала руку, но только частично. Сверху белые ветви и зеленая листва создавали некое подобие женской фигуры, а когда ветер шевелил нижнюю часть кроны, листва и ветви колыхались, как длинная юбка.

На предложение Гарольда приехать в «Сару» я ответил отказом еще до того, как произнес слово «нет». И теперь, глядя на женщину-дерево, я знал, в чем причина: Гарольд слишком шумный, Гарольд не ловит полутонов, Гарольд может спугнуть то, что здесь обитает. Я этого не хотел. Да, я боялся, а стоя в темноте на лестнице, ведущей в подвал и слушая удары по гидроизоляции, едва не умер от ужаса, но при этом впервые за последние годы во мне пробудился интерес к жизни. Здесь, в «Саре-Хохотушке», я столкнулся с совершенно новыми ощущениями и не хотел обрывать этот эксперимент в самом зародыше.

Зазвонила лежащая на моих коленях трубка, заставив меня подпрыгнуть. Я схватил ее, ожидая услышать Макса Дивоура или Футмена, его золоченую шестерку. Но позвонил адвокат, Джон Сторроу, который, судя по голосу, только-только, скажем, две недели назад, закончил юридическую школу. Однако работал он в фирме «Эвери, Маклейн и Бернстайн» на Парк-авеню, а Парк-авеню, как известно, престижный адрес для адвоката, даже если у него еще осталась пара-тройка молочных зубов. Если Генри Голдэкр полагал, что Сторроу — ас, значит, так оно и было. И занимался он исключительно опекой.

— А теперь расскажите мне, что произошло. — Джон Сторроу подвел черту под прологом, в ходе которого мы представились друг другу и утрясли рутинные вопросы.

Я рассказал, с мельчайшими подробностями, и настроение мое мало-помалу улучшилось. После того как включается счетчик, разговор с адвокатом всегда действует успокаивающе: ты пересекаешь критическую от-

метку, до которой твой собеседник — просто адвокат, а после — твой адвокат. Твой адвокат всегда погладит по шерстке, всегда посочувствует, в нужный момент что-то запишет в желтый блокнот или кивнет. Вопросы, в большинстве своем, он задает те, на которые ты можешь ответить. А если не можешь, то твой адвокат с готовностью придет тебе на помощь и укажет выход из, казалось бы, тупиковой ситуации. Твой адвокат всегда на твоей стороне. Твои враги — его враги. Для него ты не говнюк, а уважаемый человек, с которого он готов пылинки сдувать.

— Однако, — вырвалось у Джона, когда я выговорился. — Просто удивительно, что эта история еще не попала в газеты.

— Я как-то об этом не думал. — Но мысль его я уловил. Семейная сага Дивоуров — не тема для «Нью-Йорк таймс» или «Бостон глоб». Возможно, не тема и для «Дерри ньюс». Но для «желтых» еженедельников, которые бросаются в глаза в каждом супермаркете, вроде «Нэшнл инкуайер» или «Взгляд изнутри», — золотая жила: Кинг-Конг пытается украсть не красавицу, а невинного ребенка красавицы и уволочь его в свое логово на вершине Эмпайр-стейт-билдинга. Отсюда и лозунг — чудовище, руки прочь от крохи! Да, для первой полосы эта история не годится: нет крови и знаменитостей, но на девятой она будет смотреться очень даже неплохо. Я даже представил себе заголовок, бегущий над фотографиями «Уэррингтонс лодж» и трейлера Мэтти:

КОМПЬЮТЕРНЫЙ МАГНАТ
УТОПАЕТ В РОСКОШИ, ГОТОВЯСЬ ОТНЯТЬ
ЕДИНСТВЕННОГО РЕБЕНКА КРАСАВИЦЫ

Пожалуй, длинновато, решил я. Я уже не писал, но все равно не мог обойтись без редактора. Печально, но такова жизнь.

— Возможно, на каком-то этапе мы введем их в курс дела, — промурлыкал Сторроу. Я уже понял, что это тот человек, которому я могу довериться, особенно теперь, когда меня разбирает злость. Он, однако, вернулся к нашим делам: — Кого я представляю, мистер Нунэн? Вас или юную даму? Я голосую за юную даму.

— Юная дама понятия не имеет о том, что вы позволили мне. Она может подумать, что я проявил излишнюю инициативу. Возможно, пошлет меня очень далеко.

— С какой стати?

— Потому что она — янки, янки из Мэна, то есть хуже не бывает. В сравнении с ними ирландец кажется образцом логического мышления.

— Возможно, но в данной ситуации она — жертва. Я думаю, вы должны ей это разъяснить то ли по телефону, то ли при встрече.

Я пообещал, что разъясню. Почему нет? Я знал, что без разговора все равно не обойтись: я должен связаться с ней, потому что взял повестку, доставленную помощником шерифа Футменом.

— А кто составит компанию Майклу Нунэну в ближайшую пятницу?

— Сторроу сухо рассмеялся.

— Я найду кого-нибудь из местных. Он пойдет с вами к Дарджину, будет тихонько сидеть, положив на колени брифкейс, и слушать. Возможно, я в этот день тоже буду в городе, точно смогу сказать лишь после того, как переговорю с миссис Дивоур, но к Дарджину не пойду. А вот когда начнется судебное слушание по иску об опеке, вы увидите меня в нужном месте.

— Хорошо. Позвоните мне, когда определитесь с моим новым адвокатом. Моим другим новым адвокатом.

— Обязательно. А пока переговорите с юной дамой. Устройте меня на работу.

— Я попытаюсь.

— Также постарайтесь, чтобы разговор этот происходил прилюдно. Если мы дадим плохишам шанс сыграть

грязно, они его не упустят. Между вами ничего нет, не так ли? Ничего такого? Извините, но спрашиваю по долгу службы.

— Нет. Я уж забыл, когда у меня с кем-либо такое было.

— Меня так и тянет выразить вам сочувствие, мистер Нунэн, но, учитывая обстоятельства...

— Майк. Обойдемся без фамилии.

— Хорошо. Так мне больше нравится. А я — Джон. Люди начнут судачить о вашем участии в этом деле. Вы это понимаете, не так ли?

— Конечно. Люди знают, что я могу позволить себе такого адвоката, как вы. Они начнут размышлять, чем она сможет расплатиться со мной. Красивая молодая вдова, вдовец средних лет. Прежде всего на ум приходит секс.

— Вы — реалист.

— Полной уверенности в этом у меня нет, но некоторые аксиомы мне известны.

— Я на это надеюсь, потому что операция предстоит тяжелая. Наш противник — очень богатый человек. — Однако испуга в его голосе я не почувствовал. В нем слышалась... жажда действия. Что-то похожее испытывал и я, когда увидел, что магниты на передней панели холодильника вновь сложились в окружность.

— Я знаю.

— В суде это не станет основополагающим фактором, поскольку у другой стороны тоже есть деньги. Опять же судье придется учитывать, что этот процесс — пороховая мина. Нам это на руку.

— А какой наш главный козырь? — спросил я, вспоминая розовое личико Киры, полное отсутствие страха перед матерью. Спросил потому, что ожидал услышать в ответ: беспочвенность обвинений. Но ошибся.

— Главный козырь? Возраст Дивоура. Он же старше Господа Бога.

— Исходя из того, что я узнал в этот уик-энд, ему лет восемьдесят пять. Получается, что Господь старше.

— Да, но какой из него получится потенциальный папаша? — В голосе Джона прозвучали злорадные нотки. — Подумайте об этом, Майк: ребенок закончит среднюю школу, когда дедуле стукнет столетник. Опять же есть шанс, что старик перестарался. Вы знаете, кто такой опекун *ad litem*?

— Нет.

— Обычно это адвокат, которого назначает суд, чтобы тот защищал интересы ребенка. Гонорар он получает от суда, а это крохи. Большинство соглашается стать опекуном *ad litem* исключительно из альтруизма... но не все. В любом случае *ad litem* в процессе — фигура заметная. Судьи не обязаны следовать его рекомендациям, но почти всегда следуют. Потому что судья выглядит глупцом, отвергая рекомендации человека, которого сам и назначил. А ходить в глупцах судья не может: не изберут на следующий срок.

— У Дивоура будет свой адвокат?

Джон рассмеялся.

— Как насчет пяти или шести?

— Вы серьезно?

— Старичку восемьдесят пять лет. На «феррари» он уже не поедет, в Тибет не полетит, с проститутками завязал, если он, конечно, не супермен. Так на что ему тратить деньги?

— На адвокатов, — без запинки ответил я.

— Именно так.

— А Мэтти Дивоур? Кто выступит на ее стороне?

— Благодаря вам у нее есть я. Прямо-таки роман Джона Гришэма*, не так ли? Но сейчас меня интересует

* В том, что современный и очень популярный американский писатель Джон Гришэм известен русскоязычному читателю, сомнений нет. Но уместно упомянуть, что стержнем его романов обычно является судебный процесс.

Дарджин, опекун *ad litem*. Если Дивоур не ожидал серьезного сопротивления, он мог предпринять попытку искушать Дарджина. А Дарджину, возможно, не хватило ума, чтобы устоять. Кто знает, что мы сможем найти, если копнем глубже.

Но я еще не утолил любопытство.

— У нее есть вы. Благодаря мне. А если бы я не сунулся в это дело? Что бы она тогда получила?

— Бабки. Это означает...

— Я знаю, что это означает. Не может быть!

— Таково уж американское правосудие. Вы же знакомы с этой леди, которая держит в руке весы? Обычно ее статуя возвышается перед зданием городского суда.

— Что-то такое я видел.

— Наденьте на нее наручники, рот залепите пластырем, изнасилуйте и вываляйте в грязи. Понравится вам итог? Мне — нет. Но именно так работает закон, решая вопросы опеки, если истец богат, а ответчик беден. А равенство полов только усугубляет ситуацию: матери обычно бедны, а в силу этого пресловутого равенства они уже не могут рассчитывать, что суд автоматически примет решение в их пользу.

— Значит, без вас Мэтти Дивоур в суде делать нечего?

— Да, — без обиняков ответил Джон. — Позвоните мне завтра и скажите, что она готова воспользоваться моими услугами.

— Надеюсь, что позвоню.

— Я тоже. И... есть еще один момент.

— Какой?

— В телефонном разговоре с Дивоуром вы солгали.

— Чушь собачья!

— Нет-нет, мне, конечно, неприятно выводить на чистую воду любимого писателя моей сестры, но вы солгали и прекрасно это знаете. Вы сказали Дивоуру, что мать и дочь были вместе, ребенок собирал цветы, а мамаша умиленно за ней наблюдала. Осталось только упомянуть о пасущемся на лужке олененке Бэмби.

Я выпрямился в кресле. Меня словно огрели по голове пыльным мешком. Я понял, что учел далеко не все.

— И все-таки я ему не лгал. Я же не говорил ему, что я видел конкретно. Использовал только сослагательное наклонение. Высказывал исключительно свои предположения. Не раз употреблял такие слова, как «наверное, возможно, допустим». Я это хорошо помню.

— Если он записал ваш разговор на пленку, у вас появится возможность еще раз подсчитать, сколько раз вы употребили эти самые слова.

Сразу я не ответил. Вспоминал наш разговор, вспоминал гудение в телефонной линии, характерное гудение, которое помнил по моим прежним приездам в «Сару-Хохотушку». Не показалось ли мне, что в субботу вечером гудело чуть сильнее, чем раньше?

— Вполне возможно, что он записал наш разговор на магнитофон, — с неохотой признал я.

— Вот-вот. А если адвокат Дивоура передаст пленку судебному опекуну, как будет звучать ваш голос?

— Это будет голос человека, который хочет что-то скрыть.

— Или человека, пребывающего в собственном мире. Вам это простительно, не так ли? В конце концов, вы — писатель и этим зарабатываете на жизнь. На судебном слушании адвокат Дивоура обязательно об этом упомянет. А если вызовет в свидетели человека, который проезжал мимо вскоре после появления Мэтти... человека, который покажет, что юная мама выглядела очень испуганной и взволнованной... за кого вас тогда примут?

— За лжеца. Черт!

— Бояться нечего, Майк. Держите хвост пистолетом.

— С чего?

— Разрядите их ружья, прежде чем они выстрелят. Расскажите Дарджину то, что вы видели. Пусть все внесут в ваши показания. Сделайте упор на то, что девочка считала себя в полной безопасности. Особо отметьте белую линию.

— А если потом они прокрутят пленку, и как я буду после этого выглядеть?

— Нормально. Разговор по телефону — это не показання, которые дают под присягой. Вы сидели на террасе, думали о своем, любовались фейерверком. И вдруг вам звонит какой-то старый козел. Начинает наезжать на вас. Вы же не давали ему ваш телефонный номер?

— Нет.

— И ваш номер не внесен в справочник?

— Нет.

— И хотя он представился Макссуэлом Дивоуром, на самом деле он мог быть кем угодно.

— Совершенно верно.

— Даже шахом Ирана.

— Нет, шах умер.

— Ладно, шаха исключим. Но он мог быть назойливым соседом... или каким-то озорником.

— Да.

— И вы разговаривали с ним, держа в голове такие мысли. Но теперь вы участвуете в судебном процессе, а потому говорите правду, только правду и ничего, кроме правды.

— Абсолютно верно! — Возникшее незадолго до этого ощущение, что мой адвокат отдалился от меня, исчезло бесследно.

— Лучшая линия поведения, Майк, — говорить правду; — назидательно произнес он. — За исключением некоторых случаев. Но наш к ним не относится. С этим мы разобрались?

— Да.

— Отлично, тогда на сегодня все. Завтра в одиннадцать жду звонка от вас или Мэтти Дивоур. Лучше бы услышать ее голос.

— Я постараюсь.

— Если она станет упираться, вы знаете, какие привести аргументы?

— Думаю, что да. Спасибо, Джон.

— Так или иначе, мы скоро поговорим вновь. — И он положил трубку.

Какое-то время я сидел не шевелясь. Потом нажал кнопку включения телефона и еще раз нажал, отключая связь. Не чувствовал я себя готовым к разговору с Мэтти. И решил прогуляться.

«Если она станет упираться, вы знаете, какие привести аргументы?»

Естественно. Напомнить, что сейчас не время проявлять гордыню. Нельзя ей оставаться стопроцентной янки, отказываясь принять милостыню от Майкла Нунэна, автора романов «Быть вдвоем», «Мужчина в красной рубашке» и еще не опубликованного «Обещания Элен». Напомнить ей, что она останется или с гордостью, или с дочерью. Потому что о сохранении и первого, и второго не могло быть и речи.

Что ж, Мэтти, выбор за тобой.

Я прошел до конца Сорок второй дороги и остановился над лугом Тидуэлл, где открывался прекрасный вид на озеро и возвышающиеся за ним Белые горы. Вода дремала под сонным небом — то серая, если взглянуть на нее в одном ракурсе, то синяя, если смотреть в другом. Чувство загадочности не проходило. Мэндерлийское чувство.

Более сорока черных поселились здесь в самом начале столетия и какое-то время тут жили, если верить Мэри Хингерман (и «Истории округа Касл и Касл-Рока», увесистому тому, изданному в 1977 году, когда округ праздновал сотую годовщину своего существования). Неординарных черных: в большинстве своем родственники, чуть ли не все талантливые, многие входили в состав музыкального ансамбля, который сначала назывался «Ред-топ бойз», а потом «Сара Тидуэлл и Ред-топ бойз». Они купили луг и приличных размеров участок на берегу у некоего Дугласа Дэя. Деньги собирались в тече-

ние десяти лет, если верить Сынку Тидуэллу, который заведовал финансами коллектива (в «Ред-топ» Сынок играл на гитаре).

Местные заволновались, даже устроили митинг протеста, требуя «прогнать черных, налетевших ордой». Но постепенно все утряслось, как обычно и бывает. Лачуги (чего особо боялись местные) на Холме Дзя (так назывался луг Тидуэлл в 1900 году, до того как его от лица всего клана купил Сынок Тидуэлл) так и не появились. Зато возник ряд аккуратных, выкрашенных белой краской домиков, окруживших здание побольше, предназначенное для собраний, репетиций, а может, и концертов.

«Сара и Ред-топ бойз» (иной раз среди них попадалась и Ред-топ герл, состав ансамбля менялся на каждом выступлении) гастролировали по западному Мэну больше года, почти что два. Во всех городах Западной линии — Фармингтоне, Скоухегане, Бриджтоне, Гейтс-Фоллз, Моттоне, Фрайбурге — можно отыскать их старые афиши. Ансамбль «Сара и Ред-топ бойз» везде встречали на ура, и с жителями Тэ-Эр они тоже ладили, что, впрочем, меня не удивляет. Я не люблю Роберта Фроста* как поэта, но с одним его высказыванием не могу не согласиться: крепкий забор — основа добрососедства. Да, мы можем ворчать и выражать недовольство, но только по свою сторону забора, и это благо. «Они платят по счетам», — говорим мы. «Мне не придется пристрелить их собаку», — говорим мы. «Они не лезут в чужие дела», — говорим мы, как будто изолированность — достоинство. И наконец: «Они не просят милостыни».

И в какой-то момент Сара Тидуэлл стала Сарой-Хохотушкой.

Конечно, сельский район Тэ-Эр-90 не мог стать финальной точкой пути «Сары и Ред-топ бойз», поэтому в конце лета 1901 года, после концертов на одной или

* Фрост, Роберт Ли (1874—1963) — «певец Новой Англии», один из самых читаемых поэтов США.

двух ярмарках округа, клан снялся с места. Аккуратные белые домики семья Дзя каждое лето сдавала в аренду, получая неплохой доход. Но домики сгорели во время большого пожара 1933 года, практически уничтожившего леса на восточном и северном берегах озера. На том и заканчивается история Сары Тидуэлл.

История закончилась, музыка осталась. Музыка пережила Сару.

Я поднялся с камня, на котором сидел, потянулся и зашагал обратно, напевая одну из ее песен.

Глава 12

По пути от луга до дома я старался ни о чем не думать. Мой первый редактор любил говорить, что восемьдесят процентов мыслей, роящихся в голове романиста, не имеют никакого отношения к его работе, но я никогда не верил, что сказанное можно отнести только к писателям. А так называемые возвышенные мысли, мягко говоря, сильно переоцениваются. Когда сталкиваешься с проблемой и возникает необходимость что-то предпринять, я твердо убежден, что наилучшее решение — отойти в сторону и предоставить мальчикам в подвале выполнить положенную им работу. Это тяжелый физический труд, удел синих воротничков, парней, не охваченных профсоюзом, с мощными бицепсами и россыпью татуировок по телу. Действуют они, руководствуясь инстинктом, а к тем, кто находится выше, обращаются за советом лишь в самом крайнем случае.

Когда я попытался позвонить Мэтти Дивоур, меня ждал сюрприз. Насколько я могу судить, не имеющий никакого отношения к призракам. Нажав на кнопку «ON/OFF» на трубке беспроводного телефона, я услышал не длинный гудок, а тишину. Потом, когда я уже успел по-

думать, что оставил трубку не на подставке, а в северной спальне, я понял, что тишина-то не полная. Издалека, словно из глубокого космоса, до меня доносился мужской голос, поющий известный шлягер с ярко выраженным бруклинским акцентом.

Я уже открыл рот, чтобы спросить, кто мне звонит, когда услышал:

— Алле?

В женском голосе слышалось удивление и тревога.

— Мэтти? — В этом сумбуре я даже не подумал о том, что должен обратиться к ней более официально, скажем, миссис Дивоур. Не показалось мне странным и то обстоятельство, что я узнал ее по одному слову, хотя до этого мы разговаривали с ней только раз и очень непродолжительное время. Наверное, мальчики из подвала узнали музыку, что звучала в трубке, и соединились с Кирой.

— Мистер Нунэн? — Удивление только возросло. — Телефон не звонил!

— Должно быть, я снял трубку в тот самый момент, когда проходил сигнал, — ответил я. — Такое случается.

Но как часто? Как часто человек, которому ты собираешься звонить, заканчивает набирать твой номер в тот самый момент, когда ты снимаешь трубку? Возможно, очень часто. Как знать? Телепатия или совпадение? Какая разница? В любом случае возникают мысли о магии. Мой взгляд остановился на стеклянных глазах Бантера, и я подумал: «Действительно, почему бы в нашей жизни не найтись места и магии?»

— Наверное. — По голосу чувствовалось, что она в этом сомневается. — Извините, что звоню вам, не сочтите мой поступок за дерзость. Я знаю, что вашего телефона нет в справочнике.

«Вот из-за этого мучиться угрызениями совести тебе не стоит», — подумал я. Похоже, уже нет такого человека, который не знал бы этот номер. Пожалуй, пора внести его в «Желтые страницы».

— Я взяла его из вашего формуляра в библиотеке, — продолжила она со смущением в голосе. — Я там работаю. — Песня, звучавшая где-то вдали, сменилась другой.

— Все нормально, — заверил я ее. — Особенно если учесть, что я снял трубку, чтобы позвонить вам.

— Мне? Зачем?

— Позвольте пропустить даму вперед.

Она издала нервный смешок.

— Я хотела пригласить вас на обед. Вернее, мы с Киа хотим пригласить вас на обед. Мне следовало сделать это раньше. Вы очень нам помогли. Придете?

— Да, — без запинки ответил я. — Буду вам очень признателен. Тем более что нам есть о чем поговорить. — Последовала долгая пауза. — Мэтти? Вы еще здесь?

— Он вас зацепил, да? Этот ужасный старик. Втянул в эту историю? — Из голоса исчезли все эмоции, он стал тусклым, мертвым.

— Да и нет. Скорее в эту историю меня втянула судьба, или стечение обстоятельств, или Бог. В то утро я оказался на дороге не из-за Макса Дивоура. Я преследовал ускользавший от меня «вилладжбургер».

Она не рассмеялась, но голос слегка ожил, чему я только порадовался. Люди, которые говорят таким мертвым, ничего не выражающим голосом, обычно сильно запуганы. И от ужаса ничего не соображают.

— Я все-таки сожалею, что из-за моих неприятностей досталось и вам.

Хорошо, что мне не придется рассказывать ей по телефону о привлечении к этому делу Джона Сторроу, подумал я. Как бы она не подумала, что я решил добавить ей неприятностей.

— В любом случае я готов приехать к вам. Когда?

— Как насчет сегодняшнего вечера?

— Превосходно.

— Вот и хорошо. Только обедать нам придется рано, чтобы моя девочка не заснула за десертом. Если не возражаете, ждем вас к шести.

— Не опоздаю ни на минуту.

— Киа будет в восторге. Гости у нас — большая редкость.

— Она больше никуда не уходит?

Я испугался, что Мэтти может оскорбиться. Но она рассмеялась.

— Господи, да нет же! Вся эта субботняя суета очень ее напугала. Теперь она подходит ко мне, чтобы сказать, что больше не будет качаться на качелях и поиграет в песочнице. И говорит она только о вас. Вы у нее «тот высокий дядя, который унес меня с дороги». Я думаю, она беспокоится, не сердитесь ли вы на нее.

— Скажите ей, что не сержусь. Нет, не надо. Я скажу ей сам. Мне что-нибудь принести?

— Бутылку вина? — Нотка сомнения. — Это не ребор? Я же собираюсь только поджарить гамбургеры в гриле и сделать картофельный салат.

— Отнюдь. Запить гамбургеры вином — самое оно.

— Спасибо. Я тоже очень рада, что вы приедете. Гости у нас практически не бывают.

Тут я едва не признался ей, что за последние четыре года первый раз собираюсь на встречу с женщиной.

— Благодарю за приглашение.

Отключая связь, я вспомнил, что Джон Сторроу советовал мне встречаться с ней только на людях, чтобы не давать повода для сплетен. Если она будет жарить гамбургеры на мангале, люди увидят, что мы все еще одетые... во всяком случае, большую часть вечера. В какой-то момент она, однако, из вежливости пригласит меня в трейлер. А я, тоже из вежливости, войду. Повосхищаюсь портретом Элвиса на стене, или дешевенькими декоративными тарелками, или чем-то еще, что там у них украшает стены. Потом я позволю Кире показать мне свою спальню, буду ахать и охать над ее плюшевым зоопарком и любимой кухней, если того потребует ситуация. Таковы реалии жизни. Какие-то из них твой адвокат может понять, а какие-то, к сожалению, нет.

— Правильно я все делаю, Бантер? — спросил я лосиное чучело. — Звякни колокольчиком один раз, если да, два — если нет.

Я уже пересекал прихожую, держа курс на северное крыло, предвкушая, как встану под прохладный душ, когда на шее Бантера коротко звякнул колокольчик. Я остановился, напряг слух, ожидая второго звонка. Напрасно. Минуту спустя я двинулся дальше и скоро уже блаженствовал в душе.

Супермаркет «Лейквью» предлагал неплохой выбор вин. Местные вино практически не покупали, а вот среди приезжих оно пользовалось успехом. Я выбрал бутылку красного «мондэви». Дорогого вина, которое подошло бы к более изысканной трапезе, чем гамбургеры и картофельный салат, но я собирался отлепить наклейку с ценой, чтобы не смущать Мэтти. В очереди в основном стояли туристы, в футболках, прилипших к мокрым плавкам или купальникам, с песком на ногах. Медленно продвигаясь к кассе, я разглядывал мелочовку, выложенную на прилавке. Среди прочего там лежали несколько пластиковых мешочков с надписью

МАГНИФИТ

В информационном листке указывалось, что в каждом мешочке два комплекта всех букв алфавита плюс дополнительные гласные. Я взял два мешочка... а потом и третий, решив, что дочка Мэтти Дивоур достаточно взрослая для такого подарка.

Кира, увидев мой «шевроле», въезжающий в заросший сорняками двор, спрыгнула с качелей, метнулась к матери и спряталась за ней. Когда я подходил к жаровне, что стояла у сложенных из шлакоблоков ступенек, ведущих к двери, ребенок, который так бесстрашно болтал

со мной в субботу, едва выглядывал из-за маминой юбки, ухватившись за нее пухлыми ручонками.

Но два часа многое изменили. И когда начали сгущаться сумерки, Кира уже сидела у меня на коленях в маленькой гостиной трейлера и, мужественно борясь со сном, внимательно слушала историю Золушки. Диван, на котором мы расположились, наверняка был куплен в магазине уцененных товаров, но в целом мои предположения о внутреннем убранстве трейлера не подтвердились. На одной стене висела репродукция картины Эдуарда Хоппера, на другой, над пластмассовым столиком — «Подсолнухи» Винсента Ван Гога. Почему-то в трейлере Мэтти Дивоур они очень даже смотрелись.

— Хьюстальная туфелька пойезет ей нозку, — врезалась Ки в мое монотонное чтение.

— Никогда, — возразил я. — Хрусталь для туфелек изготавливался в королевстве Гримуа. Гладкий и очень прочный. Но он рассыпался в прах, если обладательница туфелек начинала визжать.

— А мне такие купят?

— К сожалению, нет, Ки. Теперь никто не знает, как делать хрусталь для туфелек. Он утерян безвозвратно, как толедская сталь. — За день воздух в трейлере сильно прогрелся, да и Ки прижималась ко мне жарким тельцем, но я не жаловался. Приятно, знаете ли, сидеть с ребенком на коленях. Во дворе ее мать что-то напевала, собирая посуду с карточного столика, за которым мы обедали. Ее пение еще больше поднимало мне настроение.

— Дальше, дальше! — Кира тыкала пальцем в Золушку, моющую пол. Маленькая девочка, испуганно выглядывающая из-за ноги матери, исчезла; сердитая собеседница, твердо решившая попасть в субботу на пляж, исчезла; у меня на коленях сидела сонная кроха, умница и красавица. — А то я засну.

— А ты не хочешь пи-пи?

— Нет. — Она недовольно посмотрела на меня. — Я узе. Читай быстее, а то я не успею дослушать.

— Я попробую, — пообещал я и перевернул страницу. Теперь Золушка, добрая душа, махала рукой, провожая на бал своих зловредных сестриц, одетых, словно старлетки в дискотеке. — Как только Золушка попрощалась с Тамми Фей и Вэнной...

— Так звали сестей?

— Я их так назвал. Не возражаешь?

— Нет. — Она устроилась поудобнее, положив голову мне на грудь.

— Как только Золушка попрощалась с Тамми Фей и Вэнной, в углу кухни вспыхнул яркий свет. И прямо из него выступила красивая женщина в серебристом платье. Драгоценные камни в ее волосах сверкали как звезды.

— Фей-кьёсная, — буднично прокомментировала Кира.

— Да.

Мэтти вошла с бутылкой «мондэви» (мы выпили только половину) и почерневшей решеткой, на которой жарились гамбургеры. На ней было ярко-красное летнее платье и белоснежные кроссовки. Конечно, в загородном клубе в таком наряде появляться не стоило, но в трейлере она смотрелась великолепно. Она поглядела на Киру, потом на меня, выразительно вскинула брови, показала руками, не пора ли девочке бай-бай. Я покачал головой, полагая, что еще рано.

И продолжил чтение, пока Мэтти оттирала решетку от сажи. И все напевала себе под нос. Когда же она закончила с решеткой, я увидел, что у Киры уже закрываются глазки. Положил «Золотую сокровищницу сказок» на кофейный столик, рядом с двумя книжками, которые, должно быть, читала Мэтти. Поднял глаза, увидел, что она смотрит на меня из ниши-кухни, и победно вскинул руку.

— Нунэн, победа в восьмом раунде техническим нокаутом.

Мэтти вытерла руки полотенцем, подошла к нам.

— Дайте ее мне.

Но я поднялся с Кирой на руках.

— Я отнесу. Скажите куда.

Она указала:

— Налево.

По узкому коридорчику (мне пришлось идти боком, чтобы не стукнуть ее ножки об одну стену, а головку — о другую) я протиснулся к двери в левой стене. Коридорчик упирался в безукоризненно чистую ванную. Закрывая дверь в правой стене вела, по моим предположениям, в спальню, которую Мэтти раньше делила с Лэнсом Дивоуром и где теперь спала одна. Если же в трейлере и случалось бывать бойфренду, стараниями Мэтти его присутствие ничем не давало себя знать.

В левой комнатухе я увидел маленькую кроватку, застеленную покрывалом с розочками, столик, на котором стоял кукольный домик, картинку Изумрудного города на стене. Вторую стену украшала надпись

CASA KYRA*

Большие яркие буквы. Дивоур хотел забрать ее отсюда, увезти из старого трейлера, поселить в другом месте, как он полагал, идеальном для девочки. Однако ей было очень неплохо и здесь, в маленькой комнатке с громким названием

CASA KYRA

— Положите ее на кровать и налейте себе стакан вина, — предложила Мэтти. — Я только переодену ее в пижаму и присоединюсь к вам. Я знаю, нам есть о чем поговорить.

— Хорошо. — Я положил Киру и наклонился, чтобы поцеловать ее в нос. Уже подумал было, что не стоит, но все-таки поцеловал. Когда я уходил из комнатки, Мэтти улыбалась. Значит, я все сделал правильно.

* Дом Киры (исп.).

Я плеснул в стакан вина, прошел в гостиную, сел на диван, посмотрел на книги, что лежали рядом со сказками Киры. Мне всегда любопытно, что читают люди. По книгам о них можно узнать не меньше, чем по содержимому домашней аптечки. Только рыться в лекарствах хозяина всегда считалось дурным тоном.

Книги настолько разнились, что возникло подозрение, а не шизоид ли тот, кто их читает. Одна, карманного формата, принадлежала перу Ричарда Норта Паттерсона. «Молчаливый свидетель». Судя по закладке — игровой карте, — Мэтти уже прочитала три четверти книги. Я отметил ее хороший вкус. Демилль и Паттерсон, пожалуй, лучшие из нынешних популярных авторов. Под ней лежал увесистый том в переплете: «Избранные рассказы Германа Мелвилла». Уж кто не сочетался с Ричардом Нортом Паттерсоном, так это Герман Мелвилл. Согласно лиловой печати, книгу эту Мэтти взяла в библиотеке «Фор-лейкс-коммунити». Красивое каменное здание, в котором располагалась библиотека, находилось в пяти милях к югу от озера Темный След, где Шестьдесят восьмое шоссе покидало Тэ-Эр и переходило в Моттон. Похоже, там Мэтти и работала. Я открыл книгу на странице, где лежала закладка, еще одна игральная карта. «Бартлби».

— Странную пару вы выбрали для чтения, — заметил я, положив книги на место.

— Паттерсона я читаю для удовольствия.

Мэтти зашла на кухню, быстро глянула на бутылку вина (я понял, что она не отказалась бы еще от стаканчика), потом открыла холодильник, достала кувшин с «кул-эйдом». На передней панели холодильника ее дочь уже выложила из букв-магнитов:

КИ, МЭТТИ И ХОХО

(как я понимаю, подразумевался Санта-Клаус).

— Наверное, я обе книги читаю для удовольствия, но наш литературный кружок собирается обсудить «Бартлби». Мы собираемся в библиотеке по четвергам. А мне еще осталось прочесть десять страниц.

— Читательский клуб?

— Да. Его возглавляет миссис Бриггс. Кружок этот она организовала задолго до моего рождения. В «Форлейкс» она — старший библиотекарь.

— Я знаю. Линди Бриггс — сестра жены моего соседа.

Мэтти улыбнулась.

— Мир тесен, не так ли?

— Нет, мир широк и огромен, но городок мал.

Она хотела продолжить разговор, прислонившись к столу за спиной, но передумала.

— Почему бы нам не посидеть во дворе? Тогда любой, кто проедет мимо, увидит, что мы по-прежнему одеты и ничем таким не занимаемся.

Я в изумлении вытаращился на нее. Она чуть улыбнулась. Циничной такой улыбкой, которая совсем ей не шла.

— Мне только двадцать один год, но дурой я себя не считаю. Он наблюдает за мной. Я это знаю, да и вы скорее всего тоже. В другой вечер я бы подумала, да ну и хрен с ним, но во дворе куда как прохладнее, а дым от жаровни будет отгонять комаров. Я вас шокировала? Если так, извините.

— Да нет же. — Если и шокировала, то чуть-чуть. — Извиняться вам не за что.

Со стаканами в руках мы спустились по ступеням из шлакоблоков и бок о бок сели в пластиковые кресла. Слева от нас в жаровне краснели угли, над ними поднимался дымок. Мэтти откинула голову, прикоснулась ко лбу запотевшим стаканом, потом осушила его на три четверти. Звякнули кубики льда. Вокруг стрекотали цикады. Далеко впереди, на Шестьдесят восьмом шоссе, сияла белыми флуоресцентными лампами вывеска

«Лейквью дженерэл». Покой и умиротворенность охватили меня. Это дешевое кресло я бы не променял ни на какое другое. Давно уже я так хорошо не проводил вечер... Но еще предстоял разговор о Джоне Сторроу.

— Я рада, что вы приехали во вторник, — прервала Мэтти затянувшуюся паузу. — Вторничные вечера особенно тяжелы для меня. Я всегда думаю об игре, которая идет в «Уэррингтоне». Сейчас мальчишки как раз готовятся выйти на площадку. Допивают пиво, докуривают сигареты. Именно там я познакомилась со своим мужем. Я уверена, что вам уже все рассказали.

В темноте я не слишком отчетливо видел ее лицо, но уловил в голосе оттенок горечи и понял, что на лице у нее все то же слегка циничное выражение. Она еще слишком молода для такой улыбки, подумал я, но надо бы ей быть настороже, а не то улыбка эта так и приклеится к ее лицу.

— Я слышал версию Билла... мужа сестры Линди.

— А, да, наша история у всех на языке. Вам расскажут о нас в супермаркете, в «Деревенском кафе», в автомастерской этого старого болтуна... которого мой свекор, между прочим, спас от «Уэстерн сейвингс». Если б не он, банк забрал бы мастерскую за долги. А теперь Дикки Брукс и его дружки не видят различия между Максом Дивоуром и Господом Богом. Я уверена, что версия мистера Дина оказалась более объективной, чем та, что с вами поделились бы в автомастерской. Иначе вы не ели бы гамбургеры в обществе Иезавели*.

Я хотел перевести разговор на другое: злилась она справедливо, но напрасно. Разумеется, я это видел яснее, чем она: на карте стояла судьба ее ребенка — не моего.

— В «Уэррингтоне» все еще играют в софтбол? Даже после того, как его купил Дивоур?

— Конечно. Он каждый вторник подъезжает к площадке на своем моторизированном кресле и наблюдает

* Иезавель — библейская царица. В переносном смысле — распутная и безбожная женщина.

за игрой. После возвращения он много чего сделал, чтобы расположить к себе местное население, но, думаю, что софтбол ему действительно нравится. С ним, естественно, приходит и эта Уитмор. Привозит на тележке запасную кислородную подушку и рукавицу полевого игрока, на случай если мяч случайно отлетит к ним. В начале сезона, я слышала, он таки поймал мяч. Игроки и зрители аж рты пооткрывали.

— Софтбол напоминает ему о сыне, да?

Мэтти мрачно усмехнулась:

— Не думаю, что он вообще вспоминает о Лэнсе. Во всяком случае, когда следит за игрой. В «Уэррингтоне» играют жестко, да еще орут друг на друга, если кто-то допускает ошибку. Такие зрелища Макс Дивоур обожает, поэтому и не пропускает ни одной игры. Особенно он любит, если кто-то расшибается в кровь.

— Лэнс тоже так играл?

Она обдумала мой вопрос.

— Он играл жестко, но не стремился к победе любой ценой. Прежде всего он видел в игре развлечение. Как и все мы. Это я про женщин. Вернее, девушек. Синди, жене Барри Терролта, было всего шестнадцать. Мы стояли на уровне первой базы, подбадривали наших парней, если им удавался удачный маневр, смеялись, когда они совершали ошибку. Пили пепси или пиво, курили. Я восхищалась близнецами Элен Джири, а она целовала Ки шейку под подбородком, пока малышка не начинала смеяться. Иногда мы отправлялись в «Деревенское кафе», и Бадди готовил для нас пиццу, а платили проигравшие. После игры все вновь становились друзьями. Смеялись, кричали, подначивали друг друга, но никто не злился. Вся злость оставалась на поле. А знаете, что теперь? Никто из них не заглядывает ко мне. Даже Элен Джири, когда-то моя закадычная подруга. Не заходит и Ричи Лэттимор, лучший друг Лэнса. А ведь раньше они часами говорили о камнях, птицах, деревьях, которые росли

на другом берегу озера. Они приходили на похороны, какое-то время не забывали меня... а потом как отрезало. Вы понимаете? Когда я была ребенком, у нас пересох колодец. Воды насос накачивал все меньше и наконец погнал один воздух. Только воздух. — От цинизма не осталось и следа, в голосе слышалась лишь обида. — Я видела Элен на Рождество, и она пообещала пригласить меня на день рождения близнецов, но не пригласила. Я думаю, она боится приближаться ко мне.

— Из-за старика?

— Естественно. Но ничего, жизнь продолжается. — Мэтти допила «кул-эйд» и поставила стакан. — А как насчет вас, Майк? Вернулись сюда, чтобы написать книгу? Вы собираетесь дать название Тэ-Эр? — Разговоры об этом шли с той поры, как мы купили «Сару-Хохотушку». Местным очень хотелось, чтобы я, как-никак известный писатель, придумал звучное название их городку.

— Нет, — ответил я, а потом, неожиданно для себя, добавил: — Я этим больше не занимаюсь.

Наверное, я ожидал, что она вскочит с протестующим криком, отбросит назад пластиковое кресло. Такие мысли многое говорят обо мне, причем характеризуют отнюдь не с лучшей стороны.

— Вы ушли на пенсию? — спокойно спросила она. — Или все дело в писательском психологическом барьере?

— Разумеется, о добровольном уходе на пенсию нет и речи. — Разговор принял довольно-таки забавный оборот. Я приехал к ней, чтобы предложить ей воспользоваться услугами Джона Сторроу — если потребуется, навязать ей услуги Джона Сторроу, — а вместо этого впервые начал обсуждать мою неспособность работать. Раньше я ни с кем об этом не говорил.

— Значит, барьер.

— Раньше я тоже так думал, но теперь не уверен. Я подозреваю, что у каждого романиста есть определен-

ный запас идей. Они как бы встроены в его сознание. А когда они заканчиваются, новым взяться неоткуда.

— Я в этом сомневаюсь, — не согласилась со мной Мэтти. — Может, теперь, приехав сюда, вы сможете писать? Может, этим и вызван ваш приезд?

— Возможно, вы правы.

— Вам страшно?

— Иногда. Главным образом потому, что я не знаю, как жить дальше. Собирать модели кораблей в бутылках не по мне, а в огороде возилась моя жена.

— Мне тоже страшно. Очень. И страх не отпускает меня ни на секунду.

— Вы боитесь, что он выиграет судебный процесс? Мэтти, именно поэтому...

— Судебный процесс — это еще не все. Мне страшно оттого, что я здесь, в Тэ-Эр. И началось все в начале этого лета, уже после того, как я узнала, что Дивоур хочет отнять у меня Ки. И страх мой усиливается. Знаете, как бывает, когда видишь, как собираются над Нью-Хемпширом грозовые облака, а потом начинают надвигаться на озеро. Не могу найти лучшего сравнения... — Она положила ногу на ногу. — В последнее время я несколько раз просыпалась в полной уверенности, что в спальне я не одна. Однажды мне показалось, будто кто-то лежит в моей постели. Иногда я вроде бы слышу чей-то шепот, плач. Две недели назад, вечером, я испекла пирог и забыла убрать муку. Наутро я нашла банку перевернутой. А на рассыпавшейся по столу муке кто-то вывел «привет». Я думала, это Ки, но она сказала, что этого не делала. И потом, писать она может только печатными буквами... Майк, вы не думаете, что он посылает кого-то, чтобы напугать меня? Или все это глупости?

— Не знаю. — Я думал об ударах по плитам гидроизоляции в темноте подвала. Я думал о том же слове «привет», собранном из магнитов на передней панели холодильника. Я думал о ребенке, плачущем в ночи.

У меня похолодела кожа. Не просто похолодела — онемела. Так бывает, когда нечто из потустороннего мира проникает в твой дом и касается твоего загривка.

— Может, это призраки? — Она нерешительно улыбнулась, и в ее улыбке было больше страха, чем веселья.

Я открыл было рот, чтобы рассказать о том, что происходило в «Саре-Хохотушке», но тут же закрыл. Потому что передо мной встала дилемма: или обсуждать паранормальные явления, или вернуться в реальность. В которой Макс Дивоур пытался заграбастать свою внучку.

— Почему бы и нет?

— Жаль, что я не вижу вашего лица. Вы ведь хотите мне что-то сказать. Что?

— Честно говоря, сейчас я хотел бы поговорить с вами о Кире. Идет?

— Идет.

Вот свете угляй жаровни я видел, что она вся сжалась, словно готовясь принять удар.

— Меня повесткой вызвали в Касл-Рок. В пятницу я должен дать показания. Элмеру Дарджину, он — Кирилл опекун *ad litem*...

— Этот маленький жабенок для Ки — никто! — взорвалась Мэтти. — Он — марионетка моего свекра, точно так же, как и Дикки Огуд, который оформляет все его сделки по недвижимости! Дикки и Элмер Дарджин раньше пили вместе в «Веселом тигре», до того как началась подготовка судебного процесса. Потом кто-то им сказал, что эти пьянки могут быть истолкованы не в пользу Дивоура, и они там больше не появляются.

— Вручил мне повестку помощник шерифа Джордж Футмен.

— Еще один его прислужник. — Мэтти обреченно вздохнула. — Дикки Огуд — змея, а Джордж Футмен — злобный дворовый пес. Его дважды чуть не выгнали из полиции. Еще раз, и он будет работать только на Макса Дивоура.

— Он меня напугал. Я старался этого не показывать, но напугал. А когда меня пугают, я начинаю злиться. Я позвонил моему агенту в Нью-Йорк, а потом нанял адвоката. Который специализируется на процессах об опеке.

Я старался понять, как она восприняла мои слова, но ничего у меня не вышло, хотя мы сидели совсем рядом. Она сидела в той же позе — женщина, готовая выдержать тяжелые удары. А может, Мэтти их уже выдерживала.

Медленно, не позволяя себе спешить, я пересказал ей разговор с Джоном Сторроу. Выделил его слова о равенстве полов. Подчеркнул, что в данном случае это обстоятельство играет против нее: судье Рэнкорту будет проще передать Киру Дивоуру. Сделал я упор и на то, что Дивоур способен нанять целую толпу адвокатов, не говоря уж о свидетелях, которые за деньги, полученные от Осгуда, постараются облить ее грязью. А в конце я упомянул о том, что завтра, в одиннадцать утра, Джон хочет поговорить с кем-то из нас, и, по его мнению, будет лучше, если позвонит ему она. Потом я замолчал. Пауза длилась, нарушаемая только стрекотом цикад да доносящимся издали ревом мотора. На Шестьдесят восьмой дороге погасла вывеска «Лейквью дженерэл»: закончился еще один торговый день. Мне не нравилось молчание Мэтти. Я опасался, что приведет оно к взрыву негодования. К праведному гневу янки. Но мне оставалось лишь ждать, когда она таки спросит, кто дал мне право вмешиваться в ее дела.

Однако когда она заговорила, в голосе слышались усталость и обреченность. У меня даже защемило сердце. Но я твердо решил довести дело до конца. «Это суровый мир, Мэтти, — хотелось сказать мне ей, — так что поблажек от меня не жди».

— Зачем вы это делаете? — спросила она. — Зачем вы наняли дорогого нью-йоркского адвоката, чтобы он

защищал мои интересы? Вы ведь это предлагаете, не так ли? Речь идет об этом, потому что я нанять его не смогу. После смерти Лэнса я получила тридцать тысяч долларов страховки, и в этом мне повезло. Его застраховал один из его приятелей по «Уэррингтону», чуть ли не в шутку, но, если бы не страховка, прошлой зимой я лишилась бы трейлера. В «Уэстерн сейвингс» могут вникнуть в проблемы Дикки Брукса, но на Мэтти Стенчфилд Дивоур им наплевать. В библиотеке, после вычета налогов, я получаю сто долларов в неделю. Значит, вы предлагаете оплатить услуги адвоката. Так?

— Так.

— Почему? Вы ведь нас даже не знаете.

— Потому что...

Я замолчал. Помнится, мне хотелось, чтобы Джо в тот момент пришла ко мне на помощь. Я попытался вызвать из подсознания ее голос, чтобы она подсказала мне правильные слова, которые я озвучил бы и выдал за свои. Но Джо молчала. И мне пришлось отдуваться одному.

— Потому что теперь я не живу, а существую, — наконец проговорил я, и эти слова поразили меня самого. — И я вас знаю! Я ел вашу еду, я читал Ки сказки, она заснула у меня на руках... и, может, я спас ее жизнь, когда унес с шоссе. Точно мы никогда этого не узнаем, но, возможно, спас. Вы знаете, что говорили по этому поводу древние китайцы?

Я не ожидал услышать ответ, вопрос был скорее риторический, но Мэтти меня удивила. Причем не в последний раз.

— Если ты спасаешь чью-то жизнь, то берешь на себя ответственность за этого человека.

— Все так, но, думаю, дело в том, что мне надоело просто существовать, хочется что-то сделать. Я оглядываюсь на четыре года, прожитые после смерти жены, и вижу пустоту. Я не написал даже книги, в которой

стенографистка Марджори встречает прекрасного незнакомца.

Она обдумывала мои слова, провожая взглядом громадный трейлер, который с ревом промчался по шоссе, заливая пустынную дорогу ярким светом фар.

— Только не «болейте» за нас. — В голосе звучала сдерживаемая ярость. — На «болейте» за нас, как раз в неделю «болеет» он за свою команду. Мне нужна помощь, и я это знаю, но не могу ее принять. Просто не могу. Мы — не команда, Ки и я. Понимаете?

— Прекрасно понимаю.

— Вы ведь знаете, что скажут в городе, так?

— Да.

— Я — очень удачливая, правда? Сначала я вышла замуж за сына очень богатого человека, а после его смерти меня взял под свое крылышко другой богатый человек. И теперь мне осталось только выйти замуж за Дональда Трампа.

— Перестаньте.

— Я бы сама в это поверила, если б была в другом лагере. Но я постоянно задаюсь вопросом: а замечает ли кто-нибудь, что удачливая Мэтти по-прежнему живет в ржавом трейлере и не может позволить себе медицинской страховки? А ее ребенку делают прививки за счет благотворительного фонда. Мои родители умерли, когда мне еще не исполнилось шестнадцати. У меня есть еще брат и сестра, но они гораздо старше меня и живут в других штатах. Родители мои крепко выпивали. Не дрались, не били меня... Пьяницы бывают разные. Отец водил тяжелый грузовик. Мать держала в подвале парикмахерскую. И мечтала о розовом, а-ля «Мэри Кей»*, «кадиллаке». Он утонул в Кевадин-понд. Она захлебнулась в собственной блевотине шестью месяцами позже. Как вам это нравится?

* Компания, производящая парфюмерию и косметику. Фирменный цвет — розовый.

— Не очень. Мне очень жаль, что все так вышло.

— После похорон матери мой брат, Хью, предложил мне поехать к нему, в Род-Айленд, но я видела, что его жена не в восторге от такой перспективы, и я ее не виню. С пятнадцатилетней девчонкой она хлебнула бы проблем. Опять же меня только что выбрали капитаном группы поддержки школьной футбольной команды. Теперь-то понятно, какая это ерунда, но тогда я этим очень гордилась.

Разумеется, гордилась. О чем еще могла мечтать дочь алкоголиков? Учитывая, что с родителями она жила одна. И видела, как прогрессирует болезнь, мало-помалу лишая их человеческого облика.

— Я перебралась к тете Флоренс, которая жила в двух милях от нас. Нам хватило трех недель, чтобы понять, что мы совсем не любим друг друга, но два года мы уживались под одной крышей. Потом, на каникулах перед последним годом учебы в средней школе, я устроилась на работу в «Уэррингтон» и встретила Лэнса. Когда он предложил мне выйти за него замуж, тетя Фло отказалась дать свое согласие. А когда я сказала ей, что беременна, она отказалась от прав опекуна, так что ее согласие мне больше не требовалось.

— Вы бросили школу?

Он скорчила гримаску, кивнула.

— Я не хотела, чтобы шесть месяцев одноклассники смотрели, как я раздуваюсь, словно воздушный шар. Лэнс меня поддержал. Сказал, что я могу сдать экзамены экстерном. В прошлом году я их сдала. Без труда. А теперь мы с Ки предоставлены самим себе. Даже если моя тетя согласится мне помочь, что она может сделать? Она работает на швейной фабрике в Касл-Роке и получает примерно шестнадцать тысяч долларов в год.

Я кивнул, подумав о том, что примерно столько же получал раз в квартал за переиздания моих книг на французском. И тут я вспомнил слова Ки, сказанные в день нашей встречи.

— Когда я уносил Ки на обочину, она сказала, что уйдет к седой нанни, если вы будете на нее сердиться. Если ваши родители умерли, кого она имела... — Только я мог и не спрашивать: мне вполне хватало ума, чтобы сложить два и два. — Седая нанни — Роджетт Уитмор? Секретарь Дивоура? Но это означает...

— Что Ки бывала у них? Конечно, бывала. Еще месяц назад я довольно часто разрешала ей навещать своего деда, соответственно и Роджетт. Раз или два в неделю она оставалась у них и на ночь. Ки нравится ее «седой паппи», во всяком случае, сначала нравился, а от этой жуткой женщины она просто без ума.

Мне показалось, что по телу Мэтти пробежала дрожь, хотя ночь выдалась теплая.

— Дивоур позвонил сказать, что приедет на похороны сына, и спросил, сможет ли он повидаться с внучкой. Вежливый, обходительный, словно и не пытался откупиться от меня с того самого момента, как Лэнс сказал ему, что мы собираемся пожениться.

— А он пытался?

— Еще бы. Поначалу предложил сто тысяч долларов. В августе 1994-го, сразу после того как Лэнс сообщил ему, что мы поженемся в середине сентября.

— За что?

— Мне предлагалось отстать от его мальчика и уехать в неизвестном направлении, не оставив адреса. Я рассказала об этом Лэнсу, и он чуть не выпрыгнул из штанов. Позвонил своему старику и заявил, что мы все равно поженемся, нравится ему это или нет. Сказал, что ему лучше бы вести себя как положено, если он хочет увидеть своих внуков.

Будь у Лэнса Дивоура другой отец, подумал я, можно было бы сказать, что он отреагировал адекватно. Я, во всяком случае, проникся к нему уважением. Да только он имел дело с человеком, который в детстве украл новый снежокат Скутера Ларриби.

— Эти предложения я получала непосредственно от Дивоура, по телефону. В отсутствие Лэнса. Потом, за десять дней до свадьбы, ко мне пожаловал Дикки Осгуд. Мне предлагалось позвонить по телефону — номер он мне продиктовал — в Делавэр, а когда я позвоню... — Мэтти покачала головой. — Вы не поверите. Такое возможно только в книгах.

— Могу высказать догадку?

— Попробуйте.

— Он попытался купить ребенка. Купить у вас Киру.

Ее глаза широко раскрылись. Луна уже поднялась, так что изумление, отразившееся на ее лице, не укрылось от меня.

— Сколько? — спросил я. — Мне любопытно. Сколько он предложил вам за то, что вы родите ребенка, оставите его Лэнсу и исчезнете?

— Два миллиона долларов, — прошептала Мэтти. — Положенные в любой банк по моему выбору, к западу от Миссисипи. При условии, что я подпишу договор, согласно которому буду держаться подальше от нее... и Лэнса... до апреля две тысячи шестнадцатого года.

— То есть пока Кире не исполнится двадцать один.

— Да.

— А поскольку Осгуд не знал никаких подробностей, репутация Дивоура в городе не пострадала бы.

— Точно. И двумя миллионами дело не ограничивалось. Я получала бы по миллиону на пятый, десятый, пятнадцатый и двадцатый дни рождения Киры. — Она покачала головой, словно не верила только что произнесенным словам. — На кухне вздувается линолеум, с душа падает лейка, этот чертов трейлер скоро проржавеет насквозь, но я могла бы иметь шесть миллионов долларов.

А ты рассматривала это предложение всерьез, Мэтти?..

Хотел я задать этот вопрос, но счел подобное любопытство неприличным.

— Вы сказали Лэнсу?

— Пыталась не говорить. Он и так злился на отца, и мне не хотелось еще больше обострять их отношения. Я не хотела, чтобы наша семейная жизнь начиналась с ненависти, пусть для нее и были основания... не хотела, чтобы Лэнс... потом... вы понимаете... — Она вскинула руки и уронила их на колени. Она показалась мне такой беззащитной.

— Вы не хотели, чтобы через десять лет Лэнс сказал вам: «Ты, сука, испортила мне отношения с отцом».

— Примерно так. Но в конце концов меня прорвало. Наверное, иначе и быть не могло. Выросла я в бедной семье, первые колготки появились у меня в одиннадцать, до тринадцати я заплетала косу или носила конский хвост, думала, что штат Нью-Йорк и город Нью-Йорк — это одно и то же... а этот человек... отец Лэнса, которого я никогда не видела... предложил мне шесть миллионов. Я ужасно боялась. Мне снилось, что ночью он приходит ко мне в образе тролля и выкрадывает моего ребенка. Он проскальзывал в окно, как змея...

— Безусловно, таща за собой кислородную маску.

Мэтти улыбнулась:

— Тогда я ничего не знала про кислород. И про Роджетт Уитмор. Я лишь хочу сказать, что мне было всего семнадцать и я не умела хранить тайны. — При этих словах мне пришлось скрыть улыбку: она произнесла их таким тоном, будто десятилетия разделяли ту наивную девушку и эту женщину, экстерном закончившую школу.

— Лэнс разозлился.

— Так разозлился, что не стал звонить, а отправил письмо электронной почтой. Вы же знаете, он заикался, а при волнении заикание только усиливалось. Поэтому телефонного разговора не получилось бы.

Вот теперь я мог представить себе полную картину. Лэнс Дивоур написал отцу немыслимое письмо, немыслимое с точки зрения такого человека, как Макс Дивоур. В письме говорилось, что Лэнс больше не желает знать-

ся с отцом, и Мэтти, естественно, тоже. Поэтому в их доме (конечно, трейлер фирмы «Модейр» — не бревенчатая хижина дровосека из сказки братьев Гримм, но последняя писалась в другое время) он отныне незваный гость. Его не будут ждать на рождение внука (или внучки), а если он пошлет подарок, то его тут же вернут. «И больше не лезь в мою жизнь, папа. На этот раз ты зашел слишком далеко, чтобы я мог тебя простить».

Безусловно, есть способ найти путь к сердцу оскорбленного ребенка. Но путь этот сложный, требующий немалых усилий и такта... но спросите себя: попал бы в такую ситуацию отец, обладающий хоть малейшими дипломатическими способностями? Стал бы тот, кто хоть чуть-чуть разбирается в особенностях человеческого характера, предлагать невесте сына выкуп (столь огромный, что она и представить себе не могла такой суммы) за отказ от своего первенца? Ведь он предлагал свою дьявольскую сделку семнадцатилетней девушке, для которой романтика жизни — не пустой звук. В любом случае Дивоуру следовало немного подождать, прежде чем выходить к ней с окончательным предложением. Вы можете возразить, что он не мог знать, сколько у него в запасе времени, но это не аргумент. Я склонен согласиться с Мэтти: той иссушенной, сморщенной сливой, что служила ему сердцем, Макс Дивоур искренне верил, что будет жить вечно.

И потом, не мог он сдержаться. Вот он, снежок, который он хотел получить, на самом виду, по другую сторону окна. Всего-то делов — разбить стекло и взять снежок. Именно так он поступал всю жизнь и, получив письмо сына, отреагировал не тонко, как положено умудренному опытом мужчине, а импульсивно, как ребенок, разбивающий окно, чтобы добраться до снежка, на который положил глаз. Лэнс не хотел, чтобы он, Макс, вмешивался в его жизнь? Отлично. Макс может жить со своей Замарашкой в трейлере, палатке или амбаре. И хва-

тит ему обследовать леса, получая за это приличные деньги. Пусть ищет настоящую работу. Пусть хлебнет жизни простого люда!

Другими словами: «Ты не можешь отрезать меня от своей жизни, сынок. Потому что я тебя увольняю!»

— На похоронах мы не бросились друг другу в объятия, — продолжила Мэтти. — Такого не было. Но по отношению ко мне он вел себя прилично, чего я не ожидала, и я постаралась ответить ему тем же. Он предложил выплачивать мне ежемесячное пособие, но я отказалась. Боялась, что благодаря этим деньгам он сможет предъявить права на ребенка.

— Я в этом сомневаюсь, но ваша осторожность мне нравится. Что произошло, когда он впервые увидел Киру? Вы помните, Мэтти?

— Не забуду до конца жизни. — Она сунула руку в карман платья, достала смятую пачку, вытряхнула из нее сигарету. Посмотрела на нее с жадностью и одновременно с отвращением. — Я бросила курить, когда Лэнс сказал, что денег на сигареты у нас нет. Я понимала, что он прав. Но привычка вернулась. Я выкуриваю пачку в неделю, хотя очень хорошо знаю, что это слишком много, но иногда мне просто необходимо расслабиться. Составите мне компанию?

Я покачал головой. Она закурила, и в пламени спички я вновь отметил, какая же она красивая. Оставалось только гадать, за кого же принял ее старик.

— Первый раз он встретился с внучкой около похоронного бюро Дейкина в Моттоне. На церемонии прощания. Вы знаете, что это такое?

— Да, — ответил я, думая о Джо.

— Гроб закрыли крышкой, но все равно это называлось прощанием с покойным. Странно. Я вышла на улицу, чтобы выкурить сигарету. Велела Ки сесть на ступеньку у двери, а сама отошла на пару шагов, чтобы она не дышала дымом. И тут к похоронному бюро подкатил

большой серый лимузин. Я такие видела только в кино. И сразу поняла, кто в нем приехал. Убрала сигареты в сумочку, подозвала Ки. Она подошла, взяла меня за руку. Открылась дверца лимузина, из салона первой появилась Роджетт Уитмор. С кислородной маской в руке, но в тот момент маска ему не понадобилась. За Уитмор вылез он. Высокий мужчина. Пониже вас, Майк, но тоже высокий. В сером костюме и черных лакированных туфлях.

Она помолчала. Сигарета поднялась к ее губам, вновь вернулась к ручке кресла — красный светлячок в темноте, чуть разогнанной лунным светом.

— Поначалу он не произнес ни слова. Женщина попыталась взять его за руку и помочь подняться по трем или четырем ступенькам, что отделяли тротуар от площадки перед дверью похоронного бюро, но он ее оттолкнул. Добрался до площадки сам, хотя я слышала, что в груди у него все клокотало. Не знаю, смог бы он осилить эти ступеньки теперь. Тогда они дались ему нелегко, а сейчас прошел год. Он бросил на меня быстрый взгляд, потом наклонился, уперся руками в колени, уставился на Киру. А она смотрела на него.

Да. Такое я мог себе представить... пусть и не в цвете, но и не как фотографию. Скорее как гравюру, иллюстрацию к «Сказкам братьев Гримм». Маленькая девочка с широко раскрытыми глазами смотрит на богатого старика... когда-то мальчика, укравшего снежок, а теперь прожившего большую часть своей жизни... еще один мешок с костями. Перед моим мысленным взором возникла Ки в курточке и шапочке, а из-под съехавшей в сторону маски доброго дедушки Дивоура виднелась волчья пасть. «Какие у тебя большие глаза, дедушка, какой у тебя большой нос, дедушка, и зубы у тебя какие большие».

— Он поднял ее на руки. Не знаю, каких это стоило ему усилий, но поднял. И что удивительно, Ки разрешила ему взять ее на руки. Она видела его впервые, дети обычно боятся стариков, но она разрешила ему взять ее

на руки. «Ты знаешь, кто я?» — спросил он. Она покачала головой, но ее взгляд ясно говорил о том, что она... знала. Как вы думаете, такое возможно?

— Да.

— Он сказал: «Я — твой дедушка». И я буквально выхватила ее из его рук, Майк. Выхватила, потому что у меня возникла безумная мысль... Даже не знаю...

— Вы подумали, что он собирается ее съесть?

Сигарета застыла, не добравшись до ее губ. Глаза округлились.

— Как вы догадались? Как вы могли догадаться?

— Потому что я воспринимаю все это как сказку. Маленькая Красная Шапочка и старый Серый Волк. Так что он сделал?

— Пожирал ее глазами. С тех пор он научил ее играть в шашки, и в «Кэнди ленд», и в домино. Ей только три года, а он уже научил ее сложению и вычитанию. В «Уэррингтоне» у нее своя комната и свой маленький компьютер. Одному Богу известно, что она может на нем делать... Но тогда он только смотрел на нее. И такого голодного взгляда видеть мне не приходилось. А Ки смотрела на него. Длилось это не больше двадцати секунд, но мне показалось, что прошла вечность. Потом он попытался передать ее мне. Старался изо всех сил, но, не будь я рядом, он бы выронил ее. Он покачнулся, и Роджетт Уитмор мгновенно поддержала его. Вот тут он взял кислородную маску, от нее эластичный шланг тянулся к маленькому баллончику, и закрыл ею рот и нос. Пару раз глубоко вдохнул и ожил. Отдал маску Роджетт и впервые по-настоящему посмотрел на меня. «Я вел себя как дурак, не правда ли?» — спросил он. И я ответила: «Да, сэр, думаю, что да». Он так зло на меня глянул. Думаю, будь он на пять лет моложе, врезал бы мне в челюсть.

— Но помолодеть не мог, а потому и не врезал.

— Нет. Сказал: «Я хочу зайти внутрь. Вы мне можете?» Я ответила, что помогу. И мы вошли в здание

похоронного бюро, Роджетт — по одну его руку, я — по другую. Кира ковыляла рядом со мной. Мне казалось, что я — гаремная наложница. Ощущение мне не понравилось. В вестибюле он присел и вновь приложился к кислородной маске. Роджетт тем временем смотрела на Киру. По-моему, у этой женщины пугающее, отталкивающее лицо, оно напоминает мне какую-то картину...

— «Крик»? Кисти Манча?

— Точно. — Она бросила сигарету на землю, докурив практически до фильтра, и раздавила белой кроссовкой. — Но Ки несколько ее не испугалась. Ни тогда, ни потом. Роджетт наклонилась к Кире и спросила: «Какое слово рифмуется со словом дама?» И Кира без запинки ответила: «Рама!» Роджетт полезла в сумочку и достала «Хершис киссес»*. Ки взглянула на меня, словно спрашивая разрешения, и я кивнула: «Только одну и не запачкай платье». Ки сунула конфетку в рот и улыбнулась Роджетт, словно они с давних пор ходили в подругах. Тем временем Дивоур отдышался, но выглядел очень усталым... никогда в жизни я не видела более усталого человека. Он напомнил мне какую-то фразу из Библии, насчет того, что в старости нам жизнь не в радость. И я его пожалела. Наверное, он это почувствовал, потому что взял меня за руку. И попросил: «Не отталкивай меня». В тот момент я увидела в его лице черты Лэнса. Заплакала. Ответила: «Не оттолкну, если вы меня не заставите».

Я видел их в вестибюле похоронного бюро: он сидит, она стоит, маленькая девочка во все глаза смотрит на них, посасывая сладкую «Хершис киссес». Под звуки негромкой органной музыки. Старина Макс показал себя хитрецом и в день прощания с сыном, подумал я. «Не отталкивай меня!» Это же надо!

«Я пытался откупиться от тебя, а когда из этого ничего не вышло, поднял ставки, чтобы купить твоего ре-

* Ненавязчивая реклама этих конфет добралась и до российского телевидения.

бенка. Когда и этот план потерпел неудачу, заявил сыну, что ты, он и моя внучка будете пожинать плоды своего опрометчивого решения. Косвенным образом я виноват в том, что он упал с трейлера и сломал себе шею, но не отталкивай меня, Мэтти. Я всего лишь несчастный старик, поэтому не отталкивай меня».

— Я сглупила, да?

— Вы решили, что он лучше, чем вам казалось. Если полагать это глупостью, Мэтти, в мире ее очень не хватает.

— Сомнения у меня оставались, — продолжила она. — Поэтому я не стала брать его денег, а к октябрю он их мне больше и не предлагал. Но я позволила ему видеться с Кирой. Наверное, рассчитывала, что со временем Кире что-то обломится, но скорее всего я об этом не думала. Основная причина заключалась в том, что по линии отца у девочки оставался только он. Я хотела, чтобы она радовалась общению с дедом. Поначалу все складывалось как нельзя лучше. А потом что-то начало меняться. Я поняла, что Кира уже не так любит своего «седого паппи». Ее отношение к Роджетт оставалось неизменным, но Макс Дивоур начал ее пугать. Я не понимала почему, а она ничего не могла объяснить. Однажды я спросила ее, не трогал ли он ее в некоторых местечках, отчего у нее возникали необычные ощущения. Показала где, но она ответила, что нет. Я ей поверила, но... все-таки он что-то сказал или сделал. В этом я почти уверена.

— А может, причина в том, что его дыхание стало еще более затрудненным, — вставил я. — Одного этого клоткотания достаточно, чтобы напугать ребенка. А может, во время ее пребывания в «Уэррингтоне» у него случился какой-нибудь приступ или припадок. А как он вел себя по отношению к вам, Мэтти?

— Ну... где-то в феврале Линдй Бриггс сказала мне, что приходил Джордж Футмен, чтобы проверить установленные в библиотеке огнетушители и детекторы дыма.

Он также спросил у Линди, не замечены ли в последнее время в мусоре банки из-под пива и бутылки из-под вина. А также бычки от самокруток.

— Другими словами, «косяки».

— Именно. И Дикки Осгуд, как я слышала, навещал моих близких подруг. Поболтать. Порыться в грязи.

— Мог он что-нибудь нарыть?

— По большому счету, слава Богу, нет.

Я надеялся, что она права, и я надеялся, что Джон Сторроу вытянет из нее все, если мне она чего-то недоговаривает.

— Но вы все равно позволяли Ки видеться с ним.

— Я не видела смысла запрещать эти встречи. Думала, что благодаря им он будет тянуть с реализацией своих коварных планов, если они и существовали.

Напрасные надежды, подумал я.

— А потом, весной, у меня появились страхи.

— Страхи? И чего вы боялись?

— Не знаю. — Она достала пачку сигарет, посмотрела на нее, вновь убрала в карман. — Боялась я не из-за того, что мой свекор роется в моем грязном белье. Боялась из-за Ки. Тревога не отпускала меня все то время, что Ки проводила с ним... с ними. Роджетт приезжала на «БМВ», автомобиль она то ли купила, то ли взяла в аренду, а Ки уже сидела на крылечке, поджидая ее. С пакетом с игрушками, если ехала на день, с розовым чемоданчиком «Микки-Маус», если собиралась остаться на ночь. И по возвращении она всегда привозила с собой что-то новое. Мой свекор не отпускал ее без подарка. Прежде чем посадить Ки в машину, Роджетт холодно улыбалась мне и говорила: «Значит, до семи вечера, ужином мы ее покормим» или «Значит, до восьми утра, я привезу ее после завтрака». Я отвечала «хорошо», и тогда Роджетт лезла в сумочку, доставала «Хершис киссес» и протягивала Ки. Затем произносила какое-нибудь слово, которое Ки тут же рифмовала. После чего получала в награду

конфетку — у меня всегда возникали ассоциации с хозяином собаки, поощряющим свою любимицу за правильно выполненную команду, — и они уезжали. И ровно в семь вечера или в восемь утра «БМВ» подкатывал к нашему трейлеру. По этой женщине я могла проверять часы. Но я продолжала волноваться.

— Что им может надоест легальный процесс и они просто украдут ребенка?

Мне представлялось, что это логичное опасение, настолько логичное, что меня удивляло, как могла Мэтти разрешить дочке бывать у старика. В судебных процессах об опеке право владения на девять десятых определяло решение суда. Поэтому, если Мэтти сказала мне правду о своем прошлом и настоящем, слушания могли сильно затянуться даже для такого богача, как мистер Дивоур. Поэтому похищение, возможно, оказалось бы куда более эффективным решением.

— Не только. Я допускала, что такое возможно, но дело не в этом. Я просто боялась. Чего именно — сказать не могу. До сих пор не имею ни малейшего представления. Но каждый вечер, где-нибудь в четверть седьмого, меня начинала бить дрожь, а в голове повторялась одна и та же мысль: «Сегодня эта седая стерва ее не привезет. Сегодня она...»

Я ждал. Пауза затягивалась, и я нарушил ее первым:

— Она — что?

— Я же говорю вам, не знаю. Но с весны я начала бояться за Ки. А к июню я уже не могла выносить этого страха и отменила ее поездки к деду. Кира с тех пор злилась на меня. Я уверена, что ее выходка четвертого июля обусловлена именно этим. Про деда она не вспоминает, но часто задает вопросы: «Мэтти, что сейчас делает седая нанни?» или «Как ты думаешь, понравилось бы седой нанни мое новое платье?» Или подбегает ко мне со словами «петь-лететь, король-пароль» и просит награду.

— Как отреагировал Дивоур?

— Осатанел от ярости. Сначала раз за разом звонил, спрашивая, в чем дело, потом стал угрожать.

— Физически?

— Нет, главным образом судом. Мол, он отнимет ее у меня, покажет всему миру, что я никакая мать, у меня нет ни единого шанса остаться с Ки и единственное, чем я могу хоть немного облегчить свою судьбу, — разрешить ему видеться с внучкой, черт побери!

Я кивнул:

— «Пожалуйста, не отталкивай меня» не вяжется с человеком, который позвонил мне, когда я смотрел фэйерверк, а вот последнее очень даже на него похоже.

— Мне звонил еще Дикки Осгуд и еще кое-кто из местных. Включая Ричи Лэттимора, давнего знакомого Лэнса. Ричи сказал, что я пренебрегаю памятью Лэнса.

— А как насчет Джорджа Футмена?

— Какое-то время он кружил неподалеку. Показывал, что приглядывает за мной. Не звонил, не заезжал. Вы спросили насчет физических угроз. Для меня появление патрульной машины Футмена и есть физическая угроза. Он меня пугает. Но сейчас меня все пугает.

— Несмотря на то что Кира больше не ездит к деду?

— Да. Ощущение... как перед грозой. Словно что-то должно произойти. И ощущение это усиливается с каждым днем.

— Телефон Джона Сторроу, — напомнил я. — Дать его вам?

Она помолчала, глядя на лежащие на коленях руки. Потом вскинула голову, кивнула:

— Да. И позвольте вас поблагодарить. От всего сердца.

Розовый листок с телефонным номером Джона лежал у меня в нагрудном кармане рубашки. Она взялась за него, но не потянула к себе. Наши пальцы соприкасались, а она пристально смотрела на меня. Словно знала о моих мотивах больше, чем я.

— Как я смогу расплатиться с вами? — спросила она, и я понял, что это очень ее волнует.

— Расскажите Сторроу все, что рассказали мне. — Я выпустил листок и поднялся. — Все будет хорошо. А теперь мне пора. Вы мне позвоните после разговора с ним? — Обязательно.

Мы направились к моему автомобилю. У самой дверцы я повернулся к ней. На мгновение подумал, что она сейчас обнимет меня, из чувства благодарности, а уж потом, учитывая наше настроение, все могло пойти по нарастающей, как в хорошей мелодраме. Но ситуация и впрямь сложилась мелодраматическая, прямо-таки сказочная история, в которой схлестнулись добро и зло, а герои лишены нормальной сексуальной жизни.

Но тут на вершине холма, около супермаркета, высветились автомобильные фары и проследовали мимо автомастерской, держа курс на нас, с каждой секундой становясь все ярче. Мэтти отступила на шаг, даже убрала руки за спину, как ребенок, которого застукали за непристойным занятием. Машина проехала мимо, оставив нас в темноте... но настрой исчез, если и был.

— Спасибо за обед, — поблагодарил я Мэтти. — Все было чудесно.

— Спасибо за адвоката, я уверена, он тоже будет чудесным, — ответила она, и мы оба рассмеялись. Атмосфера успокоилась, между нами уже не проскакивали искры. — Знаете, однажды он говорил о вас. Дивоур.

Я удивленно взглянул на нее:

— Я и представить себе не мог, что он знает о моем существовании. Я хочу сказать, до этой истории.

— Знает, будьте уверены. И говорил он о вас, как мне показалось, очень доброжелательно.

— Вы шутите.

— Нет. Он сказал, что ваш прадед и его прадед вместе работали на лесоповале и жили по соседству. Неподалеку от Маринес-Бойда. «Они срали в одну выгребную яму» — так он это высказал. Очаровательно, не правда ли? Он сказал, раз среди потомков двух лесорубов есть миллионеры, значит, вся система работает, как и должна. «Даже

если на это потребовалось три поколения» — вот его слова. В то время я думала, что этим он осуждает Лэнса.

— Глупость какая-то. — Я покачал головой. — Моя семья с побережья. Праутс-Нек. Мой отец рыбачил, так же как и его отец. И мой прадед тоже. Они вытаскивали лобстеров и забрасывали сети, но не рубили деревья. — Я не грешил против истины, однако чувствовал, что чего-то не учитываю. Из глубин памяти никак не могло вырваться воспоминание, напрямую связанное с ее рассказом. Оставалось надеяться, что утро вечера мудренее и завтра мне все откроется.

— Может, он говорил о семье вашей жены?

— Нет. Арлены есть и в Мэне, это большая семья, но в основном они живут в Массачусетсе. Сейчас кого только среди них нет, но в конце восьмидесятых годов прошлого столетия практически все они работали в каменоломнях Молден-Линна. Дивоур подшутил над вами, Мэтти. — Но и тогда я знал, что это не так. Возможно, он где-то в чем-то ошибся, в восемьдесят пять многое может путаться, но уж в шутники Макса Дивоура записывать не следовало. Перед моим мысленным взором возникли невидимые кабели, протянувшиеся здесь, в Тэ-Эр, под поверхностью земли, во всех направлениях. Невидимые, но под высоким напряжением.

Моя рука лежала на крыше автомобиля, и тут Мэтти коснулась ее своей.

— Прежде чем вы уедете, позвольте задать вам один вопрос. Предупреждаю, очень глупый.

— Валяйте. Глупые вопросы — это по моей части.

— Вот этот рассказ, «Бартлби». О чем он? Почему Мелвилл написал его?

Я уж хотел рассмеяться, но лунного света хватило для того, что я разглядел ее лицо и понял, что вопрос задан серьезно. А потому мой смех бы ее обидел. Она входила в читательский кружок Линди Бриггс (в восьмидесятых я как-то там выступал), все остальные члены кружка были

старше ее как минимум на двадцать лет, и она боялась ляпнуть какую-нибудь глупость.

— Я должна выступить на следующем заседании, и мне не хотелось бы ограничиться только пересказом, чтобы все поняли, что рассказ я прочитала. Я бьюсь над вопросами, которые задала вам, и не могу найти ответа. Я сомневаюсь, что этот рассказ из тех, в которых каким-то чудом все становится ясно на последних страницах. И при этом меня не оставляет ощущение, что ответ лежит на самой поверхности, но почему-то я не могу его увидеть.

Тут я вновь подумал о кабелях, кабелях, бегущих во всех направлениях, некой подземной сети-паутине, соединяющей людей и дома, деревни, города. Человек не может увидеть эти кабели, но чувствует их присутствие. Особенно если старается вырваться из этой паутины.

А Мэтти ждала, глядя на меня с надеждой и тревогой.

— Хорошо, слушайте внимательно, лекция начинается.

— Я слушаю. Будьте уверены.

— Большинство критиков сходится в том, что «Гекльберри Финн» — первый современный американский роман, и это справедливо, но, будь «Бартлби» на сто страниц длиннее, я думаю, что поставил бы все мои деньги на него. Вы знаете, кто такой писец?

— Секретарь?

— Высоко взяли: У писца только одна функция — переписывать бумаги. Вроде Боба Крэтшита в «Рождественской песни». Только Диккенс дает Крэтшиту и прошлое, и семейную жизнь. А вот Мелвилл лишает Бартлби всего. Бартлби — первый персонаж в американской литературе, который ни с кем и ни с чем не связан, вот так...

Среди потомков двух лесорубов есть миллионеры. Их прадеды срали в одну выгребную яму.

— Майк?

— Что?

— С вами все в порядке?

— Конечно. — Я попытался сосредоточиться. — Бартлби связывает с жизнью только работа. В этом смысле он типичный американец двадцатого столетия, практически не отличающийся от Человека в сером фланелевом костюме Слоуна Уилсона или, в более мрачном варианте, Майкла Корлеоне из «Крестного отца». Но потом Бартлби начинает ставить под сомнение даже работу, божество мужской половины американского среднего класса.

Она слушала с неподдельным интересом, и я подумал: как жаль, что она пропустила последний год средней школы. Он принес бы много радости и ей, и ее учителям.

— Вот почему он начинает все чаще говорить: «Я предпочитаю не...»? — спросила она.

— Да. Представим себе, что Бартлби... воздушный шар, наполненный горячим воздухом. Только одна веревка связывает его с землей, и веревка эта — бумаги, которые он переписывает. И мы можем определить скорость гниения этой единственной веревки по расширению круга всего того, что Бартлби предпочитает не делать. Наконец веревка рвется, и Бартлби улетает. Чертовски волнующий рассказ, не так ли?

— Однажды он мне приснился, — призналась Мэtti. — Я открыла дверь трейлера, и вот он, сидит на ступеньках в старом черном костюме. Тощий, лысоватый. Я говорю: «Вы не подвинетесь? Мне надо пройти и развесить на веревках постиранное белье». А он отвечает: «Я бы предпочел не двигаться». Да, пожалуй, вы правы. Этот рассказ может вывести из душевного равновесия.

— Значит, он по-прежнему актуален. — Я сел за руль. — Позвоните мне. Расскажите, о чем договорились с Джоном Сторроу.

— Обязательно. И если я могу хоть как-то расплатиться с вами, только скажите как.

«Только скажите как». До чего же она молода и наивна, выдавая мне незаполненный подписанный чек.

Я протянул руку через открытое окно и пожал ее. В ответ она крепко сжала мою.

— Вам очень недостает вашей жены, да? — спросила она.

— Это заметно?

— Иногда. — Она уже не сжимала мою руку, но и не отпускала ее. — Когда вы читали Ки сказку, то выглядели одновременно и счастливым, и грустным. Вашу жену я видела лишь один раз. Такая красавица.

До этого я думал только о наших соприкоснувшихся руках, но тут все мысли смело как ураганом.

— Когда вы ее видели? И где? Вы помните?

Она улыбнулась, словно я задавал на удивление глупые вопросы.

— Помню. У игровой площадки. В тот вечер, когда я встретила своего мужа.

Очень медленно я убрал руку. До сих пор я полагал, что ни Джо, ни я летом 1994 года не появлялись в Тэ-Эр-90... Но, выходит, в этом я ошибался. В начале июля, во вторник, Джо приезжала сюда. И даже побывала на игре в софтбол.

— Вы уверены, что видели Джо? — спросил я.

Мэтти смотрела на шоссе. Думала она, конечно, не о моей жене. Я мог поспорить на последний доллар, что в тот момент она вспоминала Лэнса. Оно и к лучшему. Раз она думала о нем, то, возможно, не приглядывалась ко мне, а я в тот момент не контролировал свои эмоции. И она, возможно, могла прочитать на моем лице больше, чем мне того хотелось.

— Да, — ответила она. — Я стояла с Дженной Маккой и Элен Джири, уже после того как Лэнс помог мне вытащить из ямы тележку с бочонком пива и пригласил меня после игры на пищу. И тут Дженна говорит: «Смотри, вон миссис Нунэн». А Элен добавляет: «Жена писателя, Мэтти. Слушай, клевая блузка, а?» Блузка была вся в синих розах.

Я очень хорошо помнил эту блузку. Джо она очень нравилась, потому что синих роз в природе не существовало. Даже селекционеры не могли их вывести. Однажды, надев ее, она обняла меня за шею, прижалась всем телом и прокричала, что она — моя синяя роза и я должен гладить ее, пока она не порозовеет. От этого воспоминания болезненно сжалось сердце.

— Она появилась на уровне третьей базы, за сетчатым ограждением, с каким-то мужчиной в старом коричневом пиджаке с кожаными накладками на локтях. Они над чем-то смеялись, а потом она повернула голову и посмотрела на меня. — Мэтти помолчала, застыв в своем красном платье у моего автомобиля. Потом правой рукой приподняла волосы, подержала на весу, опустила. — Прямо на меня. Не просто посмотрела — увидела. И сразу что-то в ней изменилось. Только что она смеялась, а тут погрустнела. Словно она знала, кто я и что меня ждет. Потом этот мужчина обнял ее за талию, и они ушли.

Тишину нарушало только стрекотание цикад да далекий рокот двигателя грузовика. Наконец Мэтти посмотрела на меня:

— Что-то не так?

— Да нет. Хотелось бы только знать, что за мужчина обнимал мою жену за талию.

Мэтти неуверенно рассмеялась.

— Ну, я сомневаюсь, что бойфренд, знаете ли. Он был гораздо старше. Лет пятидесяти, никак не меньше.

И что? подумал я. Мне самому стукнуло сорок, но это не означало, что я не замечал округлости тела Мэтти, когда их облегал ее красное платье.

— Я хотела сказать... вы шутите, да?

— Честно говоря, не знаю. В последнее время я часто ловлю себя на том, что многого не знаю. Но женщина, о которой мы говорим, умерла, так что никакого значения это не имеет.

Мэтти погрустнела.

— Если я сказала что-то не то, Майк, извините.

— Кто был тот мужчина? Вы знаете?

Она покачала головой.

— Я подумала, кто-нибудь из приезжих. Чувствовалось, что он не местный, хотя бы потому, что в летний вечер ходил в пиджаке, но останавливался он не в «Уэррингтоне». Там я практически всех знала.

— И они ушли вместе?

— Да, — неохотно ответила она.

— Направились к автостоянке?

— Да. — Неохоты прибавилось.

И на этот раз она солгала. Я в этом не сомневался ни на йоту. Уверенность моя основывалась не на интуиции: я словно читал ее мысли.

Я вновь взял ее за руку.

— Вы сказали, что готовы расплатиться со мной, Мэтти, мне надо только попросить. Вот я и прошу. Скажите мне правду, Мэтти.

Она прикусила губу, глядя на мою руку, лежавшую на ее.

— Крупный мужчина. Чем-то напоминал профессора колледжа, может, из-за старого пиджака спортивного покроя, но он мог быть и плотником. С черными волосами, загорелый. Смеялись они весело, хорошо смеялись, но потом она взглянула на меня, и смех как ветром сдуло. После того как он обнял ее за талию, они ушли. — Пауза. — Не к автостоянке. К Улице.

Улица! По ней вдоль озера они могли добраться до «Сары-Хохотушки». А потом? Как знать?

— Она не говорила мне, что приезжала сюда тем летом.

Мэтти перебрала несколько вариантов ответа, но ни один ей не понравился. Я отпустил ее руку. Пора уезжать. Более того, мне следовало уехать несколькими минутами раньше.

— Майк, я уверена...

— Нет, — оборвал ее я. — Вы не уверены. Но я очень любил ее и попытаюсь обо всем этом забыть. Возможно, тут и говорить-то не о чем, а кроме того... что еще мне остается? Спасибо за обед.

— Всегда рада видеть вас у себя. — Я чувствовал, что Мэтти сейчас расплачется, опять взял ее за руку, поцеловал тыльную сторону ладони. — Я такая дуреха.

— Вы совсем не дуреха.

Еще поцелуй, и я уехал. Так и закончилось мое свидание, первое за четыре года.

По пути домой я думал о старом изречении, утверждающем, что одному человеку не дано познать другого. Рассуждать об этом, конечно, легко, но до чего неприятно осознавать (тут прямо-таки напрашивается аналогия с воздушной ямой, в которую внезапно попадает самолет), что изречение это имеет к тебе самое непосредственное отношение, по существу, неотъемлемый факт твоей жизни. У меня из головы не выходил наш визит к врачу, занимавшемуся проблемами зачатия. Мы пошли к нему через два года безуспешных попыток сделать ребенка. Врач только что сообщила нам результаты анализов, которые показали, что количество сперматозоидов в моей сперме недотягивает до нормы. Они есть, но их мало, вот Джо и не могла забеременеть.

— Если вы хотите ребенка, у вас все получится без помощи специалистов, — продолжила доктор. — Как теория вероятности, так и время еще на вашей стороне. Это может случиться и завтра, и через четыре года. Будет ли у вас много детей? Скорее всего нет. Может, двое, а один-то точно будет, если вы будете продолжать этим заниматься. — Она улыбнулась. — Так что помните: у вас все впереди, и наслаждайтесь.

Наслаждаться-то мы наслаждались, колокольчик Бантера звенел и звенел, но с ребенком ничего не получалось. А потом, в жаркий день, Джоанна умерла на автостоян-

ке, и в пакете, который она держала в руке в момент смерти, обнаружился домашний тест на беременность, о намерении купить который она мне ничего не говорила. Не говорила она мне и о покупке двух пластмассовых сов, которые отпугивали ворон и не давали им бомбардировать дерьмом нашу террасу.

Чего еще она мне не говорила?

— Хватит, — пробормотал я. — Ради Бога, хватит об этом думать.

Но ничего у меня не выходило.

Когда я вошел на кухню, овощи и фрукты на передней панели холодильника вновь образовали круг, оставив в центре три буквы:

g d
o

Я передвинул букву «о» вверх, поставив на один уровень с двумя остальными. Получилось «Бог», а может, «хорошо»*, написанное с ошибкой. Но что именно? «Я мог бы поразмышлять над этим, но не буду», — объявил я пустому дому. Посмотрел на лося Бантера, ожидая, что сейчас звякнет колокольчик, висящий на изъеденной молю шее. А когда колокольчик не звякнул, раскрыл оба мешочка с магнитным алфавитом и наклеил буквы на переднюю панель холодильника. Потом прошел в северное крыло, разделся, почистил зубы.

Скался в зеркало в ванной, я подумал о том, чтобы наутро вновь позвонить Уэрду Хэнкинсу. Я бы мог сказать, что поиск пластмассовых сов продолжается и с ноября 1993 года я уже добрался до июля 1994-го. Какие встречи записала Джо в свой ежедневник в том месяце? Куда она уезжала из Дерри? А переговорив с Уэрдом, я мог бы переключиться на Бонни Амудсон, подругу Джо,

* God — Бог, good — хорошо (англ.).

спросить у нее, что ей известно о последнем лете в жизни Джо?

Оставь ее в покое, а? услышал я голос НЛО. *Какой тебе прок от того, что ты будешь ворошить прошлое? Допустим, она приезжала в Тэ-Эр после одного из заседаний совета директоров, из прихоти, встретилась со старым другом, привела в «Сару», чтобы покормить обедом. Только покормить обедом, ничего больше.*

И ничего мне не сказала? спросил я голос НЛО, споласкивая рот от пасты. *Ни единого слова?*

Откуда ты знаешь, что не сказала? вопросом на вопрос ответил голос, и я застыл, не донеся тюбик с пастой до полочки. Голос знал, что говорил. В июле девяносто четвертого я с головой ушел в роман «Вниз с самого верха». Джо могла сказать мне, что видела в нашем дворе оборотня, а я мог ответить: «Да-да, дорогая, как интересно», — и продолжить работу.

— Чушь собачья, — заявил я своему отражению. — Все это чушь собачья.

Да только почему чушь? Когда я втягивался в книгу, то просто выпадал из реального мира. Даже газету не читал, просматривал одни спортивные страницы. Так что, вполне возможно, Джо говорила мне, что собирается завернуть в Тэ-Эр после поездки в Льюистон или Фрипорт. Вполне возможно, она рассказывала о случайной встрече с давнишним знакомым, может, студентом того же семинара по фотографии, на который она ездила в Бэйтс в 1991 году. Вполне возможно, она упомянула, что они пообедали у нас на террасе, съели грибы, которые она же и собрала в лесу. Вполне возможно, она все это мне говорила, да только я пропускал ее слова мимо ушей.

И неужели я действительно думал, что могу довериться Бонни Амудсон? Она была подругой Джо — не мне и могла решить, что не вправе выдавать секреты моей жены даже по прошествии стольких лет.

Вот от этого мне и следовало отталкиваться: Джо уже четыре года как умерла. Так что лучше любить ее, не пытаясь найти ответы на малоприятные вопросы. Я нагнулся к крану, набрал воды, прополоскал рот, выплюнул воду в раковину.

Вернувшись на кухню, чтобы поставить таймер на кофеварке на семь утра, я увидел на передней панели холодильника новое послание:

blue rose lier ha ha*

Несколько секунд я смотрел на буквы-магниты, гадая, кто расставил их в таком порядке и почему.

Гадая, правда ли это.

Затем протянул руку и смешал все буквы. А потом отправился спать.

Глава 13

В восемь лет я очень тяжело переболел свинкой. «Я думал, ты умрешь», — как-то раз признался мне отец, обычно не склонный к преувеличениям. Он рассказал, что один раз ночью они с матерью опустили меня в ванну с холодной водой, хотя и боялись, что от температурного шока у меня остановится сердце. Но поступить иначе не могли, потому что не сомневались, что иначе я сгорю у них на глазах. Я заговорил вслух о каких-то ярких, бестелесных существах, которых видел в комнате, ангелах, явившихся, чтобы унести меня с собой, чем до смерти перепугал мать. Отец же незадолго до купания измерил мне температуру старым ртутным термометром. Посмотрел на черточку (40,6 градуса), около которой

* Синяя роза лгуныа ха ха (англ.).

остановился серебристый столбик, и больше уже не решался вставить мне градусник под мышку.

Я не помню никаких ярких фигур, но в моей памяти остался странный период времени, когда я словно находился в зрительном зале с несколькими экранами, и на каждом показывали свой фильм. Окружающий мир пришел в движение, ровное выгнулось, твердое стало жидким. Люди — в большинстве своем они резко вытянулись — вбегали и выбегали из зала на длиннющих, карикатурных ногах. Каждое их слово отдавалось мгновенным эхом. Кто-то тряс перед моим лицом парой пинеток. Сидди, мой брат, сунул руку под рубашку и там шелкал пальцами. Неразрывный поток времени разделился на отдельные сегменты, бусинки, нанизанные на нить.

За годы, что разделили тот случай и мое возвращение в «Сару-Хохотушку», самые различные болезни еще не раз укладывали меня в постель, но никогда не подводили к последней черте, разделяющей реальный и потусторонний миры. Собственно, я и не ожидал повторения того кризиса, верил, что впечатления такого рода уникальны и пережить их могут только дети, а если взрослые, то больные малярией или страдающие серьезным расстройством психики. Но в ночь с седьмого на восьмое июля и утром восьмого я вновь пережил нечто очень схожее с тем детским забвением. Я спал, просыпался, двигался, и все одновременно. Я попытаюсь обо всем вам рассказать, но никакие слова не способны адекватно отобразить испытанные мной ощущения. Я словно открыл секретный тоннель, прорытый за стеной мира, и крался по нему.

Сначала я слышал музыку. Не диксиленд*, потому что не звучали трубы, но что-то вроде диксиленда. Примитивный, но приятный вариант бибопа**. Три или че-

* Стиль джаза, в котором исполняется в основном танцевальная и развлекательная музыка.

** Музыкальный джазовый стиль.

тыре акустические гитары, аккордеон, контрабас (может, даже два). И естественно, ударные. Правда, не обычные барабаны. Казалось, кто-то на удивление талантливо отбивает ритм на ящиках. Затем появился женский голос, сопрано. Голос этот смеялся, звал, страдал, и я сразу понял, что слышу Сару Тидуэлл, которая не записала на пластинки ни одной песни. Я слышал Сару-Хохотушку, и, Господи, как же хорошо она пела!

Ты знаешь, мы вернулись в МЭНдерли,
Мы будем танцевать на СЭНдерли,
Потом спою тебе я с БЭНдерли,
И все уляжемся мы в КЭНдерли...

Контрабасы (да, их было два) играли что-то вроде вариации на тему «Крошка, давай построим домик» Элвиса Пресли, потом Сынок Тидуэлл исполнил соло на гитаре.

Огоньки поблескивали в темноте, и я подумал о другой певице, Клодин Кларк, блиставшей в пятидесятые годы, с ее: «Я вижу огни... вечеринка в разгаре... красные, зеленые, синие...»

И тут же появились они, японские фонарики, развешанные по деревьям над тропой-лестницей, что вела от дома к озеру. Фонарики, вырывающиеся из темноты мистические шары света: красные, зеленые, синие.

А за моей спиной Сара все пела свою мэндерлийскую песню, но голос ее становился все глуше. «Сара и Ред-топ бойз», судя по звуку, расположились на подъездной дорожке, аккуратно там, где Джордж Футмен остановил свой автомобиль, когда привез мне повестку. Я же спускался к озеру меж световых шаров, мимо японских фонариков, к которым со всей округи слетались легкокрылые мотыльки. Один сумел забраться внутрь фонарика и теперь отбрасывал огромную тень на вощеную бумагу. В кадках для цветов, которые Джо поставила у ступеней, пышно

цвели розы. В свете японских фонариков они казались синими.

Теперь я едва слышал Сару, ее удивительный голос, в котором звучал смех, мэндерли-сэндерли-бэндерли-кэндерлийские строки сливались, я уже не мог разобрать ни слова. Куда отчетливее звучали плеск воды о берег, постукивание пустых канистр под плотом, долетающие из темноты крики гагар. Кто-то стоял на Улице, по правую руку от меня. Лица я разглядеть не мог, но видел старый коричневый пиджак спортивного покроя, а под ним — футболку. Пиджак скрыл часть надписи на футболке, я видел лишь:

РМАЛЬН
ЛИЧЕСТ
РМАТОЗОИ

Но я знал полный текст — во сне мы всегда все знаем, не так ли? «Нормальное количество сперматозоидов». Такие футболки продавались только в «Деревенском кафе».

Все это приснилось мне в северной спальне, и там же я проснулся, может, и не совсем проснулся, но все-таки понял, что мне снится сон... Однако проснулся в другом сне, где отчаянно звенел колокольчик Бантера и в коридоре кто-то стоял. Мистер Нормальное-Количество-Сперматозоидов? Нет, не он. Падающая на пол тень не напоминала человеческую. Что-то бесформенное, рук не видеть. Я сел, прижимая к обнаженной груди простыню, уши забивал звон колокольчика, в полной уверенности, что в коридоре — то самое существо в саване. Оно вновь вылезло из могилы, чтобы добраться до меня.

— Пожалуйста, не надо. — Мой голос дрожал. — Пожалуйста, не надо, пожалуйста.

Тень в дверях вскинула руки.

— «Деревенские танцульки любим мы с подругой! — пропел смеющийся голос Сары Тидуэлл. — Раз с прихлопом, два с притопом и еще по кругу!»

Я откинулся на подушку и натянул простыню на лицо, так ребенок прячется от всякой напасти... и оказался на берегу, в одних плавках. Я стоял по шиколотку в воде, теплой, какой она бывает в озере к середине лета, и отбрасывал две тени. Одну — в свете луны, низко висящей над озером, вторую — от японского фонарика, в который залетел мотылек. Мужчина, которого я видел на Улице, ушел, оставив вместо себя пластмассовую сову. Она смотрела на меня застывшими, с золотыми ободками, глазами.

— Эй, Ирландец!

Я повернулся к плоту. На нем стояла Джо. Должно быть, только что выбралась из озера, потому что вода струйками стекала по ее телу, а волосы прилипли к щекам. Джо была в раздельном купальнике, том же, что и на фотографии, сером в красный горошек.

— Давно не виделись, Ирландец... Так что скажешь?

— Насчет чего? — крикнул я, хотя и так знал ответ.

— Насчет этого!

Она обхватила груди ладонями, сжала. Вода потекла между пальцами.

— Давай, Ирландец! — Она стояла за изголовьем кровати. — Давай, ну же!

Я почувствовал, как она сдергивает с меня простыню, вырывает ее из моих еще скованных сном пальцев. Я закрыл глаза, но она схватила меня за руку, сунула ее себе между ног. Как только я нашел ее «киску» и начал ее поглаживать, ее пальцы коснулись моей шеи.

— Ты не Джо! — вырвалось у меня. — Кто ты?

Но отвечать было некому. В темноте, под доносящиеся с озера крики гагар, я шел к студии Джо. Не во сне. Я чувствовал телом прохладный ветерок, иногда камешек или сосновая иголка втыкались в мою голую ступню. Комар жаждал над ухом. Я отогнал его взмахом руки. Из одежды на мне были только шорты, которые спереди едва не рвал вставший дыбом член.

— Что все это значит? — спросил я себя, приближаясь к небольшой, с сарай, студии Джо. Оглянулся и увидел на холме «Сару», не женщину, а бревенчатый коттедж. — Что со мной происходит?

— Все нормально, Майк, — заверила меня Джо.

Она стояла на плоту, наблюдала, как я плыву к ней. Заложила руки за голову, как модель на календаре, выпятив грудь. Как и на фотографии, я видел соски, выступающие через мокрый бюстгальтер. Я плыл в плавках, по-прежнему с вздыбленным членом.

— Все в порядке, Майк, — заверила меня Мэтти в северной спальне, и я открыл глаза.

Она сидела рядом со мной на кровати, гладенькая, в чем мать родила, подсвеченная льющим в окно лунным светом. Волосы, падающие на плечи. Маленькие, с чашку, груди, но большие соски. Между ног, там, где пребывала моя рука, — островок бархатистых светлых волос. Тело ее купалось в тенях, словно в крыльях мотыльков, словно в лепестках роз. Меня отчаянно влекло к ней. Я видел в ней приз, который, я это знал, никогда бы не сумел выиграть на ярмарке в соревнованиях по стрельбе или бросанию колец. Такой приз обычно держат на верхней полке. Она сунула руку под простыню, положила на то место, где едва не рвались трусы.

Все нормально, это всего лишь деревенские танцульки, сообщил мне голос НЛО, когда я поднимался по ступенькам, ведущим в студию Джо. Я остановился, нагнулся, достал из-под коврика ключ.

Я вылез на плот, мокрый, с торчащим колом членом. Есть ли более комичное зрелище, подумал я, чем мужчина, у которого все встало? Джо ждала меня в мокром купальнике. Я уложил Мэтти рядом с собой. Я открыл дверь в студию Джо. Все это происходило одновременно, одно переплеталось с другим, словно скрученные нити веревки или пояса. На плоту с Джо я точно пребывал во

сне; в студии Джо, войдя в которую я напрямиком направился к моей старой зеленой «Ай-би-эм», — вроде бы совсем и не спал. Происходящее с Мэтти находилось где-то посередине.

На плоту Джо сказала мне: «Делай что хочешь». В северной спальне Мэтти сказала мне: «Делай что хочешь». В студии говорить было некому. Там я и так знал, чего хотел.

На плоту я наклонил голову к груди Джо и засосал в рот покрытый тканью сосок. Рот наполнился вкусом мокрой ткани и озерной воды. Она потянулась к торчащему члену, но я шлепнул ее по руке. Если б она меня коснулась, я бы тут же кончил. Я все сосал и сосал, вытягивая из купальника капли воды, обхватив руками ее ягодицы. Сначала поглаживал их, потом сдернул с нее трусики. А когда они упали на доски плота, она отступила на шаг и опустила на колени. Я последовал ее примеру, по ходу освободившись от плавков и бросив их на ее трусики от купальника. Мы стояли лицом к лицу, я — голый, она — в одном бюстгальтере.

— Что за мужик, с которым ты приходила на игру? — выдохнул я. — Кто он, Джо?

— Никто, Ирландец. Еще один мешок с костями.

Она рассмеялась, откинулась назад, не сводя с меня глаз. Ее пупок напоминал маленькую черную чашку. В ее позе было что-то змеиное.

— Внизу нет ничего, кроме смерти, — прошептала она, и ее холодные руки с мертвенно-бледными пальцами коснулись моих щек.

Она повернула мою голову, наклонила так, чтобы я смотрел в озеро. Под водой я увидел бесформенные тела, которые пронесло мимо глубинным течением. Залитые водой глаза. Объединенные рыбами носы. Языки, болтающиеся между губами, словно водоросли. У некоторых под прозрачной кожей в животе перекатывались кишки. От других остался только скелет. Но даже это

жуткое зрелище не остудило моего желания. Я вырвал голову из ее рук, разложил Джо на досках и наконец с силой вогнал мой меч в ее ножны. По самую рукоятку. Ее посеребренные лунным светом глаза смотрели на меня, сквозь меня, и я заметил, что один зрачок больше другого. Именно так выглядели ее глаза на телевизионном мониторе, когда я опознавал ее в морге Дерри. Она умерла! Она умерла, и я трахал ее труп! Но даже это не остановило меня.

— Кто он? — кричал я, долбя и долбя холодную плоть, что лежала на досках плота. — Кто он, Джо? Ради Бога, скажи мне, кто он?

В северной спальне я затянул Мэтти на себя, млея от прикосновений ее маленьких грудей, ее длинных ног. Потом перекатил ее на другую половину кровати. Почувствовал, как она потянулась к моему члену, и хлопнул ее по руке: если бы она коснулась меня, я бы тут же кончил.

— Раздвинь ноги, скорее, — приказал я, и она подчинилась. Я закрыл глаза, отключая окружающий мир, сосредоточиваясь только на ней. Подался вперед и вниз, остановился. Рукой чуть поправил разбухший донельзья пенис, и он вошел в нее, как входит палец в обшитую шелком перчатку. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, потом коснулась рукой моей щеки, повернула мне голову.

— Тут нет ничего, кроме смерти. — Она словно объясняла очевидное.

В окно я увидел Пятую авеню, квартал между Пятнадцатой и Шестнадцатой улицами... все эти роскошные магазины «Биджен» и «Болли», «Тиффани» и «Бергдорф», «Стубен гласс». По тротуару вышагивал Гарольд Обловски, с юга на север, помахивая брифкейсом из свиной кожи (тем самым, что мы с Джо подарили ему на Рождество, за восемь месяцев до ее смерти). Рядом с ним шла Нола, его роскошная фигуристая секретарша, держа

в руке пакет из «Барнс и Ноубл»*. Только фигура исчезла. От Нолы остался скалящийся скелет в костюме от Донны Каран и туфельках из крокодиловой кожи. И ручки пакета сжимали не холеные пальцы, а белые кости. Улыбка Гарольда, стандартная улыбка литературного агента, превратилась в непристойный оскал. Его любимый костюм — темно-серый, двубортный — болтался на нем, как парус на ветру. Вокруг него, по обоим тротуарам, я видел только живые трупы. Мумии мамаш несли трупы детей на руках или катили их в дорогих колясках. Зомби-швейцары стояли у подъездов, скелеты подростков катили на скейтбордах. Высокий негр (я понял, что он негр, по нескольким полоскам кожи, прилипшим к черепу) вел на поводке скелет собаки. У водителей такси провалились глаза. Из окон проезжающих мимо автобусов на меня смотрели черепа, все ухмылялись, совсем как Гарольд, словно спрашивая: «Эй, как ты, как твоя жена, как дети, как пишется в последнее время?» Уличные продавцы арахиса разлагались на ходу. Однако ничто не могло отвлечь меня. Я сгорал от желания. Подсунул руки под ее ягодицы, приподнял ее, вцепился зубами в простыню (с удивлением увидел, что она расписана синими розами) и стал стягивать с матраца, не выпуская изо рта, потому что боялся, что иначе начну кусать ей шею, плечо, грудь, всюду, куда только дотянусь зубами.

— Скажи мне, кто он! — орал я на нее. — Ты знаешь! Я знаю, что ты знаешь! — Мой голос звучал глухо из-за торчащей изо рта простыни, и я сомневался, что кто-нибудь, кроме меня, мог разобрать хоть слово. — Скажи мне, сука!

На тропе, соединяющей дом и студию Джо, я стоял в темноте, держа в руках пишущую машинку, а мой

* Сеть книжных магазинов в Нью-Йорке и Нью-Джерси. Основной находится на пересечении Пятой авеню и Восемнадцатой улицы.

член-каланча подпирал ее снизу. Легкий ветерок обдувал меня. И внезапно я почувствовал, что я уже не один. Тварь в саване возникла у меня за спиной, прилетела, как мотылек на огонь. Рассмеялась сиплым, прокуренным смехом, который мог принадлежать только одной женщине. Я не мог видеть руки, которая протянулась, чтобы схватить меня за... пишущая машинка закрывала обзор... но я и так знал, что кожа на этой руке — коричневая. Она добралась до цели, сжала ее, заходила взад-вперед.

— Так что ты хочешь знать, сладенький? — спросила она, по-прежнему оставаясь за моей спиной. Смеясь, дразня. — Ты действительно хочешь это знать? Ты хочешь знать или хочешь чувствовать?

— О, ты сводишь меня с ума! — вскричал я.

Пишущая машинка, тридцать или чуть больше фунтов «Ай-би-эм селектрик», вырывалась из моих рук. Я чувствовал, что мои мышцы натянулись как гитарные струны.

— Ты хочешь знать, кто он, сладенький? Тот безобразник?

— Продолжай то, что делаешь, сука! — завопил я.

Она вновь рассмеялась — смех ее очень напоминал кашель — и сжала меня в самом приятном месте.

— А ты стой смирно. Стой смирно, красавчик, а не то я испугаюсь и оторву твою штучку...

Конца предложения я не услышал, потому что весь мир взорвался в оргазме, таком сильном и глубоком, каких испытывать мне еще не доводилось. Я отбросил голову назад и кончал, и кончал, глядя на звезды. Я кричал, иначе не мог, а с озера мне ответили две гагары.

И в то же время я находился на плоту. Один, без Джо, а с берега доносилась музыка: Сара, Сынок и «Ред-топ бойз» играли «Блэк маунтин рэг». Я сел, ошеломленный, опустошенный, затраханый. Я не видел тропы, ведущей к дому, но я мог определить ее местоположение по япон-

ским фонарикам. Мои плавки мокрой тряпкой лежали рядом со мной. Я поднял их и уже собрался надеть, потому что не хотел плыть к берегу, держа их в руке. Натянул их до коленей и застыл, глядя на свои пальцы. Их покрывала разлагающаяся плоть. Из-под ногтей торчали пучки вырванных волос. Волос трупа.

— О Боже! — простонал я.

Силы меня оставили. Я плюхнулся на что-то мокрое. Я был в северной спальне. Плюхнулся я на что-то не только мокрое, но и теплое. Сначала решил, что это сперма. Но даже в слабом лунном свете увидел, что жидкость эта темная. Мэтти ушла, а постель намокла от крови. Посередине темного пятна что-то лежало, как мне показалось, то ли шматок мяса, то ли кусок члена. Приглядевшись, я понял, что это набивная игрушка, какой-то зверек с черным мехом, измазанным красной кровью. Я лежал на боку. Мне хотелось скатиться с кровати и стремглав выбежать из спальни, но я не мог шевельнуться. Все мышцы свело. С кем я трахался на этой кровати? И что я с ней сделал? Господи, что?

— Я не верю, все это ложь! — услышал я собственные слова. Фраза эта стала тем заклинанием, что вновь слепило меня в единое целое. Слепило — не совсем точно сказано, но другого слова я подобрать, пожалуй, не могу. До этого я как бы растривался: одновременно пребывал на плоту, в северной спальне, на тропинке. И каждое мое «я» почувствовало сильнейший удар, словно ветер отразил себе здоровый кулак. Упала тьма, в которой слышалось лишь позвякивание колокольчика Бантера. Затем затихло и оно, а вместе с ним померкло мое сознание. На какое-то время я отключился.

Я услышал привычное летнее щебетание птиц, перед глазами стояла красная темнота, причина которой — солнечные лучи, падающие на опущенные веки. Я медленно приходил в себя. Ощущения не радовали: ноющая

шея, повернутая под неудобным углом голова, подобранные под себя ноги, жара.

Морщась от боли, я приподнял голову. Глаза я еще не открывал, но уже знал, что нахожусь не в кровати, и не на качающемся на воде плотике, и не на тропе, ведущей к студии. Лежал я на досках, жестких досках пола.

Солнце ослепило меня. Я закрыл глаза, застонал, словно от тяжелого похмелья. Потом открыл глаза, прикрыв их руками, дал им время привыкнуть к яркому свету, медленно убрал руки, огляделся. Я лежал в коридоре второго этажа, под сломанным кондиционером. На нем до сих пор висела записка миссис Мизерв. У двери моего кабинета на полу стояла моя зеленая «Ай-би-эм» с вставленным в каретку листом бумаги. Я посмотрел на ноги: грязные. К ступням прилипли сосновые иголки, один палец поцарапан. Я поднялся, меня качнуло (правая нога затекла), оперся рукой о стену. Оглядел себя. Те же трусы, в которых я ложился спать, и вроде бы никаких пятен. Я оттянул резинку, заглянул внутрь. Крантик на обычном месте, такой же, как всегда, маленький и мягкий, свернувшийся, спящий в постельке из волос. Если ночью он и буянил, то не оставил следов.

— Я ведь уверен, что буянил, — просипел я. Смахнул со лба пот. Жарко.

Тут я вспомнил про пропитанную кровью простыню в северной спальне, про набивную игрушку, лежащую посреди кровавой лужи. По телу пробежала дрожь. Даже кошмарным сном это не назовешь, уж очень реальными были ощущения, совсем как в детстве, когда я, болея свинкой, метался в горячечном забытии.

Я дотащился до лестницы, начал спускаться, крепко держась за перила, боясь, что подогнется затекшая нога. Внизу оглядел гостиную, словно видел ее впервые, и направился в коридор северного крыла.

Несколько мгновений я постоял перед приоткрытой дверью в спальню, не решаясь распахнуть ее и войти.

Меня сковал страх, а в голове вертелся эпизод из сериала «Альфред Хичкок представляет». О мужчине, который в приступе белой горячки душит жену. Приходит в себя, целых полчаса ищет ее и наконец находит в кладовой, с посиневшим лицом и выпученными глазами. В последнее время я общался лишь с одним ребенком, играющим в набивные игрушки, — Кирой Дивоур, но она сладко спала в своей кроватке, когда я простился с ее матерью и поехал домой. Глупо, конечно, думать, что я вновь съездил на Уэсп-Хилл-роуд, возможно, в одних трусах, что я...

Что? Изнасиловал женщину? Привез ребенка сюда?

Во сне?

Велика ли разница — пройти тридцать ярдов по лесу или проехать пять миль...

Я не собирался стоять и слушать, как у меня в голове препираются голоса. Если я не сошел с ума, а я полагал, что нет, то они, слушай я их, точно довели бы меня до дурдома, и очень быстро. Поэтому я протянул руку и толкнул дверь.

На мгновение я увидел красное, похожее на осьминога пятно на кровати, так глубоко засел во мне ужас, вызванный ночным кошмаром. Потом я закрыл глаза, открыл, пригляделся. Смятые простыни, нижняя практически сорвана с матраца. Я видел атлас обивки. Одна подушка — у дальнего края изголовья. Вторая — у ближнего изножья. Коврик, связанный Джо, сдвинут в сторону, стакан с водой на прикроватном столике перевернут. В спальне то ли дрались, то ли трахались, но никак не убивали. Ни тебе крови, ни набивной игрушки с черным мехом.

Я опустился на колени и заглянул под кровать. Ничего, даже катышков пыли, спасибо Бренде Мизерв. Я посмотрел на нижнюю простыню, провел по ней рукой, потом расправил, зацепил эластичные ленты за края матраца. Великое изобретение, эти простыни. Если бы

Медаль свободы* присуждали женщины, а не горстка политиканов, которые никогда в жизни не застилали кровать и не стирали белье, парень, который придумал такие простыни, точно получил бы награду. На торжественной церемонии в Розовом саду Белого дома.

Натянув простыню, я вновь оглядел ее. Никакой крови, ни единого пятнышка. Нет и пятен от спермы. Первый я увидеть и не ожидал (во всяком случае, убеждал себя в этом), а вот как насчет второй? Сон, который я видел, по идее не мог не закончиться поллюцией: я одновременно трахал двух женщин, а третья ублажала меня рукой. Я подумал, что этим утром я чувствовал себя примерно так же, как и после бурных ночей с Джо. Однако если фейерверк был, то где сгоревший порошок?

— Скорее всего в студии Джо, — поделился я своей догадкой с пустой, залитой солнечным светом комнатой. — Или на тропе между домом и студией. Радуйся, что ты не кончил в Мэтти Дивоур, дружище. Только романа с молоденькой вдовой тебе и не хватало.

Но какая-то часть моего сознания с этим не согласилась. Она как раз считала, что именно Мэтти Дивоур мне и нужна. Но я не трахался с ней прошлой ночью, как не трахался с моей умершей женой на плоту, покачивающемся на воде, и Сара Тидуэлл не гоняла мне шкурку. Теперь, когда я убедился, что не убивал малышку, мысли мои вернулись к пишущей машинке. Зачем я притащил ее в дом? С какой стати?

Старичок, что за глупый вопрос? Моя жена могла иметь от меня секреты, возможно, даже завела любовника; в доме могли обретаться призраки; живущий в полумиле к югу богатый старик с удовольствием свернул бы мне

* Высшая награда США для гражданских лиц, которой награждаются как за существенный вклад в обеспечение национальной безопасности, так и за достижения в общественной и культурной жизни. Учреждена в 1945 г. С 1963 г. по решению президента Кеннеди получила название «Президентская медаль свободы».

шею; в подвале, при желании, я нашел бы несколько набивных игрушек. Но все это отошло на задний план. Я стоял, залитый падающим через окно солнечным светом, смотрел на собственную тень, протянувшуюся по полу и захватывающую часть дальней стены, а в голове у меня крутилось: *во сне я сходил в студию моей жены и принес старую пишущую машинку, и тому есть только одно и единственное объяснение.*

Я прошел в ванную, потому что первым делом хотел смыть с тела пот и грязь — с ног. Протянул руку, чтобы включить душ, и замер, увидев, что ванна наполнена водой. То ли я по какой-то причине наполнил ее, когда ходил во сне... то ли это сделали без меня. Я хотел вытащить затычку, вновь замер, вспомнив, как на обочине Шестьдесят восьмого шоссе ощутил во рту вкус холодной воды. И понял, что жду повторения. Не дождался, вытащил затычку и включил душ.

Я мог бы снести «селектрик» вниз, даже поставить на террасе, которую обдувал ветерок с озера, но не стал этого делать. Раз уж во сне я донес ее до дверей моего кабинета, значит, и работать мне предстояло в моем кабинете... если б я смог работать. А если бы смог, то работал бы при любой температуре, даже если б воздух прогрелся до пятидесяти градусов (а к трем часам дня он так и прогревался).

В листке, вставленном в каретку, я узнал розовый дубликат счета из магазина фототоваров «Щелк!». Находился он в Касл-Роке, и каждое лето Джо покупала там все расходные материалы. Я вставил его в каретку обратной стороной и шрифтом «курьер» напечатал имена всех дам, с которыми имел дело прошлой ночью:

Джо Сара Мэтти Джо Сара Мэтти
Мэтти Мэтти Сара Сара
Джо Джоанна Сара Джо МэттиСараДжо

А ниже, уже без прописных букв:

нормальное количество
сперматозоидов количество
нормальное все розовое.

Я открыл дверь в кабинет, внес машинку, поставил под старым постером с изображением Никсона. Вытащил розовый дубликат счета, смял в комок, бросил в корзину для мусора. Взялся за штепсель пишущей машинки, вставил в розетку. Сердце у меня билось сильно и часто, совсем как в тот день, когда я, в тринадцать лет, поднялся на десятиметровую вышку для прыжков в воду. В двенадцать я забирался на нее трижды, но потом спускался тем же путем, по лесенке. Но тут мне исполнилось тринадцать, и пути назад не было: не оставалось ничего иного, как прыгнуть.

— Успокойся, — сказал я себе. — Успокойся.

Но не мог я успокоиться, как не мог успокоиться и узкоплечий подросток, который стоял на вышке над зеленым прямоугольником бассейна, а задранные верху лица других мальчишек и девчонок казались такими маленькими...

Я наклонился, выдвинул ящик стола. Дернул так сильно, что он соскочил с направляющих. Я едва успел убрать ногу с места его приземления, и с моих губ сорвался громкий, невеселый смешок. В ящике лежала бумага, полпачки, не меньше. Углы верхних листов чуть загнулись, так случается, если они лежат слишком долго. Я тут же вспомнил, что привез с собой целую пачку бумаги, куда более новой. Не доставая листы из ящика, я поставил его на место. То ли с третьей, то ли с четвертой попытки — так дрожали мои руки.

Наконец я опустилсЯ в кресло, наслаждаясь привычным поскрипыванием: под моей тяжестью оно всегда так скрипело. Долго смотрел на клавиатуру, потел, вспоми-

нал доску на вышке, пружинящую у меня под ногами, голоса стоящих внизу, запах хлорки и мерный рокот вентиляторов. Я стоял и гадал (не в первый раз), парализует ли, если войти в воду не под тем углом. *Наверное, нет, но ты мог умереть и от страха.* Такие случаи описывались в книге Рипли «Хотите — верьте, хотите — нет», которая в период от восьми до четырнадцати лет служила мне основным источником научной информации.

Давай! Голос Джо. Обычно в моей интерпретации он звучал спокойно и сдержанно, но тут чуть не сорвался на крик: *Хватит тянуть резину!*

Протягивая руку к клавише включения машинки, я вспоминал тот день, когда отправил шестой «Ворд» в корзину моего «Пауэрбука». «Прощай, дружище», — подумал я тогда.

— Пожалуйста, пусть сегодня все у меня получится, — взмолился я. — Пожалуйста.

Я опустил руку, нажал на клавишу. Машинка загудела. Я взял лист бумаги, увидел пятна, которые оставили на нем мои потные пальцы, но меня это не волновало. Вставил лист в каретку, выставил по центру, потом напечатал:

Глава первая

и замер в ожидании неминуемой кары.

Глава 14

Телефонный звонок, точнее, звук телефонного звонка, донесшийся до моего кабинета, показался мне таким же знакомым, как поскрипывание кресла и гудение «Ай-би-эм селектрик». Сначала он донесся из далекого далека, потом приблизился, словно свисток накатывающего на тебя курьерского поезда.

На втором этаже телефонный аппарат — старый, еще с диском — у нас был один, и стоял он на столике в коридоре между моим кабинетом и комнаткой Джо. Как она говорила, на ничейной земле. В коридоре температура зашкаливала за тридцать градусов, но в сравнении с кабинетом там царила прохлада. Тело мое покрывал слой пота, как после интенсивных занятий в спортивном зале.

— Слушаю?

— Майк? Я вас разбудила? Вы спали? — Голос Мэтти звучал совсем не так, как вчера вечером. Из него напрочь исчезли страх и осторожность. Он звенел от счастья. Именно таким голосом Мэтти и могла увлечь Лэнса Дивоура.

— Я не сплю. Сел поработать.

— Да перестаньте! Я поняла, что вы с этим завязали.

— Вчера я тоже так думал, но, возможно, поторопился. Как дела? Судя по вашему голосу, вы как раз добрались до седьмого неба.

— Я только что говорила с Джоном Сторроу.

Неужели? А как давно я поднялся на второй этаж? Я посмотрел на левое запястье, но увидел только светлый круг от часов. Сами часы остались внизу, в северной спальне, лежали, наверное, в лужице воды, вытекшей из перевернутого стакана.

— ...его возраст, и он может вызвать повесткой другого сына!

— Мэтти, вы говорите слишком быстро, и я от вас отстал. Вернитесь назад и давайте сначала, только в два раза медленнее.

Она вернулась. На основные новости времени у нее много не ушло (по-другому обычно и не бывает): Сторроу прилетает завтра. Приземлится в аэропорту округа и остановится в отеле «Высокая скала» в Касл-Роке. Большую часть пятницы они проведут вместе, обсуждая подробности дела. «Кстати, он нашел адвоката и для вас, —

добавила она. — Чтобы вы давали показания в его присутствии. Кажется, он из Льюистона».

Новости хорошие, но еще больше меня обрадовало другое: к Мэтти вернулась воля к борьбе. До этого утра (время я мог определить только по солнцу и решил, что полдень еще не наступил) я и не осознавал, в какой тоске пребывает эта молодая женщина в красном платье и белых кроссовках. И сколь уверовала она в неизбежность потери ребенка.

— Отлично! Я очень рад, Мэтти.

— И все благодаря вам. Если б вы были рядом, я бы вас расцеловала.

— Он сказал, что победа может остаться за вами, не так ли?

— Да.

— И вы ему поверили.

— Да! — Радости в голосе чуть поубавилось. — Он не пришел в восторг, узнав, что вчера вы обедали у нас.

— Естественно. Иначе и быть не могло.

— Я объяснила, что ели мы во дворе, а он ответил, что для того, чтобы пошли сплетни, достаточно провести в трейлере шестьдесят секунд.

— На это я могу сказать, что он невысокого мнения о сексуальных способностях янки. Но с другой стороны, он же из Нью-Йорка.

Она смеялась дольше, чем заслуживала моя маленькая шутка. Почему? От облегчения, что у нее наконец-то появились двое защитников? Или потому, что секс для нее теперь под запретом? Лучше не задаваться этим вопросом.

— Ругать он меня не ругал, но ясно дал понять, чтобы больше такого не повторялось. А вот когда все закончится, я приглашу вас на настоящий пир. Будет все, что вы захотите и как вы захотите.

«Все, что вы захотите и как вы захотите». И она, клянусь Богом, абсолютно не понимала, что ее слова можно истолковать в ином аспекте, тут я мог поспорить на что

удотно. На мгновение я закрыл глаза и улыбнулся. Почему нет? Она так хорошо говорила, особенно если очистить сказанное от того подтекста, что уловил похабный ум Майкла Нунэна. Она же говорила только о том, что исход будет счастливым, как в сказке, при условии что мы будем храбро следовать выбранному курсу. Если я смогу сдерживать себя и не буду пытаться соблазнить молодую женщину, годящуюся мне в дочери, с курса мы точно не сойдем. Если не смогу, возможно, получу то, что заслуживаю. А вот Кира — нет. Она всего лишь пассажир, и направление движения автомобиля, в котором она едет, не зависит от ее воли. И мне, решил я, надобно вспоминать об этом перед всяким телодвижением.

— Если судья оставит Дивоура у разбитого корыта, я отвезу вас в Портленд и в «Ночах Ренуа» угощу девятью блюдами французской ухни. Стorroу тоже. Может, даже приглашу эту судебную крысу, с которой встречаюсь в пятницу. Видите, какой я незлопамятный?

— Вы просто чудо, Майк! — Она говорила серьезно. — Я с вами расплачусь, Майк. Сейчас я на мели, но я не всегда буду на мели. Пусть на это у меня уйдет вся жизнь, но я с вами расплачусь.

— Мэтти, вот это уже совсем ни к...

— Расплачусь, — решительно оборвала она меня. — Обязательно. А кое-что сделаю уже сегодня.

— Что же? — полюбопытствовал я. Нравился мне ее голос, веселый, свободный — прямо-таки заключенный, выпущенный на поруки, — но я уже с нетерпением поглядывал на дверь моего кабинета. Я знал, что долго работать не смогу, слишком велик риск превратиться в печеное яблоко, но мне хотелось напечатать еще пару страниц. *Делай что хочешь*, сказали мне женщины в моих снах. *Делай что хочешь*.

— Я должна купить Кире большого плюшевого медведя; какие продаются в касл-рокском «Кей-марте». Я скажу ей, что медведя она получает за хорошее пове-

дение, потому что не могу сказать правду. На самом-то деле она заслужила этот подарок благодаря прогулке по разделительной полосе.

— Только не покупайте черного! — вырвалось у меня, прежде чем я понял, что говорю.

— Черного? — В ее голосе слышались недоумение и тревога.

— Мне представляется, что коричневые смотрятся лучше. И в жизни они такие, — попытался я сгладить свою последнюю фразу.

— Понятно. — По голосу чувствовалось, что она собирается дальше пытать меня на предмет цвета медвежьего меха. — Знаете, если вчера вечером я чем-то вас расстроила, пожалуйста, извините. У меня и в мыслях не было...

— Не беспокойтесь. Я не расстроился. Возникли некоторые вопросы, ничего больше. Я практически забыл об этом загадочном свидании Джо. — Ложь, конечно, но, как я представлял себе, во благо.

— И это правильно. Не буду отрывать вас... возвращайтесь к работе. Вам же не терпится, так?

Я удивился:

— С чего вы так решили?

— Не знаю. Просто... — Она замолчала. И внезапно в моей голове прозвучали слова, которые она собиралась произнести, но не произнесла: *Этой ночью ты мне снился. Мне снилось, что мы вместе. Мы собирались заняться любовью, и один из нас сказал: «Делай что хочешь». А может, мы оба это сказали.*

Вероятно, шестое чувство все-таки есть. А может, и седьмое, и восьмое. Просто задействовать их могут далеко не все. А избранные могут, но не всегда.

— Мэтти? Вы на проводе?

— Конечно. Хотите, чтобы я и дальше держала вас в курсе событий? Или будете узнавать все, что вас интересует, от Джона Сторроу?

— Если вы не будете держать меня в курсе, я на вас рассержусь. Капитально рассержусь.

Она рассмеялась:

— Тогда буду. При условии, что в это время вы не будете работать. До свидания, Майк. И большое вам спасибо.

Я с ней попрощался, положил трубку, какое-то время стоял, глядя на старый телефонный аппарат из черного бакелита. Она будет держать меня в курсе, но только когда я не буду работать. Откуда ей знать, в какое время звонить? Она с этим разберется. Я в этом не сомневался. Как не сомневался в том, что она солгала, сказав, что Джо и мужчина в коричневом пиджаке спортивного покрова с кожаными заплатами на локтях пошли к автостоянке. И я знал, что одета сейчас Мэтти в белые шорты и топик. По средам она обходилась без платья или юбки, потому что в этот день библиотека не работала.

Ты же ничего этого не знаешь, ты все выдумываешь.

Но я не выдумывал. Если б выдумывал, одел бы ее во что-нибудь более соблазнительное, как Веселую Вдову из «Секрета Виктории».

Эта мысль потянула за собой другую. *Делай что хочешь*, сказали они. Обе. *Делай что хочешь*. Я знал, откуда эта фраза. Отдыхая на Ки-Ларго, я прочитал в «Атлантик мансли» статью о порнографии, написанную какой-то феминисткой. Кем именно, не помню, но точно не Найоми Вулф и не Камиллой Пагли. Женщина употребила эту фразу. Может, Салли Тисдейл? Или мое подсознание искало имя и фамилию, созвучные с Сарой Тидуэлл? Как бы то ни было, она заявляла, что «делай что хочешь» у женщин вызывает эротические ассоциации, тогда как у мужчин — порнографические. Женщины представляют себе, что они произносят эту фразу в соответствующей ситуации, мужчины представляют себе, что фраза эта обращена к ним. И когда, продолжала автор, секс не доставлял удовольствия, то ли из-за чрезмерной доли

насилия, то ли из-за стыда, то ли по какой-то иной причине, мужчина всегда обвинял в этом женщину. «Ты этого хотела! — безапелляционно заявлял он. — Перестань лгать и признавайся. Ты именно этого и хотела!»

Журналистка утверждала, что каждый мужчина мечтает услышать от своей партнерши: «Делай что хочешь». Кусай меня, трахай в зад, лижи мои пальцы на ногах, пей вино из моего пупка, причесывай меня, подставляй свою задницу, чтобы я ее отшлепала. Делай что хочешь. Дверь закрылась, мы в спальне, но на самом деле в спальне только ты, а я лишь покорная исполнительница твоих фантазий. У меня нет собственных желаний, собственных потребностей, для меня не существует никаких табу. Делай что хочешь с этой тенью, с этой фантазией, с этим призраком.

Прежде я думал, что журналистка как минимум на пятьдесят процентов несет пургу; предположение, что мужчина может получить настоящее сексуальное удовольствие, лишь превратив женщину в подопытного кролика, в большей степени раскрывает характер наблюдателя, а не участников. Дамочка в полной мере владела соответствующим сленгом и не была чужда остроумию, но из-под всего этого вылезали уши высказывания Сомерсета Моэма, вложенные им в уста Сейди Томпсон, персонажа рассказа «Дождь», написанного восемьдесят лет назад: мужчины — животные, эгоистичные животные, все до одного. Но ведь мы, как правило, не животные, пока нас не загоняют за предельную черту. А уж если загоняют, то речь редко идет не о сексе; обычно это вопрос власти. Я слышал аргумент феминисток, будто для мужчин секс и власть — все одно, но подобное утверждение очень уж далеко от правды.

Я направился к кабинету, открыл дверь, и тут за моей спиной вновь зазвонил телефон. Тут же ко мне вернулись, казалось бы, забытые эмоции: злость на телефон, желание вырвать шнур и запустить телефонным аппаратом

в стену. *Почему они звонят именно тогда, когда я пишу? Почему они не могут... ну... не могут позволить мне делать то, что хочется?*

Я усмехнулся и вернулся к столику, заметив на трубке влажный след своей ладони.

— Слушаю.

— Я же просил в ее обществе оставаться на виду.

— И вас с добрым утром, адвокат Сторроу.

— Вы, должно быть, в другом временном поясе, дружище. В Нью-Йорке уже четверть второго.

— Мы пообедали вместе. Во дворе. Действительно, потом я почитал девочке книжку и уложил ее в постель, но...

— Половина местного населения уже думает, что вы трахаетесь без перерыва, а вторая половина придет к тому же выводу, как только я, представляя ее интересы, появлюсь в суде. — Но злости в его голосе не было. Наоборот, по всему чувствовалось, что жизнью он доволен.

— Они смогут заставить вас сказать, кто оплачивает ваши услуги? — спросил я. — На судебном процессе по опеке?

— Нет.

— А в пятницу, когда я буду давать показания?

— Господи, да нет же! Дарджин тут же распрощается с опекуном *ad litem*, если двинется в этом направлении. Опять же у них есть основания не касаться секса. Они сосредоточатся на том, что Мэтти пренебрегает материнскими обязанностями и, возможно, грубо обращается с дочерью. Довод, что мать — не монахиня, мог сработать только в фильме «Крамер против Крамера». И потом, у них есть куда более серьезная проблема. — Голос Сторроу радостно зазвенел.

— Какая же?

— Максу Дивоуру восемьдесят пять лет, и он разведен. Более того, разведен дважды. Прежде чем доверить опеку над ребенком мужчине такого возраста, необходимо

принять во внимание вторичную опеку. Это, между прочим, очень важный момент, сравнимый с обвинениями матери в пренебрежении своими обязанностями и жестоким отношением к ребенку.

— В чем конкретно ее обвиняют? Вы знаете?

— Нет. И Мэтти не знает, потому что все сфабриковано. Она, между прочим, милашка...

— Я это заметил.

— ...и станет отличной свидетельницей. Жду не дождусь личной встречи с ней. А пока не уведите меня в сторону. Мы говорили о вторичной опеке, так?

— Так.

— У Дивоура есть дочь, которая признана психически ненормальной и содержится в закрытой клинике где-то в Калифорнии... вроде бы в Модесто. Не слишком удачный кандидат в опекуны.

— Не слишком.

— Его сыну, Роджеру... — я услышал шуршание страниц, — пятьдесят девять лет. Тоже не мальчик. Однако в наши дни многие в его возрасте становятся отцами. Люди у нас храбрые. Но Роджер — гомосексуалист.

Я вспомнил, что Билл Дин на это мне намекал.

— Вы только что сказали, что секс значения не имеет.

— Наверное, мне следовало сказать, разнополый секс значения не имеет. В некоторых штатах, Калифорния — один из них, однополый секс тоже не имеет значения... или на этот аспект смотрят сквозь пальцы. Но наше дело будет слушаться не в Калифорнии. Оно будет слушаться в Мэне, где люди без особого энтузиазма встретят известие о том, что маленькую девочку будут воспитывать двое женатых мужчин, в смысле женатых друг на друге.

— Роджер Дивоур женат? — Признаюсь, тут и я испытал прилив радости. Да, при этом мне стало стыдно: Роджер Дивоур жил как считал нужным, и едва ли он имел хоть малейшее отношение к планам своего престарелого родителя, но известие Сторроу меня обрадовало.

— Он и инженер-программист Моррис Риддинг завязали брачный узелок в 1996 году. Я выяснил это без труда, проведя компьютерный поиск. И если наше дело дойдет до суда, я постараюсь использовать эту информацию на полную катушку и с максимальной выгодой. Я, конечно, не знаю, что мне дадут сказать, а что — нет, но сделаю все, чтобы нарисовать благостную картину воспитания веселой, яркоглазой маленькой девочки двумя пожилыми геями, которые большую часть времени проводят в Интернете, рассуждая в «курилках», чем занимаются капитан Керк и мистер Спок*, после того как в офицерских каютах гаснет свет. Если у меня будет такой шанс, я им воспользуюсь.

— Жестоко, знаете ли. — По моему тону чувствовалось, что мне хочется, чтобы Сторроу разубедил меня, может, даже высмеял, но этого не произошло.

— Разумеется, жестоко. Все равно что на полной скорости въехать на тротуар и сбить двух прохожих. Роджер Дивоур и Моррис Риддинг не распространяют наркотики, не развращают маленьких мальчиков, не грабят старушек. Но это опека, а в делах об опеке препарировать человеческое существо словно насекомое даже проще, чем в бракоразводном процессе. А что меня особенно бесит, так это наглая прямота Макса Дивоура. Он ведь прибыл в свой родной город с одной-единственной целью — отсудить ребенка у любящей матери.

Я улыбнулся, представив себе моего адвоката, стоящего с ружьем у кроличьей норки, поглядывающего на воткнутую рядом табличку с надписью

ДИВОУР

— И мое послание Дивоуру очень простое: цена ребенка поднялась. Возможно, зашкалила за ту сумму, которую он может себе позволить.

* Герои популярного телесериала «Стар трек».

— Вы несколько раз повторили: если дело дойдет до суда. Вы думаете, существует вероятность того, что Дивоур отступит?

— И очень большая. Я бы даже сказал, что по-другому и быть не может, не будь он таким старым и не войди у него в привычку всегда добиваться своего. Опять же вопрос в том, возобладает ли его здравомыслие над упрямством. По приезде к вам я постараюсь встретиться с ним и его адвокатом, но пока мне не удалось пробиться дальше секретаря.

— Роджетт Уитмор?

— Нет, думаю, она стоит на ступень выше. С ней я тоже еще не говорил. Но поговорю.

— Попробуйте также пообщаться с Ричардом Осгудом или Джорджем Футменом, — посоветовал я. — Они оба смогут связать вас с Дивоуром или его адвокатом.

— Я все равно хочу переговорить с этой Уитмор. Такие мужчины, как Дивоур, с возрастом все больше доверяют своим личным помощникам, и, возможно, именно она может уговорить его дать задний ход. Она же может доставить нам массу неприятностей. Потому что в ее силах убедить его продолжить борьбу. То ли она уверена в его победе, то ли ей хочется поприусловствовать при жаркой драчке. Опять же она может выйти за него замуж.

— Замуж? За него?

— Почему нет? Он может подписать с ней брачный контракт, ограничивающий ее права на наследство, причем мне не удастся добиться его представления в суд точно так же, как и его адвокатам, не узнать через суд, кто нанял адвоката Мэтти, и это повысит его шансы.

— Джон, я видел эту женщину. Ей под семьдесят, а то и больше.

— Но она — потенциальный женский игрок в деле об опеке над маленькой девочкой и может стать промежуточным звеном между Дивоуром и женатыми гегями. Мы должны помнить об этом.

— Хорошо. — Я вновь взглянул на дверь кабинета, но желание работать уже поубавилось. Бывают моменты, когда надо закругляться, хочешь ты этого или нет. Такой момент для меня уже наступил. Может, вечером...

— Адвоката, которого я вам нашел, зовут Ромео Биссонетт. — Он помолчал. — Неужели это его настоящее имя?

— Он из Льюистона?

— Да, а как вы узнали?

— Потому что в Мэне, а особенно в Льюистоне, детей так называют. Я должен с ним встретиться? — Встречаться с Ромео мне не хотелось. До Льюистона пятьдесят миль двухполосного шоссе, которые придется ползти между кемперами и «виннебаго»*. А я бы предпочел искупаться и вздремнуть. Только без всяких сновидений.

— В этом нет нужды. Позвоните ему, обменяйтесь парой слов. Он — предохранительная сетка, не более того. Подаст протест, если в своих вопросах Дарджин обойдет инцидент, имевший место четвертого июля. Об инциденте говорите правду, всю правду и ничего, кроме правды. Это понятно?

— Да.

— Переговорите с ним заранее, а встретитесь уже в пятницу в... подождите... это где-то здесь... — Вновь зашелестели страницы записной книжки. — Встретитесь с ним в закусочной на Сто двадцатом шоссе в четверть десятого. Выпьете кофе. Познакомитесь поближе, может, поспорите насчет того, кому оплачивать чек. Я же хочу как можно больше времени провести с Мэтти. Нам, возможно, потребуется частный детектив.

— Мне нравится ход ваших мыслей.

— Само собой. Счета я буду посылать Голдэкру, он — вашему агенту, а ваш агент...

— Нет, — остановил я его. — Пусть Голдэкр посылает сюда мне. Гарольд — еврейская мамаша. И сколько мне это будет стоить?

* Разновидности домов на колесах.

— Минимум семьдесят пять тысяч долларов, — без запинки ответил Сторроу. Не слышалось в голосе и извиняющихся ноток.

— Не говорите Мэтти.

— Хорошо. Вы уже почувствовали, что живете, Майк?

— Между прочим, да, — подумав, ответил я.

— За семьдесят пять тысяч долларов и должны были почувствовать.

Мы распрощались. Я положил трубку на рычаг и подумал о том, что за последние пять дней пережил больше, чем за четыре последних года.

Телефон больше не звонил, и мне удалось добраться до стола, но я уже точно знал, что с работой на сегодня все. Сел за машинку, пару раз нажал клавишу RETURN и начал писать план следующей страницы в нижней части той, над которой работал, когда звонок оторвал меня от дела. До чего же мерзопакостное изобретение этот телефон, как мало хороших вестей получаем мы с его помощью. Сегодня, однако, исключение из общего правила, с улыбкой подумал я. Я работал. Работал! Часть моего сознания наслаждалась тем, что я сидел за столом, дышалось мне легко, сердце билось ровно, будущее, во всяком случае, профессиональное, казалось безоблачным. Я написал:

[СЛЕД.: Дрейк — Рейфорду. Останавливается у лотка с овощами, чтобы поговорить с парнем, который стоит за лотком, старый знакомец, ему нужно колоритное имя. Соломенная шляпа. Футболка с кем-то из Диснейленда. Говорят они о Шеклефорде.]

Я вытащил страницу из каретки, положил ее поверх уже отпечатанных и дописал ручкой:

Позвонить Теду Розенкрайфу
насчет Рейфорда

Розенкрайф, отслуживший свое моряк, жил в Дерри. Я пользовался его услугами при подборе материала для нескольких книг. Для одной он предоставил мне описание процесса изготовления бумаги, для второй — сведения о миграции некоторых перелетных птиц, для третьей — особенности архитектуры погребальных комнат пирамид. Мне всегда требовались «основные сведения», а не «полный объем информации». Свои произведения я предпочитал не перегружать конкретикой. Стиль Артура Хейли не по мне. Такие книги я и читать не могу, не то что писать. «Основные сведения» позволяли мне оживлять фон повествования. Рози это знал, и мы отлично сработались.

На этот раз мне хотелось получить основные сведения о флоридской тюрьме Рейфорда, особенно о той ее части, где приводились в исполнение смертные приговоры. Интересовала меня и психология серийных убийц. Я подумал, что Рози будет рад моему звонку... точно так же, как радовался ему я.

Я взял со стола восемь напечатанных через два интервала страниц и скоренько проглядел каждую, не переставая удивляться их существованию. Неужели они действительно вышли из-под моей руки?

Содержание мне понравилось. Все четыре года писательского воздержания ко мне продолжали приходиться идеи, тут никакого психологического барьера не возникало. Одна мне приглянулась особенно, именно на основе таких и пишутся бестселлеры, но только тогда я лишился способности писать. Еще с десятков идей попадало в категорию «очень неплохие». Некоторые, появившись, тут же начинали разрастаться, словно волшебное зернышко Джека. Но в большинстве своем они сверкали, как падающие звездочки, возникая, когда я вел

автомобиль, гулял или вечером лежал в кровати, ожидая, когда сон смежит мне веки. А потом пропадали вовсе или так превращались в романы.

Именно из такой «звездочки» родился «Мужчина в красной рубашке». Как-то раз я увидел мужчину в ярко-красной рубашке, который мыл витрину универмага «Джей-Си Пенни» в Дерри, еще до того, как «Пенни» перебазировался в торговый центр. Молодой человек и девушка прошли под лестницей... Как известно, это очень плохая примета. Впрочем, эти двое не знали, где они шли: держались за руки, смотрели друг другу в глаза, двое влюбленных, забывших о существовании окружающего мира. Высокий молодой человек головой едва не задел ног мойщика. Если б задел, тот точно свалился бы с лестницы.

Этот эпизод уместился в пять секунд. А вот «Мужчину в красной рубашке» я писал пять месяцев. Хотя на самом деле на создание книги ушло мгновение. В реальном мире голова молодого человека и ноги мойщика разминулись, я же представил себе, что будет при их соприкосновении. А написать книгу — дело техники.

Идея, которую я начал разрабатывать, не входила в число Действительно Великих Идей Майка (голос Джо настаивал на прописной букве в начале каждого слова), однако могла считаться звездочкой. Не имела она никакого отношения и к моим прежним готическим изыскам (на этот раз меня не могли бы назвать Ви-Си Эндрюс с членом). Однако добротность замысла не вызвала сомнений, отсюда и плодотворная утренняя работа.

Главного злодея звали Энди Дрейк. Частный детектив с Ки-Ларго. Сорока лет, разведенный, отец трехлетней дочери. Знакомство с ним происходило в Ки-Уэст, в доме Реджины Уайтинг. У миссис Уайтинг тоже была дочка, только пятилетняя. Мужем миссис Уайтинг был очень богатый владелец строительной фирмы, который понятия не имел о том, что стало известно Энди Дрейку: до 1992 года Реджину Тейлор Уайтинг звали Тиффани Тей-

лор и она работала в Майами девушкой по вызовам, причем высшего разряда.

Все это я напечатал до первого телефонного звонка. Но я уже знал, что за этим последует, поэтому в ближайшие несколько дней меня ждала рутинная работа при условии, что я не лишусь чудесным образом вернувшейся ко мне способности писать книги.

Однажды, когда Карен Уайтинг было три года, зазвонил телефон. Мама и дочка в это время сидели в маленьком бассейне во внутреннем двореке. Реджина сначала хотела попросить слугу ответить на звонок, но потом решила взять трубку сама: мужчина, который работал у них постоянно, свалился с гриппом, а обращаться к тому, что прислали на замену, она сочла неудобным. Наказав дочери сидеть, не шевелясь, Реджина выпрыгнула из бассейна, чтобы снять телефонную трубку. Карен подняла руку — отгородиться от волны, поднятой матерью — и при этом выронила куклу, которую мыла. Наклонилась, чтобы поднять ее со дна, и тут ее волосы втянуло в трубу, по которой мощный насос откачивал воду, обеспечивая циркуляцию (статья о подобном фатальном инциденте, прочитанная мной два или три года назад, как раз и стала отправной точкой сюжета).

Именно слуга, человек без имени, в рубашке цвета хаки, присланный на два-три дня, увидел, что произошло, и бросился к бассейну, прыгнул в воду и вытащил ребенка. Часть волос и кусок кожи так и остались на дне. Он сделал девочке искусственное дыхание, и она задышала вновь (мне не терпелось написать этот колоритный, вибрирующий от эмоций эпизод). Потом он отказывается от всех предложений о компенсации, которые как из рога изобилия сыплются изо рта потрясенной, чуть ли не бьющейся в истерике мамы. Но в конце концов оставляет ей свой адрес, чтобы его смог поблагодарить и ее муж. Как выясняется, и адрес, и имя с фамилией, Джон Сэнборн, оказываются фальшивыми.

Двумя годами позже добропорядочная жена, которая в прошлом вела совсем другую жизнь, видит фотографию мужчины, спасшего ее ребенка, на первой полосе майамской газеты. В статье указано, что его зовут Джон Шеклефорд и он арестован за изнасилование девятилетней девочки. Более того, он подозревается в совершении чуть ли не сорока других убийств, в основном детей. «Вы поймали Бейсболиста? — выкрикнет один из репортеров на пресс-конференции. — Вы поймали Бейсболиста?»

— Что ж, — сказал я себе, спускаясь вниз, — полиция ответит, что сомнений в этом нет.

В этот день слишком много катеров бороздило поверхность озера, так что от купания нагишом пришлось отказаться. Я надел плавки, перебросил полотенце через плечо и пошел вниз по лестнице-тропе, той самой, что в моем сне освещалась бумажными фонариками. Чтобы смыть пот ночных кошмаров и неожиданных утренних трудов.

«Сару-Хохотушку» отделяют от озера тридцать три ступеньки-шпалы. Четыре или пять остались позади, когда до меня наконец-то дошло, что случилось. Губы у меня задрожали. Деревья, вода, небо — все расплылось перед глазами. Из горла вырвался сдавленный стон. Колени подогнулись, я плюхнулся на шпалу-ступеньку. На какое-то мгновение мне показалось, что всё уже позади, ложная тревога, но слезы покатились градом. Я ухватил зубами край полотенца, чтобы не рыдать в голос. Боялся, что меня услышат на каком-нибудь катере и подумают, что кого-то убили.

Я оплакивал бесцельно прожитые годы — годы без Джо, без друзей, без работы. Я плакал из благодарности — я вновь обрел возможность работать. Разумеется, полной уверенности у меня не было и быть не могло — восемь страниц ничего не доказывали, но я все-таки склонялся к мысли, что худшее позади. И я плакал из страха, как плачем мы все, попав в ужасную передрыгу

и выйдя из нее живыми. Я плакал, потому что внезапно понял: со дня смерти Джо я шагал по белой линии; подчерченной посреди мостовой и разделяющей встречные полосы движения. И каким-то чудом меня перенесли в безопасное место. Я и представить себе не мог, кому я обязан своим спасением, но вот это как раз волновало меня в последнюю очередь — ответ на этот вопрос я мог поискать и в другой день.

Я выплакал все, что мог. А потом спустился к озеру и поплыл. Вода быстро охладила мое разгоряченное тело: я словно заново родился.

Глава 15

— Назовите ваше имя и фамилию для внесения в протокол.

— Майкл Нунэн.

— Ваш адрес?

— Постоянно проживаю по адресу — Дерри, Бентон-стрит, четырнадцать, но у меня также есть дом в Тэ-Эр-90, на озере Темный След. Почтовый адрес — абонентский ящик номер восемьсот тридцать два. Дом находится на Сорок второй дороге, отходящей от Шестьдесят восьмого шоссе.

Элмер Дарджин, опекун *ad litem* Киры Дивоур, помахал пухлой ручкой перед лицом, то ли отгоняя назойливое насекомое, то ли показывая мне, что пора ставить точку. В принципе я бы с ним согласился, но, откровенно говоря, мне хотелось продолжить, взяв пример с маленькой девочки из «Нашего города», которая сказала, что ее адрес — Гроверс-Корнер, штат Нью-Хемпшир, Америка, Северное полушарие, Земля, Солнечная система, галактика Млечный Путь, Мир Господень. Наверное, потому, что я нервничал. Дожив до сорока лет, я никогда не участвовал в судебном процессе. И хотя находились

мы в конференц-зале адвокатской конторы «Дарджин, Питерс и Джарретт» на Мостовой улице в Касл-Роке, я полагал, что для меня процесс уже начался.

Тут необходимо упомянуть об одной мелочи, которая очень удивила меня. Стенографист пользовался не привычной машинкой с клавишами, похожей на арифмометр, а стеномаской, которая закрывала нижнюю половину его лица. Такие я видел только в старых черно-белых гангстерских фильмах, в которых Дэн Дюрьи* и Джон Пэйн** развезжали в изрешеченных пулями «бьюиках», с суровыми лицами и дымящимся «Кэмелом» во рту. Чем-то стенографист напоминал пилота допотопного истребителя, какие давно уже отправлены на свалку истории. Странное он являл собой зрелище, а уж особенно странным казалось его монотонное бормотание: стенографист повторял все сказанное присутствующими.

— Благодарю вас, мистер Нунэн. Моя жена прочитала все ваши книги и говорит, что вы — ее любимый писатель. Я хочу, чтобы это внесли в протокол. — Дарджин добродушно хохотнул. Почему нет? Толстякам свойственно добродушие. Толстяков я, надо сказать, люблю. Большую их часть. Потому что необъятная талия обычно свидетельствует о легком характере. Но есть среди них подвид, который я называю Злобные маленькие толстяки. С ЗМТ лучше не связываться, если, конечно, можно этого избежать. Они сожгут твой дом и изнасилуют твою собаку, если ты дашь им половинку повода и четвертушку шанса. Редко кто из них вытягивается до пяти футов

* Дюрьи, Дэн (1907–1968) — американский актер театра и кино, блистал в 40–50-е годы. Снялся более чем в 60 фильмах и популярных телесериалах («Пейтон-Плейс»). Обычно играл циничного злодея, перед которым не могли устоять женщины.

** Пэйн, Джон (1912–1989) — сын оперной певицы, начинал свою артистическую карьеру как вокалист. В Голливуде с 1935 г. Блестяще сыграл несколько главных ролей в мюзиклах. Со временем переключился на вестерны и гангстерские фильмы.

двух дюймов* (по моим прикидкам, рост Дарджина), а в большинстве своем не дотягивают и до пяти футов. Они часто улыбаются, но улыбка не затрагивает их глаза. Злобные маленькие толстяки ненавидят весь мир. А особенно люто они ненавидят тех, кто может посмотреть вниз и увидеть свои ноги. Я мог, хотя уже и с трудом.

— Пожалуйста, мистер Дарджин, передайте вашей жене, что я ей искренне признателен за столь высокую оценку. Я уверен, что она может порекомендовать вам лучшую из моих книг.

Дарджин вновь хохотнул. Справа от него хихикнула его помощница, очаровательная молодая женщина, похоже, только что, максимум семнадцать минут назад, окончившая юридическую школу. Слева от меня фыркнул Ромео Биссонетт. В углу самый старый в мире пилот «Ф-111» продолжал бормотать в свою стеномаску.

— Я подожду экранизации, — ответил Дарджин.

И глазки его злобенько блеснули, словно он знал, что ни по одной из моих книг полнометражного фильма так и не сняли, а телефильм по роману «Быть вдвоем», мягко говоря, не снискал лавров. Я надеялся, что на этом мы с комплиментами покончили.

— Я — опекун *ad litem* Киры Дивоур, — продолжил Дарджин. — Вы знаете, что это означает, мистер Нунэн?

— Вроде бы знаю.

— Это означает, — Дарджин предпочел меня не слышать, — что я назначен судьей Рэнкортом, с тем чтобы определить, когда и как интересы Киры Дивоур будут защищены наилучшим образом, если дело об опеке будет передано в суд. Судья Рэнкорт не обязан выносить решение, исходя из моих рекомендаций, но в большинстве случаев судья поддерживает мнение опекуна *ad litem*.

Он смотрел на меня, сложив ручки на чистом, без единой записи, блокноте. Зато его миловидная помощница строчила как пулемет. Возможно, она не доверяла

* Приблизительно 158 см.

пилоту истребителя. Дарджин же держал паузу, словно ожидая аплодисментов.

— Вы задали вопрос, мистер Дарджин? — полюбопытствовал я и тут же получил от Ромео Биссонетта пинок в колено. Я даже не повернулся к нему: и так понял, что пинок не случайный.

Дарджин надул пухлые губки. На его блестящей лысине осталось с десяток аккуратно уложенных волосинок. Он оценивающе посмотрел на меня. Во взгляде читалась многовековая ненависть Злобных маленьких толстяков. Да уж, время комплиментов прошло.

— Нет, мистер Нунэн, вопроса я вам не задавал. Просто подумал, что вам интересно знать, а почему мы лишили вас возможности провести это прекрасное утро на озере. Наверное, ошибся. А теперь, если...

Послышался стук в дверь, вслед за чем в конференц-зале появился наш общий знакомец Джордж Футмен. На сей раз не в кливлендском прикиде, а в униформе помощника шерифа. С широким кожаным ремнем и револьвером в кобуре. Оценивающе обозрел бюст помощницы Дарджина, достоинства которого подчеркивала блузка из синего шелка, протянул ей папку и кассетный магнитофон. Прежде чем уйти, коротко глянул на меня. *Я тебя помню, дружище*, говорил его взгляд.

Остряк-писатель, который за свидание много не берет.

Ромео Биссонетт наклонил ко мне голову. Его рот оказался рядом с моим ухом.

— Пленка Дивоура, — выдохнул он.

Я кивнул, показывая, что все понял, и вновь сосредоточился на Дарджине.

— Мистер Нунэн, вы встречались с Кирой Дивоур и ее матерью, Мэри Дивоур, не так ли?

Как могла Мэри стать Мэтти, изумился я... а потом все понял, точно так же, как понял, откуда взялись шорты и топик. Когда Ки попыталась произнести «Мэри», у нее получилось «Мэтти».

— Мистер Нунэн, мы вас задерживаем?

— В сарказме надобности нет, не так ли? — вмешался Биссонетт, не повышая голоса. Однако взгляд, брошенный на него Элмером Дарджином, ясно говорил, что, как только ЗМТ захватят власть над миром, Биссонетт отправится на каторгу с первой же партией заключенных.

— Извините, — вставил я, прежде чем Дарджин успел ответить. — Отвлекся на пару секунд.

— Пришла новая идея для романа? — Дарджин широко улыбнулся. В пиджаке спортивного покроя он очень уж напоминал жабу. Он повернулся к старому пилоту, приказал вычеркнуть свою последнюю фразу и повторил вопрос насчет Киры и Мэтти.

— Да, — ответил я, — я с ними встречался.

— Один раз или больше, чем один?

— Больше, чем один.

— Сколько раз вы с ними встречались?

— Два.

— Вы также разговаривали с Мэри Дивоур по телефону?

Не нравились мне эти вопросы. Я чувствовал, куда он клонит.

— Да.

— Сколько раз?

— Трижды. — Последний раз мы говорили вчера. Она предложила мне присоединиться к ней и Джону Сторроу. Они договорились встретиться за ленчем в городском парке. Действительно, где же еще встречаться с симпатичной девушкой, как не у всех на глазах... тем более что роль дуэньи сыграет нью-йоркский адвокат.

— Вы разговаривали по телефону с Кирой Дивоур?

Станный, однако, вопрос. Никто не предупреждал меня, что его могут задать. Полагаю, Дарджин об этом догадывался.

— Мистер Нунэн?

— Да, один раз я с ней разговаривал.

— Вы можете пересказать нам ваш разговор?

— Ну... — Я вопросительно посмотрел на Биссонетта, но никакой помощи не получил. Очевидно, он тоже не знал, как вести себя в сложившейся ситуации. — Мэтти....

— Извините. — Дарджин наклонился ко мне. Вперился в меня взглядом. Глазки едва виднелись меж розовых складок. — Мэтти?

— Мэтти Дивоур. Мэри Дивоур.

— Вы называете ее Мэтти?

— Да, — ответил я и едва подавил нестерпимое желание добавить: «В постели! Именно так я называю ее в постели! "О, Мэтти, не останавливайся, не останавливайся! Я сейчас кончу!"» — Так она представилась при нашей встрече. Мы познакомились...

— Мы до этого еще дойдем, а сейчас меня интересует ваш телефонный разговор с Кирой Дивоур. Когда вы говорили с ней?

— Вчера.

— Девятого июля 1998 года.

— Да.

— Кто звонил?

— Мэт... Мэри Дивоур. — А теперь он спросит, зачем она звонила, подумал я, и я отвечу, что она хотела договориться о еще одном секс-марафоне, а в прелюдии мы намеревались угощать друг друга вишней в шоколаде, рассматривая фотоснимки обнаженных карликов.

— Как получилось, что трубка перешла к Кире Дивоур?

— Она спросила у матери, может ли она поговорить со мной. Я слышал, как она говорила Мэтти, что ей надо мне кое-что рассказать.

— И о чем она хотела вам рассказать?

— О своей первой пенистой ванне.

— Она также сказала вам, что кашляла?

Я молча смотрел на него. В этот момент я понял, почему люди ненавидят адвокатов, особенно если они не на твоей стороне и знают свое дело.

— Мистер Нунэн, вы хотите, чтобы я повторил вопрос?

— Нет. — Мне хотелось знать другое: откуда у него эта информация? Они поставили «жучка» на телефонную линию Мэтти? Или на мою? На обе? Наверное, впервые я осознал, каково противостоять полумиллиарду долларов. И с такими деньгами можно поставить «жучки» на много телефонов. — Она сказала, что ее мать гнала на нее пену и она закашлялась. Но она...

— Благодарю вас, мистер Нунэн, теперь давайте...

— Позвольте ему закончить, — оборвал Дарджина Биссонетт. Как мне показалось, он не рассчитывал, что его участие будет столь активным, но ему это даже нравилось. Сидел он, конечно, с сонным видом, но ничего не упускал. — Мы не в зале суда, и вы не ведете перекрестный допрос.

— Я должен превыше всего ставить благополучие маленькой девочки. — Помпезность фразы не очень-то вязалась с его намерениями. — И к своим обязанностям я отношусь очень серьезно. Если вам кажется, что я придираюсь к вам, мистер Нунэн, прошу меня извинить.

Я не нуждался в его извинениях.

— Я лишь хотел отметить, что Ки смеялась, рассказывая мне об этом. Она сказала, что они с матерью устроили пенную битву. И ее мать смеялась, когда девочка передала ей трубку.

Дарджин открыл папку, которую принес ему Футмен, и пролистывал находящиеся в ней бумаги, словно и не слышал моих слов.

— Ее мать... Мэтти, как вы ее называете.

— Да. Мэтти, как я ее называю. Как вы узнали о том, что мы разговаривали по телефону?

— Это не ваше дело, мистер Нунэн.

Он выбрал нужный листок и закрыл папку. Подержал его на весу, как врач, разглядывающий рентгеновский снимок, и я увидел на нем текст, напечатанный через один интервал.

— Давайте вернемся к вашей первой встрече с Мэри и Кирой Дивоур. Она произошла четвертого июля, не так ли?

— Да.

Дарджин покивал.

— Утром четвертого июля. Первой вы встретили Киру Дивоур?

— Да.

— Вы встретили ее первой, потому что Мэри Дивоур с ней в тот момент не было, так?

— Ваш вопрос сформулирован неудачно, мистер Дарджин, но полагаю, что ответ на него — да.

— Я польщен, что мою речь корректирует писатель, книги которого не покидают списки бестселлеров. — Дарджин улыбался. Улыбка предполагала, что он хотел бы видеть меня рядом с Ромео Биссонеттом в партии каторжников. — Расскажите нам о вашей первой встрече, сначала с Кирой Дивоур, а потом с Мэри Дивоур. Или с Мэтти, если это имя нравится вам больше.

Я рассказал. Когда я закончил, Дарджин поставил перед собой кассетный магнитофон. Ногти его пухлых пальцев блестели совсем как губы:

— Мистер Нунэн, вы могли задавить Киру, не так ли?

— Ни в коем разе. Я ехал со скоростью тридцать пять миль в час, как того и требовал знак ограничения скорости. И времени, чтобы остановиться, мне хватило с лихвой.

— Допустим, вы ехали бы с противоположной стороны, держа путь на север, а не на юг. Хватило бы вам времени, чтобы остановиться?

Пожалуй, забота об интересах ребенка прозвучала только в этом вопросе. У того, кто высказывал из-за поворота, времени, конечно же, было меньше. Но...

— Да, — ответил я.

Брови Дарджина взлетели вверх.

— Вы в этом уверены?

— Да, мистер Дарджин. Возможно, мне пришлось бы чуть сильнее надавить на тормоз, но...

— При скорости тридцать пять миль в час?

— Да, при скорости тридцать пять миль в час. Я же говорил вам, именно эта цифра указана на...

— ...на знаке ограничения скорости, регулирующем движение на этом участке Шестьдесят восьмого шоссе. Да, вы мне об этом говорили. Безусловно, говорили. Как по-вашему, многие водители соблюдают скоростной режим на этом участке дороги?

— С 1993 года я практически не бывал в Тэ-Эр, поэтому...

— Перестаньте, мистер Нунэн. Это же не эпизод из вашей книги. Просто отвечайте на мои вопросы, а не то мы просидим здесь до вечера.

— Я делаю все, что в моих силах, мистер Дарджин. Он вздохнул.

— Коттедж на озере Темный След вы купили в восьмидесятых, не так ли? С тех пор режим ограничения скорости на участке Шестьдесят восьмого шоссе, где расположены супермаркет, почта и авторемонтная мастерская Дика Брукса — это место еще называют Северной деревней, — не изменился, не правда ли?

— Нет, — признал я.

— Тогда вернемся к моему исходному вопросу: как по-вашему, многие водители на этом участке дороги сбрасывают скорость до тридцати пяти миль в час?

— Точно сказать не могу, такой статистики у меня нет, но, полагаю, многие едут быстрее.

— Желаете заслушать показания помощника шерифа Футмена, мистер Нунэн? Он убежден, что в Тэ-Эр-90 чаще всего водители штрафуются за превышение скорости именно на этом участке дороги.

— Не хочу, — честно ответил я.

— Пока вы разговаривали с Кирой Дивоур, а потом с Мэри Дивоур, мимо проезжали другие автомобили?

- Да.
- Сколько?
- Не помню. Наверное, два.
- А может, и три?
- Возможно.
- Пять?
- Нет, меньше.
- Но назвать точную цифру вы не можете?
- Нет.
- Потому что Кира Дивоур была очень расстроена?
- Наоборот, для своего возраста она держалась...
- Она плакала в вашем присутствии?
- Ну... да.
- Мать довела ее до слез?
- Это несправедливо.
- Так же несправедливо, как и отпускать трехлетнего ребенка погулять на шоссе, или, по вашему мнению, менее несправедливо?

— Прекратите, — подал голос мистер Биссонетт. На его лице читалась печаль.

— Я снимаю вопрос, — ответил Дарджин.

— Который из двух? — уточнил я.

Он устало взглянул на меня, показывая, что ему постоянно приходится иметь дело с такими говнюками и к нашим выходкам он привык.

— Сколько автомобилей проехало мимо вас за время вашего общения с Дивоурами? То есть начиная с того момента, как вы взяли девочку на руки и унесли в безопасное место, и до их отъезда?

Мне очень не понравилось упоминание «безопасного места», но я еще формулировал ответ, а старик уже успел прошептать вопрос в свою стеномаску. А в общем-то именно это я и сделал. Против истины не попрешь.

— Я же сказал, что точно не знаю.

— Но предположить-то вы можете?

— Скорее всего три.

— Включая автомобиль Мэри Дивоур? Она ехала на... — он сверился с бумажкой, которую выудил из папки, — на джипе «скаут» модели 1982 года.

Я вспомнил, как Ки отметила: «Мэтти едет быстйю», — и понял, куда клонит Дарджин. Но воспрепятствовать не мог.

— Да, включая и автомобиль Мэтти. Она приехала на «скауте». Какого года, не знаю.

— Она ехала со скоростью, меньшей разрешенной, равной разрешенной или превышала установленный предел скорости, когда проскочила мимо того места, где стояли вы с Кирой на руках?

Конечно, она мчалась как минимум со скоростью пятьдесят миль в час, но я ответил Дарджину, что точно сказать не могу. Он убеждал меня поднапрячься и вспомнить (*я понимаю, накидывать петлю на шею другого человека для вас в новинку, мистер Нунэн, но у вас получится, если вы постараетесь*), но я вежливо свел на нет все его усилия.

Он опять взялся за бумажку.

— Мистер Нунэн, вас, наверное, удивит, но два свидетеля, Ричард Брукс-младший, владелец «Автомастерской Дикки», и Ройс Меррилл, бывший плотник, ныне пенсионер, утверждают, что ехала миссис Дивоур гораздо быстрее разрешенных тридцати пяти миль.

— Не знаю. Меня больше занимала маленькая девочка.

— Ройс Меррилл считает, что она мчалась со скоростью шестьдесят миль в час.

— Это нелепо. На такой скорости при резком торможении джип бы занесло, и она оказалась бы в кювете.

— Тормозной след, измеренный помощником шерифа Футменом, свидетельствует о том, что в момент торможения скорость джипа как минимум равнялась пятидесяти милям в час.

В голосе отсутствовали вопросительные интонации, однако Дарджин с вызовом смотрел на меня, как бы

предлагая вступить в спор, отстаивая заведомо ложное утверждение. Я на это не клюнул. Дарджин сложил пухлые ручки на груди, чуть наклонился вперед.

— Мистер Нунэн, если бы вы не перенесли Киру Дивоур на обочину... Если бы вы не спасли ее... могла бы мать Киры Дивоур задавить ее?

Как я мог ответить на этот более чем серьезный вопрос? Биссонетт не спешил мне на помощь, предпочитал строить глазки симпатичной помощнице Дарджина. Я подумал о книге, которую Мэтти читала в паре с «Бартлби» — роман Норта Паттерсона «Молчаливый свидетель». В отличие от адвокатов Гришэма паттерсоновские практически всегда знали, что надо делать и как. «Я возражаю, ваша честь, вопрос требует умозаключений со стороны свидетеля».

Я пожал плечами:

— К сожалению, не могу сказать. Оставил магический кристалл дома.

Вновь я заметил злость, сверкнувшую в глазах Дарджина.

— Мистер Нунэн, я могу заверить вас, что лучше бы вам ответить на вопрос сейчас. Потому что в противном случае вас вызовут сюда из Малибу, Файр-Айленда или любого другого места, где вы будете писать свой следующий опус, чтобы получить честный ответ.

Я снова пожал плечами:

— Вызовут так вызовут. Говорю вам, мое внимание сосредоточилось на ребенке. Я не могу сказать, с какой скоростью ехала мать девочки, я также не знаю, какова острота зрения Ройса Меррилла и тот ли тормозной след замерял помощник шерифа Футмен. Уверяю вас, на том участке дороги стерто много резины. Допустим, она ехала со скоростью пятьдесят миль в час. Пусть даже пятьдесят пять. Ей двадцать один год, Дарджин. У водителей в этом возрасте отменная реакция. Она наверняка с легкостью объехала бы девочку.

— Я думаю, достаточно.

— Почему? Вы затыкаете мне рот, потому что я не говорю тех слов, которые вам хотелось услышать? — Ботинки Биссонетта еще раз ткнулись мне в лодыжку, но я и не думал останавливаться. — Если вы на стороне Киры, почему вы ведете себя так, будто вам поручено отстаивать интересы ее деда?

Ехидная улыбка слегка искривила губы Дарджина. Она означала: «Ладно, умник, ты сам на это напросился».

Он чуть пододвинул к себе магнитофон.

— Раз уж вы упомянули деда Киры, мистера Максвелла Дивоура из Палм-Спрингса, давайте немного поговорим о нем. Не возражаете?

— Это ваш монастырь.

— Вы разговаривали с Максвеллом Дивоуром?

— Да.

— Лично или по телефону?

— По телефону. — Сначала я хотел упомянуть о том, что он каким-то образом раздобыл мой номер, не внесенный в справочник, но потом вспомнил, что его раздобыла и Мэтти, и решил не касаться этой темы.

— Когда это произошло?

— В прошлую субботу, вечером. Четвертого июля. Он позвонил мне, когда я любовался фейерверком.

— И предметом вашего разговора стало утреннее происшествие?

Задавая этот вопрос, Дарджин сунул руку в карман и достал магнитофонную кассету. Нарочитым, показным жестом. В этот момент он более всего напоминал фокусника, который демонстрирует обе стороны шелкового носового платка. И он блефовал. Я не мог этого знать... и тем не менее знал. Дивоур записал наш разговор на магнитофон (даже по ходу разговора я обратил внимание на очень высокий уровень статического шума), и я полагал, что именно эта запись и была на кассете, которую Дарджин вставлял в магнитофон... но он блефовал.

— Я не помню.

Дарджин застыл, не успев закрыть прозрачную панель над кассетной нишей. Вытаращился на меня. Он словно не верил своим ушам. Но во взгляде читалось и что-то еще. Скорее всего злость.

— Не помните? Да полно, мистер Нунэн. Уж писатели-то умеют запоминать разговоры, а этот состоялся всего лишь неделю назад. Расскажите мне, о чем вы говорили.

— Действительно не помню, — бесстрастно повторил я.

Какое-то мгновение на лице Дарджина читалась паника. Потом он взял себя в руки. Указательным пальцем правой руки провел по клавишам, маркированным REW, FF, PLAY, REC.

— И как мистер Дивоур начал разговор?

— Поздоровался, — ответил я, и из-под стеномаски донесся какой-то странный звук. Возможно, старик откашлялся. А может, подавил смешок.

На щеках Дарджина вспыхнули пятна румянца.

— А потом? Что он сказал после того, как поздоровался?

— Не помню.

— Он спрашивал вас о том, что случилось утром?

— Не помню.

— Разве вы не говорили ему, что Мэри Дивоур и ее дочь были вместе, мистер Нунэн? Что они вдвоем собирали цветы? Разве не эти слова услышал от вас встревоженный дедушка, когда поинтересовался инцидентом, о котором в тот день говорил весь город?

— О Господи, — вздохнул Биссонетт. — По-моему, достаточно.

Дарджин пронзил его взглядом. Пятна румянца на щеках заметно увеличились, губы чуть разошлись, обнажая маленькие, но, похоже, острые зубки.

— О чем вы? — рявкнул он, словно Биссонетт случайно заглянул в конференц-зал, чтобы рассказать о Пути мормонов или, возможно, об обществе розенкрейцеров.

— Я хочу, чтобы вы прекратили направлять этого человека в нужном вам направлении. И я хочу, чтобы весь этот монолог о цветочках вычеркнули из протокола.

— Почему? — пожелал знать Дарджин.

— Потому что вы пытаетесь внести в протокол сведения, не упомянутые свидетелем. Если хотите, давайте сделаем перерыв, чтобы мы смогли связаться с судьей Рэнкортм, узнать его мнение...

— Я снимаю вопрос, — прервал его Дарджин. Мне показалось, что его распирает от бессильной ярости. — Мистер Нунэн, вы хотите помочь мне выполнить возложенное на меня поручение?

— Я хочу помочь Кире Дивоур, если предоставится такая возможность.

— Очень хорошо. — Он кивнул, словно речь шла об одном и том же. — Тогда, пожалуйста, скажите мне, о чем вы говорили с Максвеллом Дивоуром.

— Не могу вспомнить. — Я поймал его взгляд. — Может, вы сможете освежить мою память?

В конференц-зале повисла мертвая тишина, какая бывает за покерным столом, где играют по-крупному, аккуратно перед тем, как игроки вскрывают карты. Даже пилот-истребитель затих, поверх маски глядя на Дарджина. А тот отодвинул от себя кассетный магнитофон и продолжил задавать вопросы об утренних событиях четвертого июля. О моем обеде с Мэтти и Кирой он даже не вспомнил и более не упоминал о телефонном разговоре с Максом Дивоуром, том самом, в ходе которого я сказал многое из того, чего говорить не следовало.

На вопросы я отвечал до половины двенадцатого, но, по существу, допрос закончился в тот самый момент, когда Дарджин отодвинул от себя магнитофон. И мы оба это знали.

— Майк! Майк! Сюда!

Мэтти махала мне рукой. Она сидела за одним из столиков в зоне для пикников позади эстрады. Как мне

показалось, веселая и счастливая. Я вскинул руку, показывая, что сигнал принят, и направился к ней, лавируя между детскими игрушками, огибая молоденькую парочку, целующуюся, и не только, прямо на траве, у всех на глазах, пригибаясь, чтобы разминуться с фрисби, которую тут же, подпрыгнув, поймала пастью немецкая овчарка.

Рядом с ней сидел худощавый рыжеволосый мужчина, но его я удостоил разве что мимолетным взглядом. А Мэтти бросилась мне навстречу, обняла за шею и поцеловала прямо в губы, с такой силой, что чуть ли не размазала их по моим же зубам. Когда она подалась назад и наши губы с громким чмоканьем分离, ее глаза сияли от радости.

— Это ваш лучший поцелуй, не так ли?

— За последние четыре года — безусловно, лучший, — ответил я. — Согласны?

И если б она не отступила на шаг, то ощутила бы наглядное доказательство того, что поцелуй мне понравился.

— Придется соглашаться. — Она повернулась к рыжему и как-то разом сникла. — Правильно я поступила?

— Скорее всего нет, но по крайней мере стариков из автомастерской здесь нет. Майк, я — Джон Сторроу. Очень приятно познакомиться.

Мне он понравился сразу. Возможно, потому, что в момент нашей встречи он, одетый в костюм-тройку, расставлял бумажные тарелки на пластмассовом столике для пикника. Рыжие вьющиеся волосы, белоснежная, в веснушках, кожа, которая никогда не коричневеет, только обгорает и слезает клочьями. Крепкая, но больно уж костлявая рука. В свои тридцать с небольшим выглядел он не старше Мэтти, а пятью годами раньше, чтобы получить порцию виски, ему наверняка приходилось показывать бармену водительское удостоверение.

— Присядьте. — Он указал на свободный стул. — Ленч у нас из пяти блюд, спасибо «Касл-рокским деликатесам»: «сэндвичи героя»*, почему-то названные «итальянскими»... сырные палочки... картофель, жаренный с чесноком... «Туинкиз»**.

— Я насчитал только четыре.

— Забыл про прохладительные напитки, — ответил Джон и достал из бумажного пакета три высокие бутылки с безалкогольным пивом. — Давайте поедим. По пятницам и субботам Мэтти с двух до восьми работает в библиотеке, и сейчас ей никак нельзя опаздывать на работу.

— Как прошло вчерашнее заседание литературного кружка? — спросил я. — Судя по всему, Линди Бриггс не съела вас живьем.

Мэтти рассмеялась, захлопала в ладоши:

— Я произвела фурор! Потрясла всех! Правда, не решилась сказать им, что лучшие идеи почерпнула от вас...

— Возблагодарим Господа за дарованные Им маленькие радости. — Сторроу уже разворачивал свой сэндвич, очень осторожно, кончиками пальцев.

— ...поэтому сослалась на пару книг, в которых, мол, и нашла подтверждение некоторым моим мыслям.

— Хорошо.

— А где же Биссонетт? — спросил Сторроу. — Никогда не встречал человека по имени Ромео.

— Он сказал, что должен возвращаться в Льюистон. Попросил передать его извинения.

— Может, и хорошо, что вначале мы не собираемся толпой. — Он откусил кусочек сэндвича и в удивлении посмотрел на меня: — Вкусно, однако. Расскажите нам, как прошел допрос.

* Длинная булка, разрезанная вдоль, с начинкой из нескольких видов мяса, сыра с салатом и приправами.

** Печенье с кремовой начинкой, выпускается с 1930 г. по рецепту чикагского кондитера Дж. Дьюара.

Я рассказывал, а они ели. Закончив свой рассказ, я тоже взялся за сэндвич. Действительно вкусно, пусть и не слишком полезно для здоровья.

— Очень интересно, — покивал Джон. — Действительно, очень интересно. — Он достал из пакета сырную палочку, разломил и в притворном ужасе уставился на белую сердцевину. — Здесь люди это едят?

— В Нью-Йорке люди едят рыбы воздушные пузыри, — ответил я. — Сырыми.

— Есть и такое. — Он макнул сырную палочку в пластиковую баночку с соусом для спагетти и съел.

— Ну что?

— Неплохо. Лучше бы, конечно, их разогреть.

Да, тут я не мог с ним не согласиться. Горячая сырная палочка куда как вкуснее холодной.

— Если у Дарджина была магнитофонная запись, почему он не дал ее прослушать? — спросила Мэтти. — Я не понимаю.

Джон вытянул руки, сцепил их, похрустел пальцами, отечески посмотрел на Мэтти:

— Точного ответа мы никогда не узнаем.

Сторроу полагал, что Дивоур откажется от иска. Убежденность в этом читалась в каждом его движении, во всех интонациях. Такой настрой внушал определенные надежды, но мне не хотелось бы, чтобы его эйфория захватила и Мэтти. Пусть Сторроу выглядит моложе своих лет и, возможно, лишь играет роль простака (на что я очень надеялся), но все-таки он еще слишком молод. Опять же ни он, ни Мэтти не знали истории о снегокате Скутера Ларриби. И оба они не видели лица Билла Дина, когда тот эту историю рассказывал.

— Хотите услышать мои предположения?

— Безусловно.

Джон положил сэндвич на бумажную тарелку, вытер пальцы и тут же начал их загибать.

— Во-первых, звонил он. А записанные на магнитофонную ленту разговоры в такой ситуации имеют весьма

сомнительную ценность. Во-вторых, этот разговор составляет его далеко не в лучшем свете, так?

— Так.

— И в-третьих, ваша ложь бросает тень исключительно на вас, Майк, но отнюдь не на Мэтти. Между прочим, мне очень понравился этот эпизод с пеной, которую Мэтти гнала Кире в лицо. Если это все, что есть у них за душой, они могут прямо сейчас выбрасывать белый флаг. И последнее — я, кстати, думаю, что именно здесь зарыта собака, — Дивоур скорее всего страдает болезнью Никсона.

— Болезнью Никсона? — переспросила Мэтти.

— Пленка, оказавшаяся у Дарджина, — далеко не единственная. И ваш свекор боится, что мы можем затребовать все имеющиеся пленки, записанные специальной аппаратурой в «Уэррингтоне», если он воспользуется хотя бы одной из них. А я их затребую, можете не сомневаться.

На лице Мэтти отразилось недоумение.

— А что на них может быть? И потом, если эти пленки можно использовать против него, почему он их не уничтожит?

— Наверное, не может, — ответил я. — Они нужны ему для чего-то еще.

— Это не важно, — вмешался Джон. — А вот то, что Дарджин блефовал, очень даже важно. — Ребром ладони он ударил по столу. — Я думаю, он откажется от иска. Я в этом почти уверен.

— Рассчитывать на это еще нет оснований, — возразил я, но по сияющему лицу Мэтти понял, что она склонна верить нашему адвокату.

— Расскажите ему о том, что вы уже сделали, — попросила Мэри Джона, — а потом я поеду в библиотеку.

— А с кем вы оставляете Киру, когда работаете? — любопытствовал я.

— С миссис Каллум. Она живет в двух милях от Уэсп-Хилл-роуд. А в июле Кира посещает Летнюю биб-

лейскую школу. Находится там с десяти до трех. Кире нравится. Она с удовольствием поет и слушает истории о Ное и Моисее. Потом автобус привозит девочку к Арлен, а в четверть девятого я забираю ее. — Она улыбнулась. — К тому времени она обычно засыпает на диване.

Последующие десять минут я слушал Джона. Он только занялся этим делом, но уже многое успел. Частный детектив в Калифорнии собирал информацию о Роджере Дивоуре и Моррисе Риддинге («собирать информацию», разумеется, более пристойный термин, чем «вынюхивать»). Джона особенно интересовали отношения Роджера с отцом. Кроме того, он хотел как можно больше узнать о деятельности Макса Дивоура в Тэ-Эр. И уже получил от Ромео Биссонетта фамилию надежного местного частного детектива.

Рассказывая об этом, он пролистывал маленькую записную книжку, которую извлек из внутреннего кармана пиджака, а мне вспомнились его слова о той даме, что олицетворяет собой американское Правосудие, произнесенные им во время нашего телефонного разговора: наденьте на нее наручники, залепите рот пластырем, изнасилуйте и вываляйте в грязи. Конечно, сильно сказано применительно к тому, чем мы сейчас занимались, но все-таки мы показывали себя далеко не ангелами. Я представил себе бедного Роджера Дивоура, которого выдернули из дома и заставили пролететь три тысячи миль, чтобы отвечать перед судом на вопросы, касающиеся его сексуальной ориентации. И мне пришлось напомнить себе, что источник возможных неприятностей Роджера — его отец, а не Мэтти, не я и не Джон Сторроу.

— А как ваши успехи в организации встречи с Дивоуром или его адвокатом?

— Пока похвастаться нечем. Удочка заброшена, предложение на столе, шайба на льду, выбирайте любимую метафору.

— Мехи раздуты, — предложила Мэтти.

— Фигуры расставлены, — добавил я.

Мы переглянулись и рассмеялись. Джон окинул нас скорбным взглядом, вздохнул и вновь принялся за сандвич.

— Вы действительно должны встречаться с ним в присутствии его адвоката?

— А вы хотели бы выиграть процесс, чтобы потом узнать, что Дивоур может вновь подать иск, основываясь на неэтичном поведении адвоката Мэри Дивоур?

— Давайте обойдемся без шуток! — воскликнула Мэтти.

— Я не шучу. Наша встреча должна проходить в присутствии его адвоката. Я не уверен, что в этот раз у меня что-то получится. Я до сих пор не видел этого старого пердуна и, должен признать, сгораю от любопытства.

— Если уж вам так хочется посмотреть на него, приезжайте в следующий вторник, и вы найдете его рядом с площадкой для софтбола, — откликнулась Мэтти. — Он будет сидеть в суперсовременном кресле-каталке, смеяться, хлопать в ладоши и каждые пятнадцать минут прикладываться к кислородной маске.

— Идея недурна, — кивнул Джон. — На уик-энд я должен вернуться в Нью-Йорк, уеду, пообщавшись с Осгудом, а во вторник, может, и вернусь. Даже захвачу с собой бейсбольную перчатку. — Он начал собирать мусор, но Мэтти тут же перехватила инициативу.

— Никто не ел «Туинкиз», — со вздохом отметила она.

— Возьмите их домой, угостите дочку, — предложил Джон.

— Никогда. Такого я ей есть не позволяю. Или вы тоже считаете меня плохой матерью?

Мы вновь переглянулись и дружно расхохотались.

Мэтти запарковала свой «скаут» на пустыре неподалеку от военного мемориала. В Касл-Роке поставили памятник солдату Первой мировой войны, и птицы полагали, что лучшего туалета, чем его похожая на блюдо

для пирога каска, не сыскать. Рядом со «скаутом» стоял новенький «таурус» с наклейкой «Хертца»* на лобовом стекле. Джон бросил брífкейс на заднее сиденье.

— Если я смогу приехать во вторник, то позвоню вам, — сказал он Мэтти. — Если через Осгуда мне удастся договориться о встрече с вашим свекром, я тоже позвоню.

— Я куплю итальянские сэндвичи, — пообещала Мэтти.

Он улыбнулся, затем взял нас за руки. Словно священник, который собирается обвенчать первую в своей жизни пару.

— Вы можете говорить по телефону, если возникнет необходимость, но всегда помните, что одна или обе линии могут прослушиваться. Если понадобится, встречайтесь в супермаркете. Майк, у вас может возникнуть необходимость заглянуть в библиотеку и взять какую-нибудь книгу.

— Только после того, как вы восстановите читательский билет. — Мэтти одарила меня теплой улыбкой.

— И больше никаких визитов в трейлер Мэтти. Это понятно?

Я ответил, что да; Мэтти ответила, что да. Однако по выражению лица Джона Сторроу чувствовалось, что мы его не убедили. Вот я и задался вопросом, а что такого прочитал он в наших лицах или телах, если у него остались сомнения?

— Они избрали линию поведения, которая, возможно, не принесет результата. И мы не можем дать им шанс изменить направление атаки. Новым объектом могут стать как ваши взаимоотношения, так и отношения Майка и Киры.

Ужас, написанный на лице Мэтти, превратил ее в двенадцатилетнюю девочку-подростка.

— Майка и Киры? О чем вы?

* Одна из крупнейших фирм по прокату автомобилей.

— Если мы загоним их в угол, они попытаются вырваться, обвинив Майка в растлении несовершеннолетней.

— Это нелепо, — вырвалось у Мэри. — И если мой свекор решится на такую мерзость...

Джон кивнул:

— Да, тогда нам придется наносить ответный удар. Газеты тут же подхватят эту историю, не отстанет и телевидение. И тогда — да поможет нам Бог. Нам ничего этого не нужно, поэтому мы постараемся избежать такого развития событий. Если взрослым будет тяжело все это пережить, то что уж говорить о ребенке. Ему эта трагедия будет аукаться всю жизнь.

Он наклонился, поцеловал Мэтти в щеку.

— Мне очень жаль, — в голосе звучало искреннее сочувствие, — но дела об опеке, к сожалению, в большинстве своем проходят именно по такому сценарию.

— Спасибо, что предупредили. Просто... я и представить себе не могла, что люди способны на такую чудовищную ложь, если не видят другого способа добиться своего...

— Тогда позвольте предупредить еще вот о чем. — Лицо Джона сделалось суровым. — Наш противник очень богат, а основания для иска у него, мягко говоря, хлипкие. Это гремучая смесь.

Я повернулся к Мэтти.

— Вы все еще волнуетесь из-за Ки? Вам кажется, что ей угрожает опасность?

Я видел, что у нее есть желание уйти от ответа (такие уж мы, янки, не любим признаваться в собственных слабостях), но здравый смысл возобладал. Мэтти решила, что в данной ситуации не вправе позволить себе скрытность.

— Да. Но это лишь ощущение, ничего больше.

Джон хмурился. Видимо, и ему пришла в голову мысль, что Дивоур может добиться желаемого, прибегнув к внесудебным методам.

— Приглядывайте за ней. Интуицию я уважаю. Ваши опасения базируются на чем-то конкретном?

— Нет, — ответила Мэтти, быстрым взглядом предупреждая меня: держи рот на замке. — Пожалуй, что нет. — Она открыла дверцу «скаута» и бросила на пассажирское сиденье бумажный пакет с «Туинкиз» — все-таки решила взять печенье с собой. Потом повернулась ко мне и Джону, по глазам чувствовалось, что она сердится. — Не уверена, что смогу последовать вашему совету. Я работаю пять дней в неделю, а в августе, когда мы будем переводить на микрофиши новые поступления, придется работать шесть. Днем Ки в Летней библейской школе, потом до вечера — с Арлен Каллум. Я вижу ее только по утрам. Остальное время она с другими людьми.

— Я мог бы найти вам няню, — предложил я, подумав, что няня обойдется мне куда дешевле Джона Сторроу.

— Нет, — ответили они в унисон, переглянулись и рассмеялись. Но даже смеясь, Мэтти оставалась печальной и несчастной.

— Мы не можем давать такой козырь Дарджину или адвокатам Дивоура, — добавил Джон. — Узнать, кто платит мне, — это одно. А вот установить, кто оплачивает няню, — пара пустяков.

— Кроме того, я и так перед вами в долгу, — присоедибилась к нему Мэтти. — В большом долгу, из-за которого я не могу спокойно спать. И я не собираюсь влезать в новые долги. Не нужна мне эта головная боль. — Она запрыгнула в «скаут» и захлопнула дверцу.

Я оперся рукой о стойку. Теперь мы сравнялись в росте и наши глаза находились на одном уровне.

— Мэтти, деньги мне тратить решительно не на что. Честное слово.

— Когда речь идет о гонораре Джона, я согласна. Потому что Джон трудится ради Ки. — Она протянула руку, сжала мою. — А ради себя я не возьму и цента. Понимаете?

— Да. Но вы должны сказать вашей сиделке и руководству Летней школы, что вам грозит судебный процесс об опеке и без вашего разрешения они не должны отпускать Киру — ни с кем и никуда.

Мэтти улыбнулась:

— Уже сказала. По совету Джона. Оставайтесь на связи, Майк. — Она оторвала мою руку от стойки, чмокнула и уехала.

— И что вы по этому поводу думаете? — спросил я Джона, провожая взглядом сизый шлейф, протянувшийся за «скаутом», который уже въезжал на новый мост Праути, чтобы потом свернуть на Замковую улицу, ведущую к Шестьдесят восьмому шоссе.

— Я думаю, ей повезло, потому что у нее есть щедрый благодетель и ловкий адвокат. — Джон помолчал и добавил: — Но вот что я вам скажу. Почему-то не кажется она мне везунчиком. У меня такое чувство... Ну, не знаю...

— Она словно окутана невидимым облаком.

— Возможно. Есть что-то такое. — Он провел рукой по волосам. — Просто я чувствую в ней какую-то обреченность.

Я знал, что он хотел этим сказать... только мои чувства к ней были сильнее. Мне хотелось лежать с ней в одной постели, невзирая на последствия. Ощущать на себе ее руки. Вдыхать аромат ее тела, волос. И чтобы она прижималась губами к моему уху и шептала: «Делай со мной что хочешь. Все, что хочешь».

В «Сару» я вернулся в начале третьего и вошел в коттедж, думая лишь об одном: уединиться в кабинете, включить «Ай-би-эм» и писать, писать, писать. Мне все еще с трудом верилось, что такое возможно. Я собирался поработать (только после четырех лет бездействия я не работал, а наслаждался) до шести, а потом хотел искупаться и заглянуть в «Деревенское кафе» — отведать столь богатое холестерином фирменное блюдо Бадди.

Но едва я переступил порог, зазвонил колокольчик Бантера. Я замер в прихожей, еще держась за ручку двери. В доме царили жара и солнечный свет, но у меня по коже побежали мурашки.

— Кто здесь? — спросил я.

Колокольчик умолк. На мгновение повисла тишина, а потом тишину разорвал женский крик. Он накатывал на меня со всех сторон, вышибая из меня пот. Полный ярости, злобы, горя... и, думаю, более всего ужаса. Закричал и я — ничего не мог с собой поделать. Я испугался, стоя в темном подвале и слушая постукивания по стене, но тут мой страх возрос многократно.

Он не прекратился, этот крик. Растаял вдали, как и плач ребенка. Словно кричащую женщину быстро увели прочь по длинному коридору.

Наконец я перестал его слышать.

Я привалился к книжным стеллажам, прижав ладонь к футболке, под которой неистово колотилось сердце. Я жадно ловил ртом воздух, мышцы буквально свело от напряжения, и теперь они медленно восстанавливали нормальный тонус.

Прошла минута. Сердцебиение заметно успокоилось, успокоилось и дыхание. Оторвавшись от стеллажей, я осторожно шагнул вперед. Ноги меня держали, поэтому за первым шагом последовал второй, третий. Уже стоя у кухни, я через открытую дверь бросил взгляд в гостиную. С каминной доски стеклянными глазами на меня смотрел Бантер. Колокольчик недвижимо висел на его шее. Солнечный луч освещал лосиную голову сбоку. В доме слышалось лишь тиканье глупого Феликса.

Тогда я подумал, что кричала Джо, что в «Сару-Хохотушку» вселился призрак моей жены и ей больно. Умерла она или нет, но кричала она от боли.

— Джо? — тихонько позвал я. — Джо, тебе...

Вновь послышались рыдания... насмерть перепуганного ребенка. И одновременно мой рот и нос наполни-

лись вкусом озерной воды. Задыхаясь, я схватился рукой за горло, наклонился над раковиной, выплюнул. Как и раньше, изо рта вырвался не водопад, а маленький ошметок слюны. Ощущение, что рот заполнен водой, исчезло.

Я постоял, склонившись над раковиной, ухватившись за столик, наверное, похожий на пьяного, который вернулся с вечеринки, где слишком много съел и еще больше выпил, а теперь «хвалится харчишками». В смятении чувств я не очень-то понимал, что происходит вокруг.

Наконец я выпрямился, взял полотенце, вытер лицо. В холодильнике стоял чай, а сейчас мне более всего хотелось выпить из высокого, запотевшего стакана ледяного чая. Я повернулся к холодильнику, протянул руку и обмер. Фрукты и овощи опять образовали окружность. С одной строкой посередине:

help im drown*

Все, подумал я. Уезжаю. Немедленно. Сегодня.

Однако час спустя я сидел в кабинете-духовке (на столе стоял высокий стакан с чаем, только кубики льда давно уже растаяли), в одних плавках, полностью погружившись в создаваемый мной мир, в котором частный детектив Энди Дрейк пытался доказать, что Джон Шеклефорд — не маньяк-убийца, прозванный Бейсболистом.

Мы всё выстраиваем в очередь: живем сегодняшним днем, в любой отдельно взятый момент занимаемся одним отдельно взятым делом: едим, болеем, дышим. Дантисты пломбируют только один зубной канал, кораблестроители занимаются только одним кораблем. Если твоя работа писать книги — пишешь одну конкретную страницу. Мы отворачиваемся от всего, что знаем и чего боимся. Мы изучаем каталоги, смотрим футбольные мат-

* Help! I'm drown. — Помогите! Тону (англ.).

чи, выбираем между «Спринтом» и «АТТ»*. Мы считаем птиц в небе и не отворачиваемся от окна, если слышим шаги в коридоре у себя за спиной; мы говорим, да, я согласен, облака часто на что-то похожи: рыб, единорогов, всадников, — но на самом деле это всего лишь облака, и мы переключаем наше внимание на очередное блюдо, очередную боль, очередной вдох, очередную страницу. Так уж мы устроены.

Глава 16

Книга — это серьезно, я прав? Более того, книга — это главное. Я боялся перенести пишущую машинку и пока еще очень тонкую рукопись даже в другую комнату, не то чтобы везти в Дерри. Кто ж выносит младенца из дома в ураган? Поэтому я остался в коттедже, сохранив за собой право в любой момент уехать, если уж все совсем пойдет наперекосяк (точно так же курильщики сохраняют за собой право бросить курить, если их совсем замучает кашель). Миновала еще неделя. Что-то по ходу ее происходило, но до следующей пятницы, семнадцатого июля, когда я встретился на Улице с Максом Дивоуром, дни эти запомнились мне лишь одним — я продолжал писать роман, которому, при условии, что я его напишу, предстояло получить название «Друг детства». Возможно, мы всегда думаем, что теряется самое лучшее... или то, что могло бы стать лучшим. Полной уверенности в этом у меня нет. Но я точно знаю, что ту неделю я прожил не в реальном мире, а вместе с Энди Дрейком, Джоном Шеклефордом и еще одним типом, прячущимся в темноте. Раймондом Гэррети, другом детства Джона Шеклефорда. Мужчиной, который иногда надевал бейсболку.

* Крупнейшие телефонные компании США, жестко конкурирующие между собой.

В эту неделю невидимые обитатели коттеджа давали о себе знать, но до леденящих кровь криков дело не доходило. Иногда звонил колокольчик Бантера, иногда фрукты и овощи выстраивались в окружность... но слова посередине отсутствовали. Как-то утром я пришел на кухню и обнаружил, что сахарница перевернута. И тут же вспомнил об истории Мэтти насчет рассыпанной муки. Никаких слов на сахаре никто не писал, зато провел волнистую линию с острыми вершинками и впадинами. Словно кто-то попытался что-то написать и не смог:

Если так, я мог только посочувствовать. Потому что на собственной шкуре испытал, какая это трагедия.

Показания Элмеру Дарджину я давал в пятницу, десятого июля. А вечером во вторник я шагнул по Улице к площадке для софтбола в «Уэррингтоне», надеясь взглянуть на Макса Дивоура. К шести часам я подошел достаточно близко, чтобы слышать крики болельщиков и звонкие удары битой по мячу. Тропа, отходящая от Улицы, вывела меня к центральной части площадки. Пакетики из-под чипсов, обертки шоколадных батончиков, пустые банки из-под пива указывали на то, что многие наблюдали за игрой с этой точки. Я не мог не подумать, что именно здесь мужчина в старом коричневом пиджаке спортивного покроя обнял Джо за талию и, смеясь, увлек к Улице. За уик-энд я дважды снимал трубку, чтобы позвонить Бонни Амудсон и разузнать у нее, что это за мужчина, но оба раза давал задний ход. *Спящие собаки*, говорил я себе. *Не буди спящих собак, Майк.*

В этот день со стороны Улицы к площадке вышел только я. Поискал взглядом человека в инвалидном крес-

ле-каталке, который обозвал меня лжецом и которому я посоветовал засунуть мой телефонный номер в то место, где никогда не светит солнце.

Но я ни Дивоура, ни Роджетт не увидел.

Зато заметил Мэтти, стоявшую за забором из сетки у первой базы. Компанию ей составлял Джон Сторроу, в джинсах и рубашке с отложным воротником. Большую часть его рыжих волос скрывала бейсболка. Они наблюдали за игрой и переговаривались, как давние друзья. Прошло два иннинга*, прежде чем они заметили меня. За это время я успел не только позавидовать Джону, но и приревновать его к Мэтти.

Наконец кому-то удался сильный удар, и мяч полетел к лесу, естественной границе площадки. Полевой игрок начал пятиться, но чувствовалось, что мяча ему не достать, даже в высоком прыжке. Я просчитал траекторию мяча, двинулся вдоль опушки и поймал мяч в левую руку. Зрители громкими криками приветствовали мой успех. Захлопал и полевой игрок. Бэттер тем временем не спеша бежал все базы и вернулся в «дом».

Я бросил мяч полевому игроку и вернулся на прежнее место, к пакетикам из-под чипсов, оберткам от шоколадных батончиков, банкам из-под пива. Повернувшись к зрителям, я увидел, что Мэтти и Джон смотрят на меня.

Если и есть подтверждение того, что человек — это животное, у которого чуть побольше мозгов и гипертрофированное ощущение собственной значимости в миропорядке вещей, так это наше умение выражать свои чувства жестами, когда иной возможности просто нет. Мэтти прижала руки к груди, чуть склонила голову влево, вскинула брови — и коснулась пальцами брови, словно у нее что-то заболело. *Мой герой!*

Я поднял руку, лениво помахал ей: *Ерунда, мэм, для меня это пара пустяков.*

* Софтбольный, как и бейсбольный, матч состоит из десяти иннингов (периодов).

Джон наклонил голову. *До чего же ты счастливый, сукин сын.*

Когда молчаливый обмен мнениями закончился, я указал на то место, где рассчитывал увидеть Дивоура, и пожал плечами. Мэтти и Джон ответили мне тем же. По окончании следующего иннинга ко мне подбежал веснушчатый мальчишка в спортивной майке с номером Майкла Джордана.

— Вон тот парень, — он указал на Джона, — дал мне пятьдесят центов, чтобы я передал вам, что вы должны позвонить ему в отель в Касл-Роке. Он сказал, что я получу еще пятьдесят центов, если вы захотите что-то ему сообщить.

— Скажи ему, что я позвоню в половине десятого. Правда, пятидесяти центов у меня нет. Доллар возьмешь?

— Спрашиваете! — Он схватил долларовую купюру, улыбнувшись во все тридцать два зуба. — Парень также просил передать, что вы клево поймали мяч.

— Скажи ему, что то же самое люди говорили и об Уилли Мейсе*.

— Каком Уилли?

Ах, молодость! Прошлого для нее еще не существует.

— Просто скажи ему. Он поймет.

Я остался еще на один иннинг. Дивоур не появился, игра меня не увлекла, и я направился домой. По пути я встретил одного рыбака, не отрывающего глаз от поплавка, и парочку, идущую по Улице к «Уэррингтону». Молодые люди поздоровались со мной, я — с ними. Я одновременно испытывал и одиночество, и удовлетворенность. Такое сочетание надо полагать за счастье.

Многие люди, возвратившись домой, первым делом проверяют автоответчик. В то лето я сразу же шел к холодильнику, чтобы посмотреть на мою гадальную доску.

* Мейс, Уилли Хауард, мл. (р.1931) — один из лучших бейсболистов 50–60-х годов, установивший несколько национальных рекордов.

На этот раз слов на ней я не обнаружил, зато цветы и фрукты образовали некое подобие синусоиды, а может, передо мной была улегшаяся на бочок буква S:

Чуть позже я позвонил Джону и спросил, куда подевался Дивоур. Он повторил то же самое, что раньше не менее красноречиво показало пожатие плеч.

— Это первая игра, которую он пропустил после возвращения в Тэ-Эр. Мэтти попыталась спросить у нескольких человек, здоров ли он, и выяснила, что да... во всяком случае, если с ним что и случилось, об этом никто не знал.

— Что значит «попыталась спросить»?

— Это значит, что некоторые не стали с ней разговаривать. «Посмотрели как отрезали», — прокомментировало бы эту ситуацию поколение моих родителей.

Ты бы с этим поосторожнее, приятель, подумал я, но говорить этого не стал. От поколения твоих родителей до моего — полшага.

— В конце концов одна из ее школьных подруг заговорила с ней, но в целом Мэтти воспринимают как отверженную. Этот Осгуд, возможно, и не умеет торговать недвижимостью, но деньги Дивоура он потратил с умом, отсек Мэтти от горожан. Это все-таки город, Майк? Ничего не могу понять.

— Просто Тэ-Эр, — ответил я. — По-другому не объяснишь. Неужели вы верите, что Дивоур подкупил всех? Не слишком вяжется с идеей Вордсворта о пасторальных невинности и доброте.

— Он не только сорит деньгами, но и распускает слухи. Через того же Осгуда, а может, и Футмена. А местные жители, похоже, такие же честные, как и политики.

— Те, что покупаются?

— Именно. Кстати, я видел одного из главных свидетелей Дивоура в деле о наезде на ребенка. Ройса Меррилла. Стоял в компании таких же старикашек. Вы его не заметили?

Я ответил, что нет.

— Ему, должно быть, сто тридцать лет, — продолжил Джон. — У него трость с золотой ручкой.

— Это трость «Бостон пост». Она принадлежит старейшему жителю округа.

— Не сомневаюсь, что он владеет ею по праву. Если адвокаты Дивоура усадят его в свидетельское кресло, я его по полу размажу. — От веселой уверенности Джона у меня по коже пробежал холодок.

— Я в этом уверен. А как Мэтти воспринимает такое отношение к себе? — Я вспомнил ее слова о том, что она более всего ненавидит вторичные вечера: именно в эти дни в «Уэррингтоне» играют в софтбол на той самой площадке, где она познакомилась со своим погибшим мужем.

— Молодцом, — ответил Джон. — Думаю, она и сама поставила крест на большинстве своих подруг.

Я в этом сомневался, но спорить не стал.

— Конечно, одиночество ее не радовало. Она боялась Дивоура и, полагаю, уже начала сживаться с мыслью о том, что потеряет ребенка, но теперь к ней вернулась былая уверенность. Главным образом благодаря встрече с вами. Для нее все сложилось более чем удачно.

Что ж, может, и так. Но мне вспомнился один разговор с братом Джо, Френком. Он тогда сказал, что, по его разумению, нет такого понятия, как удача. Все определяется лишь судьбой и правильным выбором. И тут же в голову пришла мысль о невидимых кабелях, пересекающих Тэ-Эр. Невидимых, но прочных, как сталь.

— Джон, при нашей встрече в прошлую пятницу, после того как я дал показания Дарджину; я забыл задать

вам самый важный вопрос. Дело об опеке, которым мы все занимаемся... оно назначено к слушанию?

— Хороший вопрос. Я сам наводил справки. Этим же по моей просьбе занимался и Биссонетт. Если только Дивоур и его адвокаты не хотят подложить нам свинью, к примеру, подать иск в другом округе, думаю, что нет.

— А они это могут? Подать иск в другом округе?

— Возможно. Но полагаю, мы сможем это выяснить.

— И что все это означает?

— Только одно: Дивоур готов сдаться, — без запинки ответил Джон. — Другого объяснения я не нахожу. Завтра утром я возвращаюсь в Нью-Йорк, но буду позванивать. Если что-нибудь произойдет здесь, сразу же звоните мне.

Я ответил, что непременно позвоню, и пошел спать. В эту ночь женщины не посещали мои сны. Я это только приветствовал.

Когда в среду утром я спустился вниз, чтобы вновь наполнить стакан ледяным чаем, Бренда Мизерв развешивала мою выстиранную одежду. Как и учила ее мать: на внешней круговой веревке — рубашки и брюки, на внутренней — нижнее белье, чтобы случайный человек, прошедший или проехавший мимо, не видел, что ты носишь на теле.

— В четыре часа надо все снять, — предупредила меня миссис М., перед тем как уйти. Она смотрела на меня ясными и циничными глазами женщины, которая всю жизнь гнула спину на богатеньких. — Ни в коем случае не оставляйте одежду на ночь. Если она намокнет от росы, стирать придется заново, иначе пропадет ощущение свежести.

Я заверил ее, что все указания будут в точности выполнены, а потом спросил, чувствуя себя шпионом, выуживающим ценную информацию у сотрудника посольства, не заметила ли она в доме каких-то странностей.

— Каких странностей? — переспросила она, изогнув бровь.

— Дело в том, что я пару раз слышал какие-то непонятные звуки. По ночам.

Она фыркнула:

— Дом-то бревенчатый. И строился не сразу, а по частям. Он оседает, в разных частях по-разному. Одно крыло перемещается относительно другого. Вот это вы и слышите.

— Значит, никаких призраков? — спросил я, изображив разочарование.

— Я не видела ни одного, — безапелляционно заявила она, — но моя матушка говорила, что тут их хватает. Особенно у озера. Тут и микмаки*, которые жили здесь, пока их не вытеснили отсюда войска генерала Уинга, и все те, кто отправился на Гражданскую войну и погиб. А из здешних мест, мистер Нунэн, ушло почти шестьсот человек. Вернулись же полторы сотни... живыми. Мама говорила, что на этой стороне озера живет призрак негритянского мальчика, который здесь умер, бедняжка. Сын одного из «Ред-топов», знаете ли.

— Впервые слышу... Я знаю о Саре и «Ред-топ бойз», но о мальчике — нет. — Я помолчал. — Он утонул?

— Нет, угодил в капкан. Весь день пытался освободиться, звал на помощь. Наконец его нашли. Ног у него спасли, но лучше бы отрезали сразу. Началось заражение крови, и мальчик умер. Летом девятьсот первого года. Поэтому, думаю, они и ушли. Слишком тяжелые воспоминания вызывало это место. Но мальчуган, как называла его моя мама, остался. Она говорила, что он до сих пор в Тэ-Эр.

Мне оставалось лишь гадать, что сказала бы миссис М., расскажи я о том, что этот мальчуган приветствовал

* Индейское племя, до сих пор проживающее как в штате Мэн, так и в Канаде.

меня в ночь приезда из Дерри, да и потом появлялся несколько раз.

— Или вот отец Кенни Остера, Нормал, — продолжила миссис М. — Вы ведь знаете эту историю? О, это кошмарная история. — Однако выглядела она более чем довольной, то ли потому, что знала кошмарную историю, то ли — получив возможность рассказать ее.

— Нет, — покачал я головой. — Кенни, конечно, знаю. У него еще большой волкодав. Черника.

— Да. Он столярничает и берется присматривать за коттеджами. Этим же занимался и его отец. Так вот, вскоре после окончания Второй мировой войны Нормал Остер утопил младшего брата Кенни у себя во дворе. Они тогда жили на Уэсп-Хилл, там, где дорога раздваивается, одна уходит к старому лодочному причалу, вторая — к порту. Малыша он утопил, между прочим, не в озере. Положил под струю воды, бьющую из колонки и держал под ней, пока ребенок не наглотался воды и не умер.

Я смотрел на нее, а ветер шуршал развешанным на веревках бельем. Я думал о чуть металлическом привкусе воды, наполнявшей мой рот и горло. Таким вкусом обладала как речная, так и артезианская вода, поднятая из глубины, из-под озера. Думал о послании с передней панели холодильника: *help im drown*.

— Он так и оставил ребенка под колонкой. Сел в свой новый «шевроле» и поехал сюда, на Сорок вторую дорогу. Взял с собой ружье.

— Уж не собираетесь ли вы сказать, миссис Мизерв, что отец Кенни Остера застрелился в моем доме?

Она покачала головой:

— Нет. Он застрелился на выходящей на озеро террасе Брикерсов. Сел на перила и снес свою дурную голову.

— Брикерсов? Я не помню...

— И не можете помнить. С шестидесятых здесь никаких Брикерсов нет. Они из Делавэра. После них коттедж купили Уэршбурны, но теперь нет и их. Дом пустует.

Изредка этот дуралей Осгуд приводит кого-то и показывает дом, но он никогда не продаст его за цену, которую просит. Помяните мои слова.

Уэшбурнов я знал, мы не раз играли с ними в бридж. Приятная пара. Их коттедж стоял неподалеку, к северу от «Сары-Хохотушки». Дальше домов не было: берег становился слишком крутым, подлесок — густым. Улица тянулась дальше, к Сияющей бухте, но туда заглядывали только охотники да любители черники. Благо росло ее сколько хочешь.

Нормал*, подумал я. Ничего себе имечко для человека, утопившего своего маленького сына в собственном дворе под струей из колонки. Ха-ха-ха.

— Он оставил записку? Объяснение?

— Нет. Но люди говорят, что и его призрак бродит вдоль озера. В маленьких городках призраков вроде бы особенно много, но я не берусь утверждать, есть они или нет. Знаю только, что сама не видела и не слышала ни одного. А о вашем коттедже я могу сказать следующее, мистер Нунэн: тут всегда пахнет сыростью, сколько его ни проветривай. Наверное, причина в бревнах. Не стоит строить бревенчатые дома у озера. Дерево впитывает влагу.

Ее сумка стояла на земле. Теперь она подняла ее. Черную, вместительную, бесформенную сумку женщины из провинции, используемую исключительно по назначению. Унести в ней миссис М. могла много.

— Не могу я стоять тут целый день, хотя поболтать с вами — одно удовольствие. Мне еще надо заглянуть в одно место. Лето в этих краях — время жатвы, сами знаете. Не забудьте снять выстиранную одежду до вечера, мистер Нунэн. Чтобы она не намокла от росы.

— Не забуду, — пообещал я. И не забыл. А когда вышел из дома в одних плавках, мокрый от пота: работал-то

* Normal — нормальный, уравновешенный (англ.).

я в духовке (теперь я уже понимал, что без кондиционера никак нельзя), меня ждал сюрприз. Кто-то поработал с моим бельем. Теперь мои джинсы и рубашки висели на внутренней веревке, а трусы и носки — на внешней. Видать, мой невидимый гость, один из моих невидимых гостей, решил немного поразвлечься.

На следующий день я поехал в библиотеку и первым делом восстановил читательский билет. Линди Бриггс лично взяла у меня четыре доллара и внесла мои данные в компьютер, предварительно выразив соболезнования в связи с безвременной кончиной супруги. И, как в случае с Биллом Дином, я уловил упрек в ее голосе, словно вина в том, что она так запоздала с соболезнованиями, лежала на мне. Наверное, лежала.

— Линди, у вас есть история города? — спросил я после того, как Джо воздали должное.

— У нас их две. — Она наклонилась ко мне через стол, хрупкая женщина в пестром платье без рукавов, с поблескивающими за толстыми стеклами очков глазами, и уверенно добавила: — Обе не так уж и хороши.

— Какая лучше? — не замедлил я со следующим вопросом.

— Вероятно, написанная Эдуардом Остином. В середине пятидесятых он приезжал сюда каждое лето и поселился здесь, выйдя на пенсию. «Дни Темного Следа» он написал в тысяча девятьсот шестьдесят пятом или шестьдесят шестом. Опубликовал на свои деньги, потому что ни одно издательство его книга не заинтересовала. Даже региональные издатели ему отказали. — Она вздохнула. — Местные книгу покупали, но сколько экземпляров они могли купить?

— Полагаю, всего ничего.

— Писатель он не из лучших. Да и фотограф тоже. От его черно-белых иллюстраций у меня болят глаза. Однако там есть несколько интересных историй. Об из-

гнании микмаков, о своенравном жеребце генерала Уинга, о финансовых аферах в восьмидесятих годах прошлого столетия, о пожарах тридцатых...

— Что-нибудь насчет «Сары и Ред-топов»?

Улыбнувшись, она кивнула:

— Наконец-то решили ознакомиться с историей собственного дома? Рада это слышать. Он нашел их старую фотографию, она приведена в книге. Он полагал, что снимок сделали на ярмарке во Фрайбурге в 1900 году. Эд говорил, что многое бы отдал за возможность послушать их пластинку.

— Я бы тоже, но они не записали ни одной. — Внезапно мне вспомнился риторический вопрос греческого поэта Георгия Сефериса: «Это голоса наших умерших друзей или всего лишь граммофон?» — Что случилось с мистером Остином? Вроде бы я не слышал такой фамилии.

— Он умер за год или за два до того, как вы с Джо купили коттедж, — ответила Линди. — Рак.

— Вы упомянули две книги.

— О второй вы скорее всего знаете. «История округа Касл и Касл-Рока». Выпущена к столетию округа, сухая, как пыль. Пусть книга Эдди написана и не очень хорошо, но сухой ее не назовешь. В этом ему не откажешь. Обе книги вы найдете вон там. — Она указала на стеллаж с табличкой:

КНИГИ О МЭНЕ

— На руки они не выдаются. — Тут она просияла: — Но мы с радостью сделаем ксерокопии нужных вам страниц. Стоит это недорого.

Мэтти сидела в другом углу, рядом с мальчишкой в бейсболке, повернутой козырьком к затылку. Учила его пользоваться устройством для чтения микрофильмов. Она посмотрела на меня, улыбнулась и сказала: «Отлич-

ный прием», имея в виду мой вчерашний успех на площадке для софтбола в «Уэррингтоне». Я скромно пожал плечами и направился к стеллажу с книгами о Мэне. Действительно, мяч я поймал ловко.

— Что вы ищете?

Я так увлекся историческими книгами, что подпрыгнул от неожиданности. Повернулся с улыбкой. Первым делом отметил, что она надушилась очень легкими, приятными духами, потом обратил внимание на взгляд Линди Бриггс. От улыбки, с которой она встретила меня, не осталось и следа.

— Заинтересовался прошлым того места, где сейчас живу. Старые истории. И все благодаря моей домоправительнице. — Тут я понизил голос: — Учительница на нас смотрит. Не оглядывайтесь.

На лице Мэтти отразилась тревога. Как потом выяснилось, не напрасно. Она спросила, какую из книг можно поставить на полку. Я протянул ей обе. Принимая их от меня, Мэтти прошептала:

— Адвокат, который представлял вас в прошлую пятницу, нанял частного детектива. Он говорит, что они смогут найти что-нибудь интересное насчет опекуна *ad litem*.

К стеллажу с книгами о Мэне я вернулся вместе с Мэтти, надеясь, что не доставлю ей этим дополнительных забот. Спросил, что подразумевается под интересным. Она покачала головой, одарила меня сухой профессиональной улыбкой библиотекаря, и я ушел.

По пути домой я анализировал прочитанное. К сожалению, почерпнул не много. Писателем Остин оказался никаким, и фотографии он делал плохие. А его историям, пусть и достаточно колоритным, не доставало фактов. Он упомянул «Сару и Ред-топ бойз», но назвал их «диксилендским октетом», а даже я знал, что это не так. «Ред-топы» могли играть диксиленд, но в основном

они играли блюзы (по вечерам в пятницу и субботу) и церковную музыку (утром и днем в воскресенье). Две странички Остина о пребывании «Ред-топов» в Тэ-Эр ясно указывали на то, что он не слышал ни одной их мелодии, пусть и в исполнении других музыкантов.

Он подтвердил, что ребенок умер от заражения крови, после травмы, нанесенной капканом, тут его информация не расходилась с версией Бренды Мизерв... Но с чего бы она могла расходиться? Скорее всего эту историю Остин услышал от отца или деда миссис М. Он также указал, что мальчик этот был единственным сыном Сынка Тидуэлла, а звали гитариста Реджинальд. Вроде бы Тидуэллы прибыли в Тэ-Эр из квартала красных фонарей Нового Орлеана, знаменитого места, которое на рубеже столетий называлось Сторивилль.

В более формальной истории округа Касл о Саре и «Ред-топах» я ничего не нашел. В обеих книгах не было упоминания о трагической смерти младшего брата Кенни Остера. Незадолго до того, как Мэтти подошла ко мне, в голове у меня мелькнула дикая мысль: Сынок Тидуэлл и Сара Тидуэлл были мужем и женой, а от заражения крови погиб их единственный ребенок (его имени Остин не указал). Я нашел фотографию, о которой говорила мне Линди, и внимательно изучил ее. Она запечатлела с дюжину чернокожих на фоне старого колеса Ферриса*. Должно быть, сделали ее на ярмарке во Фрайбурге. Старая и выцветшая, она в отличие от фотографий Остина дышала жизнью. Вы видели фотографии времен Великой депрессии? Суровые лица над аккуратно завязанными галстуками, глаза, не прячущиеся в тени широкополой шляпы.

Сара стояла по центру и чуть впереди, в черном платье, с гитарой. Она не улыбалась в объектив, но улыбкой светились ее глаза, и я подумал, что такие же иной раз видишь и на картинах: глаза, которые смотрят на тебя,

* Прообраз нынешнего колеса обозрения.

в какой бы точке зала ты ни находился. Я пристально вглядывался в фотографию и думал о язвительных интонациях в ее голосе, который я слышал во сне. *Так что же ты хочешь знать, сладенький?* Наверное, я хотел узнать как можно больше о ней и о других: кто они, как жили в свободное от выступлений время, почему ушли, куда.

Обе ее руки были на виду, одна сжимала гриф, пальцы второй перебирали струны. Длинные, артистические пальцы, без единого кольца. Это не означало, что она не была женой Сынку Тидуэллу, а если и не была, то маленький мальчик, который попал в капкан, мог родиться и вне брака. Да только та же улыбка выглядывала из глаз Сынка. Сходство не вызывало сомнений. Я бы мог поклясться, что эти двое приходились друг другу братом и сестрой, а не мужем и женой.

Я думал обо всем этом по дороге домой, думал о кабелях, которые не видны, но тем не менее существуют... но более всего мои мысли занимала Линди Бриггс... которая сначала улыбалась мне, а потом совсем даже не улыбалась своему молодому красивому библиотекарю с дипломом об окончании средней школы. И меня это тревожило.

А вернувшись домой, я полностью погрузился в свой роман и жизнь населявших его персонажей, мешков с костями, которые с каждым днем наращивали плоть.

Майкл Нунэн, Макс Дивоур и Роджетт Уитмор разыграли эту отвратительную комедийную сценку в пятницу вечером. Но прежде произошло еще два события, о которых надлежит упомянуть.

Во-первых, в четверг позвонил Джон Сторроу. Я сидел перед телевизором, отключив звук, смотрел бейсбольный матч (кнопку MUTE на пульте дистанционного управления можно смело отнести к величайшим достижениям технического прогресса) и думал о Саре Тидуэлл, Сынке Тидуэлле и маленьком сыне Сынка.

Я думал о Сторивилле, названии, которое греет душу любому писателю*. И еще я думал о моей жене, которая умерла беременной.

— Слушаю?

— Майк, у меня прекрасные новости. — Джона буквально распирало от радости. — У Ромео Биссонетта, возможно, странное имя, но детектива он мне нашел отменного. Его зовут Джордж Кеннеди. Вот уж кто не теряет времени даром. Он мог бы работать и в Нью-Йорке.

— Если это самый большой комплимент, который вы можете придумать, вам надо почаще выезжать из города.

Он продолжал стрекотать, словно и не услышал меня:

— Кеннеди работает со страховой компанией, а все остальное рассматривает как хобби. И зря. Он просто зарывает талант в землю. Большую часть информации он получил по телефону. Я отказываюсь в это верить.

— Что именно вас особенно изумило?

— Мы сорвали банк! — Вновь в его голосе прозвучала та алчная удовлетворенность, что одновременно и пугала, и радовала меня. — С мая этого года Элмер Дарджин сделал следующее: выплатил кредит, взятый на покупку автомобиля, расплатился за свой летний коттедж в Ренджли-Лейкс, оплатил девяносто лет детской страховки...

— Никто не оплачивает девяносто лет детской страховки, — вырвалось у меня. — Это невозможно.

— Возможно, если у тебя семеро детей. — И Джон залился радостным смехом.

Я вспомнил самодовольного толстячка с губками бантиком, с блестящими, ухоженными ногтями.

— Не может быть!

— Может. — Джон все смеялся. — Именно столько он настрогал. Возрастом от ч-четырнадцати д-до т-трех лет! С потенцией у него все в порядке! — Из трубки лился смех. Заразительный смех, потому что я уже вторил

* Сторивилль — город историй (англ.).

Джону. — Кеннеди собирается прислать мне по... по факсу... фото... фотографии всей... семьи!

Я представил себе Джона Сторроу, который сидит в своем кабинете на Парк-авеню и хохочет как безумный, пугая уборщиц.

— Впрочем, количество детей значения не имеет, — сказал он, когда приступ смеха миновал. — А что имеет, вы уже поняли, так?

— Да. Неужели он так глуп? — Я имел в виду Дарджина, но вопрос цеплял и Дивоура. И Джон, судя по ответу, меня понял.

— Элмер Дарджин — мелкий адвокат из маленького городка, затерянного в лесах западного Мэна, вот и все. Он и представить себе не мог, что появится ангел-хранитель, который выведет его на чистую воду. Между прочим, он купил катер. Две недели назад. С двумя подвесными моторами. Большой катер. Все кончено, Майк. Победа за нами, и с разгромным счетом.

— Если вы так говорите... — Но тут мои пальцы словно обрели самостоятельность и сжались в кулак, который ударил по дереву кофейного столика.

— Однако на софтбольный матч я приезжал не зря.

— Правда?

— Я к ней проникся.

— К ней?

— К Мэтти, — терпеливо объяснил он. — Мэтти Дивоур. — Пауза. — Майк? Вы меня слышите?

— Да. Трубка выскользнула. Извините. — Трубка выскользнула не больше чем на дюйм, но я подумал, что Джон не уловил смятения в моем голосе. Да и откуда? Если речь заходила о Мэтти, я, по мнению Джона, был вне подозрений. Как прислуга в загородном доме из какого-нибудь детектива Агаты Кристи. Мысль о том, что мужчина моих лет мог испытывать сексуальное влечение к Мэтти, просто не приходила ему в голову... может, и заглянула на пару секунд, но он отмел ее как нелепую.

Точно так же и Мэтти решила, что между моей женой и мужчиной в коричневом пиджаке ничего такого быть не могло.

— Я не могу ухаживать за ней, представляя ее интересы, — продолжал Джон. — Это неэтично. И вредит делу. А вот потом... Как знать.

— Это точно. — Я слышал свой голос как бы со стороны. Словно говорил кто-то другой. И звук долетал из динамиков радиоприемника или магнитофона. Так случается, когда тебя застают врасплох. *Это голоса наших умерших друзей или всего лишь граммофон?* Я думал о его руках с длинными, тонкими пальцами. Кольца не было ни на одном. Как и на руках Сары на старой фотографии. — Как знать.

Мы попрощались, и я какое-то время смотрел бейсбол. По-прежнему не включая звук. Собирался было сходить в кухню за пивом, но решил, что холодильник слишком далеко и я к такому путешествию не готов. Поначалу я чувствовал обиду, а потом она сменилась более приятным чувством. Я бы назвал его печальным облегчением. Не староват ли он для нее? Разумеется, нет. Разница в возрасте самая подходящая. Прекрасный принц номер два, на этот раз в костюме-тройке. В отношениях с мужчинами удача наконец-то поворачивалась к Мэтти лицом, а если так, мне следовало радоваться. Вот я и радовался. И испытывал облегчение. Потому что у меня есть другое занятие — писать книгу, а потому стоит забыть о белых кроссовках, вдруг возникающих в сгущающихся сумерках из-под красного платья, и о тлеющем кончике сигареты, пляшущем в темноте.

Однако впервые после того как я увидел Киру, марширующую по белой разделительной полосе Шестидесят восьмого шоссе в купальнике и шлепанцах, я остро ощутил собственное одиночество.

— «Смешной вы человечиска, — молвил Стрикленд», — сообщил я пустой гостиной. Слова эти сорвались

с моего языка, прежде чем я успел об этом подумать, и тут же переключился телевизионный канал. Бейсбол сменил повторный показ сериала «Дела семейные», потом на экране возник другой сериал, «Рен и Стимпи». Я покосился на пульт дистанционного управления. Он лежал на кофейном столике, на том самом месте, куда я его положил, когда взял телефонную трубку. Канал сменился вновь, и теперь я смотрел на Хамфри Богарта и Ингрид Бергман. Они стояли рядом с самолетом, и мне не требовалось включать звук, чтобы понять, что Хамфри убеждает Ингрид улететь на этом самолете. Самый любимый фильм моей жены. В конце которого она неизменно заливалась слезами.

— Джо? — спросил я. — Ты здесь?

Один раз звякнул колокольчик Бантера. В доме жили несколько призраков, я в этом нисколько не сомневался... но в тот вечер впервые я точно знал, что рядом со мной Джо.

— Кто он, дорогая? — спросил я. — Тот парень у софтбоульного поля, кто он?

Колокольчик Бантера застыл. Она, однако, была в комнате. Я это чувствовал, как затаенное дыхание.

Я вспомнил злобное, насмешливое послание, которое я обнаружил на холодильнике после обеда с Мэтти и Ки. «Синяя роза лгуны ха-ха».

— Кто он? — Мой голос дрожал, я едва сдерживал слезы. — Что ты тут делала с этим парнем? Ты... — Но я не смог заставить себя спросить, обманывала ли она меня, изменяла ли мне. Я не мог этого спросить, даже если призрак Джо присутствовал не в комнате, давайте уж смотреть правде в глаза, а в моей голове.

«Касабланка» исчезла с экрана, уступив место всеобщему любимцу, Перри Мейсону. Извечный противник Перри Гамильтон Бургер допрашивал какую-то несчастного вида женщину, и тут появился звук, заставив меня подпрыгнуть.

— Я не лгунья! — воскликнула актриса в стародавнем телефильме. Она посмотрела на меня, и я ахнул, увидев глаза Джо на черно-белом лице из пятидесятих годов. — Я никогда не лгала, мистер Бургер, никогда!

— А я считаю, что лгали. — Бургер хищно, как вампир, оскалился. — Я считаю, что...

Экран погас. Колокольчик Бантера коротко звякнул, и призрак, составлявший мне компанию, покинул гостиную. Мне заметно полегчало. *Я не лгунья... Я никогда не лгала, никогда.*

Я мог бы в это поверить, если бы захотел.

Если бы захотел.

Я пошел спать, и в эту ночь мне ничего не приснилось.

Я взял за правило вставать рано, до того как солнце нагреет мой кабинет. Выпивал стакан сока, съедал гренки и до обеда молотил по клавишам «Ай-би-эм», с удовольствием наблюдая, как страница следует за страницей. Я не считал свое занятие работой, хотя называл его именно так. Скорее я кувыркался на некоем мысленном батуте, пружины которого на какое-то время снимали с моих плеч тяжесть проблем реального мира.

В полдень я прерывался, ехал к Бадди Джеллисон, чтобы съесть что-нибудь большое и жирное, потом возвращался и работал час-полтора. После чего купался в озере и часа два спал в северной спальне. В главную спальню в южном крыле я практически не заглядывал, и если миссис Мизерв находила это странным, то свои мысли на этот счет она держала при себе.

В пятницу, семнадцатого июля, по пути домой я остановился у «Лейквью дженерэл», чтобы заправить «шевроле» бензином. Бензозаправка была и около автомастерской Брукса, причем галлон бензина стоил там на пару центов дешевле, но мне не хотелось видеть ни Дики, ни тем более Ройса Меррилла. Бензин лился в бак,

я смотрел на далекие горы, когда с другой стороны бетонного возвышения, на котором стояли колонки, оставился «додж-рэм» Билла Дина. Он вылез из джипа, улыбнулся:

— Как дела, Майк?

— Нормально.

— Бренда говорит, что ты пишешь не разгибаясь.

— Есть такое. — Я уж собрался заикнуться о починке кондиционера, но слова эти так и не слетели с моих губ. Я до смерти боялся потерять вновь обретенную способность писать, а потому не решался хоть что-то изменить. Глупо, конечно, попахивает суеверием, но я не решался. Как знать, вдруг этот самый неработающий кондиционер входит в совокупность факторов, позволивших мне родиться заново?

— Что ж, рад это слышать. Очень рад. — Слова прозвучали искренне, но чем-то он отличался от привычного мне Билла Дина. Во всяком случае, от того Билла Дина, что приезжал ко мне в «Сару» в понедельник, шестого июля.

— Я тут роюсь в прошлом моей стороны озера.

— Сара и «Ред-топ бойз»? Помнится, они всегда тебя интересовали.

— Без них, конечно, не обойтись, но они — только часть истории. Я тут беседовал с миссис М., и она рассказала мне о Нормале Остере. Отце Кенни.

Улыбка Билла осталась у него на губах, пауза длилась лишь несколько секунд, пока он свинчивал крышку с горловины бака, но я почувствовал, как внутри у него все оборвалось.

— Ты не собираешься писать об этом, Майк, а? Потому что здесь живет много людей, которым это не понравится. То же самое я говорил и Джо.

— Джо? — Я едва подавил желание перепрыгнуть через бетонное возвышение и схватить его за руку. — А при чем тут Джо?

Он ответил долгим, полным любопытства взглядом.

— Она тебе не говорила?

— О чем ты?

— Она раздумывала, а не написать ли большой материал о Саре и «Ред-топах» для одной из местных газет. — Билл говорил медленно, тщательно подбирая слова. Я это запомнил, как и жаркое солнце, обжигающее мне шею, и резкие тени на асфальте. Он начал заливать бензин в бак, и урчание насоса так и било мне в уши. — Вроде бы она упоминала журнал «Янки». Я, конечно, могу ошибаться, но вряд ли.

Я утратил дар речи. Почему она держала в секрете свое желание написать очерк о местной истории? Думала, что вторгается на мою территорию? Нелепо. Она же знала, что я не обижусь... наверняка знала.

— Когда выговорили об этом, Билл? Ты помнишь?

— Естественно, — кивнул он. — В тот же день, когда привезли пластмассовых сов. Только этот разговор завел я, потому что люди говорили мне, что она задает много вопросов.

— Совала нос в чужие дела?

— Я этого не говорил, — нервно ответил он. — Твои слова.

Все так, но я понимал, что именно это он и имел в виду.

— Продолжай.

— А что продолжать? Я ей сказал, что в Тэ-Эр немало больных мозолей, как и в других местах, и попросил ее не наступать на них, если есть такая возможность. Она ответила, что все поняла. Может, поняла, а может, и нет. Но я знаю, что вопросы она продолжала задавать. Слушала историй, которые рассказывали старики, у которых в голове все давно перепуталось.

— И когда это было?

— Осенью девяносто третьего и весной девяносто четвертого. Она кружила по городу, заглядывала даже

в Моттон и Харлоу, с блокнотом и маленьким кассетным магнитофоном. Это все, что мне известно.

И тут я сделал удивительное открытие: Билл лгал. Спроси меня кто об этом днем раньше, я бы рассмеялся и ответил, что Билл Дин просто не знает, что такое ложь. Должно быть, лгал он довольно-таки редко, потому что делать это совсем не умел.

Я уже хотел поставить его перед фактом, но не видел в этом никакого смысла. Мне требовалось время, чтобы поразмыслить, а на заправке я размышлять не мог — в голове все гудело. Я знал, что скоро гудение стихнет, и тогда я, возможно, пойму, что все это ерунда, не стоит и выеденного яйца, но, повторюсь, чтобы отделить зерна от плевел, мне требовалось время. Неожидаанные подробности жизни любимой женщины, пусть и давно уже умершей, — сильное потрясение. Можете мне поверить, я знаю.

Билл отвел взгляд, потом вновь встретился со мной глазами. В них читались серьезность и (я мог в этом поклясться) испуг.

— Она спрашивала насчет маленького Керри Остера, и это хороший пример упомянутых мной больных мозолей. О таком не пишут ни в газетной заметке, ни в журнальной статье. Нормал просто чокнулся. Никто не знает почему. То была ужасная трагедия, совершенно бессмысленная, и некоторые люди еще не пережили ее. В маленьких городах существуют невидимые связи...

Да, протянутые под землей кабели, недоступные глазу.

— ...и прошлое в них умирает медленно. Сара и ее клан — это другое. Они просто... пришельцы... издалека. Если бы Джо ограничилась только ими, никто бы и слова не сказал. Но с другой стороны, то, что она узнала, осталось при ней. Потому что я не видел ни одного написанного ею слова. Если она и писала.

Тут он говорил правду, я это чувствовал. Но я знал и кое-что еще, причем знал с полной достоверностью, точно так же, как нисколько не сомневался в том, что

Мэтти была в белых шортах, когда приглашала меня на обед. Билл сказал, что Сара и ее клан — просто пришельцы издалека. Причем на середине фразы он запнулся, заменяя словом «пришельцы» другое слово, первым пришедшее на ум. И не произнес он слово «ниггеры». Сара и ее клан — просто ниггеры издалека...

И тут же я вспомнил старый рассказ Рэя Брэдбери «Марс — это рай»*. Астронавты, достигшие Марса, находят там Зеленый Город, перенесшийся из Иллинойса, где живут их друзья и родственники. Только на самом деле эти друзья и родственники — инопланетные чудища, и ночью, когда астронавты думали, что они спят в домах, где прошли их детство и юность, а находятся эти дома в раю, их убивают, всех до единого.

— Билл, ты уверен, что осенью и весной она приезжала несколько раз?

— Да. Только не несколько. Как минимум с дюжину, а то и больше. Приезжала чуть ли не на целый день. Или ты не знал?

— А ты видел с ней мужчину? Крепкого телосложения, с курчавыми волосами?

Он задумался. Я затаил дыхание. Наконец Билл покачал головой.

— Я всегда видел ее одну. Но мы встречались не в каждый ее приезд. Иной раз я узнавал, что она приезжала, уже после ее отъезда. Помнится, я увидел ее в июне девяносто четвертого. Она ехала к Сияющей бухте в своем маленьком автомобильчике. Она помахала мне рукой, я тоже помахал в ответ. Ближе к вечеру я подъехал к коттеджу узнать, не надо ли ей чего, но она уже уехала. И больше я ее не видел. Когда она умерла в конце того лета, мы с Ветти были в шоке.

Если она что-то и выискивала, то, должно быть, не написала о своих поисках ни слова. Я бы нашел рукопись.

* Этот рассказ, под названием «Третья экспедиция», впервые опубликован на русском языке в 1964 г.

А не лгал ли я себе? Она много раз приезжала сюда, не пытаясь сохранить эти визиты в тайне, однажды ее даже сопровождал незнакомый мужчина, а я узнал обо всем этом совершенно случайно.

— Об этом трудно говорить, — добавил Билл, — но, раз уж начали, давай дойдем до конца. Жить в Тэ-Эр — все равно что спать в одной кровати вчетвером или впятером, как бывало раньше. Если все лежат тихо — полный порядок. А если хоть один начнет ворочаться, не смогут спать и все остальные. На данный момент этот беспокойный — ты. Так, во всяком случае, воспринимают тебя окружающие.

Он ждал, что я на это отвечу. Когда же прошло двадцать секунд, а я по-прежнему молчал (Гарольд Обловски мог мной гордиться), ему не осталось ничего другого, как продолжить.

— К примеру, людям в городе не по себе из-за того интереса, что ты проявляешь к Мэтти Дивоур. Только не подумай, что я говорю, будто между вами что-то есть, хотя некоторые в этом уверены, но если ты хочешь и дальше жить в Тэ-Эр, то создаешь себе трудности.

— Почему?

— Вернемся к тому, что я говорил тебе полторы недели назад. От нее надо держаться в стороне, как от чумы.

— Билл, но ты, если я не ошибаюсь, сказал, что как раз она попала в беду. И я стараюсь ей помочь. Кроме этого, между нами ничего нет.

— Я же говорил тебе, что Макс Дивоур — псих. Если ты выведешь его из себя, платить придется нам всем. — Насос автоматически отключился, и Билл вытащил наконечник шланга из горловины бака. Установил его в емкость бензоколонки, тяжело вздохнул. — Ты думаешь, мне легко об этом говорить?

— А ты думаешь, мне легко это слышать?

— Хорошо, тем более что мы в одной лодке. Мэтти Дивоур — не единственный человек в Тэ-Эр, кто едва

сводит концы с концами. У других тоже немало проблем. Это ты понимаешь?

Возможно, он увидел, что понимаю я слишком много и слишком хорошо, потому что плечи у него поникли.

— Если ты просишь, чтобы я отошел в сторону и смотрел, как Дивоур отбирает у Мэтти ребенка, то из этого ничего не выйдет, — ответил я. — И я очень надеюсь, что речь об этом не идет. Потому что я не хочу иметь никаких дел с мужчиной, который обращается с такой просьбой к другому мужчине.

— Об этом я тебя просить и не собирался. Да и поздно просить-то, а? — Вот тут его голос неожиданно смягчился. — Господи, да я ведь тревожусь-то из-за тебя. Тебе надо бы быть поосторожнее. Потому что он действительно псих. Ты думаешь, он пойдет в суд, если поймет, что суд не удовлетворит его требований? Трое мужчин погибли при тушении пожаров 1933 года. Хороших мужчин. Один из них был моим дальним родственником. Пожары уничтожили все на территории, равной половине округа, а поджег лес Макс Дивоур. Так он попрощался с Тэ-Эр. Доказать это невозможно, но лес поджег он. Тогда ему не было и двадцати, а в кармане звенели разве что несколько монет. Ты хоть понимаешь, на что он способен теперь?

И он испытующе посмотрел на меня. Я молчал.

Билл кивнул, словно услышал ответ.

— Подумай об этом. И помни, Майк, ты мне очень дорог, поэтому я и говорю с тобой столь прямо.

— И как прямо ты говоришь со мной, Билл? — Боковым зрением я увидел, как какой-то турист вышел из «вольво» и, направляясь к магазину, с любопытством посмотрел на нас. Потом, проигрывая эту сцену в голове, я понял, что мы напоминали двух петухов, которые вот-вот набросятся друг на друга. Помнится, тогда мне хотелось плакать — мне казалось, что меня предали, и в то

же время я ужасно злился на этого худошавого старика в чистой белой рубашке и с полным ртом вставных зубов. Так что, возможно, мы были близки к тому, чтобы начать махать кулаками.

— Как могу, — ответил он и повернулся, чтобы пройти в магазин и расплатиться за бензин.

— В моем доме живут призраки! — вырвалось у меня.

Он остановился, спиной ко мне, плечи поникли еще больше. Затем, очень медленно, он повернулся.

— В «Саре-Хохотушке» всегда жили призраки, Майк. Ты растревожил их. Может, тебе лучше вернуться в Дерри и дать им успокоиться? Возможно, так будет лучше всего. — Он помолчал, словно обдумывал последнюю фразу, взвешивая все «за» и «против», потом медленно, очень медленно, как и поворачивался, кивнул: — Да, так будет лучше.

Вернувшись в «Сару», я позвонил Уэрду Хэнкинсу. А потом решился-таки на звонок Бонни Амудсон. Откровенно говоря, мне очень хотелось, чтобы мой звонок не застал ее в туристическом агентстве, где она работала, но нет, Бонни сняла трубку. А по ходу нашего разговора из факса полезли ксерокопированные страницы ежегодников Джо. На первой Уэрд написал: «Надеюсь, я трудился не зря».

Я не продумывал заранее разговор с Бонни. Я чувствовал, что этим можно все испортить. Сказал ей, что Джо что-то писала, то ли статью, то ли серию статей, о местности, в которой находился наш летний коттедж, и некоторые из местных жителей встретили ее изыскания в штыки. А кое-кто до сих пор ворчит по этому поводу. Она не говорила об этом? Не показывала черновики?

— Нет. — В голосе Бонни прозвучало искреннее изумление. — Она показывала мне фотографии, такое было,

но ничего из написанного. Помнится, однажды она сказала, что писатель у нее в семье — ты, а она занимается всем остальным. Так?

— Да.

Я подумал, что на этом и надо закруглиться, но у мальчиков в подвале было на этот счет свое мнение.

— Бонни, она с кем-нибудь встречалась?

На другом конце провода воцарилось молчание. Я протянул руку к страницам ежегодников Джо, полученным по факсу. С ноября 1993-го по август 1994-го. Все заполненные аккуратным почерком Джо. Интересно, стоял ли здесь факс до ее смерти? Я не помнил. Я слишком многого не помнил.

— Бонни, если ты что-то знаешь, пожалуйста, скажи. Я смогу простить ее, если придется, но я не могу простить того, чего не знаю...

— Извини. — Из трубки донесся нервный смешок. — Просто я сначала не поняла. Встречаться с кем-то... для Джо, которую я знала, такое просто невозможно... вот я и не сразу сообразила, что ты говоришь о ней. Я подумала, что ты, возможно, имеешь в виду психоаналитика, но речь не о нем, не так ли? Ты спрашиваешь, не встречалась ли она с каким-то мужчиной. Бойфрендом.

— Именно так.

Буквы на страничках ежегодника прыгали у меня перед глазами. Искреннее недоумение, прозвучавшее в голосе Бонни, порадовало меня, но не настолько, как я мог бы ожидать. Потому что я и так все знал. И дело даже не в эпизоде из фильма про Перри Мейсона. Мы же говорили о Джо. Моей Джо!

— Майк, — Бонни говорила со мной, как с душевнобольным, — она любила тебя. Только тебя.

— Да, полагаю, что любила.

Страницы ежегодника показывали, какую активную жизнь вела моя жена. «СК Мэна»... суповые кухни. «Жен-Ноч» — ночлежки для женщин. «МолНоч» — ночлежки

для молодежи. «Друзья библиотек Мэна». Два или три заседания различных комитетов в месяц, иногда два или три заседания в неделю, а я ничего не замечал. Я спасал от опасности других женщин.

— Я тоже ее любил, Бонни, но в последние десять месяцев своей жизни она чем-то занималась. Она ничего не говорила тебе, когда вы ехали на заседание совета директоров «Суповых кухонь» или «Друзей библиотек»?

Опять молчание.

— Бонни?

Я оторвал трубку от уха, чтобы увидеть красную лампочку, свидетельствующую о том, что аккумулятор сел. Лампочка не горела. Я вновь вернул трубку к уху.

— Бонни, в чем дело?

— В последние девять или десять месяцев ее жизни мы никуда не ездили. По телефону разговаривали, один раз, помнится, встретились на ленче в Уотервилле, но ездить — не ездили. Она ушла из всех советов.

Я вновь проглядел страницы ежегодников. Заседания советов директоров следовали один из другим, в том числе и «Суповых кухонь».

— Ничего не понимаю. Она ушла из «Суповых кухонь»?

Опять пауза, на этот раз короткая.

— Нет, Майк. Она прекратила участие в работе всех благотворительных организаций. В «Ночлежках для женщин» и «Ночлежках для молодежи» — с конца 1993 года, когда истек срок. А из «Суповых кухонь» и «Друзей библиотек» она ушла то ли в октябре, то ли в ноябре.

Страницы, присланные Уэрдом, говорили о другом. Заседания в 1993 году, заседания в 1994 году. Десятки заседаний советов директоров, в работе которых она более не участвовала. Она приезжала сюда. Вместо заседаний она ехала в Тэ-Эр. Я мог в этом поклясться.

Но зачем?

Глава 17

Дивоур, конечно, сошел с ума, обезумел, иначе и не скажешь, но, однако, он сумел застать меня врасплох, подловить в самый неудачный для меня момент, когда я ничего не мог ему противопоставить. И я думаю, все последующие события были уже predetermined. Начиная с нашей встречи и заканчивая той жуткой грозой, о которой до сих пор говорят в этих местах. И развивались эти события по нарастающей, словно сходящая с гор лавина.

Во второй половине пятницы я чувствовал себя превосходно. Разговор с Бонни оставил без ответа множество вопросов, но оказал тонизирующее воздействие. На обед я приготовил себе овощное рагу (искупал грехи за последний визит в «Деревенское кафе», где дал волю чревоутодию), съел его перед телевизором: шел вечерний выпуск новостей. По другую сторону озера солнце клонилось к горам и заливало гостиную золотом. Когда же Том Брокау закрыл лавочку, я решил пройтись по Улице на север (знал, что далеко все равно не уйти и я успею вернуться до наступления темноты) и обдумать новые сведения, полученные от Билла Дина и Бонни Амудсон. Мне нравилось совмещать пешие прогулки с процессом осмысления имеющейся в моем распоряжении информации. В ходе таких вот прогулок зачастую рождались самые удачные повороты сюжетов моих романов.

Я спустился по ступеням-шпалам, по-прежнему в отличном настроении, и, пройдя вдоль Улицы, остановился, чтобы взглянуть на Зеленую Даму. Даже освещенная лучами солнца она скорее походила на женщину в зеленом платье с вытянутой рукой, чем на зеленую березку, за которой росла засохшая сосна с торчащей в сторону веткой. И Зеленая Дамы словно говорила мне: идите на север, молодой человек, идите. Что ж, молодым я себя уже не считал, но идти мог. И на север тоже. Благо путь, по моим расчетам, предстоял недалёкий.

Однако я постоял еще несколько мгновений, изучая лицо, которое видел в листве, и мне не понравилась ухмылка, появившаяся стараниями легкого порыва ветра. Наверное, уже тогда в моей душе зародилась тревога, но меня занимало другое, так что первый сигнал я проигнорировал. И двинулся на север, гадая, о чем могла писать Джо... а к тому времени я все более утверждался в мысли, что рукопись существовала. Иначе с чего взяться в ее студии моей старой пишущей машинке? Я решил, что внимательно осммотрю и дом, и студию. И тогда...

помогите, я тону

Голос шел из лесов, из воды, изнутри. На мгновение закружилась голова. Я остановился. Никогда в жизни мне не было так плохо. Сдавило грудь. Желудок свернулся холодным узлом. Глаза залила ледяная вода, и я уже знал, что за этим последует. *Нет*, попытался выкрикнуть я, но ни звука не сорвалось стуб.

Зато рот вновь наполнился металлическим привкусом холодной озерной воды, а деревья поплыли перед глазами, словно я смотрел на них снизу вверх через слой прозрачной жидкости. И давление на грудь локализовалось в двух местах. Словно две руки держали меня под водой.

— Может, кто-нибудь это прекратит? — спросил кто-то — почти выкрикнул. На Улице, кроме меня, никого не было, но голос этот я услышал отчетливо. — Может, кто-нибудь это прекратит?

А затем зазвучал другой голос, доносящийся не снаружи, а звучащий в моей голове. Я словно слышал чужие мысли. Они бились о мой череп, как мотыльки, залетевшие в японский фонарик.

помогите, я тону

помогите, я тону

мужчина в синей

фуражке схватил меня

мужчина в синей фуражке

не дает мне вдохнуть

помогите, я тону

*потерял мои я годы,
они на тропе
он держит меня
у него такое злое лицо
пусти меня,пусти меня
О Иисусе сладчайшийпусти меня
отпусти оксенахватит
ОТПУСТИ ОКСЕНА
она выкрикивает мое имя
она так **ГРОМКО** выкрикивает мое имя...*

Охваченный паникой, я наклонился вперед, широко раскрыл рот, и из него вырвался холодный поток...

Ничего, конечно, не вырвалось.

Пик ужаса миновал, но желудок продолжал бунтовать, словно я съел что-то непотребное, вроде антимуравьиного порошка или ядовитого гриба, из тех, что в справочниках Джо рисовали в красной рамочке. Еще одна береза росла там, где берег спускался к озеру, ее белый ствол изящно выгибался над водой, словно она хотела полюбоваться своим отражением в зеркальной глади озера. Я ухватился за ствол, как пьяный хватается за фонарный столб.

Давление на грудь стало ослабевать, но боль по-прежнему не проходила. Я привалился к дереву, с гулко бьющимся сердцем, и внезапно почувствовал отвратительный запах, словно какая-то мерзкая тварь выдала этим запахом свое присутствие. Тварь, которой давно следовало умереть, а она все жила.

Хватит, отпусти его, я сделаю все, что ты хочешь, только отпусти его, попытался сказать я, но не вымолвил ни звука. И чужеродный запах исчез. Вновь вокруг пахло лишь озером и лесом... но я что-то видел внизу: мальчик в озере, маленький утонувший чернокожий мальчик, лежащий на спине. С широко раскрытым ртом. И белыми, как у статуи, глазами.

Мой рот вновь наполнился привкусом озерной воды. *Помогите мне, отпусти меня, помогите, я тоню.* Я накло-

нился вперед, из моей глотки рвался крик, я кричал в мертвое лицо, лежащее подо мной, и тут я осознал, что смотрю вверх на себя, смотрю сквозь толщу подсвеченной заходящим солнцем воды на белого мужчину в синих джинсах и желтой рубашке с отложным воротничком, ухватившегося за ствол березы и пытающегося кричать. Лицо мужчины пребывало в постоянном движении, его глаза на мгновение скрыла рыбешка, метнувшаяся за каким-то насекомым, я раздвоился, одновременно стал и чернокожим мальчиком, утонувшим в озере, и белым мужчиной, тонущим в воздухе, это так, именно это происходит, один удар — да, два — нет.

Я смог выблевать лишь жалкий комок слюны, и — невероятно — из воды выпрыгнула рыбка и на лету схватила его. На закате они хватают все, что угодно. Угасающий свет, должно быть, сводит их с ума. Еще одна рыбка выпрыгнула из воды, блеснула серебряной спинкой и исчезла, оставив после себя расходящиеся круги. И все пропало — металлический привкус во рту, жуткий запах, колышущееся лицо негритенка (он-то воспринимал себя не черным, не афроамериканцем, а негром), и я практически не сомневался, что фамилия у него была Тидуэлл.

Я посмотрел направо и увидел серый валун. *Здесь, именно здесь*, подумал я, и, словно в подтверждение моей догадки, меня вновь окатило волной гнилостного запаха, на этот раз идущего от земли.

Я закрыл глаза, по-прежнему цепляясь за березу, едва держась на ногах от слабости и дурноты, и в этот самый момент за моей спиной раздался голос безумца Макса Дивоура:

— Эй, сутенер, а где же твоя шлюха?

Я повернулся и увидел его, естественно, в обществе Роджетт Уитмор. Мы увиделись в первый и последний раз, но впечатлений мне хватило с лихвой. Можете мне поверить.

* * *

Его инвалидное кресло-каталка напоминало нечто среднее между мотоциклетной коляской и луноходом. Поддюжины хромированных колес с каждого бока. Четыре колеса побольше — сзади. Все на разных уровнях, то есть с индивидуальной подвеской. На таком экипаже Дивоур мог с комфортом перемещаться и по более ухабистой, чем Улица, тропе. Над задними колесами располагался двигатель. Ноги Дивоура прикрывал стекловолокнистый обтекатель, черный, с красными полосками, который неплохо смотрелся бы и на гоночном автомобиле. На нем монтировалось устройство, отдаленно напоминающее мою спутниковую антенну... я догадался, что это компьютеризированная система, предотвращающая столкновения. Возможно, даже автопилот. К левому борту крепился зеленый кислородный бак длиной четыре фута. Шланг от него тянулся к пластмассовому редуктору. Авторой шланг соединял редуктор с маской, которая лежала на коленях Дивоура. Мне тут же вспомнилась стеномаска другого старика, который фиксировал мои показания. Я мог бы подумать, что вижу галлюцинацию, если бы не наклейка на обтекателе, пониже «тарелки» с надписью:

ДАМ ФОРУ ЛЮБОМУ «ДОДЖУ»

Женщина, которую я видел рядом с «Баром заходящего солнца» в «Уэррингтоне», на этот раз надела белую блузу с длинными рукавами и черные брюки, обтягивающие ее ноги, как вторая кожа. Узкое лицо со впалыми щеками еще больше напоминало крикунью с картины Эдварда Манча. Седые волосы облепляли лицо. Губы она накрасила так ярко, что казалось, у нее изо рта течет кровь.

Старая, уродливая, она, однако, выглядела юной красоткой в сравнении со свекром Мэтти. Высохший, с синими губами, с полиловевшей кожей у глаз и уголков

рта, он напоминал мумию, какие иной раз извлекают из погребальных камер пирамид, где они покоятся в окружении жен и любимых животных. На голове осталось лишь несколько островков седых волос. Волосы торчали и из огромных ушей. Одет он был в белые брюки и синюю рубашку с широкими рукавами. Добавьте к этому маленький черный берет — и получите французского художника девятнадцатого столетия на закате дней.

Поперек каталки лежала трость черного дерева. Я видел, что в пальцах, сжимающих ярко-красную рукоятку, еще достаточно силы, но они уже почернели, цветом догоняя дерево трости. Система кровообращения отмирала, и мне не хотелось даже думать о том, как выглядят его ступни и голени.

— Шлюха от тебя убежала, да?

Я попытался что-то ответить. Из горла вырвался хрип — ничего больше. Я все держался за березу. Убрав руку, я попытался выпрямиться, но ноги не держали, и мне пришлось вновь ухватиться за белый ствол.

Дивоур двинул вперед серебристый рычажок, и кресло приблизилось на десять футов, уменьшив разделявшее нас расстояние вдвое. Катилось оно с едва слышным шелестом, очень плавно, эдакий ковер-самолет. Многочисленные колеса поднимались и опускались независимо друг от друга, следуя рельефу, поблескивая в лучах заходящего солнца. И вот тут я почувствовал исходящую от этого человека энергию. Тело его разлагалось прямо на костях, но воля оставалась железной. Женщина шла следом, с любопытством разглядывая меня. Ее глаза отливали розовым. Тогда я решил, что они светло-серые и просто окрасились в цвет заката, но теперь думаю, что Роджетт была альбиносом.

— Шлюхи мне всегда нравились, — продолжал Дивоур. — Верно, Роджетт?

— Да, сэр, — ответила она. — Если они знали свое место.

— Иногда их место было на моем лице! — злобно выкрикнул он, словно она в чем-то с ним не согласилась. — Так где она, молодой человек? На чьем лице она сейчас сидит? Хотелось бы знать. Этого ловкого адвоката, которого ты нашел? Я уже все о нем знаю. Вплоть до того, что в третьем классе он получил «неуд» по поведению. Знать все — мой бизнес. В этом секрет моего успеха.

С невероятным усилием я выпрямился.

— Что вы тут делаете?

— Прогуливаюсь, как и ты. И законом это не запрещено. Улица принадлежит всем, кто хочет ею воспользоваться. Ты живешь здесь не так уж и давно, юный сутенер, но это тебе хорошо известно. Это наш вариант городского сквера, где прилежные шенки и шкодливые псы могут прогуливаться бок о бок.

Вновь он воспользовался рукой, которая не держалась за рукоятку трости, поднял кислородную маску, глубоко вдохнул, бросил ее на колени. Улыбнулся. Самодовольной улыбкой, обнажившей десны цвета йода.

— Она хороша? Эта твоя маленькая шлюха? Должно быть, хороша, раз мой сын и шагу не мог ступить из этого паршивого трейлера, в котором она живет. А потом появляешься ты, не успели черви выесть глаза моего мальчика. Она сосет?

— Прекратите.

Роджетт Уитмор откинула голову и рассмеялась. Словно завизжал кролик, попавший в когти совы, и моя кожа пошла мурашками. Я понял, что безумством она не уступает Дивоуру. Оставалось только благодарить Господа за то, что оба они — глубокие старики.

— А ты задел его за живое, Макс.

— Чего вы хотите? — Я вдохнул... и вновь ощутил гнилостный запах. Горло перехватило железной рукой.

Дивоур же выпрямился в кресле, я видел, что ему дышится легко и свободно. В тот момент он выглядел

как Роберт Дювалл* из «Апокалипсиса сегодня»**, когда тот прогуливался по берегу и говорил миру, как ему нравится по утрам вдыхать запах напалма. Его улыбка стала шире.

— Прекрасное место, не так ли? Где еще можно остановиться, поразмышлять. — Он огляделся. — Да, именно здесь все и произошло. Здесь.

— Здесь утонул ребенок.

Мне показалось, что улыбка Уитмор на мгновение застыла. А вот на Дивоура мои слова не произвели ни малейшего впечатления. Он вновь потянулся за кислородной маской, поднял ее, прижал к лицу, бросил на колени.

— В этом озере утонуло больше тридцати человек — и это только тех, о ком знают. Мальчиком больше, мальчиком меньше, невелика разница.

— Я не понимаю. Значит, здесь умерли два Тидуэлла. Один от заражения крови, а второй...

— Тебе дорога твоя душа, Нунэн? Твоя бессмертная душа? Мотылек в коконе плоти, которая вскоре начнет гнить так же, как и моя?

Я ничего не ответил. Эффект того, что случилось до его прихода, сошел на нет, где-то даже забылся. Потому что ему нашлась замена — невероятный магнетизм Дивоура. Никогда в жизни я не встречался с такой необузданной, дикарской силой, какая исходила от него. Именно дикарской, точнее, пожалуй, и не скажешь. Я мог бы убежать. При других обстоятельствах точно бы убежал. И уж на месте удержало меня не мужество — ноги все еще оставались ватными, я боялся свалиться при первом же шаге.

— Я собираюсь дать тебе один шанс спасти твою душу. — Дивоур поднял один костлявый палец, показы-

* Дювалл, Роберт (р.1931) — американский киноактер, режиссер, продюсер.

** «Апокалипсис сегодня» — фильм режиссера Френсиса Коппола по роману Джозефа Конрада «Сердце тьмы».

вая, что речь идет только об одном шансе. — Уезжай, симпатяга сутенер. Немедленно, в той самой одежде, что сейчас на тебе. Не собирай чемодан, даже не заглядывай в дом, чтобы убедиться, выключена ли плита. Уезжай. Оставь свою шлюху и оставь ее потомство.

— Оставить их вам?

— Да, мне. Я сделаю все, что необходимо сделать. Души по части тех, кто защищает диплом по искусству, Нунэн. А вот я — дипломированный инженер.

— Пошел ты на хрен.

Роджетт Уитмор вновь по-заячьи рассмеялась.

Старик сидел в своей каталке, наклонив голову, сухо улыбаясь. Выглядел он как оживший труп.

— Ты уверен, что хочешь быть ее благодетелем, Нунэн? Ей это без разницы, ты знаешь. Ты или я — ей все равно.

— Я не знаю, о чем вы говорите. — Я еще раз вдохнул: воздух пахнул как должно. Тогда я решился отступить от березы на шаг. Ноги уже держали меня. — И знать не хочу. Киру вы не получите. Доживете свой век без нее. Я этого не допущу.

— Парень, очень уж ты у нас самоуверенный. — Дивоур оскалился, вновь продемонстрировав мне десны цвета йода. — Тебя еще ждет много сюрпризов. Увидишь сам. И к концу июля еще пожалеешь, что не вырвал свои глаза в июне.

— Я иду домой. Дайте мне пройти.

— Иди, иди. Как я могу остановить тебя? Улица принадлежит всем. — Он схватился за кислородную маску, глубоко вдохнул. Бросил ее на колени, положил левую руку на панель управления коляской-луноходом.

Я шагнул к нему и понял, что сейчас произойдет, еще до того, как он двинул коляску на меня. Он мог бы наехать на меня и сломать мне ногу или обе, но остановил коляску, когда расстояние между нами сократилось до нескольких дюймов. Я отпрыгнул назад, но лишь потому,

что он позволил мне отпрыгнуть. И тут же услышал смех Уитмор.

— В чем дело, Нунэн?

— Прочь с дороги. Предупреждаю вас.

— Шлюха сделала тебя таким пугливым.

Я двинулся влево, чтобы обойти его, но послушная его пальцам коляска тут же перекрыла мне путь.

— Убирайся из Тэ-Эр, Нунэн. Я даю тебе дельный со...

Я метнулся направо и проскочил бы, если бы не маленький твердый кулачок, врезавший мне слева. Седая стерва носила на пальце кольцо, и камень порвал мне кожу за ухом. Я почувствовал резкую боль, и по шее потек теплый ручеек. Повернувшись, я толкнул ее обеими руками. Она с негодующим воплем упала на усыпанную сосновыми иголками тропу. А в следующее мгновение что-то ударило мне по затылку. Глаза залил оранжевый свет. Размахивая руками, я начал поворачиваться в обратную сторону, и в поле моего зрения вновь попал Дивоур. Трость, набалдашником которой он огрел меня, еще не успела опуститься. Будь он лет на десять моложе, дело кончилось бы проломленным черепом, а не вспышкой оранжевого света.

Я наткнулся на мою добрую подружку-березу. Поднял руку к уху, не веря своим глазам, уставился на кровь, окрасившую кончики пальцев. От удара по затылку в голове шумело.

Уитмор поднималась на ноги, отряхивая с брюк сосновые иголки, яростно скаля зубы. Ее щеки заливал светло-розовый румянец. За ярко-красными губами щерились мелкие зубы. В лучах заходящего солнца глаза словно полыхали огнем.

— Прочь с дороги. — Но в моем голосе звучала не сила, а слабость.

— Нет, — ответил Дивоур и положил черную трость на обтекатель своего кресла. Теперь я ясно представлял себе маленького мальчика, которого не остановили по-

резанные руки: он хотел завладеть снегокатом и завладел им. Не просто представлял — видел его перед собой. — Нет, любитель шлюх.

Не уйду.

Дивоур вновь двинул серебристый рычажок, и коляска покатила на меня. Если б я оставался на месте, он точно проткнул бы меня тростью, как какой-нибудь злой герцог из романа Александра Дюма. При этом он наверняка сломал бы кисть правой руки, кости-то в таком возрасте совсем хрупкие, а то и вышиб бы руку из плеча, но такие мелочи Дивоура бы не остановили: за ценой он никогда не стоял. И если бы я чуть замешкался, он бы меня убил, двух мнений тут быть не могло. Но я успел отскочить влево. Кроссовки заскользили по крутому склону, а потом и вовсе потеряли контакт с землей. Я полетел в озеро.

Я плюхнулся в воду у самого берега. За что-то зацепился левой ногой. Дикая боль пронзила все тело. Я раскрыл рот, чтобы закричать, и в него хлынула вода — холодная, с металлическим привкусом, на этот раз настоящая. Я закашлялся, что-то выплюнул, какая-то часть ушла в желудок, подался в сторону от того места, куда упал, думая: *Тут же мальчик, утонувший мальчик, что будет, если он вдруг схватит меня за ногу?*

Я перевернулся на спину, все еще кашляя, чувствуя, как джинсы прилипают к промежности и ногам, беспокоясь — глупо, конечно, — о бумажнике: кредитные карточки и водительское удостоверение останутся целехонькими, а вот две дорогие мне фотографии Джо вода точно испортит.

Дивоур выкатился на самый край Улицы, и я уж подумал, что сейчас он последует за мной. Обтекатель его коляски навис над тем местом, где я стоял (я видел следы моих кроссовок слева от выступавших из земли корней березы), земля осыпалась под колесами, комочками

падала в озеро. Уитмор схватилась за кожух двигателя, пытаясь оттянуть коляску от края, но, конечно, сил у нее не хватало. Спасти Дивоур мог только сам. Стоя по пояс в воде, с прилипшей к телу одеждой, я с нетерпением ждал, когда же он спикирует в озеро.

Но почерневшая левая клешня, в которую превратилась рука Дивоура, ухватила серебристый рычажок, потянула назад, и кресло откатилось от края, швырнув в озеро последнюю порцию камешков и комочков земли. Уитмор едва успела отпрыгнуть в сторону, не то осталась бы без ног.

Еще несколько движений рукой, и Дивоур развернул кресло, нацелив обтекатель на меня, и вновь подкатился к самому краю Улицы. Я стоял в воде, в семи футах от нависшей над озером березы. Уитмор повернулась ко мне задом, согнувшись пополам. Я думал, что она пытается восстановить дыхание.

Из этой передраги Дивоур вышел с наименьшими потерями. Даже не стал прикладываться к кислородной маске, что лежала у него на коленях. Солнце било ему в лицо, отчего оно напоминало полусгнивший фонарь из тыквы с прорезанными отверстиями для глаз, носа и рта, который вымочили в бензине и подожгли.

— Любишь купаться? — спросил он и захохотал.

Я огляделся, надеясь увидеть прогуливающуюся по Улице парочку или рыбака, ищущего место, где бы до наступления темноты еще раз закинуть в озеро удочку... и в то же время мне никого не хотелось видеть. Злость, боль, испуг... все это было, но над всеми чувствами в тот момент господствовал стыд. Меня скинул в озеро восьмидесятипятилетний старик... скинул, выставив на посмешище.

Я двинулся направо, к югу, к своему дому. Холодная, доходящая до пояса вода теперь уже, когда я к ней привык, освежала. Кроссовки то и дело натыкались на камни и на затонувшие ветки. Растянутая лодыжка болела,

но не отказывалась служить. Конечно, на берегу она могла повести себя иначе.

Дивоур передвинул рычажки управления, и кресло медленно покатилося по Улице, держась вровень со мной.

— Кажется, я не успел познакомить тебя с Роджетт? — снова заговорил он. — В колледже она считалась одной из лучших спортсменок. Играла в софтбол и хоккей. Между прочим, некоторые навыки она сохранила. Роджетт, продемонстрируй этому молодому человеку свое мастерство.

Коляска проехала мимо Уитмор, на несколько мгновений скрыв ее от моих глаз. А когда старуха вновь появилась в поле моего зрения, я увидел, что она держит в руках. Наклонялась она не для того, чтобы восстановить дыхание.

Улыбаясь, она подошла к краю Улицы, прижимая левой рукой к животу камни, подобранные ею с земли. Она выбрала один, размером с мяч для гольфа, размахнулась и бросила в меня. Камень пролетел в опасной близости от моего левого виска и плюхнулся в воду.

— Эй! — воскликнул я, скорее изумленный, чем испуганный: Даже после того что мне пришлось пережить, я не верил, что такое возможно.

— Что с тобой, Роджетт? — подзадорил ее Дивоур. — У тебя сбился прицел? Достань его!

Второй камень просвистел в двух дюймах над моей головой. Третий вышиб бы мне зубы, но я успел отбить его рукой, только потом заметив оставшийся на ладони синяк. В тот момент я видел лишь ее злобную, улыбающуюся физиономию — физиономию женщины, которая выложила два доллара в тире и теперь готова стрелять хоть до утра, но выиграть главный приз — плюшевого медведя.

Камни она бросала быстро. Они падали то справа, то слева, создавая маленькие гейзеры. Я начал пятиться, не решаясь повернуться и уплыть на глубину. Боялся, что в этот самый момент бульжник угодит мне в затылок.

Однако я понимал, что увеличение расстояния между нами уменьшит вероятность попадания. Дивоур все это время заливался смехом, и лицо его все более напоминало печеное яблоко.

Очередной камень попал мне в левую ключицу, отлетел в сторону, плюхнулся в воду. Я вскрикнул от боли, и она ответила криком: «Хэй!» — словно каратист, нанесший точный удар.

На том мое организованное отступление и закончилось. Я повернулся и поплыл прочь от берега. И тут же оправдались мои самые худшие опасения. Первые два камня, брошенные ею после того, как я пустился вплавь, не долетели до меня. Потом последовала пауза, и я успел подумать: удалось, ей уже не добраться до... и тут что-то ударило меня по затылку. Я одновременно почувствовал удар и услышал его звук.

Водяная гладь тут же сменила свой цвет: из ярко-оранжевой стала ярко-красной, потом густо-бордовой. Откуда-то издалека до меня донеслись одобрителный вопль Дивоура и заячий смех Уитмор. Я вновь хлебнул озерной воды, и мне пришлось напомнить себе, что ее надо выплюнуть, а не проглотить. Ноги сразу отяжелели, кроссовки теперь весили не меньше тонны каждая. Я опустил ноги и не нашел дна: глубина здесь была больше моего роста. Посмотрел на берег, полыхающий всеми оттенками оранжевого и красного цветов. От кромки воды меня отделяли двадцать футов. Дивоур и Уитмор стояли на краю Улицы, не отрывая от меня глаз. Прямо-таки папа и мама, наблюдающие, как резвится в воде их сынок. Дивоур опять дышал кислородом, но сквозь прозрачную маску я видел, что он улыбается. Улыбалась и Уитмор.

Я в очередной раз нахлебался воды. Большую часть выплюнул, но что-то попало в горло, вызвав приступ кашля. Я начал уходить под воду и тут же попытался выкарабкаться, лихорадочно колотя руками, затрачивая куда больше сил, чем при плавании. Паника мутной

волной захлестывала сознание. Голова гудела. Сколько ударов она сегодня выдержала? Кулак Уитмор... трость Дивоура... камень, брошенный Уитмор... или два камня? Господи, я не мог вспомнить.

Ради Бога, возьми себя в руки — ты ведь не позволишь ему взять верх? Не утонешь, как утонул маленький мальчик?

Нет, тонуть я не собирался.

Вынырнув из воды, одной рукой я ошупал затылок и обнаружил шишку с гусиное яйцо (она все росла) чуть повыше шеи. Когда я нажал на нее, то едва не потерял сознание от боли. Крови на кончиках пальцев осталось всего ничего, но ее могла смыть вода.

— Ты похож на сурка под дождем, Нунэн! — долетел до меня его голос.

— Чтоб ты сдох! — огрызнулся я. — За это я упеку тебя в тюрьму!

Он посмотрел на Уитмор. Она — на него. И оба расхохотались. Окажись у меня в тот момент «узи», я бы без колебаний убил их обоих. А потом попросил бы второй магазин, чтобы изрешетить тела.

А без «узи» мне не оставалось ничего другого, как плыть на юг, к дому. Они двигались параллельным курсом по Улице, он — на кресле, она — на своих двоих, строгая, как монахиня, то и дело наклоняясь, чтобы подобрать подходящий камень.

Я проплыл не так уж и много, чтобы устать, но устал. Должно быть, сказался шок. И в какой-то момент не вовремя открыл рот, хлебнул воды и запаниковал. Я поплыл к берегу, чтобы ощутить под ногами твердое дно. Роджетт Уитмор тут же возобновила обстрел. Сначала она израсходовала камни, что лежали на сгибе левой руке, потом взялась за те, которые складывала на коленях Дивоура. Она уже успела размяться, и теперь снаряды ложились в цель. Один я отбил рукой — большой, который мог раскроить мне лоб, — следующий оставил на бицепсе длинную царапину. Этого мне хватило, я вновь

отплыл подальше, стараясь держать голову над водой, хотя боль в шее от этого только усиливалась.

Оказавшись вне досягаемости ее бросков, я оглянулся на берег. Уитмор стояла на самом краю Улицы. Чтобы максимально сократить разделявшее нас расстояние. Максимально! Дивоур устроился в кресле за ее спиной. Оба ухмылялись. Их лица окрасились красным, стали совсем как у бесов в аду. Красный закат — к хорошей погоде. Еще двадцать минут, и настанет ночь. Смогу я продержаться на воде еще двадцать минут? Двадцать — смогу, если удастся избежать очередной паники, но больше — вряд ли. Я подумал о том, что утону в темноте, увижу Венеру и утону. И тут же паника вцепилась в меня мертвой хваткой. Паника, она куда хуже Роджетт и ее камней.

Такая же ужасная, как Дивоур.

Я оглядел берег. Улица то тут, то там проглядывала среди деревьев, где на дюжину футов, где на дюжину ярдов. О стыде я уже и думать забыл, но никого не увидел. Господи, да куда же они все подевались? Отправились во Фрайбург отведать пиццы? Или в «Деревенское кафе» на молочный коктейль?

— Что ты хочешь? — крикнул я старику. — Хочешь, чтобы я больше не лез в твои дела? Хорошо, не буду!

Он рассмеялся:

— По-твоему, я только вчера родился, Нунэн?

Я и не ожидал, что моя уловка сработает. Даже если бы я говорил искренне, он бы мне не поверил.

— Мы хотим посмотреть, как долго ты выдержишься на плаву, — добавила Уитмор и лениво так, по высокой траектории, бросила камень. Он не долетел до меня пять футов.

Они решили меня убить, подумал я. Решили убить.

Точно. Не просто убить, но и не понести за это никакой ответственности. Безумная мысль мелькнула у меня в голове. Я вдруг увидел Роджетт Уитмор, прикрепляющую объявление к доске «МЕСТНЫЕ НОВОСТИ» у «Лейквью дженерэл»:

ВСЕМ МАРСИАНАМ Тэ-Эр-90! ПРИВЕТ!

Мистер МАКСУЭЛЛ ДИВОУР, всеми любимый марсианин, даст каждому жителю Тэ-Эр СТО ДОЛЛАРОВ, если никто из них не появится на Улице в ПЯТНИЦУ ВЕЧЕРОМ, С СЕМИ ДО ДЕВЯТИ ЧАСОВ. Там также нечего делать и нашим «ЛЕТНИМ ДРУЗЬЯМ»! И помните: ХОРОШИЕ МАРСИАНЕ все одно что ХОРОШИЕ МАРТЫШКИ! Они ничего не ВИДЯТ, ничего не СЛЫШАТ, ничего не ГОВОРЯТ!

Я не мог в это поверить, несмотря на мое более чем плачевное положение... и все-таки едва ли не верил. Или ему дьявольски везло.

Усталость тянула вниз. Кроссовки стали еще тяжелее. Я попытался стянуть одну, но в результате опять хлебнул озерной воды. Они стояли, наблюдая за мной. Дивоур время от времени прикладывался к маске, что лежала у него на коленях.

Я не мог ждать наступления темноты. В западном Мэне солнце заходит быстро, как, видимо, и в любой гористой местности, но сумерки не спешат переходить в ночь. И еще до того, как станет совсем темно, на востоке может взойти луна.

Я уже представил себе свой некролог в «Нью-Йорк таймс» под заголовком

**ПОПУЛЯРНЫЙ АВТОР
РОМАНТИЧЕСКИХ ДЕТЕКТИВОВ
ТОНЕТ В МЭНЕ**

Дебра Уайнсток даст им фотографию с обложки готовящегося к публикации «Обещания Элен». Гарольд Обловски скажет все, что положено, и проследит за тем, чтобы сообщение о моей безвременной кончине появи-

лось и в «Пабlishерс уикли». Расходы он поделит с «Патнамом» пополам, и...

Я ушел под воду, вновь хлебнул воды, выплюнул. Бешено замолотил руками, заставил себя прекратить это безобразие. Услышал, как на берегу смеется Уитмор. Сука, подумал я.

Облезлая су...

Майк, позвала Джо.

Ее голос прозвучал у меня в голове, но это был не тот голос, который я представлял себе, когда мне хотелось мысленно поговорить с ней, чтобы хоть как-то скрасить одиночество. И словно в подтверждение этому справа от меня раздался сильный всплеск. Я развернулся на него, но не увидел ни рыбы, ни расходящихся по воде кругов. Зато увидел другое — наш плот, стоящий на якоре в какой-нибудь сотне ярдов от меня, окруженный окрашенной закатом водой.

— Я не смогу доплыть до него, крошка, — прохрипел я.

— Ты что-то сказал, Нунэн? — крикнул с берега Дивоур и приложил руку к заросшему волосами уху. — Повтори громче! Или ты уже совсем выдохся?

А Уитмор все смеялась.

Сможешь. Я тебе помогу.

Я уже понял, что плот — мой единственный шанс. Другого поблизости не было, а добросить до него камень Уитмор не под силу. И я поплыл к плоту, хотя руки сделались такими же свинцовыми, как и ноги. Всякий раз, когда я чувствовал, что сейчас камнем пойду ко дну, я выдерживал паузу, говорил себе, что спешить некуда, что здоровья у меня хватит и все будет хорошо, если я не поддамся панике. Древняя старуха и еще более древний старик двинулись следом, но смех на берегу стих, потому что они тоже увидели, куда я направляюсь.

Долго, очень долго плот не приближался ни на йоту. Я говорил себе, что это оптический обман, причина ко-

торого в сгущающихся сумерках, в цвете воды, из багряной превращающейся в чернильно-черную, но доводы эти звучали все менее убедительно по мере того, как тяжелели руки, а воздух отказывался проникать в легкие.

Нас разделяло тридцать ярдов, когда левую ногу свела судорога. Я повернулся на бок, как тонущая лодка, попытался дотянуться до ноги. Наглотался воды. Меня тут же вырвало. Одной рукой я схватился за живот, вторая все тянулась к ноге.

Я тону, с удивительным спокойствием подумал я. Так, значит, это происходит.

И тут рука ухватила меня за загривок в том самом месте, куда угодил камень Уитмор, и дикая боль тут же вернула меня в реальность, подействовала лучше, чем укол эпинефрина*. А другая рука ухватила за мою левую ногу, и ее обожгло, как огнем. Судорога прошла, я вынырнул на поверхность и с новыми силами поплыл к плоту. Еще несколько, как мне показалось, секунд, и я, тяжело дыша, уже держался за перекладину лесенки, ведущей на плот, не зная, то ли я выживу, то ли сердце разнесет мне грудь, как осколочная граната. Наконец легкие начали возмещать недостаток кислорода, и я понял: худшее позади. Выждав еще минуту-другую, пока успокоится сердцебиение, я вылез на плот в последних остатках сумерек. Какое-то время я стоял, глядя на запад, а вода потоками стекала с доски. Затем я повернулся к ним, чтобы показать, что их затея провалилась. Но свою победу мне пришлось отмечать в одиночестве. Улица опустела. Дивоур и Роджетт Уитмор ушли.

Возможно, ушли. Потому что, а я это хорошо помню, большая часть Улицы уже спряталась в темноте, и знать этого я не мог.

* Адреналина гидрохлорид, оказывает стимулирующий, возбуждающий эффект.

Скрестив ноги, я сидел на плоту, пока не взошла луна, ловя каждый звук, следя за каждым движением. Просидел, по моим прикидкам, не меньше получаса. Может, минут тридцать пять. На часы я посмотрел, но они ничем мне не помогли. Стрелки застыли на половине восьмого: в тот самый момент их залило водой. Так что к убыткам, причиненным мне Дивоуром, я мог добавить и стоимость «Таймекс индигло» — 29 долларов 75 центов.

Наконец я осторожно спустился по лесенке и медленно поплыл к берегу. Я отдохнул, голова не гудела (хотя затылок, то место, куда угодил камень Роджетт, саднило), и меня уже не удивляло, что такое могло случиться наяву и со мной. Пожалуй, последнее более всего поразило меня. Я и представить себе не мог, что богатый компьютерный барон попытается утопить меня, таким вот образом свести счеты с романистом, который перешел ему дорогу.

Могло ли это решение спонтанно возникнуть в голове Дивоура? Случайной ли была наша встреча? Учитывая внезапность его появления у меня за спиной — вряд ли. Скорее всего он держал меня под наблюдением с четвертого июля... может, с другого берега за мной следили люди, оснащенные хорошей оптикой. Параноидальный бред, мог бы сказать я... да только эта парочка едва не утопила меня в озере Темный След, как ребенок топит в луже бумажный кораблик.

Я решил, что плевать мне на тех, кто мог наблюдать за мной с другого берега. Я решил, что плевать мне на этих стариканов, если они и поджидают меня, прячась за деревьями. Я плыл, пока ноги не коснулись растущих на дне водорослей, пока не увидел поднимающийся к «Саре-Хохотушке» склон. А потом встал, поморщился от холодного ветерка, хромая вышел из воды, одной рукой прикрывая голову от возможного града камней. Но камни в меня не полетели. Я постоял на Улице. Вода стекала с джинсов и рубашки на утоптанную землю, я посмотрел

направо, потом налево. Похоже, в этой части озерного периметра я пребывал в гордом одиночестве. Я поглядел на воду. В слабом лунном свете темнел квадрат плота.

— Спасибо, Джо, — вырвалось у меня, и я начал подниматься по железнодорожным шпалам. Одолев половину лестницы, я остановился. Никогда в жизни я не чувствовал такой усталости.

Глава 18

Я поднялся на террасу, вместо того чтобы обойти дом и войти через крыльцо. Двигался я по-прежнему с трудом, ноги стали раза в два тяжелее. В гостиной я с изумлением огляделся, словно отсутствовал лет десять, и нашел все как было: Бантер на каминной доске, «Бостон глоб» на диване, сборник кроссвордов на комод у стены, тарелка с остатками овощного рагу — на кофейном столике. Пожалуй, только тут я осознал, что же со мной случилось: я вышел на прогулку, оставив в комнате привычный беспорядок, и едва не погиб. Вернее, меня едва не убили.

Меня бросило в дрожь. Я проследовал в ванную северного крыла, снял мокрую одежду, швырнул в ванну и повернулся к зеркалу над раковиной. Выглядел я как участник потасовки в баре, потерпевший поражение. Длинная, с запекшейся кровью, царапина на бицепсе. Приличных размеров синяк на левой ключице. Кровавая, уходящая за ухо царапина на шее — след камня с кольца красотки Роджетт.

Я взял зеркальце для бритья и с его помощью обследовал затылок. «Неужели до сих пор не дошло? Видать, череп у тебя слишком толстый» — так, бывало, в детстве кричала на меня мать. Теперь я благодарил Бога, что относительно толщины черепа она не ошибалась. Место соприкосновения с тростью Дивоура походило на усеченный конус потухшего вулкана. А об удачном попада-

нии Уитмор напоминала рваная рана, которую следовало зашить, если я не хотел, чтобы остался шрам. Кровь налипла на волосы, стекла на шею. Кто знает, сколько ее вытекло, пока я «купался» в озере?

Я налил в сложенную лодочкой ладонь перекиси водорода, плеснул на рану, как лосьон после бритья. Ожгло так, что я едва подавил крик. Когда боль утихла, я смочил в перекиси ватный тампон и промыл остальные раны.

Потом я принял душ, надел футболку и чистые джинсы и прошел в холл, чтобы позвонить шерифу округа. Искать номер телефона мне не пришлось: номера полицейского управления Касл-Рока и управления шерифа округа Касл Билл Дин заботливо выписал на отдельный листок, вместе с номерами пожарной команды, службы «Скорой помощи» и еще одного, по которому за полтора бакса каждый мог узнать три слова из сегодняшнего кроссворда в «Таймс». Листок этот висел на стене над столиком с телефонным аппаратом.

Я быстро набрал три первые цифры, а потом сбавил скорость. А набрав 955-960, и вовсе опустил руку. Так я и стоял в холле, прижав трубку к уху, и представлял себе еще один заголовок, не в респектабельной «Таймс», а в отдающей желтизной «Нью-Йорк пост».

ПИСАТЕЛЬ — ПРЕСТАРЕЛОМУ
КОМПЬЮТЕРНОМУ МАГНАТУ:
«АХ ТЫ ХУЛИГАН!»

И тут же фотографии: моя, на которой я выгляжу чуть моложе своих лет, и столетнего Макса Дивоура. «Пост», уж конечно, позабавит своих читателей, рассказав им, как Дивоур (вместе со своей напарницей, пожилой дамой, которая, если ее намочить в воде, потянет фунтов на девяносто) сбросил в озеро писателя, годящегося ему во внуки, и судя по фотографии, мужчину стройного, сильного и подтянутого.

Телефону надоело держать в памяти шесть цифр, и он сбросил их: в трубке вновь послышался длинный гудок. Я оторвал трубку от уха, несколько секунд сверлил взглядом, а потом положил на рычаг.

Я не плачусь по поводу ехидного, а то и злобного отношения прессы, но держусь с ней настороже. Точно так же я веду себя, когда вижу бродячую собаку. Кто знает, что у нее на уме? Людей творческих, чья работа — развлекать народ, Америка превратила в проститутток высшего класса, и пресса поднимет на смех любую знаменитость, посмеявшую выразить недовольство проявленным к ней отношением. «Хватит жаловаться! — хором вопят газеты и телевидение (в голосах слышатся триумф и негодование). — Неужели ты думаешь, что тебе платят такие бабки только за умение петь или вертеть задом? Ты не прав, засранец! Мы платим, чтобы удивляться, когда у тебя все получается, каким бы делом ты ни занимался, и радоваться, когда ты окажешься по уши в дерьме. А твое дело — работать нам на потребу. Если ты перестанешь нас забавлять, мы всегда сможем убить тебя или съесть».

Разумеется, по-настоящему съесть они не могли. Но могли опубликовать твою фотографию без рубашки и написать, что ты очень уж разъелся, могли вести бесконечные разговоры о том, сколько ты пьешь, какие принимаешь таблетки, хихикать насчет того вечера, когда в «Спейго» ты посадил на колени какую-то старлетку и ткнулся языком ей в ухо, но съесть — нет. Поэтому трубку я положил не из-за того, что «Пост» могла обозвать меня плаксой, а Джей Лено — вдоволь похихикать надо мной в своем ток-шоу. Истинная причина заключалась в отсутствии доказательств. Никто нас не видел. А уж алиби для себя и для своего личного секретаря Макс Дивоур нашел бы без труда.

И еще одно обстоятельство остановило меня: допустим, шериф пришлет Джорджа Футмена, он же «папуля», чтобы взять у меня показания о том, как злобный старик

спихнул в озеро маленького Майка. Как бы они потом хохотали втроем!

И позвонил я не шерифу, а Джону Сторроу, чтобы он сказал мне, что я все сделал правильно, как того и требовала логика событий. Чтобы он напомнил мне, что так поступают, лишь оказавшись в отчаянном положении (ради этого я даже согласился бы забыть их смех, смех людей, получающих максимум удовольствия от разворачивающегося перед ними действия), и в отношении Ки Дивоур ничего не изменилось: иск ее деда по-прежнему безнадежен.

На квартире Джона мне ответил автоответчик, и я оставил сообщение: «Позвоните Майку Нунэну, ничего срочного, но можете звонить и поздней ночью». Потом я позвонил ему на работу, держа в уме постулат Джона Гришэма: молодые адвокаты работают, пока не валятся с ног. Выслушал инструкцию автомата-регистратора и нажал на панели телефона три клавиши, соответствующие первым трем буквам фамилии Джона.

В трубке шелкнуло, потом раздался его голос, к сожалению, вновь записанный на пленку: «Привет, это Джон Сторроу. На уик-энд я уехал в Филадельфию, повидаться с родителями. На работе буду в понедельник, потом уеду по делам. Со вторника по пятницу меня скорее всего можно будет застать по телефону...»

Номер, который он продиктовал, начинался с цифр 207-955, то есть с кода Касл-Рока. Я понял, что речь идет об отеле, скорее всего о том, где он останавливался и раньше.

— Говорит Майк Нунэн, — сказал я в трубку после звукового сигнала. — Позвоните мне, как только сможете. Я оставил сообщение и на вашем домашнем автоответчике.

Я отправился на кухню, чтобы взять пива, но, оставившись перед холодильником, начал возить магниты по передней панели. Он назвал меня сутенером. «Эй,

сутенер, а где же твоя шлюха?» А минутой позже предложил спасти мою душу. Забавно, однако. Алкоголик, предлагающий приглядеть за твоим баром. «Он говорил о вас очень доброжелательно», — как-то сказала Мэтти. «Ваш прадед и его прадед срали в одну выгребную яму».

Пиво так и осталось в холодильнике, а я вернулся к телефону и позвонил Мэтти.

— Привет. — Опять я услышал голос с магнитофонной ленты. Мне везло как утопленнику. — Это я, но в данный момент меня или нет дома, или я не могу подойти к телефону. Оставьте сообщение, хорошо? — Пауза, неразборчивый шепот, потом громкий голос Ки: — Оставьте йадостное сообщсение! — Их общий смех оборвал звуковой сигнал.

— Привет, Мэтти, это Майк Нунэн. Я хотел...

Не знаю, как бы я закончил эту фразу, но заканчивать ее мне и не пришлось. Потому что после щелчка в трубке послышался голос Мэтти:

— Привет, Майк.

И этот печальный, обреченный голос так разительно отличался от голоса, записанного на пленку, что я на мгновение лишился дара речи. А потом спросил, что случилось.

— Ничего. — Она заплакала. — Все. Я потеряла работу. Линди меня уволила.

Разумеется, Линди обосновала свои действия. Мэтти, мол, не уволили, а сократили в рамках программы экономии средств. Однако если бы я заглянул в список спонсоров библиотеки, то нашел бы в нем мистера Макса Дивоура. Причем его пожертвования каждый год наверняка составляли кругленькую сумму. И свое дальнейшее пребывание в списке он обусловил... короче, Линди Бриггс все поняла иотреагировала адекватно.

— Не следовало нам разговаривать у нее на глазах, — вздохнул я, понимая, что Мэтти уволили бы, даже если б

я не приближался к библиотеке и на пушечный выстрел. — Мы должны были предусмотреть такой исход.

— Джон Сторроу предусмотрел. — Мэтти всхлинула. — Он сказал, что Макс Дивоур постарается загнать меня в угол. Предупредил, что ему очень хочется, чтобы на вопрос судьи о моем месте работы, я бы ответила: «Я безработная, ваша честь». Я ответила Джону, что миссис Бриггс никогда не пойдет на такую подлость, особенно по отношению к девушке, которая дала блестящий анализ мелвилловского «Бартлби». Знаете, что он на это сказал?

— Нет.

— Он сказал: «Вы еще слишком молоды». Мне показалось, что это прозвучало очень уж снисходительно, но он оказался прав, так?

— Мэтти...

— Что мне делать, Майк? Что мне делать? — Похоже, паника перебралась в трейлер на Уэсп-Хилл-роуд.

Я подумал более чем хладнокровно: *А почему бы тебе не стать моей любовницей? Официально я найму тебя «ассистентом по подготовке материалов», так что будет чем отчитаться перед налоговым управлением. Я тебя одену, дам пару кредитных карточек на текущие расходы, куплю дом, и прощай ржавый трейлер на Уэсп-Хилл-роуд. А в феврале мы сможем слетать на какой-нибудь тропический остров.*

Разумеется, Ки получит достойное образование, и каждый год на ее счет будет перечисляться приличная сумма. И я буду очень осмотрительным. Приезжать буду раз или два в неделю, и попозже, после того как девочка заснет.

Сейчас от тебя потребуется только одно: сказать «да». А потом позволить мне делать все, что я пожелаю... всю ночь, не говорить «нет», не говорить «хватит».

Я закрыл глаза.

— Майк? Вы меня слышите?

— Конечно. — Я коснулся шишки на затылке и поморщился от боли. — Все у вас будет хорошо, Мэтти. Вы...

— Трейлер не оплачен! — Она едва сдерживала рыданий. — Я еще не оплатила два счета за телефон, и они грозят отключить его, В джипе барахлит коробка передач, гремит задний мост! Я смогу оплатить еще неделю пребывания Ки в Летней библейской школе, миссис Бриггс выдала мне жалованье за три недели, которые я имела право отработать до увольнения, но на что тогда я куплю ей туфельки? Она так быстро из всего вырастает... у нее дырявые шорты и... чуть ли не все трусики...

Вот тут она зарыдала в голос.

— Я позабочусь о вас, пока вы снова не встанете на ноги, — успокоил я ее.

— Нет, я не могу допустить...

— Можете. И допустите, ради Киры. А потом, если захотите, сможете рассчитаться со мной. Если вам так будет угодно, мы будем вести счет каждому потраченному мной доллару. Но я обязательно позабочусь о вас. — *И тебе не придется раздеваться в моем присутствии. Я тебе это обещаю.*

— Майк, вам нет нужды брать на себя такую обузу.

— Может, и нет, а может, и есть. Но я позабочусь о вас. И попробуйте меня остановить! — Я позвонил, чтобы рассказать ей о том, что со мной произошло, разумеется, с юмором, но уже понял, что об этом не стоит и заикаться. — С иском об опеке мы разберемся в самое ближайшее время, и если здесь не найдется человека, который взял бы вас на работу, я найду такого в Дерри. А кроме того, скажите мне откровенно — у вас еще не возникло желания сменить обстановку?

Ей удалось выдать смешок:

— Скорее да, чем нет.

— С Джоном вы сегодня говорили?

— Да. На уик-энд он уехал к родителям в Филадельфию, но оставил мне их номер телефона. Я ему позвонила.

Он же сказал, что она ему приглянулась. Может, и он точно так же приглянулся ей. Мысль эта мне не понравилась, и я постарался отогнать ее.

— И что он сказал насчет вашего увольнения?

— То же, что и вы. Только его слова меня не успокоили. В отличие от ваших. Не знаю почему.

Я знал. Все дело в моем возрасте. Этим мы и привлекаем молоденьких женщин: с нами они чувствуют себя в безопасности.

— Он придет во вторник утром. Мы договорились встретиться за ленчем.

— Может, и я смогу составить вам компанию, — без запинки предложил я.

— Вот здорово! — По голосу чувствовалось, что Мэтти моя идея пришлась по душе. — А если мне позвонить ему и сказать, чтобы он приехал сюда? И вы приедете. Я поджарю гамбургеры. И Кира может в этот день не ходить в Летнюю школу. Посидим вчетвером. Она надеется, что вы прочитаете ей еще одну сказку. От «Золушки» она осталась в восторге.

— Я только «за». — И говорил я искренне. Присутствие Киры переводило все мероприятие в иную категорию. Я уже не становился третьим лишним. Их встреча не выглядела бы как свидание и Джона не смогли бы обвинить в том, что он проявляет к клиенту не только деловой интерес. Так что в итоге он, наверное, еще и поблагодарит меня. — Я думаю, нам с Кирой пора переходить к «Гансу и Гретель». Как вы, Мэтти? Вам полегчало?

— Конечно. До вашего звонка мне было так плохо!

— Волноваться вам не о чем. Все образуется.

— Вы мне обещаете?

— Уже пообещал.

Разговор Мэтти продолжила после короткой паузы:

— А с вами все в порядке, Майк? Голос¹ у вас... не знаю, как и сказать... какой-то странный.

— У меня все тип-топ. — И это говорил человек, который чуть не утонул полчасика назад! — Могу я задать вам еще один вопрос? Потому что он сводит меня с ума.

— Конечно.

— Когда мы обедали у вас, вы упомянули о том, что, по словам Дивоура, мой и его прадеды знали друг друга. И очень даже хорошо.

— Он сказал, что они срали в одну выгребную яму. Я еще подумала, что это оригинально.

— А еще он что-нибудь говорил? Попробуйте вспомнить.

Она попыталась, но безуспешно. Я попросил ее позвонить мне, если она что-нибудь вспомнит или у нее вновь возникнет повод для волнений. Недавнее происшествие вспоминать не хотелось, но я решил, что должен обо всем рассказать Джону. Потому что пришел к достаточно логичному выводу: будет неплохо, если этот частный детектив из Льюистона, Джордж Кеннеди, пошлет в Тэ-Эр пару человек приглядывать за Мэтти и Кирой. Макс Дивоур обезумел, как и предупреждал меня мой сторож. Раньше я этого не понимал, теперь у меня открылись глаза. А если вновь возникали сомнения, я мог легко их прогнать, коснувшись шишки на затылке.

Я вернулся к холодильнику и вновь забыл открыть его. Руки сами потянулись к буквам-магнитам и начали перемещать их по передней панели, складывая слова, разрушая, складывая новые. Я как бы писал книгу... Потому что тоже начал впадать в транс, как и за пишущей машинкой.

Это полугипнотическое состояние писатель может вызывать и отключать по своей воле... во всяком случае, когда все у него идет хорошо. Интуитивная часть сознания раскрывается, когда ты начинаешь работать, и распрямляется во все свои шесть футов (случается, что и вдесять). И посылает тебе магические послания и яркие образы. В остальное время она не дает о себе знать, раз-

ве что иногда помимо твоей воли вырывается на свободу, и тогда ты впадаешь в транс неожиданно для себя, в голове возникают ассоциации, не имеющие ничего общего с логикой, приходят внезапные видения. Конечно, это неотъемлемая, пусть и очень необычная, часть творческого процесса. Музы — призраки, и иногда они приходят незванными.

В моем доме живут призраки!

В «Саре-Хохотушке» всегда жили призраки... Ты растревожил их.

растревожил

написал я на холодильнике. Но чего-то не хватало, и вокруг слова я собрал окружность из фруктов и овощей. Так-то лучше. Постоял, сложив руки на груди, как складывал, сидя за пишущей машинкой, когда не мог подобрать слова или выражения, затем рассыпал «растревожил» и написал:

призраки

— Призраки могут говорить только в круте, — изрек я, и тут же, как бы соглашаясь со мной, звякнул колокольчик Бантера.

Я смешал буквы, подумал, как странно иметь адвоката по имени Ромео...

(ввел ромео в круг)

...и детектива, которого зовут Джордж Кеннеди.

(ввел джордж в круг)

Задался вопросом, а не поможет ли мне Кеннеди с Энди Дрейком...

(собрал на передней панели слово дрейк)

...может, я смогу наделить моего персонажа индивидуальными чертами Кеннеди. В моих романах еще не было частного детектива, а ведь зачастую именно деталями...

(из последнего слова оставь *d*, добавь *етали*)

...достигается убедительность образа. Я повернул цифру 3 на спину, поставил под *детали*, словно надел это слово на вилы. Дьявольское — в мелочах.

Оттуда я двинулся дальше. Куда — знать не мог, потому что впал в транс: интуитивная часть моего сознания поднялась так высоко, что логическая не могла ее найти. Я стоял перед холодильником и играл буквами, собирал на передней панели обрывки мыслей, еще не успевших оформиться в мысли. Вы, может быть, не поверите, что такое возможно, но каждый хороший писатель знает, как это происходит.

А в реальный мир меня вернули световые блики, запрыгавшие по окнам холла. Я поднял голову и увидел силуэт автомобиля, вставшего в затылок моему «шевроле». От страха у меня скрутило желудок. В тот момент я бы отдал все, что угодно, за заряженное ружье. Потому что приехать мог только Футмен. Больше некому. Дивор позвонил ему после того, как они с Уитмор вернулись в «Уэррингтон», сказал, что Нунэн не желает быть хорошим марсианином, а потому его надо поставить на место.

Открылась дверца со стороны водителя, лампочка под потолком кабины осветила гостя, но я облегченно выдохнул. Я не знал, кто ко мне приехал, но определенно не «папуля». По этому парню вроде не скажешь, что он будет гоняться за мухой со свернутой газетой... но первое впечатление бывает и обманчивым.

На полке над холодильником стояли аэрозольные баллончики, все старые и, возможно, разрушающие озоновый слой. Я не мог понять, почему миссис М. пощадила их, но мог этому только порадоваться. Схватившись за первый попавшийся («Черный флаг», прекрасный выбор), я скинул колпачок и сунул баллончик в левый передний карман джинсов. Затем повернулся к полкам справа от раковины. На верхней лежали столовые приборы.

На второй, как говорила Джо, «кухонное дерьмо» — всяческие приспособления, предназначенные для облегчения жизни кухарки. На третьей — ножи для разделки мяса. Один я сунул в правый передний карман джинсов и направился к двери.

Мужчина, поднявшийся на мое крыльцо, подпрыгнул, когда я зажег наружный свет. Он сощурился, как близорукий кролик. Ростом пять футов четыре дюйма, худой, бледный. Короткая стрижка. Карие глаза, упрямые за очками в тяжелой роговой оправе. В одной руке — кожаная папка, в другой — маленький белый прямоугольник. Я не верил, что меня может убить мужчина, явившийся ко мне с визитной карточкой в руке, а потому открыл дверь.

Гость застенчиво улыбнулся — так улыбаются мужчины в фильмах Вуди Аллена. И одежда его соответствовала алленовским фильмам: выцветшая клетчатая рубашка с чуть коротковатыми рукавами, брюки чуть широковатые в промежности. «Кто-то, должно быть, сказал ему, на кого он похож, — подумал я. — Вот он и вжился в образ».

— Мистер Нунэн?

— Да?

Он протянул мне визитку.

АГЕНТСТВО НЕДВИЖИМОСТИ
«СЛЕДУЮЩЕЕ СТОЛЕТИЕ»

Золотыми буквами. А ниже, скромными черными буквами, имя и фамилия моего гостя.

— Ричард Осгуд, — представился он, словно я не умел читать, и протянул руку. Любой американец на такой жест обязан отреагировать автоматически, но в тот вечер

я осадил себя. Какое-то мгновение он еще подержал розовую лапку на весу, потом опустил и нервно вытер ладонь о брюки.

— У меня для вас письмо. От мистера Дивоура.

Я ждал.

— Могу я войти?

— Нет.

Он отступил на шаг, опять вытер ладонь о брюки и, похоже, обрел над собой контроль.

— Мне представляется, у вас нет оснований для такой грубости, мистер Нунэн.

А я и не грубил. Если б захотел грубить, то опрыскал бы его из баллончика с репеллентом.

— Макс Дивоур и его мадам сегодня вечером пытались утопить меня в озере. И если я вымещаю зло на вас, придется вам с этим смириться.

Я думаю, мои слова действительно шокировали Осгуда.

— Вы, должно быть, слишком увлеклись вашей новой книгой, мистер Нунэн. Макс Дивоуру скоро исполнится восемьдесят шесть лет, если он доживет до этого дня. Бедняга едва может пройти от кресла до кровати. Что же касается Роджета...

— Я знаю, что вы хотите сказать. Еще в половине восьмого я бы полностью с вами согласился. Теперь у меня иное мнение. Давайте, что вам велено передать.

— Как скажете. — В голосе Осгуда звучала праведная обида. Расстегнув молнию на кожаной папке, он извлек оттуда белый заклеенный конверт. Я взял его, надеясь, что Осгуд не услышит, как бешено колотится мое сердце. Для человека, привязанного к кислородной подушке, Дивоур действовал очень уж активно. Вопрос оставался один — в каком направлении будет нанесен следующий удар?

— Благодарю. — Я начал закрывать дверь. — Я бы дал вам на чай, но оставил бумажник в спальне.

— Подождите! Мне велено подождать, пока вы прочтете письмо и передадите мне ответ.

Я изумленно выгнул бровь.

— Не понимаю, с чего это Дивоур взял, что он имеет право командовать мной, но у меня нет желания поощрять его в этом заблуждении. Проваливайте.

Уголки его губ опустились, около них появились глубокие ямочки, и сходство с Вуди Алленом мгновенно исчезло. Теперь он выглядел как пятидесятилетний риелтор, который продал душу дьяволу, а теперь не выносит, когда кто-то дергает босса за хвост.

— Позвольте дать вам дружеский совет, мистер Нунэн. Он вам, судя по всему, не повредит. Макс Дивоур не тот человек, кому можно перечить.

Я закрыл дверь и постоял в прихожей, держа конверт в руке, наблюдая за мистером Риелтором из следующего столетия. Он и злился, и недоумевал. Насколько я мог понять, в последнее время с подобным пренебрежением ему сталкиваться не доводилось. Может, сегодняшний урок пойдет на пользу, подумал я. Напомнит о некоторых непреложных истинах. К примеру, о том, что, с Максом Дивоуром или без него, ему не вырасти выше пяти футов и семи дюймов. Это уже в ковбойских сапогах.

— Мистер Дивоур хочет получить ответ! — крикнул он из-за закрытой двери.

— Я позвоню, — отозвался я, а потом медленно поднял правую, сжатую в кулак руку и выставил средний палец. — А пока передайте ему вот это:

Я ожидал, что он снимет очки и примется протирать глаза. Но он вернулся к своему автомобилю и, бросив в кабину кожаную папку, последовал за ней. Я подождал, пока он уедет, и только потом прошел в гостиную и вскрыл конверт. Внутри лежал один лист, от которого едва ощутимо пахло духами — теми самыми, которым отдавала предпочтение моя мать, когда я был ребенком. Кажется, они назывались «Белые плечи». Поверху шла надпись:

РОДЖЕТТ Д. УИТМОР

Ниже следовало письмо, написанное чуть дрожащей женской рукой:

2030

Дорогой мистер Нунэн!

Макс хочет сообщить Вам, что он бесконечно рад встрече с Вами! В этом я с ним полностью согласна. С таким веселым человеком, как Вы, заскучать просто невозможно. Мы в восторге от Ваших фортепей.

А теперь к делу. М. предлагает очень простую сделку: Вы перестаете расспрашивать о нем и прекращаете подготовку к судебному процессу, общая тем самым оставив его в покое; в свою очередь, мистер Диворь отказывается от судебного иска, цель которого — установление опеки над его вдовой. Если Вас это устраивает, Вам надо только сказать мистеру Осуду: «Я согласен». Он сообщит нам о Вашем решении. Макс намерен в самое ближайшее время вернуться в Калифорнию на своем самолете. У него есть дело, которое больше не терпит отлагательств, хотя в Мэ-Эр ему очень понравилось, а особенно его порадовало общение с Вами. Он хочет, чтобы я напомнила Вам, что опека несет с собой определенные обязанности, и просит не забывать, что он Вам об этом говорил.

Роджетт.

P.S. Он также напоминает, что Вы не ответили на его вопрос — сосет ли Ваша шлюха? Макса это очень интересует.

P.

Я перечитал письмо второй раз, потом третий. Уже вытянув руку, чтобы положить его на стол, я перечитал в четвертый. Казалось, я не мог понять смысла написанного. Пришлось подавить желание кинуться к телефону и звонить Мэтти. *Все кончено, Мэтти*, сказал бы я. *Твое увольнение и мое купание в озере — два последних выстрела в этой войне. Он сдался.*

Нет. Полной уверенности у меня еще не было.

Я позвонил в «Уэррингтон» и нарвался на четвертый за этот вечер автоответчик. Дивоур и Уитмор попусту пленку не тратили, и ледяной голос предложил мне оставить сообщение после сигнала.

— Это Нунэн, — начал я. Более ничего сказать не успел, потому что раздался щелчок, словно кто-то снял трубку.

— Купание вам понравилось? — слышался в трубке насмешливый голос Роджетт Уитмор. Если б я не видел ее во плоти, то мог бы представить себе, что говорит со мной женщина а-ля Барбара Стэнуик*, холодная красавица, сидящая на красном бархате дивана в перламутровом вечернем платье, с трубкой в одной руке и мундштуком из слоновой кости — в другой.

— Если б вы попались мне в руки, мисс Уитмор, я бы сумел выразить вам мои истинные чувства.

— О-о-о! Мои бедра трепещут.

— Пожалуйста, избавьте меня от вида ваших бедер.

— Они похожи на палки, мистер Нунэн. Чем мы обязаны удовольствию слышать ваш голос?

— Я отправил мистера Осгуда без ответа.

— Макс так и думал. Он сказал: «Наш юный сутенер все еще верит в важность личных контактов. По нему это сразу видно».

— Он злится, когда проигрывает, не так ли?

* Настоящее имя Руди Стивенс (1907–1990) — танцовщица, киноактриса, одна из самых популярных звезд Голливуда в 30–40-е годы.

— Мистер Дивоур не проигрывает. — Она понизила голос и добродушный юмор, который слышался в нем, исчез: — Он может поставить перед собой другие цели, но он никогда не проигрывает. А проигравшим в этот вечер выглядели вы, Нунэн, когда, как щенок, барахтались в озере и что-то тявкали. Вы испугались, верно?

— Да. Очень.

— И правильно. Вы и представить себе не можете, какой вы везунчик.

— Могу я вам кое-что сказать?

— Разумеется, Майк... вы позволите так вас называть?

— Почему бы не вернуться к мистеру Нунэну? Так вы слушаете?

— Затаив дыхание.

— Ваш босс стар, он — безумец, и, подозреваю, он уже не может сложить два и два, а уж довести до успешного завершения судебный иск об опеке ему просто не под силу. Он проиграл неделю назад.

— Нельзя ли конкретнее?

— Можно. И хорошенько запомните мои слова: если кто-то из вас попытается провернуть что-то похожее, я не поленюсь найти этого старого козла и запихну его кислородную маску ему в зад, чтобы он проветривал легкие снизу. А если я увижу вас на Улице, мисс Уитмор, то использую вместо ядра. Вы меня поняли?

Я замолчал, тяжело дыша, удивленный, что мог произнести такой монолог.

Пауза затягивалась, и я не выдержал первым:

— Мисс Уитмор? Вы еще здесь?

— Здесь. — Я-то хотел, чтобы она пришла в ярость, но в голосе звучали насмешливые нотки. — Так кто у нас злится, мистер Нунэн?

— Я. Но советую не забывать моих слов, камнеметальница сраная!

— Каков ваш ответ мистеру Дивоуру?

— Я согласен. Я больше не задаю вопросов, адвокаты дают задний ход, он уходит из жизни Мэтти и Киры. Если же он продолжает...

— Знаю, знаю, вы этого так не оставите. Интересно, что вы будете говорить через неделю, наглый глупец?

И прежде чем я успел ответить, а достойный ответ уже вертелся у меня на кончике языка, она бросила трубку.

Несколько секунд я постоял с трубкой в руке, потом положил ее на рычаг. В чем подвох? Я чувствовал — это подвох, но, с другой стороны, может, и нет.

Я решил, что надо немедленно поставить в известность Джона. На автоответчике он не оставил телефона родителей, зато продиктовал его Мэтти. Однако, позвонив ей, придется рассказать о том, что произошло после нашего разговора. Так что, возможно, лучше отложить эти разговоры на завтра. Утро вечера мудренее.

Я сунул руку в карман и чуть не порезался о мясницкий нож, который сам же туда и положил. Вытащил его, отнес на кухню, убрал на законное место. Из другого кармана достал аэрозольный баллончик, поставил на холодильник, рядом с его престарелыми собратьями, и замер. В кругу фруктов и овощей меня дожидалась надпись:

d
go
w
19n

Я сам поставил в круг эти буквы и цифры? Погрузился в такой глубокий транс, что начал составлять на передней панели холодильника кроссворд, не отдавая себе в этом отчета? Если так, что все это означает? Какие слова?

Может, их перенес в круг кто-то еще, подумал я. Один из невидимых обитателей моего дома.

Что же сие означает? Показания компаса? Или все-таки речь о каком-нибудь кроссворде? Скажем, о слове, которое значится в нем под номером 19? Если так, какой именно мне брать кроссворд?

— Я бы не отказался от помощи, — заметил я вслух, но ответа не получил. Наконец я достал из холодильника банку пива, которую давно уже собирался выпить, и прошествовал к дивану. Я взял сборник кроссвордов, посмотрел на тот, что разгадывал. «Истина в вине» — так он назывался. И состоял из глупых слов, которыми могли восторгаться только фанатики кроссвордов. Напиток-актер? Марлон Бренди. Напиток-роман о Юге? Текила в терновнике. И строка 19, в которую я уже вписал какой-то азиатский напиток, ничем мне не помогла. Не находил я связи кроссворда «Истина в вине» со своей жизнью.

Я просмотрел другие кроссворды, задерживая взгляд на цифре 19. Инструмент скульптура, работающего по мрамору (резец). Известный комментатор Си-эн-эн с двумя «л» (Уолфблитзер). Общее название этанола и диметила (изомеры). В раздражении я отбросил сборник. Но кто сказал, что ответ надо искать именно в этом сборнике? В доме их штук пятьдесят, четыре или пять на том самом столике, где сейчас стояла моя банка с пивом. Я откинулся на спинку дивана, закрыл глаза.

Шлюхи мне всегда нравились... Иногда их место было на моем лице.

...где прилежные щенки и шkodливые псы могут прогуливаться бок о бок.

Здесь нет городского пьяницы, мы по очереди выполняем его обязанности.

Да, именно здесь все и произошло. Здесь.

Я заснул и проснулся три часа спустя, с затекшей шеей и раскалывающейся от боли головой. Над Белыми горами лениво перекачивались раскаты грома, в доме по-прежнему стояла духота. Я поднялся. Джинсы не хо-

тели отлипнуть от ног. Я потащился в северное крыло, волоча ноги, как глубокий-глубокий старик. Взглянул на мокрую одежду, подумал о том, чтобы бросить ее в корзину для грязного белья, решил, что голова у меня взорвется, если я попытаюсь наклониться.

— Оставим это призракам, — пробормотал я. — Буквы они переставлять умеют, смогут и бросить мою мокрую одежду куда положено.

Я принял три таблетки «тайленола» и забрался в постель. В какой-то момент я проснулся, услышав плач ребенка-призрака.

— Перестань, — приказал я ему. — Перестань, Ки, никто никуда тебя не заберет. Тебе ничего не угрожает. — И снова заснул.

Глава 19

Зазвонил телефон. Я потянулся к нему из кошмарного сна, в котором тонул, заглатывая вместо воздуха воду. Сел на кровати, перебросил ноги через край, поморщился от боли в затылке. Как всегда бывает в таких случаях, звонки прекратились, прежде чем я добрался до телефонного аппарата. Я вернулся к кровати, снова лег и минут десять гадал, кто бы это мог быть, а потом поднялся вновь, на этот раз окончательно.

Снова звонки.

Десять? Двенадцать? Кто-то упорствовал в намерении дозвониться до меня. Я надеялся, что весть будет не очень дурная. Потому что по собственному опыту знал: чтобы сообщить хорошую новость, сверхусилий не прилагают. Я коснулся затылка. Боль осталась, но заметно притупилась. И на подушечках пальцев крови не было.

Я прошел в коридор, снял трубку:

— Алло?

— Насчет свидетельских показаний по делу об опеке можешь больше не беспокоиться.

— Билл?

— Да.

— Как ты узнал... — Я подался вперед и через дверь посмотрел на кота-часы. Двадцать минут восьмого, а воздух в доме уже прогрелся. Значит, днем будет как в духовке. — Как ты узнал, что он решил...

— О его делах мне ничего не известно, — оборвал меня Билл. — Он не обращался ко мне за советом, а я не лез к нему со своими.

— Что случилось? Что происходит?

— Ты еще не включал телевизор?

— Я еще не пил кофе.

Извинений от Билла я не услышал; он относился к числу тех, кто считает, что люди, пребывающие в постели после шести утра, заслуживают всех тех кар, которые могут на них обрушиться. Но я уже проснулся. И слова Билла не очень-то удивили меня.

— Этой ночью Дивоур покончил с собой, Майк. Лег в ванну теплой водой и натянул на голову пластиковый пакет. Учитывая состояние его легких, долго он не протянул.

Это точно, подумал я, долго он не протянул. Несмотря на жару, по моему телу пробежала дрожь.

— Кто его нашел? Эта женщина?

— Да, конечно.

— В котором часу?

— По шестому каналу сказали: «Незадолго до полуночи».

Другими словами, как раз тогда, когда я проснулся на диване и потащился в спальню.

— Ее не подозревают в соучастии?

— В информационном выпуске об этом ничего не говорили. А в супермаркете я еще не был, поэтому не в курсе местных слухов. Если она и помогла ему отпра-

виться в мир иной, не думаю, что ее в этом упреknут. Все-таки ему шел восемьдесят шестой год.

— Ты не знаешь, его похоронят в Тэ-Эр?

— В Калифорнии. Она сказала, что похороны состоятся в Палм-Спрингсе во вторник.

Мне стало как-то не по себе. Получалось, что Макс Дивоур — источник всех бед Мэтти — будет лежать в часовне аккуратно в тот самый момент, когда члены Клуба Друзей Киры Дивоур будут переваривать ленч и раздумывать о том, а не побросать ли «фрисби». Так у нас будет праздник, подумал я. Уж не знаю, какие настроения будут царить в маленькой часовне Микрочипов в Палм-Спрингсе, но на Уэсп-Хилл-роуд все будут радоваться и веселиться.

Никогда в жизни я не радовался чьей-либо смерти, а вот известие о смерти Дивоура порадовало меня. Не-хорошо, конечно, но так уж вышло. Старый козел едва не утопил меня в озере, но обернулось все так, что утонул он сам. С пластиковым пакетом на голове, сидя в ванне с теплой водой.

— Каким образом телевизионщики так быстро об этом прознали? — Прознали, конечно, не очень-то быстро, прошло семь часов между обнаружением тела и информационным выпуском, но телевизионщики — народ ленивый.

— Им позвонила Уитмор. Собрала пресс-конференцию в «Уэррингтоне» в два часа ночи. Отвечала на вопросы, сидя на большом диване, обитом красным бархатом. Джо всегда говорила, что на таких принято рисовать лежащих обнаженных женщин. Помнишь?

— Да.

— Я видел пару помощников шерифа и еще одного парня из похоронного бюро Жакарда из Моттона.

— Все это очень странно.

— Да, тело еще наверху, а Уитмор уже вовсю треплет языком... но она заявила, что следует указаниям босса:

Сказала, что он оставил магнитофонную запись, в которой объяснял, почему он покончил с собой, дабы не вызвать падения курса акций компании, и попросил Роджетт немедленно созвать пресс-конференцию и заверить всех, что компания в полном порядке, его сыну и совету директоров опыта не занимать, так что держателям акций волноваться не о чем. Потом она сообщила о похоронах в Палм-Спрингсе.

— Он совершает самоубийство, а затем организует ночную пресс-конференцию с целью успокоить акционеров?

— Да. На него это похоже.

В телефонной трубке повисла тишина. Я пытался собраться с мыслями, но у меня ничего не получалось. Я знал, что сейчас мне хочется одного (и плевать мне на головную боль): подняться наверх и присоединиться к Энди Дрейку, Джону Шеклефорду и другу детства Шеклефорда, ужасному Рэю Гэррети. В моем романе тоже было место безумию, но то безумие я понимал.

— Билл, — наконец проговорил я, — мы по-прежнему друзья?

— Господи, да конечно же, — без запинки ответил он. — Но если кто-то изменит отношение к тебе, ты будешь знать почему, верно?

Естественно. Многие станут винить меня в смерти старика. Глупость, конечно, учитывая его физическое состояние, но о возрасте Дивоура они как бы забудут, сохранив в памяти лишь наши разногласия. Я это знал совершенно точно, как и некоторые подробности из жизни друга детства Джона Шеклефорда.

В один прекрасный день утка вернулась на птичий двор, по которому когда-то ходила гадким утенком. И стала нести золотые яйца. Обитатели двора ахали и получали свою долю. А теперь утку зажарили, и кто-то должен за это ответить. Достанется, разумеется, и мне, но в основном отольется Мэтти: именно она вознамерилась

бороться за Ки, вместо того чтобы молча отдать свою девочку.

— Несколько следующих недель постарайся не высываться, — продолжил Билл. — Прислушайся к моему совету. А если у тебя есть какие-нибудь дела за пределами Тэ-Эр, сейчас самое время ими заняться.

— За совет спасибо, но уехать я не могу. Пишу книгу. Если переберусь на другое место, вдохновение может и пропасть. Такое со мной уже случалось, так что не хочется снова наступать на те же грабли.

— Работается хорошо?

— Да, но дело не только в этом. Книга... скажем так, это лишь одна из причин, по которым я должен здесь остаться.

— Не можешь уехать даже в Дерри?

— Ты хочешь избавиться от меня, Уильям?

— Я стараюсь быть в курсе событий, вот и все... не хочу лишиться работы. И не говори, что ты не предупрежден: улей гудит. О тебе ходят две сплетни, Майк. Согласно одной, ты сошелся с Мэтти Дивоур. По второй ты вернулся, чтобы опозорить Тэ-Эр. Выставить напоказ все скелеты, которые сможешь найти в наших шкафах.

— Другими словами, закончить то, что начала Джо. И кто распространяет эти сплетни, Билл?

Мне ответило молчание. Мы вновь ступили на зыбучие пески, где каждый шаг мог стать роковым.

— Я пишу роман. — Ответа на свой вопрос я дожидаться не стал. — Место действия — Флорида.

— Правда? — В голосе прозвучало безмерное облегчение.

— Думаешь, ты сможешь мимоходом упомянуть об этом?

— Думаю, смогу. А если ты скажешь Бренде Мизерв, она сообщит об этом всем и каждому.

— Хорошо, скажу. Что же касается Мэтти...

— Майк, тебе нет нужды...

— Я с ней не сходилась. Тут причины другие. Идешь ты, к примеру, по улице, заворачиваешь за угол и видишь, как большой парень мутузит малыша. — Я выдержал паузу. — Она и ее адвокат наметили на вторник барбекю. Я собирался присоединиться к ним. Местные подумают, что мы пляшем на могиле Дивоура?

— Некоторые подумают. Ройс Меррилл. Дикки Брукс. Старухи в штанах, как называет их Яветт.

— Ну и хрен с ними.

— Я понимаю твои чувства, но все же попроси ее не выпендриваться. — В голосе прозвучала мольба. — Обязательно скажи. От нее не убудет, если гриль она перенесет за трейлер, а? Чтобы люди у магазина и в автомастерской видели только дымок.

— Я передам твою просьбу. А если приму участие в торжестве, сам перенесу гриль за трейлер.

— Тебе бы лучше держаться подальше от этой женщины и ее ребенка, — продолжил Билл. — Ты можешь сказать, что это не мое дело, но я сейчас выступаю в роли заботливого дядюшки. Говорю все это исключительно для твоего блага.

Перед моим мысленным взором вспыхнула сцена из сна. Мой член, входящий в ее жаркую тесноту. Маленькая грудь с затвердевшими сосками. И шепот в темноте, разрешающий мне делать все, что я захочу. И мое тело отреагировало практически мгновенно.

— Я знаю.

— Вот и хорошо. — В голосе облегчение: слава Богу, в ответ не обругали. — Отпускаю тебя. Вкусного тебе завтрака.

— Спасибо, что позвонил.

— Это не моя заслуга. Меня уговорила Яветт. Сказала: «Ты всегда любил Майка и Джо Нунэн больше остальных. И незачем портить с ним отношения теперь, когда он вернулся».

— Передай Яветт, что я очень ей признателен.

Я положил трубку, задумчиво посмотрел на телефонный аппарат. Вроде бы мы расстались по-доброму... но я не думал, что мы могли и дальше считаться друзьями. Во всяком случае, раньше наша дружба была куда как крепче. Что-то изменилось, когда я подловил Билла на лжи и когда мне стало ясно, что он многое недоговаривает. Изменилось и после того, как я понял, кто для него Сара и «Ред-топы».

Нельзя осуждать человека только за то, что может оказаться плодом твоего воображения.

Правильно, нельзя, я и не пытался этого делать... но такое уж у меня сложилось мнение. Может, ошибочное, но сложилось.

Я прошел в гостиную, включил телевизор, тут же выключил. Спутниковая антенна принимала пятьдесят или шестьдесят каналов, но местного среди них не было. Впрочем, на кухне стоял маленький телевизор, с антенной-усами, и, покрутив их, я при необходимости мог настроиться на WWTW, дочернюю телекомпанию Эй-би-си в западном Мэне.

Я схватил письмо Роджетт и отправился на кухню. Включил маленький «сони». Шла передача «С добрым утром, Америка», но до прерывающего ее очередного выпуска местных новостей оставалось лишь несколько минут. Я воспользовался ими, чтобы еще раз перечитать письмо Роджетт, обращая внимание на те нюансы, которые вчера остались незамеченными.

«Макс намерен в самое ближайшее время вернуться в Калифорнию на своем самолете», — писала она.

«У него есть дело, которое больше не терпит отлагательств», — писала она.

«...вы прекращаете подготовку к судебному процессу, обещая тем самым оставить его в покое», — писала она.

Да это же предсмертная записка!

Но дело об опеке завершено, не так ли? Даже купленный с потрохами судья не сможет назначить опекуном мертвеца.

«Доброе утро» наконец-то сменилось местными новостями. И первой, естественно, стало самоубийство Макса Дивоура. По экрану бежали помехи, но я разглядел упомянутый Биллом диван, обитый красным бархатом. Роджетт Уитмор сидела на нем, сложив руки на коленях. Вроде бы в одном из помощников шерифа я узнал Джорджа Футмена, хотя помехи не позволили рассмотреть лицо.

В последние восемь месяцев мистер Дивоур часто говорил об уходе из жизни, сказала Уитмор. Чувствовал он себя очень плохо. Вчера вечером он попросил ее прогуляться с ним по Улице, и она поняла, что он хочет полюбоваться последним для себя закатом. Закат, кстати, был великолепным, добавила она. В этом я не мог с ней не согласиться. Закат я запомнил очень хорошо, едва не утонув в его лучах.

Роджетт зачитывала заявление Дивоура, когда вновь зазвонил телефон. Слова Мэтти едва прорывались сквозь рыдания.

— Новости... Майк, ты видел... ты знаешь...

«Это все, что удалось ей сказать. Я объяснил, что знаю, спасибо Биллу Дину, и как раз сейчас смотрю информационный выпуск. Она попыталась ответить, но у нее ничего не вышло. Зато в ее всхлипываниях я уловил чувство вины, облегчение, ужас и... радость. Спросил, где Ки. Я сочувствовал Мэтти — до сегодняшнего утра она пребывала в полной уверенности, что Макс Дивоур — ее злейший враг, но мне не хотелось, чтобы трехлетняя Ки видела свою мать в таком состоянии.

— Во дворе, — выговорила Мэтти. — Она уже позавтракала. А теперь кор... кормит кукол.

— Кормит кукол. Понятно. Отлично. Тогда вам надо выплакаться. Сейчас и сразу. Пока ее нет.

Она плакала минуты две, может, и больше. Я стоял, прижав трубку к уху, набираясь терпения.

«Я собираюсь дать тебе один шанс спасти твою душу», — сказал мне Дивоур, но наутро умер сам, и его

душа уже там, где ей и положено быть. Он умер, Мэтти свободна, я могу писать. Вроде бы надо прыгать от радости, а не получается.

Наконец она совлала с нервами:

— Извините. Я так плачу... действительно плачу... впервые со смерти Лэнса.

— Имеете полное право.

— Приходите на ленч, — попросила она. — Пожалуйста, Майк, приходите на ленч. Ки проводит вторую половину дня у подруги из Летней библейской школы, и мы сможем поговорить. Мне надо с кем-то поговорить... Господи, у меня кружится голова. Пожалуйста, приходите.

— Я бы с удовольствием; но, думаю, эта идея не из лучших. Особенно в отсутствие Ки.

И я пересказал ей разговор с Биллом Дином, разумеется, в отредактированном виде. Она слушала внимательно. Закончив, я ожидал взрыва, но забыл один простой факт: Мэтти Стенчфилд Дивоур прожила в Тэ-Эр всю жизнь. И знала, что к чему.

— Я понимаю, что раны затянутся быстрее, если я не буду поднимать глаз, держать рот на замке, а колени — вместе, — ответила она, — и я сделаю все, что в моих силах, но нельзя требовать от меня невозможного. Старик пытался отнять у меня дочь, неужели в этом чертовом супермаркете этого не понимают?

— Я понимаю.

— Знаю. Поэтому и хочу поговорить с вами.

— Так, может, нам пообедать в парке Касл-Рока? Там же, где и в пятницу? Скажем, в пять часов?

— Мне придется взять с собой Ки...

— Отлично. Привезите ее. Скажите ей, что сказку «Ганс и Гретель» я знаю наизусть и с удовольствием перескажу ее. Вы позвоните Джону в Филадельфию? Введете его в курс дела?

— Да. Только приду в себя и позвоню. Где-нибудь через час. Господи, как же я счастлива. Я знаю, нельзя

радоваться смерти другого человека, но меня просто распирает от счастья. Я боюсь взорваться.

— Я тоже. — На другом конце провода повисла тишина. Потом я услышал тяжелый вздох: — Мэтти? С вами все в порядке?

— Да, но как сказать трехлетней девочке, что у нее умер дед?

«Скажите ей, что старый козел поскользнулся и головой ухнул в Мешок со Счастьем», — подумал я и прикрыл рукой рот, чтобы заглушить смешок.

— Я не знаю, но вам придется что-то сказать, как только она зайдет в трейлер.

— Придется? Почему?

— Потому что она вас увидит. Увидит ваше лицо.

В кабинете на втором этаже я выдержал ровно два часа, а потом жара погнала меня вниз: в десять утра термометр на крыльце показывал девяносто девять градусов*. По моим прикидкам, на втором этаже было градусов на пять выше.

Надеясь, что я не совершаю ошибки, я вытащил штепсель «Ай-би-эм» из розетки и снес пишущую машинку вниз. Работал я без рубашки, и когда пересекал гостиную, задний торец машинки соскользнул с покрытого потом живота, и я едва не выронил ее себе на ноги. Машинку я удержал, но вспомнил о лодыжке, которую повредил, падая в озеро. Поставил «Ай-би-эм» на пол, осмотрел ногу. Черно-лиловый синяк приличных размеров, небольшая припухлость. Я решил, что только пребывание в холодной воде спасло меня от более серьезных последствий.

Машинку я поставил на столик на террасе, подключил провод к удлинителю и воткнул штепсель в розетку над каминной доской по соседству с Бантером. Я сел за

* По шкале Фаренгейта, что соответствует 37,5 градуса по Цельсию.

стол, глядя на синевато-серую поверхность озера, и замер в ожидании очередного приступа... но желудок не скрутило, глаза не полезли из орбит, дыхание не перехватило. Катаклизма не произошло. Слова лились так же гладко, как и в жарком, душном кабинете, а потное тело приятно охлаждал легкий ветерок. Я забыл о Максе Дивоуре, Мэтти Дивоур, Кире Дивоур. Забыл о Джо Нунэн и Саре Тидуэлл. Забыл о себе. И еще два часа пребывал во Флориде. Приближался день казни Джона Шеклефорда. И Энди Дрейк вступил в схватку со временем.

В реальный мир меня вернул телефонный звонок, на этот раз не вызвав у меня отрицательных эмоций. Если бы не он, я бы печатал и печатал, пока медузой не растекся бы по полу.

Звонил мой брат. Мы поговорили о матери, по мнению Сиды, от полного маразма ее отделяло совсем немного, и о ее сестре Френсин, которая в июне сломала бедро. Сид полюбопытствовал, как у меня дела, и я ответил, что все в полном порядке. Были кое-какие сложности с новой книгой (в моей семье все личные проблемы принято обсуждать лишь после того, как они остались в прошлом). А как маленький Сид, спросил я. Клево, ответил он, что, по моему разумению, означало — нормально. Сыну Сидди исполнилось двенадцать, так что мой братец владел молодежным сленгом. Его новая бухгалтерская фирма постепенно становилась на ноги, хотя поначалу будущее виделось ему исключительно в черном цвете (об этом я услышал впервые). И он вновь поблагодарил меня за те деньги, что я одолжил ему в прошлом ноябре. Я ответил, что считал себя обязанным поддержать его, и сказал абсолютную правду. Особенно если учесть, что с матерью он проводил куда больше времени, чем я. Общаясь с ней как лично, так и по телефону.

— Ладно, отпускаю тебя. — Сид предпочитал не прощаться, а заканчивать разговор именно этой фразой, словно держал меня в заложниках. — Запасайся холодным

пивом, Майк. Синоптики говорят, что на этот уик-энд в Новой Англии будет жарче, чем в аду.

— Если станет уж совсем плохо, переселюсь в озеро. Эй, Сид?

— Эй, что?

Как и «отпускаю тебя», «эй, что?» пришло из детства.

— Наши предки из Праутс-Нек, так? Со стороны отца, мама пришла совсем из другого мира, где мужчины ходили в шелковых рубашках с отложным воротничком, женщины носили длинные комбинации, и все знали второй куплет «Дикси». С моим отцом она встретилась в Портленде, на каком-то спортивном мероприятии. Мамины родственники жили в Мемфисе и никому не позволяли забыть об этом.

— Вроде бы да, — ответил он. — Точно, оттуда. Но только не задавай мне много вопросов о нашем родовом древе, Майк. Я до сих пор не знаю, чем отличается племянник от кузена. То же самое я говорил и Джо.

— Говорил? — Внутри у меня все замерло... но нельзя сказать, что я очень уж удивился. После того что я уже узнал, новость-то не бог весть какая.

— Будь уверен.

— А что она хотела знать?

— Все, что мне известно. То есть не так и много. Я мог рассказать ей о прапрадедушке мамы, которого убили индейцы, но материнская линия Джо не интересовала.

— Когда это случилось?

— Так ли это важно?

— Возможно, да.

— Попробую вспомнить. Наверное, в то время, когда Патрику вырезали аппендицит. Да, точно. В феврале девяносто четвертого. Может, и в марте, но скорее всего в феврале.

За полгода до ее смерти на автостоянке у «Райт эйд». А ведь я ничего не знал, ничего не замечал. Тогда она еще не забеременела. Ездила в Тэ-Эр. Задавала вопросы;

по словам Билла Дина, не всегда приятные... но она продолжала их задавать. И я понимал, в чем причина. Если уж Джо за что-то бралась, сбить ее с взятого курса не представлялось возможным. Попробуйте вырвать тряпку из пасти терьера. Она задавала вопросы и мужчине в коричневом пиджаке спортивного покроя? Кто он, этот мужчина в коричневом пиджаке?

— Пэт как раз лежал в больнице. Доктор Альперт заверил меня, что беспокоиться не о чем, но, когда зазвонил телефон, я аж подпрыгнул... подумал, что он звонит сообщить, что Пэту стало хуже.

— Когда это ты стал такой тревожно-мнительной личностью, Сид?

— Не знаю, дружище, но, похоже, стал. Но позвонил не Альперт, а Джоанна. Она хотела знать, не жил ли кто-нибудь из наших предков, в третьем, а то и в четвертом поколении, в тех местах, где ты сейчас находишься. Я сказал, что не знаю, но тебе, возможно, об этом известно. Но она не хотела обращаться к тебе, потому что, по ее словам, готовила тебе сюрприз. Она тебя удивила?

— Более чем. Слушай, отец ловил лобстеров...

— Типун тебе на язык, он был художником-примитивистом. Мать до сих пор его так называет. — Сид не рассмеялся.

— Перестань. Он стал продавать кофейные столики и мебель для лужаек, разрисованную лобстерами после того, как ревматизм уже не позволял ему выходить в море.

— Я знаю, но мама отредактировала свою семейную жизнь. Сделала из нее сценарий для телесериала.

Тут он попал в десятку.

— Наш отец был рыбаком из Праутс-Нек...

— Скорее перекаати-поле. — Вот тут Сид рассмеялся. — Где вешал свою шляпу, там и был его дом...

— Перестань, дело серьезное. Свой первый рыбацкий баркас он получил от своего отца, так?

— Так нам говорили, — признал Сид. — «Ленивая Бетти» досталась Джеку Нунэну от Пола Нунэна. Который тоже жил в Праутс. В 1960 году «Бетти» здорово потрепал ураган «Донна».

Я родился двумя годами раньше.

— И в шестьдесят третьем отец выставил ее на продажу?

— Да, — согласился Сид. — Не знаю, что потом стало с баркасом, но на нем еще плавал дед Пол. Помнишь уху из лобстеров, которую мы ели в детстве, Майки?

— Как же не помнить! — Как и большинство мальчишек, выросших на побережье Мэна, я никогда не заказывал в ресторане лобстеров — досыта наелся ими в детстве. Я подумал о дедке Поле, который появился на свет где-то в последнем десятилетии прошлого века. У Пола Нунэна родился Джек Нунэн, у Джека — Майк и Сид Нунэны, и это практически все, что я знал о своих предках по отцовской линии. Правда, все эти Нунэны выросли достаточно далеко от того места, где я сейчас обливался потом.

Они срали в одну выгребную яму.

Дивоур ошибся, только и всего. Когда мы, Нунэны, не ходили в шелковых рубашках с отложным воротничком и не приобрели мемфисского лоска, мы были простыми праутснэксами. И маловероятно, что пути моего и дивоурова прадедов могли пересечься. Старик сам родился мне в деды, то есть ни о каком совпадении поколений не могло быть и речи.

Но если Дивоур ошибался, почему Джо интересовалась историей моей семьи?

— Майк? — раздался в трубке голос Сиды. — Ты еще здесь?

— Да.

— У тебя все в порядке? Голос у тебя что-то не очень.

— Все дело в жаре, — ответил я. — Да еще твое чувство обреченности искажает восприятие. Спасибо, что позвонил, Сид.

- Спасибо, что ты есть, старший брат.
— До скорого. — И я положил трубку.

Я пошел на кухню за стаканом холодной воды. Наполняя его из-под крана, я услышал, как за спиной на передней панели холодильника заскользили магниты. Я резко обернулся, вода выплеснулась на босые ноги, но я этого и не заметил. Я напоминал ребенка, который думает, что успеет увидеть Санта-Клауса, прежде чем тот нырнет в дымовую трубу.

И я действительно успел заметить, как девять букв втянуло внутрь окружности. На мгновение они сложились в одно слово:

carladean

а потом что-то огромное и невидимое пронеслось мимо меня. Ни один волос не шевельнулся на моей голове, но казалось, будто меня отшвырнуло в сторону. Так бывает, когда стоишь у края платформы в подземке и мимо тебя проносится вырвавшийся из тоннеля поезд. От изумления я вскрикнул, выронил на стол стакан, вода разлилась. Пить мне уже расхотелось, да и температура на кухне «Сары-Хохотушки» резко упала.

Я с шумом выдохнул и увидел вырвавшийся изо рта парок, совсем как в январский день. Только один выдох, может, два, сконденсировались в пар, но сконденсировались, и секунд на пять пленка пота, покрывавшая все тело, превратилась в тонкий ледок.

Слово CARLADEAN разметало в разные стороны. Так в мультфильмах разлетаются звезды из глаз. Не только это слово, но и окружность из фруктов и овощей. Магниты градом посыпались на пол. Кухня заполнилась звериной яростью.

И что-то ей уступило, покинуло поле боя с печальным вздохом: «Ах, Майк. Ах, Майк». Именно этот голос я за-

писал на скрайбер. Тогда полной уверенности у меня не было, но теперь я не сомневался — голос принадлежит Джо.

Но кем был второй призрак? Почему он разметал буквы?

Карла Дин. Не жена Билла, ту звали Яветт. Его мать? Бабушка?

Я медленно прошелся по кухне, собирая с пола магниты, потом прилепил их все к передней панели «Кен-мора». Никто не вырывал их из моих рук, никто не замораживал пот у меня на шее, колокольчик Бантера не звенел. Однако я знал: на кухне я не один.

CARLADEAN — это слово собрала на передней панели Джо. Она хотела, чтобы я пообщался с Карлой Дин.

А кто-то другой не хотел. Кто-то другой орудийным ядром пронесся мимо меня, чтобы разметать буквы, прежде чем я успею прочитать написанное.

В доме жила Джо. В доме жил мальчик, плачущий по ночам.

А кто еще?

Кто еще делил со мной кров?

Глава 20

В первый момент я их не увидел, и не без причины: казалось, половина населения Касл-Рока оккупировала в ту жаркую субботу городской парк. Ярко светило солнце, малышня копошилась на детской площадке, старики в ярко-красных жилетках (видимо, члены какого-то клуба) играли в шахматы, группа молодых людей расположилась на травке, слушая парнишку, который под гитару пел веселую песенку из репертуара Йена и Сильвии*.

* Дуэт Йена Тайсона (р.1933) и Сильвии Фрикер (р.1940) образовался в 1959 г. В 60-е был популярен как в США, так и в Канаде.

Никто не бегал трусцой, собаки не гонялись за «фрис-би». Жара не располагала к лишним телодвижениям.

Я повернулся к эстраде, на которой как раз устраивался ансамбль из восьми человек, называвшийся «Каслрокцы» (я их уже слышал, играли они, мягко говоря, так себе), когда маленький человечек врезался в меня сзади и обхватил мои ноги повыше колен, едва не свалив на траву.

— Поймала! — радостно завопил человечек.

— Кира Дивоур! — В голосе Мэтти слышались и смех, и раздражение. — Ты собьешь его с ног!

Я наклонился, выпустил из руки пакет из «Макдоналдса» и подхватил Киру. До чего же приятно держать на руках здоровенького ребенка. Только так можно почувствовать, какая же в них бурлит энергия. Я не растрогался, во всяком случае, слезы на глаза у меня не навернулись (кстати, сентиментальные сцены в фильмах с детства выбивали из меня слезу), но я подумал о Джо. И о ребенке, которого она носила под сердцем, когда упала на автостоянке. Да, подумал и о нем.

Ки визжала от восторга и смеялась, широко раскинув руки. Мэтти забрала ей волосы в два хвостика, и они болтались из стороны в сторону.

— Нельзя укладывать на землю своего квортербека*! — улыбнулся я, и, к моей радости, Кира тут же прокричала, пародируя меня:

— Низя укладывать на землю своего куойтейбека! Низя укладывать на землю своего куойтейбека!

Я вновь поставил ее на землю, мы оба заливались смехом. Ки отступила на шаг, зацепилась ножкой за ножку и плюхнулась на траву, смеясь еще сильнее. У меня мелькнула злорадная мысль: если б старик все это видел, то кусал бы локти от зависти. Теперь вам ясно, как скорбели мы о его кончине.

* В американском футболе — основной игрок команды, на котором лежат функции разыгрывающего.

Подошла Мэтти. Выглядела она именно так, как я и представил ее себе при нашей первой встрече, — очаровательная девушка, увидеть которую можно в респектабельном загородном клубе, или беседующей с подружкой, или чинно сидящей за обедом с родителями. Белое платье без рукавов, туфельки на низком каблуке, волосы, свободно падающие на плечи, чуть-чуть помады на губах. И сияние в глазах, которого раньше не было. Когда она обняла меня, я ощутил запах ее духов, почувствовал ее маленькие, упругие грудки.

Я поцеловал ее в щеку, она звонко чмокнула меня у самого уха.

— Скажите, что теперь все начнет меняться к лучшему, — прошептала она.

— Иначе и быть не может, — ответил я, и она еще крепче прижалась ко мне. А потом отстранилась.

— Надеюсь, вы принесли много еды, потому что пригласили в гости двух очень голодных женщин. Так, Кира?

— Я уложила на землю своего куойтейбека! — Кира откинулась назад, уперлась локотками в землю и рассмеялась, глядя в ярко-синее небо.

— Пошли! — Я подхватил ее на руки, сунул под мышку и понес к ближайшему столику. Ки брыкалась, махала руками и смеялась. Я усадил ее на скамью. Она тут же сползла под столик, гибкая, словно угорь. Рот ее не закрывался от смеха.

— Достаточно, Кира Элизабет, — одернула ее Мэтти. — Сядь за стол и покажись нам с другой стороны.

— Хосея девотька, хосея девотька. — Она уселась на скамью рядом со мной. — Вот моя дьюгая стойона, Майк.

— Я знаю, — ответил я.

В пакете лежали «биг-маки», жареный картофель для меня и Мэтти и ярко раскрашенная коробка, изобретение

Рональда Макдоналда и его оставшихся неизвестными помощников.

— Мэтти, я получила Счастливого Домик! Майк принес мне Счастливого Домик! В нем игьюски!

— Так давай посмотрим, что в твоём домике.

Кира открыла коробочку, пошарила в ней, широко улыбнулась и извлекла, как мне показалось, большой комок пыли. На мгновение я вернулся в сон, тот самый, в котором Джо лежала под кроватью, положив книгу на лицо. *Дай ее сюда*, рявкнула она на меня. *Это мой пылесос*. Возникла еще какая-то ассоциация, возможно, из другого сна. Но сразу я не сообразил, какая именно.

— Майк? — В голосе Мэтти смешались любопытство и легкая тревога.

— Это собачка! — воскликнула Ки. — В моем «Счастливом Домике» сидела собачка!

Да, конечно. Собачка. Маленькая набивная собачка. И серая, не черная... хотя я не мог сказать, чем важен для меня тот или другой цвет.

— Это очень хороший приз. — Я взял собачку. Мягкая, приятная на ощупь и серая, что еще лучше. Серая — это нормально. Почему — одному Богу известно. Я вернул собачку Ки, улыбнулся.

— Как ее зовут? — спросила Ки, оглядывая собачку со всех сторон. — Как зовут собачку, Майк?

Я ответил без запинки:

— Стрикленд.

И тут же подумал, что это имя озадачит Ки, но она только еще больше оживилась.

— Стикен! — Собачка запрыгала по коробке. — Стикен! Стикен! Мою собачку зовут Стикен.

— Кто такой Стрикленд? — с улыбкой спросила Мэтти. Она уже начала разворачивать гамбургер.

— Персонаж из одной книги. — Я наблюдал, как Ки играет с собачкой. — Плод писательского воображения.

* * *

— Мой дедушка умеет, — сообщила Ки пять минут спустя.

Мы все еще сидели за столиком, но с едой уже почти покончили. Стрикленд, набивной песик, охранял остатки жареного картофеля. И оглядывал людей, прогуливающих, сидящих за столиками и на траве, и думал, нет ли среди них жителей Тэ-Эр, которые следят за нами во все глаза и ждут не дождутся, чтобы рассказать об увиденном дома. Никого из знакомых я не заметил, но ведь в Тэ-Эр я и раньше-то знал далеко не всех, а в последние годы вообще не приезжал к озеру.

Мэтти озабоченно поглядела на Ки, но я решил, что беспокоиться не о чем: ребенок сообщал новость, а не горевал.

— Я знаю.

— Дедушка был отнюдь стаенький. — Ки пухлыми пальчиками взяла два картофельных столбика и отправила в рот. — Он сейчас с Иисусом Христом. Нам много говорили об Иисусе Христе в Эл-би-ша.

Да, Ки, подумал я, твой дед, должно быть, учит Иисуса Христа, как пользоваться программой «Пиксель изл», и интересуется, нет ли у него под рукой блудницы.

— Иисус Христос ходил по воде и пьевьсял вино в макайоны:

— Да, что-то такое он делал. Грустно, когда люди умирают, правда?

— Будет гьюстно, если уьмот Мэтти, будет гьюстно, если уьмошь ты, а дедушка был отнюдь стаеньким. — Она говорила так, словно хотела объяснить очевидное. — На небесах его вылетят.

— Ты правильно все понимаешь, детка.

Мэтти поправила резинки на хвостиках Ки. В лучах заходящего солнца ее загар как-то по-особому оттеняла белизна платья, которое она наверняка купила на рас-

продаже, и в этот момент я осознал, что люблю ее. И мысль эта неприятна у меня не вызвала.

— Я скучаю по седой нанни, — продолжила Ки. Вот тут на ее лице проступила печаль. Она взяла со стола собаку, попробовала накормить столбиком жареного картофеля, поставила обратно. Маленькая, симпатичная мордашка стала задумчивой, и мне вдруг почудилось, что в ней проглядывают черты деда. Очень смутно, но фамильное сходство угадывалось. Еще один призрак. — Мом говоит, тьо седая нанни улетит в Калифойнию с остатками деда.

— Останками, детка, — поправила ее Мэтти. — То есть его телом.

— Седая нанни вейнется и пьедет ко мне, Майк?

— Я не знаю.

— У нас была интеесная игья. Вь йифмы. — Печали на лице прибавилось.

— Твоя мама рассказывала мне об этой игре.

— Она не вейнется. — Ки сама ответила на свой же вопрос. Очень большая слеза скатилась по ее правой щеке. Она взяла Стрикленда, поставила его на задние лапы, потом опустила на все четыре. Мэтти обняла дочь, но Ки этого даже не заметила. — На самом деле седая нанни не любила меня. Только пытвойялась, тьо любит. Это была ее йабота.

Мы с Мэтти переглянулись.

— С чего ты это взяла? — спросил я.

— Не знаю, — ответила Ки. Неподалеку от гитариста появился жонглер с покрытым белой краской лицом. В воздухе замелькало с десятков ярких мячей. Кира слегка повеселела. — Момми, момми, мозно мне посмотъеть на этого сметъного белого теловека?

— Ты наелась?

— Да.

— Поблагодари Майка.

— Низя укладывать на землю своего куойтейбека! — Ки радостно рассмеялась и сделала вид, что хочет схватить меня за ногу. — Спасибо, Майк.

— Не за что, — улыбнулся я.

— Можешь дойти до того дерева, но не дальше, — строго посмотрела на нее Мэтти. — А знаешь почему?

— Тьтобы ты могла меня видеть. Дальсе не пойду.

Она схватила Стрикленда, побежала было к жонглеру, но остановилась и через плечо глянула на меня.

— Навейное, это люди из холодильника, — говорила она очень серьезно.

Сердце у меня учащенно забилося.

— И что сделали люди из холодильника, Ки?

— Сказали, тьто седая нанни меня не любит. — И она побежала к жонглеру, не замечая жары.

Мэтти проводила ее взглядом и повернулась ко мне.

— Я никому не рассказывала о людях из холодильника. И Ки тоже. Вы узнали об этом первым. Никаких людей в холодильнике, конечно, нет, но буквы двигаются по передней панели сами по себе. Словно это гадальная доска.

— Они складываются в слова?

Мэтти долго молчала. Потом кивнула.

— Не всегда, но бывает. — Вновь пауза. — Вернее, практически всегда. Ки говорит, что это письма от людей из холодильника. — Она улыбнулась, но в глазах застыл испуг. — Это какие-то особые буквы? Или у нас очередной случай полтергейста?

— Не знаю. Я сожалею, что принес их, раз они создают лишние хлопоты.

— Да перестаньте. Вы подарили их Ки, а для нее вы сейчас главный человек. Она только о вас и говорит. Вот и сегодня она хотела одеться как можно наряднее, несмотря на смерть дедушки. И настояла на том, чтобы я надела что-нибудь красивое. Обычно она так к людям не относится. Общается с ними, когда они есть, и забы-

вает, как только они уходят. Иногда мне кажется, что так и надо.

— Вы обе сегодня очень нарядные. Заявляю авторитетно.

— Спасибо. — Она с любовью посмотрела на Ки, которая стояла около дерева, не отрывая глаз от жонглера. А жонглер уже отложил мячи и теперь работал с индейскими дубинками. Мэтти взглянула на меня: — Вы поели?

Я кивнул, и она принялась собирать все пакетики и обертки в большой пакет. Я стал помогать, наши пальцы соприкоснулись, она схватила меня за руку, сжала.

— Спасибо вам. За все, что вы для меня сделали. Большущее вам спасибо.

В ответ я тоже сжал ее руку и отпустил.

— Знаете, я даже подумала о том, что Ки двигает буквы сама. Усилием воли.

— Телекинез?

— Наверное, это так называется. Только Ки может складывать из букв самые простые слова. Кот, пес.

— А что появлялось на холодильнике?

— В основном имена. Один раз — ваше. Один раз — вашей жены.

— Джо?

— Нет, полное. Джоанна. Роджетт — несколько раз. Джеред... Бриджет. Два последних обычно появляются вместе. Один раз выскочило Кито. — Это слово она произнесла по буквам.

— Кито, — повторил я, подумав: Кира, Киа, Кито. — Имя мальчика, да?

— Да. На суахили оно означает драгоценный ребенок. Я это вычитала в моей книге детских имен. — Она посмотрела на своего драгоценного ребенка, и мы отправились к ближайшему мусорному контейнеру.

— Еще какие-нибудь имена были?

Она задумалась.

— Пару раз появлялся Рег. Один раз — Карла. Вы понимаете, что Ки прочесть-то этих имен не может, не то чтобы написать? Она спрашивала меня, что это за слова.

— А вам не приходило в голову, что Ки могла скопировать их из книги или журнала? Что она учится писать, используя буквы-магниты вместо карандаша и бумаги?

— Такое, конечно, возможно... — По голосу не чувствовалось, что она в это верит. Неудивительно. Я и сам не поверил бы.

— Я хочу сказать, вы не видели, как буквы двигались сами по себе по передней панели холодильника? — Я надеялся, что в вопросе не слышалось того нетерпения, с которым я ждал ответа.

Она рассмеялась довольно-таки нервозно:

— Господи, да нет же!

— Это все?

— Иногда люди из холодильника оставляют послания. «Привет», «Пока» или «Хорошая девочка». А вчерашнее я записала на бумажке, чтобы показать вам. Кира попросила меня об этом. Действительно, послание странное.

— Какое же?

— Лучше бы показать его вам, но бумажку я оставила в бардачке «скаута». Напомните мне о ней, когда будем уезжать.

— Хорошо. Обязательно напомню.

— Такое ощущение, что в моем трейлере поселились призраки, сёйог*, — продолжила Мэтти. — Та же история, что и с надписью на муке.

Я собрался было рассказать ей об обитателях моего холодильника, но раздумал. У нее и так хватало хлопот... во всяком случае, я исходил из этого.

Бок о бок мы стояли на траве и смотрели на Ки, которая по-прежнему не отрывала глаз от джонглера.

— Вы позвонили Джону? — спросил я.

* Сеньор (исп.).

— Конечно.

— Как он отреагировал?

Мэтти повернулась ко мне, глаза лучились от смеха.

— Можно сказать, запрыгал от радости.

— Оно и понятно.

Она кивнула и вновь посмотрела на Киру. А я подумал, какая она красивая. Стройная фигура, миленькое личико.

— Он ругался из-за того, что я напросился на ленч?

— Да нет же, идея отметить случившееся ему понравилась.

Понравилась, значит. Я уже начал чувствовать себя третьим лишним.

— Он даже предложил пригласить адвоката, который ездил с вами к Дарджину. Мистера Биссонетта? Плюс частного детектива, которого Джон нанял по рекомендации мистера Биссонетта. Вы не возражаете?

— Конечно, нет. Как вы, Мэтти? Все нормально?

— Нормально. — Она повернулась ко мне. — Мне даже несколько раз позвонили. Внезапно я стала популярной.

— Понятно.

— В основном трубку сразу вешали, но один джентльмен не поленился назвать меня шлюхой, а дама заявила: «Он умер из-за тебя, сука. Ты довольна?» — и положила трубку, прежде чем я успела ответить, что да, очень довольна, спасибо за звонок.

Но выглядела Мэтти не довольной, а несчастной и виноватой, словно умер Макс Дивоур только потому, что она желала ему смерти.

— Жаль, что так вышло.

— Ничего страшного. Честное слово. Мы с Кирой так долго были одни, и чуть ли не все это время я прожила в страхе. А теперь у меня появились настоящие друзья. И если цена тому — несколько анонимных звонков, я готова ее заплатить.

Она стояла совсем рядом, смотрела на меня, и я не сдержался. Вину я возлагаю на лето, волнующий запах духов Мэтти и четыре года, проведенные мной без женщины. В таком порядке. Я обнял ее за талию и до сих пор помню, как под моими пальцами материя скользила по голой коже. Потом я поцеловал ее, и она ответила на поцелуй, причем в ее губах чувствовалось любопытство, а не испуг. А сами губы были теплые, мягкие и сладкие.

Мы очнулись одновременно и чуть подались назад. Ее руки остались на моих плечах. Мои — на ее талии, чуть повыше бедер. Глаза ее сияли еще ярче, щеки раз-
румянились.

— Господи, как же мне этого хотелось. С того самого момента, как Ки ухватила тебя за ноги, а ты взял ее на руки.

— Джон наших поцелуев на людях не одобрил бы. — Голос у меня дрожал, сердце едва не выскакивало из груди. Семь секунд, один поцелуй, а у меня уже все встало. — Собственно, Джон не одобрил бы никаких наших поцелуев. Видишь ли, он положил на тебя глаз.

— Знаю, но я положила глаз на тебя. — Повернув голову, она убедилась, что Ки по-прежнему стоит у дерева и наблюдает за жонглером.

А кто мог наблюдать за нами? В такой жаркий вечер кто-нибудь вполне мог приехать из Тэ-Эр в Касл-Рок, чтобы поесть мороженого и послушать музыку в городском парке. Кто-нибудь из тех, кто покупает в «Лейквью» свежие овощи и распространяет свежие сплетни? Завсегда авторемонтной мастерской Брукса? Мы вели себя как безумцы, но сделанного не вернешь. Я убрал руки с ее талии.

— Мэтти, они могут поместить нашу фотографию в иллюстрированный словарь к слову «непристойность».

Она тоже опустила руки, отступила на шаг, не отрывая взгляда от моих глаз.

— Знаю. Я, конечно, молодая, но далеко не глупая.

— Я не хотел...

Она подняла руку, останавливая меня.

— Ки ложится спать около девяти. Она привыкла засыпать, когда стемнеет. Я ложусь позже. Приезжай ко мне, если хочешь. Припарковаться можно за трейлером. — Она улыбнулась. Улыбка вышла очень даже сексуальной. — Когда нет луны, автомобиль там никто не увидит.

— Мэтти, ты же мне в дочери годишься.

— Возможно, но я не твоя дочь.

Мое тело знало, чего оно хочет. Будь мы сейчас в ее трейлере, я бы немедленно уступил его желаниям. Собственно, я и сейчас особо не сопротивлялся. Почему-то я снова подумал о прадедушках, моем и Дивоура, — поколения не совпадали. Не относилось ли это и к нам с Мэтти? И потом, я не верил, что люди автоматически приобретают право делать то, что им хочется, как бы им этого ни хотелось. Не всякую жажду надобно утолять. Чего-то делать совсем даже и не следует... наверное, я веду речь именно об этом. Однако я не мог утверждать, что наша возможная близость входила в число запретных плодов, а я ее хотел, чего скрывать. Очень хотел. Раз за разом я вспоминал, как скользило платье по теплой коже, когда я обнял Мэтти за талию. И уж конечно, она не была моей дочерью.

— Ты меня поблагодарила, — сухо ответил я. — Этого более чем достаточно. Честное слово.

— По-твоему, это благодарность? — Она нервно рассмеелась. — Майк, тебе сорок, не восемьдесят. Ты не Харрисон Форд*, но мужчина видный. Ты талантлив, мне с тобой интересно. Ты мне очень нравишься, и я хочу, чтобы ты был со мной. Хочешь, чтобы я сказала «пожалуйста»? Нет проблем. Пожалуйста, будь со мной.

* Форд, Харрисон (р.1942) — известный голливудский киноактер.

Да, она говорила не только о благодарности. В этом у меня сомнений не было. Я вот знал, что в тот день, когда я вернулся к работе, она звонила мне, одетая в белые шорты и топик. Знала ли она, что в тот момент было на мне? Снилось ли ей, что я лежу с ней в постели и мы трахаемся до умопомрачения, а в саду горят японские фонарики, и Сара Тидуэлл предлагает свой вариант игры в рифмы, придуманной седой нанни: мэндерлийский вариант, с сэндерли и кэндерли?

Просила ли она во сне делать все, что я захочу?

И потом, эти люди из холодильника. Еще одна связывающая нас ниточка, пусть она и тянется из потустороннего мира. Я не решался сказать Мэтти о том, что творилось в моем доме, но она, возможно, и так это знала. В глубине подсознания. В ее подвале, где трудятся синие воротнички. Ее парни и мои парни, члены одного невидимого профсоюза. И возможно, моя сдержанность обуславливалась не высокой нравственностью. Может, я чувствовал, что наше единение опасно?

Но меня так тянуло к ней!

— Мне нужно время, чтобы подумать.

— Ты думаешь не о том. Ты меня хочешь?

— Так хочу, что меня это пугает.

И прежде чем я успел сказать что-то еще, мой слух уловил знакомую мелодию. Я повернулся к парнишке с гитарой. Он покончил с репертуаром раннего Боба Дилана* и заиграл песню, от слов которой губы поневоле растягивались в улыбку.

Ты хочешь рыбку половить
В моем пруду?
Ты только свистни, милый мой,
Тотчас приду.
Но чтобы вышло все у нас

* Циммерман, Роберт Аллен (р.1941) — композитор, гитарист, один из самых популярных современных певцов.

Тип-топ, о'кей,
Должна быть толще твоя снасть,
прочней, длинней.

«Рыбацкий блюз». Сочиненный и впервые исполненный Сарой Тидуэлл и «Ред-топами». А уж потом кто только не пел эту песню, от Ма Рейни* до «Лавин спунфул»**. Сара Тидуэлл обожала песни с, мягко говоря, очевидным подтекстом.

Но прежде чем парнишка начал второй куплет, в котором пелось о том, как глубоко может уйти снасть, на эстраде громко ударили в барабан и певец «Каслрокцев» объявил в микрофон: «Полная тишина, мы начинаем!» Парнишка убрал руку со струн, жонглер перестал ловить индейские дубинки, и они попадали на траву. «Рокцы» грянули марш, под который так и хотелось кого-то пришибить, а Кира прибежала к нам.

— Пьедставление законтилось. Ты йасскажешь мне сказку, Майк? О Гансе и Мансе?

— О «Гансе и Гретель», — поправил я Ки. — С удовольствием. Но в более тихом месте. От этого оркестра у меня болит голова.

— У тебя болит голова от музыки?

— Немножко.

— Тогда пойдем к машине Мэтти.

— Отличная мысль.

Кира побежала вперед, чтобы занять скамейку на краю парка. Мэтти тепло улыбнулась мне и протянула руку. Наши пальцы тут же переплелись, словно проделывали это не один год. «Я хочу, чтобы начали мы медленно, практически не шевелясь, — подумал я. — И я захвачу с собой самую толстую, прочную и длинную снасть.

* Приджетт, Гертруда М. (1886—1939) — знаменитая исполнительница блюзов.

** Известная поп-группа, созданная в 1965 г. и развалившаяся в 1968 г. За столь короткий срок десять песен «Лавин спунфул» успели возглавить американские хит-парады.

Ты можешь на это рассчитывать. А потом мы поговорим. Возможно, даже увидим, как зарождающийся рассвет выхватывает из темноты мебель. Когда ты в постели с любимой, особенно в первый раз, пять утра — священное время».

— Тебе надо иногда отдыхать от своих мыслей, — заметила Мэтти. — Готова спорить, большинство писателей так и делают.

— Скорее всего ты права.

— Как мне хочется, чтобы мы оказались дома! Я бы зацеловала тебя, чтобы тебе стало не до слов. А если у тебя и появились бы какие-то мысли, то они пришли бы к тебе в моей постели.

Я посмотрел на красный диск заходящего солнца.

— Даже если бы мы перенеслись сейчас в трейлер, Кира еще не заснула бы.

— Это правда. — В ее голосе звучала печаль. — Правда.

Кира уже добежала до скамейки, стоящей у щита с надписью «Общественная городская автостоянка», и забралась на нее, держа в руке набивную собачку, подарок «Макдоналдса». Я попытался убрать руку, но Мэтти не разжала пальцы.

— Все нормально, Майк. В Эл-би-ша их учат, что друзья всегда держатся за руки. Только взрослые вкладывают в это иной смысл.

Она остановилась, посмотрела на меня.

— Я хочу тебе кое-что сказать. Может, для тебя это пустяк, но для меня — нет. До Лэнса у меня никого не было. И после тоже. Если ты придешь ко мне, то будешь у меня вторым. Больше говорить об этом я не буду. Сказать «пожалуйста» — можно, но умолять я не стану.

— Я...

— На ступеньках, что ведут к дверце трейлера, стоит горшок с помидорами. Ключ я оставляю под ним. Не думай. Просто приходи.

— Не сегодня, Мэтти. Я не могу.

— Сможешь, — возразила она.

— Скоее, копуси, — крикнула Кира, подпрыгивая на скамейке.

— Это он копуша! — откликнулась Мэтти, ткнув меня кулаком в ребра. А потом добавила шепотом: — Копуша во всем. — Высвободила руку и побежала к дочери. Загорелые ноги так и мелькали под подолом белого платья.

В моем варианте «Ганса и Гретель» колдунью звали Деправия. Кира смотрела на меня во все глаза, когда я добрался до того места, где Деправия просит Ганса высунуть пальчик из клетки, чтобы она увидела, достаточно ли он откормлен.

— Страшно? — спросил я.

Ки энергично замотала головой. Я искоса глянул на Мэтти. Она кивнула и махнула рукой, предлагая мне продолжить, и я рассказал сказку до конца. Деправия сгорела в печи, а Гретель нашла ее заглазничник с выигрышными лотерейными билетами. Дети купили себе водный мотоцикл и жили долго и счастливо на восточном берегу озера Темный След. К тому времени «Каслрокцы» мучили Гершвина, а красный диск солнца уже коснулся западного горизонта. Я отнес Киру к «скауту», посадил на детское сиденье, закрепил ремень безопасности и вспомнил, как в прошлый раз помогал усаживать девочку и случайно коснулся груди Мэтти.

— Надеюсь, после этой сказки тебе не приснится страшный сон. — Едва эти слова сорвались с моего языка, я осознал, до чего же ужасная эта сказка.

— Стйасные сны мне не снятся, — буднично так ответила Ки. Улыбнулась. — Холодильник. — Она повернулась к Мэтти: — Покажи ему кьоссфойд, момми.

— Ой, спасибо, я чуть не забыла. — Мэтти порылась в бардачке и достала сложенный листок. — Эта надпись появилась на холодильнике сегодня утром. Я скопиро-

вала ее, послушав Ки. Она сказала, ты знаешь, что это такое. Сказала, что в кроссвордах ты — дока.

Говорил ли я Кире о том, что увлекаюсь кроссвордами? Почти наверняка нет. Удивило меня, что ей об этом известно? Да нет же. Я взял листок, развернул, взглянул на запись:

d
go
w
ninety2

— Это кроссфойд, Майк? — спросила Кира.

— Похоже на то... только очень простой. Но если он что-то и означает, пока я не знаю, что именно. Могу я забрать этот листок?

— Да, — кивнула Мэтти.

Вновь взявшись за руки, мы обошли «скаут» спереди, держа курс на водительскую дверцу.

— Дай мне немного времени. Я понимаю, это фраза женщины, но...

— Бери, — кивнула она. — Только не слишком много.

Но проблема-то заключалась в том, что никакого времени мне и не требовалось. Я знал, что нам вдвоем будет очень хорошо. В постели. А потом?

Без этого «потом» мы обойтись не могли. Я это прекрасно понимал, да и Мэтти тоже. С Мэтти «потом» обещало растянуться на долгие годы. Такая перспектива пугала, но и манила.

Я поцеловал Мэтти в уголок рта. Она рассмеялась,хватила меня за мочку.

— Мог бы этим и не ограничиваться. — Она взглянула на Ки, которая с интересом наблюдала за нами. — Но на этот раз я тебя отпускаю.

— Потелуй Ки! — воскликнула девочка, протягивая ко мне ручонки.

Я вновь обошел джип и поцеловал её. По пути домой я подумал о том, что я мог бы стать Ки отцом. Этого мне хотелось ничуть не меньше, чем оказаться в постели ее матери. И желание это все усиливалось и усиливалось.

После того как Мэтти побывала в моих объятиях, «Сара-Хохотушка» показалась мне особенно пустой — спящий разум без сновидений. Я проверил переднюю панель холодильника, убедился, что магниты разбросаны в полном беспорядке, и достал банку пива. Выйдя на террасу, я пил пиво и наблюдал, как гаснут последние лучи заката, пытаюсь сосредоточиться на людях из холодильника и загадочных надписях, появившихся на передних панелях: «загляни на 19» — на Сорок второй дороге и «загляни на 92» — на Уэсп-Хилл-роуд. Что бы это значило? Разные участки Улицы? Секторы береговой линии? Черт, да кто ж его знает?

Потом я подумал о Джоне Сторроу, о том, как он опечалится, узнав (тут я процитировал Сару-Хохотушку, которая произнесла эту фразу задолго до Джона Мелленкампа*), что другой мул бьет копытами в стойле Мэтти. Но более всего мои мысли занимало другое: воспоминания о том, как я первый раз прижал ее к себе, первый раз поцеловал. Нет более мощного человеческого инстинкта, чем разбуженная страсть. Она не даст покоя, требуя довести дело до конца. Ткань платья скользила под моими руками по ее коже...

Я резко повернулся и поспешил в северное крыло, чуть ли не бегом, на ходу срывая с себя одежду. Встав под холодную струю, я стоял под ней долгих пять минут, дрожа, как лист на ветру. А когда выключил воду, я вновь стал человеком, а не комком оголенных нервов. Я насу-

* Мелленкамп, Джон (р. 1951) — певец, гитарист, один из самых удачливых рок-музыкантов 70–80-х годов, песни которого многократно занимали самые высокие места в хит-парадах.

хо вытерся и тут же подумал о брате Джо, Френке, о том, что, кроме меня, только он может почувствовать присутствие Джо в «Саре-Хохотушке». Я так и не собрался пригласить его в коттедж у озера, а теперь сам не знал, хочу ли этого. Почему-то мне ни с кем не хотелось делиться моими призраками. Однако если Джо что-то писала, Френк мог об этом знать. Конечно, она не призналась ему, что беременна, но...

Я взглянул на часы. Четверть десятого. В трейлере, что стоит неподалеку от пересечения Уэсп-Хилл-роуд и Шестьдесят восьмого шоссе, Кира, должно быть, уже заснула... а ее мать положила запасной ключ под горшок на ступеньках. Я подумал о Мэтти. О ее бедрах под моими руками, о запахе ее духов — и отогнал эти образы. Не мог же я всю ночь стоять под холодным душем. А звонить Френку Арлену в четверть десятого еще рано.

Он, однако, снял трубку после второго гудка, и по голосу чувствовалось, что он очень рад моему звонку. Возможно, радость эта подогревалась и тем, что он уже выпил на три или четыре банки пива больше, чем я. Как водится, мы поболтали о пустяках, он упомянул о смерти моего знаменитого соседа. Спросил, был ли я с ним знаком. Да, ответил я, вспомнив, как Макс Дивоур направила на меня свое кресло-каталку. Френк пожелал знать, что это был за человек. Трудно сказать, ответил я. Глубокий старик, прикованный к инвалидному креслу, страдающий от эмфиземы легких.

— Наверное, он сильно исхудал?

— Да. Послушай, Френк, я звоню насчет Джо. Я тут заглянул в ее студию и обнаружил там мою пишущую машинку. И меня не покидает мысль о том, что она что-то писала. Может, хотела сделать маленькую заметку о нашем коттедже, потом решила этим не ограничиваться. Ты же знаешь, его называли в честь Сары Тидуэлл. Исполнительницы блюзов.

Долгая пауза.

— Я знаю, — наконец ответил Френк. И я понял, что говорить об этом ему не хочется.

— А что еще ты знаешь, Френк?

— Что она боялась. По-моему, она что-то узнала, и это что-то ее пугало. Мне кажется, дело в том...

И тут меня осенило. Наверное, мне следовало догадаться об этом сразу, когда Мэтти описывала мне мужчину в коричневом пиджаке, но я не догадался, потому что ее слова очень меня расстроили.

— Ты приезжал с ней сюда, а? В июле 1994 года? Вы посмотрели, как играют в софтбол, а потом по Улице вернулись к дому.

— Как ты узнал? — Он чуть ли не кричал.

— Тебя видели. Один из моих друзей. — Я пытался выдержать нейтральный тон, но едва ли мне это удалось. Я и злился, и радовался, как случается, если твой ребенок с виноватым видом появляется в доме в тот самый момент, когда ты уже собрался звонить в полицию.

— Я едва не рассказал тебе об этом за день или два до ее похорон. Помнишь, мы сидели в том пабе...

В пабе «У Джека», после того как Френк устроил скандал в похоронном бюро из-за завышенной, по его мнению, стоимости гроба. Я даже помнил его взгляд, когда сказал ему, что Джо умерла беременной.

Пауза затягивалась, потом в трубке послышался озабоченный голос Френка:

— Майк, я надеюсь, ты не думал...

— Наоборот, думал. О том, что моя жена завела роман. Если хочешь, скажи, что по отношению к ее памяти это неблагородно, но у меня есть на то причины. В последние месяцы своей жизни она много чего мне не говорила. А что она говорила тебе?

— Практически ничего.

— Ты знал, что она прекратила работу во всех благотворительных организациях? Прекратила, не сказав мне ни слова?

— Нет. — Думаю, он не лгал. С чего ему лгать, Джо давно умерла. — Господи, Майк, если бы я это знал...

— Что произошло в тот день, когда вы приезжали сюда? Расскажи мне.

— Я был в своей типографии в Санфорде. Джо позвонила мне... откуда — уже не помню. Наверное, с одной из стоянок на автостраде.

— Между Дерри и Тэ-Эр?

— Да. Она ехала в «Сару-Хохотушку» и хотела, чтобы я встретил ее там. Попросила поставить автомобиль на подъездной дорожке, если я приеду первым, но в дом не входить... войти я мог: я знал, где у вас лежит запасной ключ.

Конечно, знал. В жестянке под террасой. Я сам ему и показывал.

— Она сказала, почему не хочет, чтобы ты входил в дом?

— Ты подумаешь, что я чокнутый.

— Не подумаю, можешь мне поверить.

— Она сказала, что дом опасен.

Какое-то время я молчал, потом спросил:

— Ты приехал первым?

— Да.

— И подождал Джо снаружи?

— Да.

— Ты почувствовал какую-либо опасность?

Теперь надолго замолчал он.

— Понимаешь, на озере было много людей. Катера, воднолыжники, не мне тебе рассказывать... но шум моторов, смех... у дома они как бы затихали. Ты обращал внимание, как тихо у коттеджа, даже когда вокруг шумят?

Разумеется, замечал. «Сара-Хохотушка» словно находилась в кармане тишины.

— А опасность ты почувствовал?

— Нет, — неохотно ответил он. — Для себя — нет. Но я и не почувствовал, что дом пуст. Я... черт, у меня

возникло ощущение, что за мной наблюдали. Я сел на одну из шпал, что служат у тебя ступеньками, и стал ждать сестру. Наконец она приехала. Поставила свой автомобиль в затылок моему, обняла меня... но не отрывала глаз от дома. Я спросил, чего она меня вызвала, но она ответила, что не может сказать, и просит не говорить тебе, что мы приезжали сюда. Сказала что-то вроде: «Если он выяснит сам, значит, так и должно быть. Рано или поздно мне придется обо всем ему рассказать. Но сейчас я не могу, потому что для этого мне необходимо полностью завладеть его вниманием. А когда он пишет книгу, такое невозможно».

Я почувствовал, что краснею.

— Она так сказала, да?

— Именно. Потом добавила, что должна войти в дом и кое-что там сделать. Она хотела, чтобы я подождал снаружи. Сказала, что я должен вбежать в дом, если она позовет. А если нет — оставаться за порогом.

— Она хотела, чтобы кто-то был рядом на случай беды?

— Да, причем тот, кто не станет задавать вопросы, на которые она не хочет отвечать. То есть я. Такая уж у меня доля.

— И?..

— Она вошла в дом. Я сидел на капоте моего автомобиля, курил. Тогда я еще курил. И знаешь, начал чувствовать: что-то не так. Словно в доме ее кто-то поджидал, причем этот кто-то не любил Джо. Может, даже хотел обидеть, а то и ударить ее. Наверное, это чувство передалось мне от Джо. Она держалась настороже, постоянно оглядывалась на дом, даже когда обнимала меня. И в то же время я ощущал что-то еще. Как... Ну не знаю...

— Какие-то флюиды?

— Да! — выкрикнул он. — Флюиды. Плохие флюиды! Не те, о которых поют «Бич бойз».

— Что же произошло?

— Я сидел и ждал. Выкурил только две сигареты, так времени прошло минут двадцать, максимум полчаса, но мне казалось, что я просидел на капоте гораздо дольше. И я все время замечал, как звуки с озера поднимаются по склону и... как бы это сказать... замирают. И птицы у коттеджа не пели, только вдалеке. Наконец она вышла из дома. Я услышал, как хлопнула дверь на террасе, затем ее шаги. Я позвал ее, спросил, все ли с ней в порядке, она ответила, что беспокоиться не о чем. Крикнула, чтобы я оставался там, где стою. Ей вроде бы не хватало дыхания, словно она переносила с места на место что-то тяжелое или откуда-то прибежала.

— Она пошла в свою студию или к озеру?

— Не знаю. Отсутствовала она минут пятнадцать, я как раз успел выкурить еще одну сигарету, а потом вышла на крыльцо у подъездной дорожки. Заперла дверь на ключ, подергала, чтобы убедиться, что все закрыто, потом сбегала по ступенькам ко мне. Выглядела она куда лучше. На лице читалось облегчение. Так выглядят люди после того, как покончили с какой-то грязной работой, которую долго откладывали. Она предложила мне прогуляться по тропе, которую назвала Улицей, к местному загородному клубу...

— «Уэррингтон».

— Да-да. Сказала, что купит мне пива и сандвич. Что и сделала в баре, расположенном на дальнем конце пристани.

В «Баре заходящего солнца», около которого я впервые увидел Роджетт.

— А потом вы пошли взглянуть на софтбоольный матч.

— Идея Джо. Она выпила три банки пива, а я только одну. Сказала, что кому-нибудь удастся хороший удар и мяч долетит до деревьев, она в этом уверена.

Увиденное и рассказанное Мэтти приобрело большую четкость. Что бы там ни сделала Джо, ее распирало от радости. Во-первых, она рискнула войти в дом. Рискну-

ла схлестнуться с призраками и выжила. Она выпила три пива, чтобы отпраздновать победу, и пренебрегла скрытностью... Впрочем, и прошлые приезды в Тэ-Эр она не особо маскировала. Френк же вспомнил ее высказывание о том, что если уж я сам все выясню — значит, быть тому. Так себя не ведут, если пытаются скрыть от посторонних любовную связь. Теперь я понимал, что тайна Джо долго бы не жила. Она обо всем мне бы рассказала, когда я дописал книгу. Если бы не умерла.

— Какое-то время вы смотрели на игру, а потом по Улице вернулись к коттеджу.

— Да.

— Заходили в него?

— Нет. К тому времени алкоголь из нее практически выветрился, и я решил, что ей можно садиться за руль. Она еще смеялась, когда мы стояли у кромки площадки для софтбола, но на обратном пути даже не улыбнулась. Посмотрела на коттедж и сказала: «Точка, Френк. Больше я в эту дверь не войду».

У меня по коже пробежал холодок, потом мурашки.

— Я спросил ее, что происходит, что она выяснила. Я знал, что она что-то пишет, она мне говорила...

— Она говорила всем, кроме меня. — Однако горечи в моем голосе не было. После того как я установил, кем был мужчина в коричневом пиджаке спортивного покроя, горечь и злость — а злился я как на Джо, так и на себя — тускнели в сравнении с чувством безмерного облегчения. Я и не осознавал, как давил на меня этот незнакомец.

— Должно быть, у нее были причины так говорить, — вздохнул Френк. — Ты это знаешь, не так ли?

— Но с тобой она не поделилась.

— Я лишь знаю, что началось все со статьи, которую Джо решила написать. Я уверен, что поначалу она ничего не говорила тебе, чтобы потом удивить. Она читала книги по местной истории, но в основном расспрашивала людей — выслушивала их рассказы о прошлом,

уговаривала показать старые письма, дневники... убеждать она умела. Этого у нее не отнимешь. Ты об этом знал?

— Нет, — ответил я. У Джо не было любовника, но она могла его завести, возникни у нее такое желание. Она могла бы переспать с Томом Селлеком*, о чем сообщил бы всей стране «Взгляд изнутри», а я бы продолжал молотить по клавиатуре моего «Пауэрбука», пребывая в блаженном неведении.

— Если она на что-то и наткнулась, то именно тогда, — добавил Френк.

— И ты мне ничего не сказал. Прошло четыре года, а ты мне ничего не сказал.

— Тогда я виделся с ней в последний раз. — В голосе Френка не слышалось ни смущения, ни извинительных ноток. — И при расставании она попросила ничего не говорить тебе об этой поездке к коттеджу. Сказала, что все расскажет сама, когда сочтет нужным, а потом она умерла. После ее смерти я решил, что все это уже и не важно. Майк, она была моей сестрой. Она была моей сестрой, и я обещал.

— Ладно. Я понимаю.

И я понимал, но далеко не все. На что наткнулась Джо? Узнала, что Нормал Остер утопил своего сына-младенца под струей колонки? Что в начале века ребенок-негр угодил в капкан, поставленный на зверя? Что другого ребенка, возможно, появившегося на свет после любовных утех Сынка и Сары Тидуэлл, близких родственников, мать утопила в озере? И держала под водой, заливаясь безумным смехом?

— Если ты хочешь, чтобы я извинился, Майк, считай, что это уже сделано.

— Не хочу. Френк, вспомни, что еще она сказала тебе в тот день?

*Селлек, Том (р. 1945) — голливудский киноактер, известный своим успехом у дам.

— Она сказала, что теперь знает, как ты нашел этот коттедж.

— Что она сказала?

— Джо сказала, что тебя позвали, когда ты понадобился.

Поначалу я даже лишился дара речи, потому что Френк Арлен полностью разрушил одну из основополагающих аксиом, на которых базировалась моя семейная жизнь. Эти аксиомы настолько фундаментальны, что не возникает и мысли поставить их под сомнение. Сила тяжести притягивает к земле. Свет дает возможность видеть. Стрелка компаса указывает на север. Вот это я называю аксиомами.

Я всегда исходил из того, что именно Джо предложила купить «Сару-Хохотушку», когда у нас завелись настоящие деньги. В нашей семье домами занималась она, точно так же, как я — автомобилями. Джо выбирала квартиры, когда мы могли позволить себе только квартиры; Джо вешала картину на выбранное ею место и указывала мне, куда прибить полку. Джо влюбилась в дом в Дерри и в конце концов убедила меня, что дом этот не так уж и велик и мы просто обязаны его купить. Наше гнездышко строила Джо.

Джо сказала, что тебя позвали, когда ты понадобился.

И возможно, так оно и было. Нет, я мог бы выразиться иначе, если бы вспоминал все, а не только то, что хотелось.

Именно так и было. Я первый предложил купить летний домик в западном Мэне. Я начал собирать буклеты с выставленными на продажу домами и охалками приносить их домой. Я начал покупать местные журналы вроде «Даун-ист» и всегда начинал просмотр с последних страниц, отведенных объявлениям риелторов. Я первый увидел фотографию «Сары-Хохотушки» в одном из сверкающих глянец буклетов и позвонил риелтору, указанному под фотографией, а потом Мэри Хингерман, после того как уговорил риелтора дать мне ее телефон.

«Сара-Хохотушка» очаровала и Джоанну... думаю, этот коттедж очаровал бы любого, кто увидел бы его в лучах осеннего солнца, среди деревьев в разноцветье листвы, но нашел его все-таки я.

Да, опять эта избирательная память. Не так ли? «Сара» нашла меня.

Тогда почему я не догадывался об этом раньше? Почему ни о чем не подозревал, когда меня привели сюда в первый раз?

Оба вопроса имели один и тот же ответ. Под него подпадал и третий вопрос: почему Джо, узнав что-то экстраординарное насчет коттеджа, озера, даже всего Тэ-Эр, ничего не стала мне говорить? Я отсутствовал, только и всего. Впал в транс, с головой ушел в одну из моих глупых книг. Фантазии, роящиеся в моей голове, загипнотизировали меня, а с загипнотизированным человеком можно делать все, что угодно.

— Майк? Ты меня слышишь?

— Конечно, Френк. Будь я проклят, если знаю, что так могло ее напугать!

— Она упоминала еще одного человека. Какого-то Ройса Меррилла. Отметила, что он глубокий старик. Сказала: «Мне бы не хотелось, чтобы Майк говорил с ним. Боюсь, старикан может выпустить джинна из бутылки и скажет Майку больше, чем ему следует знать». Как по-твоему, что она имела в виду?

— Видишь ли... вроде бы ходят слухи, что здесь жил кто-то из моих далеких предков, но семья моей матери из Мемфиса. Нунэны — из Мэна, но не из этой части штата. — Однако я уже и сам в это не верил.

— Майк, у тебя такой голос, словно тебе нехорошо.

— Я в полном порядке. Наоборот, чувствую себя лучше, чем раньше.

— Так ты понимаешь, почему я не говорил тебе об этом прежде? Если б я знал, какие мысли могли у тебя возникнуть... если б я...

— По-моему, понимаю. Поначалу мыслей этих у меня не было и в помине, но если это дерьмо забирается в голову...

— В тот вечер, вернувшись в Санфорд, я подумал, что дело тут не только в обычных штучках Джо. Ты же помнишь ее «о черт, на луне тень, сегодня вечером сидим дома». Она всегда отличалась суеверностью, стучала по дереву, бросала через плечо щепотку соли, если просыпала ее. Эти сережки с четырьмя листочками, которые она обычно носила...

— Она обычно снимала пуловер, если надевала его задом наперед, — добавил я. — Говорила, что иначе весь день пойдет наперекосяк.

— Правда? Не знал.

Я буквально увидел, как он улыбается:

И тут же перед моим мысленным взором возникла Джо, с золотистыми искорками в левом глазу. И мне уже больше никого не хотелось. Никто не мог мне ее заменить.

— Она думала, что в коттедже затаилось зло, — продолжил Френк. — Пожалуй, это все, что мне известно.

Я подтянул листок бумаги, написал на нем «Ки»:

— Понятно. — К тому времени она, возможно, уже знала, что беременна. И опасалась... дурного воздействия — а воздействия тут были, это я знал наверняка. — Ты полагаешь, большую часть всего этого она почерпнула у Ройса Меррилла?

— Нет, она просто упоминала его. Думаю, она опрашивала десятки людей. Ты знаешь человека по фамилии Клостер? Глостер? Что-то в этом роде?

— Остер. — Под «Ки» мой карандаш выводил какие-то загогулилки. — Кенни Остер. Ты о нем?

— Похоже на то. Ты же знаешь, если Джо за что-то бралась, то уже не отступалась... как терьер, раскапывающий крысиную нору.

Да. Как терьер, раскапывающий крысиную нору.

— Майк? Мне приехать?

— Нет.

Вот в этом я ни капельки не сомневался. Ни Гарольду Обловски, ни Френку делать тут нечего. Здесь что-то происходило, и процесс этот не допускал постороннего вмешательства. Малейшее изменение параметров, и все пойдет насмарку. Френк мог нарушить естественный ход событий... и не без ущерба для себя.

— Нет. Я просто хотел выяснить кое-какие обстоятельства. И потом, я пишу. Если в это время в доме кто-то есть, я чувствую себя не в своей тарелке.

— Ты позвонишь, если понадобится моя помощь?

— Обязательно.

Я положил трубку, пролистал телефонный справочник, нашел Р. Меррилла на Дип-Бэй-роуд. Набрал номер, после дюжины гудков вновь положил трубку. Ройс обходился без автоответчика. Неужели лег спать, подумал я. С другой стороны, староват он для танцев в «Каунти барн» в Харрисоне.

Я взглянул на бумажку. «Ки», ниже — загогулилки. Я написал «Кира», вспомнил, как она первый раз, представляясь мне, произнесла свое имя, как Киа. Под «Кирой» добавил «Кито», ниже, после короткого колебания, написал «Карла». Обвел эти имена в рамочку. Рядом с ними на листке появились Джоанна, Бриджет и Джеред. Люди из холодильника. Те самые, что хотели, чтобы я заглянул на 19 и 92.

— Иди, Моисей, и ты придешь в Землю обетованную, — поделился я своими мыслями с пустым домом. Огляделся. Нас только трое — я, Бантер да часы с хвостом-маятником... но я-то знал, что это не так.

Тебя позвали, когда ты понадобился.

Я направился на кухню за следующей банкой пива. Фрукты и овощи выстроились в окружность. В середине я прочитал:

I've stille

Как на старинных надгробиях — *God grant she lye stille**. Я долго смотрел на эти буквы, потом вспомнил, что оставил «Ай-би-эм» на террасе. Занес в дом, поставил на обеденный стол, вновь начал писать мою глупую книгу. Через четверть часа полностью погрузился в нее, хотя откуда-то издалека до меня доносилось погромыхивание грома и звяканье колокольчика Бантера. Когда же часом позже я вновь оказался у холодильника, опять пришел за пивом, слов на передней панели прибавилось:

ony lye stille

Я на это внимания не обратил. Мне было без разницы, лежали ли они тихо или прыгали до потолка под серебряной луной. Джон Шеклефорд начал вспоминать свое прошлое, вспоминать мальчика, которому он был единственным другом. Заброшенного всеми Рэя Гэррети.

Я писал до полуночи. Гроза так и не началась, ночь выдалась жаркая. Я выключил «Ай-би-эм» и пошел спать, не думая, насколько мне помнится, ни о ком... забыв даже Мэтти, которая лежала в своей постели не так уж и далеко от «Сары-Хохотушки». События романа выжгли все реалии окружающего мира, во всяком случае, временно. Хорошо это или плохо, не знаю. Но точно помогает коротать время.

Глава 21

Я шел на север по Улице, увешанной японскими фонариками, но они не светились, потому что происходило все это днем, ясным днем. Жаркая дымка середины июля исчезла, небо стало прозрачно-синим, каким оно бывает только в октябре. А под ним темным сапфиром

* По воле Божией покойся с миром (англ.).

синело озеро, поблескивая в солнечных лучах. Деревья, окрашенные в осенние тона, горели, как факелы. Южный ветер шуршал у моих ног опавшей листвой. Японские фонарики кивали, показывая, что осень им очень даже по душе. Издалека долетала музыка. «Сара и Ред-топы». В голосе Сары, как обычно, звучал смех... только почему он больше походил на рычание?

— Белый парень, я бы никогда не убила своего ребенка. Как ты мог такое подумать!

Я резко обернулся, ожидая увидеть ее за своей спиной, но на Улице никого не было. Хотя...

Зеленая Дама стояла на прежнем месте, только, по случаю осени, переменила платье и стала Желтой Дамой. А сосна, что высилась позади, засохшей веткой указывала путь: иди на север, молодой человек, иди на север. Чуть дальше по тропе росла другая береза, та, за которую я ухватился, когда мне почудилось, что я тону.

Я ждал, что это ужасное ощущение вернется — во рту и горле появится металлический привкус воды, но ничего не произошло. Я посмотрел на Желтую Даму, потом на «Сару-Хохотушку». Коттедж я обнаружил на прежнем месте, но он значительно уменьшился в размерах: ни северного крыла, ни южного, ни второго этажа. Не говоря уже о студии Джо. Дама-береза отправилась из 1998 года в прошлое вместе со мной. Так же, как и вторая береза. Что же касается остального...

— Где я? — спросил я Желтую Даму и кивающие японские фонарики. И тут же понял, что вопрос надо уточнить: — В каком я году? — Ответа не последовало. — Это сон, да? Я в собственной постели и происходит все это во сне?

Где-то на озере дважды крикнула гагара. Один крик — да, два — нет. *Нет, это не сон, Майкл. Я не знаю, как это называется, может, мысленное путешествие во времени, но это не сон.*

— Это действительно происходит? — спросил я у дня, и откуда-то сверху, там, где тропа, которая со временем станет Сорок второй дорогой, бежала к проселку, нынешнему Шестидесят восьмому шоссе, каркнула ворона. Один раз.

Я подошел к березе, нависшей над озером, обхватил рукой ствол (вспоминая при этом, как обхватывал талию Мэтти, ощущая пальцами скольжение ткани по обнаженной коже), всмотрелся в воду, ожидая увидеть утонувшего мальчика, боясь увидеть его. Мальчика я не увидел, но что-то лежало на дне, среди камней, корней и водорослей. Ветер, гнавший легкую рябь, стих, и мне удалось разглядеть трость с золотой рукояткой. Трость «Бостон пост». С привязанными к ней двумя лентами, белыми с красными полосками по краю. Трость Ройса напомнила мне о выпускном школьном вечере и жезле, которым маршал класса указывал родителям, где им надо сесть. Теперь я понял, почему старая обезьяна не отвечала на телефонные звонки: он давно уже боялся брать трубку. Я это знал. А кроме того, знал, что Ройс Меррилл еще не родился. Потому что здесь была Сара Тидуэлл, я слышал, как она пела, а в 1903 году, когда Ройс появился на свет Божий, Сара уже пару лет как отбыла, вместе со всеми «Ред-топами».

— Ступай вниз, Моисей, — сказал я трости с лентами, лежащей на дне. — Путь твой лежит в Землю обетованную.

И я зашагал на звуки музыки, подгоняемый прохладным воздухом и резкими порывами ветра. Теперь я слышал голоса, много голосов. Люди пели, смеялись, кричали. А все перекрывал чей-то густой бас: «Заходите, друзья, скорее, скорее, скорее! Поторопитесь, следующее представление начинается через десять минут. Вас ждет Ангелина, Женщина-Змея, она сверкает, она извивается, она зачарует вас и упадет вам в сердце, но не подходите к ней слишком близко, потому что укус ее смертелен! Посмотрите на Хендо, мальчика с песьим лицом, про-

званного «Ужас Южных Морей»! Посмотрите на Человека-Скелет! Посмотрите на Джику-Чудовище, предки которой пугали людей в незапамятные времена! Посмотрите на Бородатую Женщину и Убийцу Марсиан! Они все ждут вас в шатре, заходите, друзья, скорее, скорее, скорее!»

Я слышал, как поскрипывает карусель, приводимая в движение паровым двигателем, и звякает колокол на вершине столба, когда кто-то из лесорубов выигрывал для своей ненаглядной набивную игрушку. А радостные женские крики подсказывали, что силу он продемонстрировал поистине молодецкую. Из тира доносились выстрелы, где-то мычала корова... и до меня начали долетать ароматы, которые с детства ассоциировались с деревенскими ярмарками: запах свежеспеченного хлеба, жареных лука и перца, сахарной ваты, навоза и сена. Я шел все быстрее, а гитары и контрабасы звучали все громче. Сердце учащенно билось. Мне предстояло увидеть их выступление, увидеть на сцене Сару Тидуэлл и «Ред-топов». И не в безумном сне, а наяву. Они уже начали, так что скорее, скорее, скорее!

Дома Уэшбурнов (для миссис М. — дома Брикеров) как не бывало. А чуть дальше того места, где ему предстояло появиться, по крутому склону поднималась лестница с широкими деревянными ступенями. Она напомнила мне другую лестницу, что вела от парка развлечений к берегу в Олд-Орчард. Тут японские фонарики горели, несмотря на то что в небе светило солнце. Музыка звучала все громче. Сара пела «Джимми Кларк Корн».

Я поднимался по ступеням навстречу смеху и крикам, музыке «Ред-топов», поскрипыванию карусели, запахам жареной еды и домашних животных. Венчала лестницу деревянная арка, по которой вилась надпись:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
НА ФРАЙБУРГСКУЮ ЯРМАРКУ
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ
В ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

В этот самый момент маленький мальчик в коротких штанишках и женщина в рубашке навывпуск и юбке до лодыжек прошли под аркой, направляясь ко мне. Они замерцали, одежда и плоть сделались прозрачными. Я видел их скелеты и черепа, просвечивающие сквозь улыбки. Мгновение — и они исчезли.

И тут же у арки, со стороны ярмарки, появились два фермера: один в соломенной шляпе, второй — с большой трубкой. Я понял, что арка — пространственно-временной барьер, разделяющий ярмарку и Улицу. Однако я не боялся, что этот барьер сможет каким-то образом воздействовать на меня. Барьер существовал для других, я же составлял исключение.

— Все путем? — спросил я. — Я могу пройти?

На вершине столба «Испытай себя» громко и отчетливо звякнул колокол. Один раз — да, два — нет. Я продолжил подъем.

Теперь я видел колесо Ферриса, вращающееся на фоне яркого неба, то самое колесо, что запечатлела фотография, приведенная в книге Остина «Дни Темного Следа». Каркас — металлический, ярко раскрашенные гондолы — деревянные. К колесу вела широкая дорога, чем-то напоминающая центральный проход в церкви, усыпанная опилками. Опилки набросали специально: практически все мужчины жевали табак.

Несколько секунд я постоял на верхней ступеньке, оставаясь с озерной стороны арки. Все-таки я боялся того, что может произойти, пройди я под ней. Боялся умереть или исчезнуть, но еще больше боялся не найти пути назад и до конца вечности остаться гостем Фрайбургской ярмарки, проводившейся на рубеже веков. Аналогичный случай описан в одном из рассказов Брэбери.

Но Сара Тидуэлл перетянула меня в другой мир. Я не мог не увидеть ее собственными глазами. Не мог не послушать, как она поет. Не мог, и все тут.

Проходя под аркой, я почувствовал, как по телу пробежала дрожь, до меня донесся многоголосый вздох. Вздох облегчения? Разочарования? Не могу сказать. Я сразу понял, что по другую сторону арки все разительно переменялось. Лицезреть какое-то событие через окно и присутствовать на нем — далеко не одно и то же. Из наблюдателя я превратился в участника.

Цвета разом прибавили в яркости. Запахи, только что нежные, едва уловимые, вызывающие ностальгию, едва я миновал барьер, стали резкими, будоражащими, поэзия уступила место прозе. Где-то неподалеку жарили мясо и сосиски, варили шоколад. Мимо прошли два мальчика с одним на двоих коконом сахарной ваты. В руке каждый сжимал вязаный кошелек с несколькими монетами, выделенными родителями по случаю праздника.

— Эй, мальчики! — позвал их мужчина в синей рубашке, при улыбке сверкавший золотым зубом. — Не хотите попрыгать через молочные бутылки и выиграть приз? Сегодня у меня еще никто не проигрывал!

«Ред-топы» веселили публику «Рыбацким блюзом». Я-то думал, что подросток в городском парке Касл-Рока играет вполне прилично, но теперь стало ясно, насколько копия не похожа на оригинал. Где уж засушенной бабочке сравняться с живой? Сара Тидуэлл пела, а я точно знал, что каждый из стоящих перед сценой фермеров, с мозолистыми руками, в соломенных шляпах, жующих табак, представлял себе, что поет она исключительно для него и именно с ним проделывает все то, что скрывалось за текстом.

Я направился к оркестру, слыша мычание коров и блеяние овец в выставочных загонах ярмарки. Миновал тир и площадку, где бросали кольца. Прошел мимо шатра, перед которым две девушки медленно извивались в танце, а мужчина с тюрбаном на голове играл на флейте. Все это я видел и на афише, нарисованной на брезенте, но всего за десять центов мог взглянуть и на живую

Ангелину. Я прошел мимо входа в «Галерею уродов», лотка с жареной кукурузой, «Дома призраков» с разрисованными брезентовыми стенами и крышей. Призраки вылезали из разбитых окон, выползали из печных труб.

Все здесь — смерть, подумал я... но из «Дома» доносились веселый детский смех и радостные вопли. Я прошел мимо столба «Испытай себя». Путь к колоколу на вершине указывали надписи: МАЛЫШУ НУЖНА СОСКА, МАМЕНЬКИН СЫНОК, ПОПРОБУЙ ЕЩЕ, БОЛЬШОЙ МАЛЬЧИК, НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА, а уже под самым колоколом, красными буквами — ГЕРКУЛЕС! Небольшая толпа собралась вокруг молодого рыжеволосого мужчины. Он снимал рубашку, обнажая мускулистый торс. Усач с торчащей во рту сигарой протягивал ему молот. Я прошел мимо лотка с вышивкой, мимо павильона, в котором люди сидели на скамьях и играли в бинго, мимо бейсбольной площадки. Я их видел и в то же время не видел. Я был в трансе. «Тебе придется перезвонить, — иной раз говорила Джо Гарольду. — В настоящее время Майкл в Стране Больших Фантазий». Не смотрел я вокруг и по другой причине: интересовали меня только люди, стоявшие на сцене перед колесом Ферриса. Восемь или десять негров. И женщина с гитарой — солистка. Сара Тидуэлл. Живая. В расцвете сил. Она откидывала голову и смеялась в октябрьское небо.

Из транса меня вывел раздавшийся за спиной крик:

— Подожди, Майк! Подожди!

Я обернулся и увидел бегущую ко мне Киру. В белом платъице в красную полоску и соломенной шляпе с синей лентой. В одной руке она сжимала Стрикленда, и, уже почти добежав до меня, она повалилась вперед, зная, что я успею подхватить ее на руки. Я и подхватил, а когда шляпа свалилась с ее головы, поймал и водрузил на место.

— Я завалила своего куойтейбека! — засмеялась Кира. — Опять.

— Совершенно верно. Ты у нас прямо-таки Крутой Джо Грин. — Одет я был в комбинезон (из нагрудного кармана торчал край застиранной банданы) и заляпанные навозом сапоги. Я взглянул на белые носочки Киры и увидел, что куплены они не в магазине, а сшиты дома. И на соломенной шляпке я бы не нашел ярлычка «Сделано в Мексике» или «Сделано в Китае». Эту шляпку сделала в Моттоне жена какого-то фермера, с красными от стирки руками и распухшими суставами.

— Ки, а где Мэтти?

— Дома, она не смогла пийти.

— А как ты попала сюда?

— Поднялась по лестнице. Там очень много ступенек. Тебе следовало подозревать меня. Ты мог бы понести меня, как и йаньше. Я хотела послушать музыку.

— Я тоже. Ты знаешь, кто это, Кира?

— Да, мама Кито. Потойопись, копуса.

Я направился к сцене, думая, что нам придется стоять в последнем ряду, но толпа раздавалась перед нами, пропуская меня с Кирой (очаровательной маленькой гибсоновской девочкой*, в белом, в красную полоску, платье и шляпке с синей лентой), на руках к самой сцене. Одной ручонкой она обнимала меня за шею, и зрители расступались перед нами, как Чермное море перед Моисеем.

Они не поворачивались, чтобы посмотреть на нас. Хлопали в ладоши, топали ногами, кричали, увлеченные музыкой. В сторону они отступали независимо от их желания, словно под действием магнитного поля, в котором зрители и мы с Кирой являли собой одинаковые полюса магнита. Некоторые женщины краснели, но песня им определенно нравилась, одна смеялась так, что слезы градом катились по щекам. Выглядела она года на

* Гибсон, Чарлз Дана (1867–1944) — художник, иллюстратор мод, создал образ гибсоновской девушки, ставшей идеалом красоты в начале XX в.

двадцать два — двадцать три. Кира указала на нее пухлым пальчиком и буднично так заметила:

— Ты знаешь начальницу Мэтти в библиотеке? Это ее нанни.

Бабушка Линди Бриггс, цветущая, как роза, подумал я. Боже мой!

«Ред-топы» стояли на сцене под гирляндами из белой, красной и синей бумаги, словно бродячие во времени музыканты. Я узнал их всех. Точно такими запечатлела их фотография в книге Эдуарда Остина. Мужчины в белых рубашках, черных жилетках, черных брюках. Сынок Тидуэлл стоял в глубине сцены, в дерби, как и на фото. А вот Сара...

— Потому на этой зенсине платье Мэтти? — спросила Кира, и ее начала бить дрожь.

— Не знаю, милая. Не могу сказать. — Но я не мог и спорить: в этом белом без рукавов платье Мэтти приходила на нашу последнюю встречу в городском парке.

Оркестр взял короткий перерыв, но музыка не смолкла. Реджинальд Сынок Тидуэлл, перебирая пальцами струны гитары, подошел к Саре. Они наклонились друг к другу, она — смеющаяся, он — серьезный. Встретились взглядами, пытаясь переиграть друг друга. Зрители хлопали и визжали от восторга, остальные «Ред-топы» смеялись. Я понял, что не ошибся: передо мной стояли брат и сестра. Не заметить фамильного сходства мог только слепой. Но смотрел я главным образом не на лица, а на бедра и зад Сары, обтянутые белым платьем. Кира и я были одеты по моде начала столетия, но Сара явно опередила свое время. Ни тебе панталон, ни нижних юбок, ни хлопчатобумажных чулок. Никто словно и не замечал, что платье у нее выше колен: по тогдашним меркам с тем же успехом она могла выйти на сцену голой. А такого нижнего белья, бюстгальтера с лайкрой и нейлоновых трусиков, в те времена и в помине не было. И если бы я положил руки ей на талию, то почувствовал бы, как сколь-

зит-материя по голой коже. Коричневой — не белой. *Что ты хочешь, сладенький?*

Сара отпрянула от Сынка, бедра и зад волнующе ходили под белым платьем. Сынок вернулся на прежнее место, и оркестр заиграл вновь. А Сара спела очередной куплет «Рыбацкого блюза». Спела, не отрывая от меня глаз:

Прежде чем заняться делом,
Вместе удочку проверим.
Прежде чем забросить леску,
Мы проверим ее вместе.
И не думай, милый мой,
Не надейся, дорогой,
Что утонем в волнах страсти,
Прежде чем проверим снасти.

Толпа радостно взревела. А Кира у меня на руках дрожала все сильнее.

— Я боюсь, Майк, — призналась она. — Не ньявится мне эта зенсина. Она меня пугает. Она укьяла платье Мэтти. Я хотю домой.

И Сара словно слышала ее сквозь шум толпы и грохот музыки. Она запрокинула голову, губы ее широко растянулись, и она рассмеялась, уставившись в бездонное небо. Я увидел ее зубы. Большие и желтые. Зубы голодного зверя. И решил, что согласен с Кирой: она пугала.

— Хорошо, цыпленок, — прошептал я на ухо Кире. — Мы уже уходим.

Но прежде чем я успел шевельнуться, воля этой женщины (как сказать по-другому — не знаю) арканом ухватила меня и удержала на месте. Теперь я понял, кто стремглав промчался мимо меня на кухне, чтобы смести с передней панели холодильника слово CARLADEAN: я почувствовал тот же леденящий холод. Точно так же можно установить личность человека по звуку его шагов.

Оркестр заиграл новую мелодию, а Сара запела. Письменной записи этой песни не сохранилось, во всяком случае, мне на глаза она не попадалась.

Ни за какие сокровища мира,
Ни за какие коврижки,
Я б не обидела и не обижу
Эту малышку.
Дайте хоть гору алмазов, рубинов,
Тиха я буду, скромна.
Я ж не злодейка с душою звериной,
Пусть не боятся она.

Толпа ревела, словно не слышала ничего более забавного, но Кира расплакалась. Сара, увидев это, выпятила грудь, а буфера у нее были поувесистее, чем у Мэтти, и она затрясла ими, смеясь своим фирменным смехом. Странные в этот момент она вызывала чувства. Вроде бы жалость, но не сострадание. Казалось, у нее вырвали сердце, а грусть осталась еще одним призраком, воспоминанием о любви на костях ненависти.

И как шерились ее смеющиеся зубы!

Сара подняла руки, и на этот раз завибрировало все ее тело, словно она читала мои мысли и смеялась над ними. Как желе на тарелке, если использовать строку из другой песни, относящейся к тому же времени. Ее тень ходуном ходила по заднику, и, взглянув на него, я понял, что нашел то самое существо, которое преследовало меня в моих мэндерлийских снах. То была Сара. Именно Сара выскакивала из дома и набрасывалась на меня.

Нет, Майк. Ты близок к разгадке, но еще не нашел ее.

Нашел или не нашел... я решил, что с меня хватит. Я повернулся и положил руку на головку Ки, пригибая ее личиком к моей груди. Она уже обеими ручонками крепко схватилась за мою шею.

Я думал, мне придется проталкиваться сквозь толпу: они легко пропустили нас сюда, но могли забыть о дру-

желюбии, стоило нам тронуться в обратный путь. *Не связывайтесь со мной, думал я. Вам это ни к чему.*

Зрители пришли к тому же выводу. На сцене оркестр заиграл другую мелодию, и Сара без паузы перешла от «Рыбацкого блюза» к «Кошке и собаке». Зрители так же освобождали нам дорогу, не устаивая меня и мою маленькую девочку даже взглядом. Один молодой человек широко раскрыл рот (в двадцать лет у него уже недоставало половины зубов) и заорал: «УРА-А-А-А!» Да это же Бадди Джеллисон, внезапно дошло до меня. Бадди Джеллисон, чудом помолодевший с шестидесяти восьми лет до двадцати. Потом я понял, что волосы у него не того цвета — светло-каштановые, а не черные (даже в шестьдесят восемь у Бадди не было ни единого седого волоса). Я видел перед собой деда Бадди, а может, и прадеда. Но мне было не до этого. Я лишь хотел выбраться отсюда.

— Извините, — сказал я, проталкиваясь мимо.

— Городского пьяницы у нас нет, сукин ты сын, — процедил он, не взглянув на меня, продолжая хлопать в ладоши в такт музыке. — Мы по очереди выполняем его обязанности.

Все-таки это сон, подумал я. Это сон, и вот тому доказательство.

Но мне не могли присниться запах табака в его дышании, окружающие меня ароматы толпы, вес испуганного ребенка, сидящего на моей руке. И рубашка моя стала горячей и мокрой в том месте, где к ней прижималось лицо Киры. Девочка плакала.

— Эй, Ирландец! — позвала Сара с эстрады, и голос ее так напоминал голос Джо, что я чуть не вскрикнул. Она хотела, чтобы я обернулся, я чувствовал, как она пытается воздействовать на меня силой воли... но не поддался.

Я обогнул трех фермеров, которые передавали друг другу глиняную бутылку, и вышел из толпы. Передо мной лежал усыпанный опилками проход между павильонами, палатками, лотками. Упирался он в арку, которая вела

к лестнице, Улице, озеру. К дому. Я знал, что на Улице мы будем в полной безопасности.

— Я почти закончила, Ирландец! — кричала Сара мне вслед. В голосе слышалась злость, но злость эта не убивала смех. — Ты получишь то, что хочешь, сладенький, тебе будет хорошо, но ты не должен мешать мне завершить начатое. Слышишь меня, парень? Отойди и не мешай! Хорошенько запомни мои слова!

Я поспешил к арке, поглаживая Ки по головке, ее лицо по-прежнему прижималось к моей рубашке. Соломенная шляпка свалилась с головы девочки, я попытался поймать ее на лету, но в руке у меня осталась только оторвавшаяся от шляпки лента. *Ну и ладно, подумал я. Мы должны выбраться отсюда, это главное.*

Слева от нас на бейсбольной площадке какой-то мальчуган кричал: «Вилли перебросил мяч через изгородь, Ма! Вилли перебросил мяч через изгородь, Ма!» Монотонно так кричал, как заведенный. Когда мы проходили павильон для бинго, какая-то женщина завопила, что выиграла. У нее закрыты все цифры, и она выиграла. Над головой солнце внезапно спряталось за тучу. Наши тени исчезли. День заметно потускнел. Расстояние до арки сокращалось слишком медленно.

— Мы уже дома? — Ки чуть ли не стонала. — Я хожу домой, Майк. Позялуйста, отнеси меня домой, к мамми.

— Отнесу, — пообещал я. — Все будет хорошо.

Когда мы проходили мимо столба «Испытай себя», рыжеволосый мужчина надевал рубашку. Он исподлобья посмотрел на меня — местные питают инстинктивное недоверие к приезжим, и я понял, что знаю его. Со временем у него появится внук, Дикки, и в конце столетия, в честь которого эта ярмарка и проводилась, ему будет принадлежать автомастерская на Шестьдесят восьмом шоссе.

Женщина, отходящая от лотка с вышивкой, остановилась, ткнула в меня пальцем, ее верхняя губа припод-

нялась в волчьем оскале. Ее лицо показалось мне знакомым. Откуда я мог ее знать? Наверное, видел ее в Тэ-Эр. Значения это не имело. А если и имело, сейчас мне было не до этого.

— Не следовало нам пйиходить сюда, — простонала Ки.

— Я понимаю, о чем ты, — ответил я, — но, думаю, выбора у нас не было, цыпленок. Мы...

Они вышли из «Галереи уродов». Я увидел их и остановился, не дойдя до нее двадцать ярдов. Семеро мужчин в одежде лесорубов, но четверых я мог в расчет не брать: полупрозрачные, седые призраки, ничего больше. Совсем больные, может, даже мертвые, не опаснее фотографий. А вот реальность остальной троицы сомнений не вызывала. Они существовали, если, конечно, существовала и вся ярмарка. И возглавлял всю компанию крепкий старик в вылинявшей синей армейской фуражке. Он посмотрел на меня, и я сразу узнал глаза. Те же глаза оценивающе оглядывали меня поверх кислородной маски.

— Майк? Потому мы остановились?

— Все в порядке, Ки. Только не поднимай голову. Это все сон. Утром ты проснешься в своей постельке.

— Хойосо.

Семеро стояли в ряд, рука к руке, сапог к сапогу, перегораживая проход, отсекая нас от арки и Улицы. Армейская Фуражка занял место по центру. Остальные шестеро были куда как моложе, некоторые лет на пятьдесят. Двое самых бледных, почти прозрачных, стояли бок о бок справа от старика, и я подумал, а не прорваться ли мне сквозь них. По моему разумению, плоти в этой парочке было не больше, чем в том призраке, что барабанил по гидроизоляции в подвале «Сары-Хохотушки»... А если я ошибался?

— Отдай ее мне, сынок! — Голос звучал жестко, неумолимо. Старик протянул руки. Макс Дивоур. Он вернулся даже после смерти, он жаждал опеки над ребенком.

Нет, все-таки не Макс. Я уже знал, что это не Макс. Скулы чуть другие, щеки более ввалившиеся, глаза тоже синие, но чуть другого оттенка.

— Где я? — спросил я его, и мужчина в тюрбане (индус, может, настоящий, может, загримированный, родившийся где-нибудь в Сандаски, штат Огайо), сидевший перед шатром Ангелины, опустил флейту и уставился на меня. Перестали извиваться и девушки-змеи, обнялись, прижались друг к другу. — Где я, Дивоур? Если наши прадеды срали в одну выгребную яму, где я сейчас?

— Я возьму ее, Джеред, — предложил мужчина помоложе, из тех, кто существовал в этой реальности. Он подобострастно глянул на Дивоура, и мне стало нехорошо, потому что я узнал в нем отца Билла Дина. Мужчина, который со временем стал одним из самых уважаемых старожиллов округа Касл, в молодости был шестеркой Дивоура.

Не клейми его позором, прошептала Джо. Никого из них не клейми позором. Они были очень молоды.

— Стой где стоишь! — раздраженно рявкнул Дивоур. Фред Дин аж отпрянул. — Он отдаст ее сам. А если нет, мы возьмем ее.

Я посмотрел на мужчину, стоявшего крайним слева, третьего, что виделся мне реальным. Это был я? Нет, никакого сходства с собой я не находил. Что-то в его лице показалось знакомым, но...

— Отдай ее, Ирландец, — продолжил Дивоур. — Даю тебе последний шанс.

— Нет.

Дивоур кивнул, словно ожидал услышать именно эти слова.

— Тогда мы ее возьмем. Пора с этим кончать. Пошли, ребята.

Они двинулись на меня, и тут я понял, кого напоминает мне мужчина, замыкающий левый фланг, в стоптанных сапогах, штанах из парусины. Кенни Остера,

собака которого обожала пирожные. Кенни Остера, маленького брата которого его отец утопил под струей колонки.

Я обернулся. «Ред-топы» все играли, Сара все пела, трясая задом и воздевая руки к небу, толпа перед эстрадой все перекрывала центральный проход. Путь туда мне заказан, это я понимал. Если я подамся назад, то мне придется воспитывать маленькую девочку в начале двадцатого столетия, зарабатывая на жизнь писанием дешевых ужасиков и романчиков. С одной стороны, ничего страшного в этом нет... но нельзя забывать про молодую женщину, отделенную от нас милями и годами, которой будет нехватать дочери. Может, ей будет нехватать нас обоих.

Я повернулся к арке и увидел, что лесорубы совсем рядом. Кто-то из них казался более реальным, чем другие, более живым, но все они были мертвяками. Все до единого. Я посмотрел на того, среди потомков которого был Кенни Остер, и спросил:

— Что вы сделали? Ради Бога, скажи, что вы натворили?

Он протянул ко мне руки:

— Отдай ее, Ирландец. Ничего другого тебе делать и не нужно. Ты и та молодая женщина наплодите других детей. Сколько захотите. Она молода, она будет рожать, как крольчиха.

Я впал в транс, и если бы не Кира, они бы забрали ее у меня.

— Тьто происходит? — закричала она, не отрывая лица от моей рубашки. — Тем-то воняет! Тем-то узясно воняет! Майк, это надо пьекйатить!

И тут я тоже ощутил запах. Тухлого мяса и болотного газа. Гниющих внутренностей. Дивоур казался более живым, чем его шестерки, он излучал тот же магнетизм, что и его правнук, но он был мертвяком, как и остальные. С того маленького расстояния, что теперь разделяло нас,

я различал маленьких червячков, что выедали его ноздри и глаза.

Внизу нет ничего, кроме смерти, подумал я. *Не это ли говорила мне моя жена?*

Они тянулись к нам своими грязными руками, чтобы сначала коснуться Киры, а потом забрать ее у меня. Я отступил на шаг, посмотрел направо, увидел других призраков, вылезающих из окон, выползающих из печных труб. Прижимая Киру к груди, метнулся к «Дому призраков».

— Хватайте его! — проревел Джеред Дивоур. — Хватайте его, ребята! Хватайте этого говнюка! Черт бы его побрал!

Я взлетел по ступенькам, чувствуя, как что-то мягкое слезит по моей щеке: маленькая набивная собачка Киры, которую она по-прежнему сжимала в ручонке. Я хотел оглянуться, посмотреть, близко ли они, но не решился. Если я споткнусь...

— Эй! — каркнула женщина в окошечке кассы. Копна завитых волос, косметика, наложенная садовой лопатой, слава Богу, она мне никого не напонила. — Эй, мистер, вам надо купить билет!

Нет времени, мадам, нет времени.

— Остановите его! — кричал Дивоур. — Он — паршивый вор! Это не его девочка! Остановите его!

Но никто меня не остановил, и с Ки на руках я нырнул в темноту «Дома призраков».

Из дверей я попал в такой узкий коридорчик, что протискиваться пришлось боком. Из темноты на нас смотрели фосфоресцирующие глаза. Впереди что-то гремело, сзади догонял грохот сапог по ступенькам. Кассирша преградила им путь, предупреждая, что им придется пенять на себя, если они что-то поломают.

— И не думайте, что это просто слова! — кричала она. — Это развлечение для детей, а не для таких громил, как вы!

Впереди вращалось что-то большое и громоздкое. Что именно, поначалу я понять не мог.

— Опусти меня на пол, Майк! — попросила Кира. — Я хотю идти сама!

Я поставил ее на пол и нервно оглянулся. Они столпились у коридорчика, перекрывая доступ уличному свету.

— Кретины! — вопил Дивоур. — Не все сразу! По одному! Господи! — Послышался крепкий удар, кто-то вскрикнул. Я повернулся к Кире. Она уже вошла во вращающуюся бочку, покачивая руками, чтобы сохранить равновесие. И как это ни покажется странным, смеялась.

Я последовал за ней, но через несколько шагов упал.

— Иди сюда! — крикнула Кира с другой стороны бочки. Она захихикала, когда я, только поднявшись, снова упал. Из одного кармана вывалилась бандана, из другого — пакетик с леденцами. Я оглянулся, чтобы посмотреть, далеко ли лесорубы. Бочка воспользовалась этим, чтобы вновь перевернуть меня. Теперь я знал, каково приходится белью в стиральной машине.

Я добрался до края бочки, вылез, встал, взял Киру за руку, и мы двинулись в глубины «Дома призраков». Мы прошли шагов десять, и тут рядом кто-то хищно зашипел, словно гигантская кошка. Кира вскрикнула, я попытался поднять ее на руки. Ноги обдало жаром, шипение повторилось. Только на этот раз Кира не вскрикнула, а засмеялась.

— Пошли, Ки! — шепнул я. — Скорее.

Мы пошли, оставив позади паровой вентиль. Миновали зеркальный коридор. Зеркала превращали нас то в карликов, то в высоченных гигантов с вытянутыми физиономиями. Мне вновь пришлось торопить Киру: она хотела строить себе рожицы. Позади я слышал, как лесорубы пытаются преодолеть бочку. Я слышал ругательства Дивоура, только теперь... уверенности в них поубавилось. По пандусу мы съехали на большую бре-

зентовую подушку. Едва мы коснулись ее, она издала неприличный звук, будто кто-то испортил воздух, и Кира зашлась смехом. Смеялась она так, что по щекам потекли слезы, она каталась по подушке, дрыгала ногами. Мне пришлось схватить ее под мышки и оторвать от подушки.

Еще один узкий коридор, в котором пахло сосной. За одной из стен два «призрака» звенели цепями, размеренно так, словно рабочие на конвейере, делающие привычное дело и беседующие о том, куда поведут вечером своих подружек. Сзади уже не доносились настигающие нас шаги. Кира уверенно вела меня вперед, держа за руку. Когда мы подошли к двери, разрисованной языками пламени и с табличкой

Дорога в Ад

Кира без малейшей задержки распахнула ее. В этом коридоре потолок заменяло красное стекло, окрашивая его в розовый цвет, пожалуй, слишком приятный для ада.

Шли мы по нему довольно-таки долго, и тут я понял, что уже не слышу ни музыки Сары и «Ред-топов», ни звяканья колокола на столбе «Испытай себя», ни скрипывания карусели. Впрочем, удивляться не приходилось: мы отмахали не меньше полумили. Разве на деревенской ярмарке могли построить такой длинный «Дом призраков»?

Наконец коридор вывел нас к трем дверям. Одна — по правую руку, вторая — по левую, третьей коридор заканчивался. На правой был нарисован трехколесный красный велосипед, на левой — моя зеленая «Ай-би-эм». Рисунок на центральной заметно выцвел от времени — значит, появился гораздо раньше двух остальных. А нарисовали на ней детский снежокат. *Да это же снежокат Скутера Ларриби*, подумал я. *Тот самый, что украл Дивуор.* У меня по коже побежали мурашки.

— А вот и наши игрушки! — весело воскликнула Кира. И подняла Стрикленда, чтобы он мог увидеть красный трехколесный велосипед.

— Да, похоже на то, — согласился я.

— Спасибо, что вынес меня оттуда, — улыбнулась Кира. — Эти люди узясно меня напугали, а вот домик с пьизйаками мне поньявился. Спокойной ноти. И Сти-кен зелаает тебе спокойной ноти.

Не успел я произнести хоть слово, как она толкнула дверь с нарисованным на ней трехколесным велосипедом и переступила порог. Дверь тут же захлопнулась за Кирой, а я в этот момент увидел ленту с ее шляпки. Она торчала из нагрудного кармана. Какое-то мгновение я смотрел на ленту, потом попытался повернуть ручку двери. Ручка не поворачивалась, а когда я стукнул ладонью по двери, то почувствовал, что сделана она не из дерева, а из крепчайшего металла. Я отступил на шаг, склонил голову, прислушиваясь. Ни звука не доносилось со стороны коридора, откуда мы пришли.

Я нахожусь меж двух времен, подумал я. Вот, значит, что имеется в виду, когда говорят «ускользнуть через щелочку». На самом деле ускользают в межвременной зазор. *Тебе тоже пора, услышал я Джо. Если не хочешь остаться в зазоре навсегда, пошевеливайся.*

Я взялся за ручку двери, на которой была нарисована пишущая машинка. Она легко повернулась. За дверью меня ждал новый коридор, с деревянными стенками и запахом сосны. Я не хотел туда идти, этот коридор напоминал длинный гроб, но другого пути у меня не было. Я шагнул вперед, и дверь захлопнулась за моей спиной.

Господи, думал я. Я в темноте, в замкнутом пространстве... самое время испытать паническую атаку, которыми славится Майкл Нунэн.

Но грудь не сжало железными обручами, хотя сердце билось часто-часто, а кровь бурлила от избытка адреналина. Я по-прежнему контролировал свое тело.

Опять же темнота не была крошечной. Видел я не много, но света хватало, чтобы я различал и стены, и дощатый пол. Я обмотал синюю ленту вокруг запястья, свободный конец зажал между пальцами. И двинулся по коридору.

Шел я долго, коридор то и дело поворачивал. Я ощущал себя микробом, пробирающимся по кишке. Наконец я добрался до двух дверей, чуть утопленных в арках, и остановился перед ними, гадая, какую же мне выбрать, и тут услышал за левой колокольчик Бантера. Я прошел через нее. С каждым шагом колокольчик звенел все громче. В какой-то момент к нему присоединились раскаты грома. Осенняя прохлада ушла, вновь стало жарко и душно. Я глянул вниз и увидел, что сапоги и комбинезон исчезли. Их заменили теплое нижнее белье и колючие носки.

Еще дважды я оказывался на распутье и всякий раз выбирал дверь, за которой слышался колокольчик Бантера. Когда я стоял перед второй парой дверей, из темноты до меня донесся голос: «Нет, жена президента не пострадала. На ее чулках его кровь».

Я двинулся дальше и остановился, осознав, что носки больше не колются, а ноги не потеют в кальсонах. На мне остались трусы, в которых я обычно спал. Оглядевшись, я увидел, что нахожусь в собственной гостиной и осторожно лавирую среди мебели, чтобы не удариться обо что-нибудь босыми ногами. За окном уже слегка просветлело. Я добрался до длинного стола, который разделял гостиную и кухню, взглянул на кота Феликса. Пять минут девятого.

Я подошел к раковине и пустил воду. Потянувшись за стаканом, я увидел, что моя рука по-прежнему обмотана лентой со шляпы Ки. Я развернул ее и положил между кофеваркой и кухонным телевизором. Набрав в стакан воды, я напился и осторожно двинулся по коридору, ведущему в северное крыло. Его подсвечивал

ночник, горящий в ванной. Я завернул туда, облегчился, а потом прошел в спальню. И увидел, что простыни смяты, но совсем не так, как в ночь оргии с Сарой, Мэтти и Джо. Оно и понятно. Я же поднялся с кровати и, превратившись в лунатика, отправился на прогулку. И приснилась мне ярмарка во Фрайбурге. Живой такой сон, яркий.

Только лента от шляпки Ки ясно указывала, что на ярмарке я побывал не во сне. Никак эта лента не укладывалась в понятие сна, исчезающего, когда резко, когда постепенно, после пробуждения. Я поднял руки к лицу, глубоко вдохнул через нос. Руки пахли сосной. А на мизинце, при тщательном рассмотрении, я обнаружил крошечную капельку смолы.

Я сел на кровать, подумал, не надиктовать ли рассказ о случившемся со мной на «Мемоскрайбер», но вместо этого откинулся на подушки. Слишком я устал. Вдалеке погромыхивал гром. Я закрыл глаза и уже начал засыпать, когда тишину дома пререзал вопль. Резкий, отчаянный. Я тут же сел, схватившись за грудь.

Кричала Джо. При нашей совместной жизни таких ее криков слышать мне не доводилось, но я точно знал, что это она.

— Не трогай ее! — крикнул я в темноту. — Кто бы ты ни был, не трогай ее!

Она закричала вновь, словно кто-то, вооружившись ножом, дубинкой, раскаленной кочергой, наслаждался тем, что не обязан повиноваться мне. Но этот крик донесся с несколько большего расстояния, чем первый. За вторым криком последовал третий, все удаляющийся от меня: Громкость криков снижалась, как в случаях с плачем маленького мальчика.

Четвертый приплыл ко мне из далекого далека, и «Сара» затихла. Но дом, в котором я находился, продолжал жить и дышать, пусть и бесшумно. Он чувствовал жару, слышал раскаты грома.

Глава 22

В конце концов мне удалось войти в транс, но ничего путного из этого не получилось. Я всегда держу под рукой блокнот, записываю в нем имена и фамилии персонажей, пояснения к страницам, хронологию событий. Так вот, в блокноте я чего-то и черкал, а вот лист, вставленный в каретку «Ай-би-эм», оставался девственно чист. Мне не досаждало бешеное сердцебиение, на глаза ничто не давило, не возникало проблем с дыханием... короче, паника не вцепилась в меня своими когтями, но и книга не шла. Энди Дрейк, Джон Шеклефорд, Рэй Гэррети, красавица Реджина Уайтинг... все они стояли, повернувшись спиной ко мне, не желая ни разговаривать, ни двигаться. Уже отпечатанные страницы лежали на привычном месте слева от пишущей машинки, прижатые куском кварца, который я подобрал на дороге, а новые прибавляться к ним не желали. Не желали, и все.

Я осознавал иронию ситуации, может, даже мораль. Долгие годы я уходил от проблем реального мира, сбегал в Нарнии*, созданные моим воображением. Теперь же реальный мир надвинулся на меня, меня окружили таинственные существа, некоторые из них далеко не безобидные, и шкаф закрылся передо мной.

Кира, написал я, а потом окружил слово вензельком. Получилась некое подобие розы. Ниже я нарисовал кусок хлеба, сверху украсил его беретом. Так Нунэн представлял себе гренок по-французски. Буквы *Л.Б.* я взял в скобки. Нарисовал футболку, на ней — утку. Не очень-то

* Сказочные повести о Нарнии, стране, попасть в которую можно через волшебный шкаф, написаны английским писателем Клайвом Стейплзом Льюисом и переведены на многие языки, в том числе и на русский.

похожую на настоящую, но все-таки утку. Ниже написал: **КРЯ, КРЯ**. Еще ниже: *Должна улететь. Bon voyage**.

В другой части той же страницы я написал *Дин, Остер и Дивоур*. Перечислил тех, кто показался мне наиболее реальными, тех, кто представлял собой наибольшую опасность. Потому что у них были потомки? Но ведь в сторону они отступали независимо от их желания, а потомки наверняка были у всех семерых. В то время детей рожали чуть ли не каждый год. Только в каком времени я побывал? Я спрашивал Дивоура, но он мне не ответил.

В жаркое душное утро происшедшее со мной никак не воспринималось как сон. Тогда как это называть? Видение? Путешествие во времени? А если и путешествие, то ради чего, с какой целью меня в него отправили? Что мне хотели сообщить, кто хотел? Я хорошо помнил фразу, которую произнес перед тем, как очнуться от кошмара, по ходу которого я побывал в студии Джо и принес-оттуда мою пишущую машинку: *я не верю, все это ложь*. Вот и теперь я не верил. Наверное, не имея на руках хоть каких-то фактов, проще отметить все чохом.

У верхнего края страницы я написал: **ОПАСНОСТЬ**. Большими буквами, а потом обвел слово жирной линией. От линии провел стрелку к Кире. От нее другую стрелку — к *Должна улететь. Bon voyage*. Добавил **МЭТТИ**.

Под хлебом в берете нарисовал маленький телефонный аппарат. Над ним — воздушный шарик и слово на нем: П-П-ПОЗВОНИ! И едва поставил восклицательный знак, как зазвонил беспроводный телефон. Лежал он на ограждении террасы. Я обвел **МЭТТИ** кружком и взял трубку. Нажал на кнопку On/Off.

— Майк? — Голос звенел от радости и облегчения.

— Да. Как дела?

— Великолепно! — ответила она, и я обвел кружком

Л.Б. — Линди Бриггс позвонила десять минут назад...

* Счастливого пути (фр.).

Я только что закончила говорить с ней. Майк, она снова берет меня на работу! Это прекрасно, правда?

Безусловно. А главное, только так и можно удержать ее в Тэ-Эр. Я вычеркнул *Должна улететь. Won voyage*, зная, что теперь Мэтти никуда не поедет. И как мне просить ее об этом. Я подумал: если бы я знал чуть больше.

— Майк? Ты...

— Полностью с тобой согласен. — Мэтти возникла перед моим мысленным взором: стоит на кухне, крутит пальцами телефонный шнур, длинноногая, в джинсовых шортах и белой футболке с желтой уткой на груди. — Надеюсь, в голосе Линди слышался стыд. — Я обвел нарисованную мной футболку.

— Да. И говорила она достаточно откровенно, чтобы... ну, обезоружить меня. Сказала, что эта Уитмор позвонила ей в начале прошлой недели. И поставила вопрос ребром. Если Линди увольняет меня, библиотека продолжает получать деньги, компьютеры, программное обеспечение. Если нет, рог изобилия будет перекрыт. Линди сказала, что ей пришлось выбирать между благом города и несправедливостью... сказала, что решение это было одно из самых трудных, какие ей довелось принимать...

— Понятно. — Моя рука двигалась сама по себе, словно планшетка над гадальной доской, выводя слова: ПОЖАЛУЙСТА, ДАЙ Я ПОГОВОРИЮ. — Возможно, в этом есть доля правды, но, Мэтти... сколько, по-твоему, зарабатывает Линди?

— Я не знаю.

— Готов спорить, что больше, чем любые три библиотекаря в других маленьких городах штата Мэн, вместе взятые.

До меня долетел голосок Ки: «Могу я поговорить с ним, Мэтти? Могу я поговорить с Майком? Пожалуйста, дай я поговорю».

— Через минуту, цыпленок. — И Мэтти продолжила, обращаясь уже ко мне: — Возможно. Но главное для меня

в том, что я вновь получила работу. Ради этого я готова не поминать прошлое.

Я нарисовал книгу. Затем несколько переплетенных колец между ней и футболкой с уткой.

— Ки хочет поговорить с тобой. — Мэтти засмеялась. — Она утверждает, что сегодня ночью вы вдвоем побывали на Фрайбургской ярмарке.

— Однако! Ты хочешь сказать, что у меня было свидание с очаровательной девушкой, а я его проспал?

— Похоже, что так. Так я передаю трубку?

— Конечно.

— Хорошо, держи, болтушка.

Что-то затрещало: трубка переходила из рук в руки, и слышался голос Ки.

— На яймайке я поймала тебя за ноги, Майк! Я поймала своего куйтейбека!

— Неужели? Потрясающий был сон, правда, Ки?

На другом конце провода надолго воцарилась тишина. Мне оставалось только гадать, как воспринимает Мэтти молчание телефонной болтушки. Наконец Ки решилась:

— Ты тозе там был. Мы видели как зенсины извивались под флейту... столб с колоколом на вейсине... мы засли в дом пьизйаков... ты упал в ботьке! Это был не сон... нет?

Я мог бы убедить Ки в обратном, но решил, что идея эта не из лучших, в определенном смысле, опасная идея.

— На тебе были красивые платье и шляпка, — ответил я.

— Да! — В голосе слышалось огромное облегчение. — А ты был...

— Кира, перестань. И послушай меня.

Она тут же замолчала.

— Я думаю, хорошо бы тебе как можно меньше рассказывать об этом сне. Твоей маме или кому-то еще. Кроме меня.

— Кьоме тебя.

— Да. То же относится и к людям из холодильника. Хорошо?

— Хойосё. Майк, там была леди в платье Мэтти.

— Я знаю. — Я и так понимал, что рядом с Кирой никого нет, раз она обсуждает со мной ночное происшествие, но все-таки спросил: — Где сейчас Мэтти?

— Поливает цветы. У нас много цветов, целый миллион. А мне надо вытейеть со стола. Это моя обязанность. Я не возязаю. Мне дазе ньявится. Мы ели гьенок по-фьанцузски. Всегда едим по воскресеньям. Осень вкусно, особенно с клубнитьным сийопом.

— Я знаю. — Я нарисовал стрелку к куску хлеба в берете. — Гренок по-французски — вкуснятина. Ки, ты сказала маме о женщине в ее платье?

— Нет. Я подумала, тьто она испугается. — Ки понизила голос: — Она идет!

В трубке вновь зашуршало и послышался голос Мэтти:

— Этот разговор освежил в твоей памяти воспоминание о свидании с моей дочерью?

— Если и освежил, то ее память, — ответил я.

Мысленная связь между мной и Мэтти, безусловно, существовала, но к ярмарке это не имело ни малейшего отношения, в этом я не сомневался.

Она засмеялась. Мне нравилось, как звучит ее смех в это утро... и мне не хотелось ее огорчать... но я не хотел и другого, не хотел, чтобы она принимала белую линию, разделяющую на дороге полосы встречного движения, за островок безопасности.

— Мэтти, тебе нельзя забывать об осторожности, понимаешь? Да, Линди Бриггс взяла тебя на работу, но это не означает, что теперь в городе живут только твои друзья.

— Я понимаю, — ответила она. Опять я подумал, а не предложить ли ей на какое-то время увезти Киру в Дерри. Они могли бы до конца лета пожить в моем доме;

пока здесь все не придет в норму. Да только она не поехала бы. Она согласилась на мое предложение нанять высокооплачиваемого нью-йоркского адвоката только потому, что ее загнали в угол. А тут у нее был выбор. Или она думала, что он у нее есть, и как я мог повлиять на нее? Фактов у меня не было, только предчувствие. Я видел лишь нависшую над ней темную тень.

— Я хочу, чтобы ты особенно остерегалась двоих мужчин. Один из них — Билл Дин. Второй — Кенни Остер. У него...

— ...большая собака с платком на шее. Он...

— Это Тейника! — донесся издалека голос Ки. — Это Тейника!

— Иди поиграй во дворе, цыпленок.

— Я вытирую стол.

— Вытрешь позже. А сейчас иди во двор. — Последовала пауза: Мэтти провожала взглядом девочку. Стрикленда она забрала с собой. И хотя Ки вышла из трейлера, Мэтти заговорила приглушенным голосом, словно боялась, что ее подслушают: — Ты пытаешься напугать меня?

— Нет. — Я вновь и вновь обводил слово ОПАСНОСТЬ. — Но я хочу, чтобы ты не забывала об осторожности. Билл и Кенни, возможно, входили в команду Дивоура, как Футмен и Осгуд. Не спрашивай, с чего я так решил, ответа у меня нет. Это только интуиция, но с тех пор, как я вернулся в Тэ-Эр, она здорово обострилась.

— Что ты хочешь этим сказать?

— На тебе белая футболка с желтой уткой?

— Как ты узнал? Ки сказала?

— Она взяла с собой маленькую собачку из «Счастливого домика»?

Долгое молчание. Наконец едва слышное:

— Боже мой. — А затем снова: — Как...

— Я не знаю как. Я не знаю, по-прежнему ли... над тобой нависает угроза, но чувствую, что она есть. И над

Ки тоже. — Больше я ничего сказать не мог, боялся, что у нее поедет крыша.

— Но он мертв! — закричала она. — Старик мертв! Почему он не может оставить нас в покое?

— Может, и оставил. Может, и нет. Но вреда от того, что ты не будешь забывать об осторожности, никакого, так?

— Нет, — ответила она. — Обычно так оно и есть.

— Обычно?

— Почему бы тебе не приехать ко мне, Майк? Может, мы ходим вместе на ярмарку?

— Может, осенью и ходим. Втроем.

— Я бы хотела.

— А пока я все думаю о ключе.

— Думать — это половина твоей проблемы, Майк. — Мэтти вновь рассмеялась. Уже грустно. И я понял, что она имела в виду. Только она не понимала, что вторая половина — интуиция, предчувствие, как ни назови. Это качели, и в конце концов, думал я, именно они убалтывают большинство из нас до смерти.

Я занес «Ай-би-эм» в дом и положил на нее рукопись. Я отписался, во всяком случае, на какое-то время. Из шкафа больше ничего не видно. Пока не разрешатся реальные проблемы, об Энди Дрейке и Джоне Шеклефорде лучше забыть. Надев брюки и рубашку, кажется, впервые за много недель, я вдруг подумал, что некая сила пыталась отвлечь меня от происходящего той самой историей, часть которой я уже напечатал. Вернув мне способность писать. Логичное предположение. Работа всегда была для меня наркотиком, уводила от действительности куда лучше спиртного или «меллерила»*, который лежал в аптечке в ванной. А может, работа выполняла лишь функции передаточной системы, служила шприцем, со-

* Препарат из группы нейролептиков, большие дозы вызывают состояние, аналогичное опьянению.

держимое которого и составляли то ли сны, то ли видения. Может, настоящим наркотиком являлся транс. Состояние транса. Особое состояние, в которое обязательно надо войти. Я умел впадать в транс, вот и выходил на связь с потусторонними силами.

С длинного стола, разделявшего кухню и гостиную, я схватил ключи от «шевроле» и взглянул на холодильник. Магниты вновь образовали окружность. А в ней — послание, которое я уже видел, только теперь написанное по всем правилам грамматики, спасибо дополнительным буквам:

help her*

— Я делаю все, что могу, — буркнул я и вышел из дома.

В трех милях к северу по Шестидесят восьмому шоссе, в той его части, что называется Касл-Рок-роуд, есть большая теплица с примыкающим к ней магазинчиком. Назывался он «Саженьцы и рассада». Джо проводила в нем немало времени, покупая какие-то мелочи для сада или просто болтая с двумя женщинами, которые там хозяйничали. Одной из них была Элен Остер, жена Кенни.

Я подъехал к магазинчику в десять часов. Несмотря на воскресный день, он, естественно, работал (во время туристического сезона для магазинов Мэна это обычное дело). Я припарковался рядом с «бимером» с нью-йоркскими номерами, дослушал прогноз погоды (на ближайшие два дня обещали такую же жару) и вылез из машины. Тут же из магазина вышла женщина в лифчике от купальника, шортах и широкополой желтой пляжной шляпе. В руках она держала пакет с торфяным мхом. Она улыбнулась мне. Я ответил очень сдержанной улыбкой,

* Помогите ей (англ.).

показывающей, что она меня не заинтересовала. Да и с чего? Она же из Нью-Йорка, а значит, не марсианка.

В магазине царили жара и влажность, несравнимые с уличными. Лайла Проулкс, совладелица магазина, разговаривала по телефону. Маленький вентилятор у кассового аппарата гнал воздух прямо на нее. Увидев меня, она помахала рукой. Помахал рукой и я, с таким ощущением, что проделывает это кто-то еще. Работая или нет, я все равно находился в состоянии транса. Сомнений тут быть не могло.

Я прошелся по магазину, брал в руки то одно, то другое и искоса поглядывал на Лайлу, дожидаясь, пока она положит трубку и я смогу поговорить с ней... не расслабляясь ни на секунду. Наконец трубка легла на рычаг, и я подошел к прилавку.

— Майкл Нунэн собственной персоной! До чего же приятно вас видеть! — Она начала пробивать чеки на мои покупки. — Я очень сожалею о случившемся с Джоанной. Должна первым делом сказать об этом. Мы очень любим Джо.

— Спасибо, Лайла.

— Не за что. Больше об этом можно и не говорить, но выразить свое отношение надо сразу. Я всегда так считала и буду считать. Именно сразу. Решили покопаться в саду?

— Когда станет чуть прохладнее.

— Да. Ужасная жара. — Тут она указала на одну из моих покупок. — Хотите положить в специальный пакет? Мой лозунг — предусмотрительность никогда не повредит.

Я кивнул, потом взглянул на маленькую доску объявлений, стоявшую у прилавка. Прочитал надпись мелом на черной поверхности:

**СВЕЖАЯ ЧЕРНИКА.
ПРЯМО ИЗ ЛЕСА!**

— Я возьму пинту ягод. Если только собраны они не в пятницу. Без пятничных ягод я вполне могу обойтись.

Лайла энергично покивала, словно очень даже хорошо знала, о чем я толкую.

— Еще вчера они были на кусте. Думаю, вы согласитесь со мной, что ягода свежая.

— Абсолютно. Черника — кличка собаки Кенни, не так ли?

— Странная кличка, это точно. Господи, как мне нравятся большие собаки, если они умеют себя вести. — Лайла повернулась, достала из маленького холодильника пинту черники и уложила пластиковый контейнер с ягодами в отдельный пакет.

— А где Элен? — спросил я. — У нее выходной?

— Нет, конечно. Если она в городе, то ее можно выгнать отсюда только палкой. Она, Кенни и дети поехали в Таксачусетс. Они и семья ее брата снимают на две недели коттедж на побережье. Уехали все. Старина Черника будет гонять чаек, пока не свалится без сил. — Лайла рассмеялась, громко, вроде бы искренне. Напомнив мне этим Сару Тидуэлл. А может, Сару Тидуэлл напомнил мне не смех Лайлы, а она сама. Потому что в глазах ее смеха не было. Маленькие, расчетливые, они изучали меня с холодным любопытством.

А может, хватит, одернул я себя. Чтобы они все были в этом замешаны — такое просто невозможно!

А может, возможно? Есть такое понятие, как городское сознание. Тот, кто в этом сомневается, никогда не бывал на городских собраниях в Новой Англии. А если есть сознание, почему не быть подсознанию? И если мы с Кирой можем наладить телепатическую связь, почему ее не могут наладить другие, пусть даже и не подозревая об этом? Мы дышим одним воздухом и ходим по одной земле. Озеро и все, что лежит под ее поверхностью, — наше общее. Так же, как и Улица, по которой бок о бок прогуливаются прилежные щенки и шkodливые псы.

Я уже укладывал свои покупки в большой пакет с ручками, когда Лайла сообщила мне последнюю городскую новость:

— Бедный Ройс Меррилл. Вы слышали?

— Нет.

— Вчера вечером упал с лестницы в подвал. Я, конечно, и представить себе не могу, каким ветром человека его возраста занесло на подвальную лестницу, но, полагаю, чтобы понять причину, надо дожить до его лет.

«Он умер?» — хотел я спросить, но вовремя остановился. Подобный вопрос в Тэ-Эр задавался иначе.

— Он скончался?

— Еще нет. Машина «скорой помощи» из Моттона доставила его в Центральную окружную больницу. В коматозном состоянии. Они полагают, что он так и не придет в себя, бедняга. С ним умрет целая эпоха.

— Полагаю, это так, — согласился я. — А дети у него есть?

— Нет. Мерриллы жили в Тэ-Эр двести лет. Один из них погиб на Семетери-Ридж*. Но старые семьи вымирают. Приятного вам отдыха, Майк. — Лайла улыбнулась, но глаза остались холодными и расчетливыми.

Я сел в «шеви», поставив пакет с покупками на пассажирское сиденье, и сидел какое-то время, не трогая автомобиль с места. Прохладный воздух кондиционера холодил шею. Кенни Остер в Таксачусетсе. Это хорошо. Шаг в правильном направлении.

Но оставался еще мой сторож.

— Билла нет. — Яветт стояла в двери, стараясь полностью заслонить собой дверной проем (а сделать это ой как сложно при росте пять футов три дюйма и весе в сотню фунтов), оценивая меня взглядом вышибалы, не про-

* Речь идет об одном из многочисленных сражений колонистов с индейцами.

пускающего в ночной клуб пьяницу, которому он уже успел съездить по уху.

Я стоял на крыльце уютного, ухоженного домика, построенного на вершине Пибоди-Хилл, откуда открывался прекрасный вид на Нью-Хемпшир и Вермонт. Слева от дома выстроились ангары, в которых Билл хранил необходимые ему оборудование и инструменты. Все выкрашенные в серый цвет, каждый с табличкой

ДИН КЭТЕЙКИНГ

Разнились таблички только номерами: 1, 2 и 3. Перед ангаром с номером 2 застыл новенький «додж-рэм» Билла. Я посмотрел на джип, потом на Яветт. Она еще сильнее поджала губы. Еще чуть-чуть, подумал я, и они просто исчезнут.

— Он поехал в Норт-Конвэй вместе с Батчем Уиггинсом. На пикапе Батча. За...

— Не надо лгать ради меня, дорогая. — За спиной Яветт возник Билл.

До полудня оставался еще час, день, как говорится, только начинался, но я никогда не слышал в голосе человека такой безмерной усталости. А когда он пересек холл и вышел из тени на яркий свет, солнце как раз разогнало туман, я увидел, что Билл все же выглядит на свои годы. Каждый год отметился на его лице, а некоторые, похоже, дважды. Одет он был в привычные рубашку и брюки цвета хаки, он из тех, кто будет носить эту униформу до самой смерти, но плечи у него поникли, словно он неделю таскал тяжелые бревна. Лицо осунулось, щеки запали, отчего глаза сразу стали очень большими, а челюсть выступила вперед. Передо мной стоял глубокий старик. И семейное дело передать ему было некому. Все старые семьи вымирали, как только что сказала Лайла Проулкс. Может, оно и к лучшему.

— Билл... — начала Яветт, но он поднял руку, останавливая ее. Мозолистые пальцы тряслись.

— Побудь на кухне. Нам надо поговорить. Много времени это не займет.

Яветт посмотрела на него, потом на меня, и губы исчезли. Рот превратился в черную линию, прочерченную карандашом. В глазах читалась ненависть.

— Не утомляйте его, — обратилась она ко мне. — Он всю ночь не спал. Из-за жары. — И она ретировалась в прохладу холла. Вы не заметили, что в домах стариков прохладно в любую жару?

Билл сунул руки в карманы, рукопожатие в его планы явно не входило.

— Мне нечего тебе сказать. Наши пути разошлись.

— Почему, Билл? Почему наши пути должны разойтись?

Он смотрел на запад, туда, где холмы терялись в жарком мареве, и молчал.

— Я лишь стараюсь помочь этой молодой женщине.

Он коротко глянул на меня, но в его взгляде я прочитал многое.

— Да-да. Помогашь себе забраться ей в трусы. Я видел мужчин из Нью-Йорка и Нью-Джерси, которые приезжали сюда с молоденькими подружками. На уик-энд. Летом — поплавать в озере, зимой — покататься на лыжах. Мужчины, которые приезжают с такими девушками, всегда выглядят одинаково. На их лицах все читается без слов. Теперь вот и ты выглядишь как они.

Я испытывал злость и раздражение, но подавил желание дать ему резкую отповедь. А он на это очень рассчитывал.

— Что здесь произошло? — спросил я. — Что сделали ваши отцы, деды и прадеды Саре Тидуэлл и ее семье? Выгнали отсюда?

— Не было нужды. — Билл оглядывал холмы. На глаза навернулись слезы, но лицо было непроницаемо. — Они

уехали сами. Снялись с места и уехали. Мой отец говорил, что нет ниггера, у которого не чесались бы пятки.

— Кто поставил капкан, в который попался ребенок Сынка Тидуэлла? Твой отец, Билл? Фред?

Глаза дернулись, лицо — нет.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Я слышу, как он плачет в моем доме. Ты можешь представить себе, каково слышать в собственном доме плач мертвого ребенка? Какой-то мерзавец поймал его в капкан, словно ласку, а теперь он плачет в моем гребаном доме!

— Тебе понадобится новый сторож. Я больше не могу присматривать за твоим домом. И не хочу. А хочу я, чтобы ты сошел с моего крыльца.

— Что происходит? Ради Бога, помоги мне.

— Если не сойдешь сам, я помогу тебе добрым пинком.

Еще несколько мгновений я смотрел на него, на мокрые от слез глаза и застывшее лицо, наглядные свидетельства раздвоения его личности.

— Я потерял жену, старый ты козел. Женщину, которую ты, по твоим же словам, любил и уважал.

Вот тут лицо дернулось. Он посмотрел на меня. В глазах читались изумление и боль.

— Она умерла не здесь. И это никак не связано с... Она могла не приезжать в Тэ-Эр... у нее могли быть свои причины не приезжать в Тэ-Эр... но ее просто хватил удар. Это могло случиться где угодно. Когда угодно.

— Я в это не верю. Думаю, и ты тоже. Что последовало за ней в Дерри, может, потому, что она была беременна...

Глаза Билла широко раскрылись. Я дал ему шанс что-нибудь сказать, но он им не воспользовался.

— ...или потому, что она слишком много знала?

— Она умерла от удара. — Голос Билла дрожал. — Я сам читал некролог. Она умерла от чертова удара.

— Что она узнала? Скажи мне, Билл, пожалуйста.

Последовала долгая пауза. Но еще до того, как она закончилась, я понял, что пробить броню Билла мне не удалось.

— Я скажу тебе только одно, Майк, — отступись. Ради спасения своей бессмертной души отступись, и пусть все идет своим чередом. Все и пойдет, отступишься ты или нет. Эта река всегда впадает в море, независимо от того, нравится это кому-то или нет. Отступись, Майк. Из любви к Господу нашему.

Тебе дорога твоя душа, Нунэн? Божья бабочка в коко-не плоти, которая вскоре начнет гнить так же, как и моя?

Билл повернулся и направился к двери, стуча каблуками по крашеным доскам крыльца.

— Держись подальше от Мэтти и Ки, — предупредил я его. — Если ты появишься рядом с трейлером...

Он повернулся ко мне, в солнечных лучах заблестели дорожки слез на щеках. Билл достал бандану из заднего кармана брюк, вытер лицо.

— Я не собираюсь выходить из этого дома. И очень сожалею, что вернулся из Виргинии, но вернулся главным образом из-за тебя, Майк. Эти двое на Уэсп-Хилл могут меня не бояться. Нет, я им ничего плохого не сделаю.

Он вошел в дом и закрыл за собой дверь. Я застыл на месте, не в силах поверить тому, что у нас с ним состоялся такой вот разговор. С Биллом Дином, который совсем недавно упрекал меня, что я не разделил свою печаль, вызванную смертью Джо, с местными жителями. С Биллом, который так тепло встретил меня.

А потом я услышал щелчок. Должно быть, за всю свою жизнь он ни разу не запирает дверь на замок, когда находился дома, а вот тут запер. В тишине жаркого июльского дня звук этот разнесся далеко. И подвел черту под моей долгой дружбой с Биллом Дином. Я повернулся и понурившись пошел к автомобилю. Я не стал оборачиваться, когда услышал, как за моей спиной раскрылось окно.

— Не смей больше приезжать сюда, городской негодяй! — прокричала Яветт Дин. — Ты разбил ему сердце! Не смей больше приезжать! Не смей! Никогда!

— Пожалуйста, — в голосе миссис М. слышалась мольба, — не задавайте мне больше вопросов, Майк. Я должна быть у Билла Дина на хорошем счету. Точно так же, как моя мать не могла идти супротив Нормала Остера или Фреда Дина.

Я переложил трубку к другому уху.

— Я хочу лишь узнать...

— В этой части света сторожа правят всем. Если они говорят приезжему, что тот должен нанять того плотника или этого электрика, приезжий так и поступает. А если сторож говорит, что кого-то надо уволить, потому что человек это ненадежный, его увольняют. Или ее. А для приходящей горничной слово сторожа ценно вдвойне в сравнении с плотником, сантехником или электриком. Если ты хочешь, чтобы тебя рекомендовали и продолжали рекомендовать, такие люди, как Фред и Билл Дины или Нормал и Кенни Остеры, не должны иметь к тебе никаких претензий. Понимаете? Когда Билл узнал, что я рассказала вам о Нормале Остере, он чуть не набросился на меня с кулаками, так рассердился.

— Брата Кенни Остера... которого Нормал утопил под струей воды из колонки... его звали Керри?

— Да. Многие называют своих детей схожими именами, считают, что это оригинально. Я ходила в школу с братом и сестрой, которых звали Роланд и Роланда Тьеро. Думаю, Роланд сейчас в Манчестере, а Роланда вышла замуж за парня из...

— Бренда, ответьте мне только на один вопрос. Я никому об этом не скажу. Пожалуйста.

Затаив дыхание, я ждал, что в сейчас в трубке послышится отбой. Но нет, раздался голос миссис М.:

— Какой?

— Кто такая Карла Дин?

Вновь долгая пауза. Я вертел в руке ленту со шляпки Ки, которую та носила в начале столетия.

— Вы никому ничего не скажете?

— Клянусь.

— Сестра-близнец Билла. Она умерла шестьдесят пять лет назад, во время пожаров.

Билл утверждал, что пожары эти — дело рук деда Ки, его прощальный подарок Тэ-Эр.

— Я не знаю, как это случилось. Билл об этом никогда не говорит. Если он узнает, что я рассказала об этом вам, в Тэ-Эр я уже не застелю ни одной кровати. Он за этим проследит. — А потом, полным отчаяния голосом, добавила: — Он все равно может узнать.

Учитывая мой личный опыт и кое-какие умозаключения, я мог утверждать, что в этом она недалеко от истины. Но даже если бы он и узнал, миссис М. могла не беспокоиться за свое будущее, потому что отныне и до конца дней она получала бы от меня ежемесячный чек. Я не собирался говорить ей об этом по телефону — негоже оскорблять самолюбие янки. Просто поблагодарил, заверил в том, что буду нем как рыба, и положил трубку.

Я посидел за столом, не сводя глаз с Бантера, а потом спросил:

— Кто здесь?

Ответа не последовало.

— Да ладно, нечего скромничать. Пройдемся к девятнадцати или к девяносто двум. А если не хочешь, давай просто поговорим.

Вновь никакого ответа. Колокольчик на шее лося даже не дрогнул. Я подтянул к себе блокнот с записями, которые сделал, когда разговаривал по телефону с братом Джо. Имена Киа, Кира, Кито и Карла я взял в рамочку. Теперь я зачеркнул нижнюю поперечину рамочки и добавил к списку Керри.

Многие называют своих детей схожими именами, сказала миссис М. Считают, что это оригинально.

Ничего оригинального я в этом не видел. Меня от этой схожести бросало в дрожь.

Тут мне пришла в голову мысль о том, что по крайней мере двое из перечисленных детей утонули: Керри Остер под струей колонки, Киа Нунэн, пусть и размером не больше семечка подсолнуха, в умирающем теле матери. И я видел призрак третьего ребенка, утонувшего в озере. Кито? Его звали Кито? Или другого мальчика, который угодил в капкан и умер от заражения крови?

Они называют своих детей схожими именами, они считают, что это оригинально.

Сколько детей со схожими именами было изначально? Сколько из них осталось в живых? Я думал, ответ на первый вопрос особого значения не имеет. Потому что уже знал ответ на второй. Эта река всегда впадала в море, сказал Билл Дин.

Карла, Керри, Кито, Киа... все умерли. Осталась только Кира Дивоур.

Я вскочил так резко, что свалил стул. Об пол он ударился с таким грохотом, что я вскрикнул. Я уже понял, что надо уезжать, и немедленно. Больше никаких звонков. И хватит мне изображать Энди Дрейка, частного детектива. Какой из меня защитник несчастной красавицы? Мне следовало довериться инстинкту самосохранения и убраться отсюда в первый же вечер. Что ж, ошибку еще не поздно исправить. Сейчас сяду в «шеви» и умчусь в Дер...

Яростно зазвенел колокольчик Бантера. Я повернулся: невидимая рука мотала его из стороны в сторону. Сдвижная дверь на террасу заездила вправо-влево, с грохотом ударяясь об ограничительные штыри. Книга кроссвордов и сборник телевизионных программ раскрылись, зашелестели страницы. Что-то застучало по полу, словно

кто-то, разумеется, невидимый, полз ко мне, молотя кулаками по доскам.

Порыв ветра, не холодного, теплого, таким иной раз обдает тебя на платформе подземки, если стоишь недалеко от тоннеля, налетел на меня. В нем я услышал странный голос, который вроде бы говорил мне *бай-бай*, словно желал счастливого пути. А когда до меня дошло, что голос говорит совсем другое: *Ки-Ки, Ки-Ки, Ки-Ки*, что-то ударило меня в спину и подтолкнуло вперед. Огромным таким, мягким кулаком. Я врезался в стол, ухватился за него, чтобы устоять на ногах, перевернул поднос с солонкой, перечницей, зажимом для салфеток и вазочкой, в которую миссис М. поставила маргаритки. Вазочка скатилась со стола и разбилась. Включился телевизор на кухне, какой-то политик рассуждал с экрана о надвигающейся на нас инфляции. Заиграл музыкальный центр, заглушив политика: «Роллинг стоунз» пели песню Сары Тидуэлл «Мне недостает тебя, крошка». Наверху заревел детектор дыма. Потом второй, третий. Мгновением позже к ним присоединился вой противоуогонной сигнализации «шеви». Гремело, трещало, звенело все, что могло греметь, трещать, звенеть.

Что-то теплое и мягкое схватило меня за запястье. Я наблюдал, как моя рука плюхнулась на блокнот, раскрыла его на чистой странице, тут же пальцы ухватились за лежащий неподалеку карандаш. И я начал писать, сначала медленно, потом все быстрее, с такой силой нажимая на карандаш, что грифель едва не рвал толстую бумагу:

*помочи ей не чезжай помочи ей
не чезжай помочи ей помочи
нет той милый пожалеуйста не
чезжай помочи ей помочи ей
помочи ей*

Я исписал практически всю страницу, когда в гостиной воцарился холод, словно из июля она перенеслась в январь. Пот на коже превратился в ледяную корочку, из носа закапало, воздух паром выходил изо рта. Непроизвольное движение пальцев, и карандаш переломился надвое. За моей спиной последний раз яростно звякнул колокольчик Бантера и затих. Откуда-то сзади донеслись два хлопка, словно одновременно открыли две бутылки шампанского. И все закончилось. Призраки, уж не знаю, сколько их было, покинули мою гостиную. Я остался в гордом одиночестве.

Я выключил музыкальный центр в тот самый момент, когда Мик и Кейт затащили «Воющего волка», побежал наверх, отключил детекторы дыма. Высунулся из окна спальни для гостей на втором этаже, нацелил на «шеви» брелок-пульт, который висел на кольце с ключами, нажал кнопку. Сирена противоугонной сигнализации смолкла.

Остался только каркающий политик в телевизоре. Я спустился на кухню, разделался с политиком и застыл, так и не убрав руку с кнопки выключения телевизора. Смотрел я на кота-часы. Хвост наконец-то перестал качаться из стороны в сторону, а большие пластмассовые глаза лежали на полу. Выскочили из орбит.

Ужинать я поехал в «Деревенское кафе». Прежде чем сесть за стойку, я взял с полки воскресный номер «Телеграммы» (заголовок гласил: КОМПЬЮТЕРНЫЙ МАГНАТ ДИВОУР УМИРАЕТ ТАМ, ГДЕ РОДИЛСЯ И ВЫРОС). На фотографии Дивоур выглядел тридцатилетним. Он улыбался. У большинства людей улыбка естественная. По лицу Дивоура чувствовалось, что учиться улыбаться ему пришлось долго и упорно.

Я заказал фасоль, оставшуюся от субботнего фасолевого ужина Бадди Джеллисона. Мой отец не сыпал афоризмами, этим у нас заведовала мама, но он всегда гово-

рил, по воскресеньям разогревая в духовке субботнюю тушеную фасоль, что фасоль и жаркое вкуснее на второй день. Я это запомнил. Как и еще одну премудрость, усвоенную от отца: всегда мыть руки, сходяв в туалет на автобусной станции.

Я читал статью о Дивоуре, когда подошла Одри и сказала, что Ройс Меррилл скончался, не приходя в сознание. Отпевание, добавила она, состоится во вторник в Большой баптистской церкви. Прощаться с ним придет много народу, едва ли не все захотят проводить в последний путь самого старого человека округа, последнего владельца золотой трости «Бостон пост». Она спросила, приду ли я в церковь. Я ответил, что скорее всего нет. Но не стал добавлять, что в это же время буду праздновать победу с Мэтти Дивоур и ее адвокатом.

Пока я ел, накатил и схлынул последний за день поток посетителей кафе. Они заказывали бургеры и фасоль, куриные сэндвичи и пиво. Кто-то жил в Тэ-Эр, кто-то приехал на лето. Я ни на кого не смотрел, со мной никто не заговаривал. Поэтому я понятия не имею, кто оставил салфетку на моей газете. Однако когда я просмотрел первый разворот и хотел взять второй, со спортивным разделом, салфетка лежала на газете. Я поднял ее, чтобы отложить в сторону, и увидел надпись на обратной стороне. Большими, черными буквами.

УБИРАЙСЯ ИЗ ТЭ-ЭР!

Я так и не узнал, кто оставил эту салфетку на моей газете. Наверное, это мог сделать кто угодно.

Глава 23

Марево вернулось и постепенно трансформировалось в сумерки. Ярко-красный шар солнца, погружаясь в затянувшую западный горизонт дымку, окрасило его пур-

пуром. Я сидел на террасе, наблюдал за закатом и пытался решить кроссворд. Получалось не очень. Когда зазвонил телефон, я прошел в гостиную, бросил сборник кроссвордов на рукопись (до чего же мне надоело смотреть на название романа) и взял трубку.

— Слушаю?

— Что у вас там творится? — пожелал знать Джон Сторроу. Даже не стал тратить время на то, чтобы поздороваться. Впрочем, злости в его голосе не чувствовалось, только разморенность. Видать, жара совсем доконала его. — Я пропустил самое интересное!

— Я напросился на ленч во вторник, — ответил я. — Надеюсь, вы не возражаете.

— Отнюдь, чем больше народу, тем веселее. — Голос звучал искренне. — Что за лето, а? Что за лето! Никаких катаклизмов не произошло? Землетрясений? Извержений вулканов? Массовых убийств?

— Массовых убийств не наблюдается, но старик умер.

— Черт, да весь мир знает, что Макс Дивоур отбросил коньки! — воскликнул Сторроу. — Вы меня удивляете, Майк! Сообщить мне такую сногшибательную новость!

— Я про другого старика. Ройса Меррилла.

— Это вы о... постойте. Старикан с золотой тростью, который выглядел как экспонат из «Парка Юрского периода»?

— Он самый.

— Понятно. А в остальном...

— А в остальном все под контролем, — ответил я, вспомнил о выскочивших из орбит глазах Феликса и чуть не рассмеялся. Остановила меня лишь уверенность в том, что Джон Сторроу звонит мне не ради веселых баек, а чтобы узнать, какие у нас отношения с Мэтти. И что я мог ему сказать? «Пока ничего не происходит»? Разве что один поцелуй, пусть и крепкий. Разве это указывало на радужные перспективы?

Я этого не знал. Но Джон спрашивать не стал, в первую очередь его волновало другое.

— Послушайте, Майк, я позвонил потому, что мне есть что вам рассказать. Думаю, вас это удивит и позабавит.

— Удивляться и забавляться — что может быть лучше? Выкладывайте, Джон.

— Мне позвонила Роджетт Уитмор... вы ведь не давали ей номера моих родителей, так? Сейчас я в Нью-Йорке, но она звонила в Филадельфию.

— У меня нет телефона ваших родителей. На автоответчике вы его не надиктовали.

— Да, конечно. — Никаких извинений, о подобных пустяках он не думал. Я же забеспокоился, не понимая, что все это значит. — Я дал его Мэтти. Как вы думаете, Уитмор могла позвонить Мэтти, чтобы узнать этот номер? Мэтти дала бы его ей?

— Я не уверен, что Мэтти пописала бы на Роджетт, если б увидела, что та горит синим пламенем.

— Как вульгарно, Майкл! — Стопроу рассмеялся. — Может, Уитмор добыла его так же, как Дивоур раздобыл ваш номер?

— Возможно, — ответил я. — Я не знаю, что произойдет через месяц-другой, но сейчас она наверняка имеет доступ к персональному компьютеру Макса Дивоура. И если кто-нибудь знает, какие там надо нажимать кнопки, так это она. Она звонила из Палм-Спрингса?

— Да. Сказала, что только что обсудила с адвокатами Дивоура его завешание. По ее словам, дедуля оставил Мэтти Дивоур восемьдесят миллионов долларов.

Я промолчал. Его сообщение меня не позабавило, но уж точно удивило.

— Вы потрясены, а? — радостно спросил Джон.

— Вы хотите сказать, что он завещал их Кире, — наконец сумел выговорить я. — Чтобы она могла распоряжаться ими по достижении совершеннолетия.

— Нет, как раз этого он и не сделал. Я трижды спросил об этом Уитмор и только после ее третьего ответа стал что-то понимать. В его безумии просматривалась определенная система. Видите ли, там есть одно условие. Если бы деньги были завещаны малолетнему ребенку, а не матери, это условие не имело бы никакой силы. Забавно, конечно, если учесть, что Мэтти не так уж и давно сама стала совершеннолетней.

— Забавно; — согласился я, подумав о том, как ее платье скользило под моей рукой по гладкой коже. А еще я подумал о Билле Дине, который сказал, что мужчины, приезжающие с девушками ее возраста, выглядят одинаково и по их лицам все ясно без слов.

— И что же это за условие?

— Мэтти должна оставаться в Тэ-Эр ровно год с момента кончины Дивоура, то есть до семнадцатого июля 1999 года. Она может уезжать на день, но каждый день в девять вечера должна укладываться в свою постель на территории Тэ-Эр-90, или денег ей не видать. Слышали вы когда-нибудь такую чушь? Если не считать какого-то старого фильма с Джорджем Сандерсом.

— Нет, — ответил я и вспомнил наш с Кирой визит на Фрайбургскую ярмарку. Даже в смерти он ищет опеки над ребенком, подумал я тогда. Так оно и выходило. Он хотел, чтобы они оставались здесь. Даже в смерти он хотел, чтобы они оставались в Тэ-Эр-90.

— Его нельзя обойти? — спросил я.

— Разумеется, его нельзя обойти. Этот гребаный псих с тем же успехом мог написать, что она получит восемьдесят миллионов, если целый год будет пользоваться исключительно синими тампонами. Но она получит эти восемьдесят миллионов. Я за этим прослежу. Я уже переговорил с тремя из наших специалистов по недвижимости и... послушайте, а может, мне привезти одного из них во вторник? Все равно, если Мэтти согласится, во-

просами недвижимости будет заниматься Уилл Стивенсон.

Он уже взлетел на седьмое небо, хотя, я мог в этом поклясться, не выпил ни капли. Его пьянили открывающиеся возможности. По его разумению, мы находились на той стадии, которая в сказке соответствует счастливому концу. Золушке уже пришлось впору хрустальная туфелька.

— ...конечно, Уилл староват, ему лет триста, а то и больше, так что на вечеринке он не будет душой общества, но...

— Не лучше ли оставить его дома? — предложил я. — Время поработать с завещанием Дивоура у вас еще будет. Что же касается ближайшего будущего, то у Мэтти не возникнет никаких проблем с выполнением этого идиотского условия. Ее же опять взяли на работу, помните?

— Да, белый буйвол умер, и все стадо разбежалось. — Джон хохотнул. — И как это все будет выглядеть? Свежеиспеченная мультимиллионерша выдает книги и рассылает извещения с напоминанием о необходимости своевременной уплаты месячных взносов. Хорошо, во вторник будем только веселиться!

— Отлично.

— Будем веселиться до упаду.

— До упаду — это для молодых. А уж нам, которые постарше, позвольте остаться на ногах.

— Как скажете. Я уже позвонил Ромео Биссонетту, и он обещал привезти Джорджа Кеннеди, частного детектива, который разузнал столько интересного о Дарджине. Биссонетт говорит, что после одного-двух стаканчиков Джордж становится таким весельчаком... Я уже подумал, что привезу стейки от «Питера Люгера». Я вам об этом говорил?

— Вроде бы нет.

— Лучшие стейки в мире! Майкл, вы понимаете, что получила эта молодая женщина? Восемьдесят миллионов долларов!

— Теперь она сможет поменять «скауты».

— Что?

— Ничего. Вы прилетаете завтра вечером или во вторник утром?

— Во вторник, в десять утра, аэропорт округа Касл. «Нью-Ингленд эйрлайнс». Майк, с вами все в порядке? Голос у вас какой-то странный.

— Все в порядке. Я там, где мне и положено быть. Во всяком случае, я так думаю.

— Положено кем?

Я вышел на террасу. Вдали погромыхивал гром. Жара держалась, не чувствовалось и дуновения ветерка. От заката остался розовый отсвет. Небо у западного горизонта напоминало белок налитого кровью глаза.

— Не знаю, но у меня такое ощущение, что в самое ближайшее время все прояснится. Я встречу вас в аэропорту.

— Хорошо. — И тут он прошептал с трепетом и восторгом: — Восемьдесят миллионов гребаных американских долларов.

— Большая куча капусты, — согласился я и пожелал ему спокойной ночи.

Наутро я пил черный кофе и ел гренок на кухне, слушая телевизионного синоптика. Судя по всему, от прогнозов, снимков из космоса и перемещений атмосферных фронтов крыша у него немного поехала, потому что вид у него был совершенно безумный.

— Нам предстоит пережить еще тридцать часов этого ужаса, а вот потом нас ждут большие перемены, — говорил он, указывая на большую серую тучу, зависшую над Средним Западом. Маленькие молнии (спасибо компьютерной графике) так и выпрыгивали из нее. За тучей из космоса просматривалась вся Америка, до самой Мексики, и тамошние температуры не добирали до наших

градусов пятнадцать. — Как вы видите, сегодня нас ждут все те же девяносто пять градусов*. Ночью и завтра утром едва ли станет прохладнее. Но во второй половине завтрашнего дня гроззовые фронты доберутся до западного Мэна, и я думаю, вас всех интересует, что за этим последует. В среду станет значительно прохладнее и над нами вновь засияет чистое небо, но этому будут предшествовать грозы, сильные ливни, а местами и град. Торнадо — большая редкость в Мэне, но завтра некоторым городам в западном и центральном Мэне предстоит познакомиться с ними поближе. Тебе слово, Эрл.

— Однако! — воскликнул Эрл, ведущий утреннего блока новостей, свеженький такой, розовый, как поросяночек. — Ну и прогнозец ты выдал, Винс. Торнадо в Мэне!

— «Однако», — передразнил я ведущего. — Еще раз скажи «однако», Эрл. И повторяй, пока мне не надоест.

— Священная корова, — сказал Эрл, наверное, чтобы позлить меня, и тут зазвонил телефон. Я направился в гостиную, чтобы взять трубку, по пути искоса глянув на изувеченные часы. Ночь прошла спокойно, ни рыданий, ни криков, ни путешествий во времени, но часы меня тревожили. Безглазые, мертвые, они, казалось, предвещали беду.

— Слушаю?

— Мистер Нунэн?

Голос я знал, но поначалу не мог понять, кому он принадлежит. И все потому, что его обладательница назвала меня «мистер Нунэн». Для Брендзы Мизерв последние чуть ли не пятнадцать лет я был Майком.

— Миссис М.? Бренда? Что...

— Я больше не смогу работать у вас, — выпалила она. — Я очень сожалею, что не предупредила заранее, я всегда всех предупреждала о своем уходе, даже старого

* По шкале Фаренгейта, что соответствует 36 градусам по Цельсию.

пьяницу мистера Кройдена... но другого выхода у меня нет. Пожалуйста, поймите меня.

— Билл узнал, что я вам звонил? Клянусь Богом, Бренда, я никому не сказал ни...

— Нет. Я с ним не разговаривала, он со мной тоже. Я просто не могу прийти в «Сару-Хохотушку». Сегодня ночью мне приснился сон. Ужасный сон. Мне снилось... что на меня очень уж сердятся. И, если я приду, со мной что-то случится. Выглядеть все будет как несчастный случай, но... только выглядеть.

«Глупости все это, миссис М., — хотел я сказать. — Вы уже вышли из того возраста, когда верят страшным историям о призраках и длинноногих чудищах, которые травят у костра».

Да только не мог я такого сказать. Потому что происходящее в моем доме никак не походило на походную байку. Я это знал, а она знала, что я знаю.

— Бренда, если из-за меня у вас возникли какие-то сложности, приношу искренние извинения.

— Уезжайте, мистер Нунэн... Майк. Уезжайте в Дерри и побудьте там какое-то время. Для вас это наилучший выход.

Я услышал, как буквы заскользили по передней панели холодильника, и обернулся. На этот раз я увидел, как формировалась окружность из овощей и фруктов. Она оставалась незамкнутой, пока в середину не проскользнули четыре буквы, а потом маленький пластиковый лимон заполнил разрыв. Я прочитал:

yats

и тут же буквы переместились, образовав:

stay*

* Stay — оставайся (англ.), yats — зеркальное отображение stay.

А потом и окружность, и слово развалились.

— Майк, пожалуйста. — Миссис М. плакала. — Завтра похороны Ройса. Там будут все самые уважаемые жители Тэ-Эр... все старожилы.

Разумеется, будут. Старые мешки с костями, которые многое знали, но все держали при себе. Да только кого-то из них моя жена сумела разговорить. В том числе и Ройса. А теперь он мертв. Как и Джо.

— Будет лучше, если вы уедете. Вы могли бы захватить с собой и эту молодую женщину. Ее и маленькую девочку.

Но мог ли я захватить их с собой? Я в этом сильно сомневался, полагая, что нам троим придется оставаться в Тэ-Эр, пока все не закончится... и я уже начал понимать, когда это произойдет. Надвигалась гроза. Летняя гроза. Может, торнадо.

— Бренда, спасибо, что позвонили. Но я вас не отпускаю. Будем считать, что вы в отпуске, хорошо?

— Ладно... как вам будет угодно. Вы хоть подумаете над тем, что я вам сказала?

— Обязательно. И я никому не скажу о нашем разговоре, так?

— Так! — воскликнула она, а потом добавила: — Но они узнают. Билл и Яветт... Дикки Брукс из автомастерской... старик Энтони Уэйленд, Бадди Джеллисон, все остальные... они узнают. До свидания, мистер Нунэн. Мне так жаль вас и вашу жену. Вашу бедную жену. Так жаль. — И в трубке раздались гудки отбоя.

Я долго сжимал в руке телефонную трубку. А потом, словно лунатик, медленно положил ее на стол, пересек гостиную и снял со стены безглазые часы. Я бросил их в мусорную корзину и направился к озеру, чтобы поплавать. Мне вспомнился рассказ У.Ф.Харви «Августовская жара», который завершался фразой: «От такой жары человек может сойти с ума».

* * *

Плаваю я неплохо (разумеется, не под градом камней), но к плоту я поначалу поплыл, как новичок: боялся, что кто-то схватит меня за ногу и потащит ко дну. Может, утонувший мальчик. Однако за ноги меня никто не хватал, я сразу успокоился и, еще не доплыв до плота, начал наслаждаться прохладой воды, скользящей по моему телу. Поднявшись по лесенке и распластавшись на досках плота, я чувствовал себя куда лучше, чем после стычки с Дивоуром и Роджетт Уитмор. Я все еще пребывал в трансе и к тому же испытывал невероятный прилив энергии. Поэтому я не придавал особого значения отказу миссис М. работать у меня. Она вернется, когда все закончится, думал я. Обязательно вернется. А пока... может, и хорошо, что она будет держаться подальше от коттеджа.

На меня очень уж сердятся. И, если я приду, со мной что-то случится.

Действительно. Она могла порезаться. Упасть с лестницы, ведущей в подвал. Могла даже заработать инсульт, перебегая залитую солнцем автомобильную стоянку.

Я сел и посмотрел на стоящую на высоком берегу «Сару», на террасу, нависающую над склоном, шпалы-ступеньки, сбегające к Улице. Я сидел на плоту лишь несколько минут, но уже всем телом ощущал липкий жар летнего дня. Поверхность воды превратилась в зеркало. Я видел на ней отражение коттеджа, и в этом отражении окна «Сары» напоминали наблюдающие за мной глаза.

Я прикинул, что фокус этого феномена находится akurat на Улице, протянувшейся между настоящей «Сарой» и ее отражением. *Здесь всё и произошло*, сказал Дивоур. А другие старожилы? Большинство из них, как и я, наверняка знали: Ройса Меррилла убили. И вполне возможно — почему нет? — то, что убило его, окажется среди них, когда они соберутся в церкви на похоронную службу, или потом, когда они будут стоять у его могилы. Оно может подпитаться оставшимися у них жизненной

силой, чувством вины, воспоминаниями, принадлежностью к Тэ-Эр, чтобы довести дело до конца.

И меня очень радовало, что завтра в трейлере будут и Джон, и Ромео Биссонетт, и Джордж Кеннеди, который становился душой общества, пропустив стаканчик или два. Радовало, что в тот день, когда старожилы Тэ-Эр соберутся вместе, чтобы предать тело Ройса Меррилла земле, рядом с Мэтти и Ки буду не только я. Меня уже не волновала история Сары и «Ред-топов». Не заботило, какие призраки живут в моем доме. Я хотел лишь пережить завтрашний день. И очень надеялся, что его переживут и Мэтти, и Ки. Я знал, что мы поедем до того, как пойдет дождь и разразится обещанная гроза. И если мы сможем отбиться от стариков, думал я, то наши жизни и наше будущее станут такими же безоблачными, как и небо после прохождения грозового фронта.

— Я прав? — спросил я. Не ожидая ответа, просто у меня вошло в привычку рассуждать вслух, но где-то в лесу, к востоку от дома, ухнула сова. Один раз, как бы подтверждая: переживете завтра, и все уладится. Уханье о чем-то мне напомнило, вызвало какие-то ассоциации. Я попытался поднапрячь память, но она выдала мне лишь название прекрасного старого романа, который я когда-то читал: «Я слышал, сова позвала меня по имени».

Я прыгнул с плота в воду, прижав колени к груди и обхватив их руками, словно ребенок, изображающий орудийное ядро, и оставался под водой до тех пор, пока воздух в легких не превратился в раскаленную жидкость, а потом вынырнул на поверхность. Проплыл тридцать ярдов, пока дыхание не восстановилось, нашел взглядом Зеленую Даму и взял курс на берег.

Я вылез из воды, начал подниматься по шпалам-ступенькам, остановился, вернулся на Улицу. Какое-то время собирался с духом, а потом зашагал к той березе, что грациозно нависла над водой. Обхватил белый ствол, как и в пятницу вечером, посмотрел в воду, не сомневаясь,

что увижу утонувшего ребенка, мертвые глаза, уставившиеся на меня с раздувшегося коричневого лица, почувствую во рту и горле привкус озерной воды: *помогите, я тоню, отпустите меня, о Боже, отпустите меня*. Но ничего не увидел, ничего не почувствовал. Ни тебе мертвого мальчика, ни трости «Бостон пост», увитой лентами, ни привкуса озерной воды во рту.

Я повернулся, посмотрел на серый валун, торчащий из земли. Подумал: *здесь, именно здесь*, но мысль эта лишь промелькнула и исчезла. Гнилостный запах, уверенность в том, что именно здесь произошло что-то ужасное, не появились.

А когда я поднялся наверх и прошел на кухню за банкой пепси, меня встретила пустая передняя панель холодильника. Магниты исчезли все — и буквы, и овощи, и фрукты. Я их так и не нашел. Наверное, смог бы найти, если б уделил этому время, но в тот понедельник лишнего времени у меня не было.

Я оделся и позвонил Мэтти. Мы поговорили о грядущем ленче, о том, как волнуется Ки, о том, как нервничает Мэтти: в пятницу ей предстояло возвращаться на работу, а она опасалась, что местные жители будут с ней очень суровы (еще больше она боялась их холодности). Мы поговорили и о деньгах, и я быстро понял, что она до сих пор не верит в реальность наследства.

— Лэнс, бывало, говорил, что его отец из тех, кто покажет кусок мяса умирающей от голода собаке, а затем съест его сам. Но раз у меня снова есть работа, нам с Ки голод не грозит.

— Но если ты действительно получишь такие большие деньги...

— Да перестань. — Она рассмеялась. — Даже думать об этом не хочу. Я же не сумасшедшая, верно?

— Нет, конечно. Между прочим, а как там люди из холодильника? Что-нибудь пишут?

— Все это более чем странно. Они исчезли.

— Люди из холодильника?

— Про них я ничего сказать не могу, а вот букв-магнитов, которые ты подарил Ки, нет. Когда я спросила об этом Ки, она заплакала и сказала, что их утащил Алламагусалам. А потом глубокой ночью, когда все люди спят, съел их.

— Алла — кто?

— Алламагусалам. — Мэтти хихикнула. — Еще один маленький подарок от бабушки. У микмаков это слово означало демон или чудовище... я нашла его в словаре. Зимой и весной Кире часто снились страшные сны с этим самым алламагусаламом.

— Милый, однако, у нее был дедушка.

— Просто душка. Из-за пропажи букв Ки очень расстроилась. Я едва успокоила ее перед тем, как отвезти в библейскую школу. Между прочим, Ки интересуется, придешь ли ты в пятницу на выпускной вечер. Она и ее приятель Билли Турджен будут рассказывать историю о детстве Моисея.

— Не пропущу ни за какие коврижки, — ответил я... Но пропустил. Мы все пропустили.

— Как по-твоему, куда могли подеваться магнитные буквы?

— Понятия не имею.

— Твои на месте?

— Конечно, только в слова они не складываются. — Я смотрел на чистую переднюю панель холодильника. На лбу у меня выступил пот. Я чувствовал, как капельки ползут к бровям. — Ты... даже не знаю, как и сказать... что-то чувствовала?

— Ты спрашиваешь, слышала ли я, как похититель алфавита вылезал через окно?

— Ты знаешь, про что я.

— Скорее да, чем нет. — Пауза. — Мне показалось, что ночью я слышала какие-то звуки. Около трех часов.

Я даже встала и вышла в коридор. Никого, естественно, не увидела. Но... ты, наверное, заметил, какая стоит жара?

— Да.

— А вот прошлой ночью она куда-то подевалась из моего трейлера. Там было холодно, как на Северном полюсе. Клянусь, я видела идущий у меня изо рта пар.

Я ей поверил. Потому что уже наблюдал то же самое.

— Буквы еще оставались на холодильнике?

— Не знаю. Я не дошла до конца коридора, так что кухни не видела. Бросила короткий взгляд в гостиную и вернулась в постель. Можно сказать, побежала в постель. Иной раз кажется, что постель — самое безопасное место. — Мэтти нервно рассмеялась. — Детское поверье. Стоит укрыться с головой, и никакие чудища тебе не страшны. Только поначалу... когда я легла... даже не знаю... я подумала, что в постели уже кто-то лежал. Словно он прятался под кроватью, а когда я вышла в коридор, юркнул в постель. Неприятное было ощущение.

Дай ее сюда. Это мой пылесос, подумал я и содрогнулся.

— Что? — резко спросила Мэтти. — Что ты сказал?

— Я спросил, о ком ты подумала. Кто первым пришел тебе в голову?

— Дивоур, — без запинки ответила Мэтти. — Он. Но в кровати никого не было. — Пауза. — Жаль, что там не было тебя.

— Мне тоже.

— Спасибо и на этом. Майк, а что ты об этом думаешь? У меня до сих пор по коже бегут мурашки.

— Я думаю, может... — наверное, в тот момент я хотел рассказать ей, что произошло с буквами, прилепленными к передней панели моего холодильника. Но если бы я начал говорить, то где бы остановился? И многому ли она могла поверить? — ...может, их взяла Ки. Во сне подошла к холодильнику, сняла буквы и спрятала их где-нибудь под трейлером? Такое могло быть?

— Знаешь, по мне, лучше, чтобы их взяли призраки с ледяным дыханием, чем гуляющая во сне Ки, — ответила Мэтти.

— Сегодня ночью уложи ее в свою постель, — предложил я и тут же уловил ее мысленный ответ: *Я бы предпочла уложить в мою постель тебя.*

— Ты заедешь к нам сегодня? — спросила она после короткой паузы.

— Пожалуй, что нет. — Пока мы разговаривали, она ела йогурт маленькой ложечкой. — Но завтра мы обязательно увидимся. На торжественном ленче. Или обеде.

— Я надеюсь, мы успеем поесть до грозы. Обещают сильные ливни.

— Я уверен, что успеем.

— А ты все думаешь? Спрашиваю потому, что ты мне приснился, когда я снова уснула. Мне снилось, как ты целовал.

— Я все еще думаю, — ответил я. — Долго и упорно.

На самом деле я не помню, думал ли я о чем-то в тот день. Зато помню другое: меня все сильнее утягивало в состояние транса, которое я так плохо объяснил. Ближе к сумеркам, несмотря на жару, я отправился на долгую прогулку. Дошел до пересечения Сорок второй дороги с шоссе. На обратном пути остановился у луга Тидуэлл, наблюдая, как с неба уходит красный отлив, слушая гром, рокочущий где-то над Нью-Хемпширом. Вновь ощутил, как тонка пленка реальности, не только здесь, но и везде, как она растянута, словно кожа над плотью и кровью, чего при жизни мы не осознаем. Я смотрел на деревья и видел руки. Я смотрел на кусты и видел лица. *Призраки*, говорила Мэтти. *Призраки с холодным дыханием.*

И время — тоже тонкая пленка. Мы с Кирой действительно побывали на Фрайбургской ярмарке, если не в нашей реальности, то в одном из параллельных миров, мы действительно перенеслись в 1900 год. И, стоя у луга

Тидуэлл, я чувствовал, что «Ред-топы» совсем рядом, в своих аккуратных белых домиках. Я буквально слышал переборы их гитар, шепот голосов, смех. Я буквально видел свет ламп в домиках, до моего носа долетал запах жарящегося мяса. «Скажи, милый, ты помнишь меня? — пела Сара Тидуэлл в одной из своих песен. — Я сладенькая, но уже не твоя».

Что-то зашебуршилось по мою левую руку. Я повернулся, ожидая, что сейчас из леса выйдет Сара, в платье Мэтти и ее же белых кроссовках. В сумраке мне могло показаться, что они идут сами по себе...

Наконец я разглядел сурка, направляющегося домой после трудового дня, но мне больше не хотелось стоять у луга и наблюдать, как сумерки переходят в ночь, а на землю ложится туман. Я поспешил к своему дому.

Вернувшись, я, вместо того чтобы войти в коттедж, зашагал по тропе, ведущей к студии Джо. Туда я не заходил с той ночи, когда во сне притащил на второй этаж пишущую машинку. Путь мне освещали зарницы.

Здесь царила жара, но затхлости не чувствовалось. Наоборот, пахло чем-то приятным, наверное, какими-то травами, собранными Джо. В студии тоже стоял кондиционер, и он работал. Я включил его и какое-то время постоял перед потоком холодного воздуха. Такое это удовольствие, когда холодный воздух обдувает разгоряченное тело. О том, что при этом можно простудиться, я даже не думал.

Зато в остальном никакого удовольствия я не испытывал. Тяжелое чувство придавило меня. Даже не грусть, скорее — отчаяние. Наверное, причиной тому стал резкий контраст: так мало осталось от Джо в «Саре-Хохотушке» и так много — здесь. Я представил себе нашу семейную жизнь в образе кукольного домика (а может, семейная жизнь и есть кукольный домик?), в котором закреплена только половина игрушечной обстанов-

ки. Закреплена маленькими магнитами или потайными кабелями. Что-то пришло и приподняло наш кукольный домик за один угол, и я полагал, надо сказать спасибо, что наш домик пинком не отбросили с дороги. Но не отбросили, только приподняли за один угол. Мои вещи остались на местах, а вещи Джо заскользили...

И вот куда их вынесло.

— Джо? — спросил я, усаживаясь на ее стул. Ответа не последовало. Никто не стукнул по стене. Ворона не каркнула, сова не ухнула. Я положил руку на стол, где стояла пишущая машинка, поводит ею по гладкой поверхности, собирая пальцами и ладонью пыль.

— Мне недостает тебя, дорогая, — сказал я и заплакал.

А когда слезы иссякли, в который уже раз, я вытер лицо подолом футболки, словно ребенок, и огляделся. Изображение Сары Тидуэлл стояло на столе, а на стене висела фотография, которой я не помнил. Очень старая, едва различимая. Центральное место на ней занимал высокий, в рост человека, крест, поставленный на небольшой прогалине на склоне над озером. Прогалина эта, должно быть, уже давно заросла деревьями.

Я смотрел на какие-то баночки, ящички, вышивки, вязанье Джо. Зеленый ковер на полу. Стаканчик с карандашами на столе, карандашами, которые она брала, которыми писала. Я взял один, моя рука замерла над чистым листом бумаги... но ничего не произошло. Я чувствовал, что в студии есть жизнь, я чувствовал, что за мной наблюдают... но желания помочь не ощущалось.

— Я кое-что знаю, но этого недостаточно, — проговорил я. — А вот из того, чего я не знаю, главное заключается в следующем: кто написал на холодильнике «помоги ей»? Ты, Джо?

Ответа я не получил.

Я еще посидел, надеясь, но уже зная, что напрасно, потом встал, выключил кондиционер, выключил свет и вернулся в дом. Вышел на террасу, понаблюдая за

всполохами зарниц. В какой-то момент я достал из кармана синюю шелковую ленту, повертел в руке. Неужели она вернулась со мной из 1900 года? Мысль эта казалась безумной и одновременно вполне логичной. Ночь выдалась жаркой и душной, как и все предыдущие. Я представил себе, как старожилы Тэ-Эр, а может, и Моттона, и Харлоу, вытаскивают из шкафов парадную одежду, готовясь к завтрашним похоронам. А в трейлере на Уэсп-Хилл-роуд Ки сидела на полу и смотрела по выдаку «Книгу джунглей»: мудрый Балу учил Маугли законам джунглей. А Мэтти, устроившись на диване, читала новый роман Мэри Хиггинс Кларк и негромко напевала. Обе были в коротких пижамах, Ки — в розовой, Мэтти — в белой.

Какое-то время спустя я перестал их чувствовать. Они исчезли, как с увеличением расстояния исчезает радиосигнал. Я направился в северную спальню, разделся, лег на постель, которую с утра никто не застилал, и тут же заснул.

Проснулся я глубокой ночью, потому что кто-то водил горячим пальцем по моей спине. Повернулся и в свете молнии увидел лежащую рядом женщину. Сару Тидуэлл. Она улыбалась. Зрачков в ее глазах не было. *Сладенький, я почти вернулась*, прошептала она в темноте. Мне почудилось, что она вновь потянулась ко мне, но, когда снова вспыхнула молния, вторая половина кровати опустела.

Глава 24

Откровение не всегда продукт деятельности призраков,двигающих буквы-магниты на передней панели холодильника. И во вторник утром меня осенило. Случилось это, когда я брился и думал о том, как бы не за-

быть купить пива. Откровение, по своему обыкновению, пришло из ниоткуда. Меня словно громом поразило.

Я поспешил в гостиную, чуть ли не бегом, на ходу стирая с лица пену. Быстро глянул на сборник кроссвордов, лежащий на моей рукописи. Туда я заглянул первым делом, стараясь понять, что означают указания «иди к девятнадцати» и «иди к девятиста двум». С одной стороны, вроде бы и логично, а с другой — какое отношение имел этот сборник к Тэ-Эр-90? Я купил его в Дерри, там и начал заполнять. Едва ли призраки Тэ-Эр могли выказать интерес к сборнику кроссвордов из Дерри. А вот телефонный справочник...

Я схватил его со стола. Довольно-таки тонкий, хотя он и охватывал номера всей южной части округа Касл — Моттон, Харлоу, Кашвакамак и Тэ-Эр. Прежде всего я проверил количество страниц, чтобы убедиться в наличии девяносто второй страницы. Она оказалась даже не последней. Номера владельцев телефонов, фамилии которых начинались с двух последних букв алфавита, располагались на странице 97.

Значит, ответ следовало искать в справочнике, и только в нем.

— Я попал в десятку, так? — спросил я Бантера. — Мне нужен именно телефонный справочник?

Колокольчик не шелохнулся, не звякнул.

— Пошел ты... что может понимать лосиная голова в телефонном справочнике?

Начал я с девятнадцати. Раскрыл справочник на девятнадцатой странице, отданной на откуп букве Ф. Девятнадцатым на ней значился Гарольд Фейлз. Мне эта фамилия ничего не говорила. Хватало там Фелтонов и Феннеров, попался один Филкершэм и несколько Финни, я насчитал полдюжины Флагерти и еще больше Фоссов. Последнюю строчку на девятнадцатой странице занимал Фрэммингхэм. И эту фамилию я вроде бы слышал впервые, но...

Фрэммингхэм, Кеннет П.

Секунду-другую я смотрел на эту строчку, и тут до меня начало доходить. И уж конечно, в этом мне несколько не помогли послания на холодильнике.

Ты не видишь того, что, как тебе кажется, видишь, сказал я себе. *Как если бы ты покупал синий «бьюик»...*

— Синие «бьюики» попадаются везде, — поделился я своими наблюдениями с Кеннетом Фрэммингхэмом. — Приходится пинками расталкивать их, чтобы освободить дорогу. Такая вот у нас жизнь. — Но мои руки дрожали, когда я переворачивал страницы, добираясь до девяносто второй.

Там меня встретили фамилии, начинающиеся с буквы Т, но в нижней части страницы уже пошла буква У. Я узнал телефон Элтона Убика и Кэтрин Уделл. Девяносто вторую страницу я не стал и искать, потому что ключом к разгадке служили отнюдь не холодильные шарады. И все-таки именно в справочнике таился ответ. Я закрыл его, какое-то время посидел, держа его в руках (с обложки мне улыбались счастливые мужчина и женщина, набравшие полные корзинки черники), а потом открыл наобум, на этот раз на букве М. Если знаешь, что искать, все становится ясным с первого взгляда.

Все эти К.

Да, конечно, попадались Стивены, Джоны и Марты, значились в справочнике Мизерв М., Мессер В., Джей-хауз Т. Однако снова и снова я видел К. — люди пользовались правом не указывать в справочнике свое имя. На странице пятьдесят я насчитал больше двадцати К. и не меньше дюжины С*. Что же касается имен. Двенадцать Кеннетов на одной пятидесятой странице, выбранной совершенно случайно, включая троих Кеннетов Муров

* Английская буква С (си) в сочетании с разными гласными может читаться или как «к», или как «эс».

и двоих Кеннетов Мантеров. Четыре Катерины и две Кэтрин. А еще Кейзи, Киана, Кифер.

— Господи помилуй, это же лавина, — прошептал я.

Я пролистал справочник, отказываясь верить своим глазам, но одна страница ничем не отличалась от другой. Сплошные Кеннеты, Кэтрин, Кейты. Кимберли, Кима, Кайма. Кэмми, Киа (а мы-то думали, что это оригинальное имя), Кендра, Кейла и Къел, Кайл. Кирби и Кирк. Одну женщину звали Кисси Боуден, одного мужчину — Кито Ренни (Кито, имя с холодильника Ки и Мэтти). И везде инициал К., превосходя числом обычно самые распространенные инициалы С., Т. и Э. Россыпи К., от страницы к странице.

Я повернулся, чтобы посмотреть на часы, не хотелось опаздывать в аэропорт и заставлять ждать Джона Сторроу, но узнать время мне не удалось. Феликс не только лишился глаз, но и остановился. Я громко рассмеялся и испугался своего смеха: в нем слышались безумные нотки.

— Возьми себя в руки, Майк, — приказал я себе. — Вдохни поглубже, сынок.

Я вдохнул. Задержал дыхание. Выдохнул. Взглянул на электронные часы на микроволновой печке. Четверть девятого. Времени больше чем достаточно, чтобы успеть в аэропорт. Я вернулся к справочнику. И тут меня вновь осенило: конечно, откровение было не чета первому, но зато куда более практичное.

Западный Мэн — относительно изолированная территория, глубинка, но приток населения все-таки наблюдался, а в последней четверти прошлого века место это стало очень популярным у пенсионеров, предпочитавших активный образ жизни: рыбалку, охоту, лыжи. Телефонный справочник позволял отделить новичков от старожилов. Барбиксы, Паретты, Куидланы, Донахью, Смолнэки, Дроваки, Блиндермейеры — пришельцы. Джелберты, Мизервы, Пиллсбюри, Спрусы, Террье, Перро, Стенчфилды, Старберды, Дюбэ — все из округа Касл.

Вы понимаете, о чем я, да? Если на странице двенадцать вы видите целую колонку Боуи, не может быть и тени сомнения в том, что это семейство с давних пор жило в западном Мэне. Не только жило, но и успешно пополняло свои ряды.

У Пареттов и Смолнэков встречались и инициалы К., и имена, начинающиеся с «К», но редко. Основной урожай «К» приходился на старожилов, семьи, с давних пор обосновавшиеся в округе Касл.

И внезапно перед моим мысленным взором возник черный надгробный камень, взметнувшийся в небо, выше самого высокого дерева в окрестностях озера, монолит, накрывающий своей тенью весь округ Касл. Картинка была такой ясной и четкой, что от ужаса я закрыл глаза и бросил телефонный справочник на стол. Я подался назад, дрожа всем телом. А глаза я закрывал с тем, чтобы не видеть продолжения: надгробный камень отсекает солнце, и у его подножия, словно букет на могиле, лежит Тэ-Эр-90. Сын Сары Тидуэлл утонул в озере Темный След... или его утопили. Но она сделала все, чтобы он остался в памяти людей. Создала ему мемориал. Мне оставалось лишь гадать, знают ли в городе о том, что открылось мне. И решил, что едва ли. Телефонный справочник обычно открывают, чтобы найти конкретный номер, и не читают, как книгу, строчка за строчкой. Мне оставалось лишь гадать, заметила ли это Джо... обнаружила ли, что каждая из семей-старожилов называла хотя бы одного ребенка в честь погибшего сына Сары Тидуэлл.

Ума у Джо хватало. Я решил, что заметила.

Я вернулся в ванную, вновь размазал по лицу пену, добрился. В гостиной взял телефонную трубку. Набрал три цифры, замер. Повернулся к озеру. Мэтти и Ки уже встали, и обе, в фартуках, возились на кухне, радостные, веселые. У них же сегодня праздник! Они наденут нарядную одежду, будет играть музыка! Ки помогала Мэтти

готовить печенье и пирог. А когда печенье и пирог отправятся в духовку, они возьмутся за салаты. Если бы я позвонил Мэтти и сказал, собери пару чемоданов, вы с Ки проведете недельку в «Диснейленде», Мэтти восприняла бы мои слова как шутку, а потом посоветовала бы поскорее закругляться с домашними делами и ехать в аэропорт, чтобы не опоздать к прилету Джона. А если бы я стал настаивать, напомнила бы мне, что Линди предложила ей работу и предложение это будет аннулировано, если она не появится в библиотеке в пятницу, в два часа пополудни. А если бы я продолжал гнуть свое, то в ответ услышал бы короткое «нет».

Потому что в транс мог входить не только я. Не только я обладал шестым чувством.

Я положил телефонную трубку на подставку и ретировался в северную спальню. Рубашка намочила от пота еще до того, как я застегнул последнюю пуговицу. Утро выдалось таким же жарким, как и предыдущие, может, на пару градусов жарче. В аэропорт я успевал с запасом. В этот день желание повеселиться отсутствовало напрочь, но мне не оставалось ничего другого, как принять участие в торжестве, намеченном к проведению у трейлера Мэтти и Ки. Не оставалось ничего другого.

Джон не назвал мне номера рейса, но я не сомневался, что мы без труда найдем друг друга. Воздушные ворота округа состоят из одной взлетно-посадочной полосы, трех ангаров и здания аэровокзала, по размерам и внешнему виду напоминающего автозаправку. Безопасность обеспечивает Лесси, почтенного возраста колли Брека Пеллерина, которая коротаает дни на линолеуме и подергивает ушами, когда самолет садится или взлетает.

Я заглянул в кабинет Пеллерина, спросил, прибудет ли самолет из Бостона в десять, точно по расписанию, или задержится. Он ответил, что самолет уже на подлете,

и выразил надежду, что человек, которого я встречаю, улетит вскоре после полудня или останется на ночь. Поэтому что, добавил Брек Пеллерин, вечером и ночью ожидается прохождение мощного грозового фронта. Я и так это знал. Моя нервная система уже почувствовала нарастание напряжения, и я имел в виду не только атмосферное электричество.

Из здания аэровокзала я вышел к посадочной полосе, сел на скамейку с рекламой «Супермаркета Кормье» («ЗАЛЕТАЙТЕ В НАШ СУПЕРМАРКЕТ — ЛУЧШЕГО МЯСА ВАМ НЕ НАЙТИ ВО ВСЕМ МЭНЕ»). Солнце серебряной монетой повисло на восточном склоне раскаленного добела неба. Мама всегда жаловалась, что в такую погоду у нее болит голова, но я знал, что скоро погода переменится. И надеялся, что к лучшему.

В десять минут одиннадцатого с юга донесся комариный писк. Четверть часа спустя двухмоторный самолетик вынырнул из жаркого марева, его колеса коснулись посадочной полосы, и он покатил к аэровокзалу. Прилетели четверо, и Джон Сторроу первым спустился по лесенке-трапу. Я улыбнулся, увидев его. Не мог не улыбнуться. Он вышел из самолета в черной футболке с надписью на груди «МЫ — ЧЕМПИОНЫ» и шортах цвета хаки, из-под которых торчали классические городские колени: молочно-белые и костлявые. Он попытался удержать в одной руке сумку-холодильник и брифкейс. Я подхватил сумку, может, за четыре секунды до того, как он бы выронил ее, и сунул под мышку.

— Майк! — воскликнул он, подняв одну руку с раскрытой ладонью.

— Джон! — Я вскинул свою, подыгрывая ему (на ум тут же пришло слово «эвоз» из арсенала знатока кроссвордов), и звонко хлопнул по его ладони. Его симпатичное лицо расплылось в улыбке, и я почувствовал укол совести. Мэтти не настаивала на присутствии Джона, скорее наоборот, и по большому счету для Мэтти он ни-

чего не сделал: Дивоур отдал концы до того, как он вступил в дело. И все-таки я винил себя в том, что втянул его в эту историю.

— Пошли. Еще несколько минут этой чудовишной жары, и я расплавлюсь. Полагаю, автомобиль у вас с кондиционером?

— Безусловно.

— А как насчет магнитолы? Есть она у вас? Если да, то по дороге я прокручу вам одну любопытную запись.

— Где ж нынче найти автомобиль без магнитолы? — Я указал на сумку-холодильник: — Стейки?

— Так точно. Из «Питера Люгера». Лучшие...

— ...в мире. Вы говорили.

Когда мы вошли в здание аэровокзала, кто-то позвал меня:

— Майкл?

Я повернулся и увидел Ромео Биссонетта, адвоката, который наставлял меня во время допроса у Дарджина. В одной руке он держал коробку, завернутую в синюю бумагу и перевязанную белой лентой. А за его спиной с просиженного стула поднимался высокий мужчина с копной седых волос. В коричневом костюме, синей рубашке и при галстук с заколкой в виде клюшки для гольфа. Выглядел он скорее как фермер, приехавший на аукцион. С первого взгляда мне не показалось, что такой человек после двух стаканчиков может стать отменным весельчаком, но я не сомневался, что передо мной частный детектив. Он переступил через сонную колли, пожал мне руку.

— Джордж Кеннеди, мистер Нунэн. Рад познакомиться с вами. Моя жена прочитала все ваши книги.

— Поблагодарите ее от моего имени.

— Обязательно. Одна у меня в машине... в переплете... — Он засмутился, так случается со многими, когда они хотят обратиться с просьбой. — Вас не затруднит написать ей несколько слов?

— С удовольствием. Готов написать прямо сейчас, пока не забыл. — Я пожал руку Ромео. — Рад видеть вас, Ромео.

— Лучше Ромми, — ответил он. — Я тоже. — И протянул мне коробку. — Это наш общий с Джорджем подарок. Мы подумали, что вы его заслужили, придя на помощь попавшим в беду.

Вот теперь я увидел в Кеннеди весельчака, каковым он мог стать после пары стаканчиков. Из тех, кто может вскочить на столик, соорудить из скатерти юбку и станцевать. Я взглянул на Джона, но тот лишь пожал плечами, как бы говоря: не спрашивай, ничего не знаю.

Я развязал бант, подсунул палец под скотч, стягивающий бумагу, вскинул голову. Успел заметить, как Ромми Биссонетт ткнул локтем в бок Кеннеди. Оба они улыбались.

— Надеюсь, из коробки ничто не выпрыгнет и не крикнет «га-га»? — спросил я.

— Ни в коем разе. — Улыбка Биссонетта стала шире.

Что ж, почему не подыграть, если ситуация того требует, решил я. Развернул бумагу, открыл белую картонную коробку, убрал лоскут материи. Прodelывая все это, я улыбался, а потом почувствовал, как улыбка сначала застыла на моих губах, а потом и вовсе исчезла. Сердце екнуло, я едва не выронил коробку из рук.

В ней лежала кислородная маска, которую Дивоур держал на коленях, когда «наехал» на меня на Улице. К этой самой маске он время от времени прикладывался, пока они с Роджетт следовали вдоль берега, не подпуская меня к мелководью. Ромми Биссонетт и Джордж Кеннеди преподносили мне скальп мертвого врага, решив, что это будет забавно...

— Майк? — озабоченно спросил Ромми. — Майк, с вами все в порядке? Это же шутка...

Я мигнул и понял, что никакой кислородной маски в коробке нет — как мне только могла прийти в голову

такая глупость? Во-первых, размерами эта маска больше, чем маска Дивоура, во-вторых, она матовая, а не прозрачная. В коробке лежала...

С моих губ сорвался нервный смешок. По лицу Ромми Биссонетта разлилось облегчение. Кеннеди вновь заулыбался. Лишь Джон ничего не мог понять.

— Занятная штуковина, — кивнул я. Вытащил маленький микрофон, вмонтированный в маску, и оставил его болтаться на шнуре. Чем-то он напомнил мне хвост Феликса.

— Что это такое? — вырвалось у Джона.

— Адвокат с Парк-авеню. — Ромми посмотрел на Джорджа, который понимающе покивал. — Никогда такого не видели, да? Это стеномаска. Стенографист пользовался ею во время допроса Майка. Майк просто не мог отвести от нее глаз...

— Она меня пугала, — прервал его я. — Старик, сидящий в углу и что-то бормочущий в маску Зорро...

— Этой маской Джерри Блисс пугает многих, — пробасил Кеннеди. — Он — последний, кто ими пользуется. У него их штук десять или одиннадцать. Я знаю, потому что эту мне продал он.

— Я подумал, что это милый сувенир, — добавил Ромми, — но, когда вы ее увидели, у вас было такое лицо, будто мы положили в коробку отрубленную руку... я даже испугался, вдруг перепутал подарочные коробки. В чем дело?

— Июль выдался долгим и жарким, — ответил я. — Давайте спишем все на него. — Я подцепил пальцем одну из лямок стеномаски, поднял ее.

— Мэтти ждет нас к одиннадцати, — напомнил Джон. — Выпьем пива, побросаем «фрисби».

— Я — дока и в первом, и во втором, — признался Джордж Кеннеди.

На автостоянке Джордж направился к запыленной «алтима», с заднего сиденья достал потрепанный экземпляр «Мужчины в красной рубашке».

— Фрида заставила меня взять именно эту книгу. У нее есть более новые, но этот роман — ее любимый. Извините, что вид у книги такой неприглядный — Фрида перечитывала роман раз шесть.

— Мне тоже он нравится больше других. — Я сказал чистую правду. — И мне нравится, когда мои книги читают, а не ставят на полку. — Также правда.

Я раскрыл книгу и написал: «Фриде Кеннеди, чей муж протянул мне руку помощи. Спасибо за то, что позволили ему уделить мне время. И я очень рад, что вам нравятся мои книги. Майк Нунэн».

Для меня это длинное посвящение, обычно я ограничиваюсь «Наилучшими пожеланиями» и «Удачи вам», но тут мне хотелось, чтобы они забыли, как перекосилось мое лицо, когда я увидел их невинный подарок. Пока я писал, Джордж спросил, работаю ли я над новым романом.

— Нет, — ответил я, — Аккумулятор на подзарядке. — И протянул ему книгу.

— Фрида огорчится.

— Я понимаю. Но у нее всегда есть «Мужчина в красной рубашке».

— Мы поедem следом. — Ромми открыл дверцу «алтимы», и тут на западе гроыхнуло. Не громче, чем всегда, но то был не сухой гром. Мы все это поняли и, как по команде, повернулись в том направлении.

— Думаете, успеем поестъ до дождя? — спросил меня Джордж.

— Да, — ответил я. — На пределе.

Я остановил «шеви» у ворот автостоянки, глянул направо, проверяя, свободна ли дорога, и заметил, что Джон задумчиво смотрит на меня.

— Хотите что-то спросить?

— Мэтти говорила, что вы работаете над книгой, ничего больше. Сюжет забуксовал или что-то еще?

...С сюжетом «Друга детства» никаких проблем у меня не возникло... но этому роману предстояло остаться не-

законченным. В это утро я мог ручаться, что так оно и будет. Мальчики в подвале по какой-то причине решили, что на нем надо ставить крест. Спрашивать почему, мне не хотелось: я мог нарваться на неприятный ответ.

— Что-то еще. И я не знаю точно, что именно. — Я вырулил на шоссе, посмотрел в зеркало заднего обзора, убедился, что Ромми и Джордж следуют за нами в маленькой «алтима» Джорджа. В Америке все больше крупных мужчин пересаживались на маленькие автомобильчики. — И что вы хотели дать мне послушать? Если это местное домашнее караоке, я пас. Не хочу слушать, как вы распеваете последние нетленки.

— Да нет же, я хочу предложить вам что-то более интересное. Куда как более интересное.

Он раскрыл брифкейс, порылся в нем, достал пластиковый футляр с кассетой. С маркировкой: 7-20-98*, то есть со вчерашней записью.

— Мне это очень понравилось. — Он включил магнитола, вставил в нее кассету.

Я надеялся, что уже выбрал причитающуюся на этот день квоту неприятных сюрпризов, но, как скоро выяснилось, ошибся.

— Извините, пришлось закрутить другой разговор, — донесся из динамиков «шеви» елеинный, как и положено адвокату, голос Джона. Я мог поклясться, что в момент записи его бледные колени не торчали у всех на виду.

Послышался хрипловатый, прокуренный смешок. У меня скрутило желудок. Я вспомнил, как впервые увидел ее у «Бара заходящего солнца», в черных шортах и черном цельном купальнике. И выглядела она как беженка из клиники, где лечат голодом.

— Вы хотите сказать, что вам понадобилось время на включение магнитофона? — уточнила она, и я вспомнил,

* В Америке принято сначала указывать месяц, а уже потом — день.

как начал меняться цвет воды, когда она угодила мне камнем в затылок. Со светло-оранжевого на темно-красный. Вот тогда я первый раз глотнул озерной воды. — Я не возражаю. Записывайте, если хотите.

Джон наклонился вперед, вытащил кассету.

— Слушать это совсем не обязательно. Ничего особо интересного там нет. Я думал, вы похихикаете над ее болтовней... но на вас лица нет. Может, мне сесть за руль? Вы побледнели как гребаный мел.

— Я вас довезу. Поставьте кассету. А потом я расскажу вам о том, что приключилось со мной в прошлую пятницу... при условии, что это останется между нами. Им знать не обязательно. — Я мотнул головой в сторону «алтимы». — Мэтти тоже. Особенно Мэтти.

Он поднес кассету к магнитоле, взглянул на меня:

— А надо ли?

— Да. Побледнел я от неожиданности. Не ожидал услышать ее голос. Господи, качество воспроизведения превосходное.

— В юридической фирме «Эвери, Маклейн и Бернстайн» все высшего качества. Между прочим, у нас разработана очень строгая инструкция, четко регламентирующая, что можно записывать на пленку, а что — нельзя. Если у вас возник такой вопрос.

— Не возник. Как я понимаю, эти записи никоим образом нельзя представить суду в виде вещественных доказательств.

— В некоторых, очень редких случаях судьи на это идут, но записи мы делаем для другого. Четыре года назад, когда меня только взяли на работу, такая вот пленка спасла человеку жизнь. Спасибо Программе защиты свидетелей*. Теперь он живет в другом городе и под другой фамилией.

* Комплекс мер обеспечения безопасности лиц, которые предоставляют следственным органам информацию, необходимую для раскрытия или предотвращения опасных преступлений.

— Ставьте кассету.

Он поставил, нажал клавишу «Пуск».

Джон. Как вам пустыня, мисс Уитмор?

Уитмор. Жарко.

Джон. Подготовка к похоронам проходит успешно?
Я знаю, как сложно...

Уитмор. Вы мало чего знаете, адвокат, поверьте мне на слово. Может, хватит чесать языком?

Джон. Как скажете.

Уитмор. Вы сообщили условия завещания мистера Дивоура его невестке?

Джон. Да, мэм.

Уитмор. Ее реакция?

Джон. Пока сказать нечего. Возможно, мы поговорим об этом после утверждения завещания. Но разумеется, вам известно, что такие дополнительные распоряжения редко принимаются во внимание судом.

Уитмор. Что ж, если эта дамочка уедет из города, мы это проверим, не так ли?

Джон. Полагаю, что да.

Уитмор. Когда будете праздновать победу?

Джон. Простите?

Уитмор. Да перестаньте. У меня сегодня шестьдесят встреч, а завтра похороны босса. Вы ведь собираетесь отметить это событие с ней и с ее дочерью? Вы знаете, что она пригласила писателя? Своего трахальщика?

Джон, радостно улыбаясь, повернулся ко мне:

— Вы слышали, как она это произнесла? Она пытается скрыть свою ненависть, а может, и зависть, но не может. Ее просто выворачивает наизнанку.

Голос Джона долетал откуда-то издалека. Последние слова Уитмор («писателя, своего трахальщика») вогнали меня в транс. Мне вспомнились другие слова, произнесенные ею на берегу озера: *Мы хотим посмотреть, как долго ты выдержишься на плаву.*

Джон. Я склонен думать, что вам, мисс Уитмор, нет никакого дела до того, что собираюсь делать я или друзья Мэтти. Позвольте дать вам маленький совет. Вы общайтесь со своими друзьями и уж позвольте Мэтти Дивоуру...

Уитмор. Передай ему мои слова.

Мне. Она говорила обо мне. И тут до меня дошло: она говорила со мной. Ее тело, возможно, находилось за тысячу миль, но голос и злая душа обретались в салоне «шеви».

И воля Макса Дивоура. Не то бессмысленное дерьмо, что его адвокаты записали на бумажках, а его истинная воля. Старикан умер, это точно, но даже в смерти он по-прежнему пытался заполучить опеку над ребенком.

Джон. Кому я должен передать ваши слова, мисс Уитмор?

Уитмор. Скажи ему, что он так и не ответил на вопрос мистера Дивоура.

Джон. Какой вопрос?

Твоя шлюха сосет?

Уитмор. Спроси его. Он знает.

Джон. Если вы говорите о Майке Нунэне, то его вы можете спросить сами. Этой осенью вы увидите его в суде по делам о наследствах округа Касл.

Уитмор. Я очень в этом сомневаюсь. Завещание мистера Дивоура составлено и заверено здесь.

Джон. Тем не менее оно будет утверждаться в штате Мэн, там, где он умер. Я в этом совершенно уверен. И когда вы в следующий раз покинете округ Касл, Роджетт, вы будете существенно лучше разбираться в тонкостях закона.

Впервые в ее голосе зазвучала злость, она уже не говорила, а каркала.

Уитмор. Если вы думаете...

Джон. Я не думаю. Я знаю. Прощайте, мисс Уитмор.

Уитмор. Вам бы лучше держаться подальше от...

Щелчок, гудки отбоя, механический голос: «Девять сорок утра... июля... двадцатое». Джон нажал клавишу «Eject», кассета выскочила из магнитолы, он убрал ее в брифкейс.

— Я бросил трубку. — Он словно рассказывал мне о своем первом прыжке с парашютом. — Бросил, и все. Она рассвирепела, правда? Я ее здорово разозлил?

— Да, конечно. — Я знал, что он хочет услышать от меня именно это, хотя придерживался иного мнения. Разозлил — да, но чтобы сильно — едва ли. Потому что своей цели она добилась. Роджетт позвонила, чтобы поговорить со мной. Сказать, что она обо мне думает. Напомнить, каково плыть с разбитой головой. Напугать меня. И ей это удалось.

— На какой вопрос вы не ответили? — полюбопытствовал Джон.

— Я не знаю, что она имела в виду, но я могу сказать, почему побледнел, услышав ее голос. Если вы будете держать язык за зубами и захотите послушать.

— Ехать нам еще восемнадцать миль. Выкладывайте.

Я рассказал ему о вечере пятницы. Разумеется, о видениях не упомянул, ограничился Майклом Нунэном, который решил на закате дня прогуляться по Улице. Стоял у березы, склонившейся над озером, наблюдал, как солнце закатывается за горы, и тут появились они. Начиная с того момента, когда Дивоур двинул на меня инвалидное кресло, и заканчивая той минутой, когда я ступил на твердую землю, я придерживался истины, практически ничего не прибавив и не убавив.

И когда я закончил рассказ, Джон продолжал молчать. Так что нетрудно представить себе, какое впечатление произвело на него случившееся. Обычно он болтал без умолку.

— Так что? — спросил я. — Комментарии? Вопросы?

— Поднимите волосы, чтобы я мог посмотреть, что у вас за ухом.

Я подчинился, и его глазам открылся большой кусок пластыря и синяк. Джон наклонился ко мне, чтобы лучше рассмотреть боевую рану.

— Священное дерьмо! — вырвалось у него.

Теперь прошла моя очередь помолчать.

— Эти старикашки едва вас не утопили.

Я продолжал молчать.

— Они пытались утопить вас за то, что вы помогли Мэтти.

Что я мог на это сказать?

— И вы никуда не заявили?

— Хотел, — признался я, — но потом сообразил, что выставлю себя в дурном свете. Широкая общественность сочтет меня плаксой и нытиком. И уж конечно, лгуном.

— А что может знать Осгуд?

— Насчет того, что они едва не утопили меня? Ничего. Он — посыльный, ничего больше.

Вновь Джон надолго замолчал. Потом протянул руку и прикоснулся к шишке на моей голове.

— Ой!

— Извините. — Пауза. — Господи. А потом он вернулся в «Уэррингтон» и покончил с собой. Майкл, мне не следовало привозить сюда эту кассету.

— Ничего страшного. Только не вздумайте рассказывать об этом Мэтти. Я специально начесываю волосы на ухо, чтобы она не увидела пластырь.

— Вы когда-нибудь ей расскажете?

— Возможно. Только после его смерти должно пройти достаточно много времени, чтобы мы могли смеяться, слушая о моем заплыве с полной выкладкой.

— То есть не скоро.

— Похоже на то.

Пару миль мы проехали молча. Я чувствовал, что Джон ищет способ возродить атмосферу веселья, и пол-

ностью одобрял его намерения. Наконец он наклонился вперед, нашел на радио что-то очень громкое в исполнении «Ганз-энд-роуиз».

— Будем веселиться до упаду. Так?

Я улыбнулся. Мне это далось нелегко, потому что в ушах все еще стоял голос старухи.

— Если вы настаиваете.

— Да. Безусловно.

— Для адвоката ты хороший парень, Джон.

— И ты ничего, для писателя.

На этот раз улыбка на моем лице выглядела более естественно и задержалась надолго. Мы миновали границу Тэ-Эр-90, и в этот самый момент солнце разорвало дымку и залило все ярким светом. Я уж решил, что это знак перемен к лучшему, но потом посмотрел на запад. Там, над Белыми горами, собирались с силами черные облака.

Глава 25

Я думаю, для мужчин любовь — это вождение и восторг, смешанные в равных долях. Восторг часть женщин понимает. Насчет вождения... им кажется, что понимают. Очень немногие, где-то одна из двадцати, в какой-то мере представляют себе, что есть мужское вождение и как глубоко укоренилось оно в сознании мужчины. Какое влияние оказывает оно на их сон и состояние души. И я говорю не о вождении, точнее, похоти сатиров, насильников или растлителей малолетних. Я веду речь о вождении продавцов обувных магазинов и директоров средних школ.

Не упоминая писателей и адвокатов.

К трейлеру Мэтти мы подъехали без десяти одиннадцать, и когда я остановил мой «шеви» рядом с ее стареньким джипом, дверь трейлера распахнулась и Мэтти

вышла на верхнюю ступеньку. У меня перехватило дыхание, и я почувствовал, что точно так же перехватило дыхание и у сидящего рядом Джона.

Такой красавицы, что стояла сейчас в дверном проеме ржавого трейлера, видеть мне еще не доводилось. Розовые шорты, розовый топик, не достигающий до талии. Шорты не слишком короткие, чтобы выглядеть дешевой (одно из любимых словечек моей матери), но аккурат такие, чтобы вызывать флировольные мысли. Топик с тоненькими бретельками, завязанными узлами на плечах, также позволял мечтать о многом. Волосы Мэтти свободно падали на плечи. Она улыбалась и махала нам рукой. Я подумал: «Ей это удалось — пригласи ее в обеденный зал загородного клуба в таком наряде, и все будут глазеть только на нее».

— О Боже, — выдохнул Джон. В голосе его слышалась неприкрытая страсть. — Все это и еще пакетик чипсов.

— Да. Поставь глаза на место, а не то они совсем вылезут из орбит.

Он поднял руки к лицу, как бы показывая, что следует моему совету. Джордж уже поставил «алтиму» рядом с моим «шеви».

— Пошли. — Я открыл дверцу. — Нас ждут.

— Я не смогу прикоснуться к ней, Майк, — прошептал Джон. — Растаю.

— Пошли, сластолюбец.

Мэтти спустилась по ступенькам, миновав горшок с помидором. Ки следовала за ней, в таком же наряде, что и мать, только темно-зеленого цвета. На нее опять напала стеснительность: одной рукой она держалась за ногу Мэтти, кулачок второй сунула в рот.

— Гости приехали! Гости приехали! — радостно воскликнула Мэтти и бросилась мне в объятия. Крепко обняла, поцеловала в уголок рта. Я тоже крепко обнял ее, чмокнул в щечку. Потом она повернулась к Джону, прочитала надпись на его футболке, захлопала в ладоши,

обняла его. Он держался достаточно уверенно для мужчины, опасавшегося растаять от ее прикосновений, и закружил ее в воздухе. Мэтти ухватила руками за его шею и смеялась.

— Богатая дама, богатая дама, богатая дама! — несколько раз повторил Джон, прежде чем позволил подошвам белых туфельек Мэтти вновь соприкоснуться с землей.

— Свободная дама, свободная дама, свободная дама! — ответила она ему. — К черту богатство! — И прежде чем он успел ответить, поцеловала в губы. Его руки поднялись, чтобы обнять ее, но Мэтти выскользнула и шагнула к Ромми и Джорджу, которые стояли бок о бок, словно ждали, пока кто-нибудь объяснит им, чем мормонская церковь отличается от остальных.

Я уже хотел представить ее мужчинам, но меня опередил Джон. При этом его рука все-таки осуществила задуманное: он обнял ее за талию и увлек к Ромми и Джорджу.

И в это же время маленькая ручка скользнула в мою. Я опустил голову, встретился взглядом с Ки. Посмотрел на ее мордашку, серьезную, бледную, красивую. Ее светлые волосы, только что вымытые, блестящие, удерживала в хвосте бархатная закрутка.

— Люди из холодильника меня больше не любят. — Ки уже не смеялась. В глазах стояли слезы. — Мои буквы убежали.

Я поднял ее, посадил на руку, как и в тот день, когда она, в купальнике, храбро шагала по разделительной полосе Шестьдесят восьмого шоссе. Поцеловал в лоб, потом в кончик носа. Кожа ее напоминала шелк.

— Я знаю. Я куплю тебе новые.

— Обесяес? — Темно-синие глаза пристально смотрели на меня.

— Обещаю. И я научу тебя таким редким словам, как зигота и дискретность. Я знаю множество редких слов.

— Сколько?

— Сто восемьдесят.

С запада долетел очередной раскат грома. Взгляд Ки метнулся к черным облакам и снова встретился с моим.

— Я боюсь, Майк.

— Боишься? Чего?

— Не знаю. Зенсины в платье Мэтти. Музтин, который мы видели. — Она заглянула за мое плечо. — А вон идет мамми.

Я не раз слышал, как актрисы с такой же интонацией произносили: «Только не на глазах у детей». Кира завертелась на моей руке.

— Опusti меня.

Я поставил ее на землю. Мэтти, Джон, Ромми и Джордж шли к нам. Ки побежала к матери, Мэтти взяла ее на руки, оглядела нас, словно генерал, обзревающий вверенные ему войска.

— Пиво привезли? — спросила она меня.

— Так точно, — отрапортовал я. — Ящик «бада», различные прохладительные напитки плюс лимонад.

— Отлично. Мистер Кеннеди...

— Джордж, мэм.

— Хорошо, Джордж. Но если еще раз назовете меня мэм, я щелкну вас по носу. Я — Мэтти. Вас не затруднит съездить в «Лейквью дженерэл»... — она указала на супермаркет, расположенный на Шестидесят восьмом шоссе, в полумиле от нас, — и привезти льда?

— Нисколько.

— Мистер Биссонетт...

— Ромми.

— За северным углом этого трейлера небольшой огород. Сможете вы найти пару хороших кустиков салата?

— Думаю, с этим я справлюсь.

— Джон, давайте положим мясо в холодильник. А ты, Майк... — Она указала на мангал. — Брикеты самораз-

горающиеся. Достаточно бросить спичку и отойти. За работу.

— Да, моя госпожа. — Я упал перед ней на колени. Вот тут Ки наконец-то захихикала.

Смеясь, Мэтти протянула руку и помогла мне подняться.

— Не теряйте времени, сэр Галахад. Скоро пойдет дождь. Я хочу, чтобы мы успели наесться до отвала и укрыться от ливня в трейлере.

В городе вечеринки начинаются приветствиями в дверях, собиранием пальто, легкими или воздушными поцелуями (и откуда пошли все эти странности?). На природе все начинается с работы. Ты что-то приносишь, что-то перетаскиваешь, что-то ищешь, к примеру, железные шипцы или решетки для мангала. Хозяйка просит мужчин перенести столик на другое место, потом решает, что прежнее было лучше, и мужчины тащат столик обратно. И в какой-то момент ты понимаешь, что и в этом можно найти удовольствие.

Я соорудил из брикетов высокую пирамиду и поднес спичку. Огонь радостно загорелся, и я отступил на шаг, вытирая со лба пот. Синоптики обещали похолодание, но до него еще надо было дожить. Пока же солнце жарило с прежней силой, хотя на западе и продолжали сгущаться тучи. Там словно раздувался огромный черный шар.

— Майк?

Я обернулся к Кире:

— Что, милая?

— Ты позаботись обо мне?

— Да, — без запинки ответил я.

Поначалу что-то в моем ответе обеспокоило ее, возможно, быстрота реакции, потом она улыбнулась.

— Хойосё. Посмотри, к нам идет ледяной теловек!

Джордж вернулся из супермаркета. Поставил «алтиму» рядом с моим «шеви», вылез из кабины. Мы с Кирой

направились к нему, Кира крепко держала меня за руку. Подошел и Ромми, жонглируя тремя кустиками салата: не думаю, что он мог бы составить конкуренцию тому жонглеру, что в субботний вечер зачаровал Киру в парке Касл-Рока.

Джордж открыл заднюю дверцу «алтимы» и вытащил два мешка со льдом.

— Магазин закрыт. На двери бумажка: «ОТКРОЕМСЯ В ПЯТЬ ВЕЧЕРА». Я решил, что ждать очень уж долго, взял лед, а деньги бросил в почтовый ящик.

Они, разумеется, закрылись на время похорон Ройса Меррилла. Нарушили неписаный, но свято соблюдавшийся закон: в разгаре летнего сезона все магазины работают от зари до зари. И все ради похорон старика. С одной стороны, трогательно. А с другой — у меня по коже пробежал холодок.

— Мозьно мне понести лед? — спросила Кира.

— Можно, только не превратись в сосульку. — Джордж осторожно передал Кире пятифунтовый мешок со льдом.

— Сосулька, — хихикнула Кира и пошла к Мэтти, которая уже ждала ее у трейлера. — Момми, посмотри! Я — сосулька!

Я взял у Джорджа второй мешок.

— Я знаю, что автомат по приготовлению льда стоит у магазина, но разве они не заперли его на замок?

— С большинством замков я на дружеской ноге, — ответил Джордж.

— Понятно.

— Майк! Лови! — Джон бросил красную «фрисби». Она поплыла ко мне, но высоко. Я подпрыгнул, схватил ее, и внезапно в моей голове заговорил Дивоур: *Что с тобой, Роджетт? У тебя сбился прицел? Достань его!*

Я посмотрел вниз, увидел, что Ки не отрывает от меня глаз.

— Не думай о гьюсном.

Я улыбнулся девочке, протянул ей «фрисби».

— Хорошо, о грустном больше не думаем. Давай, маленькая. Брось ее маме. Поглядим, как у тебя это получится.

Ки ответила улыбкой, повернулась и точно переправила «фрисби» Мэтти. Тарелка летела так быстро, что Мэтти едва ее поймала. Я сразу понял, что быть Кире Дивоур чемпионкой по «фрисби».

От Мэтти «фрисби» перелетела к Джорджу, который повернулся к ней боком, полы его старомодного коричневого пиджака взметнулись, и ловко поймал тарелку у себя за спиной. Мэтти смеялась и аплодировала, нижний обрез топики флиртовал с ее пупком.

— Воображала! — крикнул Джон со ступенек.

— Ревность — отвратительное чувство, — поделился Джордж своими мыслями с Ромео Биссонеттом и бросил ему «фрисби». Тарелка полетела к Джону, но сбилась с курса и ударилась о стенку трейлера. Джон сбежал со ступенек, чтобы поднять ее. А Мэтти повернулась ко мне.

— Мой проигрыватель на столике в гостиной. Там же и компакт-диски. Они, конечно, старые, но все равно это музыка. Принесешь?

— Конечно.

Я вошел в трейлер. Там властвовала жара, несмотря на три включенных вентилятора. Я еще раз оглядел дешевую мебель, репродукцию Ван Гога на кухоньке, «Ночных ястребов» Эдуарда Хоппера над диваном, выцветшие занавески. Мэтти изо всех сил старалась создать уют. Глядя на все это, я жалел ее и злился на Макса Дивоура. Пусть он и умер, но мне все равно хотелось дать ему хорошего пинка.

В гостиной на маленьком столике у дивана я увидел новый роман Мэри Хиггинс Кларк с закладкой. Рядом с книгой лежали две ленты, которыми Мэтти заплетала косы Ки. Ленты показались мне знакомыми, но я никак не мог вспомнить, где же я их уже видел. Какое-то время

я постоял, хмурясь, роясь в памяти, а потом взял проигрыватель, компакт-диски и ретировался.

— Эй, друзья! — воскликнул я. — Давайте потанцуем.

Я держал себя в руках, пока она не начала танцевать. Не знаю, как на кого, а на меня танцы действуют именно так. Я держал себя в руках, пока она не начала танцевать. А потом потерял голову.

«Фрисби» мы перебрасывались за трейлером, во-первых, чтобы не злить шумом и весельем съезжающих на похороны горожан, во-вторых, потому, что задний двор очень подходил для игры: ровная площадка и низкая трава. Пару раз не поймав «фрисби», Мэтти скинула туфельки, босиком метнулась в трейлер, тут же вернулась в кроссовках. И уж потом управлялась с тарелкой куда как лучше.

Мы бросали «фрисби», подзуживали друг друга, пили пиво, смеялись. Ки частенько не могла поймать тарелку, но бросала она ее, для трехлетней девочки, отменно и играла с полной самоотдачей. Ромми поставил проигрыватель на ступеньки, и двор заполнила музыка конца восьмидесятых и начала девяностых годов: «Ю-Ту», «Теаз фор Айз», «Эюритмикс», «Кроудид Хауз», «Э Флок оф Сигалз», «А-Ха», «Бэнглз», Мелисса Этеридж, Хью Льюис и «Ньюз». Мне казалось, что я знаю каждую песню, каждый рифф*.

Мы потели, прыгали, бегали под ярким солнцем. Мы ловили взглядом длинные, загорелые ноги Мэтти и слушали залиvistый смех Ки. В какой-то момент Ромми Биссонетт споткнулся и покатился по земле, осыпая ее содержимым своих карманов, и Джон так смеялся, что ему пришлось сесть. Ноги не держали. Слезы градом катились из глаз. Ки подбежала и прыгнула на его беззащитный пах. Смех Джона как отрезало. «О-о-х!» — вы-

* Небольшая ритмическая фигура, часто служит сопровождением к сольной импровизации (в эстрадной музыке).

дохнул он. В его еще блестящих от слез глазах стояла боль, а ушибленные гениталии, безусловно, пытались заползти обратно в тело.

— Кира Дивоур! — воскликнула Мэтти, с тревогой глядя на Джона.

— Я уложила моего квойтейбека! — гордо возвестила Ки.

Джон сумел-таки ей улыбнуться, с трудом поднялся.

— Да. Уложила. Рефери не оставит это без внимания.

— Как ты, парень? — На лице Джорджа читалась озабоченность, но в голосе была улыбка.

— Нормально, — ответил Джон и бросил ему «фрисби». — Продолжим.

Раскаты грома становились все громче, но черные облака по-прежнему оккупировали лишь западный горизонт: над нами синело чистое небо. Птички пели, цикады стрекотали. Над мангалом дрожал горячий воздух: брикеты практически превратились в угли, решетка раскалилась, подготовившись к встрече с нью-йоркскими стейками. «Фрисби» все летала — красный кружок на фоне зеленой листвы и синего неба. Я пребывал во власти вожделения, но держал себя в руках. Ничего особенного, мужчины всего мира чуть ли не все время пребывают в таком состоянии, и ничего, полярные шапки не тают. Но Мэтти начала танцевать, и все изменилось.

Дон Хенли* запел под гитарный перебор.

— Боже, как я люблю эту песню! — воскликнула Мэтти. «Фрисби» прилетела к ней. Она поймала тарелку, бросила на землю, ступила на нее, как на красный круг от луча прожектора на сцене ночного клуба, и завибрировала в танце. Заложила руки за шею, потом опустила на бедра, потом убрала за спину. Она танцевала на «фрис-

* Хенли, Дон (р.1947) — барабанщик и вокалист. Организовал группу «Иглз», одну из самых популярных американских рок-групп середины 70-х. После распада группы выступал сольно. Его песни неоднократно попадали в десятку лучших.

би», поднявшись на мыски. Она танцевала не двигаясь. Она танцевала, как пелось в той песне, словно волна в океане.

Пел он о девушке, которая хочет только одного: танцевать, танцевать и танцевать.

Женщины становятся сексуальными, когда танцуют, невероятно сексуальными, но я среагировал не на секс. С одним лишь вождением я бы справился, но тут было не просто вождение, и меня захлестнуло с головой. Никогда в жизни я не видел никого прекраснее Мэтти. Не женщина в шортах и коротком топике танцевала на «фрисби», но возродившаяся Венера. В ней сосредоточилось все то, чего не хватало мне последние четыре года, когда я был не в себе и не осознавал, что мне чего-то не хватает. Разница в возрасте не имела значения. И если окружающим казалось, что у меня текут слюнки, шут с ними. Если я терял чувство собственного достоинства, гордость, самообладание — не беда. Четыре года, проведенные в полном одиночестве, научили меня, что это не самая страшная потеря.

Сколько она танцевала, стоя на «фрисби»? Не знаю. Наверное, недолго, не больше минуты, потом поняла, что мы все неотрывно смотрим на нее (в какой-то степени они все видели то, что видел я, и чувствовали то же самое). Думаю, что за эту минуту (или около того) ни один из нас не сподобился вдохнуть.

Мэтти сошла с «фрисби», смеясь и краснея. Она смущалась, но при этом не испытывала никакой неловкости.

— Извините... Я просто... Люблю я эту песню.

— «Она хочет только одного — танцевать, танцевать и танцевать», — напомнил Ромми основной лейтмотив песни Дона Хенли.

— Да, иногда это все, чего она хочет, — согласилась Мэтти и покраснела еще сильнее. — Извините, мне нужно в ванную. — Она бросила мне «фрисби» и взбежала по ступенькам.

Я глубоко вздохнул, попытался адаптироваться в реальном мире и увидел, что Джон занят тем же. На лице Джорджа Кеннеди читалась легкая обалделость, словно ему дали успокоительное и оно начало действовать.

Пророкотал гром. На этот раз куда ближе.

Я бросил «фрисби» Ромми.

— Что скажешь? — Мы все уже давно перешли на ты.

— Думаю, я влюблен, — ответил он, а затем тоже вернулся на грешную землю. — Еще я думаю, что нам пора жарить стейки, если мы хотим съесть их во дворе. Хочешь мне помочь?

— С удовольствием.

— Я тоже помогу, — вызвался Джон.

Мы вошли в трейлер, оставив Джорджа с Ки. Поднимаясь по ступенькам, я услышал, как Ки спрашивает Джорджа, много ли тот поймал преступников. Мэтти стояла у раскрытого холодильника и выкладывала стейки на тарелку.

— Как хорошо, что вы пришли. Я уж хотела съесть их сырыми. Никогда не видела таких прекрасных стейков.

— А я никогда не видел более прекрасной женщины, чем ты. — Голос Джона звучал искренне, но Мэтти лишь рассеянно улыбнулась ему. Я отметил про себя: нельзя говорить комплименты женщине в тот момент, когда она держит в руках пару замороженных стейков. Должного впечатления это не произведет.

— Ты умеешь жарить мясо? — спросила она меня. — Говори правду, потому что они слишком хороши, чтобы вверять их судьбу дилетанту.

— Мастерства мне не занимать.

— Хорошо, беру тебя на работу. Джон, будешь ему помогать. Ромми, мы с тобой займемся салатами.

— С удовольствием.

Джордж и Ки уже уселись на пластиковых стульях, словно давние друзья в своем лондонском клубе. Джордж рассказывал Ки, как он перестреливался с Ролфом Нидо

и Очень плохой бандой на Лиссабонской улице в 1993 году.

— Джордж, что случилось с твоим носом? — спросил Джон. — Он вдруг очень вытянулся.

— А тебе что до этого? — парировал Джордж. — Разве ты не видишь, что мы разговариваем?

— Мистей Кеннеди поймал много пьеступников, — сообщила нам Кира. — Он поймал Очень плохую банду и упятал их в тюйму.

— Точно, — кивнул я. — А еще мистер Кеннеди получил «Оскара» за сыгранную им роль в фильме «Люк — Твердая Рука».

— Абсолютно верно. — Джордж поднял правую руку, скрестил средний и указательный пальцы. — Я и Пол Ньюмен.

Джон засмеялся. Да так заразительно, что я тут же присоединился к нему. Мы хохотали как сумасшедшие, выкладывая стейки на решетку. Просто удивительно, что обошлось без ожогов.

— Посему они смеются? — спросила Ки Джорджа.

— Потому что они глупые людишки со слабеньким умишком, — ответил Джордж. — А теперь слушай, Ки... я поймал их всех, кроме Черепа. Он успел запрыгнуть в свой автомобиль, а я — в свой. Конечно, подробности погони не пристало слушать маленькой девочке...

Но Джордж все-таки начал их выкладывать, а мы с Джоном стояли у мангала и улыбались.

— Отлично, да? — спросил Джон, и я кивнул.

Мэтти принесла кукурузу, завернутую в алюминиевую фольгу. За ней шел Ромми, держа в руках большую салатницу и стараясь заглянуть поверх нее, чтобы, не дай Бог, не споткнуться.

Мы сели за столик для пикника, Джордж и Ромми — по одну сторону, Мэтти и мы с Джоном — по другую. Кира устроилась во главе стола, на стопке старых журналов, которые положили на пластиковый стул. Мэтти по-

вязала ей на шею посудное полотенце. Кира согласилась на такое унижение по двум причинам: а) она была в новой одежде; б) посудное полотенце все-таки не слюнявчик.

Поели мы с аппетитом — салат, стейк (Джон говорил правду — лучшего стейка есть мне не доводилось), жареная кукуруза, торт на десерт. К тому времени, когда мы добрались до торта, гром гремел совсем близко и задул горячий ветер.

— Мэтти, если мне больше никогда не удастся так хорошо поесть, я не удивлюсь, — посмотрел на нее Ромми. — Премного благодарен за то, что пригласила меня.

— И тебе спасибо. — У нее в глазах стояли слезы. Одной рукой она взяла мою руку, другой — руку Джона. Пожала. — Вам всем спасибо. Если б вы знали, каково было нам с Ки до того, как... — Она трянула головой, вновь сжала наши с Джоном руки, отпустила. — Но теперь все в прошлом.

— Посмотрите на малютку, — подал голос Джордж.

Ки откинулась на спинку стула, глазки у нее закрывались. Волосы вылезли из закрутки и падали на щечки. На носу белела капелька крема, к подбородку прилипло кукурузное зернышко.

— Я бьосила «фьизьби» пять тысяч йаз, — сообщила нам Кира. — Я устала.

Мэтти приподнялась. Я остановил ее.

— Позволь мне?

Она, улыбаясь, кивнула:

— Если хочешь.

Я взял Киру на руки и понес к трейлеру. Гром загремел снова, низко, протяжно, словно зарычала гигантская собака. Я взглянул на надвигающиеся тучи и краем глаза уловил какое-то движение: старый синий автомобиль медленно катил по Уэсп-Хилл-роуд на запад, к озеру. А внимание я обратил на него исключительно из-за глухой наклейки на бампере. Такую же я видел в «Деревенском кафе»: «НОГОТЬ СЛОМАЛСЯ — БЕРЕГИ ПАЛЕЦ».

Я поднялся с Кирой по ступенькам, осторожно повернулся боком, чтобы не ударить ее головой о дверной косяк.

— Позаботься обо мне, — прошептала она во сне. И такая грусть звучала в ее голосе, что у меня по коже пробежал холодок. Она словно знала, что просит невозможного. — Позаботься обо мне. Я маленькая, мама говойит, что я малышка.

— Я позабочусь о тебе. — Я поцеловал ее в лобик. — Не волнуйся, Ки. Спи.

Я отнес девочку в ее комнатку и положил на кровать. К тому времени она окончательно сомлела. Я вытер крем с носа, снял зернышко кукурузы с подбородка. Взглянул на часы: без десяти два. Старожилы собираются в Большой баптистской церкви. Билл Дин в костюме и сером галстуке. Бадди Джеллисон в шляпе. Он стоит у церкви с еще несколькими мужчинами, которые решили покурить, прежде чем идти на службу.

Я повернулся. В дверях стояла Мэтти.

— Майк. Пожалуйста, подойди.

Я шагнул к ней. На этот раз мои руки и ее талию не разделяла ткань. Кожа у нее была теплая, такая же шелковистая, как и у дочери. Она вскинула голову, чтобы посмотреть на меня, ее губы разошлись. Бедрями она поддалась вперед, а когда почувствовала ими кое-что твердое, прижалась к этой окаменелости еще сильнее.

— Майк.

Я закрыл глаза. Мне показалось, будто я распахнул дверь в ярко освещенную комнату, где смеялись и разговаривали люди. И танцевали. Потому что иногда кроме этого нам больше ничего не надо.

Я хочу войти, подумал я. Вот чего я хочу, вот что я хочу сделать. Позволь мне это сделать. Позволь...

И тут я осознал, что произношу все это вслух, быстро шепчу на ухо Мэтти, а мои руки так и ходят по ее спине, ощупывают позвоночник, лопатки, потом перемене

шаются вперед, чтобы охватить ладонями маленькие груди.

— Да, — ответила она. — Мы оба этого хотим. Да. Это прекрасно.

Она подняла руки и осторожно, большими пальцами, вытерла слезы, смочившие кожу под моими глазами. Я отпрянул.

— Ключ...

Мэтти улыбнулась:

— Ты знаешь, где он.

— Вечером я приду.

— Хорошо.

— Я... — Мне пришлось откашляться. Я посмотрел на крепко спящую Киру. — Мне было так одиноко. Похоже, я этого даже не знал, но я так мучился от одиночества.

— Я тоже. И я знала, что тебе так же одиноко. Пожалуйста, поцелуй меня.

Я поцеловал. По-моему, наши языки соприкоснулись, но полной уверенности у меня нет. Но я запомнил, какая она была живая, энергичная.

— Эй! — позвал со двора Джон, и мы отпрянули друг от друга.

— Я рада, что ты наконец-то принял решение, — прошептала Мэтти. Она повернулась и убежала по узкому коридорчику. Когда она говорила со мной в следующий раз, не думаю, что она понимала, с кем говорит и где находится. В следующий раз она говорила со мной, когда умирала.

— Не буди ребенка, — услышал я ее слова, обращенные к Джону.

— Извини, не подумал, — ответил он.

Я постоял еще с минуту, восстанавливая дыхание, протиснулся в ванную, плеснул в лицо холодной воды. Повернувшись, чтобы взять полотенце, я увидел в ванной

пластикового кита. Помнится, я еще подумал, что он, наверное, выдувает пузыри из дыхательного отверстия. Более того, мне в голову пришел сюжет детской истории о ките, который при выдохе выбрасывает в небо огромный фонтан воды. Как же назвать кита? Вилли? Слишком уж просто. Вильгельм. То, что надо, — и величественно, и забавно. Вильгельм Кит-Фонтан.

Я помню, как над головой гроыхнул гром. Помню охватившее меня счастье: я принял решение и теперь с нетерпением ждал ночи. Помню тихие мужские голоса, и такие же тихие ответы Мэтти: она показывала куда что поставить. А потом их голоса вновь зазвучали снаружи: они вышли из трейлера.

Я посмотрел вниз и увидел, что бугор на брюках заметно осел. Помнится, я еще подумал, что нет более смешного зрелища, чем сексуально возбужденный мужчина, и я точно знал, что мысль эта уже приходила мне в голову, скорее всего в одном из моих снов. Я вышел из ванной, заглянул в комнатку Ки — она повернулась на бочок и все так же крепко спала, — зашагал по коридорчику. И почти дошел до гостиной, когда услышал выстрелы. Я сразу понял, что это не гром. Мелькнула мысль об обратной вспышке в глушителе мотоцикла какого-нибудь юнца и исчезла. Я предчувствовал: что-то должно случиться... но я ждал призраков, а не выстрелов. Роковая ошибка.

Пах-пах-пах! Стреляли из автоматического оружия, как потом выяснилось, из «глока»* калибра 9 мм. Закричала Мэтти — от ее пронзительного крика у меня все похолодело внутри. Я услышал, как вскрикнул от боли Джон и заорал Джордж Кеннеди: «Ложитесь, ложитесь! Ради Бога, скорее ложитесь!»

* Пистолет-пулемет, который может стрелять как одиночными патронами, так и очередями; еще в начале девяностых стоял на вооружении частей спецназа.

Что-то ударило в трейлер, что-то рассекло воздух прямо передо мной, клянусь, звук я слышал. Потом на кухонном столе что-то жалобно звякнуло, и от салатницы, которую принесли со двора, остались одни осколки.

Я бросился к двери, буквально слетел с бетонных ступенек. Увидел перевернутый мангал, от разлетевшихся углей уже загоралась трава. Ромми Биссонетт сидел, вытянув перед собой ноги, уставившись на лодыжку, залитую кровью. Мэтти стояла на четвереньках у мангала, волосы свешивались на лицо. Она словно пыталась задуть угли. Джон, шатаясь, шел ко мне, протягивая руку. Из раны в предплечье лилась кровь.

И еще я увидел автомобиль, который уже попадался мне на глаза: старый седан с веселенькой наклейкой. Теперь он ехал к шоссе. Находившиеся в нем люди проехали мимо нас к озеру, чтобы убедиться, что мы на месте, а теперь возвращались. Стрелок все еще высовывался из окна переднего пассажирского сиденья. Я видел в его руках дымящееся оружие. С откидным каркасным прикладом. Его лицо закрывала синяя лыжная шапочка с прорезанными в ней глазницами.

А над головой протяжно загремел гром.

Джордж Кеннеди неспешно шагал к автомобилю, откидывая попадающиеся на пути угли, не обращая внимания на красное пятно, расплзающееся по правой штанине повыше колена. Его рука нырнула под полу пиджака. Джордж не прибавил скорости, даже когда стрелок повернулся к водителю, тоже в синей маске, и закричал: «Поехали! Скорее! Скорее!» Джордж не торопился, абсолютно не торопился, и я понял, почему он не снимал пиджак даже бросая «фрисби», еще до того, как увидел револьвер в его руке.

Синий автомобиль («форд» выпуска 1987 года, зарегистрированный на имя миссис Соне Белливу из Обурна и, согласно ее заявлению, украденный днем раньше) не останавливался и во время стрельбы. Тогда он, съехав на

обочину, медленно прокатился вдоль трейлера, а теперь, резко вильнув, выехал на середину дороги, сшиб почтовый ящик Мэтти и оставил за собой шлейф пыли.

Джордж по-прежнему не торопился. Поднял револьвер, левой рукой ухватился за запястье правой, чтобы при выстреле она не ушла вверх и ему не пришлось бы целиться заново. И пять раз нажал на спусковой крючок. Две первые пули ушли в багажник, я увидел появившиеся в нем дырки. Третья разнесла заднее стекло «форда», и я услышал, как кто-то вскрикнул от боли. Куда попала четвертая, я не знаю. Зато пятая пробила левое заднее колесо. «Форд» повело влево. Водителю почти удалось удержать автомобиль на шоссе, но потом он полностью потерял управление. В тридцати ярдах от трейлера Мэтти «форд» вынесло в кювет, и он завалился набок. Потом багажник охватило пламя. Должно быть, одна из пуль Джорджа пробила бак. Стрелок уже пытался выбраться из кабины через окно.

— Ки... заberi... отсюда... Ки, — услышал я хриплый, свистящий шепот.

Мэтти ползла ко мне. Половина ее головы, правая, выглядела, как всегда, а вот левая... Синий глаз сверкал сквозь слипшиеся окровавленные волосы, к загорелому плечу прилипли кусочки черепных костей: пуля попала в голову. Как бы мне хотелось, чтобы кто-нибудь еще сказал вам, что Майкл Нунэн умер до того, как все это увидел, но не могу.

— Ки... Майк, заberi Ки...

Я опустился на колени, обнял ее. Она вырывалась. Молодая, сильная, она вырывалась, хотя серое вещество ее мозга выпирало сквозь разбитый череп. Даже при смерти она думала о своей дочери, пыталась ей помочь, пыталась ее спасти.

— Мэтти, все хорошо. — А шестое чувство перенесло меня в Большую баптистскую церковь, где запели «Блажен, кто верует», но глаза большинства скорбящих были

пусты, совсем как тот глаз, что смотрел на меня сквозь окровавленные волосы. — Мэтти, успокойся, все хорошо.

— Ки... заberi Ки... не подпускай их...

— Они ее не обидят, Мэтти, я обещаю.

Она извивалась в моих объятиях, скользкая, как рыба, тянулась окровавленными руками к трейлеру. Розовые шорты и топик стали ярко-алыми. Брызги крови летели на землю. С дороги донесся глухой взрыв: рванул бензобак «форда». Черный дым поднялся к черному небу. И тут же долго и протяжно прогремел гром. Небо словно вопрошало: «Вам нужен шум? Да? Что ж, будет вам шум».

— Скажи, что с Мэтти все в порядке, Майк! — донесся до меня звенящий от боли голос Джона. — Ради Бога, скажи мне, что...

Он упал на колени рядом со мной, его глаза закатывались, пока между веками не осталось ничего, кроме белков. Он потянулся ко мне, схватил за плечо, вырвал клоч рубашки и повалился на землю, потеряв сознание. Из уголка рта потекла струйка слюны. В двенадцати футах от меня Ромми, сжав зубы, чтобы не закричать от боли, пытался подняться. Джордж стоял посреди Уэсп-Хилл-роуд, перезаряжая револьвер. Патроны он доставал из мешочка, который, должно быть, лежал в кармане пиджака. При этом Джордж пристально следил за стрелком, который все вылезал из кабины, не желая сгореть в ней заживо. Вся правая штанина Джорджа стала красной от крови. Жить он будет, подумал я, но вряд ли сможет носить этот костюм.

Я крепко держал Мэтти. Прижался губами к ее уху, тому, что осталось целым.

— Кира в порядке. Она спит. С ней ничего не случится, я обещаю.

Казалось, Мэтти поняла. Она перестала вырываться, лишь задрожала всем телом. «Ки... Ки...» То были последние произнесенные ею слова. Она протянула руку, ухватила пучок травы, вывала из земли.

— Сюда! — услышал я голос Джорджа. — Иди сюда, сукин сын, и не вздумай бежать.

— Как она? — спросил прихрамавший ко мне Ромми. С белым как полотно лицом. И не стал дожидаться моего ответа. — О Господи! Святая Мария, Мать Божья, молись за нас, грешных, ныне и в час смерти нашей! Благословенна ты между женами и благословен плод чрева Твоего Иисус. О Мария, без греха первородного зачатая, молись за нас, к Тебе прибегающих. О нет, Майк, нет! — И он вновь начал молиться, на этот раз на французском.

— Прекрати! — оборвал я его, и он замолчал, словно ждал моего приказа. — Пойди в трейлер и посмотри, как там Кира.

— Хорошо. — Он заковылял к трейлеру. При каждом шаге с его губ срывался стон, но он не останавливался. Я ощущал запах горящей травы. Налетающий ветер пах дождем. А на моих руках умирала Мэтти.

Я прижимал ее к себе, раскачиваясь взад-вперед. Тем временем в Большой баптистской церкви над гробом Ройса читали сто тридцать девятый псалом: «...Я сказал Господу: Ты — Бог мой...» Пастор говорил, марсиане внимали. Я же укачивал Мэтти под черными тучами. Я собирался приехать сюда этой ночью, достать ключ из-под горшка с помидором и войти к ней. Совсем недавно она танцевала в белых кроссовках на красной «фрисби», танцевала, как волна в океане, а сейчас она умирала на моих руках среди горящей травы, а мужчина, который любил ее разве что немного меньше, чем я, лежал рядом без сознания. И кровь покрывала его правую руку от короткого рукава футболки с надписью на груди

МЫ — ЧЕМПИОНЫ

до худощавого, веснушчатого запястья.

— Мэтти, — позвал я. — Мэтти, Мэтти, Мэтти. — Я качал ее и поглаживал рукой по правой половине лба,

которую каким-то чудом не запачкала кровь: волосы упали на левую, изуродованную, сторону. — Мэтти, Мэтти, ах, Мэтти!

Сверкнула молния — первая, которую я увидел в этот день. Подсветила надвинувшиеся с запада тучи. Мэтти дрожала в моих объятиях, всем телом, от шеи до кончиков пальцев. Губы ее крепко сжались. Брови сошлись у переносицы, словно она о чем-то задумалась. Рука поднялась в попытке ухватить меня за шею: так человек, падающий в пропасть, старается ухватиться за что угодно, лишь бы остановить или хотя бы замедлить падение. Потом рука упала и застыла на траве, ладонью кверху. Тело ее содрогнулось в последний раз, и она покинула наш мир.

Глава 26

После этого, до того момента как все закончилось, я находился в трансе. Несколько раз выходил из него — к примеру, когда листок с генеалогическим древом выпал из одного из блокнотов Джо, — но на очень короткие промежутки времени. Ощущения в чем-то были такие же, как и в моем сне с Мэтти, Джо и Сарой, в чем-то напоминали те, что я испытывал, когда едва не умер от свинки, но в целом сравнить мне их не с чем. Транс — он и есть транс. Находясь в нем, я обретал сверхъестественные способности. Видит Бог, я бы прекрасно без них обошелся.

Подошел Джордж, ведя перед собой мужчину в синей шапочке-маске. Джордж уже здорово хромал. Сильно воняло горелой резиной.

— Она мертва? — спросил Джордж. — Мэтти?

— Да.

— Джон?

— Не знаю, — ответил я, и тут же Джон дернулся, застонал. Он был жив, но потерял много крови.

— Майк, слушай, — начал Джордж, но, прежде чем он продолжил, из горящего в кювете автомобиля донесся жуткий крик. Орал водитель, сгоравший заживо. Стрелок начал поворачиваться на крик, и Джордж поднял револьвер. — Замри, а не то застрелю.

— Вы не можете обречь его на такую смерть! — Из-под маски голос стрелка звучал глухо. — Собаку и ту спасают от такой смерти.

— Он уже мертв, — ответил Джордж. — А к автомобилю ближе чем на десять футов можно подойти только в асбестовом костюме.

Джорджа качнуло, а лицо его цветом не отличалось от капельки крема, которую я стер с носа Ки. Стрелок всем своим видом показал, что сейчас бросится на него, и Джордж поднял револьвер еще выше.

— Если тебе чего-то хочется, действуй. Только учти, я не промахнусь. Это я тебе гарантирую. А теперь снимай маску.

— Нет.

— Ты мне надоел. Не забудь передать привет Господу. — И Джордж оттянул ударник револьвера.

— Господи! — вырвалось у стрелка, и он стянул маску.

Откровенно говоря, я не удивился, увидев Джорджа Футмена. Из пылающего автомобиля донесся очередной вопль, последний. Клубы черного дыма все поднимались к небу. Вновь загрохотал гром.

— Майк, походи в трейлер и найди, чем его связать, — попросил меня Джордж Кеннеди. — Еще минуту, может, две, я смогу удержать его на прицеле, но не больше, потому что истекаю кровью. Ищи скотч. Им можно повязать и Гудини.

Футмен переводил взгляд с меня на Джорджа, потом посмотрел на Шестьдесят восьмое шоссе, как это ни странно, совершенно пустынное в этот далеко не поздний

час. А может, ничего странного в этом и не было: синоптики совершенно правильно предсказали время прохождения грозового фронта. Туристы и обитатели летних коттеджей укрылись от дождя. А местные...

Местные... в определенном смысле слушали. Не могу подобрать более точного определения. Пастор говорил о Ройсе Меррилле, о его долгой жизни и плодотворной деятельности, о том, как он служил родине во время мира и войны, но старожилы его не слушали. Они слушали нас, точно так же, как раньше толпились вокруг динамика в «Лейквью дженерэл» и слушали прямой репортаж с поединка тяжеловесов.

Билл Дин так крепко сжимал запястье Яветт, что костяшки его пальцев побелели. Он причинял ей боль... но она не жаловалась. Она хотела, чтобы он держался за нее. Почему?

— Майк! — Голос Джорджа заметно ослабел. — Пожалуйста, помоги мне. Этот парень опасен.

— Отпустите меня, — повернулся к нему Футмен. — Вам же будет лучше.

— Как бы не так, сукин ты сын.

Я встал, направился к трейлеру, поднялся по бетонным ступенькам мимо горшка с помидором, под которым лежал ключ. Молния разорвала небо, оглушительно громыкнул гром.

Ромми сидел на стуле за кухонным столом. С еще более бледным, чем у Джорджа, лицом.

— Девочка в порядке. — Слова давались ему с трудом. — Но она вроде бы просыпается... Я больше ходить не могу. Лодыжка ни к черту.

Я шагнул к телефонному аппарату.

— Без толку. — Голос у него заметно подсел. — Уже пробовал. Полная тишина. Наверное, линия повреждена. Господи, как же больно!

Я выдвинул ящики на кухне, начал рыться в поисках скотча, бельевой веревки. Если Кеннеди потеряет созна-

ние, пока я здесь, думал я, Футмен отберет у него револьвер, застрелит его, застрелит Джона, лежащего без сознания на дымящейся траве. Покончив с ними, он придет сюда и застрелит меня и Ромми. А потом настанет черед Кире.

— Нет! — сказал я себе. — Он оставит ее в живых.

Возможно, это был бы наихудший вариант.

Попадались мне только ножи, ложки, вилки, пакеты для сэндвичей, мешки для мусора, аккуратно схваченные резинкой продовольственные талоны, держалки для кастрюлей и сковородок.

— Майк, где Мэтти?

Я повернулся с виноватым видом, будто меня застали за разглядыванием порнографических картинок. Заспанная Кира, с растрепанными волосами, разбурманенная от сна, стояла в коридорчике. Закрутка для волос охватывала левое запястье, как браслет. В ее широко раскрытых глазах застыл ужас. Ее разбудили не выстрелы, даже не крик матери. Разбудили ее мои мысли.

В тот же миг я осознал, что мне следовало как-то экранировать их, но с этим я опоздал. Совсем недавно она выудила из моей головы все, что касалось Дивоура, и сказала, что не надо думать о грустном. А теперь, прежде чем я успел возвести защитный барьер, из моих мыслей она узнала о случившемся с ее матерью.

Рот ее раскрылся. Глаза округлились еще больше. Она пронзительно закричала и бросилась к двери.

— Нет, Кира, нет! — Я метнулся через кухню, едва не наткнувшись на Ромми (он уже ничего не соображал от боли), и успел-таки перехватить ее. И одновременно увидел, как Бадди Джеллисон покидает Большую баптистскую церковь через черный ход. В сопровождении двоих мужчин, которые курили с ним до начала службы. Теперь я понимал, почему Билл Дин так крепко держал за руку Яветт, и любил его за это. Любил их обоих. Что-то хоте-

ло, чтобы Билл ушел с Бадди и другими... но Билл остался на месте.

Кира вырывалась из моих рук, крича:

— Отпусти меня, я хочу к мамми, отпусти, я хочу к мамми... к мамми...

Я произнес ее имя с той единственной интонацией, которую только она могла уловить, понять. Кира перестала вырываться, повернулась ко мне лицом. Ее огромные глаза заблестели от слез. Еще несколько мгновений она смотрела на меня, смирившись с мыслью о том, что выходить из трейлера ей нельзя. Я поставил ее на пол. Она попятилась, пока не уперлась спиной в посудомоечную машину. Уселась на пол... и зарыдала, вне себя от горя. Видите ли, она все поняла. Мне пришлось ей кое-что показать, иначе она не осталась бы в трейлере, пришлось... и я смог это сделать, потому что мы оба вошли в транс.

Пикап с надписью на борту «БАММ КОНСТРАКШН», в котором сидели Бадди и двое мужчин, уже катил в нашу сторону.

— Майк! — крикнул Джордж. В его голосе слышались панические нотки. — Надо бы тебе поспешить.

— Держись! — ответил я. — Держись, Джордж!

Мэтти сложила грязную посуду около раковины, но я не сомневался, что разделочный столик был совершенно чист, когда я бросился Кире наперерез. А теперь его покрывал слой сахара, высыпавшегося из перевернутой банки. И по сахару прошла чья-то невидимая рука, написав:

*до пош**

— Как бы не так! — прорычал я и вновь склонился над ящиками. Ни скотча, ни веревки. Не было даже пар-

* Теперь уходи (англ.).

шивой пары наручников, хотя у хорошей хозяйки их должно быть уж не меньше трех. А потом меня осенило: надо заглянуть в шкафчик под мойкой. Когда я вышел из трейлера, Кеннеди уже качало из стороны в сторону, а Футмен пристально следил за ним, выбирая момент для атаки.

— Ты нашел скотч? — спросил Джордж Кеннеди.

— Я нашел кое-что получше, — ответил я. — Скажи мне, Футмен, кто заплатил тебе? Дивоур или Уитмор? Или ты не знаешь?

— Пошел ты на хрен!

Правую руку я держал за спиной. Левой указал на дорогу и изобразил на лице изумление.

— Что это задумал Осгуд? Скажи ему, чтоб убирался отсюда.

Футмен повернул голову, инстинктивно, и я ударил его по затылку молотком, который нашел в ящике с инструментами под мойкой Мэтти. Раздался ужасный звук, брызнула кровь, я почувствовал, как подалась под железом кость. Футмен рухнул как подкошенный, я выронил молоток, к горлу подкатила тошнота.

— Отлично! — прокомментировал Джордж. — Возможно, излишне радикальное решение, но учитывая... учитывая...

Он не рухнул, как Футмен, а опускался медленно, все еще держа тело под контролем, но в итоге тоже отключился. Я поднял револьвер, посмотрел на него, затем зашвырнул в кусты по другую сторону дороги. Для себя пользы в оружии я не видел. Скорее наоборот, оно могло доставить мне лишние неприятности.

Еще двое мужчин покинули церковь. А также четыре женщины в черных платьях, под вуалями. Мне следовало поторопиться. Я расстегнул брюки Джорджа и стянул их вниз. Пуля пробила бедро, но рана уже практически не кровила, закупоренная сгустком свернувшейся крови. С Джоном дело обстояло иначе: кровь из раны в пред-

плечье продолжала течь ручьем. Я вытащил ремень из его брюк и стянул им руку повыше раны. Потом отвесил Джону пару оплеух. Его глаза раскрылись, вроде бы он меня узнал.

— Открой рот, Джон! — приказал я.

Он только смотрел на меня. Я наклонился к нему и, когда наши носы едва не соприкоснулись, рявкнул:

— ОТКРЫВАЙ РОТ! БЫСТРО!

Он открыл, как ребенок, когда медицинская сестра просит его сказать «а-а-а». Я засунул конец ремня между губами.

— Закрывай! — Он закрыл рот, зажал ремень зубами. — Вот так и держи. Держи, даже если потеряешь сознание.

Времени, чтобы убедиться, понял он меня или нет, не было. Я встал, огляделся. Злобное черное небо, все в змеях-молниях. Такого видеть мне еще не доводилось.

По бетонным ступенькам я взлетел в трейлер. Ромми уже повернулся лицом к столу, положил на него руки, на них — голову. Кира по-прежнему сидела у посудомоечной машины и заливалась слезами.

Я поднял ее на руки, почувствовал, что она описалась.

— Нам пора идти, Кира.

— Я хотю Мэтти! Я хотю Мэтти! Я хотю мою Мэтти. Сделай так, тьтобы ей не было больно! Сделай так, тьтобы она не умиyала!

Я направился к двери. Проходя мимо столика с романом Мэри Хиггинс Кларк, я увидел ленты для волос — ленты, которыми мать и дочь поначалу хотели заплести волосы Киры, но потом отказались от этой мысли, остановив свой выбор на закрутке. Белые ленты с красными полосками по краям. Красивые. Не останавливаясь, я подхватил их, сунул в карман брюк, потом пересадил Киру на другую руку.

— Я хотю Мэтти! Я хотю мoмми! Сделай так, тьтобы она вейнулась! — Кира начала вырываться. Забарабани-

ла кулачками по моей голове. — Опустименя! Отпусти! Отпусти!!!

— Нет, Кира.

— Отпусти меня! Отпусти! ОТПУСТИ! ОТПУСТИ!

Я понял, что сейчас она вырвется из моих рук. А потом, уже в дверях трейлера, она перестала сопротивляться.

— Дай мне Стикена! Хочу Стикена!

Я не понимал, о чем она говорит, но посмотрел, куда она указывала, и мне все стало ясно. На дорожке, неподалеку от горшка с помидором, под которым Мэтти прятала запасной ключ, лежала набивная игрушка из «Счастливого домика». Игры на улице отразились на внешности Стрикленда. От пыли светло-серый мех заметно потемнел. Однако если игрушка могла успокоить девочку, почему отказывать ей в этой маленькой радости? А о грязи и микробах в такой ситуации следовало забыть.

— Я дам тебе Стрикленда, если ты пообещаешь закрыть глаза и не открывать их, пока я тебе не разрешу. Обещаешь?

— Обещаю! — Она дрожала всем телом, и огромные слезы, такие бывают только в сказках, но не в реальной жизни, покатались по ее щекам. Пахло горелым. То ли травой, то ли мясом. К горлу подкатила тошнота, но мне удалось подавить приступ.

Ки закрыла глаза. Еще две слезы скатились мне на руку. Большие и горячие. Одну руку Кира вытянула перед собой, растопылив пальцы. Я спустился по ступенькам, поднял игрушку, задумался. Сначала ленты, теперь собака. Ленты-то ладно, но не хотелось давать Кире набивную собаку, чтобы она взяла ее с собой. Не хотелось, а с другой стороны...

Она же серая, Ирландец! — прошептал голос НЛО. *Нечего из-за нее беспокоиться, она серая. А в твоём сне набивная игрушка была черной.*

Я смутно понимал, о чем толкует голос, да и не хотел понимать. Сунул Стрикленда в ладонку Ки. Она схвати-

ла игрушку, поднесла к лицу, поцеловала пыльный мех, по-прежнему не открывая глаз.

— Стикен помозет мамми, Майк. Стикен — волсебная собатъка.

И Кира уткнулась носом мне в шею. Я пересек двор, открыл переднюю дверцу моего автомобиля со стороны пассажирского сиденья, опустил на него девочку. Она тут же улеглась, закрыв голову руками, не выпуская собачки из пухлых пальчиков. Я велел ей так и лежать, не поднимая головы. Она ничем не показала, что услышала меня, но я и так знал, что мои слова дошли до нее.

Нам следовало поспешить, потому что старожилы приближались. Старожилы хотели довести дело до конца. А укрыться от них мы могли только в одном месте, только в одном месте мы могли чувствовать себя в безопасности — в «Саре-Хохотушке». Но уехать сразу же я не мог.

В багажнике лежало одеяло, старое, но чистое. Я вытащил его, вновь пересек двор, остановился рядом с Мэтти Дивоур, набросил одеяло на ее тело. Под одеялом она стала совсем маленькой. Повернувшись, я увидел, что Джон смотрит на меня. Его глаза остекленели от шока, но я чувствовал, что он постепенно приходит в себя. Зубами он по-прежнему держал ремень. Ну вылитый наркоман, перетягивающий руку перед тем, как уколиться.

— Э не мо ыть, — промычал он, но я понял, что он хотел сказать: «Этого не может быть».

— Помощь подоспеет через несколько минут. Держись. А мне надо ехать.

— Куда?

Я не ответил. Не успевал. Наклонился над Джорджем, пощупал пульс. Медленный, но наполненный. Рядом с ним тяжело дышал Футмен. Без сознания, но живой. Естественно, убить «папулю» не так-то просто. Ветер бросил в меня дымом от горящего автомобиля, и пах этот дым сгоревшей человеческой плотью. У меня в который уж раз скрутило желудок.

Я побежал к «шеви», скользнул за руль, задним ходом выехал на дорогу. Бросил один взгляд на двор: накрытое одеялом тело, трое мужчин на земле, черные дыры от пуль в стенке трейлера, распахнутая дверь. Джон приподнялся на здоровом локте, по-прежнему сжимая ремень зубами. Его плавающий взгляд задержался на моем автомобиле. Молния сверкнула так ярко, что мне пришлось прикрыть глаза рукой. А когда я убрал руку, вспышка погасла и день скорее напоминал темные сумерки.

— Лежи, Кира, — обратился я к девочке. — Не поднимай головы.

— Я тебя не слышу. — Голос ее сел от слез. — Ки и Стикен спят.

— Хорошо, — ответил я. — Отлично.

Я проехал мимо горящего «форда», остановился у выезда на шоссе. Посмотрел направо и увидел пикап, припаркованный на обочине. На борту надпись

БАММ КОНСТРАКШН

В кабине — трое мужчин, все не спускают с меня глаз. У дверцы со стороны пассажирского сиденья сидел Бадди Джеллисон. Я узнал его по шляпе. Я медленно поднял правую руку, выставил средний палец, показал им. Мужчины не отреагировали, выражение застывших лиц не изменилось ни на йоту, но пикап тронулся с места и покати́л ко мне.

Я повернул на Шестьдесят восьмое шоссе и под черным небом погнал «шеви» к «Саре-Хохотушке».

В двух милях от того места, где Сорок вторая дорога отходит от шоссе на запад, к озеру, стоял заброшенный сарай, на стене которого еще просматривалась выцветшая надпись: «МОЛОЧНАЯ ФЕРМА ДОНКАСТЕРА». Когда мы подъезжали к сараю, восточная половина неба осветилась мощной лилово-белой вспышкой. Я вскрикнул, загудел

гудок «шеви» — сам по себе, я в этом уверен. Из вспышки вылетела молния и вонзилась в сарай. С мгновение он стоял, как и прежде, только подсвеченный изнутри, а потом обломки разлетелись в разные стороны. Ничего похожего в реальной жизни я никогда не видел, только в кино. А уж последовавший удар грома чуть не разорвал мои барабанные перепонки. Кира жалобно пискнула и сползла с сиденья на пол, зажимая уши пухлыми ручонками. В одной руке она сжимала набивную собачку.

Минутой позже я въехал на Сахарный гребень. Сорок вторая дорога отходила от шоссе у подножия северного склона. С вершины я увидел весь Тэ-Эр-90: леса, поля, сараи, даже кусочек озера. Все это лежало под черным, как угольная пыль, небом, по которому то и дело змеились молнии. Воздух так наэлектризовался, что начал светиться. А с каждым вздохом я ощущал во рту вкус пороха. За гребнем все словно застыло. И мне никогда не забыть сюрреалистической четкости представшей передо мной картины. Я словно соприкоснулся с неким явлением природы, о существовании которого даже не подозревал.

Взглянув в зеркало заднего обзора, я увидел, что к пикапу присоединились еще два автомобиля, один из них с особым номерным знаком, указывающим на то, что принадлежит автомобилю ветерану войны. Когда я притормаживал, сбрасывали скорость и мои преследователи. Когда ускорялся, они тоже нажимали на педаль газа. Однако я не сомневался, что они прекратят преследование, как только я сверну на Сорок вторую дорогу.

— Ки? Ты в порядке?

— Сплю, — донеслось с пола.

— Хорошо, — кивнул я, и «шеви» покатиł вниз по склону.

Я уже видел красные велосипедные рефлекторы, маркирующие поворот на Сорок вторую дорогу, когда пошел град. Большие куски белого льда сыпались с неба, бара-

банили по крыше, словно тяжелые пальцы, отлетали от капота. Начали скапливаться в зазоре между ветровым стеклом и капотом, в котором «прятались» дворники.

— Что это? — испуганно спросила Кира.

— Просто град, — ответил я. — Нам он не страшен. —

И едва эти слова слетели с моих губ, как градина размером с небольшой лимон ударилась о мою сторону ветрового стекла и отлетела рикошетом, оставив после себя белую выбоину с побежавшими во все стороны трещинками. Неужели Джон и Джордж Кеннеди по-прежнему лежат под открытым небом? Я попытался мысленно дотянуться до них, но ничего не почувствовал.

Когда я сворачивал на Сорок вторую дорогу, град валил с такой силой, что я ничего перед собой не видел. Колес засыпало льдом. Правда, под деревьями он сразу таял. Я включил фары. Яркий свет прорезал белую пелену.

Едва мы въехали под деревья, опять полыхнула лиловато-белая вспышка, и мне пришлось отвести взгляд от бокового зеркала, чтобы не ослепнуть. Кира закричала. Я оглянулся и увидел огромную старую ель, медленно валившуюся поперек дороги. Ее комель уже горел. Падая, ель оборвала провода.

Мы блокированы, подумал я. И с другого конца дороги тоже. Мы здесь. Хорошо это или плохо, но мы здесь.

Кроны деревьев с двух сторон смыкались над Сорок второй дорогой, за исключением того места, где она выходила к лугу Тидуэлл. Град бомбардировал лес, как шрапнель, сшибая с деревьев ветки. Давно уже в этой части света не было такого страшного града. Пал он с четверть часа, не больше, но этого вполне хватило, чтобы уничтожить на полях почти весь урожай.

Над нами сверкали молнии. Я поднял голову и увидел большой оранжевый шар, за которым гнался шарик поменьше. Летели они сквозь деревья слева от нас, поджигая верхние ветви. Когда же мы добрались до луга Тидуэлл, град сменился стеной дождя. Я бы не смог вести

машину, если б мы тут же не нырнули под деревья. Под ними я все-таки мог продвигаться вперед, согнувшись над рулем и чуть ли не тычась носом в ветровое стекло: пытался хоть что-нибудь разглядеть в подсвеченной фарами водной стихии. Гром гремел без перерыва, а тут еще поднялся ветер и завыл меж верхушек деревьев. Перед «шеви» на дорогу свалилась толстая ветвь. Я переехал ее, слушая, как она скребет по днищу автомобиля.

Пожалуйста, не перекрывай нам дорогу, взмолился я, уж не знаю кому. Пожалуйста, позволь мне доехать до дому. Позволь нам укрыться в доме.

К тому времени, когда я свернул на подъездную дорожку, ветер усилился до ураганного. Деревья гнуло чуть ли не до земли, дождь лил как из ведра. Подъездная дорожка превратилась в реку, но я без малейшего колебания крутанул руль — на Сорок второй дороге мы оставаться не могли: если бы на автомобиль упало большое дерево, нас с Кирой раздавило бы, как двух букашек.

Я прекрасно понимал, что тормозить нельзя: автомобиль могло занести и вода утянула бы его, и нас вместе с ним, в озеро. Поэтому я включил первую передачу и не мешал потоку тянуть нас вниз по подъездной дорожке к едва проглядывающему сквозь водную стену бревенчатому коттеджу. Невероятно, но в доме кое-где горел свет, и окна напоминали иллюминаторы погружившегося на девять футов батискафа. Автономный генератор работал... во всяком случае, пока.

Молнии отбрасывали блики на озеро, зелено-синий огонь освещал черную чашу воды, по краю обрамленную белыми бурунами волн. Одна из столетних сосен, что еще недавно высилась слева от тропы-лестницы, переломилась пополам и упала верхушкой в озеро. Где-то позади нас с громким треском рухнуло на землю еще одно дерево. Кира закрыла уши руками.

— Все в порядке, маленькая, — успокоил ее я. — Мы уже здесь, уже приехали.

Я заглушил двигатель, выключил фары. А без них ничего не смог разглядеть: день превратился в ночь. Попытался открыть дверцу. Поначалу ничего не вышло. Я толкнул дверцу сильнее, и ее буквально вырвало из моей руки. Я вылез из кабины и в яркой вспышке молнии увидел, как Кира ползет ко мне по сиденью, с побледневшим от ужаса лицом, с круглыми глазами. Дверь качнуло назад, и она с силой ударила меня по заду, но я этого просто не заметил. Я наклонился, взял Киру на руки, вновь выпрямился. Холодный дождь мгновенно вымочил нас до нитки. Впрочем, какой дождь? Мы словно стояли под водопадом.

— Моя собачка! — взвизгнула Кира. Наверное, взвизгнула, хотя я едва расслышал ее. Зато я видел ее лицо и пухлые пальчики, которые ничего не сжимали. — Стикен! Я уйонила Стикена!

Я посмотрел вниз, и точно, потоком воды Стрикленда несло по асфальту подъездной дорожки мимо крыльца. Еще чуть-чуть, и вода увлекла бы его вниз по склону. Возможно, Стрикленд мог зацепиться за какой-нибудь корешок, но с тем же успехом мог оказаться и в озере.

— Стикен! — рыдала Ки. — Моя СОБАЧКА!

И в тот момент паршивая набивная собачка значила для нас больше всего на свете. Я бросился за ней с Ки на руках, забыв о проливном дожде, ветре и ярких вспышках молний. И тем не менее игрушка должна была добраться до склона быстрее меня — водный поток мчался слишком стремительно.

Но у края асфальта Стрикленда задержало трио растущих там подсолнухов, которых немилосердно трепал ветер. Они то поднимались, то клонились к земле, словно истово отбивали поклоны Господу нашему: «Да, Иисус! Благодарим Тебя, Господи!» Подсолнухи показались мне знакомыми. Не могли это быть те самые подсолнухи, что проросли сквозь доски крыльца в моем сне (и на фотографии, которую прислал мне Билл Дин), и все-таки это

были они; безусловно, они. Три подсолнуха, как три ведьмы в «Макбете», три подсолнуха с головками, как прожектора. Я вернулся в «Сару-Хохотушку»; я находился в трансе; я вернулся в свой сон и на этот раз растворился в нем.

— Стикен! — Ки билась и извивалась в моих руках. — Майк, поэзлуйста, Майк!

Раскат грома рванул над головой, словно бочка пороха. Мы оба закричали. Я упал на одно колено, схватил маленькую набивную собачку. Кира вырвала ее у меня и принялась неистово целовать. Я поднялся на ноги под очередной раскат грома, резкий, как удар хлыста. Я смотрел на подсолнухи, они — на меня, как бы говоря: *Привет, Ирландец, давно не виделись, правда?* Потом, поудобнее посадив Киру на руку, повернулся и направился к крыльцу. Каждый шаг давался с трудом: вода доходила до колен, поток тащил еще не растаявшие градины. Оторванная ветром ветка пролетела мимо и упала на то место, где я только что опускался на колено, чтобы поднять игрушку.

Я взбежал на крыльцо, ожидая, что навстречу выскочит Тварь в белом саване, но, разумеется, никто на крыльце меня не встретил. А вокруг продолжала бушевать стихия. Так что страхов хватало и без Твари.

Ки сжимала собачку обеими руками, и я не удивился, увидев, что от воды и грязи Стрикленд из серого стал черным. Ведь набивную собачку именно такого цвета я видел в своем сне. Но отступать было поздно. От урагана мы могли укрыться только в «Саре-Хохотушке». Я открыл дверь и с Ки на руках переступил порог.

Центральная часть «Сары», сердце коттеджа, простояла чуть ли не сотню лет и повидала много ураганов. Тот, что обрушился на озерный край в этот июльский день, был скорее всего самым мощным, но едва я вошел в дом (мы с Ки жадно хватали ртами воздух, словно люди, ко-

торые едва не утонули), как понял: коттедж выстоит. Толстенные бревенчатые стены создавали ощущение, что мы в банковском сейфе. Рев ветра и гром изрядно потухли и уже не наводили ужас. Изредка на крышу с громким стуком падала ветка. Где-то — как я предположил, в подвале — хлопала открывающаяся и закрывающаяся дверь. Звук этот напоминал выстрел стартового пистолета. Маленькая ель, упав, выдавила кухонное стекло. Теперь вершинка зависла над плитой, отбрасывая тень на разделочный столик и горелки. Я хотел отломать ее, но передумал: пусть и дальше затыкает дыру в окне.

Я отнес Киру в гостиную, и мы долго смотрели на озеро — черную воду под черным небом. В непрерывных вспышках молний мы видели, как ветер гнет к земле растущие по берегам деревья. И коттедж жалобно стонал, отчаянно сопротивляясь желанию ветра оторвать его от фундамента и сбросить вниз, в черную воду.

Раздался мелодичный звон. Кира оторвала головку от моего плеча, огляделась.

— У тебя мышь.

— Да, это Бантер.

— Он кусается?

— Нет, милая, он не кусается. Он... как кукла.

— А потому звенит его колокольчик?

— Он рад нашему приходу.

Я хотел, чтобы она приободрилась, потом увидел, что она вспомнила о Мэтти. А какая уж радость без Мэтти... Над нашими головами что-то огромное рухнуло на крышу, лампы замерцали, Кира вновь начала плакать.

— Не надо, милая. — Я закужил с ней по гостиной. — Не надо, Ки, не плачь. Не плачь, милая, не надо.

— Я хотю к мамми! Я хотю к моей Мэтти!

Я кружил по гостиной и укачивал Киру, как, по моему разумению, укачивают детей, у которых разболелся животик. Для трехлетней крохи она слишком многое понимала, а потому я не знал, сможет ли она выдержать

те ужасные страдания, что выпали на ее долю. Вот я и держал ее на руках и укачивал. Шортики ее намочили от мочи и дождя, горячие ручонки обнимали шею, на щечках смешались копоть и слезы, волосы висели мокрыми слипшимися прядями, из-под пальцев, сжимающих промокшую насквозь набивную собачку, текла грязная вода. Я кружил и кружил по гостиной «Сары-Хохотушки», под единственной горящей тусклым светом лампочкой. Генератор не может обеспечить постоянного напряжения, вот и лампочка то становилась чуть ярче, то притухала. То и дело позвякивал колокольчик Бантера, словно музыки, доносящаяся из мира, который мы иногда чувствуем, но никогда не видим. Наверное, я что-то ей напевал, наверное, пытался установить с ней мысленный контакт, и мы все глубже погружались в транс. А над нами неслись тучи и проливались дождем, который тушил пожары, вызванные молниями. Дом стонал, через разбитое окно нас то и дело обдавало порывами холодного ветра, но все-таки я чувствовал себя в безопасности. Мы добрались до дома, а дом, как известно, крепость.

Наконец слезы перестали течь из ее глаз. Щечкой она приникла к моему плечу, и когда мы в очередной раз проходили мимо выходящих на озеро окон, я увидел, как она широко раскрытыми глазами смотрит на бушующую стихию. Устроившись на руках у *высокого мужчины* с редеющими волосами. И тут я понял, что сквозь нас я без труда могу разглядеть стоящий в гостиной стол. Наши отражения в стекле сами стали призраками, подумал я.

— Ки? Хочешь что-нибудь съесть?

— Я не голодна.

— Может, выпьешь стакан молока?

— Нет, какао. Я замейзла.

— Конечно, замерзла. А какао у меня есть.

Я попытался опустить ее на пол, но она отчаянно ухватила за мою шею, прижавшись ко мне всем тель-

цем. Я выпрямился и поудобнее усадил ее на руку. Она сразу же успокоилась.

— Кто здесь? — спросила Ки и начала дрожать. — Кто здесь, кьоме нас?

— Я не знаю.

— Какой-то мальтик. Я видела его там. — Она указала Стриклендом на сдвижную стеклянную дверь, ведущую на террасу (все стулья перевернуло и разметало по углам, одного я не досчитался, наверное, его перебросило через ограждение). — Он тейный, как в том забавном соу, котойое мы видели с Мэтти. Там и дьюгие тейные люди. Зенсина в большой сляпе. Музьсина в синих бьюках. Остальных не могу йазглядеть. Но они наблюдают. Наблюдают за нами. Ты их не видись?

— Они не причинят нам вреда.

— Ты увейен? Увейен?

Я не ответил.

Нашел коробку «Свисс-мисс» за банкой с мукой, надорвал один из пакетиков, высыпал содержимое в чашку. Громыкнуло прямо над головой. Кира подпрыгнула у меня на руке, жалобно заверещала. Я прижал ее к себе, поцеловал в щечку.

— Не опускай меня на пол, Майк. Я боюсь.

— Не опущу. Будь умницей.

— Я боюсь этого мальтика, и музьсину в синих бьюках, и зенсину в сляпе. Это та зенсина, тьо носила платье Мэтти. Они — пьизьяки?

— Да.

— Они плохие, как те люди, тьо пьеслидовали нас на яймайке? Да?

— Не знаю, Ки, в этом-то все и дело.

— Но мы это выясним. —

— Что?

— Ты так подумал. «Мы это выясним».

— Да, — признал я. — Так я и подумал. Примерно так.

* * *

Пока вода грелась в чайнике, я с Ки на руках прошел в главную спальню в надежде найти для девочки что-нибудь из одежды Джо, но все ящики в комодке Джо были пусты. Так же, как и ее половина стенного шкафа. Я поставил Ки на большую кровать, на которой после возвращения в «Сару-Хохотушку» практически не спал, может, только раз или два днем, раздел ее, отнес в ванную, завернул в большое банное полотенце. Она дрожала от холода, губы посинели. Другим полотенцем я вытер ее волосы. Все это время она не выпускала из руки Стрикленда, и набивка уже начала вылезать из швов.

Я открыл шкафчик с лекарствами, порылся в нем, нашел то, что искал, на верхней полочке: бенадрил*. Некоторые растения вызывали у Джо аллергию, и она принимала его как антигистаминное средство. Подумал о том, чтобы посмотреть на коробочке срок годности, и чуть не рассмеялся. Какая разница? Я посадил Ки на крышку унитаза и выдавил из заклеенных пленочкой ячейек четыре бело-розовые капсулы. Сполоснул стакан для чистки зубов, набрал в него воды. Прodelывая все это, я заметил в зеркале ванной какое-то движение в главной спальне. Сказав себе, что это движутся тени деревьев, сгибаемых ветром, я протянул капсулы Ки. Она уже хотела взять их, потом замялась.

— Выпей. Это лекарство.

— Какое? — Маленькая ручонка застыла над капсулами.

— Против грусти. Ты умеешь глотать капсулы, Ки?

— Да. С двух лет.

Какое-то мгновение она еще колебалась, смотрела на меня, словно заглядывала в душу, убеждаясь, что я ей не лгу. Наверное, убедилась, потому что взяла капсулы

* В России это лекарство называется «димедрол», помимо антигистаминного, обладает снотворным эффектом.

и положила в рот, одну за другой. Проглотила, запивая маленькими глотками, снова посмотрела на меня.

— Мне все есё гьюстно, Майк.

— Они действуют не сразу.

Я открыл ящик для рубашек и нашел в нем старую футболку с надписью «Харлей-Дэвидсон». Конечно, Ки она была велика, но я завязал сбоку узел, и футболка превратилась в саронг, который то и дело спадал с одного ее плеча. Получилось даже красиво.

В заднем кармане брюк я всегда ношу расческу. Я достал ее, и со лба и висков Ки зачесал волосы назад. Она все больше становилась похожей на прежнюю Ки, но чего-то не хватало. Чего-то, непонятным образом связанного с Ройсом Мерриллом. Дурацкая мысль, но...

— Майк? Какая тьость? О какой тьости ты думаешь?

Вот тут мне все стало ясно.

— Я думаю не о трости, а о леденце*. Знаешь, есть такие полосатые леденцы на палочке? — А из кармана я достал две белые ленты. Красные края в мерцающем свете казались кровавыми. — Как вот эти ленты. — Волосы Ки я завязал в два хвостика. Итак, ленты в волосах, черная собачка в руке, подсолнухи переместились на несколько футов к северу, но они были. Все более или менее так, как в моем кошмарном сне.

Гром вновь резанул по барабанным перепонкам, неподалеку рухнуло дерево, свет погас. После пяти секунд темно-серой темноты лампочки зажглись вновь. Я понес Ки на кухню. Когда мы проходили мимо двери в подвал, из-за нее послышался смех. Я его услышал, Ки — тоже. Я это понял по ее глазам.

— Позаботься обо мне, — прошептала она. — Позаботься обо мне, потому что я очень маленькая. Ты обесял.

— Я позабочусь.

— Я люблю тебя, Майк.

* На английском трость и леденец на палочке обозначаются одним словом — cane.

— Я люблю тебя, Ки.

Вода кипела. Я наполнил чашку наполовину, добавил молока — чтобы охладить какао и для калорийности. С Ки на одной руке и чашкой в другой я направился к дивану. Проходя мимо стола в гостиной, глянул на пишущую машинку. На ней лежала моя рукопись, сверху — сборник кроссвордов. Чем-то они напомнили мне не очень-то и нужные бытовые приборы, которые сразу сломались, а теперь уже просто ни на что не годились.

Молния осветила полнеба, залив гостиную лиловым светом. В этом свете гнущиеся от ветра деревья напоминали растопыренные пальцы, и мне показалось, что я увидел женщину, которая стояла позади нас у печки. В соломенной шляпе с широченными полями.

— Тьто знатит, йека потьти добьялась до мойя? — спросила Ки.

Я сел, протянул ей чашку:

— Выпей.

— Потому эти люди пытинили моей момми зло? Они не хотели, тьтобы она веселилась?

— Скорее всего, — ответил я и заплакал. Ки сидела у меня на коленях, а я обеими руками вытирал слезы.

— Тебе тозе надо было пьинять пилюли от гьюсти. — Ки протянула мне чашку, большие банты на ее хвостиках качнулись. — Вот. Отпей.

Я глотнул какао с молоком. В северном крыле дома что-то заскрежетало. Мерное гудение генератора оборвалось, гостиная вновь погрузилась в серую темноту. Тени побежали по маленькому личику Ки.

— Теперь пей ты. — Я вернул ей чашку. — И не поддавайся страху. Может, свет снова зажжется. — И лампы зажглись, правда, теперь генератор хрипел и кашлял, а мерцание заметно усилилось.

— Йясскази мне сказку, — попросила Ки. — О Золотинке.

— О Золушке.

— Да, о ней.

— Хорошо. Но сказочникам надо платить. — Я вытянул губы дудочкой и почмокал.

Ки протянула мне чашку. Какао было вкусным и сладким. Не то что ощущение чужих взглядов. Но пусть они наблюдают. Пусть наблюдают, пока могут.

— Жила-была красивая девушка, которую звали Золушка...

— Давным-давно! Так натинаяется эта сказка! Так натинаяются все сказки!

— Правильно, я забыл. Давным-давно жила-была красивая девушка по имени Золушка, и были у нее две злые сводные сестры. Их звали... ты помнишь?

— Тамми Фей и Вэнна.

— Именно так. Они заставляли Золушку делать всю грязную работу, выметать золу из камина, чистить собастью конуру во дворе. Но так уж случилось, что известная рок-группа «Оазис» давала во дворце концерт, на который пригласили всех трех девушек...

Я добрался до того места, где фея-крестная ловит мышей и превращает их в «мерседес», когда бенадрил возымел действие. Вот уж действительно лекарство от грусти. Ки сладко спала у меня на руках, а чашка с какао практически опустела. Я вынул ее из ослабевших пальчиков, поставил на кофейный столик, убрал со лба прядку волос.

— Ки?

Никакой реакции. Она уже отправилась в страну сновидений. Наверное, еще потому, что днем ее разбудили, едва она успела заснуть.

Я поднял ее и отнес в северную спальню. Ножки болтались в воздухе, подол харлеевской футболки провис между коленками. Я положил Ки на кровать и укрыл до подбородка. Гром гремел, словно артиллерийская канонада; но она даже не пошевелинулась. Усталость, горе, бенадрил... все вместе они увели ее от призраков и печали. Оно и к лучшему.

Я наклонился и поцеловал Киру в щечку, которая уже не горела огнем.

— Я позабочусь о тебе. Я обещал — и позабочусь.

Словно услышав меня, Кира повернулась на бочок, положила руку со Стриклендом под щечку и умиротворенно вздохнула. Темная бахрома ресниц, полукругом лежащих на щеке, цветом резко отличалась от светлых волос. Меня захлестнула волна любви.

Позаботься обо мне, потому что я очень маленькая.

— Я позабочусь, малышка, — ответил я.

Я прошел в ванную и начал наполнять ванну водой, как однажды наполнял во сне. Она так и не проснется, подумал я, если до того, как генератор окончательно выйдет из строя, я сумею набрать достаточно теплой воды. Пожалел о том, что у меня нет резиновой игрушки, которую я мог бы дать ей на случай, если она проснется, вроде Кита Вильгельма, но у нее была собачка, да и скорее всего она бы и не проснулась. Я не собирался устраивать Кире купание под ледяной струей из колонки. Я же не жестокий человек и не безумец.

В шкафчике для лекарств лежали только одноразовые бритвенные станки, которые совершенно не подходили для еще одного оставшегося у меня дела. Толку от них чуть. Зато один из мясницких ножей на кухне мог сослужить нужную службу. И если бы мне удалось налить в раковину горячую воду, я бы ничего не почувствовал. Буква «Т» на каждой руке, с перекалиной на запястье...

На мгновение я вышел из транса. Голос, мой собственный, но с интонациями Джо и Мэтти прокричал: *Что ты задумал?*

Господи, что ты задумал, Майк?

Громыхнул гром, лампы моргнули, дождь полил с новой силой, ветер все выл и выл. А я вернулся в то место, где все было ясно и понятно, а выбранный мной курс являлся единственно верным. Пусть все закончится.

печаль, боль, страх. Я больше не хотел думать о том, как Мэтти танцевала на «фрисби», которая казалась световым пятном на сцене. Я не хотел быть здесь, когда Кира проснется, не хотел видеть вселенской тоски, которая наполнит ее глаза. Не хотел терпеть тягот этой ночи, не хотел встречать следующий день или день, который пришел бы ему на смену. Жизнь — это болезнь. Я собирался искупать Киру в теплой ванне и излечить ее от этой болезни. Я поднял руки. И в зеркале на дверце шкафчика для лекарств увидел, как поднимает их туманная фигура, Тварь. То был я. Я был той туманной фигурой, всегда был, и это откровение не вызывало у меня ни малейшего неприятия. Наоборот, грело душу.

Я опустился на колено, проверил воду. От нее исходило приятное тепло. Вот и отлично. Даже если генератор сейчас сломается, общая температура воды сильно не понизится. Ванна старая, глубокая. Шагая на кухню за ножом, я думал о том, что потом, после того как вскрою вены в горячей воде в раковине, я тоже могу забраться в ванну. Нет, решил я. Это будет неправильно истолковано людьми, которые найдут нас, людьми с грязными умишками, которые выскажут еще более грязные предположения. Те, кто придет, когда ураган стихнет и дорогу расчистят от упавших деревьев. Нет, после ванны я насухо вытру ее и уложу в кровать вместе со Стриклендом. А сам сяду в кресло-качалку. Колени прикрою полотенцами, чтобы кровь не капала на ковер, и тоже усну. Чтобы уже не проснуться.

Колокольчик Бантера все звенел. Только гораздо громче. Звон действовал мне на нервы, а кроме того, мог разбудить ребенка. Я решил это прекратить. Чего мне хотелось, так это тишины. Я уже направился к каминной доске, когда сильный порыв ветра обогнал меня. Меня обдало не холодным воздухом из разбитого окна, а теплым, как из тоннеля подземки. Порыв этот скинул с ру-

кописи сборник кроссвордов, но папье-маше, прижимавшее страницы рукописи, осталось на месте. И как только я посмотрел на рукопись, колокольчик Бантера умолк.

В темной гостиной послышался голос. Слов я не разобрал. Да и что могли означать слова? Что мог означать еще один сигнал, еще один горячий привет из Потустороннего Мира?

Прогремел гром, я вновь услышал голос. На этот раз, потому что генератор окончательно сдох и лампы погасли, погрузив гостиную в серую темноту, одно слово мне удалось разобрать: *девятнадцать*.

В нерешительности я потоптался на месте, потом начал поворачиваться и поворачивался, пока не оказался лицом к рукописи романа «Друг детства». И тут меня осенило. Мне открылась истина.

Речь шла не о сборнике кроссвордов, не о телефонном справочнике.

О моей книге. Моей рукописи.

Я шагнул к столу, хотя и помнил о том, что вода перестала наполнять ванну в северном крыле. С отключением генератора перестал качать и насос. Ничего страшного, решил я, воды уже набралось достаточно. Теплой воды. Я искупаю Киру, но сначала надо кое-что сделать. Заглянуть на девятнадцатую страницу, а потом, возможно, и на девяносто вторую. Я мог просмотреть и ее, потому что рукопись моя оборвалась на сто двадцать третьей. Со шкафа, в котором у меня хранились несколько сотен грампластинок, я схватил ручной фонарь, включил его, направил на стол. Белый круг лег на рукопись. В сумраке этого дня луч ручного фонарика по яркости не уступал лучу прожектора.

На странице девятнадцать Тиффи Тейлор, девушка по вызовам, ставшая впоследствии Реджиной Уайтинг, сидела в своей студии с Энди Дрейком, вспоминая тот

день, когда Джон Сэнборн (так называл себя Джон Шеклефорд) спас ее трехлетнюю дочь, Карен. И вот что я прочитал под раскаты грома и струи дождя, бьющие в сдвижную дверь, которая вела на веранду.

FRIEND, by Noonan/pg.19

over that way, I was sure of it», she
said, «but
when I couldn't see her anywhere, I went
to
look in the hot tub». She lit a cigarette.
«What I
saw made me feel like screaming, Andy —
Karen was
underwater. All that was out was her
hand... the
- nail were turning purple. After that...
I guess I
dived in, but I don't remember; I was
zoned out.
Everything from then on is like a dream
where stuff
runs together in your mind. The yard-guy —
Sanborn —
shoved me aside and dived. His foot hit
me in the
throat and I couldn't swallow for a week.
He yanked
up on Karen's arm. I thought he'd pull
it off her
damn shoulder, but he got her. He got
her».

In the gloom, Drake saw she was weeping.
«God.

Oh God, I thought she was dead. I was
sure, she was»*

Я сразу все понял, но все-таки прикрыл блокнотом левое поле страницы. И прочитал первые буквы каждой строки, как слово кроссворда, записанное по вертикали. Получилось, что ответ, который я так долго искал, давным-давно ждал меня в моей же книге:

owls undEr stud O

А если не обращать внимания на отступ на второй строчке снизу, выходило совсем уж замечательно:

owls undEr studIO**

Билл Дин, мой сторож, сидит за рулем своего пикапа.

Приехав сюда, он преследовал две цели: поздравить с возвращением в Тэ-Эр и предупредить насчет Мэтти Дивоур. Теперь с этим покончено, и он готов к отъезду. Он улыбается мне, демонстрируя дешевые вставные зубы. «Если у тебя будет возможность, поищи сов», — говорит он мне.

* «ДРУГ», роман Нунэна / стр. 19.

«Она не могла вылезти, я в этом не сомневалась, — сказала она, — но я не увидела ее и пошла к бассейну. — Она закурила. — А открывшееся мне едва не заставило меня закричать. Энди, Карен ушла под воду! На поверхности осталась только ее рука, и ногти уже начали синеть. Потом... Наверное, я прыгнула в бассейн, но не помню; я впала в транс. Все, что произошло потом, вспоминается мне как страшный сон. Этот парень, Сэнборн, оттолкнул меня в сторону и прыгнул в бассейн. Ногой он ударил меня по шее с такой силой, что я еще неделю ничего не могла глотать. Он дернул Карен за руку. Я подумала, что вырвет руку из плечевого сустава, но он вытащил девочку. Вытащил ее из воды.

В полумраке Дрейк видел, что она плачет.

— Боже, о Боже. Я думала, что она умерла. Я в этом не сомневалась» (англ.).

** Совы под студией (англ.).

Я спрашиваю его, зачем Джо потребовалась пара пластмассовых сов, и он отвечает, что вороны боятся сов и, видя их, не устраивают из крыш сортир. Я принимаю это объяснение, мне и без него есть о чем подумать, но... «Она словно приезжала только для того, чтобы распаковать сов...» — говорит он. И мне и в голову не приходит, во всяком случае, тогда, что по индейскому поверью совы нужны и для другого: они отгоняют злых духов. Если Джо знала, что пластмассовые совы отгоняют ворон, она наверняка знала и про духов. Моя жена всегда собирала такие вот крупинцы информации. Моя любопытная жена. Неисчерпаемый кладёзь всяких полезных, и не очень, сведений.

Гремел гром. Сверкали молнии. Я стоял в гостиной, держа рукопись в трясущихся руках.

— Господи, Джо, — прошептал я, — что тебе удалось узнать?

И почему ты мне ничего не сказала?

Но ответ я, похоже, знал. Она не сказала мне, потому что чем-то я походил на Макса Дивоура; наши прадеды срали в одну выгребную яму. Но она ничего не сказала и своему родному брату. Меня почему-то это успокоило.

Я начал пролистывать рукопись, и по коже побежали мурашки.

Прежде чем переехать во Флориду, Джон Шеклефорд жил в Студио-Сити, штат Калифорния. Первая встреча Дрейка и Реджины Уайтинг прошла в студии. Последний известный адрес Рэя Гэррети: Апартаменты-студио, на Ки-Ларго. Лучшая подруга Реджины Уайтинг — Стеффи Андервуд. Муж Стеффи — Тоул Андервуд. Тут — двойное попадание в десятку*.

Совы под студией.

И так везде, на каждой странице, все равно что имена, начинающиеся с «К» в телефонном справочнике.

* Underwood (Андервуд) — дословный перевод «под лесом», если от имени Towle (Тоул) в английском написании отбросить первую и последнюю буквы, получится owl — сова.

Вновь монумент, только построила его не Сара Тидуэлл, тут сомнений быть не могло, а Джоанна Арлен Нунэн. Моя жена незаметно от бдительного надзирателя отправляла мне послания, молясь всем сердцем, что я их замечу и пойму.

На девяносто второй странице Шеклефорд беседовал с Дрейком в тюремной камере для встреч с посетителями. Он сидел, зажав руки между коленями, глядя на цепь, сковывающую его лодыжки, отказываясь посмотреть Дрейку в глаза.

FRIEND, by Noonan/pg. 92

only thing I got to say. Anything else,
fuck,
what good would it do? Life's a game,
and I
lost. You want me to tell you that
I yanked
some little kid out of the water, pulled
her
up, got her motor going again? I did,
but
not because I'm a hero or saint...*

Дальше я читать не стал. Зачем? Первые буквы строк, как и на девятнадцатой странице, складывались в то же послание: owls under studio. Наверное, я мог бы найти его же и на других страницах. Я вспомнил, как радовался, когда осознал, что психологического барьера больше нет и я вновь могу писать. Барьер исчез, все так, но не потому, что я разрушил его или нашел обходной путь.

* Единственное, что я могу сказать. Говорить что-то еще смысла нет. Жизнь — это игра, и я оказался в проигравших. Вы хотите, чтобы я рассказал вам, что вытащил маленькую девочку из воды, а потом помог ей запустить тот моторчик, что бьется в груди. Да, помог, но не потому, что я — герой или святой... (англ.)

Его уничтожила Джо. Джо разделалась с ним, но отнюдь не для того, чтобы я и дальше мог писать второсортные детективы-триллеры. Я стоял под вспышками молний, чувствуя, как кружатся вокруг мои невидимые гости, и вспоминал миссис Моугэн, мою первую учительницу. Когда наши усилия написать на классной доске буквы английского алфавита не приводили к желаемому результату, она накрывала детскую ручку своей, а уж две руки выводили на доске то, что и требовалось.

Вот так и Джо помогала мне.

Я пролистывал рукопись и повсюду натывался на ключевые слова, иногда расположенные друг над другом так, чтобы прочитать их не составляло труда. Как же она старалась заставить меня услышать... а я не желал ничего делать, не докопавшись до причины.

Я положил рукопись на стол, но, прежде чем успел придавить ее пресс-папье, яростный порыв ледяного ветра налетел на меня и разметал листы по всей гостиной. А если б мог, разорвал бы их на мелкие клочки.

Нет! вскричал источник арктического холода, когда я взялся за рукоятку фонаря. *Нет, сначала закончи свою работу!*

Ледяной ветер бил мне в лицо — словно кто-то невидимый стоял передо мной и дышал на меня, набирая полную грудь воздуха, словно тот плохой волк, что один за другим сдувал дома трех поросят.

Зажав фонарь под мышкой, я поднял руки и резко хлопнул в ладоши. Ледяные выдохи прекратились. Теперь холодным воздухом тянуло лишь из разбитого окна.

— Она спит, — объяснил я призраку, который никуда не делся, лишь затих, наблюдая за мной. — Время еще есть.

Вышел я через дверь черного хода, и ветер тут же взял меня в оборот, сгибая пополам, едва не валя с ног. В качающихся деревьях я видел зеленые лица, лица мертвецов. Дивоура, Ройса, Сынка Тидуэлла. Но чаще всего я видел лицо Сары.

Она мерещилась мне повсюду.

Нет! Возвращайся! Незачем тебе искать сов, сладенький! Возвращайся! Заверши начатое! Сделай то, ради чего пришел!

— Я не знаю, ради чего пришел, — ответил я. — И пока не выясню, ничего делать не буду!

Ветер взвыл, словно я нанес ему смертельное оскорбление, громадная ветвь отломилась от сосны, что росла справа от дома, обрушилась на крышу «шеви», прогнула ее, а потом свалилась на землю рядом со мной.

Хлопать в ладоши не имело смысла. Здесь был ее мир, не мой... Правда, находился я на самой его границе. Но с каждым шагом к Улице, к озеру, я углублялся в мир, где ткань времени истончалась и правили призраки. О Боже, что стало тому причиной?

Тропинка к студии Джо превратилась в ручей. Не пройдя и десятка шагов, я споткнулся о камень и повалился на бок. Небо пропорол зигзаг молнии, раздался треск: обломилась еще одна ветка, что-то полетело на меня. Я поднял руки, закрывая лицо, откатился вправо, подальше от тропинки. Ветка упала за моей спиной, а меня потащило по скользкому от мокрой листвы и иголок склону. Наконец я сумел подняться. Ветвь на тропе размерами превосходила ту, что помяла крышу моего автомобиля. Окажись я под ней, от меня мало бы что осталось.

Возвращайся! — злобно, надрывно шипел ветер.

Заверши начатое! — несло с Улицы.

Займись своим делом! — обращался ко мне сам коттедж, стонущий под порывами ветра. *Занимайся своим делом и не лезь в мои!*

Но Кира и была моим делом. Кира, моя дочь.

Я поднял фонарь. Стекло треснуло, но лампочка, как и прежде, ярко горела. Сгибаясь под ветром, прикрывая рукой голову от падающих веток, я двинулся к студии моей умершей жены.

Глава 27

Поначалу дверь не желала открываться. Ручка поворачивалась легко, и я знал, что дверь не заперта, но то ли дерево разбухло от проливного дождя... то ли ее подпирали изнутри. Я отступил на шаг, чуть пригнулся и с разбега навалился на дверь плечом. На этот раз она поддалась, немного, но поддалась.

Значит, она. Сара. Стояла с другой стороны двери и не давала мне ее открыть. Как ей это удавалось? Как гребаный призрак мог противостоять физической силе?

Я подумал о грузовичке с надписью «БАММ КОНСТРАКШН» на борту... и мысль эта неожиданно стала тем заклинанием, что позволило мне увидеть пересечение Шестьдесят восьмого шоссе и Сорок второй дороги. В затылок пикапу пристроился седан каких-то старушек, за ним — еще три или четыре автомобиля. Во всех без устали работали дворники, лучи фар прорезали стену дождя. Автомобили застыли вдоль обочины, словно выставленные на продажу в автосалоне. Но происходило это в другом месте, где не было ни покупателей, ни продавцов, лишь старожилы, молча сидевшие в своих машинах. Старожилы, как и я, впавшие в транс. Старожилы, ставшие источниками энергии.

Она подпитывалась от них. Грабила их. Точно так же она использовала Дивоура... и, разумеется, меня. Многие феномены, свидетелем которых я стал, создавались моей же собственной психической энергией. Забавно, знаете ли, когда думаешь об этом.

А может, тут более уместно употребить другое слово: «страшно».

— Джо, помоги мне, — попросил я, стоя под проливным дождем. Сверкнула молния, на мгновение превратив воду в расплавленное серебро. — Если ты любила меня, помоги.

Я отступил на шаг и вновь навалился на дверь. На этот раз никто мне не противостоял, и я буквально влетел в студию, зацепившись голенью за дверной косяк и рухнув на колени. Но удержал фонарь в руке.

На мгновение вокруг меня повисла тишина. Словно силы и призраки, присутствие которых я чувствовал, готовились к новому поединку. Все, казалось, застыло, хотя в лесу, по которому — со мной или без меня — любила бродить Джо, по-прежнему лил дождь, а ветер гудел в деревьях — безжалостный садовник, ломающийся напролом, за час выполняющий ту работу, которую другой делал бы десять лет. Потом дверь захлопнулась, и тут оно все и началось. Я видел все в слабом свете фонаря — включил его автоматически, не думая об этом. Какое-то время я не понимал, что происходит, видел лишь, как полтергейст уничтожает все то, что напоминало мне о жене.

Сотканный ею ковер сорвало со стены и теперь швыряло из угла в угол. От кукол отлетали головы. Стекланный абажур под потолком разлетелся вдребезги, осыпав меня осколками. Задул ветер, холодный, но к нему тут же присоединился другой поток, теплый, даже горячий, и они сплелись в вихре, словно изображая бушующий за стенами ураган.

Миниатюрная копия «Сары-Хохотушки», сработанная из зубочисток и палочек от леденцов, которая стояла на книжном шкафу, взорвалась изнутри. Весло, прислоненное к стене, поднялось в воздух и, как копье, полетело мне в грудь. Мне пришлось броситься на пол, чтобы избежать столкновения. В мои ладони впились рассыпанные по ковру осколки, но под ковром я нащупал какой-то выступ. А весло тем временем ударилось в стену за моей спиной и переломилось надвое.

Теперь уже банджо, на котором училась играть моя жена, взмыло в воздух, дважды перевернулось, выдало несколько аккордов, а потом все пять струн лопнули одновременно. Банджо перевернулось в третий раз, и его

с невероятной силой швырнуло об пол. Корпус разлетелся на щепочки, колки разнесло в разные стороны.

К вихрю прибавились какие-то звуки, яростные, звенящие от ненависти, потусторонние голоса. Я бы слышал жуткие крики, будь у призраков голосовые связки. Пыльный воздух кружился в свете моего фонаря, какие-то жуткие тени то сближались, то отдалялись. Мне показалось, что я услышал хриловатый, прокуренный голос Сары: *Убирайся, сука! Вон отсюда! Тебя это не...* Последовал удар (неслышный, конечно), воздух столкнулся с воздухом, затем раздался пронзительный вопль. Я его узнал, я уже слышал его глухой ночью. Кричала Джо. Сара причиняла ей боль, Сара наказывала ее за непрошеное вмешательство, и Джо кричала.

— Нет! — Я вскочил. — Отстань от нее! Оставь ее в покое! — И двинулся вперед, размахивая фонарем, словно хотел отогнать Сару от Джо. Мимо меня пролетел рой баночек с засушенными цветами, травами, грибами. Они ударились о стену, посыпались на пол. Ни одна в меня не попала — чья-то невидимая рука отводила их в сторону.

А потом в воздух поднялся стол Джо со сдвижной крышкой. С полными ящиками он весил не меньше четырехсот фунтов, но взмыл вверх словно перышко. Разнонаправленными потоками воздуха его качнуло сначала вправо, потом влево.

Джо закричала вновь, на этот раз не от боли, а от злости, а я попятился к закрытой двери, из последних сил, вымотанный донельзя. Выходило, что не только Сара могла подпитываться энергией живых. А потом стол полетел через комнату. Того, кто оказался бы перед ним, размазало бы по полу. Летел он с невероятной скоростью. Раздался разрывающий перепонки крик, недовольство выражала уже Сара, я это знал точно, и стол пробил стену, открывая доступ дождю и ветру. Крышка соскочила и повисла на одной петле, словно высунутый язык. Все ящички вылетели из пазов. Катушки с нитками, мотки

пряжи, иголки, путеводители, справочники, блокноты — все высыпалось, как осколки костей и пучки волос из перевернутого гроба с давно истлевшими останками.

— Прекратите! — простонал я. — Прекратите, вы обе. Достаточно.

Но я бы мог ничего им не говорить. Если не считать дождя и ветра, в развалинах студии моей жены я пребывал в гордом одиночестве. Одно сражение закончилось. Следующее еще не началось.

Я присел, сложил пополам зеленый ковер, стараясь не разбрасывать насыпавшиеся на него осколки абажура. Под ковром открылся люк, ведущий в подпол-кладовку. Моя рука нащупала под ковром петлю люка. Я знал о кладовке, и у меня в голове мелькала мысль о том, что сов следует искать в ней. Но потом навалились всякие события, и про кладовку я забыл.

Я ухватился за утопленное в доски кольцо, потянул, готовый встретить упорное сопротивление, но люк открылся очень даже легко. А от запаха, волна которого накатила на меня, я просто остолбенел. Пахнуло не затхлостью, во всяком случае, вначале, а любимыми духами Джо. Но тут же духи сменили другие запахи: дождя, корней, мокрой земли. Не слишком приятные запахи, но куда лучше, чем тот, что я учуял на Улице, у той чертовой березы, наклоненной над озером.

Я направил луч фонаря вниз. Три ступеньки. Что-то квадратное, как выяснилось чуть позже, старый унитаз. Я вспомнил, что Билл и Кенни Остер перетащили его сюда то ли в 1990-м, то ли в 1991 году. Металлические ящики, завернутые в пленку. Старые пластинки и газеты. Двухкассетный магнитофон в полиэтиленовом мешке. Видеомангнитофон — в другом мешке. А дальше, в углу...

Я сел на пол, свесил ноги в люк и почувствовал, как что-то коснулось лодыжки, которую я подвернул в озере. Направил луч фонаря между коленями и на мгновение

увидел маленького черного мальчика. Не того, что утонул в озере. Постарше и более высокого. Лет двенадцати, а то и четырнадцати. Утонувшему едва ли было больше восьми.

Этот оскалил зубы и зашипел, как кот. Глаза были без зрачков. Такие же, как и у утонувшего в озере, совершенно белые, глаза статуи. И он качал головой. *Не спускайся в подвал, белый человек. Не тревожь покой мертвых.*

— Но тебе нет покоя, — ответил я и направил на него луч фонарика. И на мгновение увидел что-то отвратительное. Потому что смог заглянуть в него. И разглядел гниющие остатки языка во рту, глаз в глазницах, мозга в черепе. А потом он исчез, оставив после себя лишь кружащиеся в луче фонаря пылинки.

Я спустился по ступенькам, подняв фонарь над головой. По стенам подвала побежали тени.

Пола в подвале-кладовке (очень низком, не позволяющем выпрямиться в полный рост) не было. Его заменял деревянный настил, на который и ставили вещи и ящики, чтобы избежать соприкосновения с землей. Теперь под настилом бурлили потоки воды. Запах духов совсем исчез. Теперь тут пахло сыростью и, уж не пойму почему, дымом и огнем.

Я сразу увидел то, за чем пришел. Заказанные по почте пластмассовые совы, доставку которых Джо лично отследила в ноябре 1993 года, специально приехав в Тэ-Эр, стояли в северо-восточном углу. «Выглядели они как настоящие», — помнится, говорил Билл, и, клянусь Богом, он не погрешил против истины. В ярком свете фонаря они казались чучелами, упрятанными в мешок из тонкого, прозрачного пластика. Золотые ободки глаз, черные зрачки, темно-зеленые перышки, светло-оранжевый живот. Согнувшись в три погибели, я заковылял к ним по скрипящим, качающимся доскам настила и, пожалуй, несколько бы не удивился, если бы обнаружил у себя за спиной преследующего меня черно-

кожего мальчугана. Добравшись до сов, я инстинктивно вскинул руку и стукнул кулаком по изоляции, слой которой отделял фундамент от пола студии. Подумав при этом: один удар — да, два — нет.

Пальцами я вцепился в пластиковый мешок и потянул сов к себе. Мне хотелось как можно быстрее выбраться из подвала. Не нравилось мне журчание воды под ногами. И запах дыма и огня не нравился, а он становился все сильнее, несмотря на продолжающуюся грозу. Может, Сара каким-то образом подожгла студию? Не хватало только сгореть заживо в сильнейший ливень.

Одна из сов стояла на пластмассовой подставке (оставалось только перенести ее на террасу, чтобы она отпугивала ворон), а вот у второй подставка отсутствовала. Я пятился к люку с фонарем в одной руке, второй таща за собой мешок с совами, вздрагивая при каждом ударе грома над головой. Но через несколько секунд концы отсыревшей клейкой ленты, стягивающей «горло» мешка, разошлись. Сова без подставки медленно повалилась на меня, ее золотисто-черные глаза не отрывались от моих.

Дуновение воздуха. Со слабым, но таким приятным запахом духов. Я ухватил сову за похожие на рога наросты на лбу и перевернул. Увидел в донной части два штыря, на которых крепилась подставка, и нишу между ними. А в нише лежала жестяная коробочка, которую я узнал еще до того, как вытащил. Джо приобрела ее в одном из магазинчиков, торгующих стариной, и написала МЕЛОЧИ ДЖО.

Я смотрел на коробочку с гулко бьющимся сердцем. Над головой гремел гром. Открытую крышку люка я уже не замечал, ничего не замечал, ничего не видел, кроме жестяной коробочки, которую держал в руке, размером с ящичек для сигар, но не такую глубокую. Второй рукой я взялся за крышку, снял ее.

Увидел сложенные листки бумаги, под ними два блокнотика вроде тех, в которых я в процессе работы над

книгой делал пометки и записывал действующих лиц. Блокноты-стягивала резинка. А на сложенных листках лежал блестящий черный квадрат. О том, что это негатив, я понял, лишь когда поднес его к фонарю.

Негатив запечатлел Джо в раздельном сером купальнике. Она стояла на плоту, закинув руки за голову.

— Джо! — вырвалось у меня, а потом я уже не мог произнести ни слова: перехватило дыхание. Еще мгновение я сжимал пальцами негатив: не хотелось с ним расставаться, потом положил его в коробочку с листочками и блокнотами. Вот зачем она приезжала в «Сару-Хохотушку» в июле 1994 года: собрать все эти материалы и хорошенько спрятать. Она забрала сов с террасы (Френк слышал, как хлопнула дверь) и перетащила сюда. Я буквально видел, как она отвинчивает подставку от одной совы, засовывает жестяную коробочку в пластмассовое чрево, укладывает обеих сов в пластиковый мешок и волочет в подвал студии. А в это время ее брат сидит на капоте своего автомобиля, курит «Мальборо» и ощущает флюиды. Нехорошие флюиды. Я сомневался, что когда-либо узнаю все причины, которыми она руководствовалась, или смогу представить себе, о чем она думала; но в одном я не сомневался: она верила, что я каким-то образом доберусь до ее записей. Иначе зачем ей оставлять на самом видном месте негатив?

Сложенные листки представляли собой ксерокопии заметок из «Голоса Касл-Рока» и «Недельных новостей», газеты, которая, вероятно, со временем стала «Голосом Касл-Рока». На каждом листке стояла дата, выписанная рукой моей жены. Самая старая заметка датировалась 1865 годом и называлась ЕЩЕ ОДИН ВЕРНУЛСЯ ЖИВЫМ. Речь шла о Джереде Дивоуре, тридцати двух лет от роду. Внезапно я нащупал ответ на один из вопросов, который не давал мне покоя: о людях, принадлежавших к разным поколениям, которые не сочетались между собой. Я сидел на корточках на деревянном настиле подвала, и мне

на ум пришла одна из песен Сары Тидуэлл. «Делают это и старики, и молодые, но без стариков молодым не понять, как это делается».

К тому времени когда Сара и «Ред-топы» появились в округе Касл и обосновались на лугу Тидуэлл, Джереду Дивоуру было шестьдесят семь или шестьдесят восемь лет. Старый, но крепкий. Ветеран Гражданской войны. К такому могли тянуться молодые. И песня Сары соответствовала действительности: старики могли показать молодым, как это делается.

Но что именно они сделали?

Заметки о Саре и «Ред-топах» ничего не прояснили. Я лишь мельком просмотрел их и отметил разве что общий тон. В них сквозило ничем не прикрытое пренебрежение. «Ред-топов» называли «нашими черными птичками с Юга» и «сладкоголосыми чернокожими». Указывалось на их «природное добродушие». В Саре отмечали «потрясающую для негритянки фигуру». Не остались без внимания «ее широкий нос, полные губы и высокий лоб». А также зачаровывающие как мужчин, так и женщин «приподнятое настроение, ослепительная улыбка и пронзительный смех».

Это были — Господи, спаси и охрани — *рецензии*. Можно сказать, положительные. С учетом «природного добродушия».

Я быстро добрался до последней из заметок в поисках причин, побудивших «черных птичек с Юга» к отлету, но ничего не нашел. Зато наткнулся на вырезку из «Голоса» от 19 июля 1933 года (*загляни на 19*, вспомнилось мне). Заметка называлась МНОГООПЫТНЫЙ ПРОВОДНИК-СЛЕДОПЫТ НЕ СМОГ СПАСТИ ДОЧЬ. Из нее следовало, что Фред Дин вместе с четырьмя сотнями мужчин сражался с пожаром в восточной части Тэ-Эр, когда ветер неожиданно переменялся и огонь пошел на северную часть озера, которая до этого считалась безопасной. В это время года многие местные жили там в летних домиках,

собирали ягоды, ловили рыбу, охотились (об этом я знал и сам). Место это называлось Сияющей бухтой. Жена Фреда, Хильда, находилась там с трехлетними близнецами, Уильямом и Карлой, пока ее муж тушил лесной пожар. Компанию ей составляли жены и дети многих других добровольцев-пожарных.

С переменной ветра огонь быстро пошел на Сияющую бухту, как писала газета, «словно взрывная волна». Языки пламени легко перескочили через единственную защитную полосу, прорубленную в лесном массиве, и начали пожирать акр за акром. Мужчин, которые могли бы противостоять пожару, в Сияющей бухте не было, а женщины, конечно же, бороться с огнем не могли. Так же естественно, что они запаниковали, побросали в машины детей и пожитки и обратились в бегство. На узкой дороге один из старых автомобилей сломался. Огонь подступал все ближе, с апреля в западном Мэне не было дождей, так что пищи ему хватало, а на единственном пути к спасению образовалась пробка.

Добровольцы-пожарные успели прибыть на помощь, но, когда Фред Дин нашел свою жену (она среди прочих пыталась откатить заглохший «форд» в сторону), открылось ужасное: Билли крепко спал на полу у заднего сиденья, а вот Карлы в автомобиле не было. Перед отъездом из Сияющей бухты Хильда усадила близняшек на заднее сиденье. Как обычно, они сидели, взявшись за руки. Потом Билли задремал и сполз на пол. Хильда в это время укладывала вещи в багажник. Карла, должно быть, вспомнила про оставленную игрушку и вернулась в домик. А в это время ее мать села за руль и, не проверив, на месте ли дети, тронула старей «де сото»* с места. Карла или осталась в домике в Сияющей бухте, или шла по дороге, догоняя уехавшие автомобили. В любом случае ей грозила смерть в огне.

* Комфортабельный автомобиль, в различных модификациях выпускался фирмой «Крайслер» с 1928 г. в течение тридцати лет.

На узкой дороге не было никакой возможности вернуть автомобиль и поехать назад. Поэтому Фред Дин, отчаянный смельчак, побежал навстречу ярко-оранжевым языкам пламени и черному дыму. А пожар раскрыл огненные объятия, чтобы встретить его.

Я читал все это, стоя на коленях на дощатом настиле, и внезапно запах копоти и дыма усилился. Я закашлялся... а потом кашель заглушил металлический вкус озерной воды во рту и в горле. Вновь, на этот раз стоя на коленях под студией моей жены, я почувствовал, что тону. Вновь я наклонился вперед, но выблевал лишь жалкий комочек слюны.

Я повернулся и увидел озеро. Гагары кричали в марева, направляясь ко мне, молотя крыльями по воде. Синеву неба затянула дымка. Пахло углем и порохом. С неба начал падать пепел. Восточный берег озера Темный След горел. Время от времени оттуда доносились громкие хлопки: взрывались деревья с дуплом. Взрывались, словно глубинные бомбы.

Я смотрел вниз, желая избавиться от этого видения, понимая, что через секунду-другую оно превратится в реальность, как это уже случилось с путешествием на Фрайбургскую ярмарку. Но вместо черных с золотистыми ободками глаз пластмассовой совы я увидел перед собой ярко-синие глаза маленькой девочки. Она сидела за столиком для пикника, вытянув перед собой пухлые ручонки, и плакала. Я видел ее так же ясно, как по утрам, когда брился, видел в зеркале отражение собственной физиономии.

Она не старше Киры, только толстушка, и волосы у нее темные, а не светлые. Такие, как были у ее брата, пока он не начал сидеть в то невероятное лето 1998 года — года, до которого ей не дожить, если, конечно, кто-нибудь не придет ей на помощь. Она в белом шелковом платице и красных гольфах, и она тянется ручонками ко мне, крича: «Папочка, папочка!» Я смотрю на нее, а потом что-то

горячее проносится сквозь меня, и я понимаю, что тут призрак — я, а горячая волна — Фред Дин, бегущий к дочери. «Папочка!» — обращается она к нему — не ко мне. «Папочка!» — И обнимает его, не обращая внимания на то, что сажает марают ее белое платье.

Фред целует ее, а дождь из непа усиливается. Гагары поднимаются в воздух, оглашая озеро печальными криками.

«Папочка, огонь приближается», — кричит Карла, когда он усаживает ее себе на руку.

«Я знаю, но бояться нечего, — говорит он. — Все у нас будет хорошо, сливка ты моя, ничего не бойся».

Огонь не приближается, он уже здесь. Восточная часть Сияющей бухты в языках пламени, и теперь они пожирают маленькие домики, в которых мужчины так любили расслабиться, вернувшись с охоты или рыбалки. Горит развешанное на веревках белье, выстиранное только утром. На землю летит дождь горящих листьев. Раскаленная капелька сосновой смолы попадает на шею Карлы, и девочка кричит от боли. Фред сшибает смолу и несет дочь к воде.

«Не делай этого! — кричу я. Я знаю, что не в моих силах что-либо изменить, но все равно пытаюсь. — Борись! Ради Бога, борись!»

«Папочка, кто этот мужчина?» — спрашивает Карла и указывает на меня в тот самый момент, когда вспыхивает домик Динов.

Фред смотрит в ту сторону, куда указывает ее палец, и на его лице отражается чувство вины. Он знает, что творит, и в этом весь ужас. В глубине души он знает, что он делает здесь, в Сияющей бухте, у которой заканчивается Улица. Он знает и боится, что кто-то станет свидетелем его деяний. Но он никого не видит.

Или видит? Его глаза на мгновение широко раскрываются, будто он заметил что-то подозрительное.

Возможно, воздушный вихрь. Или он чувствует мое присутствие? Возможно ли такое? Чувствует холодное дуновение в этой адской жаре? Как еще можно почувство-

вать руки, пытающиеся удержать его, если принадлежат они бестелесному существу? Потом он отворачивается и входит в воду рядом с маленьким причалом.

«Фред! — кричу я. — Ради Бога, посмотри на дочь! Неужели ты думаешь, что твоя жена специально одела ее в белое шелковое платье? Разве так одевают детей перед тяжелой дорогой?»

«Папочка, почему мы идем в воду?» — спрашивает она.

«Чтобы подальше уйти от огня, сливка».

«Папочка, я не умею плавать!»

«Плыть тебе не придется», — отвечает он, и от этих слов по моему телу пробегает дрожь. Потому что говорит он правду: плыть ей не придется, ни сейчас, ни потом. По крайней мере Фреду повезло больше, чем Нормалу Остеру: ему не пришлось топить своего ребенка под струей ледяной воды.

Подол белого платья Карлы всплывает на поверхность, словно водяная лилия. Красные гольфы мерцают сквозь толщу воды. Она крепко обнимает отца за шею, и теперь они уже среди гагар. Гагары бьют по воде мощными крыльями, взбивая пену, поднимая фонтаны брызг, и с интересом смотрят на мужчину и девочку. Воздух полон дыма, неба уже не видно. Я бреду за Фредом, ощущая прохладу воды, но мое тело не рассекает ее толщу. Восточный и северный берега озера в огне — и Фред Дин уходит все дальше от огненного полумесяца, с дочерью на руках, словно собираясь провести обряд крещения. И он по-прежнему убеждает себя, что старается ее спасти, только спасти, точно так же, как до конца своих дней Хильда будет убеждать себя, что девочка случайно забежала в домик за оставленной игрушкой, что она не бросила свою дочь, обрядив ее в белое шелковое платье и красные гольфы. Не бросила с тем, чтобы Карлу нашел ее отец, в свое время совершивший что-то ужасное. Это — прошлое, это — страна былого, и здесь грехи отцов падают на детей, иной раз даже в седьмом поколении, которого еще нет и в помине.

Он все глубже заходит в воду, и Карла начинает кричать. Ее крики вливаются в хор гагар, но Фред останавливает их, целуя дочь в перекошенный ротик. «Я тебя люблю. Папочка любит свою сливку», — говорит он, а потом опускает ее в воду. Как при крещении, только на берегу не стоит хор. Никто не поет «Аллилуйя», а Фред не позволяет девочке вынырнуть на поверхность. Она отчаянно сопротивляется, одетая в белое платье мученицы, и он больше не может смотреть на нее: он переводит взгляд на западный берег озера, еще не охваченный пожаром (огонь туда так и не добрался), на еще синеющее над западным берегом небо. Пепел черным дождем сыплется с неба, слезы текут по его щекам, Карла все вырывается из его рук, которые держат ее под водой, а он уже говорит себе: «То был несчастный случай, трагический несчастный случай. Я понес ее в воду, потому что другого безопасного места просто не было, а она перепугалась, начала вырываться, сумела-таки выскользнуть из моих рук и...»

Я забываю, что здесь я — призрак. Я кричу: «Ки! Держись, Ки!» — и ныряю. Подплываю к ней, вижу ее насмерть перепуганное личико, вылезшие из орбит синие глаза, ротик бантиком, из которого к поверхности озера бегут серебряные пузырьки. Фред стоит по горло в воде, держит дочь под водой и говорит себе, раз за разом, что он пытается ее спасти, это единственная возможность, он пытается ее спасти, это единственная возможность... Я тянусь к девочке, снова и снова тянусь к ней, моему ребенку, моей дочери, моей Ки (они все Ки, как мальчики, так и девочки, все они — мои дочери), но всякий раз мои руки проходят сквозь нее. А теперь, о ужас! — теперь она протягивает ко мне свои ручонки, молит о помощи. Но и ее ручонки проходят сквозь мои руки. Мы не можем ощутить друг друга, потому что здесь я — призрак.

Я — призрак, и, по мере того как ее сопротивление слабеет, я осознаю, что не могу... не могу... не могу...

Я не могу дышать — я тону.

Я согнулся пополам, открыл рот, и на этот раз из него вырвался поток озерной воды, залив пластмассовую сову, которая лежала на досках у моих коленей. Коробочку «Мелочи Джо» я инстинктивно прижал к груди, чтобы не намочить ее содержимое, и это движение вызывает новый приступ рвоты. На этот раз озерная вода полилась не только изо рта, но и из носа. Я глубоко вдохнул, тут же закашлялся.

— Это должно закончиться, — пробормотал я и тут же осознал, что это и есть конец, пусть еще и непонятно, куда что повернется. Потому что Кира — последняя.

По ступенькам я поднялся в студию и сел на заваленный хламом пол, чтобы перевести дыхание. Снаружи грохотал гром и хлестал ливень, но мне показалось, что пик уже миновал и буйство стихии идет на убыль. Во всяком случае, у меня сложилось такое впечатление.

Я сидел, свесив ноги в люк, зная, понятия не имею откуда, что никакие призраки более не схватят меня за лодыжку. Снял резинку, стягивающую оба блокнота. Раскрыл первый и увидел, что почти все страницы заполнены аккуратным почерком Джо — вот они, результаты поездок в Тэ-Эр в 1993-м и 1994 годах. Короткие комментарии, а в большинстве своем расшифровки магнитофонных записей. Думаю, сами кассеты поджидали меня в подвале, оставалось только их найти. Но скорее всего я мог прекрасно без них обойтись. Потому что всю основную информацию Джо перенесла в блокноты, я в этом нисколько не сомневался. Что случилось, кто что сделал, кто замел следы. В тот момент, однако, меня это нисколько не волновало. В тот момент мне хотелось только одного: сделать все возможное, чтобы Кире ничего не грозило. Для этого от меня требовалось только одно — сидеть тихо.

Я попытался надеть резинку на блокноты, но тот, который я еще не просмотрел, выскользнул из моей мокрой руки и упал на пол. Из него выскочил зеленый листок. Я поднял его и увидел следующее:

р.1868	р.1866	р. в Массачусеттс
Джеймс Нунэн	Бриджет Нунэн	Бентон Остер
Пол Нунэн р.1892		Гарри Остер р.1885
Джек Нунэн р.1920		Норман Остер р.1915
р. '56		р.1940 р.1943 - за 1945
Сью и Майк Нунэн р.1958/Джо		Кенни Остер Керри Остер
		р.1970 р.1974
Нампа К?		Дэвид Остер Кинза Остер
		↑
		3 БЕЗОПАСНОСТИ

На мгновение я вышел из того странного состояния, в котором пребывал в последние часы; мир вновь обрел привычные измерения. Но цвета оставались слишком уж яркими, а очертания предметов — чересчур четкими. Внезапно я оказался в шкуре солдата на ночном поле боя, которое неожиданно залил ослепительно белый свет. Свет, в котором видно все.

Предки моего отца жили в Нек, тут ошибки не было; моего прадеда звали Джеймс Нунэн, и он никогда не срал в ту же выгребную яму, что и Джеред Дивоур. Макс Дивоур то ли сознательно лгал Мэтти, то ли... ошибся, что-то перепутал. Удивляться этому не приходилось, старику шел восемьдесят шестой год. Даже такой мозг, как у Дивоура, мог давать сбои. Однако далеко от истины он не ушел. Потому что, если исходить из этого клочка бумаги, у моего прадеда была старшая сестра, Бриджет. И эта Бриджет вышла замуж за... Бентона Остера.

Мой палец двинулся ниже, к Гарри Остеру. Сын Бриджет и Бентона, родившийся в 1855 году.

— Святый Боже! — прошептал я. — Я прихожусь внучатым племянником деду Кенни Остера. А он был одним из них. Уж не знаю, что они там натворили, но Гарри

Остер был одним из них. Вот она, ниточка, протянувшаяся ко мне.

С ужасом я вспомнил о Кире. В доме она одна почти что час. Как я мог так сглупить? Пока я был в студии, в дом мог зайти кто угодно. Сара могла использовать кого...

И тут я понял, это не так. Убийц и детей-жертв связывало кровное родство, а теперь со сменой поколений кровь разжижалась. Потому что река почти добралась до моря. Билл Дин держался подальше от «Сары-Хохотушки». Кенни Остер уехал с семьей в Таксачусетс. Ближайшие родственники Ки — мать, отец, дед — умерли.

Остался лишь я. Лишь во мне текла нужная кровь. Если только...

Со всех ног я помчался к дому, поскальзываясь на каждом шагу. Мне не терпелось убедиться, что с Ки все в порядке. Я полагал, что сама Сара не сможет причинить Кире вреда, сколько бы энергии ни черпала она из старжилов... а если я ошибался?

Если я ошибался?

Глава 28

Ки по-прежнему крепко спала на боку, положив под щеку вываленную в грязи маленькую набивную собачку. Собачка перепачкала ей шею, но я не смог заставить себя вынуть игрушку из расслабленных пальчиков. Из ванной доносилось размеренное «кап-кап-кап». Вода из крана продолжала течь в ванну. Холодный ветерок овеял мне щеки, пробежался вдоль спины, не вызвав неприятных ощущений. В гостиной звякнул колокольчик.

Вода еще теплая, сладенький, прошептала Сара.

Стань ей другом, стань ей папочкой. Сделай как я хочу.

Сделай то, чего мы оба хотим.

И я действительно этого хотел. Вот почему Джо сначала пыталась держать меня подальше от Тэ-Эр и «Са-

ры-Хохотушки». Потому-то и не говорила мне о своей беременности. Я словно открыл в себе вампира, для которого не существует таких понятий, как совесть и мораль. Этот вампир хотел только одного: унести Киру в ванную, опустить в теплую воду и держать там, наблюдая, как колышутся под водой белые с красными полосами ленты для волос. Точно так же Фред Дин наблюдал, как колышется под водой белое платье Карлы, то открывая, то закрывая красные гольфы. А вокруг горел лес. Эта часть моего «я» только и мечтала о том, чтобы расплатиться по старому счету.

— Господи! — пробормотал я, вытирая лицо дрожащей рукой. — Она же чертовски хитра. И силы ей не занимать.

Дверь ванной попыталась захлопнуться передо мной, но я открыл ее, преодолев сопротивление Сары. Распахнулась дверца шкафчика с лекарствами, ударилась о стену, зеркало разлетелось вдребезги. Содержимое шкафчика полетело мне в лицо, но я без труда отразил эту атаку. Какие снаряды из тюбиков с пастой, зубных щеток, пластиковых флаконов да ингаляторов? До меня донеслись ее возмущенные крики, когда я вытащил пробку из сливного отверстия ванны и вода полилась в трубу. В Тэ-Эр и без Киры хватало утопленников. И тем не менее в тот самый момент меня охватило отчаянное желание вернуть пробку на место и довершить начатое, благо воды пока хватало. Но я сорвал пробку с цепочки и вышвырнул за дверь. В ответ дверца шкафчика для лекарств с треском захлопнулось, на пол полетели последние осколки зеркала.

— Скольких ты убила? — спросил я ее. — Скольких ты убила, помимо Карлы Дин, Кенни Остера и нашей Ки? Двоих? Трех? Пятерых? Скольких тебе надо убить, чтобы утомониться?

Всех! прокричали в ответ. И Сариным голосом, и моим. Она сумела пробраться в мое сознание, как вор

забирается в подвал дома... и я уже думал о том, что пустая ванна и обесточенный насос — не такая уж и помеха. Озеро-то рядом.

Всех! опять прокричал голос. *Всех, сладенький!*

Разумеется, она должна убить всех, и точка. На меньшее Сара-Хохотушка согласиться не могла.

— Я помогу тебе обрести покой, — сорвалось с моих губ. — Обещаю.

Ванна опустела... но озеро... вот оно, в нескольких шагах, на случай если я передумаю. Я вышел из ванной, посмотрел на Киру. Она лежала все в том же положении, ощущение, что Сара незримо присутствует в доме, исчезло. Затих и колющий Бантера. И все-таки мне было как-то не себе, не хотелось оставлять девочку одну. Но другого выхода у меня не было, если я хотел довести дело до конца, и не следовало мне тратить время попусту. Копы скоро окажутся здесь, невзирая на ураган и перекрывшие дорогу деревья.

Все так, но...

Я вошел в прихожую, подозрительно огляделся. Гром гремел по-прежнему, но уже с какой-то обреченностью. То же самое происходило и с ветром. А чувство, что за мной наблюдают, не ослабевало, причем на этот раз речь шла не о Саре. Я постоял еще какое-то время, стараясь убедить себя, что все дело в расшалившихся нервах, затем направился к двери.

Открыл ее, вновь огляделся, словно боялся, что кто-то или что-то прячется за книжным стеллажом. Возможно, Тварь. А может, другой призрак, который желал получить свой пылесос. Но нет, кроме меня, на этом клочке земли никого не было, а двигались разве что капли дождя, скатывающиеся по оконным стеклам.

Нескольких шагов до подъездной дорожки вполне хватило, чтобы я в очередной раз вымок насквозь. Впрочем, меня это уже не волновало. Я только видел, как тонула маленькая девочка, сам едва не утонул, и дождь,

пусть даже очень сильный, не мог остановить меня. Я сбросил с крыши «шеви» ветку, которая прогнула ее, открыл заднюю дверцу.

Покупки, сделанные мной в магазине «Саженьцы и рассада», дожидались меня на заднем сиденье, в пакете с ручками, который дала мне Лайла Проулкс. Лопатку и прививочный нож я видел, а вот третий купленный мной предмет находился в отдельном мешочке. «Положить его в мешочек? — спросила меня Лайла. — Предусмотрительность никогда не повредит». А потом, когда я уходил, она упомянула о том, что собака Кенни, Черника, сейчас гоняется за чайками, и добродушно рассмеелась. Только глаза ее не смеялись. Может, этим марсиане и отличались от землян — у марсиан глаза никогда не смеялись.

На переднем сиденье лежал подарок Ромми и Джорджа: стеномаска, которую я поначалу принял за кислородную маску Дивоура. Мальчики из подвала подали голос, во всяком случае, зашептались, я перегнулся через спинку сиденья и ухватил стеномаску за эластичную ленту, понятия не имея, зачем она может мне понадобиться. Однако бросил в пакет, захлопнул дверцу и направился к ступеням из железнодорожных шпал, которые вели к Улице. По пути я сунулся под террасу, где мы держали кое-какие инструменты. Кирки я не нашел, зато ухватил штыковую лопату, которая очень бы сгодилась при раскопке могилы. А затем спустился на Улицу. Нужное место я мог найти и без Джо: Зеленая Дама указывала дорогу. Если бы ее и не было, если бы мой нос не уловил трупного запаха, думаю, я бы все равно нашел могилу: меня привело бы к ней мое измученное сердце.

Между мной и серым валуном, что выпирал из земли, стоял мужчина, и когда я остановился на последней ступени, он обратился ко мне до боли знакомым, скрипучим голосом:

— Эй, сутенер, где твоя шлюха?

Он стоял на Улице, под проливным дождем, но его одежда, какую обычно носили лесорубы — зеленые парусиновые брюки и клетчатая шерстяная рубашка, — оставалась сухой, как и выцветшая синяя армейская фуражка. Потому что капли дождя падали сквозь него. Казалось, передо мной стоит здоровый мужик, но на самом деле я видел всего лишь призрак, который ничем не отличался от Сары. Я напомнил себе об этом, ступая с лестницы на тропу, но сердце у меня все равно ухало, как паровой молот.

Он надел одежду Джереда Дивоура, но передо мной стоял не Джеред, а его правнук Макс, который начал свою карьеру кражей снежоката, а закончил самоубийством... но перед этим успел подготовить убийство своей невестки, которая посмела отказать ему, не отдала то, что он хотел заполучить.

Я шел к нему, а он сместился на середину Улицы, чтобы загородить мне дорогу. Я ощущал накатывающие от него волны холода. Я говорю чистую правду, совершенно точно передаю свои ощущения: от него волнами накатывал холод. И передо мной стоял именно Макс Дивоур, только нарядившийся в костюм лесоруба, словно собрался на маскарад, и скинувший двадцать с небольшим лет. Думаю, так он выглядел, когда у него родился Лэнс. Старый, но крепкий. К таким обычно тянется молодежь. И тут же, словно вызванные моей мыслью, за спиной старика замерцали новые силуэты, полностью перегородившие Улицу. Я уже видел их в обществе Джереда на Фрайбургской ярмарке, только теперь некоторых узнал. Естественно, Фреда Дина — в девятьсот первом году ему исполнилось девятнадцать, и свою дочь он утопит еще через тридцать лет. Еще одного, чем-то похожего на меня, Гарри Остера, первенца сестры моего прадедушки, тогда шестнадцатилетнего. На его щеках только начал появляться пушок, но он уже валил

лес вместе с Джередом. И любое слово Джереда воспринимал как истину в последней инстанции. Еще один все время дергал головой и словно шурился... где-то я уже видел человека с таким вот тиком... Где? Я вспомнил — в «Лейквью дженерэл». Этот молодой человек приходился отцом Ройсу Мерриллу. Остальных я не знал. Да и не хотел знать.

— Тебе здесь не пройти, — прокрипел Дивоур. И вытянул руки перед собой, словно хотел остановить меня. — Даже и не пытайся. Правильно я говорю, парни?

Слышится одобрительный ропот (кто ж пойдет против главаря?), но голоса доносятся издалека, и звучит в них скорее грусть, чем угроза. В мужчине в одежде Джереда Дивоура теплится некая псевдожизнь — наверное, потому, что в реальной жизни энергия в нем была ключом, а может, причина в том, что он умер недавно. Остальные же мало чем отличались от изображений на экране.

Я двинулся вперед, навстречу волнам холода, навстречу исходящему от них гнилостному запаху, тому самому, что исходил от Дивоура и при нашей прошлой встрече на Улице.

— И куда это ты идешь? — прорычал он.

— Гуляю, — ответил я. — Имею полное право. Улица — общественная собственность. Здесь могут прогуливаться бок о бок прилежные щенки и шkodливые псы. Ты сам это говорил.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал мне Макс-Джеред. — И никогда не поймешь. Ты — из другого мира. Это наш мир.

Я остановился, с любопытством оглядел его. Время поджмало, я хотел с этим покончить... но мне хотелось знать правду, и я подумал, что Дивоур готов мне все рассказать.

— Попробуй растолковать мне. Убеди, что какой-то мир ты мог считать своим. — Я посмотрел на него, потом

на столпившиеся за его спиной полупрозрачные силуэты. — Расскажи, что вы сделали.

— Тогда все было по-другому. Когда ты приехал сюда, Нунэн, то мог прошагать все три мили до Сияющей бухты и встретить на Улице не больше десятка человек. А после Дня труда* не встретил бы никого. Этот берег озера зарос кустами, тут и там Улицу перекрывают упавшие деревья, а после этого урагана число их увеличится многократно. Некоторые завалы еще долго не расчистят. А вот в наше время... Лесов было больше, Нунэн, соседи жили далеко друг от друга, зато слово «сосед» что-то да значило. Иной раз от соседа зависела твоя жизнь. И тогда это действительно была улица. Можешь ты это понять?

Я мог. Мог, заглядывая в прошлое сквозь призрачные очертания Фреда Дина, Гарри Остера и остальных. Они были не просто фантомами — окнами в прошлое.

Вторая половина летнего дня... какого года? 1898? 1902? 1907? Не важно. В ту эпоху один год не отличался от другого, время, казалось, застыло. То самое время, которое старожилам вспоминается как золотой век. Страна Прошлого, Королевство Детства. Конец июля. Солнце заливает землю золотым светом. Озеро синее, поверхность поблескивает миллиардами искорок. А Улица! Трава на ней подстрижена, словно на газоне, она широка, как бульвар. Я понимаю, что это и есть бульвар, место, где местные жители могут показать себя, посмотреть на других. Улица — основное место общения, главный кабель в паутине, пронизывающей весь Тэ-Эр. Я все время чувствовал эту паутину, даже при жизни Джо я чувствовал, как эти кабели змеются под землей, но все они отходили от Улицы.

Люди прогуливаются по Улице, протянувшейся вдоль восточного берега озера Темный След, прогуливаются группами и поодиночке, смеются, болтают под бездонным синим небом. Здесь, здесь берет начало эта невидимая паутина.

* Национальный праздник США, отмечаемый в первый понедельник сентября.

Я смотрю на них и понимаю, что ошибался, принимая их всех за марсиан, жестоких и расчетливых инопланетян. К востоку от залитого солнцем бульвара высится темная громада лесов, холмов и оврагов, где может случиться всякая беда, от подвернутой ноги до неудачных родов, когда женщина умирает, прежде чем доктор успеет приехать из Касл-Рока на своей бричке.

Здесь нет электричества, нет телефонов, нет Службы спасения, здесь не на кого положиться, кроме как друг на друга, и некоторые из них уже не доверяют Господу Богу. Они живут в лесу и под тенью леса, но в летние солнечные дни выходят на берег озера. Они выходят на Улицу, вглядываются в лица друг друга и вместе радостно смеются. И вот тогда они ощущают себя единым целым, составной частью Тэ-Эр. По моей терминологии, входят в транс. Они — не марсиане; просто жизнь их проходит на границе света и тьмы, только и всего.

Я вижу приезжих, поселившихся в «Уэррингтоне», мужчин в белых фланелевых костюмах, двух женщин в длинных теннисных платьях с ракетками в руках. Между ними на трехколесном велосипеде лавирует мужчина. Переднее колесо поражает размерами. Группа отдыхающих останавливается, чтобы поговорить с молодыми парнями из Тэ-Эр.

Хотят узнать, смогут ли они принять участие в бейсбольном матче, который проводится в «Уэррингтоне» каждый вторник. Бен Меррилл, в недалеком будущем отец Ройса, отвечает: «Да, конечно, не думайте, что вас ждет увеселительная прогулка только потому, что вы из Нью-Йорка». Мужчины в белых костюмах смеются, женщины в теннисных платьях следуют их примеру.

Чуть дальше один мальчишка бросает бейсбольный мяч, а другой ловит его самодельной рукавицей. За ними молодые мамы, собравшись кружком, толкуют о своих детях. Мужчины в рабочей одежде обсуждают погоду и урожай, политику и урожай, налоги и урожай. Учитель из «Консолидейтид хай» сидит на сером валуне, который я так хорошо

знаю, и терпеливо объясняет урок хмурому мальчугану. Тому явно хочется быть в другом месте и заниматься другим делом. Я думаю, что со временем этот мальчуган станет отцом Бадди Джеллисона. «Ноготь сломался — береги палец», — думаю я.

Вдоль улицы выстроились рыбаки, и у всех приличный улов: озеро изобилует окунем, форелью, щукой. Художник, еще один отдыхающий, судя по накидке и модному берету, поставил мольберт и рисует далекие горы. Две женщины с интересом следят за его работой. Хихикая, мимо проходят девчонки, шепчутся о мальчиках, нарядах, школе. Чудесный, умиротворенный мир. Дивоур имел полное право сказать, что я его совершенно не знаю.

— Он прекрасен, — сказал я, с усилием возвращаясь в 1998 год. — Да, это так. Но о чем ведете речь вы?

— Как о чем? — Дивоур изображает изумление. — Она думала, что может прогуливаться здесь точно так же, как и остальные, вот о чем! Она думала, что может прогуливаться как белая женщина! С ее большими зубами, большими сиськами и заносчивой мордашкой. Она полагала себя особенной, не такой, как все, вот мы ее и проучили. Она хотела, чтобы я уступил ей дорогу, а когда у нее ничего не вышло, посмела дотронуться до меня своими грязными руками и толкнуть. Но ничего, мы научили ее хорошим манерам. Не так ли, парни?

Они одобрительно забормотали, но мне показалось, что у некоторых (а уж у юного Гарри Остера точно) перекосило физиономию.

— Мы указали ей ее место! — продолжил Дивоур. — Ясно дали понять, что она паршивая негритоска. Именно это слово повторял он снова и снова, когда они рубили лес в то лето, лето 1901 года, лето, когда Сара и «Ред-топы» стали музыкальной сенсацией для этой части света. Сару, ее брата и весь негритянский клан приглашали в «Уэррингтон», чтобы они играли для приезжих; их кормили икрой и поили шампанским...

во всяком случае, об этом вещал Джеред Дивоур своей пастве, когда во время перерыва на ленч они ели сандвичи с копченым мясом и солеными огурчиками, заботливо приготовленные их матерями (никто из молодых парней еще не успел жениться, хотя Орен Пиблз уже был обручен).

Однако не ее растущая слава злит Джереда Дивоура. И не приглашение в «Уэррингтон». И расстраивается он не из-за того, что Сара и ее братец сидят и едят за одним столом с белыми, и черные и белые пальцы берут хлеб с одного блюда. В «Уэррингтоне» живут приезжие, а в таких местах, как Нью-Йорк и Чикаго, сообщает он своим молодым и внимательным слушателям, белые женщины иногда даже трахаются с ниггерами.

«Нет! — вырывается у Гарри Остера, и он нервно оглядывается, словно боится увидеть за своей спиной белых женщин, забредших сквозь лес на Боуи-Ридж. — Не может белая женщина трахаться с ниггером! Это уже перебор!»

Дивоур одаривает его взглядом, который красноречивее слов: поживи с мое, и тогда посмотрим, что ты скажешь. Кроме того, ему без разницы, что происходит сейчас в Нью-Йорке и Чикаго. Во время войны он побывал в тех краях, и впечатлений ему хватило на всю жизнь. Да и воевал он не за освобождение негров. Он, Джеред Ланселот Дивоур, не возражал бы против того, чтобы ниггеры гнули спину на хлопковых полях до скончания века. Нет, он воевал, потому что считал необходимым проучить этих заносчивых южан, показать им, что никто не имеет права выходить из игры, если не нравятся некоторые правила. Он воевал, чтобы восстановить справедливость. Они не имели никакого права выходить из состава Соединенных Штатов Америки. Вот он, в меру своих сил, и воздал им по заслугам!

Нет, освобождение рабов ему до фонаря. Плевать ему и на хлопковые плантации, и на ниггеров, которые поют непристойные песни, а их за это угощают шампанским и йобстерами (так Джеред всегда коверкал слово «лобсте-

ры»). Плевать ему на это, если они знают свое место и не разевают рот на чужое.

Но она не желает выполнять это правило. Эта заносчивая стерва все делает по-своему. Ее предупреждали — держись подальше от Улицы, но она не слушает. Она выходит на Улицу, прогуливается по ней в белом платье, словно белая дама, а иногда берет с собой своего сына, с африканским именем и без отца. Его отец небось провел с этой сучкой одну ночь в каком-нибудь стогу в Алабаме и только его и видели. А теперь она вышагивает по Улице, будто имеет на это полное право, хотя остальные стараются ее не замечать...

— Но это же ложь, не так ли? — спрашиваю я Дивоура.

Именно в этом причина злости старика? Ее замечают, с ней разговаривают. Она притягивает людей, может, своим смехом. Мужчины говорят с ней об урожае, женщины показывают своих детей. Более того, дают ей поддержать на руках младенцев, а когда она улыбается им, они улыбаются в ответ. Девочки советуются с ней насчет того, как вести себя с мальчишками. Мальчишки... те просто смотрят. Но как они смотрят! Пожирают ее глазами и, полагаю, большинство из них думает о ней, когда запираются в туалете и начинают гонять шкурку.

Дивоур сникает. Он стареет прямо у меня на глазах, морщины углубляются, он превращается в того старика, который сбросил меня в озеро, потому что не терпел, когда ему перечили. Старая, он начинает растворяться в воздухе.

— Вот это бесило Джереда больше всего, так? Сару не отталкивали, ее не сторонились. Она прогуливалась по Улице, и никто не воспринимал ее как негритоску. К ней относились как к соседке.

Я находился в трансе, все глубже погружался в него, добрался уже до потока городского подсознания, который тек, словно подземная река. Пребывая в трансе, я мог

пить из этого потока, мог наполнять рот, горло, желудок его водой с холодным металлическим привкусом.

Все лето Дивоур говорил с ними. Они были не просто его бригадой, они были его сыновьями: Фред, Гарри, Бен, Орен, Джордж Армбастер и Дрейпер Финни, который на следующий год, летом, сломал себе шею и утонул, пьяным сиганув в Идз-Куэрри. Никто и не подумал, что он покончил с собой, решили, что несчастный случай. В период между августом 1901 года и июлем 1902-го Дрейпер Финни пил, пил много, потому что только так и мог заснуть. Только так он мог отделаться от руки, неотрывно стоявшей перед его мысленным взором, руки, которая высовывалась из воды, а пальцы ее сжимались и разжимались, сжимались и разжимались, пока ты не начинал кричать: «Хватит, хватит, хватит, когда же это закончится!»

Все лето Джеред Дивоур твердил им об этой сучке, выскочке-негритоске. Все лето разглагольствовал об их ответственности перед обществом. Они, мол, мужчины, их долг — оберегать незыблемость устоев, они должны видеть то, на что закрывают глаза другие. И если не они, то кто?

Произошло это в солнечное августовское воскресенье, после полудня. Улица словно вымерла. Чуть позже, часам к пяти, на ней вновь появились бы люди. От шести вечера до заката народ валил бы валом. Но в три часа дня Улица пустовала. Методисты собрались на другом берегу в Харлоу и пели свои гимны под открытым небом. Отдыхающие в «Уэррингтоне» переваривали сытную трапезу, жареную курицу или добрый кусок мяса. По всему городу семьи усаживались за обеденный стол. А те, кто уже отобедал, дремали — кто на кровати, кто в гамаке. Саре нравился этот тихий час. Пожалуй, она любила его больше других. Слишком уж много времени она проводила на наспех сколоченных сценах и в прокуренных забега-ловках, веселя своими песнями грубых, неотесанных муж-

ланов. Да, ей нравились суета и непредсказуемость этой жизни, но иной раз она стремилась к тишине и покою. К неспешным прогулкам под жарким солнцем. В конце концов, она уже не девочка. У нее сын, который скоро станет подростком. Но в то воскресенье она, должно быть, заметила, что на Улице слишком уж тихо. От луга она прошла с милю, не встретив ни души — даже Кито отстал: где-то в лесу собирал ягоды. Казалось, что весь город вымер. Она, разумеется, знает, что «Восточная звезда» устраивает благотворительный ужин в Кашвакамаке, даже послала туда грибной пирог, потому что подружилась с несколькими дамами из «Восточной звезды». То есть все члены «Восточной звезды» сейчас там, завершают подготовку к приему гостей. Но она не знает, что в это воскресенье освящается Большая баптистская церковь, первая настоящая церковь, построенная в Тэ-Эр. И многие местные отправились туда, причем не только баптисты. С другой стороны озера до нее доносится пение методистов. Красиво они поют, слаженно, как хорошо настроенный инструмент.

Она не замечает мужчин, в большинстве своем это молодые парни, которые обычно не решаются поднять на нее глаза, пока самый старший из них не подаст голос: «Вы только посмотрите, черная шлюха в белом платье и с красным поясом! Черт, да от такого многоцветья просто рябит в глазах! У тебя что-то с головой, шлюха? Ты не понимаешь слов?»

Сара поворачивается к нему. Она испугана, но по ней этого не скажешь. Она прожила на свете тридцать шесть лет, с одиннадцати лет она знает, что у мужчины между ног и куда ему хочется засунуть сей предмет. Она понимает, если мужчины сбиваются в кучу, предварительно приложившись к бутылке (а она улавливает запах перегара), они теряют человеческий облик и превращаются в свиней. И если выказать страх, они набросятся на тебя, как свора псов, и, как псы, разорвут на куски.

К тому же они поджидали ее. Иначе не объяснить их появления на Улице.

— Что же это за слова, сладенький? — спрашивает она, не отступив ни на шаг. «Где люди? Куда они все подевались? Черт бы их побрал!» На другом берегу методисты поют псалом.

— Тебе говорили, что нечего гулять там, где гуляют белые, — отвечает ей Гарри Остер. Его юношеский голос ломается, и на последнем слове он срывается на фальцет.

Сара смеется. Она понимает, что сейчас не время смеяться, но ничего не может с собой поделать. Не может она удержать смех, как не может запретить мужчинам бросать похотливые взгляды на ее грудь и зад. Такова воля Божия. Больше винить в этом некого.

— Я гуляю где хочу, — отвечает она. — Мне говорили, что это общественная земля, и ни у кого нет права запрещать мне гулять по ней. И никто мне этого не запрещал. Покажите мне тех, кто запрещал.

— Они перед тобой, — заявляет Джордж Армбастер с угрозой в голосе.

Сара смотрит на него с легким презрением, и от этого взгляда у Джорджа внутри все холодеет. А щеки заливают румянец.

— Сынок, — говорит она, — ты здесь только потому, что все приличные люди в другом месте. Почему ты позволяешь этому старику командовать тобой? Веди себя как должно и дай женщине пройти.

Я все это вижу. А образ Дивоура все тает и тает, наконец остаются одни глаза под синей фуражкой (сквозь них в этот дождливый предвечерний час я вижу доски моего плота, бьющиеся о берег). Я вижу все. Я вижу, как она идет прямо на Дивоура. Если она будет просто стоять, переругиваясь с ними, произойдет что-то ужасное. Она это чувствует, а своей интуиции она привыкла доверять. А если она пойдет на кого-то другого, старый масса на-*

* Господин (иск. англ.).

бросится на нее сбоку, увлекая за собой всех этих щенков. Старый масса в синей фуражке — возжак стаи, и она должна взять верх над ним. Он силен, достаточно силен, чтобы мальчишки безропотно подчинялись ему, во всяком случае, какое-то время, но недостает ему ее силы, ее решительности, ее энергии. В определенном смысле такое столкновение, лоб в лоб, ей по душе. Рег предупреждал ее: будь осторожнее, не торопи события, не набивайся к белым в друзья, пусть они делают первый шаг, но она идет своим путем, доверяет только собственным инстинктам. Да, перед ней семеро, но на самом деле ей противостоят только один, вот этот старик в синей фуражке.

Я сильнее тебя, старый масса, думает она, шагая к нему. Она ловит его взгляд и не позволяет отвести себе глаза. Он первым отводит глаза, уголок его рта дергается, между губами появляется и тут же исчезает кончик языка, совсем как у ящерицы. Это хороший знак... а потом он отступает на шаг, вот это совсем хорошо. И когда он делает этот шаг, молодежь разбивается на две или три группы, освобождая ей проход. С другого берега над гладкой как стекло поверхностью озера плывет пение методистов. Они по-прежнему славят Господа:

Когда мы с Господом идем
И слово Его — свет,
Какою Славой сиян наш путь...

Я сильнее тебя, сладенький, мысленно говорит она Дивоуру. И я покрепче тебя буду. Ты хоть и белый, но я — матка-пчела, так что уйди с дороги, если не хочешь, чтобы я вонзила в тебя свое жало.

— Сука, — шипит он, но в голосе его слышится поражение. Он уже думает, что сегодня не его день, что в ней есть что-то такое, чего он не различал издали, что видно только с близкого расстояния, какое-то черное колдовство, которое он почувствовал только теперь. Так что лучше подождать другого раза, лучше...

А потом он цепляет ногой за корень или за камень (возможно, за тот самый камень, рядом с которым ей суждено лечь в землю) и падает. Старая фуражка отлетает в сторону, обнажая обширную лысину. Лопаются швы брюк.

И вот тут Сара совершает роковую ошибку. Может, подштанники Джереда Дивоура производят на нее неизгладимое впечатление, может, она просто не в силах сдержаться: звук рвущихся ниток очень уж похож на громкий пердеж. Так или иначе, она смеется... ее залихватский хрипловатый смех разносится над озером. И этим смехом она подписывает себе смертный приговор. Дивоур ни о чем не думает. Просто бьет ее сапогом, лежа, не поднимаясь с земли. Бьет в самое уязвимое, самое тонкое ее место — по лодыжкам. Она вскрикивает от боли, чувствуя, как ломаются кости. Падает на землю, зонтик от солнца выскальзывает из ее руки. Набирает воздух в легкие, чтобы закричать вновь, но Джерעד опережает ее: «Заткните ей пасть! Шум нам ни к чему!»

Бен Меррилл падает на нее, все его сто девяносто фунтов. И воздух выходит из ее легких едва слышным выдохом. Бен, который никогда не танцевал с женщиной, не говоря уже о том, чтобы лежать на ней, мгновенно возбуждается.

Смеясь, начинает тереться о нее, а когда Сара пускает в ход ногти, он их не чувствует. Он словно превратился в один сплошной член, длиной с ярд. Она пытается выбраться из-под него, и он идет ей навстречу, перекачивается вместе с ней, так, что она оказывается сверху. А потом, к его полному изумлению, она бьет лбом по его лбу. Перед глазами вспыхивают звезды, но ему только восемнадцать лет, он силен как бык, так что сознание он не теряет, никуда не девается и эрекция.

Орен Пиблз, смеясь, рвет на ней платье. «Куча мала!» — кричит он и валится на нее сверху. И начинает тыкаться ей в зад, а Бен точно так же энергично тыкается снизу ей в живот. Тыкается и ржет, хотя кровь течет у него по лицу из рассеченной брови.

И Сара знает, что погибла, если не сможет закричать. Если она закричит, если Кито услышит ее, он побежит за помощью, и Рег...

Но она не успевает даже открыть рот, потому что старый масса приседает рядом на корточки и показывает ей нож с длиннющим лезвием. «Только вякни, и я отрежу тебе нос», — говорит он, и тут она сдается. Они все-таки взяли над ней верх, потому что она не вовремя засмеялась. Вот уж не повезло, так не повезло. Теперь их не остановить, и главное, чтобы Кито держался от них подальше. Пусть себе собирает ягоды, собирает и собирает, еще час, а то и больше. Он любит собирать ягоды, а через час этих мужчин здесь уже не будет. Гарри Остер хватает ее за волосы, тянет вверх, срывает платье с плеча, начинает целовать в шею.

Один только старый масса не набрасывается на нее. Старый масса стоит в шаге от кучи малы, поглядывает вдоль улицы. Его глаза превратились в щелочки. Старый масса похож на старого лиса, который передушил тысячи кур и знает все ловушки и уловки, на которые только способен человек. «Эй, Ирландец, умерь свой пыл, — говорит он Гарри, затем оглядывает остальных. — Оттащите ее в кусты, идиоты. В кусты, и подальше». В кусты они не оттаскивают. Не могут. Слишком уж им хочется овладеть ею. Но они оттаскивают ее за серый валун.

Считают, что дальше незачем. Она редко молится, но сейчас ничего другого ей не остается. Она молит Господа, чтобы они оставили ее в живых. Она молит, чтобы Кито держался отсюда подальше и не спешил наполнить корзину. А если заметит, что тут делается, не подходил бы к ним, а сразу бежал за Регом.

— Открывай рот, сука, — хрипит Джордж Армбастер. — И не вздумай укусить.

Они имеют ее сверху и снизу, сзади и спереди, по двое и трое одновременно. Они имеют ее там, где любой, кто идет по Улице, заметит их, но старый масса стоит чуть

в стороне, поглядывая то на молодых людей, попеременно спускающих штаны и наваливающихся на единственную женщину, то на Улицу, чтобы убедиться, что она по-прежнему пустынна.

Невероятно, но один из них, Фред Дин, говорит: «Извините, мэм», — кончив ей в рот. Словно случайно задел ее, проходя мимо.

И конца этому не видно. Сперма течет ей в горло, сперма залила промежность, кто-то укусил ее в левую грудь, и конца этому не видно. Они молоды, сильны, и когда кончает последний, первый, о Боже, уже готов занять его место. А на том берегу методисты поют «Возрадуемся, Иисус нас любит». Когда же старый масса подходит к ней, она думает: осталось немного, женщина, он последний, держись, еще чуть-чуть и все. Он смотрит на рыжего худенького паренька и еще на одного, который щурится и дергает головой, и велит им встать на стреме.

А сам намеревается вкусить ее плоти. Теперь-то сопротивления ждать не приходится. Он расстегивает пояс, расстегивает пуговицы ширинки, спускает подштанники, черные на коленях, грязно-желтые в мотне, опускается на колени, она видит, что маленький масса старого масса похож на змею со сломанным хребтом, и не может удержаться от смеха.

Залитая горячей спермой насильников, она смеется, смеется, смеется.

— Заткнись! — рычит Дивоур и бьет ее ребром ладони, едва не сломав скулу и нос. — Прекрати ржать!

— Наверное, у тебя встал бы, сладенький, если б на моем месте лежал один из твоих мальчиков, подняв к небу розовый зад? — спрашивает она и вновь смеется, в последний раз.

Дивоур поднимает руку, чтобы опять ударить ее, их обнаженные чресла соприкасаются, но его пенис так и не встает. Но прежде чем рука опускается на ее лицо, звенит детский голосок: «Ма! Что они делают с тобой, ма? Отпустите мою ма, сволочи!»

Она садится, сбрасывая с себя Дивоура, смех замирает, она ищет и находит глазами Кито, мальчика лет восьми, стоящего на Улице в аккуратном комбинезоне, соломенной шляпе и новеньких парусиновых башмаках, с корзинкой в руке. Губы его посинели от черники. В широко раскрытых глазах застыли недоумение и испуг.

— Беги, Кито! — кричит она. — Беги...

Красное пламя вспыхивает у нее в голове, она падает на спину, слышит доносящийся издали голос старого масса: «Поймите его! Нельзя его отпускать».

А потом она катится по длинному темному склону, а потом, заблудившись, уходит все дальше и дальше по коридору «Дома призраков», но даже оттуда она слышит его, она слышит своего маленького, она слышит, как он кричит. И я слышал его крик, опускаясь на колени у серого валуна, с пакетом в руке. Я не помнил, как добрался сюда, не помнил, как шел по Улице, если и шел. Я плакал, ужас, жалость, печаль переполняли меня. Она сошла с ума? Скорее всего. А чему тут удивляться? Дождь еще лил, но небесные шлюзы уже начали прикрываться. Несколько секунд я смотрел на свои руки, мертвенно-белые на фоне серого валуна, потом огляделся. Дивоур и его прихвостни ушли.

В нос бил крепкий запах разложения, от которого я едва не терял сознание. Но я порылся в пакете, достал стеномаску, шутки ради подаренную мне Ромми и Джорджем, натянул ее на рот и нос. Осторожно вдохнул. Полегчало. Запах не пропал, но уже не валил с ног, как ей того хотелось.

— Нет! — закричала она, когда я схватил лопату и начал копать. Но я не останавливался, отбрасывая и отбрасывая землю, размягшую от дождя, податливую.

— Нет! Не смей!

Я не оглядывался, чтобы не дать ей шанса оттолкнуть меня. Внизу, на Улице, сил у нее куда больше, может, потому, что произошло все именно здесь. Возможно ли

такое? Я этого не знал и не хотел знать. Думал я только об одном: закончить начатое. Когда попадались корни потолще, я перерезал их прививочным ножом.

— Оставь меня в покое!

Вот тут я оглянулся, позволил себе один короткий взгляд. Причина тому — странное потрескивание, которым сопровождался ее голос. Зеленая Дама исчезла. Береза каким-то образом превратилась в Сару Тидуэлл. В зеленой кроне я видел лицо Сары. Под дождем и ветром лицо это колебалось, расплывалось, пропадало, появлялось вновь. И мне открылась разгадка происходящего. Я все увидел в ее глазах. Почти что человеческих глазах, которые смотрели на меня из листвы. И глаза эти переполняли ненависть и мольба.

— Я еще не закончила! — надрывно кричала она. — Он был хуже всех, разве ты этого не понимаешь? Он был хуже всех, и его кровь течет в ее жилах. Мне не будет покоя, пока я не отомщу!

И тут с отвратительным звуком что-то начало рваться, трещать. Она вселилась в березу, превратила ее в свое тело и теперь вырывала корни из земли, чтобы добрать-ся до меня. И вырвала бы, если б смогла. И задушила бы руками-ветками. Набила бы мне легкие и живот листьями, пока меня не раздуло бы как воздушный шар.

— Пусть он — чудовище, но Кира не имеет никакого отношения к тому, что он натворил, — ответил я. — И ты ее не получишь.

— Нет, получу! — кричала Зеленая Дама.

И опять что-то рвалось и трещало. Только громче. Кэтим малоприятным звукам присоединился еще и скрежет. Я более не оглядывался. Не решался оглянуться. Лопата так и мелькала в моих руках.

— Получу! — кричала она; и голос ее заметно приблизился. Она шла ко мне, но я отказывался обернуться. Не хватало мне только увидеть шагающее дерево. — Получу! Он забрал моего ребенка, а я заберу его.

— Уходи, — слышался новый голос.

У меня задрожали пальцы, черенок лопаты едва не выпал из рук. Я повернулся и увидел Джо, стоявшую чуть правее и ниже. Она смотрела на Сару, материализовавшуюся в галлюцинацию шизофреника — чудовищное зеленовато-черное создание, поскальзывающееся при каждом шаге по Улице. Сара покинула березу, однако прихватила с собой всю ее жизненную силу, оставив от дерева только засохший ствол. Существо это вполне могло сойти за Невесту Франкенштейна, какой вылепил бы ее Пикассо. Лицо Сары появлялось и исчезало, появлялось и исчезало.

Джо стояла в белой рубашке и желтых брюках, которые были на ней в день смерти. Сквозь нее озера я не видел. В отличие от полупрозрачных Дивоура и молодых кобелей, она материализовалась полностью. Я чувствовал, как от меня словно отсасывают энергию, и понимал, куда она уходит.

— Убирайся отсюда, сука! — рявкнула псевдо-Сара. И вскинула то ли руки, то ли ветви — точно так же, как в моем самом страшном кошмаре.

— Хрен тебе. — Голос Джо остался ровным и спокойным. Она повернулась ко мне: — Поторопись, Майк. Времени у тебя в обрез. Нам противостоит уже не она. Она впустила одного из Потусторонних, а они очень опасны.

— Джо, я тебя люблю.

— Я тоже лю...

Сара исторгла дикий вопль и начала вращаться. Листья и ветви стали терять форму, сливаться, сплавляться в некую бешено вращающуюся колонну. В колонне этой уже не было ничего человеческого. Зато из нее так и перла дикая, звериная энергия. И эта колонна прыгнула на Джо. Они столкнулись, и Джо тут же утратила цвет и плотность, превратившись в фантом, который Сара принялась терзать и рвать на куски.

— Поторопись, Майк! — только и успела крикнуть Джо. — Поторопись.

Я склонился над могилой.

Лопата на что-то наткнулась. Не на камень, не на корень. Я расчистил площадку в глубине, понял, что добрался до парусины. Теперь я махал лопатой как заведенный, стремясь как можно быстрее отрыть страшную находку, опасаясь, что мне могут помешать. А за моей спиной в ярости ревела Тварь, и от боли исходила криком Джо. Ради мести Сара поступилась частью своей силы, чтобы призвать кого-то из Потусторонних. Так сказала Джо. Я не знал, о ком она говорила, да и не хотел знать. Зато я точно знал, что тело Сары — тот проводник, который связывал ее с Тэ-Эр. И если я успею...

Я очищал парусину от мокрой земли. На парусине проступили едва различимые буквы. «ЛЕСОПИЛКА ДЖ. М. МАККАРДИ». Лесопилка Маккарди сгорела во время пожара в 1933 году. Я видел фотографии. Когда я схватился за парусину, она порвалась под моими пальцами и в нос мне ударил гнилостный могильный запах. Я услышал сопение. Я услышал

Дивоура. Он лежит на ней и сопит, как хряк. Сара в полубреду что-то бормочет, ее распухшие губы блестят от алой крови. Дивоур через плечо оглядывается на Дрейпера Финни и Фреда Дина. Они догнали мальчишку и привели его, но он кричит не переставая, орет как резаный, орет с такой силой, что мертвого разбудит. И если они слышат, как на противоположном берегу озера методисты поют о «силе слова Божьего», то и методисты могут услышать вопли маленького ниггера.

— Суньте его под воду, чтобы замолчал, — говорит Дивоур, и в ту же секунду, словно слова эти — магическое заклинание, его конец начинает твердеть.

— О чем ты? — спрашивает Меррилл.

— Сам знаешь, — отвечает Дивоур. Он пыхтит как паровоз, приподнимая блестящий на солнце голый зад. — Он

нас видел. Хотите перерезать ему горло и перепачкаться в его крови? Я не возражаю. Берите мой нож, и за работу!

— Н-нет, Джеред! — в ужасе кричит Бен, его начинает бить дрожь.

Наконец-то у него все встало. Да, на это потребовалось чуть больше времени, но он далеко не мальчик, не то что эти щенки. Но уж теперь!.. Теперь он воздаст ей по заслугам за ее наглый смех, за ее заносчивость. И пусть смотрит весь город, плевать он на это хотел. Пусть приходят и смотрят. Он загоняет в нее свой член. До упора. И при этом отдает команды. Зад его мерно поднимается и опускается, поднимается и опускается.

— Кто-нибудь должен позаботиться о нем! Или вы хотите провести следующие сорок лет в Шоушенке?

Бен хватает Кито Тидуэлла за одну руку, Орен Пиблз — за другую, но когда они притаскивают мальчишку на берег, от былой решимости не остается и следа. Одно дело — изнасиловать наглую негритянку, которая позволила себе посмеяться над Джередом, когда тот, споткнувшись, упал и порвал брюки. Но утопить испуганного ребенка, словно котенка в луже... это совсем другое.

Их пальцы разжимаются, они испуганно смотрят друг на друга, и Кито вырывается из их рук.

— Беги, милый! — кричит Сара. — Беги и приведи...

Джеред стискивает ей горло, обрывая на полуслове.

Мальчик падает, зацепившись ногой за свою корзинку с черникой, и Гарри и Дрейпер тут же настигают его.

— Что будем делать? — спрашивает побледневший как полотно Дрейпер, и Гарри отвечает:

— То, что надо, — вот что он ответил тогда, и теперь я поступаю точно так же, невзирая на запах, невзирая на Сару, невзирая на отчаянные крики моей умершей жены. Я вытаскиваю парусиновый саван из земли. Веревки, завязанные по торцам, держатся, но парусина рвется посередине.

— Поторопись! — кричит Джо. — Мне больше не выдержать.

Тварь рычит, исходя злобой. Резкий треск, словно деревянная дверь разлетелась в щепы, и отчаянный вопль Джо. Я подтаскиваю к себе пакет с надписью «Сажены и рассада» и разрываю его в тот самый момент, когда Гарри (приятели зовут его Ирландцем за рыжие волосы) хватается мальчишку за плечи и прыгает с ним в озеро. Мальчишка вырывается из всех сил. Соломенная шляпа слетает с головы и плывет по воде.

— Возьмите ее! — кричит Гарри.

Фред Дин нагибается, достает шляпу.

Глаза у Фреда остекленели, как у боксера, пропустившего сильнейший удар. За их спиной хрипит Сара Тидуэлл. Как и разжимающиеся и сжимающиеся пальцы на руке мальчишки, высовывающейся из воды, хрип этот будет преследовать Дрейпера Финни, пока он не нырнет в Идз-Куэрри. Джеред усиливает хватку, при этом продолжая долбить Сару, пот льется с него рекой. Никакая стирка не смоет запах этого пота с его одежды. Он придет к выводу, что это «пот смерти», и сожжет одежду, чтобы избавиться от него.

И Гарри Остер хочет избавиться от всего этого.

Избавиться и не видеть больше этих людей, а особенно Джереда Дивоура, которого уже называет Сатаной. Гарри не может прийти домой и взглянуть в лицо отца, пока не закончится этот кошмар, пока жертвы не лягут в землю. А его мать! Как ему теперь смотреть в глаза его любимой матери, Бриджет Остер, круглолицей ирландки с седеющими волосами и необъятной, теплой грудью. Бриджет, у которой всегда находилось для него доброе слово. Бриджет Остер, святой женщины. Бриджет Остер, которая сейчас угощает пирогами прихожан на пикнике в честь открытия новой церкви. Бриджет Остер, его дорогой мамочки. Как он сможет предстать перед ее глазами, если она узнает, что его будут судить по обвинению в изнасиловании и избиении женщины, пусть и чернокожей женщины? Вот он и тащит упирающегося мальчишку на глубину.

Кито отчаянно сопротивляется. На шее Гарри появляется кровь. (Но царапина маленькая, и вечером Гарри скажет матери, что неловко задел ветку колючего куста, и позволит ей поцеловать царапину.) А потом он топит мальчишку. Кито смотрит на него снизу вверх, лицо его расплывается перед глазами Гарри, между лицом и поверхностью воды проплывает маленькая рыбешка. Окунок, думает Гарри. На мгновение задумывается, а что видит мальчишка, глядя сквозь толщу воды на лицо человека, который топит его, но тут же отгоняет эту мысль. Это всего лишь ниггер, напоминает он себе. Паршивый ниггер. И тебе он — никто.

Рука Кито высовывается из воды, маленькая коричневая ручонка. Гарри подается назад, не нужны ему новые царапины, но рука и не тянется к нему, только торчит над водой. Пальцы сжимаются в кулак. Разжимаются. Сжимаются в кулак. Разжимаются. Сжимаются в кулак.

Мальчишка вырывается уже не с такой силой, брыкающиеся ноги опускаются вниз. Глаза, что смотрят на Гарри из глубины, становятся сонными, но коричневая ручонка все торчит из воды, а пальцы сжимаются и разжимаются, сжимаются и разжимаются. Дрейпер Финни плачет на берегу.

Он уверен, что сейчас кто-нибудь появится на Улице и увидит, что они натворили... что они творят. Будь уверен: грехи твои выплывут наружу — так говорится в Лучшей Книге всех времен. Будь уверен. Он открывает рот, чтобы сказать Гарри: «Прекрати. Может, еще не поздно повернуть все вспять, отпусти его, пусть живет», — но ни звука не срывается с его губ. За его спиной заходится в предсмертном хрипе Сара. А перед ним сжимаются и разжимаются пальцы ее сына, которого топят, как котенка, сжимаются и разжимаются, сжимаются и разжимаются. Когда же это закончится, думает Дрейпер. Господи, когда же это закончится? И словно в ответ на его мольбу, локоть мальчика начинает разгибаться, рука медленно уходит под

*воду, пальцы последний раз сжимаются в кулачок и засты-
вают. Еще мгновение рука торчит из воды, а потом...*

Ладонью я хлопаю себя по лбу, чтобы отогнать видения. За моей спиной трещат и ломаются мокрые кусты. Джо и ее соперница продолжают отчаянную борьбу.

Я сунул руки в дыру в парусиновом саване, как хирург, расширяющий операционное поле. Рванул. Со стоном парусина разорвалась от верхней веревки до нижней.

Внутри лежало то, что осталось от матери с сыном: два пожелтевших черепа, лбом ко лбу, словно ведущие задушевный разговор, женский, когда-то красный, а теперь совсем уже выцветший пояс, клочки одежды и... куча костей. Две грудные клетки, большая и маленькая. Две пары ног, длинные и короткие. Бренные останки Сары и Кито Тидуэлл, похороненные у озера чуть ли не сто лет назад.

Большой череп повернулся. Уставился на меня пустыми глазницами. Зубы клацнули, словно хотели укусить меня, кости зашевелились. Некоторые, из маленьких, тут же рассыпались в прах. Красный пояс дернулся, пряжка приподнялась, словно голова змеи.

— Майк! — закричала Джо. — Поторопись! Поторопись!

Я выхватил мешочек из разорванного пакета, достал из него пластиковую бутылку.

Lye* still

в такие вот слова сложились буквы-магниты на передней панели моего холодильника. Еще одно послание, которое не смог перехватить цербер-охранник. Сара Тидуэлл — страшный противник, но она недооценила Джо... недооценила телепатической связи тех, кто долгие годы прожил в радости и согласии. Я съездил в «Саженцы и рас-

* Помимо трактовки, приведенной выше, английское слово *lye* имеет еще одно значение — щелок.

саду», купил бутылку щелока, а теперь открыл ее и поливал щелоком кости Сары и ее сына, которые сразу начали дымиться.

Послышалось громкое шипение, какое раздается, если открыть бутылку с пивом или с газированным напитком. Пряжка расплавилась. Кости побелели и рассыпались, словно были из сахара. Перед моим мысленным взором вдруг возникли мексиканские ребяташки, с леденцами на длинных палочках, отлитыми в виде скелетов по случаю Дня поминовения усопших. Глазницы в черепе Сары расширялись, а щелок заливался в темную пустоту — ту, что когда-то занимал ее мозг, ту, где обретались ее созидающий дар и смеющаяся душа. В этих глазницах я сначала прочитал изумление, а потом бесконечную печаль.

Челюсть отпала, зубы вывалились.

Череп сложился.

От пальцев не осталось и следа.

— О-о-о-о-о...

Вздых пронесся по мокрым деревьям, словно от порыва ветра... только порыв этот не набрал силу, а затих в насыщенном влагой воздухе. Во вздохе этом читалось безграничное горе и признание поражения. А вот ненависти я не услышал; ненависть исчезла, сгорела в щелоке, который я купил в магазине Элен Остер. А потом вздох, свидетельствующий об уходе Сары, сменился громким, почти человеческим криком какой-то птички, который и вывел меня из транса. Я поднялся с трудом (ноги едва держали меня) и оглядел Улицу.

Джо по-прежнему была рядом — полупрозрачный силуэт, сквозь который я видел озеро и очередной вал черных туч, надвигающихся со стороны гор. Что-то мелькало за ее спиной, возможно, птичка, на минуту покинувшая уютное и безопасное гнездо, чтобы посмотреть, сильно ли изменился мир, но меня она нисколько не интересовала. Я хотел видеть только Джо. Джо, которая

пришла Бог знает из какого далека и пережила невысказанные страдания ради того, чтобы помочь мне. Я видел, что она вымоталась донельзя, измучена до предела, от нее осталось совсем ничего. Но Тварь из потустороннего мира исчезла без остатка. Джо, стоявшая в круге из скукожившихся березовых листьев, повернулась ко мне и улыбнулась.

— Джо! Мы прорвались!

Ее губы шевельнулись. Я слышал какие-то звуки, но слов разобрать не мог. Она стояла рядом, но голос ее долетал до меня словно с противоположного берега озера. Однако я понимал ее. Считывал слова с ее губ, если вас больше устроит рациональное объяснение, а скорее, слышал ее мысли, это уже из области романтики. Дело в том, что счастливые семейные пары понимают мысли друг друга. И частенько могут обойтись без слов.

— Теперь все будет хорошо, правда?

Я посмотрел на разрыв в парусине. От скелетов остались только редкие обломки костей. Я вдохнул и закашлялся, несмотря на стеномаску. Не от трупного запаха — от паров щелока. А когда вновь повернулся к Джо, она практически исчезла.

— Джо! Подожди!

— *Не могу помочь. Не могу остаться.*

Слова долетали из другой солнечной системы, едва читались на почти прозрачных губах. От нее остались одни глаза, плавающие на фоне черных облаков, глаза цвета озера за ее спиной.

— *Поторопись...*

И она ушла. Скользя по мокрой земле, я заковылял к тому месту, где она стояла, загребая ногами опавшие березовые листья, ухватился за пустоту. Наверное, я выглядел полным идиотом, промокший до костей, в стеномаске, закрывающей нижнюю половину лица, пытающийся обнять влажный серый воздух.

Я уловил слабый аромат ее духов... а потом остались только запахи мокрой земли да паров щелока. Зато уже

не пахло и разложившимися трупами. Теперь они казались не более реальными, чем...

Чем что? Чем *что*? Или все это было, или ничего этого не было. Если ничего не было, то у меня совсем съехала крыша и мне прямая дорога в «Блу Уинг» на Джунипер-Хилл. Я посмотрел на серый валун, на мешок с костями, который я вырвал из земли, как сгнивший зуб. Над ним лениво курились редкие струйки дыма. Да уж, в реальности мешка, костей, дыма сомневаться не приходилось. Как и в реальности Зеленой Дамы, которая теперь превратилась в Черную Даму. Она засохла, стала такой же сухой, как и та сосновая ветвь, которую я принимал за руку.

Не могу помочь... не могу остаться... поторопись.

Не может помочь в чем? В какой еще помощи я нуждался? Дело сделано, верно? Сара ушла: душа последовала за костями, дорогие мои, сладкие ночные гости. Упокой, Господи, ее душу.

Но внезапно меня охватил ужас, который возник из воздуха и облепил меня, как мерзостный запах разложившейся плоти. В моем мозгу начало биться имя Киры, совсем как крик какой-нибудь экзотической птицы из тропических лесов: *Ки-Ки, Ки-Ки, Ки-Ки!* Я направился к ступенькам-шпалам и, несмотря на крайнюю усталость, на полпути уже бежал.

Поднялся по лестнице на террасу, вошел. В доме ничего не изменилось: если не считать окна на кухне, разбитого упавшим деревом, ураган «Сара-Хохотушка» выдержала. Но что-то было не так. Что-то я почувствовал, может, какой-то посторонний запах. Запах безумия? Не знаю.

В прихожей я остановился, посмотрел на книги, элморы леонарды и эды макбейны, разбросанные по полу. Словно их походя сбросила чья-то рука. Я видел и свои следы. Одни я оставил, когда приходил, другие — когда уходил. Они уже начали подсыхать. Больше ничьих сле-

дов тут быть не могло, в дом я Киру внес на руках. Но они были. Поменьше моих, но не такие маленькие, чтобы их оставил ребенок.

Я побежал в северное крыло, выкрикивая ее имя, но с тем же успехом я мог звать Мэтти, Джо или Сару. Слетая с моих губ, имя Киры звучало, как имя покойной. Покрывало было сброшено на пол. На кровати лежала только черная набивная собачка, точно так же, как и в моем сне.

Ки исчезла.

Глава 29

Я попытался установить контакт с Ки той частью моего сознания, которая последние несколько недель знала, во что Ки одета, в какой комнате трейлера находится, что делает. Разумеется, безрезультатно — и эту связь отрезало, как ножом.

Я позвал Джо, думаю, что позвал, но и она не откликнулась. Теперь я мог рассчитывать только на себя. И на Господа Бога. Если бы Он соблаговолил помочь мне. Помочь нам обоим. Я почувствовал поднимающуюся волну паники, попытался ее сбить. Я понимал, что сейчас мне необходим ясный ум. Потеря способности мыслить логически означала потерю Ки. По коридору я быстро вернулся в прихожую, стараясь не слышать мерзкий голосок у меня в голове, вещавший о том, что Ки уже потеряна, уже мертва. Я не хотел в это верить, не мог поверить, пусть телепатическая связь между нами и разорвалась.

Я вновь оглядел сброшенные на пол книги, посмотрел на дверь. Цепочка следов чужака тянулась от нее и к ней. Молния озарила небо, от раската грома заложило уши. Ветер вновь набирал силу. Я шагнул к двери, взялся за ручку, замер. Потому что заметил что-то постороннее,

зажатое между дверью и дверной коробкой. Что-то похожее на паутину.

Длинный седой волос.

Мои глаза широко раскрылись. Я бы мог и сам обо всем догадаться. Догадался бы, если б не чудовищное напряжение этого дня, если б не калейдоскоп событий, обрушившихся на меня.

Прежде всего ключом к разгадке служило время окончания ее разговора с Джоном. Девять сорок утра, произнес металлический голос фиксирующего устройства, то есть Роджетт звонила в шесть сорок... если действительно звонила из Палм-Спрингса. У меня сразу возникли сомнения, еще в машине, когда мы ехали к Мэтти, я подумал, что Роджетт, должно быть, страдает бессонницей, если начинает заниматься делами еще до восхода солнца. Но это был не единственный довод в пользу того, что Роджетт и не собиралась улетать в Калифорнию.

В какой-то момент Джон вытащил кассету. Потому что я побелел как мел, вместо того чтобы рассмеяться. Но я попросил поставить ее на место, чтобы мы могли дослушать все до конца. Объяснил, что побледнел от неожиданности: в душе я надеялся никогда больше не слышать ее голоса. Качество воспроизведения превосходное. Но на самом-то деле на пленку Джо отреагировали мальчики в подвале: конспираторы из моего подсознания. И отнюдь не ее голос испугал меня до такой степени, что побелело лицо. Испугал статический фон, характерный фон, сопровождающий все телефонные разговоры в Тэ-Эр, независимо от того, звонишь ты сам или звонят тебе.

Роджетт Дивоур ни на минуту не покидала Тэ-Эр. Я бы не простил себе, если б моя неспособность разгадать ее трюк стоила жизни Ки Дивоур. Не смог бы жить дальше. Я вновь и вновь говорил об этом Богу, сбегаю по ступенькам-шпалам, навстречу ветру и потокам дождя.

* * *

Просто чудо, что я не свалился в воду. Половину досок от плота вынесло к берегу. Я мог бы напороться на десяток гвоздей и умереть, как вампир, в которого всадили осиновый кол. Такая мысль, безусловно, грела душу.

Бег по скользкой от воды лестнице — не самое лучшее занятие для человека, состояние которого близко к паническому. Каждый шаг, похоже, эту панику только усиливал. И когда внизу я ухватился за ствол сосны, чтобы перевести дух и сообразить, что к чему, паника уже начала брать надо мной верх. В голове билось имя Ки, не оставляя места никаким другим мыслям.

Потом молния разорвала небо справа от меня и вышибла три нижних фута ствола громадной ели, которую видели Сара и Кито. Если бы я смотрел на нее, то точно б ослеп. Но мне повезло, и вспышку я уловил только боковым зрением. А гигантская, в двести футов, ель с грохотом повалилась в озеро. Пень ярко вспыхнул, невзирая на дождь.

На меня всё это подействовало как пощечина. Мозги прочистились, наверное, у меня появился последний шанс использовать их по прямому назначению. Почему я слетел по лестнице? Почему решил, что Роджетт понесла Киру к озеру, где я в тот момент находился, вместо того чтобы уйти с ней подальше от меня, на Сорок вторую дорогу?

Не задавай глупых вопросов. Она пошла сюда, потому что Улица ведет к «Уэррингтону». А в «Уэррингтоне» она и обреталась, одна, с того самого момента, как отравила тело своего босса в Калифорнию на принадлежащем ему самолете.

Она проникла в дом, пока я находился в подвале под студией Джо, вытаскивал из чрева совы жестянку, изучал ее содержимое. Она уже тогда унесла бы Ки, если б я дал ей такой шанс, но я вовремя спохватился. Поспешил в дом, боясь, вдруг что-то случилось, вдруг кто-то попытается украсть ребенка...

Роджетт разбудила ее? Ки видела ее и хотела предупредить меня, прежде чем опять заснула? Возможно. Я тогда пребывал в трансе, то есть между нами еще существовала телепатическая связь. Роджетт наверняка находилась в доме, когда я вернулся. Она даже могла прятаться в стенном шкафу в спальне северного крыла и следить за мной через щель. Какая-то часть моего сознания это знала. Эта часть чувствовала ее, чувствовала чье-то, помимо Сариного, присутствие.

А затем я снова ушел. Схватил пакет, который привез из «Саженцев и рассады», и спустился к озеру. Повернул направо, к северу. К березе, валуну, мешку с костями. Сделал то, что должен был сделать; а пока я этим занимался, Роджетт следом за мной спустилась по лестнице с Кирой на руках и повернула налево. На юг, к «Уэррингтону». У меня засосало под ложечкой, когда я понял, что, возможно, слышал Ки... даже видел ее. Та птичка, которая что-то чирикнула сквозь пелену дождя. Ки к тому времени уже проснулась, должно быть, увидела меня, увидела Джо, попыталась меня позвать. Ей удался лишь один вскрик, потому что потом Роджетт заткнула малышке рот.

Как давно это случилось? Вроде бы уже прошла вечность, но я подозревал, что это не так. Скорее, минут пять, не больше. Но много ли нужно времени, чтобы утопить маленькую девочку? Перед моим мысленным взором возникла ручка Ки, высовывающаяся из воды. Пальчики сжимались и разжимались, сжимались и разжимались... Я отогнал это мерзостное видение. И подавил желание со всех ног броситься в «Уэррингтон». Не мог я одновременно бежать и бороться с паникой.

В этот момент мне более всего хотелось почувствовать присутствие Джо. Никогда раньше, за все годы, прошедшие после ее смерти, я так остро не чувствовал одиночества. Но она ушла. Похоже, безвозвратно. Мне оставалось надеяться только на себя, и я двинулся на юг, по заваленной деревьями Улице, иногда перелезая через

стволы, продираясь сквозь листву, иногда обходил по склону. По пути я, наверное, произнес все молитвы, которые пришли на память. Но ни одна из них не могла отогнать лица Роджетт Уитмор, маячащего перед моим мысленным взором. Ее перекошенного криком, безжалостного лица.

Помнится, я еще подумал: это тот же «Дом призраков», только созданный самой природой. Мне казалось, что лес кишит нечистой силой. Первый, самый мощный удар стихии вырвал из земли одни деревья и расшатал множество других. И теперь они то и дело рушились под напором ветра и дождя. Грохот от их падения заглушал все звуки. Проходя мимо коттеджа Бэтчелдеров — округлыми обводами он напоминал шляпу, небрежно брошенную на край стула, — я увидел, что крышу срезало как ножом.

Прошагав с полмили, я заметил на тропе одну из белых лент Ки. Поднял ее, подумав о том, что красные полосы по краям очень уж напоминают кровь. Сунул в карман и продолжил путь.

Пять минут спустя я подошел к старой, поросшей мхом сосне, перегоревшей Улицу. Она рухнула совсем недавно, переломившись в нескольких футах от основания, и теперь ее крона полоскалась в озере. Ствол, однако, не оторвался от пня, держась на честном слове. Я присел на корточки, чтобы пролезть в узкий зазор между стволом и землей, и увидел свежие следы: кто-то только что прошел тем же путем. И еще я увидел вторую ленту Ки и отправил ее в карман вслед за первой.

Уже вылезая из-под сосны, я услышал, как падает очередное дерево, совсем близко. За грохотом падения последовал вскрик — не боли или страха, а удивления, даже злости. А потом, сквозь дождь и ветер, до меня донесли слова Роджетт:

— Остановись! Не ходи туда, это опасно!

Я вскочил, даже не почувствовав, как острый конец обломавшейся ветви разорвал рубашку на пояснице и царапнул кожу, и побежал по тропе. Через маленькие деревья я перескакивал, не сбавляя ходу, через те, что побольше, перелезал, не думая о царапинах и порезах. В яркой вспышке молнии я увидел сквозь деревья серую громаду «Уэррингтона». В тот день, когда я впервые повстречал Роджетт, большое здание практически полностью скрывала зеленая стена, но теперь лес напоминал лохмотья. Два громадных дерева свалились на заднюю часть дома, так что и ему требовался изрядный ремонт. Чем-то они напоминали вилку и нож, которые после завершения трапезы положили крест-накрест на пустую тарелку.

— Уходи! Не нужна ты мне, седая нанни! Уходи! — Голосок Ки звенел от ужаса, но как же он меня обрадовал!

В сорока футах от того места, где я на мгновение застыл, вслушиваясь в слова Роджетт, еще одно дерево лежало поперек Улицы. Роджетт стояла по другую сторону ствола, протягивая руку к Ки. С руки капала кровь, но смотрел я не на руку, а на Ки.

Понтонный причал между Улицей и «Баром заходящего солнца» уходил в озеро на добрых семьдесят, а то и на сто футов. Удобный такой причал, пройтись по которому в теплый летний вечер под руку с подругой или возлюбленной — одно удовольствие. Ураган еще не развалил его — пока не развалил, — но от ветра настил ходил ходуном. Мне вспомнился фильм, который я видел в далеком детстве: подвесной мостик, пляшущий над горной речкой. То же самое происходило и с причалом, соединяющим Улицу и «Бар заходящего солнца». Вода то и дело захлестывала его, причал скрипел, но держался. А вот от перил не осталось и следа. Кира уже преодолела половину хлипкого настила. Я видел по меньшей мере три черные прогалины между берегом и тем местом, где она стояла: совместными усилиями ветер и вода вышибли три доски. Металлические бочки, на которых покоился

настил, то и дело бились друг о друга. Некоторые сорвало с якоря и отнесло к берегу. Доски под Кирой гнулись, и она, чтобы сохранить равновесие, подняла ручки, словно канатоходец в цирке, балансирующий на тонком канате. Подол черной футболки обтягивал ее коленки.

— Возвращайся! — кричала Роджетт. Ее седые волосы торчали во все стороны. Черный блестящий плащ изорвался в клочья. Теперь она протягивала к Кире обе руки.

— Нет, седая нанни!

Кира затрясла головой, показывая, что возвращаться не собирается, а мне хотелось крикнуть — не трясись так головой, ты можешь упасть. Ее качнуло. Одна ручонка взлетела вверх, другая пошла вниз, в этот момент она походила на самолет, закладывающий резкий вираж. Если бы сейчас настил чуть накренился, Кира полетела бы в воду. Но она удержалась на ногах, восстановила равновесие, хотя мне и показалось, что ее босые ножки заскользили по мокрым доскам.

— Уходи, седая нанни, ты мне не нужна! Уходи... пойдешь поспи, ты очень устала!

Меня Ки не видела, она смотрела только на седую нанни. И седая нанни не видела меня. Я упал на живот, по-пластунски заполз под дерево. Раскат грома прокатился над озером, эхом отразившись от далеких гор. Вновь приподнявшись на корточки, я увидел, что Роджетт медленно приближается к причалу. Но на каждый ее шаг Кира делал свой, отступая к «Бару заходящего солнца». Роджетт протягивала к ней здоровую руку, и на мгновение мне показалось, что она тоже кровоточит. Однако я тут же понял, что на пальцах у нее не кровь, а более темная субстанция. А когда она заговорила, догадался, что это шоколад.

— Давай поиграем в нашу игру, Ки, — ворковала Роджетт. — Начнешь первой?

Она шагнула к Ки, девочка отступила на шаг, покачнулась, взмахнула ручонками, чтобы удержаться на ногах. Сердце у меня остановилось, потом продолжило бег.

И я двинулся на эту омерзительную старуху. Но не бегом. Я не хотел, чтобы она вышла из транса и сообразила, что ее ждет. Могла ли она выйти из транса? Не знаю. Меня нисколько не волновало, удастся ли ей это или нет. Черт, я же смог расколоть молотком череп Джорджа Футмена! А уж врезать этой уродине — одно удовольствие. На ходу я сжал пальцы в кулак.

— Что? Не хочешь начинать? Стесняешься?

От этого медового голосочка мне хотелось скрипеть зубами.

— Хорошо, давай я. Хлопушка. Что рифмуется с хлопущей, Ки? Зверушка... и игрушка... у тебя была игрушка, когда я пришла и разбудила тебя, верно, Ки? А как насчет того, чтобы посидеть у меня на коленях, деточка? Мы покормим друг друга шоколадом, как и прежде... Я расскажу тебе веселую сказку...

Еще шаг. Она подошла вплотную к причалу. Если б Роджетт просто хотела избавиться от Ки, то начала бы швырять в нее камни, как совсем недавно в меня, пока один из них не сбросил бы девочку в озеро. Но у нее и мыслей таких не было. За некоей чертой безумие — это дорога с односторонним движением, причем в отличие от автостреды съездов на ней нет. И в отношении Ки у Роджетт были другие планы: утопить девочку в озере собственными руками. Только так и не иначе.

— Подойди, Кира, поиграй с седой нанни. — Она вновь протянула к девочке руку с шоколадной конфетой «Херши киссес». Шоколад протекал сквозь порванную фольгу. Кира оторвала от нее взгляд и наконец-то увидела меня. Я покачал головой, как бы говоря: не выдавай меня! Но куда там. Она просияла. Выкрикнула мое имя, и я увидел, как дернулись плечи Роджетт.

Последний десяток футов я пробежал, вскинув сцепленные руки, как дубинку, но в критический момент поскользнулся на мокрой земле, а Роджетт чуть отклонилась. Поэтому мой удар пришелся не в основание черепа, а лишь скользнул по плечу. Она покачнулась,

припала на одно колено, но тут же поднялась. Глаза ее напоминали синие лампочки, только спирали в них светились не от электрического тока, а от ярости.

— Ты! — прошипела она.

А на причале Ки радостно выкрикивала мое имя, подпрыгивая на мокрых досках, взмахивая руками, чтобы сохранить равновесие. Волна перехлестнула через край причала, накрыла ее босые ступни.

— Держись, Кира! — крикнул я.

Роджетт воспользовалась тем, что я на мгновение отвлекся, повернулась и побежала к девочке. Я метнулся за ней, схватил за волосы, и они остались у меня в руке. Все. От неожиданности я даже остановился и уставился на мокрый седой скальп, облепивший мне пальцы.

Роджетт оглянулась через плечо и оскалилась — злобный лысый гном, вымоченный дождем, и я подумал: это же Дивоур, он совсем не умирал, каким-то образом он заставил эту женщину занять его место. Она покончила с собой, ее тело отправили в Калифорнию на...

Она отвернулась, но я и так все понял. К Ки бежала именно Роджетт, и напрасно я удивлялся ее сходству с Дивоуром. Просто тайное сделалось явным. Болезнь не только лишила ее волос, но и состарила. Я полагал, что ей под семьдесят. На самом же деле она была лет на десять моложе.

Многие называют своих детей схожими именами, как-то сказала мне миссис М. Макс Дивоур входил в их число, потому что назвал сына Роджером, а дочь — Роджетт. Возможно, фамилия у нее и была Уитмор — в более нежном возрасте она могла выйти замуж, но фамильное сходство не оставляло никаких сомнений в том, кто ее отец. Чтобы выполнить последнюю волю Сары, по доскам причала бежала тетя Ки.

А Ки быстро-быстро пятилась и уже не смотрела, куда ставит ножки. И я понимал, что теперь она точно сва-

лится в воду, шансов остаться на причале у нее не было. Но прежде чем девочка упала, волна ударила о причал между ней и Роджетт, ударила в том месте, где из-под досок выбило несколько бочек и причал частично погрузился в воду. Брызги и пена поднялись и закружились, превращаясь в вихрь, из тех, что мне уже доводилось видеть. Роджетт остановилась по щиколотку в воде, я остановился в двенадцати футах от нее.

Вихрь превращался в человеческую фигуру, и прежде чем я сумел разглядеть лицо, я уже видел знакомые шорты и топик. Такие бесформенные топики могли продаваться только в «Кей-марте». Я думаю, это положение закреплял федеральный закон.

Мэтти. Мэтти встала из могилы, чтобы пронзить Роджетт взглядом серых глаз. Роджетт вскинула руки, покачнулась, попыталась повернуться. В тот же самый момент волна поднырнула под причал, приподняв его, и тут же ушла, резко наклонив. Роджетт полетела в воду. А чуть дальше я увидел Ки, лежащую на веранде «Бара заходящего солнца». Должно быть, другая волна подхватила ее и перенесла в более безопасное место.

Мэтти смотрела на меня, губы ее шевелились, глаза не отрывались от моих. Я мог читать по губам Джо, но тут не сумел разобрать ни слова. Старался изо всех сил, но ничего не понимал.

— Мамо́тька! Мамо́тька!

Фигуре не пришлось поворачиваться, я видел, что под обрезом шорт ничего нет. Она просто перелетела к бару, где Ки уже поднялась на ноги и тянулась к ней ручонками.

Что-то схватило меня за ногу.

Я посмотрел вниз и увидел чудище, вылезающее из бурлящей воды. Глубоко запавшие глаза таращились на меня из-под лысого черепа. Роджетт кашляла, выплевывая воду из раззявленного рта. Губы ее стали лиловыми, словно сливы. Ее рука тянулась ко мне. Пальцы разжимались...

и сжимались. Разжимались... и сжимались. Я опустился на колено. Протянул ей руку. Она вцепилась в меня мертвой хваткой и дернула, пытаясь утащить за собой. Лиловые губы разошлись в зверином оскале, обнажив желтые зубы, такие же, что торчали в черепе Сары. Все так — я подумал, что в тот момент смеялась уже Роджетт.

Но я сумел удержаться на причале и, наоборот, с силой дернул ее руку, вытаскивая Роджетт из воды. Действовала я чисто инстинктивно, не думая о том, что делаю. Весом я превосходил ее на добрых сто фунтов, так что она на три четверти вылезла из воды, будто гигантская форель-мутант. Она закричала, наклонила голову и впиалась зубами мне в запястье. Резкая, безумная боль пронзила все тело. Я вскинул руку еще выше, а потом разом опустил. Я не хотел ударить ее, я думал только о том, как вырвать запястье из зубов этой твари. Еще одна волна ударила в причал и расщепила доску, на которую наткнулась Роджетт. Один глаз выскочил из орбиты, щепка вонзилась в нос, как кинжал, другая, как ножом, взрезала кожу на лбу, обнажив кость. А потом озеро потащило ее с причала. Еще мгновение я видел изуродованное лицо Роджетт, потом она скатилась в воду и черный дождевик укрыл ее, как саван.

А повернувшись к «Бару заходящего солнца», я увидел еще одного пришельца из потустороннего мира, но как разительно отличался он от Сары, чье лицо проступило в Зеленой Даме, или от отвратительного, страшного силуэта Твари. Кира уже стояла на веранде, вокруг валялись перевернутые столики и стулья, а перед ней едва проглядывала сквозь дождь полупрозрачная женская фигурка. Опустившись на колени, женщина протягивала к Кире руки.

Они попытались обняться, но ручонки Киры прошли сквозь Мэтти.

— Момми, я не могу тебя обнять!

Женщина заговорила, я видел, как шевелятся ее губы. А потом, всего на мгновение, Мэтти повернулась ко мне.

Наши взгляды встретились, и ее глаза были цвета озера. Она стала Темным Следом, который был здесь задолго до того, как я появился в Тэ-Эр, и останется, когда меня уже не станет. Я поднес руки ко рту, поцеловал ладони и раскрыл их к ней. Мерцающие руки Мэтти поднялись, чтобы поймать мой воздушный поцелуй.

— Момми, не уходи! — Кира обхватила ручонками полупрозрачную, сотканную из водяных капелек фигуру. Но только вымокла насквозь и отпрянула, протирая глазки и кашляя. Рядом с ней никого не было. Только вода полилась на доски, чтобы, просочившись сквозь щели, воссоединиться с озером, берущим начало от глубоких ключей, что бьют из разломов в скалистом основании, на котором покоится Тэ-Эр и эта часть нашего мира.

Осторожно, чтобы не угодить ногой в щель, чтобы не свалиться при неожиданном крене причала, я направился к «Бару заходящего солнца». А поднявшись на веранду, взял Киру на руки. Она крепко прижалась ко мне, дрожа всем тельцем.

— Пыходила Мэтти, — сообщила она.

— Знаю. Я ее видел.

— Мэтти пьогнала седую нанни.

— Это я тоже видел. Сиди тихо, Кира. Мы должны вернуться на берег. Пожалуйста, не крутись у меня на руках, а не то мы окажемся в воде.

Она замерла, как мышонок. На Улице я попытался было поставить ее на землю, но она еще крепче ухватила меня за шею. Я не возражал. Поначалу я решил подняться с ней в «Уэррингтон», но передумал. Да, там нас ждали полотенца, сухая одежда, но, возможно, и ванна с теплой водой. Опять же дождь заметно ослабел, а небо на западе просветлело.

— Что сказала тебе Мэтти, цыпленок? — спросил я, шагая по Улице на север. Ки разрешала мне опускаться на землю, когда нам приходилось проползать под деревьями, но потом снова поднимала руки, желая занять прежнее место.

— Велела быть хоёсей девотькой и не гьюстить. Но мне гьюстно. Отень гьюстно.

Она заплакала, и я погладил ее по мокрым волосам.

К тому времени как мы подошли к лестнице, Ки уже выплакалась... а на западе, над горами, я заметил маленькую, но очень яркую полосу синевы.

— Все дейевья упали. — Ки огляделась. Ее глаза широко раскрылись.

— Ну... не все, — возразил я. — Многие, но не все.

Одолев половину лестницы, я остановился, чтобы перевести дух. Но я не спросил Киру, можно ли опустить ее на землю. Мне не хотелось опускать ее на землю. Я остановился лишь для того, чтобы собраться с силами.

— Майк?

— Что? Куколка?

— Мэтти сказала мне кое-что есё.

— Что именно?

— Мозно сепнуть тебе на уско?

— Конечно, если тебе так хочется.

Ки наклонилась ко мне, приложила губы к уху и прошептала несколько слов.

Я внимательно выслушал. А потом кивнул, поцеловал ее в щечку, пересадил на другую руку и отнес в дом.

«Такой ураган бывает раз в сто лет, или ты думаешь иначе?» — «Отнюдь».

Так говорили старожилы, которые сидели перед большой армейской палаткой, раньше служившей походным госпиталем, которая в те лето и осень выполняла роль «Лейквью дженерэл». Громадный вяз рухнул на магазин и раздавил его, как банку с сардинами. Падая, вяз потащил с собой и провода. От искры вспыхнул пропан, вытекающий из поврежденного баллона, и магазин сгорел дотла. Местные, однако, предпочитали ездить за хлебом и молоком в «Мэш». Не нравились им красные кресты на крыше палатки.

Старожилы сидели на складных стульях вдоль брезентовой стены, махали руками другим старожилам, которые проезжали мимо на древних ржавых автомобилях (все уважающие себя старожилы имели если не «форд», то «шеви»), наблюдали, как дни становились короче и прохладнее, по мере того как подходило время делать сидр и выкапывать картошку, наблюдали, как город начинает отстраиваться, ликвидируя последствия стихийного бедствия. А наблюдая, они говорили о буране, который случился прошлой зимой, том самом, что оборвал все провода и обвалил миллион деревьев между Киттерли и Форд-Кентом. Говорили о циклонах, которые заделали Тэ-Эр в 1985 году. Говорили об урагане 1927 года. Вот тогда природа действительно разгулялась. Да, погуляла на славу, клянусь Богом.

Я уверен, в их словах была доля правды, и я с ними не спорю. Редко кому удастся одержать верх в споре с настоящим старожилом-янки, тем более если предмет спора — погода, но для меня ураган, пронесшийся над Тэ-Эр 21 июля 1998 года, всегда будет Ураганом с большой буквы. И я знаю одну маленькую девочку, которая испытывает те же чувства. Возможно, она доживет до 2100 года, учитывая темпы развития медицины, но я точно знаю, что для Киры Элизабет Дивоур ни один другой природный катаклизм не затмит этот ураган, во время которого ей явилась мать, одетая в озеро.

Первый автомобиль скатился по моей подъездной дорожке в шесть часов. Не патрульная машина, как я ожидал, а желтый пикап с мигалкой на крыше. За рулем сидел парень в фирменном дождевике Энергетической компании центрального Мэна, рядом с ним — коп, Норрис Риджуик, шериф округа. Он подошел к двери с револьвером на изготовку.

Изменения в погоде, о которых говорили по телевидению, уже произошли. Ледяной ветер унес тучи на во-

сток. Дождь перестал, но в лесу еще с час продолжали падать деревья. Около пяти я приготовил сандвичи с сыром и томатный суп... хоть какая-то, но еда, сказала бы Джо. Кира ела вяло, но ела, и с жадностью пила молоко. Я передел ее в другую мою футболку, а волосы она завязала в хвост. Я предложил ей белые ленты, но она решительно от них отказалась, отдав предпочтение резинке.

— Я больше не люблю эти ленты, — заявила она.

Я решил, что и мне они не нравятся, и выбросил их. Кира не возражала. А потом я направился к дровяной печке.

— Тыто ты делаешь? — Она допила второй стакан молока, слезла со стула, подошла ко мне.

— Разжигаю огонь. Что-то я продрог. Наверное, за это лето привык к жаре.

Она молча наблюдала, как я беру страничку за страничкой из стопки, которую взял на столе и положил на печку, сминаю каждую в шарик и бросаю в топку. А когда шариков набралось достаточно, остальные листы я просто положил сверху.

— Тыто написано на этих бумазках? — спросила Ки.

— Всякая ерунда.

— Это сказка?

— Да нет. Скорее... ну, не знаю. Кроссворд. Или письмо.

— Очень длинное письмо, — отметила она и привалилась к моей ноге, словно от усталости.

— Да, — кивнул я. — Любовные письма обычно длинные, но держать их дома — идея не из лучших.

— Потому?

— Потому что они... — *Могут вернуться и преследовать тебя по ночам*, эти слова вертелись у меня на кончике языка, но я их не произнес. — Потому что в дальнейшем они могут поставить тебя в неловкое положение.

— Ага.

— И потом, эти листы в чем-то схожи с твоими лентами.

Тут Кира увидела коробочку — жестянку с надписью МЕЛОЧИ ДЖО. Она лежала на длинном столе, разделявшем гостиную и кухню, не так и далеко от Безумного Кота, когда-то настенных часов. Я не помнил, как принес жестянку из студии, наверное, и не мог помнить: я же был в трансе. С другой стороны, она могла появиться в доме и сама по себе. Теперь я верю в такие чудеса. У меня есть на то основания.

Глаза Киры загорелись. Такого с ней не случилось с того самого момента, как она проснулась и узнала о смерти матери. Кира поднялась на цыпочки, чтобы дотянуться до жестянки, потом ее пальчики пробежались по буквам. Я подумал о том, как важно ребенку иметь такую вот жестянку. В ней можно хранить самые дорогие сердцу вещи: любимую игрушку, кружевную салфетку, первое украшение. А может, и фотографию матери.

— Она... такая кьясивая, — прошептала Ки, от восторга у нее перехватило дыхание.

— Можешь ее взять, только надпись на ней будет МЕЛОЧИ ДЖО, а не МЕЛОЧИ КИ. В ней лежат кое-какие бумаги, которые мне хочется прочесть, но я могу переложить их в другое место.

Она пристально посмотрела на меня, чтобы убедить-ся, что я не шучу. Увидела, что нет.

— Хойосё. — В голосе прозвучало безграничное счастье.

Я взял у нее жестянку, вытащил оттуда блокноты, записи, вырезки и вернул Ки. Она тут же сняла крышку, потом поставила на место.

— Догадайся, тьто я сюда полозу? — спросила она.

— Свои сокровища?

— Да. — Тут она даже улыбнулась. — Кто такая Дьзо, Майк? Я ее знаю? Знаю, правда? Она одна из тех, кто жил в холодильнике?

— Она... — Тут меня осенило. Я перебрал вырезки. Ничего. Я уже подумал, что потерял негатив, но тут же увидел его краешек, выглядывающий из одного из блокнотов. Вытащил его, протянул Ки.

— Тьто это?

— Фотография, на которой черное — белое, и наоборот. Посмотри на просвет.

Она посмотрела и долго не могла оторвать глаз от негатива. И я видел в ее руке мою жену, стоящую на плоту в раздельном купальнике.

— Это Джо.

— Она кьясивая. Я йада, тьто смогу хьянить свои веси в ее койботьке.

— Я тоже, Ки. — Я поцеловал ее в макушку.

Когда шериф Риджуик забарабанил в дверь, я решил, что, открыв ее, лучше сразу поднять руки вверх. Чувствовал, что нервы у него на пределе. А разрядил ситуацию удачный вопрос.

— Где сейчас Алан Пэнгхорн, шериф?

— В Нью-Хемпшире. — Риджуик опустил револьвер (через минуту или две он механически сунул его в кобур). — У них с Полли все нормально. Только ее донимает артрит. Это, конечно, неприятно, но и у нее выдаются хорошие дни. Если болезнь иногда отступает, не такая уж она и страшная. Мистер Нунэн, у меня к вам много вопросов. Вы это знаете, не так ли?

— Да.

— Первый и главный: ребенок у вас? Кира Дивоур?

— Да.

— Где она?

— Сочту за счастье показать ее вам.

Мы прошли коридором в северное крыло и остановились у двери спальни. Девочка сладко спала, укрытая до подбородка одеялом. Набивную собачку она сжимала в руке: с одной стороны кулачка торчал ее грязный хвост, с другой — нос. В дверях мы стояли долго и молча, смотрели на ребенка, спящего в вечернем свете. Деревья в лесу падать перестали, хотя ветер еще и не стих. Он завывал в трубе «Сары-Хохотушки», выводя ему одному ведомую древнюю мелодию.

ЭПИЛОГ

На Рождество снега навалило никак не меньше шести дюймов. И уличные артисты, развлекающие жителей Санфорда, выглядели точь-в-точь как в фильме «Эта прекрасная жизнь». В четверть второго утра, двадцать шестого декабря, когда я вернулся, в третий раз проверив, спит ли Кира, снегопад прекратился. Луна, огромная и сияющая, проглянула сквозь разрывы облаков.

На Рождество я вновь приехал к Френку, и бодрствовали только он да я. Все дети, включая Киру, спали как убитые, сваленные на кровать новыми впечатлениями, обильной едой и водопадом подарков. Френк добивал третий стакан виски, я едва пригубил первый. В те дни, когда Кира приезжала ко мне, я обычно не прикасался даже к пиву. А тут она была со мной три дня... но если ты не можешь провести со своим ребенком Рождество, то зачем оно вообще нужно?

— С тобой все в порядке? — спросил Френк, когда я вновь сел и поднес ко рту стакан.

Я улыбнулся. Он интересовался не Кирой, а мной. Должно быть, что-то прочитал на моем лице.

— Тебе бы увидеть меня в тот октябрьский уик-энд, когда Департамент социальных вопросов разрешил мне взять ее на три дня. Я заглядывал к ней в спальню с десятков раз, до того как лег спать... и потом тоже. Вставал и заглядывал в дверь, прислушиваясь к ее дыханию. В ночь на субботу вообще не сомкнул глаз, в следующую

спал от силы часа три. Так что в сравнении с прошлым для меня это большой прогресс. Но, если ты проболтаешься, Френк, если то, что я тебе рассказал, выйдет наружу, особенно эпизод с ванной, которую я наполнил теплой водой, перед тем как ураган окончательно добил генератор, я могу распрощаться с надеждой получить опеку. Возможно, мне придется трижды заполнять многостраничную анкету, чтобы получить разрешение присутствовать на ее школьном выпускном вечере.

Я не собирался рассказывать Френку о том, как наполнял ванну, но, начав, уже не мог остановиться. Выложил все. Чтобы облегчить душу. Полагаю, Джон Сторроу тоже имел право выслушать мою исповедь, но Джон не хотел говорить о событиях того дня, во всяком случае, вне рамок судебного процесса о праве опеки над Кирой Элизабет Дивоур.

— Буду нем как рыба. Как у тебя с удочерением?

— Очень уж все медленно. Я просто возненавидел судебную систему штата Мэн, да и Департамент социальных вопросов. Когда разговариваешь с людьми, работающими в этих бюрократических гадючниках, один на один, они вроде бы вполне нормальные, но стоит им собраться вместе...

— Значит, все плохо?

— Я иногда чувствую себя персонажем «Холодного дома». Который у Диккенса говорит, что в суде выигрывают только адвокаты. Джон советует мне набраться терпения и молиться, потому что мы достигли невероятных успехов, учитывая, что я принадлежу к той категории американских граждан, которая вызывает наименьшее доверие у любого здравомыслящего чиновника: белый, неженатый, средних лет. Но Кира после смерти Мэтти пожила уже в двух семьях и...

— Разве у нее нет родственников в окрестных городах?

— Тетя Мэтти. Но она и при жизни Мэтти знать Киру не хотела, а уж теперь тем более не проявляет к ней интереса. Особенно после того...

— ...как узнала, что богатой Ки не быть.

— Именно.

— Насчет завещания Дивоура эта Уитмор солгала?

— Целиком и полностью. Он оставил все свое состояние фонду, который ставит своей задачей достижение всеобщей компьютерной грамотности. Учитывая, что в мире масса неотложных проблем, на решение которых нет денег, это не самый удачный выбор.

— А как Джон?

— Его подлатали, хотя правая рука еще не такая, как раньше. Он чуть не умер от потери крови.

Френк довольно ловко, учитывая, что от третьего стакана виски осталось совсем ничего, увел меня от проблемы, на которой я совершенно заиклился: Ки и опека. Но с другой стороны, я не имел ничего против. Самому хотелось переключиться на что-то другое. Я просто сходил с ума от мыслей о тех долгих днях и ночах, которые приходилось проводить Кире в домах, куда Департамент социальных вопросов определял таких вот сирот, как она. Никому не нужных. Кира не хотела там жить, она там просто существовала, как существует в клетке накормленный кролик. И оживала она, лишь увидев мой автомобиль. Тут она начинала плясать, как Снупи* на своей конуре. Наш октябрьский уик-энд прошел изумительно, пусть я каждые полчаса и проверял, как она спит. А Рождество принесло еще больше радости. Именно ее ярко выраженное желание жить в моем доме более всего остального помогало продвижению судебного разбирательства... но как медленно оно продвигалось.

Может, весной, Майк, обнадеживал меня Джон. Он стал другим Джоном, бледным и серьезным. От той бравады, которую он демонстрировал, готовясь схлестнуться с мистером Макссуэллом Большие Деньги, не осталось

* Добрый мечтательный песик, персонаж комиксов, созданный художником Чарлзом Шульцем в 1950 г. Популярная собачья кличка.

и следа. Двадцать первого июля Джон узнал много нового как о бренности всего живого, так и о жестоком идиотизме мира. Человек, которому приходится здороваться левой, а не правой рукой, уже не думает о том, чтобы веселиться до упаду. Он теперь встречается с девушкой из Филадельфии, дочерью одной из подруг матери. Я не знаю, серьезные у него намерения или нет, потому что дядя Джон, как называет его Ки, предпочитает помалкивать об этой стороне своей жизни. И по моему разумению, намерения у него самые серьезные, иначе молодой, самостоятельный, финансово ни от кого не зависящий человек ни за что не стал бы по собственному выбору встречаться с дочерью подруги матери.

Может, весной. Раньше он говорил: в конце осени или в начале зимы. Что я делаю не так? — этот вопрос я задал ему, получив очередной отказ, аккуратно после Дня благодарения.

«Ничего, — ответил он. — Судебные процессы об усыновлении или, как в нашем случае, об удочерении, родителем-одиночкой всегда тянутся очень долго. Особенно в том случае, если речь идет о приемном отце». При этом Джон проиллюстрировал свои слова непристойным жестом: сунул указательный палец левой руки в кольцо, образованное большим и указательным пальцами правой. Вынул, вновь сунул, опять вынул.

«Это откровенная дискриминация по половому признаку, Джон».

«Да, но в этом есть своя логика. А вину, если хочешь, можешь возложить на любого извращенца, решившего, что имеет право стянуть трусики с ребенка. Или на босанову, танец любви. Процесс этот медленный, но в итоге ты выйдешь из него победителем. У тебя незапятнанная репутация, Кира твердит «Я хочу жить у дяди Майка» всем судьям и сотрудникам ДСВ, у тебя достаточно денег, чтобы не отступаться, как бы они ни пытались тянуть резину, сколько бы новых бланков ни просили тебя заполнить... а главное, дружище, у тебя есть я».

У меня было кое-что еще — те слова, которые Кира прошептала мне на ухо, когда я остановился на лестнице, чтобы перевести дух. Джону я об этом не говорил, утаил и от Френка.

«Мэтти говойит, тьто тепей я твоя маленькая птителька, — прошептала Кира. — Мэтти говойит, тьто ты будесь заботиться обо мне».

Я и старался, в той мере, в которой мне это позволяли копуши из ДСВ, но ожидание давалось мне нелегко.

Френк взял со стола пустой стакан, выразительно посмотрел на мой, потом на меня. Я покачал головой. Кира выразила желание слепить снеговика, и мне не хотелось, чтобы утром, когда мы выйдем на искрящийся под лучами солнца снег, у меня болела голова.

— Френк, ты веришь в то, что я тебе рассказал?

Он налил себе виски, помолчал, уставившись в стол. Думал. А когда поднял голову, на его губах играла улыбка. У меня защемило сердце: точно так же улыбалась и Джо. А потом он заговорил:

— Разумеется, верю. Полупьяные ирландцы верят всему, что рассказывают им в рождественскую ночь. Я же знаю, что ты у нас не из выдумщиков-фантазеров.

Я рассмеялся, он присоединился ко мне. Смеясь, мы старались дышать через нос, чтобы не перебудить весь дом.

— Ну правда. Хоть чему-то ты поверил?

— Всему, — подчеркнул он. — Потому что в это верила Джо. Да и она тому доказательство. — Он мотнул головой в сторону лестницы на второй этаж, и я понял, кого он имеет в виду. — Она не похожа на других маленьких девочек. С виду вроде бы такая же, как все, но глаза другие. Поначалу я подумал, что причина тому — трагическая смерть матери, но дело не в этом. Есть что-то еще, правда?

— Да.

— В тебе это тоже есть. Случившееся отразилось на вас обоих.

Я подумал о том чуде, которое Джо удалось не подпустить ко мне, пока я выливал щелок на кости Сары и Кито. Потусторонний, так она его назвала. Я не разглядел его, и, может, оно и к лучшему. Может, мне надо возблагодарить за это Господа Бога.

— Майк? — В голосе Френка послышалась тревога. — Ты весь дрожишь.

— Все в порядке, — ответил я. — Честное слово.

— И как тебе теперь живется в коттедже?

Я окончательно перебрался в «Сару-Хохотушку». Тянул до ноября, а потом выставил дом в Дерри на продажу.

— Теперь там спокойно.

— Спокойно?

Я кивнул, хотя и грешил против истины. Пару раз я просыпался с чувством, о котором упоминала Мэтти: будто в кровати лежал кто-то еще. Но опасности я не ощущал. Пару раз я улавливал (во всяком случае, мне казалось, что улавливаю) запах духов Джо. А иногда ни с того ни с сего звякал колокольчик Бантера. Словно кто-то передавал мне привет из далекого далека.

Френк взглянул на часы, на меня, на его лице появилось виноватое выражение.

— У меня есть еще несколько вопросов... ничего?

— Если уж не ложиться спать допоздна, то лучшей ночи, чем рождественская, не найти. Выкладывай.

— Что ты рассказал полиции?

— Мне в общем-то ничего не пришлось рассказывать. Футмен дал показания, которые вполне устроили Норриса Риджуика. Футмен сказал, что он и Осгуд, за рулем сидел Осгуд, риелтор Дивоура, устроили побоище у трейлера под давлением Дивоура. Он обещал им крупные неприятности, если они в точности не выполнят его указаний. Среди бумаг Дивоура в «Уэррингтоне» копы нашли копию платежного поручения о переводе двух миллионов долларов на некий счет в банке «Гранд Гэйманс», открытый на имя Рэндолфа Футмена. Рэндолф —

второе имя Джорджа. В настоящее время мистер Футмен пребывает в тюрьме Шоушенк.

— А Роджетт?

— Уитмор — девичья фамилия ее матери, но, думаю, я не ошибусь, сказав, что ее сердце принадлежало отцу. Она заболела лейкемией. Диагноз поставили в 1996 году. Для людей ее возрастной группы, а она умерла в пятьдесят семь лет, болезнь в двух случаях из трех приводит к летальному исходу. Она прошла курс лучевой терапии. Отсюда и парик.

— Почему она пыталась убить Киру? Я этого не понимаю. Если ты разрушил чары Сары, уничтожив ее кости, снял проклятие... чего ты на меня так смотришь?

— Ты бы все понял, если бы хоть раз пообщался с Дивоуром. Этот человек перед отъездом в солнечную Калифорнию поджег леса Тэ-Эр. Можно сказать, попрощался. Я подумал о нем, как только сорвал парик с ее головы. Подумал о том, что он по-прежнему жив, а в Калифорнию отправили тело Роджетт. И лишь потом пришла мысль: да нет, это Роджетт, только без волос.

— И ты оказался прав. Собственные волосы вылезли у нее от облучения.

— И не прав одновременно. Теперь я знаю о призраках гораздо больше, чем раньше, Френк. Может, первое впечатление самое верное, как и первая мысль... В тот день я видел его. Дивоура. Он вернулся. Я в этом уверен. И дело тут не в Саре, не в нем. Даже не в Кире. Просто он привык брать то, что хотел. Как повелось с того самого дня, когда он утащил снежокат Скутера Ларриби.

В комнате воцарилась тишина. Такая глубокая, что я даже услышал, как дышит дом. Знаете, его дыхание можно услышать. Если действительно слушать. Среди прочего теперь я знаю и это.

— Господи, — наконец выдохнул Френк.

— Я не думаю, что Дивоур вернулся из Калифорнии, чтобы убить ее, — уточнил я. — Первоначальный план был другим.

— Каким же? Поближе познакомиться с внучкой? Навести мосты?

— Да нет же. Ты до сих пор не понимаешь, что это был за человек.

— Тогда объясни.

— Монстр. Он вернулся, чтобы купить ее, но Мэтти продавать дочь отказалась. И уже потом, попав под влияние Сары, он начал готовить смерть Киры. И я полагаю, что Сара не могла на него пожаловаться.

— Скольких она убила? — спросил Френк.

— Точно не знаю. Да и не хочу знать. Если исходить из записей Джо и газетных вырезок, как минимум четверых... я говорю о прямых убийствах, совершенных в период от девятьсот первого до девятьсот девяносто восьмого года. Все дети, с именами, начинающимися на «К», все самые близкие родственники тех, кто убил ее и Кито.

— Боже мой!

— Я не думаю, что Бог имеет к этому хоть малейшее отношение... но она заставила их заплатить по счету.

— Тебе ведь ее жалко, а?

— Да. Я бы разорвал ее в клочья, не позволил бы прикоснуться к Ки. Но мне ее жалко. Ее изнасиловали и убили. Ее ребенка утопили. Господи, да как же не пожалеть ее?

— Пожалуй, ты прав. Майк, а что ты знаешь о втором мальчике? Плачушем? Который умер от заражения крови?

— Большая часть записок Джо посвящена именно этому моменту, собственно, его смерть и послужила для нее отправной точкой. Ройс Меррилл хорошо знал эту историю. Плачущего мальчика звали Рег Тидуэлл-младший. Надо помнить, что к сентябрю 1901 года, когда «Ред-топы» последний раз сыграли в округе Касл, практически все жители Тэ-Эр знали, что Сару и ее сына убили. Догадывались они и о том, кто убийцы.

В тот август Ред Тидуэлл неоднократно обращался к тогдашнему шерифу округа, Неемии Баннерману. Сна-

чала, чтобы найти их, если они заблудились: Тидуэлл просил шерифа организовать масштабные поиски, потом — чтобы найти их тела, наконец, чтобы найти убийц... потому что, смирившись с тем, что они мертвы, он не сомневался, что их убили.

Баннерман поначалу отнесся к нему сочувственно. Собственно, все население округа им сочувствовало. И вообще, с момента появления «Ред-топов» в Тэ-Эр их разве что не носили на руках. Такое отношение более всего и бесило Джереда. И я думаю, можно простить Сынка Тидуэлла за роковую ошибку.

— Какую?

Его беда в том, что он решил, будто Марс — это рай, подумал я. Должно быть, Тэ-Эр действительно казался им раем, до того дня, как Сара и Кито пошли на прогулку и не вернулись.

Они-то думали, что наконец нашли место, где можно быть черным и дышать *полной грудью*.

— Он решил, что в критической ситуации к ним будут относиться как к равным, потому что, пока все было хорошо, они не чувствовали ни малейшей дискриминации. А вместо этого весь Тэ-Эр выступил против них единым фронтом. Почему они вступились за Джереда и его шестерок, сейчас, конечно, не узнать, но, когда ставки сделаны...

— Ты защищаешь себе подобных, стираешь грязное белье за закрытой дверью, — пробормотал Френк, допивая стакан.

— Да. И к тому времени как «Ред-топы» сыграли на Фрайбургской ярмарке, жители их маленького поселка на берегу озера уже начали разбегаться. Все это, как ты понимаешь, я почерпнул из записей Джо. В обеих книгах по городской истории упоминания об этом нет.

Ко Дню труда началось активное вытеснение «Ред-топов» из округа, так, во всяком случае, сказал Джо Ройс. С каждым днем давление усиливалось, «Ред-топы» чув-

ствовали надвигающуюся беду, но Сынок Тидуэлл не хотел уезжать, не узнав, что произошло с его сестрой и племянником. Именно семейные узы удерживали его в Тэ-Эр, хотя многие уже отбыли в другие места.

А потом кто-то поставил капкан. В миле на восток от луга, который теперь зовется лугом Тидуэлл, была поляна. На лугу стоял большой крест. Джо его нарисовала. Картина висит в ее студии. Около креста черные проводили богослужения после того, как перед ними закрылись двери местных церквей. Мальчик, младший, частенько навещался на эту поляну. Охотился или просто сидел, размышлял. В Тэ-Эр об этом знали многие. Вот кто-то и поставил капкан на тропинке, по которой ходил мальчик. От луга к поляне. И замаскировал капкан листьями и хвоей.

— Господи; — выдохнул Френк. Его аж перекосило.

— Скорее всего поставил капкан не Джеред Дивоур или кто-то из его прихвостней. Думаю, после убийства Сары и Кито они старались держаться подальше от негров. Возможно, этот человек не входил в число их друзей. После убийства друзей у них осталось наперечет. Причина в том, что Сынок Тидуэлл и те, кто остался с ним, никак не могли понять, что присутствие их у озера нежелательно, что их больше не любят, что их желание докопаться до истины вызывает неприязнь. Вот кто-то и поставил на тропинке капкан. Не для того, чтобы убить подростка. Скорее его хотели просто изувечить. В наказание папаше. Пусть прыгает на костылях и служит ему постоянным укором. Чтобы знал, что негоже плевать против ветра.

Замысел удался. Мальчишка угодил в капкан... и довольно-таки долго его не могли найти. Должно быть, боль едва не свела его с ума. А потом началось заражение крови. Он умер. Сынок сдался. У него были другие дети; он нес ответственность за людей, которые оставались с ним. Они собрали одежду, взяли гитары и отбыли. Джо выяснила, что многие отправились в Северную Кароли-

ну, где до сих пор живут их потомки. А во время пожара 1933 года, устроенного Максом Дивоуром, сгорели построенные ими дома.

— Я не понимаю, почему не нашли тела Сары и ее сына, — нарушил долгую паузу Френк. — Я понимаю, что зловоние, которое ты ощутил, — это из области психологии. Но ведь в то время... если по Улице, как ты говоришь, ходили толпой...

— Дивоур и его шенки поначалу не захоронили Сару и Кито там, где я нашел их скелеты. Они оттащили тела глубоко в лес. Может, туда, где сейчас стоит северное крыло «Сары-Хохотушки». Забросали ветками, но той же ночью вернулись. Наверняка той же ночью, иначе на запах крови и мертвечины сбежалось бы все окрестное зверье. Потом отнесли в какое-то другое место, завернули в парусину и закопали. Где, Джо не знала, но я предполагаю, что на Боуи-Ридж, где в то лето они валили лес. Сам понимаешь, места там были тихие, случайный человек в такую глушь не забредал. Должны были они где-то зарыть тела. Почему не там?

— Тогда как... почему...

— Не только Дрейпера Финни преследовали видения того, что они совершили. Они преследовали всех. Не давали им ни минуты покоя. Кроме, возможно, Джереда Дивоура. Он прожил еще десять лет, не испытывая ни малейших неудобств. А вот парням снились кошмары, они слишком много пили, постоянно ввязывались в драки... свирепели, стоило кому-то упомянуть про «Ред-топов».

— С тем же успехом каждый из них мог повесить на грудь плакат: «БЕЙТЕ МЕНЯ, Я ВИНОВАТ», — прокомментировал Френк.

— Да. Не способствовало улучшению их настроения и еще одно обстоятельство: в Тэ-Эр их начали сторониться. А потом Финни умер, покончил с собой, бросившись с обрыва в каменоломню, и у шенков Джереда возникла идея. Глупая, конечно, но они не могли думать ни о чем

другом. Заключалась она в следующем: если зарыть тела в землю там, где все и случилось, все придет в норму.

— Джеред с ними согласился?

— Судя по записям Джо, к тому времени они обходили его за милую. Короче, они вырыли мешок с костями, без помощи Джереда Дивоура, и перезахоронили в том месте, где я его и нашел. Думаю, произошло это в конце осени или в начале зимы 1902 года.

— Она ведь хотела туда вернуться? Сара. Чтобы как следует взяться за них.

— И за всех остальных. Тех, кто жил в Тэ-Эр. Джо тоже так думала. Именно поэтому она и не хотела больше жить в «Саре-Хохотушке». Особенно после того, как забеременела. Как же она, должно быть, перепугалась, когда я сказал ей, что хочу назвать нашего будущего ребенка Ки! Но я ничего не замечал.

— Сара думала, что сможет убить Ки твоими руками, если Дивоур откинет коньки, не успев завершить начатое. Все-таки древний, тяжело больной старик. Джо ставила на то, что ты ее спасешь. Такова твоя версия, верно?

— Да.

— Так она казалась права.

— Один я бы не справился. С той ночи, когда я увидел поющую Сару, Джо постоянно помогала мне. Сара не смогла ее нейтрализовать.

— Да уж, остановить Джо не так-то легко, — согласился Френк и вытер глаза. — А что ты узнал о своей троюродной бабушке? Той, что вышла замуж за Остера?

— Бриджет Нунэн Остер. Для подруг — Брайди. Я спросил мать, и она клянется, что она ничего не знает, что Джо никогда не спрашивала ее о Брайди, но, думаю, она может и лгать. Эта девушка всегда считалась в семье «паршивой овцой», я это сразу понял по тому, как изменился голос матери, стоило мне упомянуть имя Брайди. Так что я понятия не имею, где и как она встретила Бентона Остера. Может, он приехал в Праутс-Нек в гости к друзьям и на танцульках начал флиртовать с ней. По-

чему нет? В 1884 году ему было двадцать три, ей — восемнадцать. Они поженились. А через шесть месяцев родился Гарри, тот самый, что утопил Кито Тидуэлла.

— То есть в тот момент ему только-только исполнилось семнадцать, — ахнул Френк. — Святой Боже!

— К тому времени его мать стала глубоко религиозной женщиной. И он утопил Кито, в частности, и потому, что ужасно боялся огласки. Он не мог допустить, чтобы мать узнала о его участии в изнасиловании. Еще вопросы, Френк? Уже поздно, пора и на боковую.

Какое-то время он молчал, и я уже решил, что вопросы иссякли.

— Еще два. — Мои ожидания не оправдались. — Не возражаешь?

— Деваться мне некуда. Слушаю тебя.

— Этот Потусторонний, о котором ты упоминал. Мне как-то не по себе.

Я промолчал. Потому что и мне было как-то не по себе.

— Ты думаешь, есть шанс, что он может вернуться?

— Такой шанс есть всегда, — ответил я. — Не побоюсь показаться высокопарным и скажу, что Потусторонний может прийти к каждому из нас. Потому что все мы — мешки с костями. А Потусторонний... Френк, Потусторонний хочет получить то, что в мешке.

Он обдумал мои слова, заглянул в стакан и допил немногие капли, что еще оставались на дне.

— У тебя есть еще один вопрос?

— Да, — кивнул он. — Ты начал писать?

Несколько минут спустя я поднялся наверх, проверил, спит ли Ки, почистил зубы и забрался в кровать. Я лежал и смотрел в окно, на снег, поблескивающий под бледной луной.

«Ты начал писать?»

Нет. Если не считать довольно-таки длинного эссе о том, как я провел лето, которое, возможно, я когда-ни-

будь покажу Кире, я ничего не написал. Я знал, что Гарольд нервничает, и полагал, что рано или поздно мне придется позвонить ему и сказать то, о чем он, должно быть, догадывается: машина, которая так размеренно работала, остановилась. Не сломалась, мемуары-то я написал на одном дыхании, но тем не менее остановилась. В баке есть бензин, свечи искрят, аккумулятор заряжен, а вот движения нет. Так что я накрыл ее тентом. Она очень хорошо служила мне, и я не хочу, чтобы она запылела.

Одна из причин — смерть Мэтти. Как-то осенью мне пришла мысль о том, что в двух моих книгах есть схожие эпизоды, да и вообще в произведениях масскультуры очень уж живописуется смерть. Перед тобой возникает моральная дилемма, которую ты не можешь разрешить? Главный герой испытывает сексуальное влечение к женщине, которая слишком молода для него? Нужно что-то менять? Проще простого. «Когда сюжет начинает буксовать, пригласите человека с пистолетом», — говорил Раймонд Чандлер. Часто того же принципа придерживается и государство.

Убийство — худший вид порнографии, убийство — крайнее средство, предел. И я уверен, что даже выдуманные убийства следует воспринимать серьезно. Может, это еще одна идея из тех, что пришли ко мне прошедшим летом. Может, я это осознал, когда Мэтти билась в моих руках, истекая кровью, зовя дочь. И меня мутит от мысли о том, что я мог описать такую жуткую смерть в книге.

А может, я сожалею о том, что мне не удалось побыть подольше с Мэтти.

Я помню, как говорил Кире, что оставлять любовные письма — идея не из лучших. При этом я подумал, но не сказал почему: чтобы они не являлись тебе, словно призраки. Но призраки все равно являлись мне... Я больше не хотел плодить новых призраков и по своей воле закрыл свою книгу грез. Думаю, я мог бы полить эти грезы щелком, но вот тут я удержал свою руку.

Я увидел то, чего не ожидал увидеть, ощутил то, чего не ожидал ощутить, — но все это не идет ни в какое сравнение с теми чувствами, что я испытываю по отношению к ребенку, который спит сейчас в комнате напротив. Она теперь моя маленькая птичка, а я — ее большой защитник. А все остальное — ерунда.

Томас Харди, который вроде бы сказал, что самый блестяще выписанный книжный персонаж — не более чем мешок с костями, перестал писать, закончив роман «Джуд Незаметный», перестал писать прозу, хотя находился в расцвете сил и таланта*. Еще лет двадцать он писал стихи, а когда кто-то спросил его, почему он более не пишет романов, Харди ответил, что до сих пор не понимает, почему так долго их писал. В ретроспективе написание романов — глупость, добавил он. Бессмыслица. Я точно знаю, что он хотел этим сказать. В том временном диапазоне, что лежит между настоящим и тем отдаленным моментом, когда Потусторонний вспомнит обо мне и решит, что пора возвращаться, следует уделить побольше внимания более серьезным и интересным, в сравнении с погоней за тенями, делам. Думаю, я мог бы вновь вслушиваться, как *гремят цепями за стеной* «Дома призраков», но не испытываю ни малейшего желания. Призраками я сыт по горло. Лучше я постараюсь представить себе, а что бы подумала Мэтти о Бартлби из рассказа Мелвилла.

Я отложил свое перо. И пока не намерен прикасаться к нему.

Сентер Лоувелл, штат Мэн
25 мая 1997 г. — 6 февраля 1998 г.

* Томас Харди прожил долгую жизнь (1840–1928), а романы действительно перестал писать рано («Джуд Незаметный» был опубликован в 1896 г.). Он вошел в историю и как писатель, и как один из крупнейших лирических поэтов XX столетия.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен

Мешок с костями

Роман

Ответственный редактор А. Батурина
Компьютерная верстка: Р. Рыдалин

Подписано в печать 20.11.2017. Формат 84x108 1/32
Усл. печ. л. 33,6. Тираж 5000 экз. Заказ № 11150.

ООО «Издательство АСТ»
129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39

Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-
талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ.,
Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

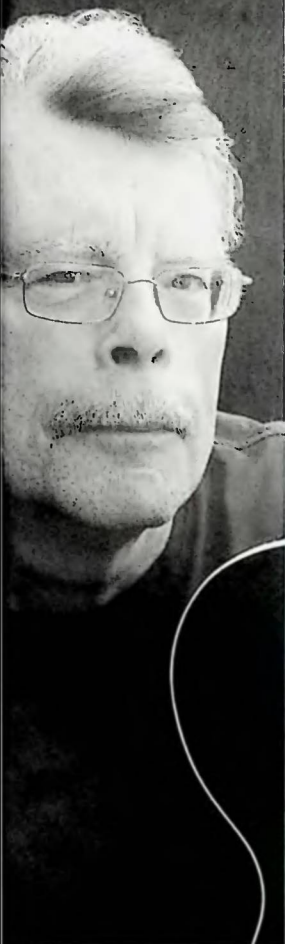

ISBN 978-5-17-106936-0

9 785171 069360 >

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.

Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Роман Стивена Кинга, удостоенный премий Брэма Стокера, «Локус», а также Британской премии фэнтези. Сайт «Amazon» включил «Мешок с костями» в список лучших книг второго тысячелетия, где она занимает семьдесят третье место. В США только первый тираж романа составил 1 400 000 экземпляров!

Добро пожаловать в маленький тихий городок, куда приезжает писатель Майк Нунэн в надежде залечить душевные раны после смерти жены.

Добро пожаловать в его уютный дом, где обитают призраки.

Добро пожаловать на озеро Темный След, где из года в год при загадочных обстоятельствах гибнут люди.

Похоже, этот городок находится во власти Темных Сил, решает Майк. Но сможет ли он разобраться, что здесь происходит на самом деле — и чем ему придется ради этого пожертвовать?

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-106936-0

9 785171 069360